

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ТОМСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Книга XXV.

ТОМСКЪ.

Паровая типо-литогр. П. П. Макушина. Благовѣщенск. пер. соб. домъ.

1905.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ТОМСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Книга XXV.

ТОМСКЪ.

Паровая типо-литогр П. Н. Макушина, Благовѣщенск. цер. соб. домъ

1905.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ КНИГИ.

	Стр.
I. В. Михайловскій. Основные принципы организаціи уголовнаго суда. Уголовно-политическое изслѣдованіе	1—336
I. Малиновскій. Вопросы права въ сочиненіяхъ А. П. Чехова. Докладъ, читанный въ засѣданіяхъ Томскаго Юридическаго Общества 9 и 30 октября 1904 года	1—93
I. Малиновскій. Университетъ въ сочиненіяхъ А. П. Чехова	1—25
Д. Е. Лаппо. Общественное управленіе Минусинскихъ инородцевъ	1—70
Д. Бѣликовъ. Томскій расколъ	1—67

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ТОМСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Книга XXV.

ТОМСКЪ.

Наровая типо-литогр. П. П. Макушина. Благовѣщенск. мер. соб. домъ

1905.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

Ректоръ, проф. Курловъ.

І. В. Михайловскій.

Приватъ-доцентъ Томскаго Университета,
Преподаватель законовѣдѣнія Томскаго Технологическаго Института.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ
ОРГАНИЗАЦИИ
УГОЛОВНАГО СУДА.

УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ.

Quid sunt regna, remota justitia,
nisi magna latrocinia?

Августинъ.

ТОМСКЪ.

Паровая типо-литографія П. П. Макушина, Благовѣщенск. пер., с. д.

1905.

Печатано по постановленію Юридическаго факультета
Императорскаго Томскаго Университета.

Посвящается

ПАМЯТИ НЕЗАБВЕННОГО УЧИТЕЛЯ

Бориса Николаевича

Чичерина.

Предисловіе.

Предметъ настоящей книги меня глубоко интересуеть уже пятнадцать лѣтъ. Большая часть моихъ мелкихъ работъ представляетъ собою этюды къ выпускаемой нынѣ въ свѣтъ книгѣ, являющейся результатомъ долгихъ размышленій, чтеній, упорнаго труда по изученію литературы и пятнадцатилѣтнихъ личныхъ наблюденій судебной жизни (весьма мнѣ близкой) въ разныхъ мѣстахъ Россіи, дополненныхъ нѣкоторыми личными наблюденіями иностранныхъ судебныхъ порядковъ.

Думаю, что все это даетъ мнѣ право предложить свою работу вниманію публики и надѣяться, что работа эта, проникнутая горячею любовью къ предмету и искреннимъ желаніемъ содѣйствовать улучшенію судебныхъ порядковъ, принесетъ свою небольшую долю пользы. Читатель не найдетъ въ моей книгѣ никакихъ новыхъ теорій. Но мнѣ кажется, что каждый добросовѣстный ученый, работавшій надъ темой долго и съ любовью, можетъ надѣяться, что его скромная книга дастъ читателю не лишенная интереса мысли, болѣе ясное освѣщеніе нѣкоторыхъ теорій, болѣе точное расчлененіе тѣхъ или иныхъ ученій, болѣе подробное обоснованіе нѣкоторыхъ положеній. Быть можетъ специалисты согласятся признать, что мои старанія отчетливо и рѣзко поставили вопросъ о роли суда въ государственной жизни, подчеркнуть его отношеніе къ принудительнымъ функціямъ власти, имѣютъ нѣкоторое научное значеніе.

Изъ заголовка книги видно, что я имѣлъ въ виду не всестороннее изслѣдованіе темы, а лишь изслѣдованіе съ точки зрѣнія уголовно-политической. Въ первой части книги я старался выяснитъ роль суда въ государственной жизни, во второй—изслѣдовать, какъ надо организовать судъ, чтобы онъ могъ выполнять

свою роль, и наконецъ, въ третьей—въ общихъ чертахъ разсмотрѣны отечественные судебные порядки съ точки зрѣнія принциповъ, изложенныхъ въ первыхъ двухъ частяхъ.

Выпуская въ свѣтъ книгу, недостатки которой я хорошо вижу, я считаю своимъ долгомъ выразить чувства глубочайшей благодарности проф. Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскому, подъ руководствомъ котораго я работалъ по уголовному праву, и Б. Н. Чичерину, цѣнными указаніями котораго по общимъ вопросамъ права и философіи я пользовался. Пусть посвященіе этой книги *) памяти Бориса Николаевича будетъ моимъ скромнымъ вѣнкомъ на могилу этого замѣчательнаго человѣка и ученаго, при мысли о смерти котораго я сегодня испытываю такое же тяжелое чувство, какое испыталъ въ прошломъ году, узнавъ о столь тяжелой потерѣ для русскаго общества и науки!

Томскъ
29 іюня 1905 г.

*) Основой для нея послужилъ напечатанный мною въ 1899 году этюдъ: „Къ вопросу объ уголовномъ судѣ“, на который по моей просьбѣ Б. Н. Чичеринъ сдѣлалъ (послужившій началомъ нашихъ личныхъ отношеній) рядъ замѣчаній.

Часть I.

Часть I.

ГЛАВА I.

Есть слова, которыя никогда не потеряют своего обаянія для человѣка. И едва ли не первое мѣсто среди этихъ словъ занимаетъ слово: свобода. Въ самомъ дѣлѣ, — свобода имѣетъ для человѣка абсолютную цѣнность *), она есть источникъ всей его духовной дѣятельности, то начало, благодаря которому личность становится самостоятельнымъ центромъ явленій жизни и активнымъ участникомъ прогресса. Въ сущности нѣтъ и не можетъ быть для человѣка блага болѣе цѣннаго, чѣмъ благо, заключающееся „въ полномъ обладаніи cadaго собственной личностью, въ правѣ по своему мыслить, вѣрить, молиться, по произволу соединяться съ другими или дѣйствовать особнякомъ, т. е. блага личной свободы“ **). Никакая потеря не можетъ быть болѣе чувствительна для человѣка, чѣмъ потеря свободы, ни къ чему онъ такъ страстно не стремится, какъ къ обезпеченію себѣ возможно большей степени свободы. Это проявляется во всѣхъ областяхъ дѣятельности человѣка и служитъ критеріемъ для оцѣнки любого положенія.

Неудивительно, что девизъ „свобода“ оказываетъ такое могучее дѣйствіе на людей, неудивительно, что ради этого девиза принесли и будутъ приноситься такія жертвы.

Но „кто хочетъ быть истиннымъ служителемъ свободы, тотъ долженъ знать, въ чемъ состоитъ ея сущность, откуда она истекаетъ, каковы ея требованія и условія, какимъ образомъ она сочетается съ другими вѣчными началами общественной жизни“ ***).

Если какой нибудь грубый и распущенный человѣкъ, руководствуясь принципомъ: „у себя дома я имѣю право дѣлать все, что захочу“, устраиваетъ ночью шумныя собранія съ музыкой,

*) Это положеніе прекрасно доказано у Фуллера *L'idée moderne du droit*. 1897.

**) П. Тэнъ. *Соціализмъ какъ правительство*. 1884. Стр. 45.

***) Чичеринъ. *Собственность и государство*, I стр. VII.

танцами и т. п., не обращая никакого вниманія на то, что надъ нимъ или подъ нимъ живутъ люди, нуждающіеся въ отдыхѣ и снѣ, если „широкая натура“ пріѣзжаетъ ночью въ гостиницу и ведетъ себя такъ, какъ будто бы во всемъ домѣ никого кромѣ нея не было, — то всѣ подобные примѣры хотя и выдаются за проявленіе принципа свободы, но отъ такой „свободы“ упаси насъ Боже! Если бы всѣ такъ понимали свободу, то совмѣстная жизнь людей сдѣлалась бы невозможной. Сегодня я вамъ не даю спать, завтра вы мнѣ; сегодня я буду бѣшено мчаться по улицѣ и давить людей, а завтра меня раздавить какойнибудь саврасъ, сегодня я взялъ на себя извѣстные обязательства по отношенію къ вамъ, а завтра нашелъ ихъ неудобными, не исполнилъ ихъ, нарушивъ ваши интересы, и т. д., и т. д. до проявленія „свободы“ въ видѣ убіенія на улицѣ челоуѣка, фізіономія котораго не понравилась, и даже до убійства тѣхъ лицъ, существованіе которыхъ мы признаемъ вреднымъ.

Вся бѣда въ томъ, что, поступая такимъ образомъ, эти своеобразные защитники свободы имѣютъ въ виду только свою свободу, себя ставятъ въ центрѣ всего, а все остальное считаютъ средствомъ. А вѣдь несомнѣнно, что дикая оргія ночью нарушаетъ мою свободу отдыхать, бѣшенная скачка по улицѣ нарушаетъ мою свободу ходить и т. д.

Есть защитники свободы, утверждающіе, что великій принципъ свободы долженъ быть проведенъ вполне послѣдовательно до самыхъ крайнихъ выводовъ: разъ признается свобода совѣсти, слова, мысли и т. п., должна быть признана полная свобода дѣйствій*).

Но такое расширеніе области свободы неизбѣжно приведетъ къ уничтоженію самой свободы. Что произойдетъ, если предоставить каждому полную свободу дѣйствіи: кто сильнѣе, тотъ и будетъ проявлять свою свободу въ ущербъ свободѣ остальныхъ, пока не найдется другой, еще сильнѣе и т. д. до безконечности! Грубая сила будетъ рѣшительницей всѣхъ вопросовъ и настанетъ всеобщее озвѣреніе.

Значитъ необходимо организовать общежитіе такъ, чтобы свобода одного могла бы мирно уживаться со свободой всѣхъ остальныхъ, чтобы каждый, уважая себя и свою свободу, признавалъ

*) Ср. напр. E. Girard en. Du droit de punir. 1871. I—VIII.

бы личность во всѣхъ окружающихъ и поэтому уважалъ бы и ихъ свободу. Другими словами—необходимо взаимное ограниченіе свободы. Это достигается лишь на почвѣ права*)).

Право разграничиваетъ области внѣшней свободы; оно отмежевываетъ каждому сферу, гдѣ онъ можетъ чувствовать себя полнымъ хозяиномъ, не опасаясь ничьихъ вторженій, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ границу, переступить которую онъ не долженъ**). Охрану права беретъ на себя государство, причемъ однимъ изъ средствъ этой охраны является внѣшнее принужденіе и самый рѣзкій видъ его—наказаніе.

Вотъ эта то функція государства (принужденіе) всегда вызывала и вызываетъ нареканія на государство, нареканія, нерѣдко переходящія въ принципиальное отрицаніе права государства на существованіе.

И если всегда существовали ученія, отрицающія государство, то никогда еще эти ученія не пользовались такими авторитетомъ, не волновали такъ умы, не обращали на себя такого всеобщаго вниманія, какъ въ послѣднія десятилѣтія. Вопросы: „зачѣмъ вообще государство съ его принудительной властью? почему индивидъ долженъ мириться съ подавленіемъ его воли другою волею, почему и въ какихъ предѣлахъ онъ обязанъ приносить жертвы въ интересахъ цѣлаго?“***)—сдѣлались теперь вопросами жгучими, животрепещущими, мучительно требующими разрѣшенія.

Въ самомъ дѣлѣ. Никогда еще жизнь не представляла собою большаго несоотвѣтствія съ идеалами лучшихъ людей, большаго разлада, чѣмъ въ переживаемое время. Человѣку говорятъ, что государство призвано вести его къ благу. А между тѣмъ онъ

*) Фихте (Grundlage des Naturrechts etc. 1796—1797. I, 49, 106—108) такъ формулируетъ основное требованіе права: ограничивая свою свободу, поскольку это нужно для совмѣщенія ея съ равной свободой другого лица подъ условіемъ, что и другой будетъ поступать такъ же.

***) И не смотря на всѣ эти ограниченія человѣкъ, по справедливому замѣчанію Колера (Einführung in die Rechtswissenschaft. 1902. стр. 1 et pass.), вынѣ гораздо болѣе свободенъ, чѣмъ былъ въ ранніе періоды исторіи. Съ теченіемъ времени область свободы личности будетъ увеличиваться: настоящая свобода дается только правомъ, а прогрессъ въ области права влечетъ за собою прогрессъ въ области свободы.

****) Еллинекъ. Право современного государства. Общее ученіе о государствѣ. Переводъ подъ ред. прив.-доцентовъ В. Гессена и Л. Шалланда. 1903. Стр. 115.

видить въ результатѣ многовѣковой исторіи государства такую картину, передъ которой блѣднѣютъ все ужасы „адовъ“, созданныхъ фантазіей художниковъ.

Народы тратятъ большую часть своихъ трудовъ и средствъ для того, чтобы взаимно истреблять другъ друга въ дикой рѣзнѣ; для этого въ огромныхъ размѣрахъ изготовляются орудія разрушенія, напрягаются силы для изобрѣтенія наиболѣе губительныхъ и смертоносныхъ орудій; для этого существуютъ многочисленныя школы, гдѣ систематически обучаютъ, какъ наилучшимъ способомъ убивать возможно большее количество людей; для этого ежегодно значительная часть наиболѣе здоровыхъ и крѣпкихъ людей отрывается отъ производительнаго труда и деморализуется; для этого государство, елико возможно, сокращаетъ издержки на культурныя цѣли. А если отъ созерцанія картины взаимнаго отношенія отдѣльныхъ государствъ другъ къ другу человѣкъ обратится къ внутренней жизни государства, то онъ увидитъ, что тамъ господствуетъ милитаризмъ, науперизмъ, произволъ, одичаніе, проституція; что рядомъ съ лачугой, гдѣ умираетъ съ голоду цѣлая семья, стоитъ роскошный домъ, владѣлецъ котораго зажигаетъ сигару сторублевой бумажкой; что самый трудолюбивый, одушевленный лучшими стремленіями и обладающій большими духовными богатствами человѣкъ нищенствуетъ, а рядомъ съ нимъ купается въ золотѣ духовное ничтожество, благодаря чистой случайности. Онъ видитъ, что запрещаютъ говорить на родномъ языкѣ; запрещаютъ выражать свои мнѣнія; запрещаютъ собираться вмѣстѣ для обсужденія общихъ всѣмъ вопросовъ; предписываютъ вѣрить въ Бога и притомъ въ точно опредѣленной формѣ; стремятся превратить общежитіе въ казарму, гдѣ бы все было по одной установленной мѣркѣ и все безпрекословно повиновалось бы приказамъ свыше, гдѣ всякая тѣнь самостоятельности подавляется; онъ видитъ, что цѣлые огромные классы людей эксплуатируются и влачатъ самое жалкое существованіе. Онъ видитъ, что вмѣсто гармоніи интересовъ, любви и взаимнаго уваженія вездѣ господствуетъ ожесточенная борьба за существованіе; что матеріальные интересы и интересы господства ставятся выше всего; что ложь, обманъ, насиліе дѣлаются главными факторами жизни; что на почвѣ духовной пустоты развивается до чудовищныхъ размѣровъ стремленіе наполнить жизнь чувственными наслажденіями всевозможныхъ видовъ, игрой и т. п.; что

невѣжество низшихъ слоевъ населенія и условія существованія этихъ слоевъ сплошь и родомъ превращаютъ людей въ полузвѣрей, о которыхъ можно сказать словами Мефистофеля, что они „звѣроподобнѣе всѣхъ скотовъ“

Неудивительно, что „съ каждымъ днемъ умножаются симптомы болѣзни современнаго общества *), что теоріи социализма и анархизма приобрѣтаютъ при такомъ положеніи вещей особую привлекательность и съ каждымъ днемъ находятъ новыхъ приверженцевъ, что пессимизмъ становится господствующимъ міровоззрѣніемъ. Къ голосамъ такихъ представителей анархизма, какъ Левъ Толстой, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваются во всѣхъ уголкахъ земного шара, а творческій геній человѣчества, служа выраженіемъ господствующаго настроенія, бросается изъ одной крайности въ другую: Толстой, Ницше, символизмъ, декадентство, исканіе какихъ-то невѣдомыхъ еще путей, и какъ общій, преобладающій фонъ всей картины,—сѣренькое, безотрадное, мелочное и пошлое существованіе, такъ мастерски изображенное у Мопассана и Чехова.

Но точно ли правъ анархизмъ? Дѣйствительно ли государство есть патологическій моментъ въ исторіи человѣчества? Наконецъ, виновато ли государство во всѣхъ тѣхъ ненормальностяхъ и бѣдствіяхъ, которыми переполнена современная жизнь?

Прежде всего нельзя не признать, что анархизмъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько цѣнныхъ моментовъ.

Анархизмъ совершенно правильно подчеркнул абсолютную цѣнность свободы и абсолютную цѣнность человѣческой личности. *Абсолютная цѣнность личности и ея свободы есть основной принципъ права.* Только признавъ этотъ принципъ, можно говорить о правахъ личности, какъ таковой; можно говорить, что личность обладаетъ извѣстнымъ комплексомъ правъ независимо отъ государства, что т. наз. „право въ субъективномъ смыслѣ“ есть о с н о в н о е понятіе**). Только при такомъ воззрѣ-

*) Н. Бартль. Философія исторіи какъ социологія. Переводъ М. Модестова. 1902
Стр. 346.

**) Психологическая теорія права является очень цѣннымъ вкладомъ въ науку имен-
но потому, что она дала солидное обоснованіе этому положенію. Оставляя въ сторонѣ
факторія односторонности названной теоріи, нельзя не признать, что право есть

ніи на право оно получаетъ значеніе великой культурной силы, поднимающей личность на недостигаемую высоту, дѣлающей личность равноправной стороною въ спорѣ со всѣмъ государствомъ. Только при такомъ воззрѣніи можно говорить, что государство должно уважать права личности, что право есть нѣчто священное, что если на одну чашку вѣсовъ положить временные интересы милліоновъ людей, а на другую право одного человѣка, то эта послѣдняя чашка должна опуститься внизъ *). Указанный выше основной принципъ права рѣзко отличаетъ идеалистическія теоріи права отъ т. наз. реалистическихъ (теоріи интереса, силы, компромисса, экономического матеріализма и т. п.) и отличаетъ къ несомнѣнной выгодѣ первыхъ. Никто изъ представителей реалистическихъ теорій не согласится съ тѣмъ, чтобы государство вынуждено было отступить передъ правомъ одного гражданина, а для многихъ изъ этихъ представителей принесеніе въ жертву одного человѣка интересамъ милліоновъ людей представится фактомъ вполне нормальнымъ **).

А между тѣмъ только идеалистическое воззрѣніе на право соотвѣтствуетъ тому значенію, которое имѣетъ личность, этотъ „краеугольный камень всего общественнаго зданія“ ***), эта движущая сила всей исторіи культуры †).

явленіе психическое, что право есть лишь то, что признается таковымъ подавляющимъ большинствомъ населенія. Думается мнѣ, что не смотря на противоположное мнѣніе нѣкоторыхъ видныхъ представителей психологической теоріи, она не только не исключаетъ теорію свободы, но служитъ предварительной ступенью къ этой глубочайшей изъ существующихъ теорій.

*) *Percat mundus, fiat justitia*: надъ этимъ Гегелевскимъ афоризмомъ очень много незаслуженно смѣялись, а между тѣмъ въ основѣ его лежитъ совершенно правильная мысль.

***) „Si je n'avais qu'une valeur déterminée et pouvant par approximation s'estimer quantitativement à tel ou tel chiffre on trouverait aisément des biens supérieurs à ma personne, au nom duquels tout serait permis contre moi“. A. Fouillée *L'idée moderne du droit*. 1897. p. 259.

****) Чичеринъ. *Философія права*. Кн. I гл. 1.

†) Кареевъ (Основные вопросы философіи исторіи. 1887. въ особенности т. II, кн IV) прекрасно разработалъ это положеніе. Гейфдингъ („Этика“ 1898. 335 336) правильно замѣчаетъ, что „главное достоинство индивидуализма заключается прежде всего въ томъ, что оно вывѣшиваетъ принципъ личности, цѣнность каждаго отдѣльнаго индивидуума. Великая задача государства, какъ и всякаго другого общества, состоитъ въ прямомъ или косвенномъ содѣйствіи развитію личной жизни наивозможно, большого числа индивидуумовъ. Совершеннымъ государствомъ было бы такое, которое удовлетворяло бы развитію личной жизни всѣхъ людей и потребности каждаго развивать свои наклонности и способности. Индивидуализмъ схватываетъ здѣсь, такимъ образомъ, одну

Но уже давно сдѣлалось трюизмомъ, что человѣкъ можетъ развивать всѣ свои силы и способности и стать человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова лишь въ обществѣ, а съ каждымъ днемъ успѣхи социальныхъ наукъ показываютъ намъ все могущество общественныхъ влiяній на образованiе такихъ сторонъ духовной жизни личности, которыя прежде казались совершенно независимыми отъ этихъ влiяній. „Notre psychologie говоритъ Фуллe, notre morale, notre métaphysique, toutes nos sciences en un mot sont les sciences e n s o c i e t é. Placez l'homme seul dans un bois, vous supprimer tout ce développement supérieur qui finit par mettre le cerveau de l'homme social en communication avec la nature entière“ *).

изъ существенныхъ сторонъ идеала государства“.—Г и н п с ь. (Основные вопросы этики 1905, 292) находятъ, что „въ концѣ концовъ всѣ задачи государства сводятся къ двумъ: охраненiю и воспитанiю нравственной личности“. „Конечную цѣль права“, говоритъ онъ далѣе (стр. 294) „и основаннаго на последнемъ государства составляетъ свободная нравственность индивидуума. Только въ этомъ и заключается нравственное право существованiя государства и права“.

Г е р и н г ь, котораго никоимъ образомъ нельзя заподозрить въ увлеченiи метафизикой и въ недостаточнo реальномъ воззрѣнiи на правовую жизнь, говоритъ: „Eine Nation ist schliesslich nur die Summe aller einzelnen Individuen, und wie die einzelnen Individuen fühlen, denken, handeln, so fühlt, denkt, handelt die Nation“. Der Kampf um's Recht 1895, 67). Ср. L. G e l l e n b a c h. Der Individualismus; Э в и л ь Р а м о в и ч ь Индивидуальность и прогрессъ 1895. По поводу увлеченiй теорiй индивидуализма невольно вспоминаются слова Уэвелля: „Въ развитiи званiя цѣнность истинной доли теорiи можетъ много перевѣшивать сопровождающую ее ошибку“ (Исторiя индуктивныхъ наукъ 1867 I, 234). Г и д д и н г с ь („Основанiя социологiи“ Пер. подъ ред. проф. Н. Лучинскаго. 1898, стр. 499) говоритъ, что „функция общества заключается въ томъ, чтобы развивать сознательную жизнь и создавать человѣческую личность“. „Функция общественной организацiи, которую социологъ долженъ всегда имѣть въ виду, заключается въ эволюцiи личности черезъ все болѣе и болѣе высокiя стадiи развитiя, пока она не достигнетъ высшаго идеала, именуемаго человѣчествомъ“. Г. К о р н е л i у с ь („Введенiе въ философию“. Пер. подъ ред. проф. П. Ланге. 1905, стр. 311) находятъ, что „забота о томъ, чтобы воспитанiемъ сдѣлать насъ способными избрать путь жизни, дающiй полное внутреннее удовлетворенiе, эта забота есть высшая задача гражданскаго общества“. При этомъ онъ добавляетъ, что „у насъ не будетъ жизни, полной цѣнностей, если наше воспитанiе будетъ одностороннимъ и заранѣе ограничится развитiемъ средствъ и способностей содѣйствующихъ лишь хозяйственному устройенiю нашей жизни“. Въ недавно вышедшей чрезвычайно содержательной книжкѣ „Философскiя проблемы“ 1905, Г а р а л ь д ь Г е ф ф д и н г ь доказываетъ, что изслѣдованiе научно-философское, объективное есть форма стремленiя къ полностѣ и гармонiи нашего Я, что и въ наукѣ, и въ искусствѣ личность создаетъ свое собственное объективное отраженiе, и что путь къ свободѣ ведетъ черезъ истину. Очень много въ высшей степени цѣнныхъ мыслей заключается въ прекрасномъ трудѣ Н. К. М и х а й л о в с к а г о: Борьба за индивидуальность.

*) Ja science sociale contemporaine. 1897. p. 159.—Ср. прекрасныя замѣчанiя у В у н д т а „Очеркъ психологiи“, пер. подъ ред. проф. Н. Грота. 1897, стр. 346 и слѣд.

Конечно, анархизмъ вполне признаетъ положеніе о безусловной необходимости общества для личности, но онъ находитъ, что для совмѣстнаго существованія людей вполне достаточно присущаго человѣку общественнаго инстинкта. Этотъ инстинктъ заставитъ людей заключать безчисленное множество свободныхъ союзовъ, люди будутъ вступать между собою въ свободныя соглашенія, договоры и удовлетворять свои потребности безъ помощи государства, которое благодаря своей принудительной власти, должно быть признано зломъ*). Опять таки и здѣсь нельзя отказать анархизму въ томъ, что его аргументація имѣетъ въ высшей степени цѣнные моменты. Таковыми должно признать: 1) необходимость свободнаго соглашенія, какъ идеала взаимныхъ отношеній людей и 2) указаніе на темныя стороны власти. Въ послѣднемъ отношеніи Льву Толстому принадлежитъ громадная заслуга: силой своего художественнаго гения онъ едва ли не лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ подмѣтилъ и обнаружилъ темныя и опасныя стороны власти, это опьяненіе властью, которое въ концѣ концовъ портитъ и извращаетъ характеръ человѣка, приводитъ къ произволу, къ взгляду на власть не какъ на средство, а какъ на самоцѣль, къ взгляду на подвластныхъ лишь какъ на объекты права**).

Къ указаннымъ двумъ цѣннымъ моментамъ анархизма необходимо прибавить еще третій. Власть представляетъ опасность только потому, что обладаетъ принудительными функциями. Принужденіе (внѣшнее) и въ особенности самый рѣзкій видъ его — наказаніе — должно быть рассматриваемо, какъ фун-

*) Некоторые анархисты идутъ такъ далеко, что утверждаютъ, будто для общезжитія вовсе не нужно, чтобы люди обладали добродѣтелями и извѣнились къ лучшему: достаточно одного грубаго эгоизма. Ср. M. Stinner. Der Einzelne und sein Eigentum, 1845.

***) Есть поговорка: „скажи мнѣ, съ кѣмъ ты дружишь, и я скажу тебѣ, кто ты“. Съ несравненно большимъ основаніемъ можно говорить: „пусть тебѣ дадутъ въ руки власть, и тогда я скажу тебѣ, кто ты“. Дѣйствительно, нельзя придумать лучшаго критерія для оцѣнки нравственной личности человѣка: кого не можетъ испортить обладаніе властью, кто смотритъ на это обладаніе лишь какъ на источникъ серьезнѣйшихъ обязанностей передъ обществомъ, кто ясно понимаетъ, какую массу искушеній заключаетъ въ себѣ это обладаніе и кто умѣетъ побѣдить эти искушенія, о томъ съ полнымъ правомъ можно сказать, что онъ принадлежитъ къ немногочисленному разряду лучшихъ людей.—Глубоко правъ Монтескье (Esprit. XI. Ch. IV) говоря: „Mais c'est une expérience éternelle, que tout homme qui a du pouvoir est porté à en abuser: il va jusqu'à ce qu'il trouve des limites“.

кція, въ высшей степени опасная. Изъ всего этого анархизмъ дѣлаетъ выводъ о необходимости упраздненія всякаго насилія, всякаго принужденія, о необходимости упраздненія власти, вооруженной принудительными функціями, а слѣдовательно, о необходимости уничтоженія государства, какъ союза, с п е ц и ф и ч е с к и м ъ*) признакомъ котораго именно является власть, господствующая принудительно, вооруженная принудительными функціями.

Выводъ этотъ невѣренъ. Онъ такъ же невѣренъ, какъ, напр., невѣрны выводы Льва Толстого въ половомъ вопросѣ, или въ вопросахъ объ искусствѣ и наукѣ. Изъ того, что половая развращенность дошла до грандіозныхъ размѣровъ, что человѣчеству грозитъ величайшая опасность отъ этого зла, отнюдь не слѣдуетъ, что бороться съ нимъ надо тѣмъ, что признать принципальнымъ зломъ само половое стремленіе, (т. е. могущественнѣйшее изъ стремленій человѣка, стремленіе вытекающее изъ самой основы міровой жизни) и выставить какъ идеалъ,—полное подавленіе этого стремленія, т. е., другими словами—уничтоженіе рода человѣческаго.

Изъ того, что современное искусство находится въ безотрадномъ положеніи, что оно сплошь и рядомъ служитъ средствомъ развращенія общества, что оно во многихъ отношеніяхъ уклонилось отъ правильныхъ путей, отнюдь не слѣдуетъ, что fuga Баха, симфонія Бетховена, картина Рафаэля, статуя Кановы, Кельнскій соборъ, романъ Толстого—должны быть признаны зломъ, что изъ области искусства должно быть вычеркнуто все, чего сразу не можетъ понять и оцѣнить „простой, неиспорченный деревскій рабочій“.

Изъ того, что многіе современные ученые удивительно похожи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на древне-римскихъ авгуровъ, что множество „научныхъ изслѣдованій“ представляютъ собою макулатуру, отнюдь не слѣдуетъ, что „наука должна отречься отъ своего опытнаго метода“, что все, неприносящее непосредственной пользы „простому и разумному рабочему человѣку, у котораго на шеѣ сидятъ люди, занимающіеся наукой“, есть дѣло вредное и ненужное.

*) A. Lasson. System der Rechtsphilosophie. 283: „Einen Staat nennt man diejenige menschliche Gemeinschaft, welche eine organisierte höchste Gewalt besitzt, Quelle alles Zwanges.“ Ср. В о р н и а к. Staatsrecht. I, 63; Г е р н г е т. Цѣль въ правѣ. I. 1881, 238; А г р е н с. Naturrecht. II, 263; Е л л и н е к ѣ I с. 281.

Точно также, изъ того, что существующій порядокъ скрываетъ въ себѣ много зла, что власть проявляетъ въ немъ очень много своихъ темныхъ сторонъ, что мѣры внѣшняго принужденія сплошь и рядомъ представляютъ собою голое насиліе, — отнюдь не слѣдуетъ, что власть есть принципиальное зло, что ее необходимо упразднить и что мѣры внѣшняго принужденія никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не должны быть употребляемы.

Извѣстный французскій соціологъ Эспинасъ въ своей книгѣ *Les sociétés animales* приводитъ рядъ очень интересныхъ фактовъ, доказывающихъ существованіе власти въ обществахъ животныхъ. И хотя совершенно справедливо, что для объясненія явленій духовной жизни человѣка нельзя безъ весьма серьезныхъ оговорокъ пользоваться аналогіями изъ области естествознанія, но въ данномъ случаѣ фактъ существованія извѣстныхъ проявленій власти именно у тѣхъ животныхъ, которыя живутъ общественно, невольно наводитъ на размышленія, не находится ли идея власти въ самой непосредственной связи съ идеей общежитія?

Англійскій ученый G. Ladd замѣчаетъ, что какъ бы далеко нашъ взоръ не простирался въ древнія времена, вездѣ мы находимъ людей, живущихъ общественно, и притомъ въ той или иной организаціи. *)

Дѣйствительно, гдѣ только соберутся нѣсколько человѣкъ для общихъ цѣлей, гдѣ такой союзъ носить продолжительный характеръ, тамъ силою вещей возникаетъ та или иная организація. А вѣдь организація есть ничто иное, какъ объединеніе многихъ лицъ въ подчиненіи извѣстнымъ внѣшнимъ правиламъ въ виду достиженія общей цѣли; такимъ образомъ въ понятіи организаціи заключается уже понятіе права.

Но организація немыслима безъ власти въ той или иной формѣ, облеченной болѣе или менѣе обширными полномочіями, которыя давали бы возможность слѣдить, чтобы эта организація не была бы пустымъ звукомъ и не приносилась бы ежеминутно въ жертву капризамъ каждаго отдѣльнаго члена союза. „Всякій,

*) *Phylosophy of conduct*. 1902, 381. — Cp. A d. L a s s o n. *System der Rechtsphilosophie*.—1882, 296; Е л л и н е к ъ, I. с., 237; A. M e n g e r. *Neue Staatslehre* 1903 7—19; а также глубокія замѣчанія у Д а р в и н а „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“. Перев. подъ ред. проф. И. Сѣченова. 1896, 66—103.

даже самый шаткѣй, союзъ—поскольку только онъ является отличнымъ отъ его членовъ единствомъ—имѣеть свою особую, соответственную его характеру власть* *).

Представимъ себѣ самую небольшую группу людей, объединившихся для какой нибудь одной цѣли. Напр., нѣсколько музыкантовъ предпринимаютъ совмѣстное систематическое изученіе литературы камерной музыки. Казалось бы, что тутъ не можетъ быть ничего общаго ни съ правомъ, ни съ властью. А между тѣмъ, если мы будемъ наблюдать нашу группу музыкантовъ по истеченіи извѣстнаго періода времени со дня ея образованія, то мы увидимъ, что въ жизни ея сами собою установились извѣстныя правила, извѣстный распорядокъ, извѣстныя традиціи. Дни и часы періодическихъ собраній, порядокъ этихъ собраній, допущеніе постороннихъ лицъ въ качествѣ слушателей исполненія, выборъ исполняемыхъ произведеній и т. п.,—все это въ концѣ концовъ составитъ кодексъ правилъ, регулирующихъ жизнь группы и способствующихъ достиженію ея задачи (право). И если бы кто нибудь изъ членовъ группы сталъ бы систематически нарушать эти правила, напр. опаздывать на репетиціи, вовсе не приходивъ въ назначенные дни, отказываться играть заранѣе намѣченную піэсу, приводить на репетиціи постороннихъ лицъ, вопреки установленному порядку—то такія дѣйствія вызвали бы реакцію со стороны группы. Эта реакція могла бы проявиться въ различныхъ формахъ, отъ дружескаго увѣщанія, до протестовъ, угрозъ и наконецъ до исключенія члена изъ группы (наказаніе). Наконецъ, что касается вопроса о власти, вырабатывающей и охраняющей „право“ нашей группы и примѣняющей „наказанія“ за нарушеніе этого „права“, то такую власть является общая воля всѣхъ членовъ группы.

Чѣмъ обширнѣе и сложнѣе союзъ, чѣмъ шире и многообразнѣе общія цѣли союза, тѣмъ необходимѣе и сложнѣе организациія, тѣмъ необходимѣе и сложнѣе внѣшнія правила, регулиющія жизнь союза, тѣмъ рельефнѣе, наконецъ, выступаютъ функціи власти, принимающей болѣе отчетливыя формы. Все это достигаетъ своей высшей степени въ союзѣ, объединяющемъ собою всѣ другіе союзы и

*) Еллинекъ I с., 273

вносящемъ въ эти союзы гармонію, а именно— въ государствѣ.

Здѣсь мы подходимъ къ ученію, имѣющему громадную важность для юридической науки, къ ученію объ обществѣ и его отношеніи къ государству.

Это ученіе, по справедливому замѣчанію Еллинека*), углубило античное воззрѣніе на человѣка, какъ на существо общественное по преимуществу, доказавъ, что индивидъ уже съ самаго начала принадлежитъ ко множеству независимыхъ отъ его воли отношений общественнаго характера, отношений не искусственныхъ, а данныхъ самой природой. Это ученіе показало, что государственныя отношенія господства подготовлены социальными отношеніями зависимости, которыя имѣютъ мѣсто во всякой социальной группѣ. Это ученіе, наконецъ, показало, что государство далеко не можетъ быть сдѣлано ответственнымъ за *всѣ* тѣ печальныя явленія, которыми изобилуетъ современная жизнь, т. к. государство есть лишь форма, содержаніе которой дается обществомъ. На это содержаніе государство можетъ имѣть хотя и значительное, но во всякомъ случаѣ косвенное вліяніе.

Наука конца 18 и начала 19 столѣтій не признавала, какъ извѣстно, между личностью и государствомъ никакихъ посредствующихъ ступеней, отождествляла социальный строй съ государствомъ; государство и личность стояли другъ передъ другомъ какъ явленія, ничѣмъ не связанныя. Не удивительно, что при такомъ воззрѣніи причину всѣхъ бѣдствій общественной жизни видѣли единственно въ несовершенствѣ организациі государства и думали, что стоитъ лишь сдѣлать надлежащія исправленія въ этой организациі—и сейчасъ же послѣдуетъ улучшеніе социальныхъ отношений.

Болѣе внимательное и глубокое изученіе социальныхъ явленій показало ошибочность этой теоріи, и современная наука признаетъ, что между личностью и государствомъ стоитъ общество, какъ самостоятельный, независимый отъ государства порядокъ явленій. Общество есть совокупность всѣхъ частныхъ отношений между людьми (а не однихъ только экономическихъ), т. е. отношений экономическихъ, юридическихъ, умственныхъ, нравственныхъ,

*) I, с., 58

религіозныхъ и т. д. Одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ принадлежать ко многимъ общественнымъ группамъ, быть членомъ многихъ ассоціаций, часто распространяющихъ свою дѣятельность за предѣлы того или другого государства. Такимъ образомъ, ни по объему, ни по содержанію общество не совпадаетъ съ государствомъ.

Основное начало общества есть личность, этотъ источникъ всей соціальной жизни. Нуждаясь какъ въ воздухѣ въ сообществѣ съ себѣ подобными для развитія всѣхъ своихъ силъ и способностей, человѣкъ вступаетъ въ безчисленные и разнообразныя отношенія съ другими. На почвѣ этихъ отношеній и развивается вся общественная жизнь. „Государство связано тѣми умственными, нравственными и религіозными убѣжденіями, которыя разлиты въ обществѣ. Оно не можетъ идти имъ наперекоръ, не подрывая собственныхъ духовныхъ основъ, на которыхъ зиждется вся его сила*). Сознаніе этой зависимости государства отъ общества составляетъ отличительную черту новейшей политической науки и наиболѣе цѣнный изъ добытыхъ ею результатовъ. Въ настоящее время въ наукѣ непоколебимо твердо стоитъ положеніе, что государственный бытъ только тогда имѣетъ прочныя основы, когда онъ покоится на господствующихъ въ обществѣ убѣжденіяхъ и потребностяхъ.

Но всѣ эти безконечно разнообразныя общественныя группы и единенія, входя въ соприкосновеніе другъ съ другомъ и переплетаясь, не представляютъ собою никакого органическаго единства. Напротивъ, по общему правилу здѣсь господствуетъ борьба, и подчасъ борьба ожесточенная, въ которой болѣе сильныя группы стремятся къ преобладанію. „Посредствомъ раздѣленія на классы, общество организуется въ огромные баталіоны, очевидная цѣль которыхъ пойти на войну другъ съ другомъ“ **). И хотя экономическій матеріализмъ неправъ, признавая экономическія явленія движущей силой исторіи культуры, а все остальное считая лишь „надстройкой“, хотя движущей силой является духовный факторъ—идеи, но нельзя не видѣть громадной заслуги экономическаго матеріализма между прочимъ въ томъ, что онъ

*) Ч и ч е р и нъ. Курсъ государственной науки. Часть II. Соціологія. 1896, 8.

**) Б. К и д дъ. Соціальная эволюція. Пер. съ предисловіями Н. В. Михайловскаго и проф. Вейсмана. 1897. Стр. 10.

чрезвычайно ярко обнаружилъ неустанную борьбу общественныхъ группъ и стремленіе ихъ къ господству одна надъ другой. Борьба эта сплошь и рядомъ приводитъ къ самымъ печальнымъ явленіямъ, къ порабощенію и эксплуатаціи слабыхъ*).

Все это создаетъ необходимость организациі общественныхъ союзовъ въ одно гармоническое цѣлое, въ которомъ каждая часть могла бы свободно развивать все свое содержаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не выдѣляться въ ущербъ остальнымъ частямъ. Такой организаціей является государство, какъ союзъ, управляющій совокупными интересами народа, какъ высшій и безпристрастный посредникъ между борющимися общественными группами, разграничивающій сферы ихъ дѣятельности, охраняющій слабыхъ отъ эксплуатаціи сильныхъ, имѣющій въ виду интересы и всѣхъ будущихъ поколѣній, а посему не позволяющій развиваться принципу *après nous le déluge*, и направляющій всю общественную дѣятельность къ одной высшей идеальной цѣли. Эта цѣль—созданіе идеальнаго общежитія: *всеобщее братство свободныхъ, всесторонне и гармонически развитыхъ индивидуумовъ, пользующихся всеми благами культуры и живущихъ высшею духовною жизнью, общежитіе, гдѣ единственной формой борьбы будетъ духовная борьба, гдѣ уваженіе къ праву войдетъ въ плоть и кровь каждого и гдѣ не будетъ мести для какого-бы то ни было проявленія насилія и дикости**).*

*) „Ничто не настраиваетъ человека такъ грустно, какъ разсмотрѣніе социальной борьбы. Безпристрастность ея глубоко поражаетъ наше нравственное чувство. Соображаться съ требованіями этики могутъ лишь индивидуумы; общества же, какъ лавины неуправляемы и съ разрушительной силой катятся на свою жертву. О совѣсти можетъ быть рѣчь только у личности, у социальныхъ обществъ нѣтъ совѣсти. Каждое средство хорошо, лишь бы оно вело къ цѣли“. А. Гумилевичъ. Основы социологіи. Пер. подъ ред. прив.-доц. В. Гессена. 1899, стр. 241.

**) Фуллеръ выдвигаетъ правъ, говори, что социальный идеаль есть съ одной стороны возможно полное и всестороннее развитіе индивидуальности каждой отдельной личности, а съ другой—наиболѣе полное проникновеніе каждой отдельной личности чувствами солидарности и братства со всѣмъ человечествомъ. С в о б о д н ы й д о г о в о р ь — вотъ титъ, по которому сознательно или безсознательно стремятся образоваться всѣ безъ исключенія отношенія между людьми. (Сравни блестящія и глубокія страницы 410—418 (*Synthèse de la sociologie et de la cosmologie*) въ его книгѣ „*La science sociale contemporaine*“ 1897. Думается мнѣ, что В. Н. Чичеринъ едва ли правъ отрицательно отнестись къ мыслямъ, вложеннымъ на этихъ страницахъ. См. его прекрасную посмертную книгу „*Вопросы философіи*“. 1904, стр. 135—136. Штаммлеръ („*Die Lehre v. d. richtig. Rechte*“) представляетъ себѣ социальный идеаль въ видѣ общества, въ которомъ каждый членъ есть самодѣль. Но Чичерину идеаль общ-

Эту свою великую культурную миссію государство можетъ исполнить только благодаря тому, что оно является владѣствующимъ, господствующимъ союзомъ, союзомъ, въ которомъ моменты права и въ особенности власти (находящіеся въ каждомъ человѣческомъ союзѣ) достигаютъ наивысшаго развитія. Признакъ, который рѣзко выдѣляетъ государственную власть отъ всѣхъ другихъ видовъ власти, признакъ, являющійся специфическимъ признакомъ государства и вмѣстѣ съ тѣмъ—причиной всѣхъ нареканий на государство, есть принудительность. Государственная власть, и только она одна, имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлую систему организованной защиты права, въ числѣ гарантій котораго находятся мѣры внѣшней защиты, мѣры насильственныя.

До сихъ поръ въ наукѣ права господствуетъ теорія, считающая принудительность специфическимъ признакомъ правовыхъ нормъ. Противъ этой теоріи приводятся чрезвычайно сильныя возраженія. Фуллеръ глубоко вѣрно замѣчаетъ, что право достигаетъ своего максимума тогда, когда принужденіе сводится къ минимуму *).

Но во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, что внѣшнее принужденіе является хотя и не единственной (и быть можетъ не лучшей), но весьма существенной гарантійей права. А разъ это такъ, то необходимо для предвращенія *bellum omnium contra omnes* передать осуществленіе этой гарантіи въ наиболѣе безпристрастныя руки, необходимо монополизировать примѣненіе силы.

жизніа является такая форма его, гдѣ царствуетъ наибольшая степень свободы личности и гдѣ нравственный законъ господствуетъ надъ всѣми отношеніями

Вообще, какимъ бы образомъ ни формулировать тотъ отдаленный и недостижимый идеаль, къ которому стремится человечество, несомнѣнно, что составными частями формулы должны быть: свобода, всестороннее развитіе индивидуума, солидарность и братство всѣхъ людей, приобщеніе всѣхъ къ высшей духовной жизни и къ благамъ культуры, отсутствіе насилія, грубости и дикости уваженіе къ праву.

*) *L'idée moderne du droit.* 281—284; *La science sociale* 72, 270—271. Ту же самую мысль высказываетъ Zilleг. *Allgemeine philosophische Ethik.* 1880, 221.—Сравни. Еллинекъ, I с., 220; Merkel. *Iuristische Encyclopädie.* 1900. § 50; Петражицкій. *Очерки философіи права.* 1900; Коркуновъ. *Лекціи по общей теоріи права.* 1904. § 12; Гамбаровъ. *Право въ его основныхъ моментахъ* (въ „Сборн. общ. юрид. знаній“. 1899.); Thon. *Rechtsnorm und subjectives Recht.* 1878, 233 и слѣд.; Регельсбергеръ. *Общее ученіе о правѣ.* Перев. И. Базанова. 1897, 10—11; T. Sternberg. *Allgemeine Rechtslehre.* 1904, 31—32.

Распорядителемъ ея можетъ быть лишь союзъ, объединяющій всѣ остальные союзы, стоящій надъ ними, стремящійся къ болѣе высокимъ цѣлямъ, т. е. государство въ лицѣ своей власти.

Необходимость власти, вооруженной внѣшними средствами защиты права, станетъ еще болѣе очевидной, если мы вспомнимъ о слишкомъ извѣстномъ присутствіи въ человѣкѣ темныхъ силъ, способныхъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ развиться до чудовищныхъ размѣровъ.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести замѣчательную страницу старика Аристотеля. „А кто не можетъ жить въ обществѣ, или кто не имѣетъ ни въ чемъ нужды, потому что самъ доволенъ собою во всемъ, тотъ не составляетъ никакой части государства и есть или звѣрь, или богъ. Между тѣмъ во всѣхъ людяхъ есть природное стремленіе къ такого рода общежитію; и основатель такой формы общежитія былъ виновникомъ величайшихъ благъ для людей. Потому что, если, съ одной стороны въ совершенствѣ своемъ человѣкъ есть лучший изъ всѣхъ живыхъ существъ, то съ другой стороны, оставаясь внѣ закона и справедливости, онъ становится худшимъ изъ всѣхъ, т. к. вооруженная несправедливость есть самая ужасная, а человѣкъ дѣйствительно по природѣ владѣетъ могущественнымъ оружіемъ, которое заключается въ его мудрости и энергіи.—оружіемъ, которое онъ можетъ употреблять въ ту или другую сторону. Потому безъ добродѣтели человѣкъ становится самымъ несчастивымъ и самымъ дикимъ существомъ, а въ отношеніи къ половому наслажденію и пищѣ онъ хуже тогда всякаго животнаго. Но справедливость имѣетъ мѣсто только въ политической жизни, потому что весь строй политическаго общежитія держится на правѣ, а право само по себѣ есть ничто иное, какъ основа для критики справедливаго и несправедливаго“*).

Дѣйствительно, если человѣкъ есть, съ одной стороны, носитель искры Божіей, то съ другой стороны въ громадномъ большинствѣ людей эта искра или совсѣмъ погасла или едва тлѣ-

*) „Политика“, переводъ Скворцова, стр. 8.

еть, ежеминутно грозя погаснуть. Надо только представить себя, до какихъ грандіозныхъ размѣровъ способенъ разрастаться звѣрь въ человѣкѣ при благопріятныхъ обстоятельствахъ, чтобы разъ навсегда признать несбыточной утопіей ученія такихъ благородныхъ представителей анархизма, какъ Толстой, переоцѣнивающихъ идеальную сторону человѣка, и игнорирующихъ другое начало въ природѣ человѣка, начало, благодаря которому человекъ такъ часто бываетъ „звѣроподобнѣе всѣхъ скотовъ“.

Вотъ почему Еллинекъ безусловно правъ, говоря, что отсутствіе права и государства повлекло бы за собой „bellum omnium contra omnes“ *). Въ этой войнѣ сейчасъ бы возникли отношенія силы и зависимости, и такъ какъ ничто въ мірѣ не можетъ уничтожить различія между слабымъ и сильнымъ, эгоистичнымъ и альтруистичнымъ, благожелательнымъ и порочнымъ, то не подлежитъ сомнѣнію, какой изъ этихъ типовъ останется побѣдителемъ въ обществѣ, не признающемъ права и самой лучшей, надежной гарантіи этого права—государства. Конечно,—„государство“ отнюдь не тождественно съ той или другой формой государства: и Швейцарскій кантонъ, и восточная деспотія—государства, а вполнѣ возможно государство съ гораздо большею степенью свободы личности, чѣмъ въ Швейцаріи.

Идея государства нисколько не повинна въ томъ, что жизнь знаетъ безчисленныя рѣзкія отклоненія отъ этой идеи (напр.—отожествленіе государства съ правительствомъ), и что въ сущности едва ли можно говорить о полномъ осуществленіи этой идеи гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было.

Итакъ, въ своей идеѣ власть не есть зло. Она есть охранительница твердаго правопорядка, а этотъ порядокъ, основа общежитія, есть драгоцѣнное благо, которое, подобно воздуху, замѣчается лишь тогда, когда его недостаетъ. Идеаломъ можетъ быть не упраздненіе власти, не анархія, а такая организація власти, при которой власть была бы лишь выразительницей интересовъ всего общества, разумной руководительницей его **) и охранительницей правъ каждаго гражданина, предостав-

*) I. с., кн. II, гл. 7

**) Правильно замѣчаетъ Франческо Питти: „Существуютъ виды свободы, возможные только при наличности высшихъ формъ соціальной кооперации. Всѣ наиболѣе возвышенныя идеи, всѣ высокія дѣянія зарождаются лишь въ небольшомъ кругу избранныхъ, и свободная ассоціація часто не способна распространить ихъ, и они

ляя этому гражданину полную возможность истинно-человѣческаго существованія*).

А это и есть проблема, надъ рѣшеніемъ которой наука работаетъ уже столько времени и нельзя сказать чтобы безуспѣшно**).

Сплошь и рядомъ принципиальные противники власти утверждаютъ, что власть поддерживаетъ свое существованіе только силой. Это крупное заблужденіе. Власть не могла бы продержаться ни одного дня, если-бы она опиралась только на силу и открыто заявила бы, что не она существуетъ для народа, а наоборотъ.

Даже въ восточныхъ деспотіяхъ основой власти служить не личный произволъ деспота, не сила, а извѣстный рядъ идей, господствующій въ данную минуту среди большинства народа и служащій теоретическимъ основаніемъ существующаго порядка. Государственная власть должна опираться на убѣжденіе народа въ ея правомѣрности***).

пронали бы безслѣдно, если бы какая нибудь принудительная сила не позаботилась обихъ сохраненіи. Въ подобныхъ случаяхъ государство, далекое отъ покушенія на личную свободу, напротивъ, дѣлаетъ возможнымъ ея практическое осуществленіе“. („Основныя начала финансовой науки“ 1904, 20) —Весь третій томъ „Курса государственной науки“ Б. Н. Чичерина представляетъ собою замѣчательное по глубинѣ изслѣдованіе о руководящей роли государства по отношенію къ обществу. Уже одного примѣра реформъ императора Александра II, которыя Чичеринъ справедливо называетъ „фундаментомъ, на которомъ основана вся будущность Россіи“ (стр. 319), достаточно, чтобы одѣлать по достоинству культурную миссію государства.—Сравни замѣчанія о важности государственной дѣятельности у—Милля Система логики. 1878. II, 494 и слѣд. Хорошо изложенъ вопросъ о культурныхъ задачахъ государства у Легоу—Beaulieu L'état moderne et ses fonctions. 1900.

*) „Власть, приспособленная къ поддержанію правъ каждаго гражданина противъ другихъ и уважающая тѣ же права въ ея собственномъ обхожденіи съ гражданами“. Спенсеръ. Основанія этики. Перев. под. ред. Рубакина. 1899. II, 101.

***) Каптъ (Rechtslehre, II) говоритъ, что верховная власть должна быть устроена такъ, чтобы всеобщая свобода самоопредѣленія не была подавлена, чтобы порядокъ сочетался съ законностью и равенствомъ. Руссо (Contr. Soc.) требуетъ такой формы союза, посредствомъ которой, каждый соединяясь со всѣми, повиновался бы одному только самому себѣ. У Фихте мы находимъ наиболѣе полно и послѣдовательно проведенный принципъ свободы и автономіи личности по отношенію къ государству.

***) Еллинекъ. I. с., III, 12, § II. Ср. Дайси. Основы государственнаго права Англіи. Пер. по къ ред. проф. Виноградова. 1891. Стр. 58 и слѣд.; Гиддингсъ. I. с., 461; Тагдэ. Les lois de l'imitation (глава шестая). Совершенно правъ Wilson (L'état etc. Traduction de I. Wilhelm. 1902, I, 351), говоря: „les changements qui brusquement rompent avec l'opinion générale, n'ont pas les sympathies de cette opinion, provoquent son opposition et, inévitablement, sont détruits par cette opposition“.

Кромѣ того нельзя забывать, что властвующіе не стоятъ надъ государствомъ, а входятъ въ его составъ, находятся въ отношеніи взаимной зависимости со всѣмъ государствомъ; а въ этой взаимной зависимости заключается основа властвованія. Властвованіе никогда не исчерпывается одними велѣніями властвующаго. Подчиняющійся чужой волѣ самъ идетъ на встрѣчу, предугадываетъ и предупреждаетъ желанія. Словомъ, — властвованіе предполагаетъ вообще сознаніе не со стороны властвующаго, а только со стороны подвластнаго*).

Слишкомъ это старая истина, что голая сила — факторъ болѣе чѣмъ ненадежный, и что если извѣстная форма общежитія начинаетъ поддерживаться только силой, то это самый вѣрный признакъ очень серьезной болѣзни, которую надо немедленно лечить, иначе скоро послѣдуетъ смерть. Отождествлять власть и насиліе, право и силу — одно изъ самыхъ опаснѣйшихъ заблужденій: „право должно быть сильнымъ, но для того, чтобы быть сильнымъ, оно должно быть правомъ“.

То теченіе человѣческой мысли, представителемъ котораго является Левъ Толстой, не отрицаетъ присутствія въ человѣкѣ темныхъ силъ, но находитъ, что бороться со зломъ надо добромъ. Поэтому насиліе (внѣшнее принужденіе), какъ зло, не должно никогда, ни при какихъ условіяхъ быть употребляемо. Пусть каждый начнетъ съ исправленія самого себя, и когда всѣ проникнутся чувствомъ братства и любви ко всему человѣчеству, — великая проблема общежитія будетъ разрѣшена.

Нельзя не замѣтить, что основные элементы только что приведеннаго ученія признаются большинствомъ мыслителей, отнюдь не принадлежащимъ къ анархизму. Напр. Спенсеръ говоритъ, что государственная власть есть сумма учреждений и орудій принужденія, сдерживающихъ антисоціальныя и эгоистическія склонности и обезпечивающихъ преобладаніе склонностей альтруистическихъ. Развитіе нравственнаго чувства, т. е. симпатическихъ и альтруистическихъ склонностей постепенно ведетъ къ уни-

*) Н. Коркуновъ. Русское государственное право. 1901. I, 24. Нѣсколько раньше (стр. 21) авторъ правильно замѣчаетъ, что „гражданинъ выполняетъ свой долгъ подчиненія государству не только, когда исполняетъ велѣнія правительства, но точно также, если еще не больше и полиціе, когда стремится разъяснить и предупредить ошибки или злоупотребленія правителей“. Полиціе и обстоятельнѣе развита Коркуновымъ его теорія власти въ изслѣдованіи „Указъ и законъ“. 1894.

чтоженію принудительныхъ учреждений; необходимость власти уменьшается по мѣрѣ того, какъ увеличивается уваженіе къ правамъ личности, и такимъ образомъ функціи власти все больше и больше должны сокращаться, т. к. когда нравственный законъ сдѣлается достаточно сильнымъ, принужденіе должно исчезнуть. Мы идемъ къ такой формѣ общежитія, при которой власть приводится къ minimum'у, а свобода къ maximum'у *).

Фуллье, какъ мы видѣли, однимъ изъ элементовъ идеала общежитія считаетъ проникновеніе каждой отдѣльной личности чувствами солидарности и братства со всѣмъ человѣчествомъ.

Очевидно, что воззрѣнія Спенсера и Фуллье имѣютъ много общаго, напр., съ ученіемъ Толстого. Но въ то время, какъ Спенсеръ говоритъ о постепенномъ сокращеніи функцій власти, объ исчезновеніи принужденія лишь тогда, когда нравственный законъ сдѣлается достаточно сильнымъ, въ то время какъ Фуллье считаетъ право необходимымъ средствомъ къ достиженію всеобщаго братства, Толстой требуетъ немедленнаго упраздненія власти и принужденія, не признавая за правомъ никакого положительнаго значенія.

Несомнѣнно, что „развитіе индивидуума зависитъ отъ широкаго простора для самодѣятельности, что жизнь, гдѣ главную роль играютъ учрежденія, жизнь, устроенная такъ, что власть подавляетъ въ ней свободу, оказываетъ роковое вліяніе на развитіе раціональной жизни“ **); несомнѣнно, что поговорка: *quid leges sine moribus* имѣетъ глубочайшій смыслъ; несомнѣнно, что общежитіе держится на устояхъ болѣе солидныхъ и болѣе достойныхъ человѣческой природы, чѣмъ принужденіе ***); несомнѣнно,

*) Я заимствую это очень сжатое, но совершенно правильное изложеніе сущности теоріи Спенсера у Фуллье („Исторія философіи“. 1893, 478—479). Въ *Social statics* Спенсеръ увлекается до того, что считаетъ всякое законодательство противорѣчающимъ нравственности, т. к. оно основано на принужденіи, которое во всякомъ случаѣ есть зло.—Ср. Г е ф ф д и н г л ъ. Этика. 1898. Стр. 319.

***) Ф. Гиддингс, I. с., 468.

***) „Кромѣ государства существуютъ еще другія социальныя силы, представляющія существенныя гарантіи соблюденія нормъ права. То не организовано давленіе, которое производятъ на индивида и общество общепризнанные социальныя права, особня правила приличія определенныхъ общественныхъ классовъ и профессій, конфессіональные союзы, пресса и литература,—гораздо сильнѣе, чѣмъ сознательное, осуществляемое государствомъ принужденіе. Съ прекращеніемъ давленія указанныхъ социаль-

наконецъ, что выставлемый Толстымъ законъ любви есть самое могучее и наиболѣе дѣйствительное средство для борьбы со зломъ.

Но вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: есть ли это средство единственное и исключительное?

Едва ли. Звѣрь въ человѣкѣ слишкомъ еще силенъ и человѣчество сдѣлало только первые шаги для обузданія этого звѣря. Одинъ изъ благороднѣйшихъ идеалистовъ—Фурье сказалъ, что человѣчество находится еще въ періодѣ дѣтства, и съ этимъ, не смотря на всѣ телеграфы, желѣзныя дороги, электричество, академіи, театры, библіотеки, можно согласиться: достаточно вспомнить о существованіи войны со всѣми связанными съ нею и обусловленными ею явленіями. Предстоитъ еще очень и очень много времени, пока исполнятся евангельскія предсказанія о всеобщемъ братствѣ, о единомъ стадѣ и единомъ пастырѣ, о перекованіи мечей въ орала. А пока,—оглянитесь кругомъ и посмотрите, что дѣлается въ нашемъ столь культурномъ мірѣ, и вы увидите, что вездѣ еще въ полной силѣ царитъ Гоббесовское *homo homini lupus!*

И если мы даже оставимъ въ сторонѣ отношенія между государствами, отношенія, основанныя на политикѣ лжи, обмана и грубой силы, если мы оставимъ въ сторонѣ глубоко возмутительные примѣры звѣрства представителей наиболѣе культурныхъ народовъ по отношенію къ „низшимъ расамъ“, если мы посмотримъ только на то, что дѣлается внутри государства, то увидимъ такое ужасающее количество лжи, произвола, дикости, грубости, насилія и полного озвѣренія, что невольно можно проникнуться самымъ безотраднымъ пессимизмомъ и пожелать, чтобы какая-нибудь благодѣтельная комета прекратила всю эту вакханалію *).

И только созерцая великія произведенія человѣческаго духа въ области философіи, науки, искусства, созерцая рядъ нрав-

ныхъ силъ разрушился бы самый правопорядокъ, ибо правовое принужденіе является только элементомъ, служащимъ для необходимаго подкрѣпленія внѣ государственныхъ гарантій. Не разъ уже подтверждалось на опытѣ, что тамъ, гдѣ правопорядокъ впадаетъ въ противорѣчіе съ глубоко вкоренившимся социальнымъ или религіознымъ обычаемъ, правовое принужденіе бессильно. Дерогующая сила обычнаго права, фактическое непримѣненіе законовъ, неопровержимо доказываетъ, что правовое принужденіе не способно само по себѣ гарантировать право“. Ел л и н е к ъ. I. с. 219—220.

*) Едва ли не важнѣйшей причиной такого положенія является то обстоятельство, что въ современномъ государствѣ на первомъ планѣ стоятъ не чисто-культурные интересы, а интересы могущества и власти. Ср. А. M e n g e r. Neue Staatslehre 44—70.

ственныхъ подвиговъ отдѣльныхъ личностей на протяженіи всей исторіи, наблюдая жизнь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ группъ человѣчества, жизнь, насквозь проникнутую въ высокой степени симпатичными и идеально-чистыми религіозными воззрѣніями *), начинаешь вѣрить въ лучшее будущее человѣчества, начинаетъ вѣрить въ осуществленіе евангельскихъ предсказаній, вѣрить, что „настанетъ нѣкогда день, когда лучи идеи, освѣщающей теперь только высочайшія и свободнѣйшія горныя вершины, проникнутъ во все человѣчество до самыхъ глубокихъ его слоевъ“ **), убѣждаешься, что, не смотря на присутствіе темныхъ силъ, человѣкъ все таки есть завершеніе того великаго, дивнаго, гармоническаго и разумнаго порядка, который называется природой ***).

Но темныя силы все таки существуютъ и существуютъ слишкомъ реально. Скажу больше. Шопенгауеръ писалъ †), что искоренить неправду изъ общества совсѣмъ, безъ остатка, есть дѣло невозможное, и я думаю, что великій мыслитель правъ. Всеобщее братство есть идеаль, къ которому человѣчество стремится, къ которому все больше и больше приближается, но котораго никогда не достигнетъ вполнѣ, потому что этому препятствуетъ первородный грѣхъ человѣка: Калибанъ всегда проявится, лишь только этому будетъ благопріятствовать условія. Припомнимъ восклицаніе такого глубоко-гуманнаго писателя, какъ Диккенсъ (въ „Оливеръ Твистъ“): „Сколько жестокости заключается въ самой природѣ человѣка!“ И такъ какъ искоренить совершенно звѣря въ человѣкѣ невозможно, то всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы проявленія этого звѣря свести къ минимуму.

*) См. напр. прекрасную книгу „Душа одного народа“. Разсказъ англійскаго офицера Филдингга о жизни его въ Бирмѣ. 1904.

**) Ф. Юдль. Исторія этики въ новой философіи. Пер. подъ ред. Влад. Соловьева. 1898. II, 401.

***) „Итакъ по естественнымъ и нравственнымъ основаніямъ процессъ совершенствованія составляющей нравственный смыслъ нашей жизни, можетъ быть мыслимъ только какъ процессъ собирательный, происходящій въ собирательномъ человѣкѣ т. е. въ семьѣ, народѣ, человѣчествѣ. . . . Совершенствуется народъ, углубляя и расширяя свою естественную солидарность съ другими народами въ смыслѣ нравственнаго общенія. Совершенствуется человѣчество, организуя добро въ общихъ формахъ религіозной, политической и социально-экономической культуры, все болѣе и болѣе соответствующихъ окончательной цѣли—сдѣлать человѣчество готовымъ къ безусловно-нравственному порядку, или царству Божію“. Влад. Соловьевъ. Оправданіе добра. Нравственная философія. 1899. Стр. 578—579.

†) Parerga und Paralipomena. Издаііе Otto Hendel. II, 240.

Если бы мы сейчас, въ настоящій моментъ стали бы примѣнять режимъ, годный лишь для идеальнаго общества, мы бы сильно поплатились за свое желаніе спередить жизнь. Лучшей иллюстраціей къ только что сказанному можетъ служить судьба созданной симпатичнѣйшимъ изъ людей, Робертомъ Оуэномъ, колоніи Нью-Гармони въ Сѣв. Америкѣ. Несмотря на духовную мощь своего организатора, несмотря на сильный подъемъ духа, царившій среди членовъ колоніи и обусловившій процвѣтаніе ея въ первые годы, черезъ нѣсколько лѣтъ все распалось. Совершенно правъ Туганъ-Барановскій, говоря по этому поводу: „Жители Нью-Гармони воспитались и выросли въ совершенно иной социальной обстановкѣ, чѣмъ та, которую они старались создать въ своей кооперативной общинѣ. Ихъ нравы, привычки, характеры развились на почвѣ борьбы за существованіе*) и закона конкуренціи, верховныхъ владыкъ капиталистическаго міра. Какъ же могли они годиться для созданія новаго общества, основной законъ котораго требовалъ безкорыстнаго служенія общимъ интересамъ? Порыва энтузіазма могло хватить на нѣсколько лѣтъ, но огонь воодушевленія не принадлежитъ къ числу прочныхъ и устойчивыхъ строительныхъ матеріаловъ. Новый социальный строй требуетъ и новаго человѣка, который не можетъ явиться по первому зову благороднаго мечтателя***). Каждый изъ насъ проникся бы уваженіемъ къ человѣку, который вполнѣ соблюдалъ бы правила Евангелія, съ особенной полнотою выраженныхъ въ Нагорной проповѣди. Но вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли можетъ возникнуть сомнѣніе, что нашлось бы очень много охотниковъ воспользоваться очень удобнымъ для нихъ отсутствіемъ внѣшнихъ средствъ защиты, и горсть истинныхъ христіанъ была бы стерта съ лица земли темными силами***).

*) Нѣкоторые ученые (напр. Бенж. Киддъ „Соціальная эволюція“) находятъ, что эта борьба есть основное начало исторіи культуры, что нечего и думать о прекращеніи ея, и что антагонизмъ между интересами личности и интересами общества ничѣмъ неустранимъ.

**) „Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи“. 1903. Стр. 104—105.— Очень интересные факты сообщаетъ *Noges History of American socialisms. 1870*: въ Америкѣ и Англии за послѣднее время образовалось нѣсколько коммунистическихъ обществъ на анархическихъ началахъ. И вотъ отсутствіе власти въ связи съ присутствіемъ темныхъ силъ природы человѣка повело къ разложенію многихъ изъ этихъ общинъ, не смотря на полную солидарность членовъ во взглядахъ на основу общегитія.

***) „Безъ правительства индивидуумы, обладающіе нѣкоторыми зародышами болѣе высокой мысли и чувства, были бы преодолѣны силою и ихъ энергія должна была бы

Что христіанскій идеалъ есть законъ любви и всепрощенія, что онъ несомѣстимъ не только съ войной, но и со всякимъ проявленіемъ насилія, это не подлежитъ сомнѣнію. Это признаютъ многіе выдающіеся защитники существующаго порядка вещей. Такъ, проф. Паульсенъ оспариваетъ теоріи социалистовъ, доказываетъ необходимость и смертной казни, и войска, но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что нельзя придумать болѣе рѣзкаго противорѣчія, чѣмъ то, которое мы видимъ теперь: церковь молится за военные успѣхи и благословляетъ войска въ явное нарушеніе закона Христа, запрещающаго всякое насиліе*).

Но изъ существованія идеала нельзя еще дѣлать вывода, что употребленіе силы всегда и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ есть зло абсолютное и не можетъ быть допускаемо**).

Представимъ себѣ, что мы путешествуемъ для изученія флоры и фауны острововъ Полинезіи и попадаемъ въ такое мѣсто, гдѣ туземцы не прочь поѣсть человѣческаго мяса. Неужели для того, чтобы не нарушить принципа, мы должны позволить сдѣлать изъ себя бифштексы? Да зачѣмъ забираться такъ далеко: ко мнѣ ночью входитъ разбойникъ и желаетъ перерѣзать мнѣ горло. Что тутъ дѣлать: употребить свой револьверъ, или пожертвовать жизнью во имя принципа „не убій“? Я думаю, что самый завзя-

отвратиться отъ умственнаго и нравственнаго прогресса и направиться на самозащиту. Мы не можемъ представить себѣ мыслительную силу Ньютона, творческій гений Шекспира или Бетховена или вѣрность долгу Линкольна въ обществѣ, гдѣ жизнь подвергалась бы каждую минуту опасности и гдѣ общественные интересы были бы настолько мало опредѣлены, что уничтожали бы всякую возможность предаваться размышленіямъ и не доставляли бы никакой награды за постоянство дѣлъ“. Гиддингсъ. Основанія социологіи. Стр. 468—469.

*) System der Ethik 1900. I, 71—72.—Блекки („Четыре фазиса нравственности“. 1899. стр. 311—313) пытается доказать, что ученіе Христа не запрещаетъ войны, но аргументація автора представляетъ собою сплошной рядъ противорѣчій.—Ср. прекрасныя замѣчанія о христіанствѣ у Фюстель де Куланжа „La cité antique“. 1898. стр. 456—464.—При сравненіи христіанскаго идеала съ дѣйствительностью невольно вспоминаются слова Спенсера („Справедливость“. 1898. Стр. 221): „Во всемъ христіанскомъ мірѣ съ его храмами и церквами, съ егообиліемъ благочестивыхъ книгъ и обрядовъ, имѣющихъ цѣлью внушеніе религіи любви, религіи, поощряющей милосердіе и всепрощеніе, мы видимъ господство насилія и мстительности, какую можно найти повсюду у дикарей“.

**) В. Соловьевъ. („Оправданіе добра“, стр. 397) правильно замѣчаетъ: „Такъ какъ въ мускульной силѣ самой по себѣ нѣтъ ничего дурнаго, то нравственный или безнравственный характеръ ея примѣненія рѣшается въ каждомъ случаѣ намѣреніемъ лица и существомъ дѣла“.

тый моралистъ формальной школы отвѣтитъ въ такой моментъ, пародируя Бисмарка: пусть лучше начнетъ г. разбойникъ. Въ своемъ разказѣ „Дуэль“ Антонъ Чеховъ говоритъ устами одного изъ героев: „По ихъ ученію, если къ вамъ приходитъ бугорчатный, или убійца, или эпилептикъ и сватаетъ вашу дочь—отдавайте; если кретины идутъ войною на физически и умственно здоровыхъ,—подставляйте головы. Эта проповѣдь любви, ради любви, какъ искусства для искусства, если бы могла имѣть силу, въ концѣ концовъ привела бы человѣчество къ полному вымиранію и такимъ образомъ совершилось бы грандіознѣйшее изъ злодѣйствъ, какія когда нибудь бывали на землѣ“.

Вспоминаются мнѣ здѣсь слова одного извѣстнаго нѣмецкаго криминалиста. Говоря объ институтѣ крайней необходимости, онъ находитъ, что если бы человѣкъ, умирающій съ голоду, не взялъ лежащаго передъ нимъ чужого хлѣба, не желая нарушить принципа „не укради“, то онъ заслуживалъ бы не мученическаго вѣнца, а дурацкаго колпака. Быть можетъ, мнѣніе это слишкомъ рѣзко, быть можетъ подобнаго рода поступкамъ нельзя отказать въ своего рода величій, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, что не человѣкъ существуетъ для субботы, а суббота для человѣка, подобно тому, какъ *omne jus hominum causa constitutum est*.

Къ чему же тогда идеалы, скажетъ читатель? Какое можно придавать имъ значеніе, когда всякій разъ ихъ дозволяется обходить, если они оказываются неудобными?

Здѣсь я не могу долго останавливаться на этомъ сложномъ и важномъ вопросѣ. Ограничусь нѣсколькими замѣчаніями.

Идеалы имѣютъ огромное значеніе для жизни: они даютъ ей смыслъ и значеніе, служатъ маяками, указывающими путь человѣчеству, они представляютъ собою единственную абсолютную духовную цѣнность. „Идеаль въ сущности болѣе истиненъ, чѣмъ сама реальность, потому что идеаль есть вѣчный моментъ вещей гибнущихъ: онъ ихъ типъ, ихъ число, ихъ причина существованія, ихъ формула въ книгѣ Творца; слѣдовательно, онъ есть ихъ вѣрнѣйшее и въ то же время кратчайшее выраженіе“*).

*) „Изъ дневника Амизла“. Переводъ подъ ред. Льва Толстого 1894. Стр. 41.— „Въ сущности говоря, реальность обуславливается идеаломъ, который и составляетъ цѣль этой реальности, и исторію дѣяній невозможно понять безъ исторіи идей“. А. Ф у л л е, Исторія философіи. 1893. Стр. 5.

Не упразднять идеалы, не обходить ихъ, не идти въ разрѣзъ съ ними, а *стремиться осуществить ихъ насколько это окажется возможнымъ въ данное время и при данныхъ условіяхъ*,—вотъ что составляетъ трудную задачу человѣчества. Но при этомъ никогда не слѣдуетъ забывать заповѣди: „не сотвори себѣ кумира“. Жизнь всегда при своей необъятности будетъ представлять случаи, которыхъ нельзя уложить въ готовые формулы, какъ бы красиво эти формулы ни звучали. Въ частности, для законодателя руководящимъ правиломъ всегда должно быть приспособленіе къ среднему человѣку: всѣ законы пишутся въ расчетъ именно на такого человѣка, а не на героя.

Чтобы сдѣлать мою основную мысль совершенно ясной, воспользуюсь слѣдующимъ примѣромъ. Линія, кругъ, шаръ—все это чисто-идеальныя построенія разума, не только не существующія но и не могущія существовать въ природѣ. А между тѣмъ эти идеалы оказываетъ самое реальное, могучее вліяніе на жизни: мы стремимся, напр., изъ даннаго матеріала сдѣлать шаръ, какъ можно болѣе подходящій къ идеальному шару, существующему только въ теоріи. И если нашъ матеріалъ таковъ, что, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы вынуждены оставить на поверхности углубленія и возвышенія, то мы все таки постараемся, чтобы эти углубленія и возвышенія насколько возможно не нарушали общаго впечатлѣнія шара. Мы такимъ образомъ будемъ считаться съ нашимъ матеріаломъ, но въ то же время имѣть виду конечную цѣль, Аристотелевскую *causa finalis*, Платоновскую идею.

Одной изъ благороднѣйшихъ задачъ науки является установленіе и оцѣнка идеаловъ, этихъ маячныхъ огней, указывающихъ человѣчеству лучшее будущее; вмѣстѣ съ тѣмъ наука изыскиваетъ средства къ осуществленію идеаловъ*).

*) Проф. Н. Новгородцевъ („Изъ лекцій по общей теоріи права. Часть методологическая“ 1904), говоритъ: „Крупной и знаменательной работа юриспруденціи можетъ быть только тогда, когда она исходитъ отъ идеальныхъ началъ и вдохновляется ими: когда она свободно обозрѣвая свой матеріалъ, возвышается надъ нимъ во имя высшихъ принциповъ. Безъ этого ей остается полезная, конечно, но чисто техническая задача приспособленія законодательнаго матеріала для нуждъ практическаго оборота“. Тѣ же мысли авторъ высказываетъ въ своей прекрасной работѣ „Нравственный идеализмъ въ философіи права“ (въ сборникѣ „Проблемы идеализма“, Стр. 248)—Срив. Прив.-доц. В. Гессенъ „О наукѣ права“ въ сборникѣ „Введеніе въ изученіе социальныхъ наукъ“, подъ ред. проф. Н. Карцева. 1903.

Но, конечно, для того, чтобы идеалы не превращались въ утопіи, необходимо тщательное изученіе дѣйствительности. Категоріи „долженствованія“ и „бытія“ вовсе не являются столь чуждыми другъ другу, какъ это находятъ нѣкоторые выдающіеся представители человѣческой мысли: для того, чтобы опредѣлить то, что должно быть, надо предварительно опредѣлить, то, что существуетъ и что возможно. При этомъ „возможно“ вовсе не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ полного осуществленія. Каждый великій идеалъ заключаетъ въ себѣ большую долю безконечнаго: онъ недостижимъ во всей своей полнотѣ. Но именно благодаря этому онъ не даетъ людямъ успокоиться на достигнутыхъ результатахъ, онъ призываетъ къ непрерывной работѣ, движенію впередъ, держитъ въ напряженіи всѣ силы ихъ духа. Критеріемъ для отличія дѣйствительныхъ идеаловъ отъ химеръ служитъ согласіе съ разумно понятой природой человѣка, и возможность служить счастью человечества*). Примѣромъ ложныхъ идеаловъ можетъ служить выставлемый Толстымъ идеалъ абсолютнаго цѣломудрія: достиженіе этого идеала (если бы даже допустить, что когда-нибудь удалось бы искоренить изъ природы человѣка половое влеченіе) значило бы прекращеніе жизни человечества. Совершенно другимъ характеромъ отличается выставлемый Толстымъ идеалъ всеобщаго братства и полнаго отсутствія насилія. И этотъ идеалъ недостижимъ, но онъ глубоко разуменъ, онъ несомнѣнно вытекаетъ изъ природы человѣка, какъ нравственно-разумнаго существа, стремящагося къ высшей духовной жизни; наконецъ, онъ служитъ счастью человечества: чѣмъ больше человечество къ нему приближается, тѣмъ лучше становится жизнь. Это дѣйствительно маякъ, освѣщающій каждый шагъ на пути къ завѣтной цѣли, вѣрный и на-

) Stérile est la chimère, comme ces monstres qui, alors même qu'ils ont pu naître ne peuvent du moins enfanter à leur tour; fécond est l'idéal, comme ces conceptions créatrices du poète, de l'artiste, du philosophe, qui peuvent faire surgir au monde nouveau d'idées, de sentiments, de volontés. La chimère est irréalisable, l'idéal est progressivement réalisable; l'une est contre la nature, l'autre est selon la nature; l'une est le faux l'autre est le vrai. La science sociale et politique, plus encore que tout autre, doit tenir compte de l'idéal et dans ses principes et dans ses applications. La science sociale en effet tend à la pratique et il n'y a point de pratique sans idéal; un être intelligent ne peut rien faire sans se demander ce qu'il y a de meilleur à faire. En outre, valeur de la pratique dépend de l'élévation de l'idée. - A. Fouillée, L'idée moderne du droit. 1897. 235 - 236.

дежной критерій для оцѣнки каждаго такого шага, каждой принятой мѣры.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что если въ глубокую темную ночь мы видимъ фонарь у воротъ нашего дома, то мы должны идти прямо на этотъ фонарь, рискуя попасть въ канаву или сломать себѣ ногу о какое нибудь препятствіе. Для насъ важно, что мы знаемъ, куда идемъ, знаемъ, что заблудиться мы не можемъ; а если канавы и другія препятствія на пути заставятъ насъ избрать вмѣсто прямого пути окольный, если домой мы по пойдемъ не такъ скоро, то зато мы не рискуемъ своею жизнью или здоровьемъ.

Точно также изъ безусловной правильности идеала всеобщаго братства и отсутствія насилія вовсе не слѣдуетъ, что уже теперь, при существованіи такого поражающаго количества тьмыдикости, грубости и другихъ проявленій низшей стороны природы человѣка, — должны быть выброшены за бортъ всѣ тѣ внѣшнія средства, при помощи которыхъ сдерживается звѣрь въ человѣкѣ.

Однимъ изъ этихъ средствъ, средствомъ крайнимъ, самымъ рѣзкимъ, является наказаніе, и пока не будетъ доказано воочію, что средство это всегда, при всякихъ обстоятельствахъ кромѣ вреда ничего принести не можетъ, до тѣхъ поръ оно имѣетъ полное право на существованіе. А доказать это еще никому не удалось, да врядъ ли когда и удастся.

Фуллеръ указываетъ на то, что значительная часть вины въ каждомъ преступленіи лежитъ на всемъ обществѣ и на каждомъ членѣ общества. „A vrai dire, говоритъ онъ, son crime n'a fait que réléver aux yeux, parmi les hommes, un état de guerre latent auquel tous contribuent, comme le choc de la foudre révèle l'orage amassé dans les nues*). Подъ этими прекрасными строками охотно бы подписался Толстой. И тѣмъ не менѣе Фуллеръ не дѣлаетъ изъ нихъ вывода о необходимости полного упраздненія наказанія. Такой выдающійся теоретикъ социализма, какъ А. Менгеръ, отлично сознавая невозможность кореннаго перевоспитанія человѣчества, сознавая необходимость организациі и власти, считаемъ даже наказаніе вѣрнѣйшей гарантіей правопорядка. „Die

*) La science sociale 305—306.

sicherste Garantie für die Verwirklichung der Rechte bleibt immer die Strafe“, говоритъ онъ*).

Очень часто можно встрѣтить въ литературѣ (и даже иногда въ спеціальной) мнѣнія, что наказаніе еще никого никогда не утратило, а стало быть оно бесполезно для уменьшенія преступленій. Это весьма легкомысленная фраза, и надо только удивляться, что ее повторяютъ нѣкоторые серьезные ученые и даже нѣкоторые криминалисты**).

Въ доказательство приводятъ обыкновенно дѣтское разсужденіе: наказаніе такъ же старо, какъ человѣчество, а между тѣмъ преступленія постоянно существовали и существуютъ. Это все равно, какъ если бы сказать: не смотря на существованіе медицины больные умирали и умираютъ,—значитъ медицина не достигаетъ цѣли и ее нужно упразднить.

Что исторія знаетъ массу примѣровъ, когда уголовныя кары не только не достигали своей цѣли, но производили прямо противоположные эффекты***), это нисколько не говоритъ противъ самаго принципа, но лишь противъ его примѣненія. Конечно, сколько бы прусскій законодатель ни каралъ обученіе польскимъ отцомъ своего сына родному языку, онъ не добьется никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ противоположныхъ ожидаемому. Отрицательные результаты получаются и тогда, когда уголовныя кары примѣняются для подавленія идей, вѣрованій; когда онѣ гро-

*) Neue Staatslehre, 187.

**) Напр. у А. Кнестяковскаго (Учебникъ. 1882. Стр. 172) мы читаемъ такое догматически выставленное положеніе: „Нигдѣ научнымъ образомъ, посредствомъ статистическихъ данныхъ (!) доказано, что наказаніе—жестокое ли, мягкое ли абсолютно немощно (!) утратить будущихъ преступниковъ и предотвратить нарушеніе законовъ“. Самъ Кнестяковскій во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи противорѣчитъ себѣ, т. к. много говоритъ о сдерживающей силѣ наказанія, о цѣлесообразной организаціи отбытія наказанія и т. д. По поводу „статистическихъ данныхъ“ итальянскій ученый Сегги въ своей книгѣ „L'esercito e la sua criminalita“ совершенно правильно замѣчаетъ, что „криминалистъ, изучающій новое проявленіе преступности, воспроизводящее предшествующее, не долженъ забывать, что если онъ принужденъ записывать лишнее преступленіе, онъ не въ состояніи одновременно прибавить единицы къ статистикѣ случаевъ воздержанія отъ преступленія, обусловленнаго разумной репрессіей“. (Книга Сегги мнѣ неизвѣстна: цитирую по Вульфберту „Антрополого-позитивная школа уголовного права въ Италіи“. II, 161).

***) Весьма назидательнымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ изъ исторіи новѣйшаго уголовного права можетъ служить германскій законъ 1878, направленный противъ социалстовъ.

зять за совершение дѣяній, признаваемыхъ обществомъ непреступными. Наказаніе безсильно уменьшить количество преступленій, совершаемыхъ по страсти.

Но съ другой стороны, есть очень много поступковъ, вытекающихъ изъ грубыхъ, низшихъ побужденій человѣческой природы, по отношенію къ которымъ наказаніе производитъ сдерживающій эффектъ*). Есть масса мелкихъ, повседневныхъ правонарушеній, чрезмѣрное увеличеніе которыхъ сдѣлало бы невозможной культурную жизнь, и для уменьшенія, а даже при нѣкоторыхъ условіяхъ, для полного уничтоженія которыхъ наказаніе является весьма пригоднымъ средствомъ**).

Но даже и для дѣяній, не имѣющихъ въ своей основѣ низшихъ стремленій, наказаніе очень часто можетъ оказывать задерживающій эффектъ. Исторія знаетъ примѣры, когда систематическимъ примѣненіемъ репрессивныхъ мѣръ государство на долгое время задерживало развитіе общественной самостоятельности, тормозило всякое прогрессивное движеніе заставляло убѣ-

*) У Новгородцева („Право и нравственность“; въ „Сборникѣ общ. юрид. знаній“ 1899. Стр. 135) читаемъ слѣдующія превосходная мысли: „Въ общемъ развитіи человѣческой культуры праву принадлежитъ та великая заслуга, что оно вноситъ въ общественныя отношенія твердость и устойчивость, неизвѣстная рабѣ. Однимъ изъ внутреннихъ мотивовъ для людей недостаточно, чтобы сдерживать проявленія ихъ въ раждебныхъ страстей и устранить возможность общественныхъ столкновеній. Необходима твердая правовая организація, которая могла бы присоединить къ внутреннимъ мотивамъ сдерживающую силу внѣшняго закона и охранительный надзоръ власти. Только организація твердаго правового порядка вноситъ въ общество прочное и устойчивое замиреніе различныхъ общественныхъ элементовъ. Но когда достигается эта цѣль болѣе прочнаго внѣшняго замиренія, создается и лучшая почва для развитія нравственныхъ отношеній. Подъ охранительной сѣнью закона, обезпечивающаго общественный порядокъ, утверждаются и упрочиваются и связи нравственныя. Не право ихъ создаетъ, конечно; но оно обезпечиваетъ для нихъ возможность счастливаго и успѣшнаго развитія, подобно тому, какъ всякая внѣшняя охрана, которая не производитъ роста, а только способствуетъ ему. Съ другой стороны, запрещая и карая злыя проявленія человѣческой воли, право имѣетъ извѣстное воспитательное значеніе: оно уничтожаетъ такимъ образомъ необузданный произволъ человѣческихъ страстей и въ самомъ внутреннемъ мірѣ человѣка оставляетъ слѣды своего воздѣйствія. Вотъ почему такъ важно, чтобы весь правовой складъ общественныхъ отношеній прониклся нравственнымъ духомъ и чтобы правовая жизнь народа протекала въ здоровой атмосферѣ твердаго порядка и законной справедливости“. Сравни, глубокія замѣчанія у Влад. Соловьева „Оправданіе добра“, стр. 551 и слѣд.

***) Ср. мою работу „Къ вопросу объ упрощеніи суммарнаго уголовного процесса“. Вѣстн. Права. 1903, II—III.

жденныхъ приверженцевъ передовыхъ идей отказываться отъ работы для общаго блага. Конечно, это фактъ въ высшей степени печальный, доказывающій, что государство можетъ становиться на ложную дорогу, но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ фактъ самымъ очевиднымъ образомъ доказываетъ сдерживающій эффектъ наказанія: ужъ если оно проявляетъ такой эффектъ по отношенію къ людямъ, одушевленнымъ самыми благородными стремленіями, то какимъ могучимъ орудіемъ оно можетъ быть въ рукахъ разумной уголовной политики!

Самымъ лучшимъ опытомъ, который могъ бы окончательно разрѣшить всѣ сомнѣнія относительно цѣлесообразности наказанія въ борьбѣ съ преступностью, былъ бы такой: отмѣнить на годъ всѣ уголовные законы, и затѣмъ сравнить статистическія данныя до и послѣ такой отмѣны. Но, вѣроятно, этого опыта никто не рѣшится произвести *).

И тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что анархизмъ, и въ особенности ученіе Толстого, обнаруживъ темныя стороны наказанія, имѣетъ въ этомъ отношеніи громадное значеніе для науки. Толстой, напр., съ необычайной силой, съ заразительной убѣдительностью, на которую способенъ только художникъ, показалъ, что всякое принужденіе, насиліе, а тѣмъ болѣе всякое крайнее проявленіе его—наказаніе—есть зло **).

Уже и раньше многіе криминалисты говорили, что наказаніе есть мечъ безъ рукоятки, который ранитъ и того, кто его употребляетъ; иногда наказаніе прямо называли неправдой, зломъ ***). Но положенія эти или высказывались вскользь, или имъ придавались весьма ограничительныя толкованія, или изъ нихъ дѣлались невѣрные выводы, или, наконецъ, они не проводились строго послѣдовательно.

*) См. очень интересныя замѣчанія и историческіе примѣры, доказывающіе сдерживающій эффектъ наказанія, у Т а р д а: *La philosophie pénale*. 1895, стр. 477—487. Ср. S c h o r e n h a u e r. *Parenga und Paralipomena* (Hendel) II, 340; К о л о х о л о в ъ. О покушеніи, стр. 186—197. Прив.—доц. С. П о з н а н ш е в ъ („Основные вопросы ученія о наказаніи“). 1904, 374) совершенно правъ, говоря, что „при рациональной организаціи наказаніе можетъ оказывать на преступленіе весьма сильное подавляющее вліяніе“.

***) Ошибка Толстого заключается въ томъ, что онъ считаетъ наказаніе абсолютнымъ зломъ.

***) Напр. A n t. B a r t h. *Ueber den Rechtsgrund der Strafe*. 1833.

Толстой пришелъ на помощь наукѣ и въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія, что наказаніе есть зло, могущее при неумѣломъ или пользованіи производить самые печальные эффекты, могущее дѣйствовать самымъ опаснымъ образомъ и на наказующаго, и на наказуемаго, и на окружающихъ, могущее превратиться въ наиболее сильный тормазъ прогресса. Это положеніе должно лечь въ основу науки уголовного права, сдѣлаться краеугольнымъ камнемъ этой науки.

Значеніе этого положенія станетъ для насъ еще болѣе яснымъ, когда мы вспомнимъ, что и теперь есть много ученыхъ, которые считаютъ наказаніе актомъ высшей справедливости и возмездіе объявляютъ верховымъ принципомъ уголовного права*).

Величайшіе умы человѣчества раздѣляли и раздѣляютъ эти воззрѣнія. Такъ, Кантъ, которому наука права обязана однимъ изъ лучшихъ брилліантовъ въ своей коронѣ,—принципомъ самоцѣльности свободной человѣческой личности,—Кантъ училъ, что если бы человѣчеству предстояло завтра погибнуть, то все-таки сегодня должны быть казнены содержащіеся въ тюрьмахъ убійцы, такъ какъ наказаніе не есть средство, а самоцѣль**). Точно такое же въ сущности воззрѣніе имѣлъ и другой колоссъ человѣческой мысли—Гегель.

И если даже такой изъ ряда выходящій умъ, какъ Чичеринъ, защищаетъ принципъ возмездія и на этомъ основаніи высказывается противъ весьма симпатичнаго института условнаго осужденія, то насъ не должно удивлять, что въ наукѣ довольно прочно держится еще то направленіе, благодаря которому криминалисты получили, по остроумному выраженію Фойницкаго, не совѣмъ лестное прозвище „кнутобойцы“.

Какъ часто еще можно слышать разсужденія о вредѣ гуманнаго отношенія къ преступнику, о томъ, что преступникъ, совершивъ преступленіе, обратился по отношенію къ государству въ безправное существо, съ которымъ, ради охраны общества

*) Паур, Калькеръ (Strafrecht und Ethik. 1897). Меркель (Lehrbuch. 1889), Колеръ (Das Wesen der Strafe. 1888), Вахъ (Kriminalistische Schulen und die Strafrechtreform. 1902), Биркмейеръ (его статья въ 48 томѣ Archiv für Strafrecht und Strafprozess) и др.

**) Rechtslehre. 1798 Стр 229.

отъ лихихъ людей, можно дѣлать все, что угодно *) до „обезвреженія“, „кастраціи“ **) и т. п. Какъ сильна еще вѣра въ то, что наказаніе есть лучшее и самое надежное средство для борьбы съ преступностью ***)!

А между тѣмъ наказаніе есть только палліативъ. Единственнымъ цѣннымъ для общества результатомъ наказанія является рядъ косвенныхъ вліяній въ видѣ поддержанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторитета закона, устрашенія, предупрежденія дикой саморасправы, иногда исправленія (соціальнаго) преступника, а главное—подавленія многихъ низкихъ инстинктовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ другіе мотивы дѣйствуютъ недостаточно: тутъ въ полномъ смыслѣ слова *similia similibus curantur* †).

И хотя наказаніе есть средство весьма грубое, хотя оно представляетъ собой лишь палліативъ, но, къ сожалѣнію, безъ него обойтись нельзя. Наказаніе представляетъ собою квалифицированное принужденіе, почему и не противорѣчитъ сущности права, такъ какъ принужденіе есть одна изъ существенныхъ гарантій права. Наказаніе, конечно, есть зло, но зло необходимое †*).

*) Къ этой же категоріи явленій слѣдуетъ отнести защищаемые многими представителями „передовыхъ“ теченій въ наукѣ неопредѣленные приговоры въ ихъ крайнемъ видѣ: трудно придумать мѣру, болѣе рѣзкимъ образомъ нарушающую принципъ самоцѣльности личности.

**) См. напр. R. de Grasserie. Les principes sociologiques de la criminalogie, 1901; а въ особенности статья Näcke въ первой книгѣ Archiv für krimin. Anthropologie.

***) См. напр. панегирикъ наказанію въ работѣ Löffler'a: Der Begriff der Verantwortlichkeit (Bulletin de l'Union intern. de dr. pénal. VI)

†) Многие еще увлекаются идеей исправленія посредствомъ наказанія. Думаю, что Grolmann въ своей книгѣ Grundsätze der Kriminalwissenschaft, вышедшей въ 1798 г., совершенно правильно высказался противъ исправленія въ нравственномъ смыслѣ, какъ цѣли наказанія и что Фейербахъ не даромъ называется отцомъ науки уголовного права, доказавъ, что главнѣйшая цѣль наказанія заключается въ психологическомъ принужденіи (общее предупрежденіе, т. е. въ концѣ концовъ устрашеніе, конечно не въ смыслѣ „жестокости казней“). Моментъ исправленія и другіе моменты играютъ хотя и важную, но все-таки второстепенную роль. Проф. С. Мокрискій. (Наказаніе, его цѣли и предположенія 1902. I, 106—107) правильно подчеркиваетъ основное назначеніе принципа общаго предупрежденія.

†*) Наказаніе обусловлено фактической необходимостью. Прекрасно замѣчаетъ Вл. Соловьевъ (I с. 398 и слѣд): „Всякій понимаетъ, что въ совершенномъ обществѣ не должно быть никакого принужденія, но въдъ это совершенство должно быть достигнуто, и тутъ уже волиѣ ясно, что предоставить злымъ и безумнымъ людямъ полную свободу истреблять людей нормальныхъ отнюдь не есть правильный путь

Теперь посмотримъ, какіе результаты получаются изъ только что сказаннаго.

Если наказаніе есть зло, если оно есть средство очень опасное, *ultimum remedium* права, то очевидно, что *имъ надо пользоваться въ высшей степени бережно, осторожно, всегда имѣя въ виду тѣ многочисленныя вредныя эффе́кты, которыя оно можетъ произвести* *).

Было время, когда законодатель щедрою рукою разсыпалъ всевозможныя наказанія за каждый поступокъ, въ которомъ усматривалъ опасность для существующаго порядка вещей: уголовныя кодексы пестрятъ свидѣтельствами, до какихъ заблужденій доходить человѣчество въ этой области. Еще и въ настоящее время можно встрѣтить обломки средневѣковыхъ воззрѣній, въ особенности въ отдѣлахъ преступленій религіозныхъ, половыхъ и государственныхъ.

Но чѣмъ дальше пойдетъ человѣчество на пути къ прогрессу, тѣмъ болѣе уголовныя кодексы будутъ уменьшаться въ объемѣ. Глубоко вѣрно сказалъ Игерингъ, что область карательной репрессіи стоитъ въ обратномъ отношеніи къ совершенству правового порядка и зрѣлости народа, и знаменитая фраза его **) „исторія наказанія есть постепенное вымираніе его“, вовсе не есть парадоксъ. Конечно, мечтать о полномъ исчезновеніи уголовныхъ кодексовъ было бы утопіей. Болѣе совершенный порядокъ общежитія можетъ создать даже нѣкоторыя новыя виды преступленій, до сихъ поръ еще неизвѣстныя въ исторіи уголовного права***). Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что: 1) разумныя соціальныя реформы могутъ уничтожить почву, питающую боль-

для осуществленія совершеннаго общества. Желательна здѣсь не свобода зла, а организація добра. „Но, говорить современные софисты, общество часто принимало за зло то, что потомъ оказывалось добромъ, и преслѣдовало какъ преступниковъ людей невинныхъ: значить уголовное прова никуда негодно и нужно все отказаться отъ всякаго принужденія“. Этотъ аргументъ мною не выдуманъ,—я его слыхалъ и читалъ много разъ. Но такой логикѣ ошибочная астроломическая система Птолемея есть достаточное основаніе, чтобы отказаться отъ астрономіи, и изъ заблужденій алхимиковъ слѣдуетъ негодность химія“.

*) Необходимость перенесенія центра тяжести на предупрежденіе преступленій дѣлается такимъ образомъ еще яснѣе.

**) *Das Schuldmoment im Römischen Privatrecht* 1867, стр. 4. Я совершенно не могу согласиться съ тѣмъ толкованіемъ этой мысли, какое даетъ Сергѣевскій (*Русское угол. право*. 1904 стр. 110, примѣч).

***) Напр. нарушение *allgemeine Arbeitspflicht*. (A. Menger, 1 с. 192).

шую часть преступлений, извѣстныхъ современному праву; 2) что значительная часть преступлений должна быть вычеркнута уже теперь изъ кодексовъ, составляя пережитокъ низшей ступени культуры; 3) что чѣмъ культурнѣе будетъ дѣлаться человѣкъ, чѣмъ больше духовная сторона его будетъ развиваться, тѣмъ менѣе онъ окажется способнымъ къ совершенію очень многихъ преступлений, и 4) чѣмъ лучше и полнѣе будетъ организована предупредительная дѣятельность и чѣмъ лучше будетъ обезпечено раскрытіе и немедленное осужденіе каждаго преступленія, тѣмъ менѣе будетъ ихъ совершаться.

Если ко всему сказанному прибавить развитіе институтовъ вродѣ условнаго осужденія, то мы установимъ на самомъ солидномъ научномъ фундаментѣ слѣдующее положеніе: человѣчество достигнетъ такого состоянія, при которомъ уголовный кодексъ будетъ представлять собою очень небольшой списокъ преступлений; эти преступления очень рѣдко будутъ совершаться и еще рѣже будутъ влечь за собой дѣйствительное прирѣшеніе наказанія.

Все сказанное до сихъ поръ даетъ намъ право сказать, что анархизмъ есть заблужденіе человѣческаго ума, что государство есть необходимая форма общежитія и что внѣшнія средства принужденія, которыми вооружена власть, не только не могутъ быть названы абсолютнымъ зломъ, но представляютъ собою одну изъ существенныхъ гарантій права.

Но такъ какъ власть имѣетъ много темныхъ сторонъ), такъ какъ внѣшнія принудительныя мѣры, а въ особенности наказаніе, могутъ при злоупотребленіи ими (а даже и при добросовѣстномъ, но неумѣломъ употребленіи) привести къ неисчислимымъ бѣдствіямъ для человѣчества, то представляется необходимымъ создать самыя надежныя гарантіи противъ возможныхъ въ каждомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ заблужденій и злоупотребленій.*

И вотъ тутъ возникаетъ величайшая изъ всѣхъ проблемъ науки права: проблема пре-

*) Въ послѣднее время много говорятъ объ открытіи законовъ социальныхъ явленій, какъ о задачѣ науки. Если не считать нѣсколькихъ довольно безсодержательныхъ общихъ мѣстъ, такихъ законовъ открыто пока слишкомъ мало. Казалось бы, что въ небольшой списокъ законовъ могъ бы быть внесенъ законъ, по которому всякая власть имѣетъ тяготѣніе къ деспотизму.

вращенія силы въ право*), проблема обезвреженія наказанія, превращенія его въ факторъ культуры.

Къ разрѣшенію этой проблемы наука приходитъ путемъ разрѣшенія четырехъ проблемъ, находящихся другъ съ другомъ въ самой тѣсной связи. Удачное разрѣшеніе ихъ создаетъ стройную и надежную систему гарантій, при которыхъ государство можетъ пользоваться ввѣреннымъ ему страшнымъ оружіемъ безъ опасности для своей культурной миссіи.

Вотъ эти проблемы: 1) надлежащая организація верховной власти (проблема государственнаго права), 2) созданіе уголовного кодекса (проблема уголовного права), 3) надлежащая организація суда и процесса (проблема судебного права) и 4) надлежащая организація отбытія наказанія (проблема тюремвѣдѣнія). Неудачное разрѣшеніе какой нибудь одной изъ этихъ проблемъ роковымъ образомъ вліяетъ на всю систему гарантій.

*) „Что правовыя отношенія въ историческомъ порядкѣ слѣдуютъ за насильственными,—это такъ же несомнѣнно, какъ и то, что въ исторіи нашей планеты органическая жизнь явилась послѣ и на основѣ процессовъ неорганическихъ, изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, чтобы собственнымъ принципомъ органическихъ формъ, какъ такихъ, было неорганическое вещество. Игра естественныхъ силъ въ человѣчествѣ есть лишь матеріаль правовыхъ отношеній, а никакъ не ихъ принципъ, иначе въ чемъ же было бы различіе между правомъ и безправіемъ? Право есть ограниченная сила, но дѣло именно въ томъ, что ограничиваетъ силу. Подобнымъ образомъ и нравственность можно опредѣлить, какъ преодолѣваемое зло, изъ чего не слѣдуетъ, чтобы принципомъ нравственности было зло“. Вл. Соловьевъ. I. с., 553.

Г Л А В А II.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію въ общихъ чертахъ тѣхъ принциповъ, которые лежатъ въ основѣ разрѣшенія указанныхъ проблемъ. Это разсмотрѣніе выяснитъ намъ мѣсто, которое занимаетъ проблема организациі суда въ ряду другихъ гарантій и покажетъ, какое значеніе имѣетъ судъ въ государственной жизни.

I. Прежде всего наука государственнаго права стремится найти такую организацию верховой власти, при которой всѣ темныя стороны ея были бы сведены къ минимуму. Эта наука старается создать власть, какъ выразительницу стремленій всего общества, какъ разумную руководительницу его, какъ охранительницу правъ каждаго гражданина. Твердо и неуклонно должна власть дѣлать свое великое культурное дѣло, мощною рукой охраняя правопорядокъ отъ всякихъ на него покушеній, но при этомъ ни на минуту не забывать, что „общества имѣютъ собственно реальное существованіе только въ личностяхъ, ихъ составляющихъ“ *), что основной задачей государственной дѣя-

*) Арнольд и. Задачи пониманія исторіи. 1898. Стр. 31.—Въ 1901 году вышла прекрасная книга проф. Дюгюи *L'état, le droit objectif et la loi positive*, въ которой авторъ еще разъ доказалъ неправомерность органической теоріи государства, дѣлающей изъ государства самостоятельную „нравственную личность“ съ присущими ей специфическими требованіями. Еллинекъ (I. с. 108): „Государство, такимъ образомъ, ни въ какомъ направленіи не представляется субстанціей, а исключительно функціей. Лежащей въ основѣ этой функціи субстанціей являются и всегда остаются только люди“; (ibid. 161): „Существенные продуктивные элементы всей культуры народа заключаются преимущественно въ самыхъ индивидахъ, а не въ государственномъ обществѣ“.—Ср. Г е ф ф д и н гъ. Этика. 1898, стр. 334 и слѣд.; Карѣевъ. Историко-философскіе и социологическіе этюды. 1894, стр. 151—156; Основные вопросы философіи исторіи. 1887, т. II, кн. IV; Ч и ч е р и нъ. Курсъ государственной науки. III, 133 и сл.; II, 4—10 et pass.; Собственность и государство, II, §3; Философія права, кн. I; А. M e n g e r. Neue Staatslehre. 1903, 29 et pass.; V a c h e r o t. La Démocratie. 1860, 229, 233 et pass.; D u p o n - W h i t e. L'individu et l'Etat. 1857, стр. LX; Fouillée. L'idée moderne du droit 1897;

тельности должно быть не усиленіе могущества, а приобщеніе всѣхъ гражданъ безъ исключенія къ благамъ истинно культурной жизни, подготовленіе гражданъ къ идеальному общежитію, наконецъ, что общее благо есть лишь сумма благъ всѣхъ составляющихъ общество личностей.

При этомъ необходимо имѣть въ виду: 1) что это „приобщеніе“ можетъ быть достигнуто только на почвѣ свободы, на почвѣ уваженія къ личности*); 2) что управленіе государствомъ не можетъ быть передано въ руки толпы и должно быть удѣломъ избранныхъ, лучшихъ, обладающихъ надлежащими свойствами людей и 3) что верховная власть должна быть такъ организована, чтобы она какъ въ зеркалѣ отражала бы въ себѣ всѣ интересы общества, чтобы всѣ реальныя силы страны были бы въ ней представлены.

При такихъ условіяхъ власть не будетъ руководиться узкими интересами, она будетъ понимать всю важность поднятія цѣнности и достоинства человѣческой личности. Она будетъ понимать, что правопорядокъ не долженъ служить интересамъ одного какого нибудь класса, а призванъ вносить гармонію въ борьбу интересовъ, призванъ служить высшимъ этическимъ началамъ. И изданные такою властью уголовные законы будутъ продиктованы истинными, разумно понятыми потребностями правопорядка.

II. Лучшей и самой надежной руководительницей для власти при изданіи ею уголовныхъ законовъ служить наука уголовного права, но конечно не такая наука, которая занимается пересказомъ статей закона и учить, что преступленіе есть все то, что законодатель считаетъ нужнымъ объявить преступленіемъ.

И самое существованіе этой науки обусловлено существованіемъ такого страшнаго средства охраны правопорядка, какъ на-

La science sociale contemporaine. 1897: Spencer. The man versus the state 1884; Renouvier. La science de la morale. 1869. II; Франческо Нитти. Основныя начала финансовой науки. 1904, стр. 18 и слѣд. P. Voistel. Cours de philosophie du droit. 1899. II, 159 и слѣд. P. Leroy-Beaulieu. L'état moderne et ses fonctions. 1900: H. Michel. L'idée de l'Etat. 1896.

*) Ср. прекрасныя замѣчанія у Тэна. Соціализмъ какъ правительство. 1881. 45—47, а также слѣдующую глубокую мысль Паульсена: „Der Staat zieht sich von dem Gebiet des geistig-persönlichen Lebens mehr und mehr zurück, dagegen dehnt er seine Thätigkeit auf dem Gebiete des wissenschaftlich-gesellschaftlichen Lebens mehr und mehr aus“. (System der Ethik, II, 595).

казаніе. Главнѣйшая задача науки заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, при наличности какихъ условій къ человѣку, свободной личности, носителю искры Божіей, носителю сознанія абсолютнаго, можетъ быть примѣнена высшая, самая рѣзкая форма принужденія (наказаніе есть квалифицированное принужденіе), поражающая человѣка въ самыхъ драгоценныхъ его правахъ, такъ рѣзко противорѣчащая конечной цѣли культуры—всеобщему братству*).

Наказаніе и есть тотъ принципъ, который объединяетъ собою извѣстную группу социальныхъ явленій и даетъ основаніе для выдѣленія этой группы въ самостоятельную науку. Такимъ образомъ для науки уголовного права основнымъ понятіемъ является понятіе наказанія, а не преступленія**). Биндингъ доказалъ, что всякое правонарушеніе можетъ быть объявлено преступленіемъ***), а въ настоящее время ученіе о принципиальномъ единствѣ всякой неправды можно считать прочно установленнымъ, несмотря на все еще сильную оппозицію многихъ выдающихся ученыхъ†). Теорія принципиальнаго единства всякой неправды служитъ весьма солидной опорой защищаемому мною воззрѣнію о приоритетѣ понятія наказанія для науки уголовного права.

Однимъ изъ главнѣйшихъ слѣдствій этого воззрѣнія является признаніе неправильности тѣхъ направленій, которыя требу-

*) Монтескье совершенно правъ, говоря (Esprit, XII. ch. III), что свобода гражданина зависитъ главнымъ образомъ отъ доброкачественности уголовныхъ законовъ.

**) Совершенно правильно говоритъ Гуго Мейеръ: Der Grundbegriff des Strafrechts, d. h. derjenige Begriff, durch welchen sich das Strafrecht von allen übrigen Gebieten unterscheidet, ist nicht der Begriff der strafbaren Handlung, sondern der Strafe, von dem auch der Begriff der strafbaren Handlung abhängt. (Lehrbuch 1895, 3).—Сравни. I. Maus. De la justice pénale. 1890, 43 и слѣд. Доводы защитниковъ противоположнаго воззрѣнія (напр. М. Liepmann. Einleitung in das Strafrecht. 1900, 3 и слѣд.)—не убѣдительны.

***) Die Normen und ihre Uebertretung. I, 427—428. Ср. Henke. Handbuch d. Criminalrechts und Criminalpolitik. 1823. 183—253

†) См. прекрасную работу А. Меркеля Zur Lehre von den Grundeintheilungen des Unrechts und seiner Rechtsfolgen (Krim. Abh.). Совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Л. Бѣлогриць-Котляревскій, что единая въ своемъ родовомъ понятіи неправда можетъ подраздѣляться на самостоятельные виды, имѣющіе свои особые индивидуальныя черты. (Очерки курса угол. права, 1904 г., стр. 103) Въ своей работѣ „Понятіе преступленія“ („Вѣстникъ Права“, 1901, мартъ) я держался теоріи принципиальнаго различія неправды, но болѣе внимательное изученіе вопроса заставило меня измѣнить свое воззрѣніе.

ютъ расширенія границъ науки уголовного права и введенія въ эту науку, напр., указанія необходимыхъ соціальныхъ реформъ для предупрежденія преступленій*). Изъ того, что криминалистъ, какъ и каждый ученый, обязанъ на каждомъ шагу считаться со многими другими науками, изъ того, что всѣ области знанія составляютъ одно гармоническое цѣлое, отнюдь не слѣдуетъ, что нужно упразднить принципъ раздѣленія труда и изъ уголовного права создать всеобъемлющую науку, трактующую объ всемъ, что имѣетъ какое бы то ни было отношеніе къ преступленію. Задача той области права, съ которой имѣетъ дѣло криминалистъ, какъ таковой,—не предупреждать преступленія, а карать ихъ; уголовное право выступаетъ на сцену только тогда, когда исчерпаны всѣ средства и ставится вопросъ о примѣненіи послѣдняго, крайняго средства. Опасность этого средства и создаетъ необходимость существованія особой науки, которая, несмотря на кажущуюся ограниченность своей области, должна рѣшить слишкомъ много самыхъ животрепещущихъ вопросовъ и потому никогда не потеряетъ права на существованіе.

Важнѣйшимъ изъ этихъ вопросовъ по отношенію къ каждому отдѣльному преступленію является слѣдующій вопросъ: дѣйствительно ли данное общественное явленіе столь опасно для общезжитія, дѣйствительно ли оно нарушаетъ такіе важные интересы, дѣйствительно ли исчерпаны всѣ другія средства для уничтоженія этого явленія, что государство вынуждено обратиться къ послѣднему, крайнему средству и объявить это общественное явленіе не только правонарушеніемъ, неправдой, но и неправдой наказуемой, т.е. преступленіемъ **)?

Только отвѣтивъ утвердительно на этотъ вопросъ, криминалистъ можетъ перейти къ разрѣшенію остальныхъ, связанныхъ съ даннымъ преступленіемъ вопросовъ ***).

*) Ср. напр. М. Чубинскій. Очерки уголовной политики. 1905. Стр. 37, 58.

**) Таганцевъ (Русск. угол. право 1902, I, 272) находитъ, что неправда наказуемая есть лишь видовое понятіе уголовной неправды. Изъ сказаннаго въ текствѣ и изъ принятаго самимъ Таганцевымъ ученія о принципиальномъ единствѣ неправды слѣдуетъ придти къ выводу о неудачности указанной терминологіи: если за данное правонарушеніе законодатель не грозитъ наказаніемъ, объ уголовной неправдѣ не можетъ быть и рѣчи. Неправда наказуемая и неправда уголовная—понятія тождественныя.

***) Сравни замѣчанія П. Пусторослова, „Программа лекцій по общей части русскаго угол. права“, 1904, стр. 51 и слѣд.

Въ числѣ этихъ остальныхъ вопросовъ важное мѣсто занимаетъ вопросъ о наказаніи, находящійся въ связи съ общими вопросами, относящимися къ основному понятію уголовного права. Изъ защищаемаго мною воззрѣнія слѣдуетъ, что хотя арсеналь средствъ причинять человѣку страданія неистощимъ, законодатель не долженъ пользоваться такими средствами, которыя представляютъ слишкомъ большую опасность для достиженія конечной цѣли культуры, слишкомъ рѣзко противорѣчатъ этой цѣли, которыя несомнѣстимы съ уваженіемъ къ личности, съ признаніемъ наказанія лишь необходимымъ зломъ. Наказаніе должно быть проникнуто не тѣми началами, съ которыми оно борется, а наоборотъ—тѣми, во имя которыхъ оно борется. На этой почвѣ можно разрѣшить, думается мнѣ, одинъ изъ жгучихъ вопросовъ уголовного права—вопросъ о смертной казни, а также вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Если смотрѣть на наказаніе, какъ на самоцѣль, на актъ высшей справедливости, если стать на исключительную точку зрѣнія охраны общества отъ лихихъ людей, если понимать принципъ устрашенія въ его наиболѣе грубой формѣ, то всѣ доводы противъ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній будутъ или не достигать цѣли, или даже бить дальше цѣли.

Съ защищаемой мною точки зрѣнія, эти наказанія, укрѣпляя въ обществѣ привычку къ физическому насилію, способствуя развитію наиболѣе дикихъ и грубыхъ сторонъ человѣческой природы, будучи лишены малѣйшей тѣни уваженія къ личности,—должны быть, какъ остатки варварства, вычеркнуты изъ кодексовъ, хотя бы въ отдѣльныхъ случаяхъ они и оказывались бы цѣлесообразными. Тутъ государственная власть, имѣя въ виду серьезные интересы высшаго порядка, должна пожертвовать мимолетными выгодами, которыя представляетъ удержаніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній въ спискѣ карательныхъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ спискѣ остаются мѣры, обладающія весьма значительной репрессіей, эффектъ которой можетъ быть увеличенъ до максимума при рациональной организаціи отбытія наказанія, а также при рациональной организаціи полиціи и уголовного процесса, обеспечивающихъ быстрое обнаруженіе преступника, немедленное осужденіе его и обращеніе приговора къ исполненію.

По поводу смертной казни и тѣлесныхъ наказаній не могу не сдѣлать еще слѣдующихъ замѣчаній.

Кистяковскій въ своемъ изслѣдованіи о смертной казни*), относясь отрицательно къ „отвлеченно-схоластическимъ“ разсужденіямъ, находитъ, что „вопросъ о смертной казни можно рѣшить только тогда, когда мы признаемъ верховнымъ судьбою и рѣшителемъ совершившійся и совершающійся фактъ, или что одно и то же — прошедшую и настоящую жизнь человѣчества“. Между тѣмъ историческое изученіе вопроса даетъ намъ только слѣдующій результатъ: смертная казнь въ кодексахъ удержалась за самыя тяжелыя преступленія, очистилась отъ жестокостей и стала совершаться не публично. Но вѣдь этого-то и требуютъ наиболѣе солидные защитники смертной казни. Очевидно, что для рѣшенія вопроса о смертной казни требуются иныя, болѣе соответствующія наукѣ основы, чѣмъ „совершившіеся и совершающіеся факты“. Сергѣевскій говоритъ, что, „не смотря на всю свою бесплодность (!), философско-метафизическая постановка вопроса не сошла со сцены и до нашихъ дней“**), и что для рѣшенія вопроса о смертной казни надо обратиться „къ опыту, къ практикѣ“ (стр. 133). А если мы перевернемъ назадъ пять страницъ и обратимся къ тому мѣсту, гдѣ авторъ аргументируетъ противъ смертной казни, то мы увидимъ слѣдующія строки, подъ которыми обѣими руками подпишется каждый метафизикъ: „Государство существуетъ для людей, а не люди для государства... Выше личности человѣка нѣтъ ничего въ современномъ государствѣ: она есть отправной пунктъ и центръ, около котораго вращается вся государственная дѣятельность. Поэтому, общимъ и основнымъ принципомъ для новаго государства является охраненіе жизни гражданъ. На этомъ основаніи мы должны прямо признать, что смертная казнь въ современномъ государствѣ противорѣчитъ его существенной чертѣ“. Что представляютъ собою эти строки, какъ не „философско-метафизическую“ постановку вопроса? И выходитъ, что гони философію въ дверь, она войдетъ въ окно. Иначе и быть не можетъ. И историческое, и социологическое, и формально-юридическое изслѣдованіе вопроса должно быть произведено для полноты и всесторонности его изученія, но само по себѣ оно не можетъ дать ключа къ его рѣшенію. И здѣсь, и вообще въ каждомъ другомъ вопросѣ юридической науки этотъ ключъ можетъ дать толь-

*) Изданіе 1896 г. стр. 268 и слѣд.

**) Русское уголовное право. 1904, 132.

ко философія. Она, конечно, не может указать средствъ для достиженія цѣлей (это дѣло специальныхъ дисциплинъ), но она служить вѣрнымъ и надежнымъ критеріемъ для оцѣнки средствъ, она служитъ маякомъ, освѣщающимъ темные, извилистые и трудные пути науки, спасаетъ мысль отъ преклоненія передъ совершившимися фактами, какъ бы они ни претили нашему нравственному чувству.

Глубоко вѣрны слова Чичерина: „Сколько бы мы ни изучали народное хозяйство, право и государство въ ихъ проявленіяхъ, мы изъ этого не поймемъ, соотвѣтствуютъ ли эти проявленія тѣмъ высшимъ началамъ правды и добра, которыя лежатъ въ душѣ человѣка и которыя онъ стремится осуществить въ своей жизни. Эти начала могутъ быть выяснены единственно философіей, которая, вслѣдствіе того, становится высшимъ мѣриломъ всѣхъ общественныхъ отношеній“ *).

Дѣйствительно, „ученый, посвящающій свои силы исключительно малымъ задачамъ, опредѣленнымъ отдѣламъ опыта, слишкомъ легко утрачиваетъ широкій взглядъ на возможные задачи науки, какъ цѣлаго“ **). Между тѣмъ какъ философія есть общая наука, которая должна объединить въ гармоническую систему знанія, добытыя специальными науками и свести къ ихъ принципамъ общіе методы и предпосылки, которыми пользуются науки***). Совершенно правъ Паульсенъ, говоря, что „всѣ науки имѣютъ въ концѣ концовъ свой общій корень въ философіи и если онѣ отдѣлятся вообще отъ этого корня,—онѣ умрутъ“ †).

*) Собственность и государство. I, стр. XIII.

**) О. Кюльне. Введеніе въ философію. 1901. Стр. 325.

***) Вундтъ. Введеніе въ философію. 1902. Стр. 14.

†) Введеніе въ философію. 1894. Стр. 38—Къ этому можно добавить словами А. Вебера (Исторія европейской философіи. 1882. Стр. 1), что „науки безъ философіи—это агрегатъ безъ единства, философія же безъ науки—это пустая рамка“.—Сравн. Рибо. Современная англійская психологія. 1881. Стр. 1—18; Струве. Введеніе въ философію 1890. Стр. 72—89; Desdonits. La métaphysique et ses rapports avec les autres sciences. 1880; Vacherot. La métaphysique et la science. 1882; Джемсъ. Психологія. 1890. Стр. 72—89; W. Windelband. Geschichte der Philosophie. § 1—2; Фалькенбергъ. Исторія новой философіи. 1894. Стр. 3; Ф. Кирхнеръ. Исторія философіи. 1895. VII—IX; Донатіанъ Положительныя задачи философіи. 1886; Фуллъе. Исторія философіи. 1893. Стр. 1—16. Идеалистическое направленіе, возрожденію котораго въ наукѣ права нельзя не порадоваться, нисколько не отрицаетъ важности историзма, социологизма, систематическаго изученія фактовъ „реальной жизни“. Оно лишь находитъ, что всего этого недостаточно для полнаго знанія и что только

Если разсматривать смертную казнь съ точки зрѣнія тѣхъ свойствъ, которыми должно обладать наказаніе, то почва подъ нею окажется довольно прочной: смертная казнь и репрессивна, и обезпечительна, и индивидуальна, и экономична, и имѣетъ самую ближайшую по времени связь съ преступленіемъ, равна для всѣхъ классовъ общества (неотмѣнимость — аргументъ непринципіальный). Историческіе результаты изученія вопроса указаны выше. И только съ постановкой вопроса на философскую почву дѣло совершенно мѣняется и смертная казнь, такъ легко одерживающая побѣды надъ всѣми аргументами — и юридическими, и историческими, оказывается безсилной передъ короткимъ, но глубоко-содержательнымъ аргументомъ: она антикультурна. Она именно отражаетъ въ себѣ тѣ начала, съ которыми призвано бороться наказаніе, а не наоборотъ. Она противорѣчитъ принципу уваженія къ жизни человѣка, противорѣчитъ признанію безусловной необходимости уничтоженія всякаго пролитія крови, всякаго убійства, какъ конечной цѣли культуры.

Все это въ еще бѣльшей степени относится къ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Если отрѣшиться отъ этического момента, можно научно констатировать, что при извѣстныхъ мѣстныхъ и временныхъ условіяхъ тѣлесныя наказанія оказываются цѣлесообразными и что они обладаютъ, подобно смертной казни, многими положительными качествами. Но съ появленіемъ на сцену высшихъ этическихъ критеріевъ (удалить которые изъ юридической науки можно только искусственно, временно, для чисто методологическихъ цѣлей), дѣло принимаетъ другой оборотъ. Если путемъ наказанія законодатель желаетъ искоренить дикость, грубость, звѣря въ человѣкѣ, то цѣли этой онъ никогда не достигнетъ, если избранная имъ форма наказанія сама есть проявленіе дикости, способна укрѣплять привычку къ физическому насилию, способствовать униженію достоинства личности, огрублять нравы. А всѣмъ этимъ

философія можетъ дать высшіе критеріи для оцѣнки явленій жизни съ точки зрѣнія категоріи долгаго. И во всякомъ случаѣ только односторонній ученый рѣшится обвинять въ бесплодности то направленіе, которое на своемъ знамени выставляетъ абсолютную цѣнность личности, свободу, всеобщее братство, миръ, безконечный прогрессъ, которое постоянно напоминаетъ о великой истинѣ „не единымъ хлѣбомъ сыты будете“, которое среди хаоса относительнаго, условнаго, текущаго, временнаго — стремится открыть вѣчныя начала истины, добра и красоты.

въ наиболѣе высокой степени обладаетъ тѣлесное наказаніе. Примѣняя его, государство одною рукою разрушаетъ то, что создаетъ другою и получается бесплодная Сизифова работа.

Итакъ, уголовный кодексъ, эта, по чрезвычайно мѣткому выраженію Листа *), Magna Charta преступника, представляетъ собою исчерпывающій списокъ всѣхъ дѣяній, за которыя гражданинъ можетъ быть подвергнутъ наказанію. Въ этотъ списокъ занесены только такія дѣянія, необходимость внесенія которыхъ санкціонировала наука уголовного права; стало бытъ относительно каждаго преступленія государственная власть можетъ со спокойной совѣстью сказать, что лишь крайняя необходимость заставила ее прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, какъ угроза наказаніемъ.

Наконецъ, уголовный кодексъ въ списокѣ карательныхъ мѣръ имѣетъ только рекомендованныя наукой мѣры, т.-е. мѣры дѣйствительно цѣлесообразныя и разумныя, не могущія способствовать огрубѣнію нравовъ и униженію достоинства личности.

Такой уголовный кодексъ во все не будетъ оскорблять правосознаніе культурной, руководящей части общества, а, напротивъ, можетъ сослужить большую службу законодателю, особенно рельефно подчеркивая несовмѣстимость извѣстныхъ дѣяній съ истинно-культурнымъ правопорядкомъ **), создавая усиленную охрану особенно цѣнныхъ съ культурной точки зрѣнія благъ.

Между прочимъ старый принципъ *nullum crimen nulla poena sine lege*, подъ который подкапываются нѣкоторые „новаторы“ науки уголовного права, получаетъ еще болѣшую крѣпость и непоколебимость, какъ одна изъ лучшихъ гарантій правъ личности. Никакими соображеніями общественной пользы нельзя оправдать примѣненія къ человѣку наказанія за дѣяніе, которое не предусмотрено въ ясныхъ, точныхъ и не возбуждающихъ никакихъ сомнѣній опредѣленіяхъ закона. Предоставленіе суду права расширять область наказуемыхъ дѣяній (хотя бы только по аналогіи) было бы характернымъ симптомомъ попятнаго движенія культуры. Нисколько не умаляя значенія творческой роли суда

*) *Kriminalpolitischen Aufgaben*, Гл. IX.

**) Ср. дѣльную книгу проф. Владимірова „Уголовный законодатель, какъ воспитатель народа“.

въ процессѣ образованія права, я самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываюсь противъ такого творчества, которое ничѣмъ въ сущности не отличается отъ произвола и притомъ произвола самаго опаснаго свойства.

Между прочимъ изъ принципа *nulla poena sine lege* слѣдуетъ, что государство не имѣетъ права подвергать преступника большому наказанію, чѣмъ то, которое указано въ нарушенномъ уголовномъ законѣ.

Существуетъ теорія, по которой, если во время производства въ судѣ дѣла выходитъ новый законъ, карающій, напр., смертной казнью преступленіе, за которое старый грозилъ только выговоромъ, то судъ обязанъ примѣнить новый законъ. „Съ точки зрѣнія юридической, — говоритъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этой теоріи, Таганцевъ *), — можно говорить развѣ о правахъ, которыя рождаются отъ преступленія для государства и потерпѣвшаго, а не о правахъ преступника, такъ какъ для него существуютъ только „*obligationes ex delicto*.“ Изъ факта совершенія преступленія возникаетъ для преступника обязанность подчиниться наказанію, а какое наказаніе государство считаетъ въ каждую данную минуту наиболѣе цѣлесообразнымъ, до этого преступнику нѣтъ никакого дѣла, такъ какъ „въ борьбѣ права съ неправомъ оружіе выбирается государствомъ и притомъ имъ однимъ, нисколько не стѣсняясь пріобрѣтенными подданными правами на наказаніе вообще или на извѣстный его родъ въ частности“ (Биндингъ).

Итакъ, по этой теоріи преступникъ есть совершенно безправное существо, съ которымъ можно дѣлать все, что угодно. Уголовное „право“ есть право, но только не для него. Существуютъ права для государства, для потерпѣвшаго, для свидѣтелей, а для преступника — только *obligationes ex delicto*. И если бы преступникъ сказалъ государству: „рѣшившись на это преступленіе, я взвѣсилъ всѣ шансы за и противъ, и нашель, что для меня будетъ выгоднѣе отбыть въ крайнемъ случаѣ высшую мѣру наказанія; если бы я зналъ, что за это преступленіе законъ будетъ грозить такимъ строгимъ наказаніемъ, я бы никогда не совершилъ преступленія, — то ему отвѣтили бы: „ты нарушилъ не уголовный законъ, а норму, воспреещающую

*) Русск. угол. пр. 1902. I, 270 и сл.

«совершенное тобой дѣяніе; уголовный же законъ существуетъ вовсе не для тебя, а для судьи, который долженъ назначить тебѣ наказаніе».

Изложенная теорія находится въ самой тѣсной связи съ извѣстной Normentheorie, въ которой она и имѣетъ свою теоретическую опору. Здѣсь, конечно, не мѣсто подвергать разсмотрѣнію Normentheorie. Для моей цѣли достаточно, что уже только что приведенный логическій выводъ изъ этой теоріи заставляетъ сильно усумниться въ правильности ея. И дѣйствительно, несмотря на защиту Normentheorie нѣкоторыми выдающимися учеными, она представляется мнѣ искусственной и не выдерживающей критики: если уголовный законъ назначаетъ за извѣстное дѣяніе то или иное наказаніе, онъ тѣмъ самымъ запрещаетъ это дѣяніе, а слѣдовательно преступникъ, совершая преступленіе, нарушаетъ этотъ запретъ, т.-е. уголовный законъ. Уголовный законъ есть единое цѣлое, диспозиція и санкція его находятся въ неразрывной логической связи. Пока не было уголовного закона, карающаго убійство, „норма“, воспрепятствующая посягательству на жизнь — „не убій“ — была нравственной нормой, а не юридической *).

* Не могу не указать на противорѣчіе, допущенное однимъ изъ сильнѣйшихъ защитниковъ оспариваемой въ текстѣ теоріи, Таганцевымъ. Соглашаясь на стр. 270—284 (Русск. угол. право. 1902, I) съ Биндингомъ, что преступникъ вовсе не занимается вычислениями о грозящемъ ему наказаніи, утверждая, что законъ, карающій 15-ти лѣтней каторгой убійство, говоритъ только: „не убивай“, а не „не убивай, ибо за этимъ последуетъ каторга на столько-то лѣтъ“, г. Таганцевъ на стр. 914 пишетъ: „учиненію преступнаго факта нѣрѣдко предшествуетъ обстоятельное обсужденіе всѣхъ шансовъ за и противъ“; на стр. 917: „Несомнѣнно, что самое обнародованіе закона, воспрепятствующаго извѣстному дѣянію подъ страхомъ наказанія, или опредѣляющаго условія и размѣры отвѣтственности... играетъ свою роль въ правоохранительной дѣятельности государства, въ особенности въ значеніи наставительно предупредительной мѣры по отношенію къ лицамъ, склоннымъ къ преступленію. Столь же неосновательно предполагать, что запретъ и угроза закона не могутъ имѣть никакого задерживающаго значенія, ибо это также опровергается жизненнымъ опытомъ“. Далѣе съ теоріей, развитой на стр. 270—274 не выжета совершенно правильное утвержденіе, напр., на стр. 1401, что нельзя сморгать на наказаніе исключительно какъ на мѣру воздѣйствія на преступника, а надо имѣть въ виду интересы общей превенціи, интересы потерпѣвшаго и общества.—Наконецъ, какъ согласить высказанный на стр. 270—271 суровый взглядъ на преступника, какъ на совершенно безправное существо, для котораго существуютъ только *obligationes ex delicto*, съ прекрасной защитой объективнаго момента наказуемости, съ необходимостью признавать личность, обладающую правами, въ преступникѣ (стр. 921)?—Очевидно, что можетъ быть только одно изъ двухъ: или уголовное право, т.-е. заключеніе карательной дѣятельности въ границы, которыхъ она переступить не можетъ,

III. Мы познакомились съ двумя факторами превращенія силы въ право. Переходимъ къ третьему, едва ли не самому важному.

Когда государство предъявляетъ къ гражданину обвиненіе въ совершеніи одного изъ перечисленныхъ въ уголовномъ кодексѣ дѣяній, когда гражданину грозятъ тяжкія послѣдствія въ видѣ примѣненія къ нему крайней мѣры охраны правопорядка, когда такимъ образомъ возникаетъ споръ между гражданиномъ и государствомъ, — кто и какимъ образомъ долженъ рѣшить этотъ острый и въ высшей степени важный вопросъ?

Совершено ли данное преступленіе, было ли оно совершено именно обвиняемымъ, дѣйствительно ли совершенное есть одно изъ перечисленныхъ въ кодексѣ преступленій, должно ли совершенное быть вѣнено обвиняемому, заслуживаетъ ли обвиняемый наказанія и въ какой мѣрѣ, — все это такіе серьезные вопросы, что разрѣшеніе ихъ должно быть обставлено наилучшими гарантіями открытія истины.

Но этого еще мало. Необходимы гарантіи, что при разрѣшеніи только что указанныхъ вопросовъ обвиняемый не превратится въ простой объектъ изслѣдованія, что въ немъ будетъ уважаться личность, что эта личность будетъ признаваться спорящей стороною, обладающей такими же правами, какъ и другая сторона, т.-е. государство*), наконецъ, что этотъ споръ будетъ рѣшенъ безпристрастнымъ третьимъ, вполне компетентнымъ для порученія ему столь отвѣтственной задачи.

Уголовный процессъ — вотъ наука, благороднѣйшей цѣлью которой и является созданіе всѣхъ перечисленныхъ выше гарантій, ихъ обоснованіе и указаніе наилучшихъ путей для проведенія этихъ гарантій въ законодательство.

Наука эта показываетъ намъ, что вѣковой опытъ человѣчества создалъ для разрѣшенія приведенныхъ выше вопросовъ, для

признаніе, что фактъ совершенія преступленія порождаетъ и для преступника извѣстныя права (напр., не быть наказаннымъ строже, чѣмъ, быть можетъ, расчитывалъ преступникъ, взявшия всѣ шансы за и противъ), — или полное поглощеніе личности государствомъ, превращеніе преступника въ объектъ, съ которымъ нечего церемониться, т. е. упраздненіе и права

*) Il faut que cette lutte solennelle, qui s'engage entre l'accusé et la puissance publique, ne subisse aucune autre influence, que celle de la justice. — F. Hélie. Traité de l'instr. criminelle. 1845, I, 5.

разрѣшенія спора между государствомъ и гражданиномъ особый органъ государственной власти—судъ.

Разсматривая ученіе о функціяхъ государства, Еллинекъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что изъ всѣхъ многочисленныхъ попытокъ классифицировать эти функціи, прочное значеніе получило только различеніе трехъ главнѣйшихъ функцій государственной власти: законодательства, управленія (администраціи) и суда. „Другія эфемерныя классификаціи потеряли свое значеніе въ силу того же прогрессирующаго проникновенія въ истинную сущность государства, приведшаго къ торжеству единственно правильнаго воззрѣнія*).

*) I. c. 395. Cp. Saint-Girons. Essai sur la séparation des pouvoirs. 1881. Duguit. „La séparation des pouvoirs et l'Assemblée nationale de 1789“ 1893. A. Voistel. Cours de philosophie du droit. 1899, II, 401—406. Совершенно правъ Н Воронилъ въ „Критическій обзоръ ученія о раздѣленіи властей“, 1871, 65), говоря, что мѣста мысли, входящія въ теорію Монтеסקье, выясняются все болѣе и получаютъ характеръ неопровержимыхъ истинъ: таковы, напр., независимость судебной власти и участіе народа въ законодательствѣ.

Здѣсь, конечно, не мѣсто доказывать неправильность мнѣній ученыхъ, отрицательно относящихся къ теоріи Монтеסקье (напр. Laband. Das Staatsrecht d. Dent Reiches. I, 493; Mohl Geschichte und Litteratur der Staatswiss. I, 274; Borhák Das preussische Staatsrecht. I, 43 и сл.) Но нельзя не замѣтить, что даже ученые, конструирующіе судебную власть, какъ отрасль правительственной, требуютъ полной самостоятельности этой власти, независимости и несмѣняемости судей и т. п. гарантій. Напр. H. Berthelémy („Traité élémentaire de droit administratif“, 1901) утверждаетъ что судебная власть есть лишь часть власти исполнительной, ибо „la fonction de juger et la fonction d'administrer sont l'une et l'autre des fractions de cette autre fonction plus large: procurer l'exécution des lois“ (стр. 18). Но на той же страницѣ авторъ признаетъ, что „les qualités que requièrent les rôles respectifs de l'administrateur et du juge sont essentiellement différents“, почему „l'administration et la justice, très distinctes en fait doivent être séparées en droit“: на слѣдующей страницѣ читаемъ: „La fonction de juger et la fonction d'administrer sont exercées par des organes distincts. Ces organes doivent être absolument indépendants les uns des autres; l'indépendance des juges est une des conditions de leur impartialité“.—Въ настоящее время нередко говорятъ, что строгое проведеніе принципа раздѣленія властей (точнѣе: обособленія властей) можетъ имѣть существенныя послѣдствія. Быть можетъ это отчасти справедливо относительно законодательной и правительственной властей (въ томъ смыслѣ, что правительственная власть должна осуществлять въ извѣстныхъ предѣлахъ и законодательныя функціи, а законодательная власть должна контролировать дѣйствія правительства), но строжайшее выдѣленіе судебной власти и монополизированіе въ рукахъ этой власти всѣхъ споровъ о правѣ и вопросовъ о примѣненіи принудительныхъ средствъ можетъ имѣть только самыя благодѣтельныя послѣдствія для правопорядка.—Такия же послѣдствія имѣетъ строжайшее различіе между закономъ (т. е. изданнымъ въ установленномъ порядкѣ надлежаще организованной законодательной властью актомъ) и административнымъ распоряженіемъ (указомъ, декретомъ и т. п.). Отъ кого бы ни исходило административное распоряженіе, какъ бы оно по своему внутрѣп-

Напрасно только Еллинекъ (стр. 399) утверждаетъ, что рѣзкаго матеріальнаго признака, который отличалъ бы юстицію отъ управленія, не существуетъ и не можетъ существовать. Съ этимъ утверженіемъ совершенно не вяжутся дальнѣйшія замѣчанія его. Такъ на стр. 404—5 читаемъ: „Такъ какъ внутренно различное всегда стремится проявить это различіе во внѣ, то представляется, правда, естественнымъ, что различныя функціи имѣютъ тенденцію проявляться въ различныхъ органахъ. Раздѣльности функцій соотвѣтствуетъ раздѣленіе труда между органами“. На стр. 406: „Защита права... выступаетъ какъ особая функція, отличная отъ всей остальной государственной дѣятельности этого рода“. На стр. 409: „Благодаря тому, что было познано различіе матеріальныхъ функцій, требовали, и все въ большей мѣрѣ проводили раздѣленіе ихъ между соотвѣтственными органами.. Дифференціація управленія и суда все прогрессируетъ“.

И дѣйствительно, теоретически администрація и судъ раздѣлены очень рѣзкими и отчетливыми признаками, которые не допускаютъ смѣшенія этихъ двухъ областей дѣятельности государства *).

пему содержанію ни походило на законъ, оно можетъ имѣть обязательную силу не иначе, какъ подъ условіемъ не противорѣчія закону и на основаніи закона (Отсюда слѣдуетъ неправильность теоріи тѣхъ ученыхъ (напр. Лабаудъ), которые раздѣляютъ законы въ матеріальномъ и формальномъ смыслѣ и требуютъ признанія за обѣими категоріями одинаковаго юридическаго значенія. Такая теорія приводитъ въ концѣ концовъ къ безграничному произволу правительственной власти. Изъ того, что правительственная власть должна имѣть право издавать общія юридическія нормы, изъ того что эти нормы (если онѣ изданы на основаніи закона и согласны съ нимъ) имѣютъ для всѣхъ обязательную силу, ничѣмъ практически не отличающагося отъ закона, отнюдь не слѣдуетъ отождествленія правительства съ законодательною властью. Только эта послѣдняя есть верховный распорядитель государственной жизни и верховный контролеръ этой жизни; только исходящія отъ этой власти акты суть законы. Власть правительственная и судебная должны быть подзаконны.

*) Судебная функція гораздо рѣзче отличается отъ функцій исполнительной, чѣмъ законодательная и исполнительная между собой; такъ, прежде всего, исполнительная и законодательная власти въ своей дѣятельности одинаково руководствуются требованіями цѣлесообразности; судебная—исключительно началами права“. Коркунъ въ Русск. госуд. право I, 353—Ср. превосходныя, полныя глубины замѣчанія о существѣ судебной власти у того же автора: „Лекціи по общей теоріи права“. 1904. стр 267—268. Авторъ правильно указываетъ, что для законодательной и административной власти право служить только внѣшней границей, но не началомъ, опредѣляющимъ внутреннее содержаніе ихъ дѣятельности (какъ для суда) Въ основу организаціи судебныхъ установленій кладется начало ихъ независимости какъ отъ правительства такъ и отъ общества, потому что только при этомъ условіи судъ можетъ въ своей дѣятельности руководствоваться исключительно началами права

Управление (администрація, правительственная власть въ тѣсномъ смыслѣ)—это самая обширная и сложная область съ многочисленными задачами и необъятнымъ почти содержаніемъ. Дѣятельность ея направлена на обезпеченіе „культурнаго развитія народа, обезпеченія наиболѣе благопріятныхъ условій возможно полнаго удовлетворенія потребностей его духовнаго и матеріальнаго существованія* *). Это въ высшей степени активная, гибкая, насквозь проникнутая инициативой и принципомъ цѣлесообразности сила, ведущая обществу къ благу**)

Гораздо проще дѣятельность другой великой культурной силы—законодательства. Оно лишь намѣчаетъ въ общихъ чертахъ планъ той громадной работы, которую должна выполнить администрація и указываетъ общіе принципы для всей государственной жизни.

И, наконецъ, еще проще дѣятельность третьей великой культурной силы—суда. Охрана права—вотъ единственная, исключительная его задача.

Какимъ же признакомъ отличается дѣятельность суда, направленная къ охранѣ права, отъ дѣятельности администраціи, имѣющей между прочимъ такую же цѣль?

Въ своей прекрасной монографіи о судебной власти***) проф. Jousserandot говоритъ, что признакомъ, отличающимъ судебную дѣятельность отъ остальныхъ, является *споръ о правѣ*. Пока не возникаетъ этого спора, суду нечего дѣлать. Но какъ только возникаетъ споръ о правѣ между частными лицами, или между частными лицами и государствомъ, споръ, въ которомъ какая-нибудь сторона утверждаетъ, что ея права нарушены,—на сцену для окончательнаго и авторитетнаго рѣшенія этого спора выступаетъ судъ †).

Jousserandot характеризуетъ судебную власть слѣдующими основными признаками: 1) эта власть выступаетъ на сцену только

*) Деряжвинскій. Полицейское право. 1902, 2.

***) См прекрасныя замѣчанія у Еллинека I. с. 407—8.—Авторъ указываетъ на то что управление есть исторически основная функція, къ которой лишь впоследствии присоединяется или отъ которой обособляется законодательство и отправление правосудія.—Едва ли правъ Эсменъ („Общія основы конституціоннаго права“, 1898, стр. 266), утверждая, что судебная власть старѣе всѣхъ остальныхъ, т. е. появилась тогда, когда другихъ еще не было. Ср. Duguit, I. с., 414.

***) Du pouvoir judiciaire et de son organisation en France. 1878.

†) I. с. 5—13.

тогда, когда возникаетъ споръ о правѣ; 2) по своей природѣ эта власть пассивная, безъ инициативы; она дѣйствуетъ лишь тогда, когда къ ней обратится заинтересованная сторона и 3) рѣшенія ея всегда относятся лишь къ частнымъ, конкретнымъ случаямъ. Первый изъ указанныхъ признаковъ Jousserandot считаетъ самымъ важнымъ: судебная власть монополизируетъ въ своихъ рукахъ всѣ споры о правѣ*).

На этомъ основаніи Jousserandot рѣшительно высказывается противъ т. наз. административной юстиціи**): споръ о правѣ изъ-емлется изъ вѣдѣнія суда подъ предлогомъ особеннаго содержанія дѣла. Между тѣмъ признакомъ, раздѣляющимъ дѣятельность суда и администраціи является не содержаніе дѣла, а самый фактъ спора о правѣ. Такимъ образомъ администрація становится судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ; ничего не можетъ быть опаснѣе для правъ личности***).

Jousserandot имѣетъ въ виду главнымъ образомъ французскую теорію административной юстиціи†). Но даже и въ нѣмец-

*). I. c., 8. „Cet élément, говоритъ авторъ, est tellement de l'essence du Pouvoir judiciaire que par lui ce Pouvoir absorbe attire, monopolise toutes les matières contentieuses“. — Токиль („De la démocratie en Amérique“ 1835 I. 141) характеризуетъ судебную власть такими же признаками, но центр тяжести видитъ во второмъ: „On lui dénonce un crime, et il punit le coupable: on l'appelle à redresser une injustice, et il la redresse; on lui soumet un acte, et il l'interprète; mais il ne va pas de lui-même poursuivre les criminels, rechercher l'injustice et examiner les faits. Le pouvoir judiciaire ferait en quelque sorte violence à cette nature passive, s'il prenait de lui-même l'initiative et s'établissait en censeur des lois“.

**). Deux mots qui n'ont d'autre mérite que d'exprimer d'une façon saisissante une monstruosité juridique“ (I. c., 25)

***). Объ административной юстиціи, невѣстной англійскому праву, см. прекрасныя замѣчанія у Дайси (I. c., 153—245—267 et passim). Названіе „административный судъ“ не должно вводить въ заблужденіе, говоритъ авторъ: эти „суды“ носятъ правительственный характеръ, смотря на дѣла съ правительственной точки зрѣнія и рѣшаютъ ихъ въ иномъ духѣ, чѣмъ суды (253). — Ср. Чичеринъ. Курсъ госуд. науки. I, 322; III, 412; Picot, La réforme judiciaire en France, 1881. 222—224.

†) Примѣромъ неудачной аргументаціи въ пользу французской теоріи административной юстиціи можетъ служить аргументація Berthélemy (I. c. стр. 18 и слѣд.; стр. 838 и слѣд.) Авторъ находитъ, что изъ принципа независимости другъ отъ друга судебной и административной власти слѣдуетъ недопустимость контроля судебной власти надъ административной; если бы предоставитъ судебной власти право объявлять незаконными распоряженія администраціи, то это значило бы поставить администрацію въ іерархическую зависимость отъ суда и подорвать авторитетъ администраціи. Несостоятельность этой аргументаціи очевидна; опираясь на такую теорію, можно утверждать,

кой ея постановкѣ (значительно отличающейся къ лучшему отъ французской *) административная юстиція, какъ функція власти отличная отъ судебной и ввѣренная особымъ органамъ, представляется явленіемъ ненормальнымъ. Наиболѣе солидные и умѣренные защитники административной юстиціи не выставляютъ уже аргументовъ о необходимости гарантировать администрацію отъ надзора суда, о необходимости особыхъ спеціальныхъ знаній, отсутствующихъ у судей. Они совершенно правильно смотрятъ на административную юстицію какъ на расширение судебного контроля на область публичнаго права, требуютъ независимости и самостоятельности административныхъ судовъ, требуютъ ряда процессуальныхъ гарантій при разсмотрѣніи дѣлъ.

Но въ такомъ случаѣ представляется непоследовательнымъ учрежденіе особыхъ административныхъ судовъ и изъятіе административныхъ исковъ изъ вѣдѣнія обыкновенныхъ судовъ. Въ пользу такого изъятія приводятъ два аргумента. 1) Административный искъ сплошь и рядомъ предполагаетъ оцѣнку не только внѣшней, формальной законности дѣйствій администраціи, но цѣлесообразности этихъ дѣйствій. А для этого въ составъ суда должны входить не только профессиональные юристы, но и люди, знакомые близко съ мѣстными бытовыми условіями; эти общественные представители должны быть знакомы съ вопросами управления, почему не могутъ избираться такимъ же путемъ, какимъ

что если правительство находитъ, что гражданинъ долженъ быть сосланъ на 20 лѣтъ, или повѣшенъ за совершеніе дѣяній, вредныхъ для государственной безопасности, то передача дѣла въ судъ можетъ подорвать авторитетъ правительства и должна означать зависимость правительства отъ суда. Далѣе, строго—логически проводя такую теорію, необходимо призвать, что судъ не имѣетъ права оцѣнивать какое бы то ни было распоряженіе администраціи съ точки зрѣнія законности и обязанъ по жалобѣ администраціи подвергать гражданина наказанію за нарушеніе административныхъ распоряженій, явно незаконныхъ.

*) Впрочемъ этого нельзя сказать о всѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, писавшихъ объ административной юстиціи. Напр. Гнейстъ конструируетъ ее не какъ охрану субъективныхъ публичныхъ правъ, а какъ охрану (ex officio) объективнаго правопорядка; по теоріи Гнейста административная юстиція вовсе не есть видъ судебной дѣятельности.— Въ этомъ отношеніи у французскихъ ученыхъ мы находимъ гораздо болѣе правильную конструкцію, изъ которой къ сожалѣнію французская наука и законодательство не сдѣлали строго-логическихъ выводовъ. Напр. Laferrière (Traité de la juridiction administrative. II 450 и сл.) смотритъ на административную юстицію какъ на охрану субъективныхъ публичныхъ правъ.

избираются присяжные засѣдатели. 2) Для разсмотрѣнія административныхъ исковъ непригодны формы гражданскаго и уголовнаго процессовъ, т. к. административное производство представляетъ характерныя особенности (болѣе активная роль суда въ разслѣдованіи обстоятельствъ дѣла, возможность обжалованія рѣшеній всякимъ заинтересованнымъ лицомъ, а не только участвующимъ въ дѣлѣ и т. д.).

Оба аргумента несостоятельны. Ни одинъ защитникъ принципа единства и исключительности судебной власти (принципа, по которому все споры о правѣ должны вѣдаться однимъ судомъ, общимъ для всехъ лицъ и учреждений) не требуетъ, чтобы составъ суда былъ организованъ одинаково для всехъ безъ исключенія дѣлъ, а также не требуетъ, чтобы процессуальныя формы и обряды были однѣ и тѣ же. Достаточно въ этомъ отношеніи обратить вниманіе на различіе гражданскаго и уголовнаго процессовъ, различіе, которое даже приводитъ нѣкоторыхъ ученыхъ къ неправильному выводу о принципиальномъ несходствѣ обоихъ процессовъ. На самомъ дѣлѣ и уголовный, и гражданскій процессы имѣютъ въ основѣ одни и тѣ же принципы, представляя собою лишь виды одного и того же родоваго понятія процесса. Третьимъ видомъ и является административный процессъ. Особенности этого процесса въ связи съ нѣкоторыми (не существенными впрочемъ) организационными особенностями даютъ основаніе для созданія новаго отдѣленія въ судѣ (подобное тому, какъ нынѣ судъ состоитъ изъ гражданскихъ и уголовныхъ отдѣленій), но отнюдь не для организациі самостоятельныхъ административныхъ судовъ.

Изъ того же принципа единства и исключительности судебной власти слѣдуетъ неправильность созданія особы хъ, не входящихъ въ общую систему, судовъ, задачей которыхъ является охрана конституціи и разрѣшеніе вопросовъ о согласіи обыкновенныхъ законовъ съ основными, конституціонными. Охрана законовъ есть дѣло суда, и, подобно тому, какъ судъ имѣетъ право оцѣнивать (какъ съ формальной, такъ и съ матеріальной стороны) административныя распоряженія и объявлять ихъ незаконными, онъ имѣетъ право оцѣнивать обыкновенные законы съ точки зрѣнія согласія ихъ съ конституціей. „Тамъ, гдѣ судамъ не предоставлено право провѣрять конституціонность законовъ, тамъ не существуетъ, что бы ни утверждали теоретики, никакихъ гаран-

тій въ томъ, что конституція, вопреки конституціонному праву, не будетъ измѣнена путемъ изданія обыкновеннаго закона“ *).

Изъ принципа единства и исключительности судебной власти вытекаетъ признаніе ненормальности существованія особыхъ военныхъ судовъ, которымъ подсудны всѣ военно-служащіе за всѣ проступки. Аргументація защитниковъ существующаго еще въ большинствѣ государствъ порядка на столько легковѣсна, что не можетъ выдержать и самой снисходительной критики. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ возможно серьезно утверждать, что каждое, совершенное солдатомъ преступленіе, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нарушеніе его специальныхъ обязанностей, причемъ именно это нарушеніе должно играть главную роль и опредѣлять подсудность дѣла? Развѣ можно въ наше время защищать необходимость образованія изъ военныхъ людей замкнутой, самодовлѣющей корпорации, изъятаго изъ контроля общегосударственной власти? Что же касается необходимости болѣе строгихъ наказаній для военныхъ, то если бы эта необходимость была доказана, общіе суды могли бы примѣнять такіа наказанія. Говорятъ еще о специальныхъ знаніяхъ (особенности военной службы), необходимыхъ для судей. Но съ такимъ же правомъ можно говорить о специальныхъ знаніяхъ, относящихся къ любому разряду явленій общественной жизни: рассуждая послѣдовательно, необходимо требовать цѣлой массы различныхъ судовъ.

А между тѣмъ печальныя стороны существованія военныхъ судовъ у всѣхъ передъ глазами. Такой порядокъ создаетъ самый опасный видъ государства въ государствѣ, способствуетъ полной безнаказанности военныхъ, т. к. военные „суды“ отправляютъ „правосудіе“ съ точки зрѣнія интересовъ своего сословія, а пресловутая „честь мундира“ сплошь и рядомъ оказывается выше жизни, здоровья, чести, имущества мирныхъ гражданъ. Безчисленными примѣрами, иллюстрирующими только что сказанное, переполнена практика всѣхъ государствъ, гдѣ только существуетъ анахронизмъ въ видѣ изъятія военныхъ изъ общей подсудности.

*) Еллинекъ, I, с., 358.—Здѣсь не мѣсто доказывать преимущества американской системы „неподвижной“ конституціи передъ авглійской („гибкой“ конституціи). Нельзя не замѣтить, что эта послѣдняя система не привнесла никакого вреда въ Англию вовсе не въ силу своихъ внутреннихъ достоинствъ, а исключительно въ силу своеобразныхъ особенностей авглійской жизни. Перенесеніе этой системы въ другую страну могло бы имѣть самыя нежелательныя послѣдствія.

Возвращаясь къ теоріи Jousserandot, нельзя не признать, что она имѣетъ большую научную цѣнность*). Но при всей своей правильности она нуждается въ существенномъ дополненіи.

Есть еще одинъ очень важный моментъ, который обуславливаетъ необходимость существованія судебной власти и проводитъ рѣзкую границу между дѣятельностью суда и администраціи. *Этотъ моментъ заключается въ распоряженіи принудительными функціями власти. Только судъ имѣетъ право распоряжаться этими функціями. Въ рукахъ суда сосредоточивается такимъ образомъ монополія силы, долженствующей служить праву**).*

На первый взглядъ можетъ показаться, что выставляемая мною теорія не только противорѣчитъ фактамъ реальной жизни, но и обезоруживаетъ власть во многихъ не терпящихъ отлагательства случаяхъ, служитъ тормазомъ для полезной дѣятельности власти.

Такой упрекъ и былъ мнѣ сдѣланъ проф. П. П. Пуесторослевымъ. На стр. 11 своего труда „Отзывъ о сочиненіи I. В. Михайловскаго:—Къ вопросу объ упрощеніи суммарнаго уголовного процесса“ (1903) онъ говоритъ: „А между тѣмъ ни одно изъ культурныхъ государствъ не только не провозглашаетъ такого принципа, но и провозгласить не можетъ, такъ какъ иначе оно несомнѣнно и рѣзко нарушитъ интересы правового порядка и народнаго благосостоянія къ явной выгодѣ воровъ, разбойниковъ и возможныхъ преступниковъ. Вѣдь, тогда полиція не имѣетъ права арестовать ни одного преступника безъ предварительнаго постановленія суда“. А на стр. 17 авторъ пишетъ: „Этотъ принципъ создаетъ въ пользу суда полную монополію распоряженія принудительными мѣрами въ борьбѣ противъ уголовныхъ правонарушеній и отнимаетъ у полиціи всякое право самостоятельно, безъ предварительнаго разрѣшенія со стороны суда, принимать

*) Между прочимъ изъ этой теоріи слѣдуетъ неправильность отношенія къ вѣдѣнію суда т. наз. безспорныхъ, охранительныхъ и т. п. дѣлъ. Наша практика знаетъ производство въ судахъ массы дѣлъ, съ которыми въ сущности суду дѣлать нечего, наприм., направленіе въ судъ дѣлъ о преступленіяхъ, неизвѣстно кѣмъ (за необнаруженіемъ виновнаго) совершенныхъ „для прекращенія“. „Нѣтъ спора, нѣтъ и судья“. (Шгерингъ. Цѣль въ правѣ. 1881. стр. 288).

**) „Un acte de juridiction est l'acte par lequel les gouvernants constatent l'existence d'une situation juridique subjective, déclarent vouloir qu'elle se réalise et annoncent que, s'il y a lieu, la contrainte matérielle dont ils disposent sera employée pour en assurer par force, directement ou indirectement, la réalisation“ L. Du gu it. L'état le droit objectif et la loi positive, 1901. I, 416.

какія бы то ни было мѣры къ предупрежденію грозящихъ уголовныхъ правонарушеній или къ пресѣченію происходящихъ или ловить и арестовывать преступниковъ“.

Возраженія эти—плодъ недоразумѣнія. Теорія судебной монополіи принужденія вовсе не значить, что если, напр., городской видитъ разбойника, желающаго зарѣзать человѣка, то онъ долженъ сначала отправиться къ судѣ и получить приказъ объ арестѣ. Само собою разумѣется, что полиція имѣетъ и должна имѣть право принимать и насильственные мѣры для воспрепятствованія совершенія преступленій въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ.

Но, во-первыхъ, всѣ эти мѣры должны быть сведены къ минимуму, должны примѣняться лишь въ предѣлахъ крайней необходимости, должны быть обставлены цѣлымъ рядомъ гарантій *) а, во-вторыхъ, и это самое важное—всѣ эти мѣры должны подлежать судебному контролю. Такимъ образомъ окончательная санкція ихъ зависитъ отъ суда, какъ отъ единственнаго органа власти, уполномоченнаго распоряжаться принудительными средствами охраны правопорядка.

Классическимъ образцомъ того, какъ можно сочетать принципъ судебной монополіи принужденія съ широкими полномочіями полиціи служить Habeas Corpus Act въ связи съ дополняющими его правилами, по которымъ каждое должностное лицо отвѣтственно передъ судомъ за всякое нарушеніе права гражданина. „Если бы министръ внутреннихъ дѣлъ арестовалъ незаконно кого-нибудь, то административный характеръ ареста, политическія соображенія, положеніе министра не оправдали бы его передъ судомъ, такъ же, какъ и полицейскихъ, исполнявшихъ приказъ министра **), помимо того, что незаконно арестованный былъ бы въ силу Habeas Corpus Act'a немедленно освобожденъ судомъ.

Жизнь знаетъ еще и другіе случаи, когда власть употребляетъ противъ гражданъ силу безъ всякаго участія суда, но эти случаи нисколько не подрываютъ правильности защищаемой мною теоріи судебной монополіи принужденія.

*) См., наприм., R. Mohl. Die Polizei- Wissenschaft. 1845, III, 26 и сл., а также статью Тарасова—„Полицейскій арестъ“ въ VII томѣ Сборн. Госуд. Зн.

**) Д а й с е н, I, с., 212.

1. Первая категорія этихъ случаевъ—это наложеніе въ административномъ порядкѣ на гражданина извѣстнаго рода взыска- ній за спеціальныя проступки съ предоставленіемъ права непод- чиниться постановленіямъ администраціи и требовать судебного разбирательства дѣла. Таковы, напримѣръ, у насъ штрафы, на- лагаемые администраціей за нѣкоторые акцизные и паспортныя правонарушенія; таковы стт. 454—458 германскаго устава угол. судопр., предоставляющія въ извѣстныхъ случаяхъ полиціи право постановлять опредѣленія о наложеніи на гражданъ легкихъ на- казаній.

Не говоря уже о принципиальной неправильности этихъ по- рядковъ*), достаточно имѣть въ виду право гражданъ не под- чиняться карательнымъ постановленіямъ администраціи и требо- вать судебного разбирательства, чтобы не считать указанныхъ случаевъ подрывающими правильность принципа судебной моно- полии принужденія; предоставленіемъ гражданамъ этого права сама власть какъ нельзя лучше доказываетъ правильность назван- наго принципа.

2. Вторая категорія—наложеніе на гражданъ наказаній адми- нистраціей безъ права требовать судебного разбирательства. Та- ковы, напримѣръ, наши Временныя правила объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Опять-таки и здѣсь уже само названіе „Временныя“ показываетъ, что правительство хорошо сознаетъ несомвѣстимость такихъ правилъ съ нормальнымъ строемъ пра- вовой жизни. И хотя въ настоящее время есть еще много прак- тическихъ дѣятелей администраціи, вѣрящихъ въ спасительность административныхъ каръ, но въ наукѣ давно уже сдѣлалось аксіомой, что „все то, что причиняетъ гражданину страданіе физическое или моральное, всякое стѣсненіе или ограниченіе свободы, всѣ виды запрещенія жить въ данномъ мѣстѣ, повелѣ- ніе не оставлять и не выѣзжать изъ города, деревни, или мѣст- ности, отдача подъ надзоръ полиціи, выговоръ, замѣчаніе или предупрежденіе—все это, будучи по-своему существомъ наказаніями, какія бы имена имъ не прикладывались, какія бы основанія подъ нихъ не подводили, кромѣ основаній уголовного права, можетъ

*) Объ этой неправильности см. мою работу „Къ вопросу объ упрощеніи суммар- наго угол. процесса“.

быть опредѣляемо только судомъ, однимъ судомъ и никѣмъ другимъ, какъ только судомъ *).

И дѣйствительно, только такой порядокъ обеспечиваетъ соблюденіе великаго принципа свободы и самоцѣльности личности, этой движущей силы исторіи, источника всей общественной жизни, цѣли, для которой существуетъ общественный организмъ. „Вся наша современная культура, — говоритъ Еллинекъ (I. с., 152). — основана между прочимъ на убѣжденіи, что власть государства имѣетъ границы, что мы не подчиненные безгранично всемогущей власти государственные рабы“.

Такая обеспеченность личности возможна только при твердомъ законномъ порядкѣ, охраняемомъ судомъ. Справедливо говоритъ Геффдингъ, что одна только сила въ своемъ чистомъ видѣ представляетъ самую необеспеченную связь **). А вотъ замѣчательныя слова такого глубокаго мыслителя, какъ Б. Н. Чичеринъ: „Уваженіе къ закону, когда оно утверждается долгой практикой и входитъ въ нравы, составляетъ самую надежную опору государственнаго строя“. „Нельзя съ достаточной силой выразить то высокое значеніе, которое имѣетъ для государственной жизни развитіе права и тѣ неисчислимыя выгоды, которыя оно приноситъ. Право служить первою и главною охраной человѣческой личности и всего того, что ей принадлежитъ. Ограждая человѣка отъ насилія, оно даетъ ему увѣренность въ прочности его бытія, обеспеченность будущаго и вмѣстѣ силы для дѣятельности. Съ другой стороны, внушая человѣку сознаніе своей силы, чувство права возвышаетъ нравственное его достоинство...“ „Административной власти долженъ быть предоставленъ достаточный просторъ для охраненія общественнаго порядка и для исполненія тѣхъ мѣръ, которыя требуются совокупными интересами государства и общества, но когда въ своей дѣятельности она сталкивается съ правами гражданъ, она должна прибѣгать къ содѣйствію суда. И съ своей стороны граждане должны имѣть право

*) Проф. А. Кистяковскій. „Нуждается ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ, кромѣ опредѣляемыхъ по суду?“ Сбор. Госуд. Зн., IV, 155. Необходимо замѣтить, что въ вопросахъ подобнаго рода голосъ Кистяковскаго имѣетъ очень большое значеніе, т. к. этотъ криминалистъ, по справедливому замѣчанію проф. Л. Влзлогридь-Котляревскаго („Очеркъ научной дѣятельности А. О. Кистяковскаго. 1885)—не имѣетъ соперниковъ въ русской наукѣ по вопросамъ уголовной политики.

***) „Этика“. 1898, стр. 333—Ср. Еллинекъ. I. с., 120—124.

прибѣгать къ защитѣ суда въ случаѣ притѣсненій; иначе они отдаются въ жертву административному произволу*).

Система административныхъ каръ можетъ существовать только на низшихъ ступеняхъ развитія государственной жизни, гдѣ личность оцѣнивается еще очень низко и гдѣ все приносится въ жертву ложно понятому принципу усиленія власти. Облеченіе администраціи правомъ наказывать гражданъ, т.-е. передача ей самыхъ важныхъ судебныхъ функцій, равносильно признанію ненужности суда. А это признаніе самымъ роковымъ образомъ влечетъ за собой безграничный произволъ власти со всѣми печальными послѣдствіями такого произвола: всѣ общественныя отношенія дѣлаются шаткими, неопредѣленными, никто не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, чувство законности утрачивается, развивается приниженность и рабскіе инстинкты, нравы дичають, всѣ привыкають жить только настоящимъ, не брезгая никакими средствами для доставленія себѣ расположенія сильныхъ, идеальныя интересы, человѣческое достоинство превращаются въ пустые звуки и государство превращается въ то *magnum latrocinium*, о которомъ говоритъ бл. Августинъ, какъ о неизбѣжномъ послѣдствіи отсутствія суда.

Закончу разсмотрѣніе этого вопроса словами проф. Таганцева, — словами, имѣющими тѣмъ большее значеніе, что авторъ ихъ, какъ первоприсутствующій въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ Сената, близко стоитъ къ практической жизни, знакомъ съ дѣломъ государственной политики на основаніи лучшихъ источниковъ. „Почему административный чиновникъ можетъ прозрѣть и увѣриться тамъ, гдѣ судья встрѣчаетъ только сомнѣнія и слабья вѣроятности? Не угрожаетъ ли эта теорія административной непогрѣшимости замѣнить законъ простымъ усмотрѣніемъ? Мало того: эти мѣры нерѣдко представляются вредными и для общественнаго спокойствія. Онѣ озлобляютъ наказаннаго и изъ колеблющагося создаютъ непримиримаго крайняго; онѣ раздражаютъ семью и лицъ, близкихъ сосланному; онѣ, наконецъ переводятъ часто во враждебный правительству лагерь всѣхъ тѣхъ, кому дороги гражданская свобода и неприкосновенность; онѣ подрываютъ въ обществѣ уваженіе къ праву и закону“ **).

* „Курсъ государственной науки“. III. 400—413.—(Ср. Его же „Собственность и государство“. II, 305—307.

** „Русск. угол. право“. 1902, стр. 834.

3. Наконецъ, третья категория случаевъ употребленія принужденія безъ участія суда—это такіе моменты государственной жизни, когда на первый планъ выступаетъ сила, моменты въ высокой степени патологическіе и ненормальные.

Эти случаи уже никоимъ образомъ не могутъ служить доказательствомъ противъ принципа судебной монополіи принужденія, такъ какъ здѣсь можетъ идти рѣчь лишь о чисто фактическихъ отношеніяхъ, а не о правѣ. Всѣ усилія права должны быть направлены къ тому, чтобы предупредить возможность вступленія народныхъ волненій, мятежей, подобно тому, какъ всѣ усилія международнаго права клонятся къ тому, чтобы предотвратить войну, это величайшее изъ бѣдствій человѣчества. При этомъ нельзя не замѣтить, что одной изъ главнѣйшихъ причинъ указанныхъ взрывовъ является то отсутствіе нормальной правовой жизни, о которой я только что говорилъ, какъ о слѣдствіи административнаго произвола.

Такимъ образомъ мы видимъ, что судъ не есть орудіе власти, а занимаетъ въ государственномъ организмѣ совершенно самостоятельное, особое положеніе. Судъ представляетъ собой спеціальнй органъ власти, призванный быть охранителемъ права, хотя бы въ отдѣльномъ случаѣ это право входило въ коллизію съ интересами власти. Судъ есть, по мѣткому выраженію Игеринга, „принципіальное самоограниченіе государственной власти*), по это самоограниченіе служитъ лишь къ укрѣпленію власти и къ возвышенію ея нравственнаго достоинства **).

Только при существованіи суда граждане могутъ съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ относиться къ правительству, только при существованіи суда такое страшное оружіе, какъ наказаніе, не будетъ опаснымъ для свободы личности. Граждане знаютъ, что гдѣ только возникаетъ острый вопросъ о примѣненіи къ кому-либо насильственныхъ мѣръ, гдѣ возникаетъ споръ между гражданиномъ и государствомъ, споръ этотъ будетъ рѣшенъ безпристрастнымъ третьимъ, одинаково чуждымъ какъ стремленію подрывать основы исторически сложившейся формы общежитія, такъ и стремленію превращать гражданъ въ безпре-

*) „Цѣль въ правѣ“, стр. 284.

**) Ср. В. Н. Чичеринъ. „Собственность и государство“. II, 306—307; „Курсъ госуд. науки“. III, 143—144.

кословныхъ исполнителей приказаній органовъ власти. Граждане знаютъ, что разъ дѣло попало въ судъ, никакія вліянія ни сверху, ни снизу, никакія соображенія общественной или государственной пользы не могутъ имѣть ни малѣйшаго значенія для рѣшенія дѣла въ ту или другую сторону. И если подсудимый будетъ признанъ виновнымъ и заслуживающимъ наказанія, то, во-первыхъ, единственными и исключительными факторами для судьи будутъ „законъ, совѣсть и факты“; во вторыхъ, будутъ соблюдены всѣ гарантіи, обезпечивающія открытіе истины; въ третьихъ виновный будетъ наказанъ лишь послѣ того, какъ его вина будетъ установлена какъ очевидная для всѣхъ и каждаго, и притомъ наказанъ лишь на точномъ основаніи уголовного закона, существовавшаго до совершенія преступленія и, въ четвертыхъ, что вопросы о виновности и о примѣненіи наказанія будутъ разрѣшены съ должнымъ уваженіемъ къ личности подсудимаго и съ полнымъ сознаніемъ всей страшной отвѣтственности такого дѣла, какъ примѣненіе къ человѣку принужденія въ его самой рѣзкой формѣ.

Само собою разумѣется, что для того, чтобы судъ стоялъ на высотѣ своей столь отвѣтственной задачи, онъ долженъ быть надлежащимъ образомъ организованъ. Эта организація, основные принципы которой и будутъ рассмотрѣны во второй части настоящаго труда, должна обезпечить наличность у суда всѣхъ необходимыхъ качествъ: непристрастія, независимости, авторитетности, знаній, опыта и нравственныхъ качествъ—*для того священнодѣйствія, которое называется отправленіемъ правосудія и къ которому нельзя приступать съ неумытыми руками.*

Но всего этого еще недостаточно. Недостаточно создать судъ независимый, вооруженный знаніями, опытомъ и нравственными качествами, поставленный въ наиболѣе удобныя условія для работы. Если бы ограничиться только тѣмъ, что можетъ дать одно судоустройство, организація, была бы сдѣлана лишь половина дѣла. При всей ея громадной важности одной организаціи недостаточно для того, чтобы судъ стоялъ на высотѣ своей, столь отвѣтственной задачи.

Представляется необходимымъ самую дѣятельность суда подчинить извѣстнымъ правиламъ, обставить рядомъ гарантій. Такиими гарантіями и служатъ обряды и формы судопроизводства, эти

по мѣткому выраженію Ф. Эли, маяки судебныхъ дѣйствій*). Эти формы и обряды придають судебному производству извѣстную тяжеловѣсность, неповоротливость, громоздкость, но вмѣстѣ съ тѣмъ только благодаря имъ судъ можетъ стоять внѣ всякихъ подозрѣній. *Въ сущности если лишить судебную дѣятельность формъ и обрядовъ, эта дѣятельность ничѣмъ не будетъ отличаться отъ дѣятельности органовъ администраціи и скоро проникнется тѣмъ же принципомъ илессообразности, который такъ необходимъ администраціи, и такъ противорѣчитъ оправленію правосудія.*

Формы и обряды процесса не даны человѣчеству, какъ нѣчто готовое, а создаются и вырабатываются по мѣрѣ развитія культуры. Мы съ ужасомъ говоримъ теперь о пыткѣ, какъ о средствѣ получить сознаніе обвиняемаго, а между тѣмъ для современниковъ ничего не могло быть естественнѣе этого обряда судопроизводства. Если при такой замѣчательной постановкѣ уголовного процесса, которую мы видимъ въ Афинахъ**) рабъ могъ быть допрошенъ не иначе, какъ подъ пыткой, а въ дѣлахъ объ измѣнѣ пытка примѣнялась ко всѣмъ, безъ различія классовъ, если даже въ Англіи только въ концѣ XVIII ст. отмѣненъ такой чудовищный обрядъ судопроизводства, какъ такъ называемая *la reine torte et dure****) и въ той же Англіи лишь въ 1836 году отмѣненъ законъ, по которому обвиняемый въ фелоніи не имѣлъ права на формальную защиту †), то насъ не должно удивлять, что при системѣ тайнаго инквизиціоннаго процесса, при отсутствіи гарантій правъ личности, при превращеніи обвиняемаго въ объектъ изслѣдованія, пытка была самымъ обыкновеннымъ средствомъ открытія истины не только въ средніе вѣка, но и въ новое время. Такъ, напримѣръ, *question preparatoire* отмѣнена

*) *Traité de l'instruction crimin.* 1845. I, 6.

**) См. напр. Бекко. Организация уголовной юстиціи въ главнѣйш. ист. эпохи. 1867. 1—40 I Wargha. *Die Verteidigung in Strafsachen.* 1879. 16—32; F. Hélie l. c. I. 16.—33.

***) Stephen. *A history of the criminal law of England.* I, 298; Loiseau. *Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes.* 1863. 299.

†) Glanville. *Histoire du droit et des institutions politiques, civiles et judiciaires de l'Angleterre etc.* 1883 VI. 778. Stephen. *A general view of the criminal law of England* 1863 p 30.

во Франціи 14 августа 1780 года, а question préalable существовала до самой великой революціи *).

По мѣрѣ поступательнаго движенія культуры вырабатываются все болѣе и болѣе совершенные, справедливые и цѣлесообразные формы и обряды судопроизводства. Нельзя указать границъ этому движенію, а напротивъ, при сравненіи старыхъ грубыхъ формъ съ современными, при ознакомленіи съ новѣйшими научными работами хотя бы по вопросу о свидѣтельскихъ показаніяхъ **)—нельзя не выразить увѣренности въ томъ, что и здѣсь наука медленно, но неуклонно идетъ впередъ и будетъ открывать все болѣе справедливыя и совершенныя, все болѣе свободныя отъ субъективныхъ вліяній средства для достиженія конечной цѣли уголовного процесса.

Ознакомившись съ тѣми гарантіями, которыя даютъ судоустройство и судопроизводство, мы понимаемъ, почему только судъ имѣетъ право распоряжаться принудительными функціями власти. Эти гарантіи дѣлаютъ судъ тѣмъ органомъ власти, проходя черезъ руки котораго наказаніе становится неопаснымъ для достиженія конечной цѣли культуры— всеобщаго братства, и не противорѣчить гуманнымъ идеаламъ. Судъ долженъ быть не только правымъ, но и милостивымъ, по прекрасному выраженію свѣтлой памяти создателя Судебныхъ Уставовъ 1864 года. Само собою разумѣется, что гуманность и мягкость вполне совмѣстимы съ неуклоннымъ исполненіемъ судомъ своего долга, подчасъ очень тягостнаго. Когда этого требуютъ разумно понятыя интересы репрессіи, судъ долженъ твердою рукою неумолимо карать, не смущаясь ни односторонними теоріями, ни сжимающими сердце перспективами человѣческихъ страданій. Въ такихъ случаяхъ судья долженъ помнить изреченіе стараго англійскаго судьи: *pity is due to the criminal, but pity is also due to the country.*

*) Tissot. Le droit pénal étudié dans ses principes, dans ses usages et les lois des divers peuples du monde. 1888. II 725—726; Loiseau r. l. c. 216; A. Fsm ein Histoire de la procédure criminelle en France etc 1861. 401. A. Du-Bois. Histoire du droit criminel en France etc 1874. II 290

**) См напр. работу прив.-доц. Штерна Zur Psychologie de Aussage, въ XXII томѣ Zeitschrift'a Листа и статью Листа въ № 1 Deutsche Juristenzeitung за 1902 годъ. Этими работами начать цѣлый рядъ изслѣдованій по вопросу о свидѣтельскихъ показаніяхъ.

Здѣсь мы подходимъ къ чрезвычайно интересному вопросу о предѣлахъ полномочій суда при примѣненіи уголовныхъ законовъ.

Одинъ изъ колоссовъ человѣческой мысли — Гегель, выяснилъ ритмъ, по которому совершается поступательное движеніе исторіи культуры. Сначала дана первичная форма явленія, гдѣ въ потенціи заключается множество опредѣленій, но гдѣ все слито, хаотично (тезисъ). Изъ этой формы выдѣляются противоположности, каждая изъ нихъ развивается самостоятельно, повидимому отрицая право на существованіе за остальными (анти-тезисъ). Наконецъ, противоположности сольются въ высшемъ, гармоническомъ единствѣ, гдѣ каждая часть разовьетъ все свое содержаніе, каждая займетъ свойственное ей мѣсто и гдѣ все будетъ проникнуто одной руководящей идеей (синтезисъ).

Если съ этой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать исторію развитія предѣловъ полномочій суда, то мы замѣтимъ слѣдующее.

Въ первое время судъ осуществлялся непосредственно самою верховною властью. Она сама творила право, сама примѣняла его, сплошь и рядомъ создавая законъ *ad hoc*, не стѣняясь никакими правилами и руководствуясь лишь чувствомъ справедливости, какимъ оно являлось въ каждомъ данномъ случаѣ.

И когда судъ пересталъ осуществляться непосредственно самою верховною властью, перейдя въ руки специальныхъ ея органовъ, эти органы долгое время творили правосудіе такъ, какъ творила бы его сама верховная власть (напр. римскіе суды присяжныхъ).

Пока общественныя и государственныя отношенія были просты и несложны, такой порядокъ не могъ быть особенно опаснымъ для общежитія. Но съ осложненіемъ жизни и съ появленіемъ писаннаго права, столь необходимаго для культурнаго государства, стали все больше и больше проявляться опасныя стороны всемогущества суда. Напр., во Франціи стараго режима въ сущности не было уголовного права въ собственномъ смыслѣ: существовало только уголовное судопроизводство, т. е. рядъ правилъ, которыми руководствовался судъ при разборѣ дѣлъ. Преступленія и наказанія не были строго опредѣлены закономъ и поэтому судьи могли подвергать обвиняемаго наказанію за такое дѣяніе, которое не было предусмотрено закономъ, и подвергать такому наказанію, какое находили наиболѣе справедливымъ въ каждомъ данномъ случаѣ.

Само собою разумѣется, что когда наступило время обновленія всѣхъ общественныхъ формъ, когда выяснилась потребность прочныхъ гарантій свободы и правъ личности, подверглись коренному пересмотру полномочія суда. Была выработана теорія, самымъ строгимъ образомъ разграничивающая функціи законодателя и судьи. По этой теоріи судья есть лишь примѣнитель закона, не имѣющій права даже толковать его, т. к. „обманчивое непостоянство произвольныхъ толкованій“ есть явленіе весьма опасное для гражданской свободы.

Теорія эта помимо своего важнаго историческаго значенія имѣетъ большую цѣнность: она выяснила, что судъ есть органъ подзаконный, призванный къ тому, чтобы охранять и примѣнять существующій законъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь обнаружила односторонность этой теоріи. Отправленіе правосудія есть живсе дѣло, которое невозможно втиснуть въ узкія рамки. Законодатель даетъ лишь основу правовой жизни, указываетъ общій путь; онъ не можетъ предусмотрѣть все безконечное разнообразіе жизни. Судья и служитъ посредникомъ между абстрактнымъ предписаніемъ закона и жизнью, а судебная практика является восполненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ закона *).

Вотъ почему теорія о судѣ, какъ о механическомъ примѣнителѣ закона, была оставлена и замѣнена господствующей нынѣ теоріей. Эта послѣдняя теорія предоставляетъ суду значительныя полномочія въ дѣлѣ толкованія закона и опредѣленія размѣровъ наказанія. Но между прочимъ она требуетъ, чтобы судья при доказанности вины преступника неукоснительно примѣнилъ къ нему уголовный законъ. Для смягченія особенно рѣзкихъ случаевъ несоотвѣтствія жизни съ закономъ единственнымъ коррективомъ можетъ быть обращеніе суда къ верховной власти съ ходатайствомъ о чрезвычайномъ пониженіи наказанія, или о помилованіи.

Можно ли этотъ порядокъ считать завершеніемъ исторіи полномочій уголовного суда? Послѣ періода, когда судъ обладалъ самыми неограниченными полномочіями во всѣхъ отношеніяхъ (тезисъ), послѣ періода, въ которомъ изъ первоначальнаго единства выдѣлились противоположности, были выяснены и развиты всѣ отдѣльные моменты судебной дѣятельно-

*.) Подробнѣе объ этомъ — во второй части книги.

сти (антитезисъ), нельзя ли предположить наступленія третьяго періода, періода высшаго синтеза, въ которомъ полномочія суда будутъ гораздо болѣе широки, чѣмъ въ настоящее время, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ полномочія эти не будутъ опасны для гражданской свободы?

Казалось бы, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ подсказывается самъ собою какъ общимъ ходомъ исторіи, такъ и явленіями современной жизни.

Эта жизнь знаетъ случаи, когда совершается дѣяніе въ высшей степени вредное и опасное для общегитія, которое, однако, законодатель упустилъ внести въ уголовный кодексъ. Не долженъ ли судъ руководствуясь аналогіей, восполнить недостатокъ закона и подвергнуть обвиняемаю наказанію? Далѣе, бываютъ случаи, когда совершается преступленіе, за которое законодатель грозитъ незначительнымъ наказаніемъ, но обвиняемый представляетъ изъ себя такую глубоко—испорченную натуру, является такимъ опаснымъ субъектомъ, что возникаетъ вопросъ: не долженъ ли судъ, въ интересахъ борьбы съ преступностью, примѣнить къ обвиняемому болѣе строгое и обезпечительное для общества наказаніе, чѣмъ то, которое указано въ нарушенномъ законѣ?

Наконецъ, возможны случаи, когда обвиняемый съ формальной стороны оказывается несомнѣнно виновнымъ, но индивидуальныя особенности дѣла таковы, что примѣненіе наказанія, хотя бы и минимальнаго, будетъ совершенно ненужной и даже вредной жестокостью. Не долженъ ли въ такихъ случаяхъ судъ признать обвиняемаго виновнымъ, но отъ наказанія освободить?

Новыя теченія въ наукѣ на всѣ эти вопросы отвѣчаютъ утвердительно.

И въ особенности энергично требуетъ новаторы расширенія полномочій суда въ смыслѣ усиленія репрессіи. Для борьбы съ врагами общества, говорятъ они, необходимы болѣе цѣлесообразныя средства, чѣмъ тѣ, которыя до сихъ поръ употреблялись. Съ преступникомъ нечего церемониться, и, если того требуютъ интересы общественной охраны, государство не должно отступать передъ мнимыми правами преступника. Въ своей работѣ. „La sociologie et le droit pénal“ Дорадо требуетъ, чтобы судъ былъ предоставленъ безграничный просторъ, чтобы судья могъ „incriminer tous les faits, qui lui paraissent incriminables et appliquer à leurs

auteurs les mesures protectrices et tutélaires, qu'ils jugera convenables *).

Но и нѣкоторые единичные представители господствующаго направленія въ наукѣ высказываются за расширеніе полномочій суда и предоставленіе ему права наказывать обвиняемыхъ по аналогіи за дѣянія, уголовнымъ кодексомъ не предусмотрѣнные.

Ключъ къ разрѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ даютъ развитыя выше положенія 1) о наказаніи, какъ о а) крайнемъ и б) очень опасномъ средствѣ охраны с) правопорядка и 2) о принципѣ *nullum crimen, nulla poena sine lege*. Новаторы забываютъ, что логическимъ выводомъ изъ основныхъ принциповъ ихъ теоріи было бы совершенное упраздненіе уголовного кодекса, а слѣдовательно—и уголовного права (а если нѣтъ права—остается лишь одна голая сила и произволь). Въ самомъ дѣлѣ, съ этой точки зрѣнія даже кодексъ, состоящій изъ одного списка запрещенныхъ дѣяній съ предоставленіемъ суду права назначать за каждое любое наказаніе, представляется тормазомъ въ дѣлѣ охраны общества отъ опасныхъ людей. Совершенно достаточно постановить: каждый опасный и вредный для общежитія чловѣкъ будетъ привлеченъ къ суду, составленному изъ надлежащихъ специалистовъ, подвергнутъ изученію съ антропологической, психологической, социологической и др. точекъ зрѣнія, а затѣмъ—или ему будетъ назначено принудительное воспитаніе, или онъ подвергнется какой либо карательной мѣрѣ по усмотрѣнію суда, или же будетъ „обезвреженъ“. Такой порядокъ какъ нельзя болѣе напоминаетъ напр. слѣдующую систему борьбы съ государственными преступленіями: гражданинъ можетъ быть арестованъ „въ порядкѣ охраны“ по усмотрѣнію административной власти за дѣяніе, въ уголовномъ кодексѣ не значащееся, можетъ долгое время содержаться подъ стражей, „до выясненія обстоятельствъ, послужившихъ основаніемъ для ареста“, не зная, въ чемъ именно онъ заподозрѣнъ, а затѣмъ по усмотрѣнію той же администраціи можетъ быть или заключенъ въ тюрьму на неопредѣленное время, или подвернуть ссылкѣ. Грозныя и печальныя послѣдствія этой системы слишкомъ извѣстны, а вѣдь предлагаемая новаторами

*) Работа Дорадо мнѣ неизвестна; цитирую по книгѣ М. Чубинскаго „Очерки уголовной политики“. 1905. стр. 13.

система борьбы съ преступностью, охраны общества, покоится въ сущности на тождественныхъ основаніяхъ.

Государство ничего не потеряетъ, если останется безнаказаннымъ одинъ случай совершенія вреднаго для общежитія дѣянія, не предусмотрѣннаго закономъ: законодатель имѣетъ всегда полную возможность немедленно внести это дѣянiе въ уголовный кодексъ. Точно также, если практика покажетъ, что назначенное въ уголовнымъ законѣ наказаніе оказывается недостаточнымъ противовѣсомъ нелегальнымъ стремленіямъ, законодатель всегда имѣетъ возможность усилить этотъ противовѣсъ, увеличивъ соотвѣтственнымъ образомъ наказаніе. Но предоставленіе суду права измѣненія и исправленія закона самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчило бы роли суда въ государственной жизни. Эта роль заключается вовсе не въ борьбѣ съ преступностью. Судъ призванъ быть рѣшителемъ спора между личностью и государствомъ на основаніи существующаго закона. Онъ долженъ рѣшить въ каждомъ данномъ случаѣ вопросъ: должно ли быть примѣнено къ обвиняемому указанное въ законѣ наказаніе, и если должно, то въ какой мѣрѣ. Здѣсь роль суда сводится вовсе не къ отягченію участи обвиняемаго сравнительно съ угрозой уголовнаго закона, а скорѣе наоборотъ.—Вотъ почему, расширеніе полномочій суда въ смыслѣ усиленія уголовной репрессіи является извращеніемъ идеи суда, какъ института, призваннаго играть главную роль въ системѣ гарантій, превращающихъ насиліе въ право, *призваннаго смягчать и парализовать темныя стороны наказанія.*

Иначе рѣшается вопросъ о предѣлахъ полномочій суда при облегченіи участи обвиняемаго.

Тутъ не нарушается принципъ личной свободы, не нарушается принципъ nullum crimen; такой порядокъ вполне согласуется съ положеніемъ, что наказаніе есть крайнее и очень опасное средство охраны правопорядка. Поэтому тотъ синтезъ, о которомъ сказано выше, долженъ совершиться именно въ смыслѣ расширенія полномочій суда при смягченіи участи обвиняемаго.

Историческій путь въ этомъ направленіи таковъ. Сначала т. наз. относительно—опредѣленная санкція уголовнаго закона осуществляется въ весьма широкихъ границахъ. Затѣмъ вводится система, по которой отмѣняется спеціальныи минимумъ и суду предоставляется право переходить къ общему законному минимуму.

Напр., въ Голландіи и Англии за убійство судъ можетъ перейти отъ тягчайшаго наказанія до одного дня тюрьмы *).

Слѣдующая ступень есть условное осужденіе. Наконецъ, завершеніемъ пути является право суда совершенно освобождать признаннаго виновнымъ обвиняемаго отъ наказанія, и такимъ образомъ вовсе не отождествлять понятій „виновенъ“ и „заслуживаетъ наказанія“, а строго раздѣлять ихъ и каждый изъ соотвѣствующихъ вопросовъ рѣшать самостоятельно **).

Но уже если институтъ условнаго осужденія имѣетъ многихъ убѣжденныхъ и очень сильныхъ противниковъ между криминалистами, то можно заранѣе сказать, что теорія, предоставляющая суду право освобождать отъ наказанія при наличности доказанной виновности, будетъ встрѣчена въ высшей степени недружелюбно.

И дѣйствительно, за эту теорію высказываются лишь единичные голоса. Она рѣзко порицается почти всѣми криминалистами. Говорятъ, что она находится въ противорѣчій съ задачами суда — быть охранителемъ закона, что она снабжаетъ судъ законодательными прерогативами, что онъ узаконяетъ судебный произволъ, что такимъ образомъ угроза уголовного закона превращается въ пустой звукъ, если суду предоставить право помилованія.

А между тѣмъ очень многіе криминалисты, такъ рѣзко порицающіе эту теорію, вмѣстѣ съ тѣмъ высказываются за отміну спеціальнаго минимума и за институтъ условнаго осужденія. Мало того, — среди нихъ есть такіе, которые предоставляютъ суду присяжныхъ право самаго широкаго и безконтрольнаго оправданія. Между тѣмъ разсматриваемая теорія есть лишь логическое завершеніе того порядка идей, которое

*) Насколько цѣлесообразенъ такой порядокъ и насколько онъ согласенъ съ интересами общей превенціи — это другой вопросъ, на который едва ли можно отвѣтить утвердительно относительно всѣхъ преступленій.

**) Во Франціи 12 мая 1885 сенаторы Мишо, Шельцеръ, Верадь, Мазо, Накъ и Толанъ внесли проектъ закона о „судебномъ прощеніи“, по которому суду предоставляется право въ вѣстныхъ случаяхъ прощать подсудимому и освобождать его отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Этотъ проектъ перешелъ и въ проектъ новаго французскаго уголовного уложенія (§ 66), но при окончательномъ разсмотрѣніи не былъ принятъ. Въ Англии The Summary jurisdiction Act 1879 Section 16 предоставляетъ право суду въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда по мнѣнію суда назначеніе наказанія является излишнимъ, освобождать обвиняемыхъ отъ преслѣдованія.

лежитъ въ основѣ условнаго осужденія, имѣетъ съ этимъ институтомъ одну и ту же природу.

Ни законоохранительная функція суда, ни принципъ раздѣленія властей, ни принадлежащее верховой власти право помилованія, ни психологическій эффектъ санкціи уголовного закона нисколько не пострадаютъ, если уголовный законъ будетъ конструированъ, какъ норма, дающая право суду наложить на преступника наказаніе, если онъ будетъ признанъ не только виновнымъ, но и заслуживающимъ наказанія. Другими словами: уголовный законъ если лишь законное предположеніе наказуемости, которое съ одной стороны полагаетъ предѣлы судейской власти, а съ другой—даетъ суду право наложить на преступника наказаніе. Страшныя слова „судебный произволъ“ теряютъ весь свой эффектъ, если мы будемъ имѣть въ виду ту неизмѣримо-большую разницу, которая существуетъ съ одной стороны—между осужденіемъ невиннаго, или признаніемъ виновнымъ за „преступленіе“, не существующее въ кодексѣ, или съ примѣненіемъ къ обвиняемому большаго наказанія, чѣмъ указанное въ санкціи, и съ другой стороны,—съ освобожденіемъ виновнаго отъ наказанія. Въ послѣднемъ случаѣ это можетъ быть сдѣлано лишь по мотивамъ гуманности, вслѣдствіе убѣжденія суда какъ въ полной безвредности и неопасности преступника, такъ и въ излишней жестокости примѣненія къ нему хотя бы минимальнаго наказанія. Кромѣ того, такой актъ суда выливается въ форму мотивированнаго приговора, постановленнаго при соблюденіи всѣхъ процессуальныхъ гарантій и подлежащаго обжалованію.

И во всякомъ случаѣ этотъ порядокъ гораздо болѣе соответствуетъ достоинству суда, какъ органа государственной власти, чѣмъ случаи, бывающіе въ Англіи, когда судья за тяжкое преступленіе приговариваетъ къ нѣсколькимъ часамъ заключенія.

Не проще ли, не достойнѣе ли правосудія сказать подсудимому: „да, ты совершилъ это преступленіе, я признаю тебя виновнымъ, подобнаго рода поступки въ общемъ я порицаю; но въ виду такихъ-то соображеній я нахожу, что ты долженъ быть освобожденъ отъ наказанія“. Формулированный такимъ образомъ приговоръ гораздо болѣе способенъ поддержать авторитетъ закона, чѣмъ продѣлываніе комедіи съ назначеніемъ микроскопическаго наказанія.

Съ другой стороны такой приговоръ неизмѣримо выше во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ оправдательный приговоръ, который въ сущности скрываетъ въ себѣ или помилованіе, или отмѣну существующаго закона.

Но само собою разумѣется, съ вопросомъ о расширеніи полномочій суда самымъ тѣснымъ образомъ связаны вопросы о надлежащей организациі суда, о личности судьи, гарантіяхъ правосудія, условіяхъ мѣста и времени, о довѣріи населенія къ суду. Напримѣръ, для народа, въ плоть и кровь котораго не вошло еще уваженіе къ закону, для котораго чувство законности еще не сдѣлалось „сѣдымъ чувствомъ“, который во всемъ привыкъ руководиться усмотрѣніемъ, едва ли цѣлесообразно слишкомъ расширять предѣлы судейскихъ полномочій *).

Нельзя не замѣтить, кстати, что судья-чиновникъ, порвавшій съ наукой всякую связь, совершенно не пригоденъ для той почетной роли, которую желаютъ поручить ему новѣйшія теченія въ наукѣ.

IV. Но достаточно ли всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами гарантій?

Для того, чтобы правильно рѣшить этотъ вопросъ, представимъ себѣ, что въ странѣ существуетъ прекрасно организованная власть, прекрасный уголовный кодексъ, прекрасные суды и прекрасные чисто процессуальные законы, представимъ себѣ, что при наличности всѣхъ этихъ данныхъ обвиняемый будетъ осужденъ и заключенъ на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму. Если эта тюрьма будетъ напоминать Дантовъ адъ, если она будетъ мѣстомъ мученій, болѣзней, истязаній, школой порока и преступленій, если преступникъ, выйдя изъ нея, сдѣлается тяжкимъ бременемъ для общества, навсегда потерявъ здоровье, человѣческое достоинство,

*) При такомъ положеніи дѣла некультурная масса легко можетъ проникнуться мыслью, напримѣръ о дозволенности преступленій, совершаемыхъ въ первый разъ, о полной возможности избѣжать наказанія и т. п. Такимъ образомъ можетъ быть въ значительной степени парализовано стремленіе уголовного законодателя создать усиленную охрану правовыхъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, если введеніе условнаго осужденія еще не вездѣ представляется своевременнымъ, то тѣмъ болѣе осторожности и обдуманности необходимо проявить законодателю при разрѣшеніи вопроса: предоставить, или вѣтъ суду право освободить отъ наказанія признанныхъ виновными подсудимыхъ? Здѣсь еще разъ уместно повторить, что изъ существованія идеала еще не слѣдуетъ, что идеаль этотъ можетъ быть немедленно проведенъ въ жизнь.

или превратившись въ закоренѣлаго злодѣя,—всѣ благотѣльные эффекты, разсмотрѣнныхъ нами трехъ родовъ гарантій будутъ парализованы. Очевидно, эти гарантїи нуждаются въ весьма существенномъ дополненїи.

И такъ какъ въ настоящее время центральное мѣсто въ карательной системѣ занимаетъ лишеніе свободы въ видѣ заключенія, такъ какъ, очевидно, этому роду наказанія предстоить еще большее будущее, то разумная организація отбытія тюремнаго заключенія является дѣломъ первостепенной важности. Эта организація должна сдѣлать то, чтобы наказаніе потеряло всѣ свои грубыя и оскорбительныя для человѣческаго достоинства черты, чтобы оно способствовало соціальному исправленію наказаннаго, чтобы оно воочію доказало бы и наказанному и обществу могущество, справедливость и гуманность правопорядка.

И здѣсь, какъ и во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, на помощь человѣчеству приходитъ наука.

Одинъ изъ отдѣловъ науки уголовного права, отдѣлъ, который въ виду богатства содержанія, важности и жизненности разсматриваемыхъ вопросовъ, въ виду обширности уже накопившейся литературы имѣетъ тенденцію выдѣлиться въ самостоятельную область знанія—тюрьмовѣдѣніе,—беретъ на себя трудную и благородную задачу быть руководителемъ законодателя въ дѣлѣ созданія послѣдняго ряда гарантій, обезпечивающихъ служеніе наказанія высшимъ культурнымъ идеаламъ.

Эта наука требуетъ между прочимъ, чтобы изъ тюремнаго режима было изгнано все, что причиняетъ человѣку невызываемыя крайнею необходимостью страданія. Конечно, тюрьма не есть и не должна быть благотворительнымъ учрежденіемъ, она не должна казаться привлекательной для преступника, репрессивный моментъ долженъ играть во всемъ тюремномъ режимѣ главную роль, но этотъ моментъ не долженъ вырождаться въ издѣвательство надъ личностью. Проф. I. Wargha прекрасно замѣчаетъ, что и въ осужденномъ преступникѣ надо уважать самоцѣльную личность и ея человѣческое достоинство и соотвѣтственно съ этимъ обращаться съ отбывающимъ наказаніе *).

*) Die Abschaffung der Strafknechtschaft. II, 494 и сл.—Тардъ (Les transformations du droit 1893. 14—23) указываетъ, что въ первобытныя времена существовали два рѣзко отличающіяся другъ отъ друга типа наказанія: 1) кровавая мѣсть противъ членовъ чужой общины, мѣсть беспощадная, безъ всякаго проявленія понятія о

Только тогда можетъ быть достигнута одна изъ труднѣйшихъ, но за тѣ и благороднѣйшихъ задачъ тюрьмы: сдѣлать, чтобы человѣкъ вышелъ изъ тюрьмы лучшимъ, чѣмъ онъ вошелъ туда.

А для того, чтобы тюрьма могла стать на надлежащую высоту, чтобы въ тюремной дѣятельности не было вредныхъ уклоненій ни въ сторону *ложно понятой* гуманности, ни въ сторону излишней строгости, необходимо (помимо общихъ реформъ) созданіе хорошаго персонала служащихъ тюремному дѣлу отъ низшихъ до высшихъ. И если Кроне*) предъявляетъ къ тюремнымъ дѣятелямъ быть можетъ слишкомъ высокія требованія, то не надо забывать, что теоретически эти требованія безусловно правильны и что только путемъ повышенія уровня научной подготовки и нравственныхъ качествъ тюремныхъ дѣятелей можно надѣяться пре-

виновности, имѣющая цѣлью истребленіе врага, и 2) искупленіе (а въ случаѣ невозможности—изгнаніе)—относительно членовъ своей общины; тутъ уже является моральное понятіе о виновности, понятіе, основанное на симпатіи, основномъ элементѣ общества. Источникомъ уголовного права и явилась эта вторая форма, которая съ теченіемъ времени комбинировалась съ первой. Кулишеръ въ своей работѣ *Untersuchungen über das primitive Strafrecht* (въ *Zeitschrift für vergleich. Rechtswissenschaft* 1904 Band 17) доказываетъ, что изгнаніе изъ общины *Friedlosigkeit*, вовсе не влечетъ за собою обязанности для членовъ совершать надъ изгнаннымъ какія бы то ни было насильственные дѣйствія: онъ лишь отлучался, изгонялся (активный моментъ) и община затѣмъ вовсе о немъ не заботилась (пассивный моментъ).—Все это можетъ быть весьма нагляднымъ для построенія теоріи наказанія, т. е. показываетъ что и въ самомъ эмбрионѣ наказанія господствуютъ чисто животныя побужденія мести, а заключаются моменты высшего порядка. Много интересныхъ фактовъ сообщаетъ S. Steinmetz въ своей книгѣ „*Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe*“

Девизомъ тюремовѣдѣнія должно быть: *in severitate humanitas*. Теорія Бара (*Handbuch*. 1882. 311—361) не можетъ быть принята: дѣйствительно наказаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и порицаніе извѣстныхъ дѣяній, но кромѣ порицанія въ наказаніи есть еще плюсъ и этотъ-то плюсъ есть сущность наказанія. Эта сущность заключается въ причиненіи преступнику извѣстнаго страданія, въ лишеніи его извѣстныхъ благъ. Такимъ образомъ, основнымъ моментомъ наказанія, моментомъ, рассчитаннымъ на общую превенцію, является репрессивный моментъ, *severitas*. По одна *severitas* въ ея чистомъ видѣ легко можетъ выродиться въ жестокость, въ злѣчество. Тутъ является на сцену другой моментъ—*humanitas*. Онъ служитъ дополненіемъ, коррективомъ.

*) *Zweifellose Moralität, sittlicher Ernst, gesunde Religiosität, klares Denken, mutige Entschlossenheit, eine der Stellung entsprechende gute allgemeine bzw. technische Bildung und vollste Hingebung an den Beruf.* K. K r o n e, *Lehrbuch der Gefängniswissenschaft*. 1889. 519. Безусловно правъ авторъ, говоря (стр. 518), что *die besten Systeme, die vollkommensten Reglements werden wenig ausgerichtet bei einem mittelmässigen Beamtenpersonal* и что въ тюремномъ дѣлѣ афоризмъ „люди, а не правила“ имѣетъ совершенно особенное значеніе.

вратить прежнихъ „тюремщиковъ“ въ культурныхъ работниковъ высшаго порядка.

Важность тюремвѣдѣнія въ общей системѣ академическаго изученія права не возбуждаетъ теперь никакого сомнѣнія. Отдѣльные курсы тюремвѣдѣнія читались въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ и у насъ въ петербургскомъ (Фойницкій), московскомъ (Пусторослевъ), одесскомъ (Піонтковскій) и томскомъ (пишущій эти строки) университетахъ. На петербургскомъ международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ послѣ докладовъ Фойницкаго, Ломброзо, Ягемана и Жоли было признано необходимымъ учрежденіе въ университетахъ самостоятельной кафедры тюремвѣдѣнія.

Изъ всего разсмотрѣнія системы гарантій мы можемъ заключить, что судъ занимаетъ центральное мѣсто въ этой системѣ. Поэтому Глазера *) нельзя упрекнуть въ преувеличеніи, когда онъ говоритъ, что отъ соответствія уголовного процесса своей цѣли общественное благо зависитъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ отъ чего-либо другого.

Судъ есть: 1) охранитель правопорядка, этой основы всей государственной жизни; 2) защитникъ правъ личности,—этой движущей силы исторіи культуры **); 3) органъ власти, монополизирующій въ своихъ рукахъ распоряженіе принудительными функциями и тѣмъ самымъ не только обезвреживающій эти опасныя функции, но и дѣлающій изъ нихъ средство для достиженія высшихъ культурныхъ идеаловъ; наконецъ, 4) судъ есть органъ не только примѣняющій право, но и въ извѣстной степени творящій его, участвующій въ процессѣ историческаго развитія права, какъ одна изъ важнѣйшихъ творческихъ силъ.

Все это дѣлаетъ понятнымъ первостепенную важность роли суда въ государственной жизни.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію принциповъ, которые должны лечь въ основу организаціи суда.

*) Handbuch des Strafprozesses. 1883. I. 43.

**) Здѣсь нельзя не отмѣтить еще разъ важности т. наз. „недвижной“ конституціи въ связи съ правомъ суда провѣрять обыкновенные законы съ точки зрѣнія непритворчія ихъ основнымъ, конституціоннымъ. Судъ такимъ образомъ становится хранителемъ конституціи, защитникомъ правъ личности даже противъ законодательной власти, если бы она увлеклась временными теченіями, противными духу конституціи.

Часть II.

Часть II.

ГЛАВА I.

Послѣ всего сказаннаго въ первой части намъ теперь понятна важность вопроса объ организаціи судебной власти. И здѣсь, какъ и вездѣ въ государственной жизни, организація имѣетъ первостепенное значеніе. Ничего не можетъ быть опаснѣе забвенія этой истины. Страшно подумать, сколько зла принесла человѣчеству теорія: „были бы люди хороши, тогда и всякое учрежденіе будетъ хорошо“. Непризнание цѣнности организаціи самой по себѣ приводитъ къ взгляду на государство, какъ на вотчину, управляемую чисто патріархально, причемъ съ одной стороны стоитъ власть, ничѣмъ не стѣсняемая, ничѣмъ не связанная, а съ другой—подданные, опекаемые этой властью, не имѣющіе никакихъ правъ и представляющіе собою только объектъ управленія. Слишкомъ это старая истина, что хорошія учрежденія воспитываютъ людей и что развитіе нравственныхъ чувствъ возможно только на твердой почвѣ права, гарантирующаго каждому сферу свободной дѣятельности и неприкосновенность его личности. Жизнь изобилуетъ примѣрами благотворнаго эффекта правовыхъ гарантій, организаціи: при самыхъ дурныхъ условіяхъ эти гарантій всегда служили сдержками для произвола. И если изъ двухъ золъ выбирать меньшее, то слѣдуетъ признать, что для государста лучше имѣть плохіе уголовно—матеріальные и чисто—процессуальные законы при хорошей организаціи судовъ, чѣмъ наоборотъ *).

*) Безусловно правъ Garraud (Précis d. dr. crim. 1895, 423), говоря: En matière criminelle les lois organiques ont peut-être plus d'importance que les lois pénales: car si on a vu des peuples avec un bon système d'organisation judiciaire et de procédure corriger les inconvénients d'un système defectueux d'incrimination et de la pénalité, le phénomène inverse ne s'est jamais rencontré.—Ср. Ortolan. Elements de dr. pen. 1886. II, 389—381; F. Hélie. Traité. I, 4.

Только надлежащая организація можетъ служить гарантіей, что судъ не превратится въ орудіе власти, а будетъ дѣйствительно безпристрастнымъ третьимъ, рѣшающимъ споръ между личностью и государствомъ; что судъ съ другой стороны не будетъ орудіемъ въ рукахъ партій, не будетъ послушнымъ органомъ общественнаго мнѣнія. Только надлежащая организація можетъ создать тотъ судъ, о которомъ говоритъ Биндингъ, какъ объ учрежденіи, производящемъ успокаивающее и вмѣстѣ съ тѣмъ импонирующее впечатлѣніе, стоящемъ выше всякихъ партій, выше всѣхъ страстей и правителей, и управляемыхъ*), судъ, о которомъ говоритъ русская народная пословица: „судья праведный—ограда каменна“.

Только надлежащая организація, наконецъ, можетъ снабдить судъ всѣми средствами для успѣшнаго разрѣшенія его великой, сложной и столь отвѣтственной задачи и поставить въ условія, наиболѣе благопріятныя для плодотворной работы.

Характерныя особенности судебной власти, рѣзкое отличие функций ея отъ функций остальныхъ властей и послужили причиной того, на первый взглядъ страннаго, явленія, что вопросы объ организаціи судовъ, о службѣ судебной разсматриваются особой наукой, и въ то время, какъ вопросы о всѣхъ должностныхъ лицахъ государства, какъ бы высоко они ни стояли, совершенно свободно входятъ въ содержаніе науки государственнаго права, вопросы о судьяхъ выдѣляются въ самостоятельную дисциплину.

Какіе принципы должны лечь въ основу организаціи судебной власти?

Судъ государственный есть видовое понятіе. Родовое понятіе есть понятіе посредничества, суда вообще. Если спорящія стороны обращаются для разрѣшенія своего спора къ посреднику и если при этомъ самый предметъ спора представляетъ для сторонъ значительный интересъ, то, очевидно, онѣ обратятся къ такому, который обладаетъ въ ихъ глазахъ наибольшимъ авторитетомъ, знаніями, опытностью, нравственными качествами и безпристрастіемъ. Только такому посреднику стороны

*) Die drei Grundfragen der Organisation des Strafgerichts. 1876, 77.

могутъ совершенно спокойно поручить разрѣшеніе своего спора и затѣмъ подчиниться его рѣшенію.

Итакъ качества, которыми долженъ обладать всякій судъ: непристрастіе, авторитетность, знанія, и опытъ. Отсутствіе какого нибудь изъ этихъ качествъ роковымъ образомъ отражается на самомъ понятіи суда. Напр., если бы мы стояли передъ судьей, обладающимъ самыми глубокими знаніями, опытностью и авторитетностью, но въ безусловномъ непристрастіи котораго мы бы сомнѣвались, мы бы находили положеніе ненормальнымъ. Точно такое же чувство мы бы испытали, если бы передъ нами былъ судья абсолютно непристрастный, съ безукоризненными нравственными качествами, но совершенно неопытный и не имѣющій надлежащихъ знаній.

Всѣ эти признаки необходимо дополнить принципомъ государственности суда и такимъ образомъ мы получимъ видовое понятіе государственнаго суда. Судъ есть органъ государственной власти. Поэтому его дѣятельность должна опредѣляться общегосударственными задачами и никоимъ образомъ не можетъ быть направлена на борьбу съ государствомъ, на противодѣйствіе его культурной миссіи.

Но здѣсь необходима весьма серіозная оговорка. *Руководящей идеей судебной дѣятельности должна быть не общегосударственная политика, а единственно и исключительно правотѣрность.* Прекрасно замѣчаетъ по этому поводу проф. Фойницкій: „Имѣя, однако, высокое политическое значеніе, уголовный процессъ не долженъ превращаться въ политическое орудіе. Правосудіе—вышая и даже единственная политика всякаго суда, уголовного въ особенности *). Проф. П. Пусторослевъ **)—говорить, что основнымъ и руководящимъ принципомъ уголовно-судебнаго права является „поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія, матеріальнаго и духовнаго“.

Ничего не можетъ быть неправильнѣе и опаснѣе теоріи г. Пусторослева. Выставляемый имъ принципъ есть принципъ общегосударственной политики. Имъ должна руководиться администра-

*) Курскъ угол. судопроизвод. 1902, I, 11.

**) Указ. выше рецензія на мою работу, стр. 7; ср. Ег о же: Подсудность арестантокъ и арестантовъ за уголовн. правонарушенія, учиненныя за время пребыванія въ заключеніи. 1889. Стр. 87 и сл.

ція, но не судъ. Если бы связать судъ этимъ принципомъ, произошло бы полное извращеніе роли суда; онъ сдѣлался бы орудіемъ власти. Въ каждомъ данномъ случаѣ судъ слѣдовалъ бы не твердымъ указаніямъ закона, а указаніямъ власти, такъ или иначе понимающей, что содѣйствуетъ, или нѣтъ „поддержанію и возможно большому увеличенію всесторонняго народнаго благосостоянія“. Открывается такимъ образомъ самый широкій просторъ для произвола.

Между тѣмъ при нормальномъ порядкѣ, т. е. когда руководящимъ принципомъ суда будетъ охрана правопорядка, правомѣрность, легко могутъ встрѣтиться случаи, когда спокойная, консервативная дѣятельность суда окажется тормазомъ слишкомъ кипучей, энергичной работѣ правительственной власти. И когда власть, ссылаясь на общегосударственную политику, будетъ дѣлать суду упреки въ противодѣйствіи этой политикѣ, судъ отвѣтитъ: „я охраняю существующій законъ; отмѣните его и дайте мнѣ новый, я его точно также буду охранять“. Но такой отвѣтъ судъ можетъ дать именно потому, что руководящимъ принципомъ его дѣятельности не является „поддержаніе и возможно большее увеличеніе и т. д.“.

Конечно имѣя въ виду, что твердый законный порядокъ есть величайшее благо для государства, можно говорить, что судъ содѣйствуетъ „поддержанію и возможно большому увеличенію и т. д.“, но тогда подъ этотъ принципъ можно подвести въ концѣ концовъ всякую вообще дѣятельность и сказать, напр., что руководящимъ принципомъ дѣятельности профессора является не свобода науки, а „поддержаніе и т. д.“. И законодательство, и управление, и судъ ведутъ къ одной и той же конечной цѣли, но совершенно различными путями. *Только при раздѣльности и самостоятельности этихъ трехъ великихъ областей государственной жизни можетъ идти рѣчь о твердыхъ гарантіяхъ правъ личности и о господствѣ права, а не произвола.*

Изъ принципа государственности суда слѣдуетъ: 1) Судъ долженъ обладать всею полною властью, необходимой для поддержанія своего авторитета, необходимой для того, чтобы его рѣшенія не были бы чисто академическими положеніями, чтобы заставить всѣхъ и каждого подчиняться его велѣніямъ.

Проф. Фойницкій полагаетъ, что этотъ признакъ есть существенный признакъ суда вообще, какъ родового понятія. „Отъ по-

средника требуется могущество и безпристрастие“, говорить онъ *).

Съ этимъ нельзя согласится. Признакъ могущества, власти, вовсе не присущъ родовому понятію посредничества. Онъ является необходимымъ слѣдствіемъ принципа государственности суда. Сюда какъ нельзя лучше примѣнимы слова Игеринга: *Das Schwert ohne die Wage ist die nackte Gewalt, die Wage ohne das Schwert die Ohnmacht des Rechts* **).

2) Судъ долженъ быть организованъ такъ, чтобы соответствовать своему назначенію, какъ органа власти. Онъ долженъ быть подзаконнымъ, посему верховная власть должна имѣть возможность наблюдать, чтобы дѣятельность суда не выходила изъ предоставленныхъ ему границъ, не клонилась бы къ разрушенію государства, къ отмѣнѣ изданныхъ верховною властью законовъ. Отсюда необходимость постановленій о судебной службѣ, о надзорѣ за судами, объ отвѣтственности судей, объ объединеніи всей судебной дѣятельности и т. п.

3) Судъ долженъ быть организованъ такъ, чтобы дѣятельность его была обставлена всѣми необходимыми условіями для успѣшной и плодотворной работы.

Самымъ важнымъ изъ этихъ условій является устраненіе судей отъ всякой не—судейской работы. Единственной работой судей должно быть разрѣшеніе поставленныхъ сторонами и вопросовъ на основаніи данныхъ, представленныхъ и разработанныхъ сторонами же. Отсюда необходимость надлежащей организациі обвиненія и защиты***), необходимость хорошей и отвѣтственной канцеляріи†) для всѣхъ подготовительныхъ и ис-

*) 1 с, 112.

**) *Der Kampf ums Recht*. 1896, I.

***) Надлежащая организациі свободной и независимой, стоящей на высотѣ своей задачи адвокатуры, съ корпоративнымъ, автономнымъ устройствомъ важна въ тройкомъ отношеніи: 1) она въ высшей степени облегчаетъ работу суда, создаетъ одно изъ главнѣйшихъ условій для плодотворности этой работы, 2) она служитъ могучимъ средствомъ контроля надъ дѣятельностью суда и 3) она обеспечиваетъ населенію юридическую помощь.

†) Не имѣя возможности разсматривать въ настоящей книгѣ въ высшей степени важный вопросъ о судебныхъ канцеляріяхъ, ограничусь слѣдующими замѣчаніями. Для того, чтобы канцелярія суда соответствовала бы своему важному назначенію, для того, чтобы ей безъ опасенія можно было бы вѣрить не только чисто механическую работу, но и работу высшаго поядка, т. е. всю работу, предшествующую и послѣдующую за судебными засѣданіями, а слѣдовательно значительную часть такой, которая, напр., у насъ исполняется (по крайней мѣрѣ юридически) судьями, необходимо а) сдѣлать

полнительныхъ работъ, связанныхъ съ чисто — судебской дѣятельностью, необходимость обезпеченія наиболѣе зрѣлаго, внимательнаго и основательнаго разсмотрѣнія каждаго дѣла, устраненія всякихъ препятствій, вредно отражающихся на судебной дѣятельности (обремененность работой, неблагоприятныя внѣшнія условія въ видѣ неудобныхъ помѣщеній, отсутствія исполнительныхъ органовъ и т. п. *).

Проф. Фойницкій **) изъ принципа государственности суда выводитъ слѣдующія требованія: 1) независимости суда отъ представителей частныхъ интересовъ, 2) гласности судебного производства и 3) обязанности суда стремиться къ достиженію матеріальной, безусловной истины.

Съ этимъ согласиться нельзя и вотъ почему.

Ad 1) Конечно, судъ долженъ быть независимъ отъ представителей частныхъ интересовъ. Но, какъ прекрасно доказалъ и самъ г. Фойницкій, судъ долженъ быть независимъ не только отъ представителей частныхъ интересовъ, но и отъ правительства, — иначе онъ не можетъ быть непристрастнымъ третьимъ, рѣшителемъ спора между личностью и государствомъ. Кромѣ того, независимость суда отъ сторонъ есть необходимый признакъ всякаго суда вообще, какъ родового понятія, и не составляетъ слѣдствія государственности суда.

Ad 2) Что касается гласности (публичности) производства, то она едва ли можетъ быть выведена изъ принципа государ-

службу въ судебныхъ канцеляріяхъ болѣе привлекательной (увеличеніе содержанія, періодическія прибавки, ежегодныя ваканціи, нѣкоторыя служебныя преимущества и т. п.), b) предъявить болѣе строгія требованія (образовательный цензъ, нравственныя качества) къ кандидатамъ на канцелярскія должности и с) организовать дѣйствительный надзоръ за дѣятельностью канцелярій. Что же касается высшихъ чиновъ канцелярій, которымъ должны быть поручены многія ответственныя и важныя функціи, то безусловно необходимо, чтобы эти чины вербовались бы изъ того же единственнаго для всѣхъ судебныхъ должностей кадра, изъ котораго вербуются и судьи, а именно изъ „кандидатовъ на судебныя должности“, т. е. изъ лицъ, получившихъ солидное высшее научное образованіе.

*) Ср. дѣльныя замѣчанія о важности внѣшнихъ условій у Брайса „Американская республика“. 1890. III, 300—301.—Только человекъ, непосредственно знакомый съ дѣломъ, можетъ ясно видѣть, сколько вреда правосудію приноситъ система ложно понятой бережливости. благодаря которой, напр., у насъ такъ часто можно видѣть истиннѣ жалкія помѣщенія для судебныхъ мѣстъ, обстановку, способную только дискредитировать судъ въ глазахъ народа, дѣлающую пребываніе въ ней тягостнымъ для судей и ихъ убогихъ канцелярій.

**) I. с., 7.

ственности суда. Это одна изъ основныхъ, чисто-процессуальныхъ гарантій современаго уголовного процесса, одно изъ лучшихъ приобрѣтеній исторіи культуры, но принципъ государственности суда нисколько не пострадаетъ отъ упраздненія этой гарантіи. Мы даже нерѣдко наблюдаемъ печальные примѣры, когда во имя государственности суда власть систематически нарушаетъ указанную процессуальную гарантію, стремясь превратить судъ въ свое орудіе. Въ такихъ случаяхъ забываютъ, что задачей суда вовсе не является поддержаніе престижа власти во что бы то ни стало, а единственно и исключительно охрана существующаго закона и основанныхъ на немъ правъ личности, хотя бы такая охрана въ единичныхъ случаяхъ и противорѣчила бы направленію общегосударственной политики и дискредитировала бы отдѣльныхъ представителей власти.

Нельзя въ заключеніе не замѣтить, что если изъ принципа государственности суда выводить гласность производства, то является рѣшительно непонятнымъ, почему изъ этого же принципа не вытекаетъ и другая основная чисто-процессуальная гарантія—непосредственность?

3) Что касается стремленія къ безусловной, матеріальной истинѣ, какъ руководящемъ принципѣ дѣятельности суда, то въ-первыхъ, принципъ этотъ возбуждаетъ слишкомъ серьезныя сомнѣнія, а во вторыхъ,—также не можетъ быть выведенъ изъ принципа государственности суда.

Открытіе безусловной, матеріальной истины не можетъ быть руководящимъ принципомъ судебной дѣятельности потому, что логическое проведеніе этого принципа неизбежно заставило бы опять вернуться къ инквизиціонному процессу въ его чистомъ видѣ со всѣми его столь извѣстными печальными послѣдствіями для гражданской свободы.

Горькій опытъ челоѣчества съ очевидностью показалъ, что судья только тогда можетъ отнестись къ дѣлу совершенно безпристрастно, когда ему принадлежитъ часто-судейская роль, т. е. оцѣнка данныхъ, представленныхъ и разработанныхъ сторонами, и произнесеніе на основаніи этихъ данныхъ рѣшенія по существу предложеннаго ему обвинителемъ вопроса. Если же судья самъ будетъ ставить себѣ подлежащіе его рѣшенію вопросы и самъ будетъ собирать данныя для ихъ рѣшенія, то психо-

логически-неизбѣжно онъ внесетъ въ дѣло элементъ субъективизма и о безпристрастіи не можетъ быть и рѣчи. Справедливо говорить проф. П а л а у з о в ъ: „Очевидно, что вмѣшиваясь постоянно въ дѣло, онъ (судья) не можетъ удержаться на нейтральной почвѣ; онъ долженъ, чтобы его дѣятельность была плодотворной, составить себѣ какой нибудь планъ, поставить себѣ цѣль, къ которой стремится; а разъ сдѣлавши это, онъ становится не судьей, а стороною въ дѣлѣ, и именно обвинителемъ“ *).

Вотъ почему т. наз. обвинительный принципъ— (судья приступаетъ къ дѣлу только вслѣдствіе ясно и точно формулированнаго требованія обвинителя, занимаетъ въ процессѣ роль безпристрастнаго третьяго и рѣшаетъ дѣло исключительно на основаніи представленныхъ сторонами данныхъ) — является лучшей и важнѣйшей процессуальной гарантіей. Вотъ почему „черезъ всю дальнѣйшую исторію процесса проходитъ тенденція рѣзче и опредѣленнѣе провести демаркаціонную линію между стороною и судьей. Современная теорія и законодательства стремятся освободить судъ отъ всякаго активнаго участія въ дѣлѣ, предоставляя его сторонамъ“ **).

Всѣ доводы защитниковъ слѣдственнаго процесса***)—падаютъ передъ неоспоримымъ преимуществомъ обвинительнаго процесса— гарантіей безпристрастія судьи въ связи съ признаніемъ за обвиняемымъ правъ самостоятельной стороны въ процессѣ, а не безправнаго объекта изслѣдованія.

Практическій смыслъ англичанъ создалъ процессуальные порядки, наиболѣе приближающіеся къ чистому обвинительному процессу. По общему правилу англійскій судья даже не допрашиваетъ свидѣтелей: допросъ свидѣтелей, какъ разработка доказательствъ, лежитъ на обязанности сторонъ †). И если мы срав-

*) Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи 1876, 41.

**) П а л а у з о в ъ. I с., 161.

***) Классической работой въ этомъ отношеніи остается до сихъ поръ хорошая книга O r t l o f f ' a: Das Strafverfahren in seinen leitenden Grundsätzen und Hauptformen. 1858.

†) Достойно вниманія, что у римлянъ, которымъ наука права обязана такъ много, уголовный процессъ имѣлъ строго-обвинительный типъ (въ цвѣтущій періодъ государственной жизни), причемъ многіе институты римскаго процесса представляли бы значительный шагъ впередъ сравнительно съ современными. Судья въ римскомъ процессѣ оперируетъ только съ представленными сторонами доказательствами; онъ не имѣетъ права, предлагать вопросы: это дѣло сторонъ (M o m m s e n. Römisches Strafrecht. 1899,

нимъ впечатлѣніе, производимое англійскимъ судьей, предѣдательствующимъ на судѣ присяжныхъ, и французскимъ президентомъ ассизнаго суда. все время лично ведущимъ судебное слѣдствіе и принимающимъ самое дѣятельное участіе въ разработкѣ доказательствъ, то мы поймемъ, почему англичане питаютъ такое довѣріе къ безпристрастію своихъ судей, почему, по выраженію Стивена, тѣ разъясненія, которыя даетъ судья присяжнымъ (charge), пользуются величайшимъ авторитетомъ и звучатъ какъ голосъ самого правосудія *).

Иногда возражаютъ, что судья, какъ органъ государственной власти, долженъ оказывать содѣйствіе этой власти въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ борьба съ преступностью, и поэтому долженъ брать на себя въ видѣ исключенія и обвинительныя функціи, если онѣ представлены слабо въ очевидный ущербъ правосудію.

На это необходимо замѣтить, что задачей суда является все не борьба съ преступностью и не поддержаніе интересовъ власти. Единственной задачей суда (уголовнаго) должно быть признано разрѣшеніе спора между государствомъ, предъявляющимъ обвиненіе и доказывающимъ существованіе въ каждомъ данномъ случаѣ своего карательнаго права, и личностью.

„Оказаніе содѣйствія“ власти со стороны судьи можетъ заключаться единственно лишь въ строгомъ и добросовѣстномъ исполненіи своего судейскаго долга, въ произнесеніи послѣ тщательнаго изученія представленныхъ сторонами доказательствъ безпристрастнаго рѣшенія на основаніи существующихъ законовъ. Для обнаруженія преступленій, для преслѣдованія и изобличенія преступниковъ имѣются другіе органы власти, на обязанности которыхъ и лежитъ собрать всѣ необходимыя данныя и представить суду. И если эти органы плохо дѣлаютъ свое дѣло, то вся отвѣтственность должна падать на нихъ, а не на судъ. Судья превратился бы въ органъ администраціи, если бы проникся ея принципомъ „оказанія содѣйствія всестороннему куль-

422).—Ср. A. Zumpt. Der Criminalprocess der Römischen Republik. 1871. 332 и сл. 346 G. Geib. Geschichte des römischen Criminalprocesses. 1845. 97—114, 252—265. Wargha. Die Vertheidigung in Strafsachen. 1879, 48.

*) „To hear in their happiest moments the summing-up of such judges. . was like listening not only... to law living and armed, but to the voice of justice itself“. Stephen A history of the criminal law of England. I, 456.

турному благосостоянію народа“ и сталъ бы конкурировать съ обвинителемъ въ раскрытіи преступленій. Видоизмѣняя слова, сказанныя Н. В. Муравьевымъ по поводу опасности подчиненія прокурорскаго надзора администраціи*), можно сказать, что въ тотъ день, когда судьи принуждены были бы „оказывать содѣйствіе“ власти въ преслѣдованіи преступниковъ, собирая ex officio доказательства виновности и привлекая къ отвѣтственности по собственной инициативѣ, однимъ административнымъ органомъ было бы больше, но судъ, какъ охранитель законности, какъ защитникъ правъ всѣхъ и каждаго, какъ главный устой правопорядка, пересталъ бы существовать.

Обвинительный принципъ вовсе не тождественъ съ пассивнымъ отношеніемъ государства къ преступленію, вовсе не тождественъ съ предоставленіемъ на усмотрѣніе потерпѣвшаго возбужденія уголовного преслѣдованія. Такое смѣшеніе понятій, еще и до сихъ поръ иногда проявляемое въ литературѣ, было въ свое время устранено Планкомъ, сдѣлавшимъ превосходныя возраженія противъ слѣдственнаго принципа**). Организациія спеціальной полиціи, организациія института государственныхъ обвинителей, цѣлесообразная постановка всего дѣла возбужденія уголовного преслѣдованія и собиранія доказательствъ виновности, — вотъ единственно допустимые способы проявленія со стороны государства своего активнаго отношенія къ борьбѣ съ преступностью. Привлекать же къ этой борьбѣ и судъ, обязывать его брать на себя обвинительныя функціи, это значитъ ради мимолетныхъ и притомъ крайне проблематичныхъ выгодъ вводить ядъ въ организмъ суда, заражать этотъ организмъ совершенно чуждымъ ему началомъ.

И если мы вспомнимъ о всей опасности принудительныхъ функцій власти, о всей опасности такого крайняго средства охраны правопорядка, какъ наказаніе, то мы поймемъ, что поддержаніе во всей его чистотѣ обвинительнаго принципа есть священная обязанность законодателя, понимающаго всю неизмѣримую важность существованія дѣйствительно безпристрастнаго суда: только такой судъ своими рѣшеніями можетъ оказывать

*) Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности, 476.

**) Systematische Darstellung des deutschen Strafverfahrens etc. 1857.

воспитательное вліяніе на населеніе, можетъ превратить самое рѣзкое проявленіе насилія—наказаніе—въ факторъ культуры.

Вотъ почему нельзя принять мнѣнія Фойницкаго, раздѣляемаго очень многими процессуалистами*), объ обязанности суда стремиться къ обнаруженію безусловной, матеріальной истины; нельзя также признать, что эта обязанность вытекаетъ изъ принципа государственности суда. Самъ г. Фойницкій**) совершенно правильно говоритъ о состязательномъ процессѣ: „Суду отводится строга опредѣленная задача рѣшенія уголовнаго иска, предъявленнаго обвинителемъ, дѣйствующимъ какъ самостоятельная въ процессѣ сторона и составляющимъ для него необходимое предположеніе. Подсудимый, переставъ быть лишь предметомъ изслѣдованія, равнымъ образомъ становится стороною въ дѣлѣ... Судебная дѣятельность, освобожденная отъ чуждыхъ ей обязанностей сторонъ, сводится къ естественной для нея функціи оцѣнки предъявленныхъ ими требованій на основаніи собраннаго доказательственнаго матеріала. Участіе сторонъ въ производствѣ содѣйствуетъ полнѣйшему разъясненію дѣла и даетъ суду готовый, всесторонне разработанный матеріаль для постановленія рѣшенія“. И тѣмъ не менѣе по слѣдующей же страницѣ г. Фойницкій утверждаетъ, что судъ, стремясь къ обнаруженію матеріальной истины, можетъ и даже обязанъ употребить все находящіяся въ распоряженіи его средства для полнаго разъясненія дѣла; что судъ „по своей инициативѣ можетъ (а слѣдовательно и долженъ?) вызвать нужныхъ свидѣтелей и вытребовать инья доказательства.“ Такимъ образомъ совершенно подрывается принципъ состязательности: выходитъ, что судебная дѣятельность вовсе не освобождена отъ „чуждыхъ ей обязанностей сторонъ“.

*) Zachariae. Handbuch des deutschen Strafprocesses. 1861. I, 39; Ullmann. Lehrbuch des österreichischen Strafprocessrechts. 1882, 58; Kries. Lehrbuch des deutsch. Strafprozessrechts. 1892, 263—4; Bennecke und Belling Lehrbuch des deutsch. Reichs—Strafprozessrechts. 1900. 248; Rosenfeld. Der Reichs—Strafprozess. 1901, 84; Тальбергъ. Русск. угол. судопр. 1889. I, 6; Случевскій. Учебн. русск. уголовн. процесса. 1895, 46—7, 48; Духовской. Русск. уг. проц. 1902, 153.

**) Курсъ, I, 67.

Въ сущности принципы дѣятельности суда и уголовного, и гражданскаго (и административнаго) одни и тѣже. Большую ошибку дѣлаютъ тѣ ученые, которые въ уголовномъ процессѣ находятъ коренныя, принципиальныя различія сравнительно съ гражданскимъ. На самомъ дѣлѣ уголовный процессъ есть лишь видовое понятіе и различіе его напр. отъ гражданскаго никоимъ образомъ не можетъ быть названо принципиальнымъ. Всякій судъ есть безпристрастный третій, рѣшающій споръ между сторонами на основанія представленныхъ ими данныхъ. Изъ того, что въ уголовномъ процессѣ стороною является государство, что предметомъ уголовного иска является осуществленіе въ конкретномъ случаѣ такого страшнаго права, какъ право наказанія, можетъ слѣдовать лишь необходимость особенно тщательныхъ гарантій, обеспечивающихъ безпристрастіе суда, обеспечивающихъ обвиняемому положеніе равноправной стороны.

За послѣднее время въ германской наукѣ выдвигается ученіе, по которому сущность и гражданскаго, и уголовного процесса одна и та-же, а именно: юридическое отношеніе между сторонами и судомъ*). Ученіе это нельзя не привѣтствовать, какъ значительный шагъ впередъ на пути къ принципиальному объединенію всѣхъ видовыхъ понятій процесса, къ признанію, что хотя, напр. гражданскій и уголовный процессы имѣютъ свои характерныя особенности, но эти особенности отнюдь не даютъ основанія къ принципиальному противоположенію обоихъ процессовъ. Иногда возражаютъ, что такъ долго господствовавшій инквизиціонный процессъ никакимъ образомъ не можетъ быть принципиально объединенъ съ гражданскимъ процессомъ и что поэтому защищаемая мною теорія не считается съ историческими фактами. На это необходимо отвѣтить, что инквизиціонный процессъ представляетъ собою явленіе ненормальное и что важнѣйшей задачей науки является установленіе тѣхъ идеаловъ, къ которымъ должно стремиться законодательство. *Сущность явленія познается не на низшихъ, а на высшихъ ступеняхъ его развитія*, и изъ того, напр., что исторія знаетъ длинные періоды существованія рабства, вовсе не вытекаетъ неправильность теоріи о свободѣ и самоцѣльности личности. Точно также изученіе исторіи уголовного процесса и его сущности приводитъ къ убѣжденію, что не смотря на очень

*) Ср. напр. *Virkmeyer, Deutsches Strafprozessrecht. 1898. 5.*

длинный періодъ, въ который изъ первоначальнаго единства процесса (тезисъ) развились противоположности и каждая изъ этихъ противоположностей обособилась такъ, что казалось бы соглашеніе ихъ было невозможно (антитезисъ), наступитъ время высшаго синтеза*), въ которомъ принципиально единый процессъ будетъ дѣлиться на отдѣльные виды: уголовный, гражданскій и административный. Всѣ эти виды будутъ проникнуты одною руководящею идеей, будутъ проявленіемъ единой сущности—судебной дѣятельности, которая не смотря на характерныя особенности каждаго изъ названныхъ процессовъ, всегда остается одною и той же: безпристрастнымъ, властнымъ и авторитетнымъ рѣшеніемъ спора о правѣ на основаніи существующихъ законовъ.

Въ области гражданскаго процесса государство давно уже стало на правильный путь. Что же касается уголовного и въ особенности административнаго процессовъ, то здѣсь дѣлс въ высшей степени затемняется тѣмъ, что стороною является само государство. Но, еще разъ повторю, изъ того, что противъ личности здѣсь выступаетъ по выраженію Глазера *die machtvollste Collectivperson***), вовсе не слѣдуетъ необходимости навязать суду несвойственныя ему функціи, или превратить судъ въ орудіе власти, а наоборотъ, слѣдуетъ необходимость созданія усиленныхъ гарантій безпристрастія и надлежащихъ знаній на сторонѣ суда, чтобы всѣ граждане были бы убѣждены, что государство не является само судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ, чтобы судъ былъ бы дѣйствительно безпристрастнымъ третьимъ***), одинаково далекимъ какъ отъ стремленія подрывать основы государства и существующій правопорядокъ, такъ и отъ стремленія во что бы ни стало „поддерживать престижъ власти“.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что задачей всякаго, а значить и уголовного суда должно быть не стремленіе къ открытію безусловной, матеріальной истины, а стремленіе къ истинѣ юридической. Судъ обязанъ оцѣнить представленныя сторона-

*) Нельзя согласиться съ А. Менгеромъ (I. с. 197), который святилъ этотъ видъ въ домъ, что—„Alle drei Prozessarten verschmelzen in ein einziges Verfahren, das sich durchgreifend als eine Untersuchung von Amts wegen darstellt“.

**) *Handbuch des Strafprozesses*. 1882. I, 15.

***) Самъ Ортофъ (I. с. 110) находитъ, что роль судьи во всей ея чистотѣ заключается въ томъ, чтобы быть безпристрастнымъ третьимъ.

ми данныя и на основаніи ихъ дать отвѣтъ на поставленный ему вопросъ*). Прекрасно говорить Ф. Эли о цѣли и принципѣ уголовного процесса: „ce but est la complète manifestation de la vérité juridique; ce principe est la protection efficace de tous les droits, de tous les intérêts, des intérêts de la société et des intérêts de l'accusé, à l'aide des formes dont elle s'entoure et des garanties qu'elle présente“ **).

И если скажутъ, что благодаря такому воззрѣнію можетъ случиться, что преступникъ избѣгнетъ наказанія, я отвѣчу прекраснымъ юридическимъ афоризмомъ: лучше десять виновныхъ оправдать, чѣмъ одного невиннаго осудить. Совершенства въ человѣческихъ учрежденіяхъ быть не можетъ и, конечно, защищаемая мною теорія при проведеніи ея въ жизнь можетъ иногда приводить къ нежелательнымъ результатамъ. Но во всякомъ случаѣ недостатки ея блѣднѣютъ передъ тѣми бѣдствіями, къ которымъ неизбѣжно приведетъ теорія, подъ видомъ общественнаго блага вносящая въ чистую и великую идею суда начало, принципиально несомѣстимое съ этой идеей.

Ничего не можетъ быть похвальнѣе стремленія бороться съ преступностью. Если она усиливается не смотря на всѣ предупредительныя мѣры, заботьтесь объ увеличеніи штата опытныхъ, дѣльныхъ, преданныхъ дѣлу полицейскихъ, увеличьте число государственныхъ обвинителей, постарайтесь обезпечить немедленное раскрытіе каждаго преступленія и преданіе суду каждаго преступника, *но не влѣшывайте судъ въ эту страстную, напряженную борьбу. Онъ долженъ остаться безстрастнымъ, спокойнымъ, разумнымъ и могущественнымъ контролеромъ этой борьбы,—умѣряющимъ ея крайности, не позволяющимъ ей выйти изъ законныхъ границъ и представляющимъ гражданину надежное ручательство, что онъ не будетъ принесенъ въ жертву принципу: „пусть лучше погибнетъ одинъ человекъ, чѣмъ все общество“, ручательство, что передъ его субъективнымъ правомъ должно съ уваженіемъ остановиться все государство.*

Единственнымъ исключеніемъ изъ защищаемого мною принципа юридической истины, какъ цѣли, къ которой стремится

*) „Das Ziel alles Verfahrens vor Gericht: Uebereinstimmung des Urtheils mit dem vahren Inhalt des Bestrittenen Rechtsverhältnisses“. Planc k, l. c. 151.

***) Traité de l'instr. crim. 1845. I, 10.

уголовный процессъ, исключеніемъ въ сторону безусловной, матеріальной истины, является право и обязанность суда не придавать никакого значенія сознанию подсудимаго, если это сознание возбуждаетъ въ судѣ сомнѣніе. Въ гражданскомъ процессѣ признаніе отвѣтчикомъ иска влечетъ за собою обязанность суда удовлетворить искъ *); но такое признаніе само по себѣ не можетъ имѣть никакого значенія въ уголовномъ процессѣ именно потому, что въ немъ вопросъ ставится о примѣненіи къ гражданину такого крайняго, рѣзкаго и опаснаго средства охраны правопорядка, какъ наказаніе.

Итакъ, резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ слѣдующему выводу. Государственный судъ долженъ быть организованъ такимъ образомъ, чтобы соотвѣтствовать своей великой, трудной и отвѣтственной роли—быть высшимъ органомъ правды, охранителемъ права, безпристрастнымъ рѣшителемъ спора даже между самимъ государствомъ и гражданиномъ. Для этого судъ долженъ обладать всею полнотою безпристрастія, авторитетности, знаній, опыта, нравственныхъ качествъ, власти, поставленъ въ условія наиболѣе благопріятныя для дѣятельности и, наконецъ, находится подъ контролемъ верховной власти, какъ подзаконный ея органъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ государство можетъ создать судъ, обладающій всѣми указанными качествами.

*) Быть можетъ и тутъ слѣдовало бы ввести при нѣкоторыхъ условіяхъ тѣ или иные коррективы.

Г Л А В А П.

Судъ олицетворяется въ судьяхъ. Поэтому основнымъ, центральнымъ вопросомъ теоріи уголовного судоустройства является вопросъ объ уголовномъ судѣ. Надо стремиться къ тому, чтобы при помощи имѣющихся въ распоряженіи людей средствъ поставить средняго человѣка въ такія условія, которыя давали бы ему возможность наиболѣе приблизиться къ идеалу судьи. И если вообще всѣ государственныя учрежденія рассчитаны на средняго человѣка, то въ особенности въ дѣлѣ созданія гарантій такой отвѣтственной функціи, какъ отправленіе правосудія, нельзя ожидать, что найдется много духовно сильныхъ людей, которые будутъ такъ воодушевлены своей священной миссіей, что совершенно отрѣшатся отъ всѣхъ человѣческихъ слабостей.

Эти человѣческія слабости нигдѣ не могутъ принести больше вреда людямъ, чѣмъ при отправленіи правосудія. Въ самомъ дѣлѣ: среди кипучей борьбы интересовъ и страстей, среди лихорадочной дѣятельности современной общественной жизни, совершенно неизбежны частыя столкновенія, ошибки и даже злоупотребленія. Для проявленія звѣря въ человѣкѣ современная жизнь съ ея борьбой за существованіе создаетъ весьма благопріятныя условія. *Вотъ почему является тѣмъ болѣе необходимымъ поставить служителей правосудія въ такія условія, чтобы этотъ водоворотъ страстей какъ можно меньше захватывалъ ихъ и чтобы судъ былъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ вся эта борьба находила бы себѣ спокойную и справедливую оцѣнку,* гдѣ бы всякая ошибка, всякое увлеченіе, а тѣмъ болѣе всякое злоупотребленіе, нарушающія чьи либо права, были бы разумно и авторитетно исправлены. Конечно, печально, если полицейскій чиновникъ, увлекаемый рвеніемъ борьбы съ преступленіемъ, незаконно арестуетъ

гражданина. Но съ этимъ еще можно помириться. Если всѣ и каждый твердо увѣрены, что черезъ нѣсколько часовъ вопросъ о законности ареста разрѣшится безпристрастнымъ и авторитетнымъ судьей, который притомъ не останется равнодушнымъ зрителемъ возможныхъ злоупотребленій, такіе аресты не могутъ вредно отражаться на нормальномъ теченіи правовой жизни. И въ особенности важно для этой жизни, чтобы каждый разъ, какъ только возникаетъ вопросъ о примѣненіи къ гражданину принудительныхъ мѣръ, въ чемъ бы то ни было стѣсняющихъ его свободу и права, — вопросъ этотъ окончательно разрѣшался бы судомъ.

Что же произойдетъ, когда и служители правосудія ничѣмъ не будутъ отличаться отъ всѣхъ остальныхъ дѣятелей государственной жизни? Когда вмѣсто спокойнаго, безпристрастнаго и авторитетнаго рѣшенія такихъ животрепещущихъ вопросовъ, какъ вопросы о примѣненіи принудительной функціи власти, гражданинъ будетъ видѣть въ судѣ шатанія, колебанія, тенденціозность, страстность, неуваженіе къ правамъ личности, ошибки, торопливость и т. п.? Очевидно, что никакихъ другихъ результатовъ изъ такого положенія вещей не можетъ получиться, кромѣ разложенія правовой жизни и полного недовѣрія къ правительству. А когда вслѣдствіе обострившейся борьбы, суды окончательно превратятся въ орудія власти и всякое различіе между судьей и чиновникомъ исчезнетъ, — начнется постоянное колебаніе между анархіей и деспотизмомъ, которое въ концѣ концовъ можетъ привести къ болѣзненнымъ взрывамъ со всѣми ужасами этихъ взрывовъ.

Итакъ, если вообще необходимо поставить всѣхъ должностныхъ лицъ въ благопріятныя условія, для того, чтобы имѣть хорошихъ работниковъ, то къ судьямъ это относится въ наибольше высокой степени *). Поставьте средняго человѣка въ такіа

*) Lorsqu'on considère ce qu'est l'oeuvre de la justice, quelles éminents et rares qualités elle suppose chez ceux qui en ont la charge, on se prend à douter qu'il puisse se rencontrer une créature humaine assez parfaite pour en accepter le fardeau. En effet, dire droit à son semblable, démêler la vérité entre deux affirmations contraires, dépuiller l'un pour donner à l'autre, disposer de la liberté, de la vie, de l'honneur, c'est la une tache au-dessus de notre faiblesse, et cependant comme elle est une nécessité sociale, elle a toujours été remplie: elle est l'une des obligations primordiales comme l'une des plus hautes prérogatives des gouvernements.... Tous recherchent attentivement pour ces difficiles fonctions les

условія, при которыхъ онъ былъ бы совершенно увѣренъ, что если въ приговорѣ онъ добросовѣстно выразить свое мнѣніе, то какъ бы къ этому приговору не относилась государственная власть и общество, онъ ни передъ кѣмъ, кромѣ своей совѣсти, отвѣчать не будетъ,—и вы уже почти разрѣшили вопросъ о судьяхъ.

Изучая всю совокупность признаковъ понятія судьи, находимъ, что эти признаки дѣлятся на двѣ группы, взаимно другъ друга обуславливающія: внѣшніе и внутренніе признаки.

Прежде всего возникаетъ вопросъ: какими способами обезпечивается основной признакъ въ понятіи судьи,—безпристрастіе?

Очевидно, что безпристрастнымъ третьимъ при разрѣшеніи спора между двумя сторонами можетъ быть только тотъ, кто совершенно не зависитъ отъ этихъ сторонъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. Точно также и судья государственный долженъ быть прежде всего не зависимъ, какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ правительства*).

Но если независимость отъ частныхъ лицъ никогда не возбуждала сомнѣнія, то независимость отъ правительства до сихъ поръ

citoyens les plus intègres, les plus éclairés, les plus respectés. Le problème à résoudre consiste donc à trouver le système qui placera l'administration de la justice dans la main des plus capables, des plus honnêtes. j'ajoute des plus indépendants. I. Favre. De la réforme judiciaire. 1877, 16.

*) L. Duguit *L'Etat, le droit objectif et la loi positive.* 1901. I. 419. — Совершенно правъ Токвиль, говоря: „первое условіе справедливаго суда есть полная независимость судьи“ („Старый порядокъ и революція“ Перев. подъ ред. проф. П. Виноградова, 1896, стр. 59) и эта независимость судьи обезпечивается несмѣляемостью судьи и отсутствіемъ возможности стремиться къ повышенію (*ib.*, 134). „Административная дѣятельность не только регулируется опредѣленными общими правилами, но и по каждому частному вопросу администраціи могутъ быть дѣлаемы непосредственныя указанія, что и какъ сдѣлать. (Коркуновъ. „Русское государственное право“. II, 208) „Первое и необходимое свойство судьи есть безпристрастіе, а оно возможно только при полной независимости какъ отъ тяжущихся лицъ, такъ и отъ власти, охраняющей общественный порядокъ и преслѣдующей его нарушенія. Судья подчиняется единственно безличному закону и самъ является первымъ его хранителемъ; но такъ какъ приложеніе закона къ данному случаю всегда носитъ индивидуальный характеръ, то приговоръ долженъ быть дѣломъ личнаго внутренняго убѣжденія. Никакая власть не имѣетъ права предписать приговоръ подобно тому, какъ предписываются дѣйствія низшимъ административнымъ органамъ“ (Б. Н. Чичеринъ. „Курсъ государственной науки“. I, 320—321).

еще въ громадномъ большинствѣ государствъ является недосигаемымъ идеаломъ. А между тѣмъ это требованіе съ логической необходимостью вытекаетъ изъ самаго понятія суда. Одно изъ двухъ: или судья долженъ быть независимъ отъ правительства, или онъ превращается въ его орудіе, а слѣдовательно перестаетъ быть судьей — *tertium non datur*.

„Учрежденіе судейской должности является принципиальнымъ самоограниченіемъ государственной власти.... Какъ бы она ни суживала или ни расширяла при этомъ границы судейскихъ полномочій, въ предѣлахъ этихъ границъ она признаетъ самостоятельность судьи; нарушеніемъ этихъ границъ государственная власть становится въ очевидное противорѣчіе съ самою собою, налагаетъ на свой образъ дѣйствій ничѣмъ не скрашиваемое клеймо насилія надъ правомъ, грубаго нарушенія его, — государственная власть, посягающая на установленной ею самою правовой порядокъ, сама произноситъ надъ собою приговоръ *). Эти слова сказаны ученымъ, котораго никоимъ образомъ нельзя заподозрить ни въ отсутствіи трезвости взглядовъ, ни въ забвеніи фактовъ реальной жизни, ни въ пристрастіи къ идеалистическимъ построеніямъ.

Давно уже наука права выяснила, что государственная власть не безгранична, что право связываетъ власть точно также, какъ и подданныхъ, что личность имѣетъ права независимо отъ государства, что государство есть союзъ свободныхъ людей, что основой власти является признаніе ея подвластными и что самоограниченіе власти служитъ только къ укрѣпленію ея, т. к. препятствуетъ вырожденію ея въ столь ненавистный людямъ произволь. Уже этихъ теоретическихъ соображеній совершенно достаточно для того, чтобы независимость судьи отъ правительства, т. е. независимость органа власти отъ самой власти не только не показалась логическомъ противорѣчіемъ, но получила бы твердое теоретическое обоснованіе.

Наука государственнаго права различаетъ непосредственные и посредственные государственные органы**). Непосредственные органы являются непосредственно обязанными исключи-

*) Герингъ. Цѣль въ правѣ. Изданіе Н. В. Муравьева. 1881. 284—5.

**) Еллинекъ, I. с. 361—375. Ср. Jellinek. System der subjectiven öffentlichen Rechte. 1892. 212.

тельно только по отношенію къ самому государству, и никому другому. Существо этихъ органовъ юридически выражается въ томъ, что они никогда не могутъ быть подчинены власти другого органа того же союза и что въ отношеніи содержанія своихъ функцій они поставлены совершенно самостоятельно. Непосредственные органы могутъ быть первичными и вторичными, но дѣленіе это имѣетъ чисто формальный характеръ, т. к. вторичный непосредственный органъ является совершенно независимымъ отъ первичнаго. Напр., въ Сѣв. Ам. Соед. Штатахъ народъ выбираетъ президента, который такимъ образомъ является вторичнымъ непосредственнымъ органомъ. И тѣмъ не менѣе народъ не можетъ дать президенту никакихъ порученій, президентъ не имѣетъ надъ собою никакого начальника, никого, кому бы онъ былъ обязанъ повиноваться.

Посредственные органы всегда прямо или косвенно подчинены какому-нибудь непосредственному органу и отвѣтственны передъ нимъ; ихъ дѣятельность имѣетъ производный характеръ: они—лица, которыми непосредственный органъ пользуется для осуществленія своихъ функцій, управляемыхъ имъ въ интересахъ государства.

Фактъ назначенія одного органа другимъ самъ по себѣ еще не дѣлаетъ назначенный органъ посредственнымъ. Напр. президентъ С. А. Соед. Шт. назначаетъ федеральныхъ судей, но не имѣетъ надъ нами никакой дисциплинарной власти и судьи совершенно независимы отъ него, являясь вторичными непосредственными органами государства.

Изъ предыдущаго очевидно, что судьи какъ избранные народомъ, такъ и назначенные правительствомъ, суть непосредственные государственные органы*), т. е. являются обязанными только по отношенію къ государству,

*) O. Gierke („Das deutsche Genossenschaftsrecht“. 1868 I. 829) правильно замѣчаетъ: „Die Gerichte aber mögen sie ernannt oder gewählt sein, sind zu dem wesentlichen Theil ihrer Thätigkeit, der Rechtsprechung, ebenfalls nicht durch den speciellen Auftrag eines andern Staatsorgans, sondern unmittelbar durch den Rechtsorganismus des Staats berufen. In ihnen handelt daher, soweit sie Recht sprechen, der Staat selbst, nicht ein anderes Staatsorgan. Dies ist freilich noch nicht voll anerkannt, aber die Forderung ihrer Unabhängigkeit Unabsetzbarkeit und Unverantwortlichkeit im Verfassungstaat und die Einführung von Geschwornengerichten beruht darauf“.

не подчинены власти какого-нибудь другого органа и совершенно самостоятельны по отношенію къ содержанію своихъ функцій.

Относительно монархій изложенная теорія нѣсколько видоизмѣняется, но отъ этого видоизмѣненія нисколько не теряется самый характеръ дѣятельности судьи и его независимое положеніе; здѣсь только своеобразно комбинируются свойства посредственнаго и непосредственнаго вторичнаго органа. Въ самомъ дѣлѣ: судья отправляетъ правосудіе именемъ монарха и такимъ образомъ его воля есть непосредственно воля монарха. „Her majesty“, говоритъ Блэкстонъ, „in the eye of the law, is always present in all her courts, though she cannot personally distribute justice. Her judges are the mirror by which the queen's image is reflected. It is the regal office, and not the royal person, that is always present in the court“ *).

Но хотя судья является представителемъ монарха, послѣдній не можетъ давать ему приказаній, относящихся къ отправленію его судебныхъ функцій**), не можетъ приказать ему рѣшить дѣло въ опредѣленномъ смыслѣ***). И это вытекаетъ изъ самаго существа судейской функціи: приложеніе закона къ данному случаю всегда имѣетъ индивидуальный характеръ, поэтому рѣшеніе судьи должно быть дѣломъ его личнаго убѣжденія†). Глубоко правъ Jules Favre, говоря, что надо поставить судей въ такое положеніе, чтобы формула, употребляемая въ началѣ приговоровъ: „au nom du roi“ или „au nom du peuple“ не была бы ложью и обманомъ, чтобы судьи на самомъ дѣлѣ были бы представителями въ первомъ случаѣ монарха, а во второмъ — народа †*).

*) Blackstone's commentaries systematically abridged and adapted to the existing state of the law and constitution with great additions by S. Warren. 1855 242).

**) Елликенъ, 387. Авторъ правильно замѣчаетъ (стр 452—3): „судья можетъ быть разсматриваемъ въ сферѣ его служебной дѣятельности, только какъ представитель монарха, а не какъ лицо, дѣйствующее по его порученію“.

***) Полная противоположность замѣчается по отношенію ко всѣмъ остальнымъ должностнымъ лицамъ. И въ то время, какъ монархъ не можетъ приказать самому низшему судѣ, разсматривающему наиболѣе мелкое дѣло, рѣшить это дѣло въ точно опредѣленномъ смыслѣ, министру юстиціи, какъ посредственному органу, можетъ быть предписана строго—опредѣленная дѣятельность по отношенію къ каждому его служебному шагу.

†) Чичеринъ, I, 320.

†*) I. с., 28.

И эта идея независимости судей отъ власти красною нитью проходитъ черезъ всю исторію культуры, начиная отъ той клятвы, которую давали судьи въ древнемъ Египтѣ — не повиноваться незаконнымъ приказамъ царя*), до извѣстнаго отвѣта французскихъ судей королю: „Государь, судъ постановляетъ приговоры, но не оказываетъ услугъ“, до гордой фразы, зарегистрированной недавно: „англійскаго судью не просятъ ни о чемъ“ (Ж. М. Ю. 1896. X, 168).

Итакъ мы пришли къ выводу, что хотя судья есть органъ власти, но онъ долженъ быть совершенно независимъ отъ этой власти для того, чтобы быть дѣйствительно безпристрастнымъ третимъ въ спорѣ между нею и гражданиномъ, чтобы не превратиться въ простое орудіе этой власти.

Какимъ способами должна быть обезпечена независимость судей?

Первый и важнѣйшей гарантіей является несмѣняемость судей.

Несмѣняемость конструируется теріей какъ право судей**).

Несмѣняемость есть право судьи 1) оставаться на должности и получать соединенное съ нею содержаніе независимо отъ желанія власти, которой принадлежитъ назначеніе судей и 2) быть уволеннымъ не иначе какъ по суду (уголовному).

Кромѣ этихъ двухъ основныхъ моментоеъ въ понятіе несмѣняемости судьи входитъ недопустимость перемѣщенія его изъ мѣста служенія вопреки его желанію. Иногда такое перемѣщеніе можетъ быть равносильно увольненію отъ должности. Наконецъ, чтобы окончательно укрѣпить принципъ несмѣняемости, необходимо отнять у правительства возможность уволить судью посредствомъ оставленія его за штатомъ по случаю упраздненія должности. Конечно, нельзя лишить верховную власть права упразднить излишнюю должность, но оставленный за штатомъ судья долженъ продолжать получать свое содержаніе.

*) I. Thonissen. Etudes sur l'organisation judiciaire etc. de l'ancienne Egypte (Revue historique de droit franc. et etranger 1868, XIV, 22); Etudes sur l'histoire du droit criminel des peuples anciens. 1869. I, 104—5.

**) G. Pirard. Inamovibilité de la magistrature et nécessité de la maintenir. 1879; Desjardin. Etudes sur l'inamovibilité de la magistrature. 1880; Pfeiffer. Die Selbständigkeit und Unabhängigkeit des Richteramtes. 1865.

Только тогда, когда все это будетъ гарантировано ясными и точными опредѣленіями закона, когда кромѣ того въ законѣ будутъ установлены другія гарантіи независимости, о которыхъ рѣчь идетъ ниже, несмѣняемость не останется пустымъ звукомъ и великій принципъ независимости судьи не будетъ принесенъ въ жертву произволу.

Совершенно правильно Фойницкій называетъ несмѣняемость основнымъ правомъ и говоритъ, что всѣ прочія права служатъ лишь къ огражденію ея (і. с., 242). Принципъ несмѣняемости судей вошелъ въ органическіе законы Англии, Франціи, Германіи, Америки, а также Швеціи (1809 г.), Нидерландовъ (1815) Баваріи (1818), Виртемберга (1819), Бразиліи (1824), Италіи и Португаліи (1826), Бельгіи (1831), Испаніи (1845 и 1876), Пруссіи (1850), Австріи (1867), Россіи (1864), Турціи (1874) *) и сдѣлался по словамъ Фойницкаго и Тальберга мировымъ институтомъ.

Въ наукѣ принципъ несмѣняемости судей общепризнанъ. Противъ несмѣняемости высказался въ свое время Бентамъ**), но оставилъ предлагаемую имъ смѣняемость такими гарантіями (необходимо предварительно, чтобы установилось прочное общественное мнѣніе о негодности судьи, основанное на провѣренныхъ публично фактахъ, необходимо, чтобы отставленный судья продолжалъ получить содержаніе и чтобы онъ не лишенъ былъ права опять получить судейскую должность), что его смѣняемость даетъ судьямъ больше гарантій, чѣмъ „несмѣняемость“, провозглашенная нѣкоторыми законодательствами.

Противъ несмѣняемости высказался также проф. Jousserandot***) но такое воззрѣніе его вытекаетъ изъ выставленнаго имъ требованія избранія судей на самыя короткіе сроки (въ теченіе коихъ они остаются несмѣняемыми). При этомъ Jousserandot очень энергично подчеркиваетъ, что судья долженъ быть абсолютно независимъ“ отъ правительства (159 et passim); для судей кассационнаго суда онъ требуетъ пожизненности назначенія и несмѣняемости (157).

Въ несмѣняемости судей не слѣдуетъ видѣть какого—то преобладанія суда надъ правительствомъ; это лишь послѣдствіе об-

*) Фойницкій, 244; Тальбергъ і. с. I, 149.

**) О судоустройствѣ 1860, 68—75.

***) і. с. 79—89.

шаго правила, что государство управляется на точномъ основаніи законовъ *): необходимо въ виду индивидуальнаго характера толкованія и примѣненія законовъ обезпечить служителямъ правосудія возможность примѣнять законъ, руководствуясь исключительно своею совѣстью и знаніями, а не указаніями свыше. Вотъ почему безусловно правъ Чичеринъ, говоря, что несмѣняемость судей—это столпъ, на которомъ держится все зданіе судебныхъ установленій и что нѣтъ такого политическаго соображенія, которое заставляло бы отступать отъ этого начала **).

И это тѣмъ болѣе справедливо, что принципъ несмѣняемости судей имѣетъ чисто техническое значеніе, онъ не имѣетъ никакого отношенія къ формѣ правленія государства: несмѣняемость судей одинакова необходима и въ абсолютной монархіи, и конституціонной, и въ республикѣ, т. к. безъ нея нельзя говорить о судѣ въ настоящемъ значеніи этого слова. Этотъ принципъ несовмѣстимъ лишь съ деспотической формой правленія.

Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ несмѣняемость можетъ привести къ тому, что судейское кресло будетъ занимать человѣкъ, недостойный своего великаго званія. Но вредъ отъ этого неизмѣримо меньше того зла, которое водворилось бы во всемъ ходѣ правосудія, когда судьи сдѣлались бы смѣняемыми, т. е. зависимыми и заискивающими, а слѣдовательно не авторитетными и способными къ лицепріятію ***).

*) Малышевъ. Курсъ гражд. судопр. 1876, 103.

**) III, 409. „Призваніе смѣняемости судей есть постановленіе административнаго проишвола на мѣсто закона. Такое начало подрываетъ всякое довѣріе къ суду; оно унижаетъ судей и въ глазахъ всего общества. Поэтому оно безусловно не можетъ быть одобрено“. (Собств. и госуд. II, 306). „Нерѣдко высказывается мнѣніе, что начало несмѣняемости несовмѣстимо съ неограниченностью воли монарха, который всегда имѣетъ право смѣщать всякое подчиненное лицо. Такое мнѣніе основано на смѣшеніи понятій. Верховная власть проявляется въ общихъ государственныхъ мѣрахъ, которыя исполнѣ зависятъ отъ воли монарха, а не въ частныхъ рѣшеніяхъ, въ которыя монархъ никогда не вмѣшивается; несмѣняемость же судей устанавливается именно въ виду этихъ послѣднихъ. Начало несмѣняемости противорѣчитъ не самодержавію монарха, а самодержавію министра юстиціи, ибо только по докладу министра монархъ смѣщаетъ судью. Устраненіемъ этой гарантіи судьи всецѣло отдаются въ руки министра и независимость судьи перестаетъ существовать. Если въ учрежденіи независимаго суда можно видѣть ограниченіе власти, то это такое, которое не касается ея существа и нравственно ее возвышаетъ. III, 143—144.

***) Проф. Даневскій. По поводу предстоящей реформы нашего судоустройства. 1896, 65.

„Судъ зависимый есть безсмыслица, *contradictio in adjecto*, или же чудовищная аномалія. Зависимый судъ не есть судъ“, энергично восклицаетъ Аксаковъ *). И дѣйствительно, если вдуматься въ огромную важность суда для всей государственной жизни, то нельзя съ достаточной энергіей подчеркнуть необходимость для каждаго законодателя, правильно понимающаго свою культурную миссію, создать такой судъ, который пользовался бы абсолютнымъ довѣріемъ населенія. А для этого необходимо уничтожить все, что могло бы дать хоть малѣйшій поводъ заподозрить судей въ пристрастіи и въ односторонней приверженности интересамъ власть имущихъ. Поговорка о необходимости для жены цезаря быть внѣ всякихъ подозрѣній какъ нельзя болѣе примѣнима къ суду. Совершенно правильно говорить *Henrion de Pansey*: „*car celui qui dispose des juges est facilement soupçonné de disposer des jugements*“ **).

За послѣднее время начинаютъ раздаваться голоса, требующіе болѣшихъ гарантій противъ злоупотребленій при увольненіи отъ должности всѣхъ вообще чиновниковъ. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ (напр. Пруссія) установлены уже такія гарантіи. Въ этихъ требованіяхъ есть большая часть истины. Но если извѣстныя гарантіи независимости нужны для чиновника ***) , если и для чиновника надо создать такое положеніе, чтобы онъ не могъ быть выброшенъ на улицу по капризу своего начальника, то для судьи, функціи котораго столь отличны отъ функцій чиновника †), для судьи, не могущаго имѣть надъ собою никакого начальника, созданіе самыхъ прочныхъ гарантій независимости является дѣломъ первой необходимости †*).

*) Цитирую по Тальбергу, I. с. I, 152.

**) *De l'autorité judiciaire*. p. 529.

***) „Существованіе безконтрольной власти начальства надъ подчиненными прежде всего противорѣчитъ тому основному началу, что подчиненный исполняетъ лишь законныя распоряженія начальника. Для этого подчиненному необходимо пользоваться нѣкоторою самостоятельностью, чего, конечно, не можетъ быть, если начальникъ можетъ во всякое время уволить подчиненнаго безъ объясненія причинъ. Затѣмъ, такая необезпеченность положенія служащихъ не можетъ не отозваться на самомъ качествѣ служебнаго персонала“. Н. К о р к у н о в ъ. Рус. госуд. право 1901. I, 389.

†) Справедливо замѣчаетъ Фойницкій (I. с., 131): „всего прискорбнѣе, если коронныя судьи поглощаются попятіемъ чиновничества“.

†*) *Die gewöhnliche Dienstverhältniss der Justizbeamten wird aber in ergreifenden Weise modificiert, wenn dem Beamten ein Richteramt übertragen wird. Für*

Иногда можно слышать, что понятие независимости судьи нисколько не пострадаетъ, если судья превратится въ чиновника, т. е. будетъ подчиненъ начальнику, который можетъ уволить его въ случаѣ нарушенія своихъ обязанностей. Вѣдь, говорятъ, этотъ начальникъ, не имѣетъ права приказать судѣ рѣшить дѣло въ опредѣленномъ смыслѣ, не имѣетъ права оказывать давленіе на совѣсть судьи; значить, независимость судьи въ дѣлѣ постановленія рѣшеній остается въ полной силѣ, а вѣдь это только и требуется, — и тогда зачѣмъ выдѣлять судей въ какую-то особо привилегированную касту: вѣдь въ сущности они — такія же должностныя лица, какъ и всѣ остальные чиновники.

Ничего не можетъ быть неправильнѣе такихъ разсужденій. Принципіальное выдѣленіе судей изъ общей массы должностныхъ лицъ вызывается глубочайшими основаніями, коренящимися какъ въ природѣ самой судебной власти, такъ и въ природѣ судейскихъ функцій. Исторія показываетъ намъ, что въ древнія времена судейскія функціи носили священный, сакральный характеръ и слѣжители правосудія сплошь и рядомъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣжителями Божества. Въ этомъ совпаденіи нельзя не видѣть здороваго зерна истины. Судья долженъ служить только одному праву, быть его первымъ и самымъ надежнымъ охранителемъ и истолкователемъ *). Естественно, что

diesen Fall treten besondere Vorschriften in Kraft, um die Unabhängigkeit der Richter zu verstärken und zu sichern“ Laband. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. III, zweite Abth., 143

*) Um dieser Gefahr zu begegnen hat die Rechtsvernunft der modernen Völker das Richteramt mit den bekannten Sicherungen seiner Unabhängigkeit gegen die politische Gewalt umgeben. Die stärkste Sicherheit wird doch in dem starken und selbstbewussten Unabhängigkeitswillen des Richterstandes liegen. Je mehr in Richterstande das Bewusstsein der Grösse und Verantwortlichkeit seiner hohen Aufgabe: dem Recht allein zu dienen, nicht der Macht, einer Aufgabe, die schon von einem alten römischen Juristen als eine priesterliche bezeichnet wird, lebendig ist, desto mehr wird auch der Einzelne vor Anwendungen der Nachgibigkeit gegen Zumuthungen, die von aussen an ihn herantreten, geschützt, desto weniger wird überhaupt die Gewalt den Mut haben solche Zumuthungen zu stellen. In ruhigen Zeiten und im gewöhnlichem Lauf der Dinge wird davon in einem Staat mit gesichertem Rechtsgange nicht allzuviel zu spüren sein. In Zeiten der Erregung und innerer Unruhe wird der Druck wachsen; dann gilt es stark sein in dem stolzen Bewusstsein, dass der Richter zum Schützer des Rechts und der Freiheit bestellt ist gegen Willkür und Gewalt auch gegen die Willkür der an sich rechtmässigen Gewalt. Er verteidigt im Recht zugleich ihren eigentlichen Willen und die Grundlage ihres eigenen Bestandes gegen zeitweilige Abirungen: *Justitia fundamentum regnorum*“. Fr. Paulsen Die Deutschen Universitäten etc. 1902. 513—514.

„онъ подчиняется единственно безличному закону,“ (Чичеринъ, I, 320), а не какому бы то ни было начальнику. Для того, чтобы достойнымъ образомъ исполнить свои обязанности, *судья долженъ быть поставленъ въ такое положеніе, которое обезпечивало ему полное спокойствіе духа, столь необходимое для основательнаго, зрѣлаго и совершенно безпристрастнаго рѣшенія предлагаемыхъ ему животрепещущихъ вопросовъ, столь необходимое для того, чтобы жизненный водоворотъ не увлекъ его.* Почему монархъ является стоящимъ внѣ всякихъ партій, выше всѣхъ страстей, является олицетвореніемъ справедливости, хранителемъ мира и источникомъ правосудія? Да потому, что онъ поставленъ въ такое положеніе, что всѣ страсти и партіи абсолютно безсилны по отношенію къ нему и онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ имѣетъ полную возможность руководиться единственно и исключительно своею совѣстью. А т. к. судья есть представитель монарха, то и надо поставить его въ такія условія, чтобы въ сферѣ своихъ обязанностей онъ имѣлъ полную возможность руководствоваться единственно и исключительно закономъ и своею совѣстью, чтобы всякія постороннія вліянія были бы абсолютно безсилны и чтобы никто не имѣлъ бы права требовать у него отчета въ его дѣйствіяхъ.

Если подчинить судью власти какого-нибудь начальника, т. е. если превратить судью въ чиновника, то гдѣ гарантіи, что этотъ начальникъ не будетъ давать судѣ „руководящихъ указаній“, не потребуетъ у судьи отчета по поводу неисполненія имъ того или иного изъ этихъ указаній, наконецъ, не скажетъ судѣ: „да, пока ты сидишь въ судебномъ засѣданіи, ты независимъ, но какъ только ты сошелъ съ судейскаго кресла, я съ тобою могу сдѣлать все, что захочу“. Къ этому необходимо прибавить массу неприятностей, неизбежно вытекающихъ изъ подчиненнаго положенія „судьи“, неприятностей столь естественныхъ если вспомнить, какъ мало бываетъ людей, способныхъ не опянятися властью и не давать ее почувствовать подчиненнымъ, неприятностей, могущихъ положительно отравить жизнь чуткому и впечатлительному человѣку и лишаящихъ его столь необходимаго судѣ спокойствія духа. Наконецъ, подчиненное положеніе судьи совершенно роняетъ его авторитетъ въ глазахъ населенія. А между тѣмъ представляется дѣломъ первой важности такъ поставить судѣ въ глазахъ народа, чтобы

онъ обладалъ наибольшимъ авторитетомъ и какъ можно меньше напоминалъ бы даже по внѣшности административныя „присутственныя мѣста“: внутренне различное должно вылиться въ различныя формы.

Итакъ, *судья и чиновникъ—понятія различныя по существу* *), *судья не можетъ имѣть надъ собою никакого начальника, и всѣ внѣшнія формы, принятая въ области администраціи и какимъ бы то ни было образомъ напоминающія о подчиненіи, субординаціи совершенно не примѣнимы по отношенію къ судьямъ.*

Логическимъ слѣдствіемъ изъ сказаннаго является необходимость, чтобы судьи назначались на свои должности только верховною властью, но не министромъ юстиціи. Только назначенный непосредственно монархомъ судья можетъ обладать и въ глазахъ населенія, и въ глазахъ остальныхъ должностныхъ лицъ достаточнымъ авторитетомъ; только такое назначеніе согласуется съ теоріей, по которымъ судья представляетъ собою монарха и его именемъ творить правосудіе; только тогда судья можетъ быть независимъ отъ министра юстиціи, т. е. отъ представителя администраціи и главы прокуратуры; наконецъ, только тогда можно говорить о несмѣняемости и обставить ее болѣе солидными гарантіями.

Здѣсь мы приходимъ къ важному вопросу о порядкѣ назначенія судей.

* Enfin, on entend plus particulièrement par magistrats ceux qui rendent les jugemens c'est-à-dire les juges...; dans cette dernière acception... le mot magistrat désigne les personnes investies de la plus haute fonction sociale et qui sont ou, du moins qui devraient être à l'abri de la mobilité des institutions politiques Il y a... un trait caractéristique par où le magistrat se distingue du fonctionnaire: c'est qu'il ne vient pas du pouvoir, comme celui-ci, et de ses besoins changeants mais des institutions perpétuelles et indépendantes qui le pays possède“. E. Gars on n e t. Traité theorique et pratique de procédure. 1898. I, 181—182. Относительно принципа несмѣняемости Gars son n e t правильно замѣчаетъ, что „tous les gouvernements qui portent atteinte à ce principe encourent, quelle que soit leur origine, le reproche de vouloir asservir la justice“ „L'inamovibilité des magistrats repose en effet, sur des motifs de l'ordre le plus respectable et le plus élevé... c'est pour qu'il trouve dans son indépendance le courage de résister aux sollicitations et aux menaces, d'où qu'elles puissent venir, de frapper tous les coupables si haut qu'ils soient placés et de n'écouter jamais d'autre voix que celle de sa conscience. (207).

Какъ извѣстно, существуютъ два противоположные порядка: по назначенію отъ правительства и по выбору.

Казалось бы, что изъ принципа независимости судей отъ правительства необходимо вытекаетъ требованіе, чтобы суды выбирались народомъ: только тогда они могутъ быть абсолютно независимы отъ правительства. Кромѣ того въ пользу избранія говорить еще и другой, не менѣе серьезный аргументъ: свободно избранный самимъ населеніемъ судья естественно будетъ пользоваться у этого населенія наибольшимъ авторитетомъ и довѣріемъ.

Оба эти аргумента при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ теряютъ значительную часть своей убѣдительности. Вполнѣ возможно создать для назначеннаго правительствомъ судьи такія солидныя гарантіи, при которыхъ не можетъ быть и рѣчи о зависимости судьи отъ назначившей его власти. Въ высокой степени характерна слѣдующая фраза, сказанная недавно ирландскимъ судьей Моррисомъ въ отвѣтъ на обвиненіе его въ угодничествѣ передъ министерствомъ: „правительство можетъ скорѣе сдвинуть базальтовые утесы Дороги Гигантовъ (The Giants Causeway), чѣмъ меня съ моего судейскаго кресла“ *).

А между тѣмъ Америка сдѣлала еще больше для обезпеченія независимости судей. Дж. Брайсъ **) указывая на то, что федеральные судьи назначаются президентомъ, утверждаются сенатомъ и могутъ быть смѣнены лишь по суду, говорить, что такимъ образомъ эти судьи болѣе обезпечены въ своей несмѣняемости, чѣмъ англійскіе, т. к. эти послѣдніе могутъ быть уволены короной по предложенію обѣихъ палатъ парламента ***).

Другой весьма авторитетный ученый говоритъ о различіи между положеніемъ англійскихъ и американскихъ судей: англійскіе

*) „Судебное Обзоріе“. 1903, № 8 стр. 169. Письмо изъ Англій С. Рапортра.

**) Американская республика. Перев. В. Петдомскаго. 1889. I, 256; Ср. Tocqueville. De la démocratie en Amérique. 1835; I, 138—160

***) Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣд. слова Брайса, относящихся къ судьямъ (300): „чтобы исполнять такія важныя обязанности, судья долженъ быть также неизмѣняемъ, какъ неизмѣняема конституція. Онъ долженъ выражаться въ томъ же духѣ и въ томъ же тонѣ, въ какихъ выражается народъ въ свои лучшіе моменты. Онъ долженъ не поддаваться временнымъ требованіямъ, долженъ не поддаваться имъ тѣмъ упорнѣе, чѣмъ настойчивѣе онъ высказываются. Укрывшись за своими неприступными твердынями, онъ долженъ отражать и открытыя нападегія власти, и вліянія народныхъ страстей, еще болѣе опасныя, потому что они дѣйствуютъ незамѣтнымъ образомъ“.

судьи независимы, но парламентъ имѣетъ право измѣнить функціи судебной власти, между тѣмъ какъ американскіе федеральные судьи равноправны съ президентомъ и конгрессомъ, и только революціоннымъ путемъ президентъ или конгрессъ могутъ отнять у нихъ какое-нибудь право *).

Что касается второго аргумента, то разсматриваемый отвлеченно, онъ гораздо сильнѣе перваго. Дѣйствительно, какому судѣ я буду довѣрять больше: тому ли, кого я самъ выбралъ, или тому, кто навязанъ мнѣ со стороны? Очевидно—первому. Но сила этого аргумента ослабляется, 1) если вспомнить о томъ, часто значительномъ, меншинствѣ, которое вотировало противъ избраннаго судьи, и которое тѣмъ не менѣе обязано подчиняться его рѣшеніямъ и 2) если имѣть въ виду полную возможность, какъ показали опытъ, пріобрѣтенія коронными судьями величайшаго довѣрія, уваженія и авторитета среди гражданъ. Примѣромъ можетъ служить Англія.

А если принять во вниманіе отрицательныя стороны выборной системы вообще, а по отношенію къ судьямъ въ особенности, то окажется, что недостатки выборной системы перевѣшиваютъ ея достоинства. И если избранные партіей судьи будутъ независимы отъ правительства, то зато они будутъ зависимы отъ партій, а это еще хуже.

Совершенно правильно говоритъ Чичеринъ: **) „Для мелкихъ мѣстныхъ дѣлъ, особенно тамъ, гдѣ не развились еще политическія партіи и гдѣ способность обезпечивается нѣкоторымъ образовательнымъ и имущественнымъ цензомъ, эта система можетъ быть совершенно умѣстна. Наши мировые судьи заслужили признательность русскаго общества. Но съ развитіемъ политической жизни выборы неизбежно становятся орудіями партій, а это всего менѣе допустимо относительно судебной власти“.

Къ этому необходимо прибавить, что для занятія судейскаго кресла безусловно необходима самая основательная теоретическая и практическая подготовка. Очевидно, что далеко не въ

*) Да й с в. Основы государ. права Англіи. Пер. подъ редакц. проф. П. Виноградова. 1891; 118, 120.

**) I с. I, 327.

каждой мѣстности можетъ быть достаточное количество такихъ кандидатовъ. Кромѣ того судить о специальной подготовкѣ, да еще о такой сложной, какъ судейская, общество не можетъ. Голосъ его очень цѣненъ, когда рѣчь идетъ о нравственныхъ качествахъ (и, пожалуй, общемъ духовномъ уровнѣ) кандидата, но для оцѣнки специальной подготовки нужны соответствующіе специалисты. Вотъ почему за рѣдкими исключеніями положительное право всѣхъ культурныхъ государствъ держится системы правительственнаго назначенія судей, а въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ система выборовъ (гл. обр. Америка и Швейцарія), противъ нея раздаются очень серьезные упреки. Напримѣръ американскій профессоръ Th. Walker рѣшительно высказывается противъ нея; *) Брайсъ**), сравнивая федеральныхъ судей съ судьями отдѣльныхъ штатовъ и находя громадную разницу не въ пользу послѣднихъ, прямо обвиняетъ въ этомъ выборную систему и отмѣчаетъ стремленіе американцевъ къ ея упраздненію.

Что касается Швейцаріи, то весьма авторитетный швейцарскій ученый Rüttiman самымъ неодобительнымъ образомъ отзывается о системѣ выборовъ судей ***).

Противъ системы назначенія возражаютъ, что такимъ образомъ правительство получаетъ возможность окончательно подавить гражданскую свободу. Не говоря уже о томъ, что это возраженіе видитъ въ правительствѣ какого-то врага, отъ котораго постоянно надо быть на — сторожѣ, нельзя не замѣтить, что при надлежащихъ гарантіяхъ независимости о судьяхъ, какъ орудіяхъ власти, не можетъ быть и рѣчи. А для устраненія недостатковъ вліянія канцелярій, протекцій и т. п. вполне возможно установить коррективы. Эти коррективы заключаются въ томъ, что министръ представляетъ монарху нѣсколькихъ кандидатовъ, причемъ въ числѣ ихъ находятъ кандидаты, избранные судебной коллегіей при участіи органовъ мѣстнаго самоуправленія †). Возможны и еще болѣе сложныя комбинаціи.

*) Introduction to American law, lecture VIII.

**) I. с. III 300. 306

***) Das Nordamerikanische Bundesstaatsrecht verglichen mit den politischen Einrichtungen der Schweiz. I; 374. Такія же мнѣнія высказываютъ и посторонніе наблюдатели. Напр. G. P i c o t La réforme judiciaire en France. 1881. 188—206.

†) Въ Бельгіи существуютъ оба способа, причемъ, если выборъ судебной коллегіи и выборъ мѣстнаго органа общественнаго самоуправленія совпадаетъ, король не имѣетъ

Такъ, Jules Favre *) предлагаетъ, чтобы на открывшуюся вакансію представлялись три кандидата, избранные обширнымъ собраніемъ, состоящимъ изъ 1) членовъ того судебнаго мѣста, гдѣ открылась вакансія, 2) совѣта адвокатовъ при томъ же судѣ, 3) стряпчихъ (avoués), 4) нотариусовъ и 5) делегатовъ отъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Для замѣщенія вакансіи члена кассационнаго суда онъ предлагаетъ составить избирательное собраніе слѣд. образомъ: 1) Члены кассационнаго суда, 2) депутаты отъ каждаго апелляціоннаго суда, 3) профессора юридическаго факультета, 4) адвокаты при кассационномъ судѣ, 5) девять сенаторовъ и девять депутатовъ палаты общинъ.

Несомнѣнно, что такой порядокъ (при непремѣнномъ условіи, что имена кандидатовъ будутъ опубликованы заблаговременно) представляетъ значительныя гарантіи основательности выборовъ и можетъ быть рекомендованъ наукой. Избранные такими комиссіями кандидаты (при условіи, конечно, обладанія ими надлежащей подготовки) могли бы быть предлагаемы верховной власти на утвержденіе. Такой порядокъ несравненно лучше, чѣмъ система избранія общимъ собраніемъ суда, въ которой нѣкоторые видятъ достаточную гарантію пригодности избраннаго и возстаютъ противъ права министра не соглашаться съ выборомъ суда. Система избранія только судомъ имѣетъ значительные недостатки, свойственные небольшой, замкнутой коллегіи. Эта коллегія естественно будетъ стремиться избирать людей, ей угодныхъ, людей постаравшихся заслужить расположение большинства членовъ; никакимъ свѣжимъ, независимымъ людямъ нельзя будетъ войти въ коллегію. Конечно, для борьбы съ такимъ зломъ является безусловно необходимымъ предоставленіе министру юстиціи права представляеть и своего кандидата. Совершенно неправиленъ порядокъ представленія кандидатовъ, существующій нынѣ во Франціи: это дѣло находится исключительно въ рукахъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ и прокуроровъ, которые и представляютъ министру намѣченныхъ ими кандидатовъ **).

права не утверждать кандидата. См. Florens. Organisation judiciaire et administrative de la France et de la Belgique. 1875.

*) I. с., 78 - 79.

**) Garconnet I. с. I, 190.

Такимъ образомъ изученіе существующихъ порядковъ назначенія судей въ связи изложенными теоретическими соображеніями приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ. Необходимо комбинировать обѣ противоположныя системы, т. е. систему избранія и систему назначенія отъ правительства. Судьи должны быть назначаемы верховной властью безсрочно, но судебныя коллегіи, корпораціи лицъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ суду и органы мѣстнаго самоуправленія должны имѣть право представлять верховной власти кандидатовъ (конечно обладающихъ необходимымъ научнымъ цензомъ), причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. единоголосный выборъ) такія представленія могли бы имѣть обязывающій характеръ.

Слѣдующимъ важнымъ результатомъ изъ защищаемаго мною понятія судьи является недопустимость по отношенію къ судьямъ никакихъ наградъ, орденовъ, чиновъ и повышеній по службѣ: все это — неизбѣжныя *) — принадлежности чиновничества. Но такъ какъ опытъ показываетъ, что награды (хотя бы даже въ видѣ внѣшнихъ „знаковъ отличія“) имѣютъ для очень многихъ людей большую притягательную силу, то уже помимо необходимости особенно подчеркнуть внѣшнимъ образомъ коренное различіе между судьей и чиновникомъ, изъятіе судей изъ круга лицъ, могущихъ получать награды, послужитъ лишь къ укрѣпленію ихъ независимости. Правительство не будетъ имѣть возможности вліять на судей этимъ путемъ, и кромѣ того устранится одинъ изъ поводовъ къ образованію среди судей начальниковъ въ видѣ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, т. к. представленія о наградахъ неизбѣжно должны исходить отъ нихъ (еще хуже, если это дѣлается черезъ прокуратуру).

Гораздо важнѣе уничтожить для судей всякую возможность стремиться къ повышеніямъ. Если полученіе какого-нибудь ордена или чина для многихъ не представляетъ ничего привлекательнаго, если найдутся и принципиальные противники такого рода наградъ, то едва ли можно рассчитывать, что перспектива повышенія и связаннаго съ нимъ матеріальнаго улучшенія жизни не окажетъ

*) Впрочемъ, относительно чиновъ и орденовъ нельзя не выразить большаго сомнѣнія въ цѣлесообразности этихъ отживающихъ свой вѣкъ учрежденій даже для чиновниковъ.

своего дѣйствія на подавляющее большинство судей и не превратить ихъ въ чиновниковъ, изо всѣхъ силъ стремящихся сдѣлать карьеру. А о томъ, какое богатое поле представляетъ это для вліяній на судей со стороны правительства, нечего и говорить. Примѣръ Франціи, гдѣ судьи получаютъ незначительное содержаніе, зависимы отъ судебной администраціи и охвачены стремленіемъ къ повышеніямъ, благодаря множеству ступеней служебной лѣстницы, можетъ служить достаточнымъ предостереженіемъ. Жалобы на неудовлетворительное состояніе правосудія во Франціи вслѣдствіе такой организаціи, слышатся постоянно и при томъ отъ людей совершенно безпристрастныхъ и компетентныхъ, какъ напр., Odillon Barrot *) (G. Picot **). J. Favre ***), Bérenger †) Jousserandot †*), Franqu'eville †**), F. Ginest †***) и др.

Карьеризмъ и добросовѣстное исполненіе судейскихъ обязанностей—понятія несовмѣстимыя, и человѣкъ, достигшій столь почетнаго и высокаго положенія, какъ судейское кресло, долженъ знать, что теперь впереди у него не осталось ничего, и что единственной наградой его дѣятельности можетъ быть чувство глубокаго удовлетворенія отъ честно исполняемаго долга сознание приносимой пользы святому дѣлу правосудія. наконецъ и одобреніе разумнаго общественнаго мнѣнія.

Судейская служба требуетъ большой сосредоточенности въ работѣ, большихъ знаній и большого опыта какъ чисто служебнаго, такъ и общежитейскаго. Отправленіе правосудія это самое консервативное дѣло изъ всѣхъ видовъ государственной работы. Ничего не можетъ быть вреднѣе постояннаго шатанія практики, постоянной перемѣны взглядовъ суда на то или иное правовое явленіе. А это неизбежно случится при частой перемѣнѣ судей: надѣяться на образованіе прочныхъ судебныхъ традицій, на устойчивость практики при постоянно смѣняющихся судьяхъ—дѣло очень рискованное. Не надо также забывать, что чѣмъ дольше остается судья на своемъ креслѣ, тѣмъ большій запасъ опыта и знаній онъ приобрѣтаетъ. Кто близко наблюдалъ прак-

*) De l'organisation judiciaire en France, 8—15.

**) La réforme judiciaire en France, 320 et pass.

***) De la réforme judiciaire, passim.

†) Organisation judiciaire, 53.

†*) Du pouvoir judiciaire, 91—104.

†**) l. c. I, 15.

†***) Jury criminel etc. 126

тику, тому хорошо извѣстно, что даже посредственный судья, на первыхъ порахъ совершающій массу ошибокъ, теряющійся въ сложныхъ обстоятельствахъ дѣла, не могущій въ разнорѣчивыхъ показаніяхъ свидѣтелей отличить правды отъ лжи, — съ теченіемъ времени приобретаетъ навыкъ, легко разбирается въ дѣлахъ, которыя прежде казались ему верхомъ трудности, съ ужасомъ вспоминаетъ о совершенныхъ раньше ошибкахъ, а громадная масса продефилировавшихъ передъ его столомъ свидѣтелей, допрошенная при безконечно разнообразныхъ комбинаціяхъ жизненныхъ случаевъ, до такой степени изощряетъ его чутье, даетъ такую массу психологическихъ наблюденій, что въ большинствѣ случаевъ онъ свободно опредѣляетъ степень достоверности свидѣтельскихъ показаній *).

Такимъ образомъ мы видимъ, что и помимо необходимости гарантировать судьямъ большую степень независимости, помимо необходимости устранить столь вредный для судьи карьеризмъ, отсутствіе всякихъ перспективъ на повышеніе благотворно отзовется на самомъ характерѣ исполненія судьей его обязанностей. Но тутъ мы подходимъ къ тѣсно связанному съ предыдущимъ вопросу. Для того, чтобы человѣкъ могъ быть вполне удовлетворенъ своимъ положеніемъ и не старался измѣнить его, необходимо, чтобы оно давало бы не только одно моральное удовлетвореніе. Очевидно, что какъ бы человѣкъ ни любилъ дѣло, онъ не можетъ не стараться измѣнить свое положеніе, если это дѣло не обезпечиваетъ его надлежащимъ образомъ въ матеріальномъ отношеніи.

Къ этимъ соображеніямъ необходимо прибавить еще другія, болѣе важныя. Нельзя говорить о независимости судьи, если онъ получаетъ ничтожное содержаніе, не дающее ему возможности жить культурно. Нельзя говорить о достаточномъ авторитетѣ судьи, когда вокругъ него существуетъ масса государственныхъ должностей, требующихъ несравненно меньшихъ знаній, несравненно менѣе высокихъ нравственныхъ качествъ, несравненно менѣе отвѣтственныхъ, представители которыхъ получаютъ однако несравненно большее содержаніе. При этомъ нельзя не принимать во вниманіе несовершенствъ человѣческой природы и несовершенствъ существующаго общественнаго строя,

*) Все только что сказанное является сильнымъ аргументомъ противъ системы назначенія судей (или выбора ихъ) на сроки, и въ особенности на короткіе сроки.

гдѣ такую важную роль играетъ степень матеріальнаго обезпеченія. „Но поставьте только судью въ состояніе бѣдности... Съ какимъ презрѣніемъ отнесется объ немъ тогда богачъ, который въ это время, отправляясь въ судъ, обрызжетъ его съ ногъ до головы грязью копытъ своихъ рысаковъ; какъ холодно поклонится ему въ это время бѣднякъ, пробирающійся тоже въ судъ... Уже одно это несовершенство человѣческой природы и общественнаго нашего строя, во имя самого правосудія требуетъ, чтобы судья въ матеріальномъ отношеніи былъ поставленъ наивозможно независимѣе, наивозможно выше толпы, дабы онъ сохранилъ среди нея мѣсто почетное“ *). Наконецъ необходимо имѣть въ виду, что *ровность характера и полное спокойствіе духа, столь необходимыя судья, возможны только тогда, когда онъ матеріально обезпеченъ. Чтобы житейскія дразни и мелочи, опошляющія жизнь и такъ портящія характеръ даже людей интеллигентныхъ, не оказали своего губительнаго вліянія на судью, чтобы безпрестанныя заботы о сведеніи концовъ съ концами, постоянный страхъ дефицита, постоянное гнетущее чувство приниженности не развили въ немъ чрезмѣрной нервности, раздражительности, необходимо поставить судью въ надлежащую матеріальную обстановку.* И это тѣмъ болѣе необходимо, что иначе онъ неизбежно будетъ относиться не съ должнымъ вниманіемъ и интересомъ къ своему дѣлу. Когда человѣкъ всецѣло поглощенъ заботами о сведеніи концовъ съ концами, когда онъ знаетъ, что малѣйшій непредвидѣнный случай самымъ печальнымъ образомъ отразится на его бюджетѣ, когда онъ занятъ различными комбинаціями относительно пополненія этого бюджета, нельзя требовать отъ него такой силы духа, чтобы все это не отразилось на отношеніи его къ дѣлу и притомъ не отразилось весьма нежелательнымъ образомъ. Бдльшая или меньшая степень нежелательности указанныхъ послѣдствій находится въ связи съ индивидуальными особенностямъ даннаго судьи и со степенью его необезпеченности, но практика знаетъ нерѣдкіе случаи, когда семейный судья, обремененный заботами о сведеніи концовъ съ концами, совершенно утрачивалъ способность къ спокойному, ровному отношенію къ тяжущимся, утрачивалъ способность внимательно и сосредоточенно разсматривать дѣла. Мнѣ лично пришлось выслу-

*) М. А. Филипповъ Судебная реформа въ Россіи. 1871. I, 306.

шать въ Парижѣ горькую исповѣдь одного судьи, въ яркихъ краскахъ иллюстрирующую весь ужасъ нищенскаго существованія и весь вредъ его для дѣла правосудія, а за пятнадцати—лѣтнюю судебную практику въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи у меня собрана масса примѣровъ, доказывающихъ, что у насъ сплошь и рядомъ дѣло обстоитъ еще хуже.

Давно уже въ наукѣ сдѣлалось азбучной истиной положеніе, что дешевый судъ — синонимъ плохаго суда, и К. Малышевъ совершенно правъ, говоря, что „этотъ матеріальный пунктъ, составляетъ именно матеріальную основу, на которой вообще говоря только и можетъ быть возведено прочное зданіе правосудія“ *).

Итакъ, судья долженъ получать вполне хорошее содержаніе, которое давало бы ему возможность не только существовать безбѣдно, но и жить съ комфортомъ, быть совершенно спокойнымъ относительно участи семьи на случай смерти и своей участи на случай болѣзни и выхода въ отставку **).

Многіе требуютъ періодическихъ прибавокъ къ содержанию по мѣрѣ увеличенія времени службы. Нельзя не признать цѣлесообразности этого требованія. Періодическія прибавки служатъ могучимъ средствомъ заинтересовать судью въ сохраненіи своей должности, служатъ прекрасной компенсацией отсутствія повышенной по службѣ, наконецъ соотвѣтствуютъ жизненнымъ условіямъ. Опытъ показываетъ, что съ годами расходы у семейнаго человѣка увеличиваются и прежняго содержанія, которое съ избыткомъ покрывало его нужды, становится недостаточно для того, чтобы, напр., дать надлежащее воспитаніе дѣтямъ.

Въ заключеніе разсмотрѣнія этихъ матеріальныхъ условій необходимо упомянуть о пенсіяхъ судей. Судейская работа, требующая такого напряженія силъ, такой траты нервовъ, сравнительно скоро оказываетъ разрушительный эффектъ на организмъ человѣка и поэтому (въ особенности если принять во вниманіе общія условія современной жизни) установленіе длинныхъ сроковъ для

*) І с., 101—102.—„Достаточное содержаніе судьи.. оказывается требованіемъ первостепенной важности для прочнаго строя юстиціи; нигдѣ бережливость въ государственной экономіи не можетъ считаться менѣе умѣстной, какъ умѣнно здѣсь“. І е р и н г ъ. „Цѣль въ правѣ“ 295.

**) Не надо забывать, что установленіе хорошаго содержанія даетъ возможность привлечь на судейскія мѣста лучшія юридическія силы страны.

выслуги пенсіи представляется крайне нежелательнымъ *). Само собою разумѣется, что размѣръ пенсіи долженъ соотвѣтствовать размѣру содержанія: заставить стараго человѣка, привыкшаго къ комфортабельной жизни, сразу сократиться и подвергаться лишеніямъ, это значитъ совершить по отношенію къ нему величайшую несправедливость, недостойную государства.

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣннымъ матеріальнымъ вопросомъ находится вопросъ о внѣшнемъ служебномъ положеніи судей. Это положеніе должно соотвѣтствовать внутренней важности судейскихъ функций и значенію судебной власти.

Очевидно, что чѣмъ выше и почетнѣе поставленъ судья въ ряду всѣхъ остальныхъ должностныхъ лицъ, тѣмъ независимѣе онъ будетъ, тѣмъ большимъ авторитетомъ онъ будетъ пользоваться какъ среди народа, такъ и среди всѣхъ соприкасающихся съ нимъ по службѣ чиновниковъ, наконецъ, тѣмъ меньше онъ будетъ ощущать желанія искать перемѣны своего положенія. Въ государствахъ, гдѣ еще сохранились чины, должность судьи необходимо поставить въ очень высокомъ классѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ производство въ чины къ судьямъ примѣняться не должно.

Но разсмотрѣнныхъ гарантій судейской независимости и авторитетности еще недостаточно. Нельзя забывать, что служба судьи ставитъ его въ такое положеніе по отношенію къ населенію, въ какомъ не можетъ оказаться ни одно должностное лицо. Ни одно должностное лицо не можетъ окончательно и властно разрѣшать такихъ животрепещущихъ, столь возбуждающихъ страсти вопросовъ, какъ вопросы о примѣненіи наказанія къ гражданину, какъ вопросы объ имуществѣ, свободѣ, чести, здоровьи и даже жизни гражданина. Вполнѣ естественно, что рѣдкій исходъ процесса можетъ совершенно удовлетворить обѣ стороны. Всегда одна изъ нихъ будетъ недовольна рѣшеніемъ, причемъ степень этого недовольства будетъ прямо пропорціональна субъективной важности интересовъ недовольнаго и степени возбудимости его темперамента. Прибавимъ къ этому массу поводовъ для возбужденія недовольства въ прикосновенныхъ къ дѣламъ лицамъ

*) Сущестующей напр въ Россіи срокъ—35 л. является чудовищно длиннымъ, въ особености если сравнить его съ англійскимъ 15-лѣтнимъ срокомъ.

(напр. оштрафование или приводъ свидѣтелей, экспертовъ), и мы поймемъ, что рѣдкій судья можетъ похвалиться, что не имѣетъ среди населенія враговъ. А такъ какъ вслѣдствіе недостатковъ человѣческой природы эти враги могутъ проявлять свою вражду въ весьма некультурныхъ формахъ и такъ какъ такое проявленіе можетъ вредно отозваться на престижѣ суда, то является необходимость оградить судей отъ проявленія мести недовольныхъ ими лицъ. Усиленная уголовная отвѣтственность за оскорбленіе судьи по поводу исполненія имъ своихъ обязанностей (и въ особенности во время засѣданія) является такимъ образомъ и цѣлесообразной, и справедливой. вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо предоставить суду право немедленно примѣнять репрессивныя мѣры по отношенію къ лицамъ, оказывающимъ явное неуваженіе къ суду во время засѣданій или производящихъ безпорядки: важно немедленное парализованіе въ глазахъ публики вреднаго эффекта подобныхъ явленій; одно объявленіе, что виновный будетъ привлеченъ къ отвѣтственности и современемъ быть можетъ подвергнется какому-то неопредѣленному наказанію, легко можетъ оставить впечатлѣніе безсилія суда. Наконецъ необходимо гарантировать судью отъ предьявленія къ нему неосновательныхъ исковъ объ убыткахъ со стороны недовольныхъ его дѣйствіями лицъ. Изъ того, что судья сдѣлалъ ошибку въ примѣненіи закона, отнюдь не слѣдуетъ, что онъ обязанъ возмѣститъ убытки заинтересованной сторонѣ. Иначе всякое отмѣненное высшей инстанціей рѣшеніе давало бы основаніе предьявить къ судѣ искъ объ убыткахъ.

Только въ случаѣ явно недобросовѣстныхъ или грубо небрежныхъ дѣйствій судьи можетъ возникать право для заинтересованной стороны требовать возмѣщенія убытковъ. Вотъ почему порядокъ предьявленія исковъ къ судьямъ долженъ быть обставленъ солидными гарантіями. Обыкновенно сначала претензія частнаго лица разсматривается высоко—поставленнымъ судебнымъ мѣстомъ, которое разрѣшаетъ предьявить искъ, или устраняетъ ходатайство. Въ первомъ случаѣ дѣло разсматривается общимъ порядкомъ, причемъ самый фактъ разрѣшенія предьявленія иска не можетъ оказать никакого вліянія на исходъ дѣла.

Еще два слова о нѣкоторыхъ внѣшнихъ условіяхъ судейской службы. Первымъ и очень важнымъ изъ этихъ условій является необходимость предоставленія судѣ ежегодно пользоваться про-

должительнымъ отдыхомъ отъ занятій (вакаціонное время). *Судейская работа требуетъ постояннаго вниманія, самаго тщательнаго изученія всѣхъ индивидуальностей каждаго дѣла, свѣжести мысли и силъ.* А какъ притупляется вниманіе, какъ ослабляется мысль при долговременной судейской работѣ, какъ вредно отражается это на качествѣ работы, а съ другой стороны, какъ возстановляются силы и какую свѣжесть, обновленіе и энергію къ работѣ чувствуетъ человѣкъ послѣ напр., двухмѣсячнаго отдыха—знаетъ каждый практикъ. Необходимость вакацій является такимъ образомъ внѣ всякаго сомнѣнія; онѣ должны быть установлены въ интересахъ народа.

Одною изъ важныхъ мелочей является вопросъ о форменной одеждѣ судей. Справедливо замѣчаетъ Брайсъ *), что внѣшность суда имѣетъ не мало важное значеніе, такъ какъ она вліяетъ на населеніе и даже на самого судью. Вотъ почему помѣщеніе суда, обстановка, внѣшніе атрибуты власти и т. п. должны соответствовать величію идеи суда, а не умалять ее въ глазахъ населенія. Затрата государствомъ денегъ на этотъ предметъ съ избыткомъ окупится благотворнымъ вліаніемъ результатовъ этой затраты. Костюмъ судей во время засѣданій долженъ наглядно показывать всѣмъ и даже самому судѣ, что въ это время судья пересталъ быть частнымъ человѣкомъ, а занятъ тѣмъ священнодѣйствіемъ, которое называется отправленіемъ правосудія. А такъ какъ судья не есть чиновникъ, то officialный костюмъ его не долженъ быть похожимъ на обычные чиновничьи мундиры. Лучше всего соответствуютъ своему назначенію судейскія мантии, употребляемыя почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. И уже во всякомъ случаѣ представляется грубою ошибкой устанавливать для судей форменную одежду, которую они могли бы носить и внѣ засѣданій: этимъ совершенно ясно подчеркивается стремленіе превратить служителей правосудія въ чиновниковъ.

Изложеніе внѣшнихъ условій судейской службы было бы неполнымъ, если бы я не остановился на чрезвычайно важномъ условіи несовмѣстимости этой службы съ дру-

*) Брайсъ. І. с., III, 300—301.

гими родами службы государственной и съ нѣкоторыми занятіями. Это условіе вызывается необходимостью укрѣпить независимость судьи, его авторитетъ и улучшить качество его работы *).

Очевидно, что независимость судьи будетъ сильно страдать, если одновременно онъ будетъ подчиненъ по другой службѣ начальнику, какъ и всякій чиновникъ; очевидно, что будучи принужденъ посвящать много времени на исполненіе обязанностей по другой службѣ, онъ не можетъ сохранить всю свѣжесть силъ для основательнаго разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ; очевидно, наконецъ, что авторитетъ судьи можетъ свестись къ нулю, если напр. въ лицѣ судьи одновременно будетъ и административный чиновникъ съ полицейскими функціями, принужденный постоянно сталкиваться съ населеніемъ, или если судья одновременно будетъ заниматься винной торговлей.

Что касается несомвѣстности судейской и административной службы, то эта несомвѣстность вытекаетъ изъ самой природы вещей, изъ существа судебной власти. „Какъ различны эти двѣ власти, доказываетъ уже то обыкновенное явленіе, что отличные государственные люди или правительственные чиновники рѣдко бываютъ хорошими судьями и наоборотъ, лучшіе судьи рѣдко бываютъ въ тоже время хорошими чиновниками **). И это совершенно понятно: характеры дѣятельности судьи и чиновника столь различны, что требуютъ и различныхъ приемовъ въ работѣ, различнаго склада ума, различныхъ способностей и склонностей. „Судья дѣйствуетъ по закону, администраторъ по усмотрѣнію; судья, какъ безпристрастный третій, долженъ быть независимъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній и отъ общественныхъ отношеній; администраторъ погруженъ именно въ эти отношенія и является зависимымъ колесомъ простирающейся на все государство бюрократической машины. Какъ скоро эти двѣ власти соединяются, такъ или администраторъ становится судьей, и

*) Тройкія основанія начала несомвѣстности видѣть и проф. Фойницкій (I. с., I, 253 и слѣд.), но приводимыя имъ основанія въ сущности сводятся къ двумъ: огражденію независимости и улучшенію качества работы. Въ самомъ дѣлѣ первое приводимое имъ основаніе: желаніе обезпечить надлежащее отправленіе каждой должности а второе—необходимость, чтобы судья положилъ на свое дѣло всю энергію, всѣ свои силы, не отвлекаясь посторонними занятіями,—сливаются въ одно.

***) Б л ю ч л в. Общее государственное право 1865, стр 389

тогда воцаряется судебный произволъ, или же судья вмѣшивается въ администрацію, и тогда послѣдняя получаетъ несвойственный ей судебный характеръ“ *)).

Хуже всего, если соединеніе судьи и администратора является въ такомъ видѣ, что администраторъ облеченъ исполнительною и распорядительною властью по отношенію къ населенію и одновременно судейскими функціями въ широкихъ размѣрахъ. Тогда открывается обширное поле для проявленія ничѣмъ не сдерживаемаго произвола со всѣми печальными послѣдствіями для правопорядка и для воспитанія чувства законности въ населеніи **).

Но есть одна должность, противъ соединенія съ которой судейской должности нельзя выставить принципиальныхъ возраженій, а именно—должность профессора юридическихъ наукъ. Профессоръ, подобно судѣ — не чиновникъ ***), и кромѣ того самое глубокое научное знаніе права можетъ принести только пользу судѣ. Наконецъ, опытъ показалъ, что многіе выдающіеся ученые юристы занимали съ честью судейскія должности.

*) Чичеринъ I, 323 —Ср. Милль. Система логики. II, 497—498; Герингъ. Цѣль въ правѣ, 282.—„Уже эта внутренняя разнородность судебной и административной функцій приводитъ къ необходимости ихъ вышшняго обособленія. Для надлежащаго выполненія такихъ разнородныхъ функцій потребны слишкомъ различныя качества, чтобы можно было съ удобствомъ соединить эти функціи въ рукахъ однихъ и тѣхъ же учреждений. Отправленіе правосудія требуетъ безпристрастія, обдуманности, спокойствія; административная дѣятельность—энергіи, быстроты, подвижности. Для судьи особенно важно знаніе законодательства, для администратора—техническихъ правилъ достиженія данной цѣли. Въ судьяхъ выше всего цѣнится способность не поддаваться увлеченіямъ, не отступать отъ проведенія общихъ началъ права подъ давленіемъ условій практическаго удобства. въ администраторѣ важнѣе всего именно отзывчивость къ измѣчивымъ запросамъ практической жизни“. Н. Коркуновъ. Русск. госуд. право. II, 207.

**) По поводу отправленія англійскими мировыми судьями (т. е. богатыми, высокообразованными, совершенно независимыми мѣстными землевладѣльцами) нѣкоторыя административныя функціи слѣдуетъ замѣтить, что вредныя стороны такого совмѣщенія въ значительной степени парализуются помимо указанныхъ качествъ этихъ судей и историческихъ особенностей Англій—чисто судебнымъ характеромъ дѣятельности англійской администраціи, отличительными чертами англійскаго населенія съ его столь высоко развитымъ чувствомъ законности, широкою гласностью въ связи съ политическою свободой, надежнымъ контролемъ суда и общественнаго мнѣнія. Наконецъ, нельзя забывать, что послѣднія законодательныя реформы значительно ограничиваютъ сферу административной дѣятельности мировыхъ судей. Ср. М. Вотье. Мѣстное управленіе Англій. 1896, въ особен. стр. 35—83.

***) Превращеніе профессоровъ въ чиновниковъ и подчиненіе университетовъ бюрократическому надзору—грозные симптомы, свидѣтельствующіе о близкой смерти науки въ странѣ.

Все это аргументы въ высшей степени сильные и убѣдительные. Но если мы вспомнимъ, какую массу труда требуетъ добросовѣстное исполненіе обязанностей профессора (такъ же какъ и судьи), сколько свѣжести духовныхъ силъ необходимо хотя бы для творческой работы въ наукѣ, для плодотворнаго чтенія лекціи, сколько свободнаго времени нужно профессору для того, чтобы слѣдить за текущей литературой, то мы поймемъ, что соединеніе обязанностей профессора и судьи неминуемо вредно отзовется на какой-нибудь изъ этихъ обязанностей. Другое дѣло приватъ—доцентура. Здѣсь нѣтъ всей полноты сложныхъ обязанностей профессора; приватъ-доцентъ свободенъ въ выборѣ курса и опредѣленіи его размѣровъ и, конечно, посвященіе досуга отъ судейской работы научнымъ трудамъ можетъ вліять лишь благотворно и на эти труды, внося въ нихъ жизненную струю, и на судебную практику, внося въ нее свѣтъ науки. Что же касается ссылки на примѣры соединенія должностей судьи и профессора, то они потеряютъ свою убѣдительность, если имѣть въ виду, какъ ужасно разрушаетъ силы человѣка такое соединеніе при одинаково добросовѣстномъ отношеніи къ обѣимъ должностямъ. Кромѣ того нельзя не замѣтить, что многіе профессора при отсутствіи совмѣщенія могли бы сдѣлать гораздо больше для науки: извѣстно не мало примѣровъ, какъ вредно отражается совмѣщеніе на научной работѣ даже выдающихся людей.

Судейская должность не можетъ быть совмѣстима не только со службой по какому-нибудь другому вѣдомству, но и съ другими родами судебной дѣятельности, напр. секретаря, прокурора. Судья только тогда можетъ плодотворно работать, когда онъ занятъ исключительно чисто-судейской работой, т. е. разрѣшеніемъ судебного спора, изученіемъ представленныхъ сторонами доказательствъ. На этомъ основаніи слѣдуетъ рѣшительно отвергнуть существующее въ нѣкоторыхъ законодательствахъ соединеніе обязанностей судьи и судебного слѣдователя. Говорить, что слѣдователь есть тотъ же судья, можно только по недоразумѣнію: вѣдь судебный слѣдователь самъ собираетъ доказательства, а это представляетъ на столько рѣзкое отличіе отъ чисто—судейской функціи, требуетъ столь различныхъ приѣмовъ работы, что представляется самое серіозное основаніе опасаться, что эти приѣмы судья перенесетъ и въ разбирательство дѣлъ по существу, т. е. превратится въ судью-инквизитора, а

слѣдовательно потеряетъ безпристрастіе. Нельзя съ достаточной энергіей подчеркнуть необходимость для законодателя стараться поддерживать безусловную чистоту судейскихъ функций. Соображенія экономіи не могутъ играть здѣсь никакой роли, т. к. расходы на правильную постановку такого дѣла, какъ правосудіе, всегда и вездѣ вознаграждаются сторицей. Глубоко правъ проф. Тальбергъ, говоря: „предъ задачей правосудія—доставить всякому защиту его правъ, должны преклониться, отступить на второй планъ всѣ иныя переходящія цѣли государства“ *).

Наконецъ, что касается частныхъ занятій, то далеко не каждое можетъ быть совмѣстимо съ должностью судьи. И если ничего нельзя имѣть противъ занятій литературой, противъ активного участія судьи въ научныхъ, художественныхъ, музыкальныхъ обществахъ, то далеко нельзя того же сказать о занятіяхъ, напр., торговлей, промышленностью, объ участіи судьи въ обществахъ съ узко-націоналистическими и шовинистическими задачами, обществахъ, преслѣдующихъ т. наз. „истинно патриотическія“ цѣли. Активное участіе въ проявленіяхъ духовной жизни страны свидѣтельствуетъ лишь о полнотѣ духовной жизни самого судьи (т. е. о явленіи въ высшей степени желательномъ) и не можетъ вовлечь его въ рискованныя операціи, сопряженныя съ соблазномъ стремленія къ наживѣ, не можетъ навлечь на него подозрѣнія въ пристрастіи, въ тенденціозности, не можетъ поставить его въ зависимость отъ представителей тѣхъ или другихъ экономическихъ интересовъ.

Всѣ изложенныя до сихъ поръ условія судейской службы лучше всего представлены въ Англіи, этой классической странѣ государственныхъ учреждений, у которой Европѣ, а въ особенности Россіи, еще долго нужно будетъ очень многому учиться, въ странѣ, учрежденія которой, по справедливому замѣчанію Спасовича **)— „подобно всѣмъ великимъ созданіямъ человѣческаго творчества съ одной стороны весьма національны, съ другой—способны къ безконечному, космополитическому распространенію“.

*) Русск. угол. судопр., I, 11.

**) Предисловіе къ переводу „Уголовнаго права Англіи“ Стівена, стр. VI.

Замѣчу кстати, что часто употребляемый adage о невозможности перенесенія учреждений одной страны въ другую, заключаетъ въ себѣ слишкомъ очевидное преувеличеніе и много недоразумѣній. Нѣтъ ничего болѣе противорѣчащаго духовной природѣ человѣка и общества, понятію объ идеалахъ, какъ о руководящей силѣ общественной жизни, наконецъ, и историческому опыту всѣхъ народовъ, какъ утвержденіе, что напр. государственныя учрежденія Англіи пригодны только для Англіи. „Развитіе каждаго народа, которое сперва исключительно опредѣляется природою и обстоятельствами этого народа, постепенно подчиняется вліянію другихъ народовъ земли и дѣйствующихъ на нихъ обстоятельствъ которое усиливается по мѣрѣ успѣховъ цивилизациі *), а „съ измѣненіемъ общественныхъ идеаловъ можетъ измѣниться и самая форма общественнаго развитія **).“

Нигдѣ, за исключеніемъ развѣ судей высшаго федеральнаго суда Америки, судьи не пользуются такимъ авторитетомъ и уваженіемъ, какъ въ Англіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ гражданинъ такъ не увѣренъ въ неприкосновенности своихъ правъ и прочности правопорядка, какъ въ Англіи ***).

*) Милль. Система логики. 1878. II, 468. Ср. Дрэннеръ. Исторія умств. развитія Европы. 1895. I, 13.

**) Коркуновъ. Лекціи по общей теоріи права. 1894, стр. 209. Ср. убѣдительное и блестящее доказательство этой мысли у Игеринга. „Духъ римскаго права“ 1875 I 4 и слѣд., а также у Чичерина. Собственность и государство. II 341—344. „Если исторически развившіяся учрежденія, игравшія первенствующую роль въ исторіи народа, имѣютъ право на глубокое уваженіе, если существованіе ихъ для народа составляетъ драгоцѣнный кладъ, отъ котораго онъ не можетъ отказаться, не отрекаясь отъ части самого себя, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что эти учрежденія не могутъ видозмѣняться и приспособляться къ новымъ жизненнымъ потребностямъ... Руководить обществомъ можетъ только правительство, которое умѣетъ примѣняться къ измѣняющимся условіямъ жизни“ (стр. 343).

***) Лучшимъ источникомъ свѣдѣній о судебныхъ порядкахъ Англіи служитъ капитальный трудъ Franqueville: Le système judiciaire de la Grande Bretagne. 1893 (два тома). Авторъ—образованный юристъ и государственный дѣятель Франціи—написалъ цѣлый рядъ цѣнныхъ работъ о государственныхъ учрежденияхъ Англіи и около тридцати лѣтъ изучалъ разрабатываемые имъ въ названной книгѣ вопросы, причемъ всѣ свѣдѣнія собиралъ на мѣстѣ, посредствомъ личнаго изученія англійскихъ судовъ, проводя время въ засѣданіяхъ, въ разговорахъ съ судьями, адвокатами, присутствуя при подготовительныхъ дѣйствіяхъ судебной полиціи и т. д. Въ результатѣ получился огромный матеріалъ, образцово разработанный, и едва ли можно найти другую книгу, гдѣ англійская судебная жизнь была бы изображена лучше. Свѣдѣнія, заключающіяся въ книгѣ Франкевилля, вполне согласуются съ данными объ англійскихъ судебныхъ порядкахъ, сообщенными другими учеными. Ср. напр. Stephen. A history of the criminal law

Полнѣ всего принципъ независимости судей выраженъ въ Англіи въ отношеніи т. наз. вестминстерскихъ судей. Это—члены высшаго суда Англіи*), раздѣляющагося на нѣсколько отдѣленій и соединяющаго въ своихъ рукахъ всю полноту юстиціи (уголовной, гражданской и административной); члены одного изъ этихъ отдѣленій (т. наз. отдѣленіе королевской скамьи, отдѣленіе съ самой обширной компетенціей) раздѣзжаютъ по всей Англіи для предсѣдательства на судахъ присяжныхъ. Вестминстерскіе судьи назначаются короной и могутъ быть уволены ею не иначе, какъ по представленію обѣихъ палатъ парламента**), т. е. законодательнымъ актомъ. Содержаніе ихъ—до 50 тысячъ рублей въ годъ (кромѣ особыхъ денегъ на раздѣзды) выплачивается изъ т. н. консолидированнаго фонда, т. е., значить, онъ не составляетъ предмета ежегоднаго обсужденія парламента въ видѣ опредѣленной статьи бюджета. По истеченіи 15 лѣтъ судья имѣетъ право выйти въ отставку съ пенсіей въ 76 тысячъ франковъ въ годъ. Они не могутъ получать отъ правительства никакихъ наградъ (и, конечно, повышеній) и занимаютъ очень высокое положеніе въ общей іерархіи должностныхъ лицъ. Для характеристики этого положенія приведу случай изъ практики. Въ Англіи шерифъ (первое лицо графства, положеніе до нѣкоторой степени аналогичное съ нашимъ губернаторомъ) обязанъ принять членовъ высшаго суда, когда они пріѣзжаютъ на сессіи для предсѣдательства на судѣ присяжныхъ, и обязанъ присутствовать на ассизахъ. Шерифъ въ Винчестерѣ—Генри Тичборнъ 6 декабря 1892 г. былъ наказанъ штрафомъ почти въ 6000 рублей за то, что не получивъ разрѣ-

of England 1888 I; Его же A general view of the criminal law of England. 1863; Auckbourn. Jurisdiction and practice of the supreme court of judicature. 1874; Foss The judges of England vol I—VIII; Mittermaier. Das englische, schottische und nordamerikanische Strafverfahren etc. 1851; V. Smith. Du tribunal de police en Angleterre. 1863; Prins. Etude comparative sur la procédure penale à Londres et en Belgique 1879; Guérin. Etude sur la procedure criminelle en Angleterre et en Ecosse. 1890; Р. Гейнде. Очеркъ англійскаго судоустройства въ связи съ судомъ присяжныхъ 1866; Glasson. Histoire du droit et des institutions politiques, civiles et judiciaires de l'Angleterre etc. vol. I—VI.

*) Организация этого суда дала основаніе Г. Мэну („Древній законъ и обычай“. 1884. стр. 144) сказать, что судебная система Англіи „представляетъ собою наиболѣе централизованную во всемъ мірѣ систему судебной администраціи“. Ср. W. Wilson. L'état etc. Traduction de J. Wilhelm. 1902. II, 92—95.

**) Ср. Blackstone's commentaries etc., 240.

шенія и не приславъ объясненія, не исполнилъ этой обязанности, т. е. не встрѣтилъ судей и не присутствовалъ на ассизахъ*).

Работа судей заключается въ ежедневномъ (кромѣ воскресеній) присутствованіи въ засѣданіяхъ отъ 10¹/₂ до 4-хъ часовъ, причемъ за вычетомъ вакаціоннаго времени на каждого судью въ годъ приходится около 200 засѣданій. Судьи не имѣютъ никакого отношенія къ подготовительной и исполнительной работѣ, а заняты исключительно чисто—судейскою работою, т. к. для всякихъ другихъ работъ и для объясненій съ просителями существуетъ прекрасно организованная канцелярія, главныя должности которой занимаютъ образованные, опытные, прекрасно оплачиваемые (до 15 тысячъ рублей въ годъ) и высоко стоящіе въ служебной іерархіи юристы.

Для того, чтобы понять всю огромную власть судей, достаточно обратить вниманіе на своеобразный англійскій институтъ *contempt of court*. Не только каждый, кто позволитъ себѣ произвести безпорядокъ въ засѣданіи, или не подчинится распоряженію суда во время засѣданія, но вообще каждый, кто напечатаетъ, или публично скажетъ что бы то ни было, показывающее по мнѣнію суда неуваженіе къ нему, наконецъ, каждый, кто не исполнитъ обращеннаго къ нему требованія суда, можетъ быть немедленно заключенъ въ тюрьму на неопредѣленное время (исторія знаетъ примѣры, когда это время опредѣлялось десятками лѣтъ, и только недавно въ парламентъ былъ внесенъ проектъ, ограничивающій срокъ заключенія нѣсколькими мѣсяцами); характерно, что король не имѣетъ права помилованія въ этихъ случаяхъ.

Всякое посягательство на личность судьи карается необычайно строго уголовнымъ закономъ. Такъ напр., убійство судьи считается государственнымъ преступленіемъ и наказывается смертью**).

Все это создаетъ для англійскихъ судей необычайно авторитетное и независимое положеніе, причемъ одновременно всѣми изслѣдователями Англій засвидѣтельствовано глубокое уваженіе

*) М. Волье. I. с. 38.

*) Stephen. A digest of the criminal law. 1894. Article 60: Every one commits high treason who slays the chancellor, or the treasurer, or the king's justices of the one bench or the other, justices in eyre or justice of assize and all other justices assigned to hear and determine being in their places doing their offices. (р. Article 61.

населенія къ судьямъ. Для иллюстраціи независимости англійскихъ судей приведу одинъ примѣръ. Лѣтъ 7—8 тому назадъ по поводу одного громкаго дѣла о выдачѣ преступника возникъ вопросъ, не обратится ли правительство (въ слѣдствіе дипломатическаго воздѣйствія) къ полицейскому суду въ Bow—Street съ просьбой поскорѣе назначить дѣло къ слушанію. „Англійскаго судью не просятъ ни о чемъ“—былъ отвѣтъ челоуѣка, хорошо знакомаго съ англійскими порядками*). А для иллюстраціи того, насколько прочно и высоко стоитъ въ Англій великій принципъ равенства всѣхъ передъ судомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на сколько высоко и авторитетно стоитъ судъ, достаточно одного факта: наслѣдникъ престола (принцъ Уэльскій) является въ качествѣ свидѣтеля въ засѣданіе полицейскаго судьи, т. е. судьи, далеко не пользующагося такою властью и престижемъ, какъ вестминстерскіе судьи**). Для полноты картины слѣдуетъ имѣть въ виду, что всякое должностное лицо, какъ бы высоко оно ни стояло, отвѣчаетъ за незаконныя дѣйствія свои (не говоря уже объ общихъ преступленіяхъ) передъ обыкновенными судами. „У насъ, говоритъ Дайси, всякій чело-

*) Жур. Мин. Юст. 1896. X. 168.

**) Впрочемъ, положеніе англійскаго полицейскаго судьи лучше положенія напр. председателя французскаго кассационнаго суда. Этотъ послѣдній получаетъ 28500 франковъ содержанія, между тѣмъ какъ лондонскіе полицейскіе судьи получаютъ по 15 тысячъ рублей (а главный секретарь полицейскаго судьи, назначаемый министромъ изъ опытныхъ юристовъ, получаетъ 6500 рублей). По поводу производства англійскими полицейскими судьями предварительныхъ слѣдствій, т. е. по поводу кажущагося совмѣщенія обязанностей судьи и слѣдователя необходимо замѣтить, что англійское предварительное слѣдствіе кромѣ названія почти не имѣетъ ничего общаго съ континентальнымъ. Въ Англій судья не принимаетъ никакого участія въ собраніи доказательствъ. Его задача заключается въ томъ, чтобы въ открытомъ судебномъ засѣданіи въ общемъ состязательномъ порядкѣ провѣрить собранныя уже доказательства противъ обвиняемаго и рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи дѣла. Если въ инкриминируемыхъ фактахъ вѣтъ состава преступления, то судья прекращаетъ дѣло и объявляетъ обвиняемаго отъ суда свободнымъ; точно также поступаетъ судья, если обвинитель не представитъ достаточныхъ доказательствъ для того, чтобы считать виновность обвиняемаго вѣроятной. Если дѣяніе составляетъ одинъ изъ подсудныхъ полицейскому суду проступковъ, судья самъ постановляетъ приговоръ по существу; и наконецъ, если представлены достаточныя доказательства по обвиненію въ преступленіи, подсудномъ ассизному суду, судья передаетъ дѣло по подсудности. Такимъ образомъ англійскій судья, производящій предварительное слѣдствіе, ни на волосъ не выступаетъ изъ чисто-судейской роли безпристрастнаго рѣшителя спора между двумя сторонами и представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ полную противоположность напр. нашему судебному слѣдователю.

вѣкъ, каково бы ни было его званіе или положеніе, подчиняется обыкновеннымъ законамъ и подлежитъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ. Въ Англіи идея равенства передъ закономъ или всеобщее подчиненіе всѣхъ классовъ одному закону, примѣняемому обыкновенными судами, проводится до послѣднихъ предѣловъ. У насъ всякое должностное лицо, начиная отъ перваго министра и кончая послѣднимъ констэблемъ или сборщикомъ податей, подлежитъ такой же отвѣтственности за поступокъ, не оправдываемый закономъ. Въ судебныхъ отчетахъ есть масса дѣлъ о чиновникахъ, которые привлекались къ суду и подвергались къ качествѣ должностныхъ лицъ наказаніямъ или уплатѣ издержекъ за поступки, совершенные при исполненіи служебныхъ обязанностей, но превышающіе ихъ законную власть“ *). Поэтому, если бы министръ внутреннихъ дѣлъ арестовалъ незаконно кого-нибудь, то административный характеръ ареста, политическія соображенія, положеніе министра, не оправдали бы его передъ судомъ, также какъ и полицейскихъ, исполнявшихъ приказъ министра **).

*) l. c. 145.

**) *ibid.*, 212

ГЛАВА III.

Перейдемъ теперь къ вопросу о надзорѣ за дѣятельностью судей.

Изъ принципа государственности суда слѣдуетъ, какъ мы видѣли раньше, что судебная власть, какъ власть подзаконная, подлежитъ контролю верховной власти. Очевидно, что верховная власть должна имѣть возможность слѣдить за тѣмъ, чтобы судьи не уклонялись отъ своей роли—быть охранителями изданныхъ верховною властью законовъ, и чтобы дѣятельность судовъ не клонилась бы къ разрушенію государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ верховная власть должна имѣть возможность слѣдить за тѣмъ, чтобы судьи стояли на высотѣ своей задачи.

Несмѣняемость и независимость судей отъ правительства вовсе не означаетъ неотвѣтственности ихъ. Само собою разумѣется, что за общія преступленія судья подлежитъ отвѣтственности на общемъ основаніи, какъ и всякій гражданинъ. Точно также за нарушеніе частныхъ обязательствъ къ судѣ можетъ быть предъявленъ гражданскій искъ также на общемъ основаніи.

Здѣсь можетъ идти рѣчь лишь объ отвѣтственности судей за нарушеніе своего служебнаго долга. Отвѣтственность эта можетъ быть двоякаго рода: уголовная и дисциплинарная. Само собою разумѣется, что если отъ нарушенія служебнаго долга частное лицо потерпитъ вредъ или убытки, то оно имѣетъ право требовать возмѣщенія ихъ отъ судьи. Но эта—гражданская—отвѣтственность судей имѣетъ дополнительный характеръ и обусловлена вышеупомянутой уголовной и дисциплинарной отвѣтственностью.

Что касается указанныхъ двухъ родовъ отвѣтственности, то вопросъ объ уголовной отвѣтственности судей не представ-

ляетъ особыхъ затрудненій. Если судья взялъ взятку за рѣшеніе дѣла въ опредѣленномъ смыслѣ, если онъ совершилъ подлогъ въ судебныхъ актахъ и т. п., то очевидно, что привлеченіе его къ отвѣтственности совершается на основаніи общихъ правилъ о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности всѣхъ вообще должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ. Дѣлать для судей изъятія изъ общаго порядка нѣтъ никакихъ основаній. Впрочемъ, одно изъятіе должно быть установлено, какъ *privilegium odiosum*: цѣлый рядъ преступленій долженъ быть обложенъ болѣе строгими наказаніями, если эти преступленія совершены судьей. Кому много дано, съ того много взыщется.

Иначе ставится вопросъ о дисциплинарной отвѣтственности судей. Здѣсь сталкиваются два принципа: съ одной стороны указанная выше необходимость надзора за дѣятельностью судей, а съ другой—принципъ независимости судьи, принципъ рѣзко отличающій судью отъ чиновника и не допускающій ни іерархическаго подчиненія судьи, ни чьего бы то ни было вмѣшательства въ сферу судейскаго убѣжденія.

При разрѣшеніи вопроса о примиреніи этихъ принциповъ необходимо принять за руководящее правило, что въ случаѣ коллизіи всякое сомнѣніе должно толковаться въ пользу втораго принципа. Гораздо лучше примириться съ нѣкоторыми неудобными сторонами „неуязвимости“ судей, чѣмъ стать на скользкій путь, ведущій къ поглощенію понятія судьи понятіемъ чиновника.

Ничего нѣтъ легче опутать судью сѣтью циркулярныхъ распоряженій, регламентировать каждый шагъ его дѣятельности и установить самый строгій и мелочной контроль надъ этою дѣятельностью. Но не надо забывать, что такой порядокъ неизбежно ведетъ къ бумажной дѣятельности, къ господству формалистики, къ отсутствію столь необходимой для судьи личной инициативы и энергіи. Наконецъ, не надо забывать, что такой порядокъ неизбежно долженъ развить и систему единоличнаго надзора за судьями, а значитъ рано или поздно привести къ тому, что если не юридически, то фактически судьи будутъ подчинены начальникамъ, могущимъ проявлять надъ ними свою власть въ ущербъ самостоятельности и достоинству судей.

Анализируя вопросъ о дисциплинарной отвѣтственности судей, мы замѣчаемъ, что онъ раздѣляется на два главные вопроса: 1) вопросъ объ органахъ надзора и 2) вопросъ объ объемѣ надзора.

Кому должна принадлежать власть привлекать судей къ дисциплинарной отвѣтственности?

При разрѣшеніи этого вопроса необходимо имѣть въ виду коренное различіе между судьей, не могущимъ имѣть надъ собою никакого іерархическаго начальника, и чиновникомъ, немислимымъ безъ такого подчиненія. Отсюда вытекаетъ требованіе: свести единоличный надзоръ къ возможному минимуму, причемъ этотъ минимумъ поставить въ такія условія, которыя дѣлали бы невозможнымъ превращеніе надзирающаго лица въ начальника надъ судьями.

Надзирающими лицами могутъ быть: а) предсѣдатель, б) прокуроры судебныхъ мѣстъ и с) министръ юстиціи.

а) Что касается предсѣдателей, то очевидно, что на обязанности ихъ должно лежать наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ въ судѣ во всѣхъ отношеніяхъ и за правильнымъ ходомъ всего дѣла. По отношенію къ чинамъ канцеляріи, судебнымъ приставамъ и т. п. у предсѣдателей должна быть и дисциплинарная власть, такъ какъ по отношенію къ этимъ лицамъ предсѣдатель является начальникомъ и долженъ быть вооруженъ средствами для немедленнаго возстановленія нарушеннаго порядка и поддержанія своего престижа.

Съ діаметрально противоположнымъ характеромъ является предсѣдатель по отношенію къ судьямъ. Здѣсь онъ лишь *primus inter pares*. Единственно умѣстной формой личнаго воздѣйствія могутъ быть только неофициальныя товарищескія напоминанія и предостереженія, а единственной формой официального воздѣйствія—предложеніе дѣйствій судьи на обсужденіе общаго собранія членовъ суда, отъ котораго и можетъ зависеть возбужденіе дисциплинарнаго преслѣдованія противъ судьи. И лишь въ случаѣ разногласія предсѣдателя и большинства членовъ суда можетъ возникнуть вопросъ о цѣлесообразности предоставленія предсѣдателю права официально сообщить объ этомъ разногласіи министру.

Думается мнѣ, что этотъ послѣдній вопросъ можетъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ: при существованіи всѣхъ защищаемыхъ мною гарантій,—достоинство и самостоятельность судьи нисколько не пострадаютъ отъ такого рода сообщеній. А между тѣмъ могутъ быть случаи, когда нарушеніе судьей служебнаго долга требуетъ извѣстнаго воздѣйствія не смотря на мнѣніе большинства его ближайшихъ товарищей.

Для того, чтобы еще болѣе гарантировать невозможность претворенія предсѣдателя въ начальника надъ судьями и лишить надзоръ предсѣдателя всѣхъ его темныхъ сторонъ, необходимо 1) чтобы предсѣдатели и збирались на короткіе сроки самими членами данной судебной коллегіи, 2) чтобы предсѣдатели не имѣли права аттестаций по отношенію къ судьямъ (это—логическое слѣдствіе принципа ненаграждаемости судей и невозможности для нихъ никакихъ повышеній) и 3) чтобы предсѣдатели не имѣли никакихъ служебныхъ преимуществъ и отличій сравнительно съ судьями (кромѣ обусловливаемыхъ необходимостью). Только при такомъ порядкѣ предсѣдатель дѣйствительно будетъ *primus inter pares* и его надзоръ будетъ имѣть только хорошіе результаты. Такой порядокъ еще болѣе будетъ способствовать поднятію авторитета и независимости суда и его автономіи; наконецъ, такой порядокъ послужитъ къ укрѣпленію въ судьяхъ сознанія своего долга *)—къ выработкѣ традицій корпоративной чести и устранить опасность для самихъ предсѣдателей опьяненія властью.

б) Надзоръ со стороны прокуроровъ, если и можетъ имѣть мѣсто, то въ самыхъ скромныхъ формахъ: сообщенія по принадлежности о неправильныхъ дѣйствіяхъ. Всякое разширеніе власти прокуроровъ въ смыслѣ надзора за судьями необходимо признать очень опаснымъ симптомомъ, свидѣтельствующимъ о стремленіи усилить вліяніе судебной администраціи на судъ. Задачей прокуратуры должно быть преслѣдованіе и изобличеніе передъ судомъ преступленій, а также—быть представителемъ правительства при судахъ. Совершенно ложной является теорія, по которой прокуратура есть представитель и истолкователь закона на судѣ: судъ самъ есть первый и главный охранитель и

*) А. Приякъ („Преступность и репрессія“, 1898. Стр. III) справедливо замѣчаетъ, что по мѣрѣ возрастанія авторитета чувство долга въ судѣ увеличивается.

истолкователь закона; надзоръ прокуратуры въ этомъ отношеніи поставилъ бы судъ въ ложное положеніе. Поэтому ненормальнымъ является участіе прокуратуры въ распорядительныхъ засѣданіяхъ и общихъ собраніяхъ судовъ, дача „заключеній“ по возникающимъ въ процесѣ вопросамъ и т. п. И уже во всякомъ случаѣ весьма печально, если прокуратура можетъ оказывать вліяніе на назначеніе или увольненіе судей, если она сообщаетъ періодически аттестаціи о судьяхъ, можетъ сама предлагать судамъ на обсужденіе въ порядкѣ надзора дѣйствія судей и т. п. Поставленная въ надлежащія границы (по отношенію къ суду она: сторона и только сторона), прокуратура можетъ быть въ высшей степени полезной культурной силой; выйдя изъ этихъ границъ, прокуратура легко можетъ превратиться въ орудіе произвола и заслужить общую антипатію.

е) Министръ юстиціи есть съ одной стороны глава судебной администраціи, а съ другой—высшій начальникъ прокуратуры. И никоимъ образомъ онъ не является начальникомъ по отношенію къ судьямъ: это противорѣчило бы принципу, по которому судья не можетъ быть поставленъ въ отношенія личной зависимости*). Министръ юстиціи есть представитель правительства. Если бы сдѣлать его начальникомъ надъ судьями, то изъ такого положенія вытекала бы полная возможность для правительства вліять на составъ лицъ, которымъ ввѣряется судебная власть и направлять ихъ дѣятельность въ опредѣленномъ смыслѣ. А между тѣмъ судъ только тогда заслуживаетъ этого имени, когда онъ независимъ отъ правительства и свободенъ отъ всякихъ вліяній. Только тогда онъ въ своей дѣятельности можетъ руководствоваться однимъ лишь закономъ, а не временными теченіями политики.

Отсюда слѣдуетъ, что надзоръ министра юстиціи не можетъ принципиально отличаться отъ остальныхъ видовъ единоличнаго надзора. Но въ виду особаго положенія министра и въ виду необходимости считаться какъ съ этимъ положеніемъ, такъ и съ интересами правительства, представляется цѣлесообразнымъ нѣсколько расширить права министра юстиціи въ сферѣ надзора сравнительно съ правами предсѣдателей судебныхъ мѣстъ.

*) „Dans l'ordre judiciaire, il n'y a ni superieur ni inferieur; il faut donc effacer dans la loi qui l'organise et ces mots blessants et les dispositions qui y correspondent“. I Favre. Réforme judiciaire. 54.

Такое расширение могло бы выразиться слѣдующимъ образомъ: 1) предоставленіе министру права дѣлать судьямъ напоминанія и указанія, 2) предоставленіе министру права требовать объясненій отъ судей; 3) предоставленіе министру права требовать личной явки судей для объясненій и 4) предоставленіе министру права возбуждать дисциплинарное производство *).

Это расширение правъ министра юстиціи не можетъ угрожать независимости судей, т. к., повторяю, принципиально надзоръ министра не отличается отъ надзора предсѣдателя суда: министръ не имѣетъ права наложить на судью даже самаго легкаго дисциплинарнаго взысканія, хотя бы въ видѣ предостереженія. „Напоминанія и указанія“ представляютъ собою лишь совѣты и выраженія личнаго мнѣнія министра и отличаются отъ упоминаемыхъ выше неофициальныхъ напоминаній предсѣдателя лишь свимъ официальнымъ характеромъ. Фактъ требованія такимъ высокопоставленнымъ лицомъ, какъ министръ юстиціи, объясненій отъ судьи ни въ чемъ не можетъ умалить достоинства судьи. Необходимо лишь установить въ законѣ, чтобы форма такихъ требованій не носила бы характера начальническихъ предписаній. Вообще по отношенію къ судьямъ форма приказовъ, предписаній и т. п. совершенно неумѣстна. Точно также и личная явка для объясненій не можетъ принести никакого ущерба достоинству и интересамъ судьи: а) должны существовать гарантіи исполнѣнн вѣжливаго и корректнаго отношенія къ судьямъ со стороны министерства, б) поѣздка не должна причинять судьямъ матеріальныхъ неудобствъ и всѣ расходы должны быть отнесены на счетъ казны, в) личныя объясненія гораздо лучше могутъ устранить всѣ недоразумѣнія и предотвратить возбужденіе дисциплинарнаго производства и д) явка судьи къ министру должна зависѣть отъ желанія судьи и не можетъ быть сдѣлана обязательной.—Наконецъ, право министра возбуждать дисциплинарное производство не можетъ быть опаснымъ для независимости судей потому, что рѣшеніе вопроса о виновности судьи зависитъ уже не отъ министра, а отъ коллегіальнаго судебного мѣста.

*) Предсѣдателямъ такого права, какъ мы видѣли, предоставлено быть не можетъ; имъ должно принадлежать только право почива; право возбужденія дисциплинарнаго производства зависитъ отъ коллегіи.

Такимъ образомъ единоличный надзоръ, поставленный въ указанныя границы, сводится въ концѣ концовъ къ возбужденію противъ судьи дисциплинарнаго производства и не имѣетъ самостоятельнаго характера. Основнымъ, нормальнымъ органомъ надзора является судебная коллегія: только она можетъ подвергать судей дисциплинарнымъ взысканіямъ, давать имъ указанія и разъясненія и отмѣнять несогласныя съ закономъ распоряженія.

Объединеніе всего надзора за дѣятельностью судовъ и судей и окончательная санкція всѣхъ принятыхъ въ порядкѣ надзора мѣръ должны сосредоточиваться въ рукахъ единого для всего государства кассационнаго суда, который по своему положенію, организациіи и условіямъ дѣятельности долженъ обладать величайшею независимостью и авторитетомъ, служить высшимъ охранителемъ законности, достоинства судебной власти и интересовъ правосудія.

Единство кассационнаго суда, объединяющаго всю судебную дѣятельность государства, является столь важнымъ условіемъ успѣшнаго отправленія правосудія, что должно считаться однимъ изъ основныхъ принциповъ судоустройства. Такое единство съ одной стороны обезпечиваетъ доброкачественность, устойчивость и единство судебной практики, а съ другой—обезпечиваетъ независимость суда. Но, конечно, для того, чтобы кассационный судъ стоялъ на высотѣ своей задачи, надо создать надлежащія гарантіи въ организациіи этого чрезвычайно важнаго судилища. Эти гарантіи должны сдѣлать то, чтобы качества независимости, знанія, опыта, авторитетности и т. д., необходимыя для каждаго суда, достигали бы въ кассационномъ судѣ своего апогея. Члены кассационнаго суда должны быть поставлены внѣ всякаго, хотя бы только косвеннаго или отдаленнаго, вліянія со стороны правительства вообще и министра юстиціи въ частности. Выборы въ члены кассационнаго суда надо организовать такимъ образомъ, чтобы туда получили доступъ только лучшія юридическія силы страны, люди, обладающіе въ наивысшей степени всѣми качествами, требуемыми наукой отъ судьи. Кромѣ судебныхъ практиковъ въ члены кассационнаго суда необходимо привлекать и ученыхъ юристовъ: участіе ихъ отразится самымъ благотворнымъ образомъ на разработкѣ кассационнымъ судомъ вопросовъ права и придастъ кассационнымъ рѣшеніямъ большій авторитетъ. Для поднятія внутренней цѣн-

ности кассационныхъ рѣшеній необходимо поставить членовъ верховнаго судилища въ наиболѣе благоприятныя условія, необходимо устранить возможность рѣшенія дѣла на основаніи доклада одного члена при пассивномъ отношеніи остальныхъ, необходимо обезпечить полную возможность для каждаго члена кассационнаго суда работать вдумчиво, не торопливо, съ интересомъ и любовью. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій для достиженія такого результата является достаточное количество членовъ кассационнаго суда; важно также, чтобы въ каждое изъ трехъ отдѣленій (департаментовъ) кассационнаго суда—уголовное, гражданское и административное—назначались лица, специализировавшіеся въ данной области права. Тогда кассационной судъ будетъ дѣйствительно, по выраженію проф. Jousserandot, „une assemblée des savants, aréopage qui plane dans la sérénité de la science juridique sur toute la surface du territoire“ *).

Важнымъ вопросомъ является вопросъ о томъ, какимъ взысканіямъ могутъ быть подвергаемы судьи въ дисциплинарномъ порядкѣ?

При разрѣшеніи этого вопроса необходимо имѣть въ виду слѣдующее: 1) Дисциплинарныя взысканія весьма близко соприкасаются съ наказаніемъ, этимъ крайнимъ средствомъ охраны правопорядка, для гарантій противъ злоупотребленій которымъ и установленъ судъ **).

2) Дисциплинарное производство никоимъ образомъ не можетъ дать тѣхъ гарантій правосудія, какія представляетъ собою судебное разбирательство, построенное по обвинительному типу, (напр., дисциплинарное производство обыкновенно бываетъ непублично, недопускаетъ формальной защиты, разбирательство не подчинено твердымъ процессуальнымъ нормамъ и т. д.).

Вотъ почему, если вообще для всѣхъ должностныхъ лицъ необходимо создать гарантіи противъ злоупотребленія дисциплинарными взысканіями, (т. к. многія изъ существующихъ дисципли-

*) Du pouvoir judiciaire etc., 156—157.

*) Въ наукѣ существуетъ мнѣніе, раздѣляемое весьма авторитетными учеными, что между дисциплинарной и уголовной отвѣтственностью нѣтъ принципиальной разницы. См. напр. G e o r g M e y e r. Lehrbuch d. deutsch. Staatsrechts 1895. § 453, 454.

линарныхъ взысканій представляютъ собою весьма тяжкія наказанія), то тѣмъ болѣе представляется это необходимымъ по отношенію къ судьямъ, независимости которыхъ угрожала бы очень серьезная опасность отъ расширенія сферы дисциплинарныхъ взысканій.

Поэтому необходимо ограничить эту сферу до минимума и постановить, что судьи въ дисциплинарномъ порядкѣ могутъ быть подвергаемы только легчайшимъ взысканіямъ (напр. предостереженіямъ, замѣчаніямъ).

Практика континентальныхъ государствъ знаетъ самыя рѣзкія отступленія отъ изложенныхъ принциповъ. Напр., во Франціи *) единоличный надзоръ предсѣдателей, прокуроровъ и министра юстиціи поставленъ очень широко, причемъ, напр. министру предоставлено право дѣлать выговоръ даже членамъ кассационнаго суда **). Въ Австріи ***) и въ Пруссіи предсѣдателямъ предоставлено право дѣлать судьямъ предостереженія и выговоры, а въ числѣ дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ коллегіями, мы видимъ такія мѣры, какъ лишенія содержанія на нѣсколько мѣсяцевъ и исключеніе изъ службы.

Едва ли нужно доказывать, что исключеніе изъ службы въ дисциплинарномъ порядкѣ представляетъ собою самое рѣзкое нарушеніе принципа несмѣняемости судей. Какъ мы видѣли, этотъ принципъ заключается не только въ томъ, что судья не можетъ быть уволенъ тою властью, которая его назначила, но—и это самое важное—и въ томъ, что судья можетъ быть уволенъ только по приговору суда. Но очевидно, далеко не одно и то же—приговоръ уголовного суда, постановленный съ соблюденіемъ всѣхъ процессуальныхъ гарантій, и опредѣленіе дисциплинарнаго суда. Могутъ возразить, что для преданія уголовному суду необходимо предъявить точно сформулированное и обоснованное обвиненіе по какой-нибудь изъ статей карательнаго кодекса, а между тѣмъ, перечневая система нарушенія служебныхъ обязанностей не можетъ охватить всѣхъ случаевъ жизни. Судья можетъ не совершить ни одного

*) Cp. Morin De la discipline des cours et tribunaux, du barreau et des corporations d'officiers publics. 1869.

**) Garsonnet. l. c., I. 248.

***) Cp. Kaserer. Handbuch d. öster. Justiz-Verwalt.

изъ перечисленныхъ въ уголовномъ кодексѣ преступлений, можетъ съ формальной стороны исполнять свои обязанности удовлетворительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ поведеніемъ до такой степени дискредитировать себя передъ обществомъ, что оставленіе его на судейскомъ креслѣ представляло бы явную опасность для достоинства и авторитета судебной власти. Вотъ въ такихъ случаяхъ дисциплинарное производство съ его отсутствіемъ строгаго формализма могло бы принести пользу.

Такія разсужденія при ближайшемъ разсмотрѣніи не могутъ выдержать критики. Возраженія противъ перечневой системы дисциплинарныхъ проступковъ могутъ быть убѣдительными до нѣкоторой степени лишь по отношенію къ такимъ проступкамъ, которые обложены самыми незначительными взысканіями. Что же касается болѣе или менѣе серьезныхъ взысканій, то въ виду того, что эти взысканія ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ наказанія вообще и тяжело отзываются на правахъ и интересахъ личности,—необходимо подчинить ихъ великому принципу *nullum crimen, nulla poena sine lege*. Иначе открывается слишкомъ обширное поле для произвола, который становится тѣмъ болѣе опаснымъ и невыносимымъ, чѣмъ меньше ограждена частная жизнь должностнаго лица отъ вмѣшательства дисциплинарной власти.

И, конечно, по отношенію къ судьямъ (а въ особенности что касается отрѣшенія отъ должности) безусловно необходимо точно опредѣлить въ уголовномъ законѣ ту „диспозицію“, санкціей которой служить столь серьезная и изъ ряда выходящая мѣра, какъ отрѣшеніе отъ должности судьи. А логическимъ слѣдствіемъ изъ только что сказаннаго является требованіе, чтобы эта санкція осуществлялась единственно и исключительно въ порядкѣ уголовного суда, а не дисциплинарнаго.

Кому много дано, съ того много взыщется. Должность судьи принадлежитъ къ числу наиболѣе обязывающихъ человѣка должностей. Судъ только тогда будетъ пользоваться у населенія уваженіемъ, когда служители правосудія не будутъ сами ронять достоинства суда.

Ни высокое служебное положеніе судьи, ни его независимость отъ правительства, ни обширность предоставленной ему власти, ни усиленная охрана его престижа отъ посягательствъ недовольныхъ лицъ,—все это не спасетъ достоинства

судьи въ глазахъ окружающаго населенія, если этотъ судья, напр., будетъ систематически участвовать въ ночныхъ дебошахъ „широкихъ натуръ,“ если его будутъ поднимать пьянаго на улицѣ, если онъ будетъ замѣченъ въ шуллерствѣ, будетъ систематически соблазнять женщинъ и т. п.

Вотъ почему дисциплинарный надзоръ долженъ касаться не только одной чисто-служебной дѣятельности судьи, но и его частной жизни. Но тутъ возникаетъ величайшая опасность стѣсненія личной свободы. Чрезвычайная эластичность и растяжимость общихъ выраженій „поведеніе, роняющее достоинство судьи,“ „поведеніе, не соотвѣтствующее и т. д.“—легко можетъ привести къ произволу надзирающихъ органовъ, къ признанію „несоотвѣтствующимъ“ званію судьи, напр., публичнаго исполненія въ концертѣ Бетховенской сонаты, занятія театральною критикой, сожителства съ женщиной не въ формѣ официальнаго брака, нежеланія придерживаться общепринятаго режима жизни, участія въ банкетѣ и произнесенія рѣчи съ пожеланіями извѣстныхъ реформъ и т. д.

Представляется такимъ образомъ въ высшей степени необходимымъ создать прочныя гарантіи, обезпечивающія судью свободу дѣйствій. Такими гарантіями могутъ быть: 1) указаніе въ законѣ на общій характеръ поступковъ, „несоотвѣтствующихъ достоинству судьи“ (съ примѣрнымъ перечисленіемъ нѣкоторыхъ); 2) уголовное *) преслѣдованіе (т. е. могущее влечь за собою карательныя мѣры строже предостереженія или замѣчанія) противъ судьи за совершеніе такихъ поступковъ можетъ имѣть мѣсто лишь послѣ нѣсколькихъ дисциплинарныхъ взысканій, т. е. послѣ того, какъ судья обнаружилъ упорное нежеланіе измѣнить свое поведеніе, не смотря на неоднократное формальное порицаніе таковаго авторитетной коллегіей; 3) высшей карательной мѣрой можетъ быть переводъ судьи въ другую мѣстность, и только, если онъ и на новомъ мѣстѣ станетъ вести себя по прежнему, онъ можетъ быть удаленъ отъ должности по вступившему въ законную силу приговору уголовного суда.

*) Соответственная статья уголовного кодекса (въ раздѣлѣ служебныхъ проступковъ) должна быть редактирована такъ, чтобы въ ней заключалось 1) указаніе на характеръ „несоотвѣтствующихъ“ поступковъ и 2) указаніе на необходимость предварительнаго неоднократнаго осужденія дисциплинарнымъ судомъ за эти поступки въ теченіи опредѣленнаго срока.

Гораздо шире является дисциплинарная отвѣтственность судей за дѣйствія по службѣ.

Здѣсь надо различать формальную и матеріальную стороны служебныхъ дѣйствій. Первая сторона и является нормальнымъ, основнымъ объектомъ дисциплинарнаго воздѣйствія. Медленность, систематическое опаздываніе въ засѣданія, пропуски таковыхъ, грубое обращеніе съ участвующими въ дѣлѣ лицами, нарушеніе благочинія въ засѣданіяхъ, неисполненіе правилъ дѣлопроизводства и т. п. *) — все это можетъ вредно отзываться на дѣятельности суда; но съ другой стороны все это можетъ влечь за собою уголовную отвѣтственность судьи (т. е. наказаніе строже предостереженія или замѣчанія) лишь послѣ оставшихся безрезультатными нѣсколькихъ дисциплинарныхъ взысканій въ теченіи опредѣленнаго срока. Опять таки и здѣсь могутъ быть случаи, когда судья обнаруживаетъ систематическое сознательно-небрежное отношеніе къ дѣлу, не смотря на осужденіе его и въ уголовномъ порядкѣ. Послѣдствіемъ такого поведенія можетъ быть болѣе строгое наказаніе при вторичномъ осужденіи, затѣмъ въ особенно рѣзкихъ случаяхъ — переводъ въ другую мѣстность и наконецъ — удаленіе отъ должности. Принципъ несмѣняемости при такомъ порядкѣ остается неприкосновеннымъ: удаленіе отъ должности 1) по приговору уголовного суда, 2) послѣ нѣсколькихъ осужденій въ уголовномъ порядкѣ за сознательно-небрежное отношеніе къ дѣлу совершенно гарантируетъ судью отъ произвола, отъ чисто-формалистическихъ придирокъ, отъ ухудшенія его положенія за несущественныя упущенія. Вмеѣстѣ съ тѣмъ этотъ порядокъ дастъ возможность освободить судейское кресло отъ такого судьи, который ничего не хочетъ дѣлать и мѣшаетъ работать другимъ.

Наконецъ, по отношенію къ матеріальнымъ судейскимъ функціямъ дисциплинарная отвѣтственность должна быть допускаема лишь въ видѣ весьма рѣдкаго исключенія. Сфера толкованія и примѣненія закона и оцѣнки представленныхъ

*) Г. Фойницкій (I. с., I, 263) въ числѣ формальныхъ проступковъ судьи называетъ „нарушеніе долга подчиненности“. Рѣшительно непонятно, въ чемъ этотъ „долгъ“ можетъ заключаться у судьи и какъ примирить такое положеніе г. Фойницкаго съ неоднократно высказаннымъ имъ совершенно правильнымъ воззрѣніемъ, что судья не можетъ имѣть надъ собою никакого начальника?

доказательствъ есть *sancta sanctorum* судьи, *есть именно та сфера, для огражденія которой отъ чьихъ бы то ни было вліяній и существуютъ всѣ гарантіи независимости судьи*. Проф. Куплеваскій, разсматривая вопросъ о дисциплинарной отвѣтственности не судей, а чиновниковъ, говорить: „Нельзя наказывать чиновника только за то, что онъ сдѣлалъ неправильное толкованіе: здѣсь поводъ только для обжалованія даннаго дѣйствія чиновника высшей власти и для отмѣны этою высшею властью неправильно принятыхъ мѣръ—словомъ, здѣсь поводъ только для административной юстиціи. Нельзя подвергать отвѣтственности чиновника за добросовѣстное, хотя и неправильное толкованіе закона. Если для кого—либо отъ этого произошелъ имущественный вредъ, то вредъ этотъ долженъ быть возмѣщенъ не чиновникомъ, а государствомъ, если только чиновникъ дѣйствовалъ вполне добросовѣстно“ *).

Если это вполне справедливо относительно чиновниковъ, то а fortiori это справедливо относительно судей. Независимость судьи превратилась бы въ пустой звукъ, если бы органъ надзора имѣлъ бы право требовать у судьи объясненій по поводу его приговоровъ, по поводу того или иного пониманія закона и т. д.

При такомъ порядкѣ можно дойти до самыхъ печальныхъ явленій произвола. Напр., органъ надзора, думающій, что необходимая оборона противъ должностныхъ лицъ не допускается, ставить судѣ въ вину его противоположную съ такимъ мнѣніемъ практику; органъ надзора, проникнутый принципомъ поддержанія престижа власти, ставить судѣ въ вину признаніе имъ незаконнымъ распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, или признаніе не заслуживающимъ довѣрія свидѣтельскаго показанія высокопоставленнаго лица и т. п.

Только въ случаяхъ явного грубого извращенія смысла для всѣхъ совершенно яснаго закона можетъ идти рѣчь о дисциплинарной отвѣтственности судьи. Напр., законъ точно и опредѣленно говоритъ, что за такой—то проступокъ обвиняемый подвергается аресту не ниже одного мѣсяца, а судья приговариваетъ къ аресту на одну недѣлю; судья постановляетъ обвинительный приговоръ, не вызвавъ обвиняемаго; судья подвергаетъ обвиняемаго наказанію за „мошенничество“, выразившееся въ

*) Жур. Мин. Юст. 1898. X, 12.

томъ, что обвиняемый купилъ у обвинителя часы, обѣщая уплатить деньги на другой день, а между тѣмъ обѣщанія этого не исполнилъ и т. п.

Въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть возбуждено дисциплинарное преслѣдованіе. И если судья въ теченіи опредѣленнаго срока подвергался многимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ за такіе проступки, то представляется цѣлесообразнымъ привлеченіе его къ уголовной отвѣтственности: выговоръ, объявленный уголовной судомъ, можетъ заставить судью подтянуться и заняться изученіемъ законовъ.

Но кромѣ указанныхъ рѣзкихъ случаевъ дисциплинарное вмѣшательство въ матеріальную сторону судейской дѣятельности не можетъ быть допускаемо. Тутъ всякое сомнѣніе толкуется въ пользу судьи. Для исправленія возможныхъ ошибокъ дѣло можетъ быть перенесено заинтересованной стороною въ высшую инстанцію, и такимъ образомъ *матеріальная сторона судейской дѣятельности подлежитъ контролю въ порядкѣ инстанцій, а не въ порядкѣ надзора*. Высшимъ органомъ такого контроля является кассационный судъ, которому можетъ быть предоставлено право въ случаѣ замѣченныхъ упущеній, свидѣтельствующихъ о небрежномъ отношеніи суда къ своимъ обязанностямъ, одновременно съ отмѣной рѣшенія объявлять суду замѣчанія (если такая мѣра будетъ признана необходимой единогласно всѣмъ составомъ разсматривавшихъ дѣло кассационныхъ судей) Само собою разумѣется, что такія замѣчанія, какъ состоявшіяся не въ порядкѣ дисциплинарнаго суда, не могутъ влечь за собою и никакихъ послѣдствій: ихъ эффектъ—чисто моральный. И чѣмъ авторитетнѣе стоитъ кассационный судъ, чѣмъ убѣдительнѣе онъ доказалъ несостоятельность отмѣненнаго рѣшенія, тѣмъ больше цѣнности во всѣхъ отношеніяхъ можетъ имѣть объявленіе замѣчанія.

Но во всякомъ случаѣ даже кассационный судъ, отмѣняя рѣшеніе низшаго суда, не имѣетъ права приказать ему на будущее время понимать извѣстный законъ въ какомъ нибудь опредѣленномъ смыслѣ. Рѣшенія кассационнаго суда должны имѣть авторитетъ въ силу ихъ внутренней цѣнности, а не въ силу власти*). И всего печальнѣе, если кассационный судъ обна-

*) Въ высшей степени цѣлесообразенъ французскій порядокъ, по которому низшій судъ, получивъ дѣло для новаго разсмотрѣнія, можетъ не подчиниться юридическимъ

руживааетъ тенденцію сдѣлать свои толкованія законовъ обязательными для судей на будущее время: 1) такая тенденція самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчитъ понятію судебного рѣшенія, какъ акта государственной власти, относящемуся лишь къ конкретному случаю и 2) она такъ же противорѣчитъ принципу независимости судьи, т. к. въ сферу судейскаго убѣжденія и пониманія закона судьей не имѣетъ права вмѣшиваться не только кассационный судъ, но даже монархъ, именемъ котораго судья отправляетъ правосудіе *).

указаніямъ кассационнаго суда; если дѣло опять понадеетъ въ кассационный судъ, оно разсматривается въ усиленномъ составѣ съ большими гарантіями: только тогда указанія кассационнаго суда становятся обязательными для низшаго суда, но только по данному дѣлу, ни въ чемъ не связывая свободы судовъ въ толкованіи законовъ на будущее время

*) Однимъ изъ лучшихъ способовъ надзора за дѣятельностью судей служить надзоръ общества, выражающійся въ публичности засѣданій и въ обсужденіи судебной дѣятельности свободной періодической прессой. Вотъ почему представляется столь нежелательнымъ ограниченіе публичности засѣданій во имя ложно понятаго начала огражденія достоинства власти и т. п. Такое ограниченіе свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что интересы правосудія отступаютъ для правительства на второй планъ и приносятся въ жертву временнымъ теченіямъ политики. Конечно, такой порядокъ возможенъ только при отсутствіи надлежащихъ гарантій независимости суда. — Нельзя еще разъ не отмѣтить чрезвычайной важности (въ смыслѣ контроля надъ дѣятельностью судей) существованія при судахъ организованной, свободной и независимой адвокатуры, стоящей на высотѣ своей задачи.

ГЛАВА IV.

Мы рассмотрѣли главныя условія, содѣйствующія великой цѣли—имѣть независимыхъ судей. Но всѣ эти условія представляютъ собою лишь внѣшнія гарантіи. Для того, чтобы „власть столь страшная“ (Монтескье) не была бы употребляема во зло носителями ея, для того, чтобы независимый судья не сдѣлался тормазомъ прогресса, необходимо, чтобы къ гарантіямъ, обезпечивающимъ судѣ полную возможность произносить свои приговоры, руководствуясь исключительно своими знаніями и совѣстью, присоединились бы гарантіи, обезпечивающія доброту и качество приговоровъ, обезпечивающія наличность у судьи необходимыхъ внутреннихъ условій *).

Прекрасно замѣчаетъ Стивенъ: „The judge's position is thus one of great delicacy, and it is not, I think, too much to say, that to discharge the duties, which it involves as well, as they are capable of been discharged, demands the strenuous use of uncommon faculties, both intellectual and moral **).

Всѣ эти условія можно раздѣлить на три группы: 1) нравственныя качества 2) знанія и 3) опытъ.

Первая группа не можетъ возбуждать сомнѣній и не нуждается въ подробномъ разсмотрѣніи. Очевидно, что судейское кресло можетъ занимать только человѣкъ безукоризненной честности и высокой нравственности, проникнутый сознаніемъ всего величія служенія идеалу правды и справедливости. Выборъ такихъ именно лицъ долженъ составлять предметъ особой заботливости правительства и содѣйствующихъ имъ общественныхъ силъ. Выше

*) Внѣшнія условія, обезпечивающія доброту и качество приговоровъ, суть обряды и формы судопроизводства.

***) History of the criminal law of England. I, 455.

я говорилъ о необходимости системы представленій, исходящихъ изъ особыхъ избирательныхъ комиссій. Для гарантій избранія доброкачественныхъ кандидатовъ необходимо имена ихъ публиковать заблаговременно во всеобщее свѣдѣніе, чтобы каждый имѣлъ возможность представить возраженія противъ избранія недостойнаго по его мнѣнію кандидата. Само собою разумѣется, что напр. осужденіе уголовнымъ судомъ за преступленіе, свидѣтельствуемое о низкомъ уровнѣ нравственности обвиненнаго, навсегда должно лишать его права быть судьей. Точно также человекъ, содержавшій домъ терпимости, или занимавшійся шпионствомъ, не можетъ надѣяться даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ занять судейское кресло.

Самой важной является вторая группа условій, а именно—обладаніе необходимыми знаніями, т. е. главнымъ образомъ обладаніе на учной подготовкой.

Вопросъ этотъ необходимо рассмотретьъ подробно, т. к. по справедливому замѣчанію В. П. Безобразова „смута понятій, надвинувшаяся съ разныхъ сторонъ на европейское человѣчество передъ зарею XX вѣка, какъ будто угрожаетъ омраченіемъ сознанія даже такихъ общечеловѣческихъ истинъ, на счетъ которыхъ не было тѣни недоразумѣнія уже въ юношеской средѣ учениковъ первыхъ государственныхъ ученыхъ, Платона и Аристотеля, почти два съ половиной тысячелѣтія тому назадъ“ *).

Съ одной стороны тотъ „предразсудокъ“, о которомъ говорить Кистяковскій**), кажется превратился у насъ въ господствующее мнѣніе, а съ другой—даже университетскіе дипломы далеко не всегда представляютъ достаточныя гарантіи научной подготовки ихъ обладателей. А между тѣмъ глубоко-вѣрна мысль Кистяковскаго, что „одно познаніе уголовныхъ законовъ путемъ практическимъ не въ состояніи сформировать совершеннаго уголовного судью, если онъ не изучилъ и не изучаетъ уголовного права какъ науки; качество пракческаго уголовного правосудія находится въ прямомъ отношеніи со

*) „О значеніи науки для образованія должностныхъ лицъ въ государств. управл.“ Сborn. Госуд. Зн. VII, 352.

**) „И нынѣ нельзя не замѣтить значительной силы предразсудка, будто студенческая скамья есть послѣдняя станція научнаго изученія уголовного права“. Учебникъ, стр. 3.

степенью проникновенія его теоретическимъ элементомъ, такъ что чѣмъ болѣе уголовно-судебная практика проникнута теоретическимъ элементомъ, тѣмъ выше ея качество и наоборотъ“ *).

Наука занимается уразумѣніемъ и объясненіемъ дѣйствительности, сведеніемъ безконечно-разнообразныхъ явленій жизни къ ихъ простѣйшимъ элементамъ, построеніемъ логически-стройной, обнимающей всѣ частности, системы, открытіемъ законмѣрности явленій. Съ другой стороны, она изучаетъ идеалы, выработанныя творческимъ геніемъ человѣка, подвергаетъ эти идеалы критикѣ и приводитъ въ связь со всей системой, указываетъ пути къ достиженію выдержавшихъ ея критику идеаловъ. Такимъ образомъ наука заключаетъ въ себѣ и творческой моментъ.

Оба указанные момента имѣютъ громадное значеніе для судебной практики. При той необъятной массѣ постоянно измѣняющихся явленій, съ которыми приходится имѣть дѣло юристу-практику, только руководящія начала науки, только знакомство съ системой дастъ ему возможность ориентироваться въ затруднительныхъ случаяхъ, дѣйствовать осмысленно, сознавать связь каждаго дѣйствія со всѣмъ механизмомъ данной отрасли государственной жизни и даже со всѣмъ государственнымъ организмомъ въ его цѣломъ. Наглядный примѣръ, ярко иллюстрирующий сказанное: только что сошедшій со школьной скамьи юристъ поступаетъ на судебную службу и получаетъ должность помощника секретаря. Сначала онъ буквально ошеломленъ и подавленъ массой новыхъ фактовъ и впечатлѣній, совершенно безпомощно смотритъ на груду дѣлъ и бумагъ, лежащихъ передъ нимъ на столѣ и „требующихъ исполненія“, и въ отчаяніи рѣшаетъ, что университетская наука совершенно бесполезна, что ему никогда не усвоить тѣхъ объясненій, которыя даетъ старый, опытный, постѣдѣвшій за этимъ столомъ подчиненный писецъ. Каково же бываетъ изумленіе этого писца, когда недѣли черезъ 3—4 его начальникъ, бывший доселѣ послушнымъ ученикомъ, самъ овладѣваетъ дѣлопроизводствомъ, на изученіе котораго писецъ потратилъ много лѣтъ, и даже указываетъ на нѣкоторыя неправильности въ дѣйствіяхъ писца, которыхъ тотъ не замѣчалъ лѣтъ 20! Только благодаря научной подготовкѣ и могъ молодой юристъ такъ

*) 1. с., 2.

скоро овладѣть сложнымъ матеріаломъ и оперировать имъ сознательно. Работа надъ болѣе сложными отдѣлами государственной дѣятельности подчиняется тому же закону: человѣкъ, вооруженный систематическимъ научнымъ знаніемъ, всегда будетъ выше (*caeteris paribus*) своего товарища, лишеннаго такой подготовки. Для практика-рутинера каждое явленіе представляется изолированнымъ, научно образованный юристъ сразу находитъ ему надлежащее мѣсто въ общей системѣ; передъ каждымъ новымъ случаемъ, ранѣе не встрѣчавшимся, практикъ-рутинеръ становится въ тупикъ, научно подготовленный юристъ отброситъ несущественныя черты явленія, откроетъ его юридическую сущность и поставитъ въ связь съ системой; практикъ-рутинеръ придетъ въ ужасъ, если на какомъ-нибудь актѣ не сдѣлано указанной въ законѣ отмѣтки, научно-образованный юристъ съумѣетъ отличить пустую формалистику, потерявшую всякій смыслъ, отъ существенныхъ формъ, представляющихъ собою необходимыя гарантіи; для практика-рутинера высшимъ авторитетомъ всегда будетъ прецедентъ, какъ бы нелѣпъ онъ ни былъ, юристъ-теоретикъ сознательно отнесется къ прецеденту и съумѣетъ извлечь изъ него дѣйствительно цѣнное.

Что касается другого момента науки, творческаго, то на практику онъ имѣетъ не меньшее, если не большее вліяніе. „Безъ идеаловъ нѣтъ человѣческаго развитія, нѣтъ движенія впередъ, ибо, когда преслѣдуются даже чисто-практическія цѣли, все таки надобно знать, къ чему онѣ ведутъ и къ какому идеальному быту онѣ насъ приближаютъ“ *). „Безъ идеаловъ науки нельзя обойтись ни на какихъ ступеняхъ государственной дѣятельности,.... а если и можно обойтись, то приходится весьма плохо и для самихъ дѣятелей, и для общества. Только наука и просвѣщенныя ею должностныя лица изгоняютъ изъ государственныхъ учрежденій мертвящую бюрократическую рутину, которая столь же вредна для дѣла, какъ и для характера его исполнителей“ **).

Безъ проникновенія творческимъ моментомъ науки практикъ можетъ вполнѣ овладѣть фактами, но никогда не возвысится надъ ними, никогда не отнесется критически къ массѣ статей

*) Чичеринъ. Собственность и государство. II, 341.

***) Безобразовъ, I. с.

закона, которая ему приходится ежедневно примѣнять; никогда его дѣятельность не будетъ проникнута живымъ духомъ, никогда онъ не будетъ въ состояніи стать въ почетные ряды тѣхъ, которые принимаютъ активное участіе въ прогрессивномъ движеніи исторіи культуры.

Къ сожалѣнію теперь нерѣдко можно слышать снисходительные отзывы о „теоріи“, отзывы въ родѣ: это хорошо въ теоріи, но для практики непригодно; вѣдь кому не извѣстно, что теорія одно, а практика другое и т. п. Это очень печальное заблужденіе *); наука, единственнымъ предметомъ которой является дѣйствительность, единственнымъ матеріаломъ—факты этой дѣйствительности и единственной цѣлью—понять дѣйствительность,—наука объявляется чѣмъ-то принципиально противоположнымъ дѣйствительности. Правда, наука своей точкой отправленія беретъ отнюдь не практическія цѣли, она даетъ идеальное построеніе дѣйствительности, но именно благодаря этому наука помогаетъ намъ и лучше познавать дѣйствительность, и работать сознательно на пути къ улучшеніямъ **).

А безъ тѣхъ идеаловъ, которые указываются общественными науками у лучшихъ ихъ представителей, жизнь человѣческая сразу потеряла бы свою цѣнность. Уничтоженіе пролетаріата, уничтоженіе господства грубой силы, войны, произвола, уничтоженіе грубости и дикости людской, безконечное распространеніе культурныхъ благъ, уваженіе къ личности, свобода совѣсти, слова, полное равенство всѣхъ передъ закономъ, всеобщее братство, абсолютно независимый и справедливый судъ, помимо котораго никто не можетъ быть подвергнутъ какому бы то ни было стѣсненію,—если бы когда-нибудь удалось доказать и убѣдить человѣчество въ совершенной ложности и неосуществимости этихъ идеаловъ, то человѣкъ пересталъ бы быть человѣкомъ, и изъ царя природы въ лучшемъ смыслѣ этого слова, превратился бы въ самое опасное и хищное изъ всѣхъ животныхъ.

*) Ср. превосходную, какъ будто вчера написанную статью К а н т а: „Ueber den Gemeinspruch: das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis“.

*) Стройная, логически развитая система понятій и отвѣченныхъ конструкцій любой науки есть продуктъ человѣческаго духа; въ жизни такой стройности, общности и порядка, какой представляется нашему духовному взору, мы не видимъ, т. к. въ жизни передъ нами только хаотическая масса фактовъ.—Ср. Л ъ в ѣ с ѣ. Вопросы о жизни и духѣ. 1876 II 6-7.

Обращаясь въ частности къ дѣятельности уголовного судьи, нельзя не признать, что при той неизмѣримо-важной и отвѣтственной роли, которую онъ долженъ играть въ государственной жизни—быть безпристрастнымъ рѣшителемъ спора между личностью и государствомъ, быть распорядителемъ такой опасной функціи власти, какъ принудительная функція, быть охранителемъ правопорядка,—судья немислимъ безъ самой широкой и основательной научной подготовки, какъ спеціальной, такъ и общей. Судья долженъ принадлежать къ духовной аристократіи страны, къ тому культурному, избранному меньшинству, которое въ сущности и дѣлаетъ человечество впередъ. Только тогда и государство, и общество могутъ быть вполне увѣрены, что онъ не злоупотребитъ своею „столь страшною“ властью и будетъ тѣмъ высшимъ органомъ правды, какимъ представляли себѣ идеальнаго судью всѣ народы во всѣ времена.

Если мы будемъ имѣть въ виду все значеніе духовнаго развитія человечества и представительницы этого развитія—науки*), если съ другой стороны будемъ имѣть въ виду ту сложность и необъятное многообразіе фактовъ, изъ которыхъ слагается социальный строй и которые даютъ матеріаль для науки права, мы поймемъ всю необходимость самаго широкаго и солиднаго общенаучнаго образованія для судьи. Это образованіе сдѣлаетъ его участникомъ высшей духовной жизни, расширитъ его умственный кругозоръ, поможетъ ему лучше знать міръ, человѣка и общество, окажетъ самое благотворное вліяніе на его воззрѣнія, симпатіи, направленіе, не позволитъ ему превратиться въ односторонняго, узкаго спеціалиста, и наконецъ--оно сдѣлаетъ болѣе плодотворными самыя работы его въ области юридическихъ наукъ.

Важность основательной научно-юридической подготовки еще очевиднѣе. Современное право представляетъ собою въ высшей степени сложный организмъ, понять который можетъ лишь человѣкъ, получившій спеціальную подготовку. Уже для чисто-техническаго примѣненія дѣйствующихъ юридическихъ

*) „Перемѣны въ жизни цивилизованнаго народа зависятъ отъ трехъ вещей: суммы знаній, приобретенныхъ самими развитыми людьми, отъ направленія, которое приняли эти знанія, отъ той пропорціи, въ которой знанія эти распространяются, и отъ большей или меньшей свободы, съ которой они проникаютъ во всѣ классы населенія“. Бокль. Исторія цивилиз. въ Англии. 1896, 90.

нормъ необходимо научное знаніе и развитое юридическое мышленіе, о которыхъ трудно составить себѣ надлежащее понятіе тому, кто не испыталъ на дѣлѣ всѣхъ затрудненій, связанныхъ съ примѣненіемъ казалось бы самыхъ ясныхъ законовъ, затрудненій, давшихъ поводъ еще римскому юристу сказать: *scire leges non est verba earum tenere, set vim ac potestatem* *).

Кому, напр., неизвѣстны огромныя затрудненія, связанныя съ толкованіемъ законовъ, и противорѣчивыя теоріи на счетъ того, что собственно является предметомъ толкованія? Воля законодателя, или мысль закона? Воля или мысль въ моментъ созданія закона или въ моментъ его примѣненія?—все это вопросы, отъ того или другого разрѣшенія которыхъ зависитъ очень и очень многое.

Но какъ бы ни рѣшать эти вопросы, необходимость основательной специальной подготовки для правильнаго толкованія законовъ остается внѣ всякаго сомнѣнія. „Невозможно охранять такую сложную систему, какъ законодательство цѣлой страны, если судья не знаетъ того, что ввѣрено его охраненію. Вотъ почему въ тѣ вѣка, когда падаетъ юридическое образованіе, неминуемо разстраивается и правосудіе въ странѣ. Только съ развитіемъ юридической культуры улучшается и процессъ. Вовсе не случайный фактъ, что образованные юристы постепенно сосредоточиваютъ все правосудіе народовъ въ своихъ рукахъ, вытѣсняя изъ судовъ элементъ народный, выборный, феодальный, церковный и т. п. Этому классу специалистовъ обязаны современныя государства западной Европы установленіемъ прочной и надежной системы охраненія правъ, подобно тому какъ специалистамъ въ области естественныхъ и техническихъ наукъ и искусствъ обязаны мы современнымъ развитіемъ промышленности“ **).

Но юридическія нормы по справедливому замѣчанію проф. Муромцева ***) должно считать лишь нѣкоторымъ атрибутомъ праваго порядка, отнюдь не выражающимъ этотъ порядокъ вполнѣ. „Правовыя положенія суть только самыя внѣшнія, практическія верхушки права, не исчерпывающія ни количественно, ни качественно его дѣйствительнаго содержанія“; „теорія имѣетъ

*) Ср. дѣльныя замѣчанія у Биндинга: *Die drei Grundfragen*, 30 ff.

**) К. Малышевъ. I. с 96.

*) Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. 1879. 159.

возможность изъ существующаго на лицо права какъ умножить число правовыхъ положеній, такъ и улучшить ихъ самих“ *). Юристъ-практикъ служитъ посредникомъ между абстрактнымъ предписаніемъ права и правовой жизнью, ибо законодатель указываетъ лишь общія черты даннаго правового порядка, осуществленіе же и отдѣлку вынужденъ предоставить судѣ—примѣнителю закона **), который, такимъ образомъ, выполняетъ детали общаго абриса, начертаннаго законодателемъ ***). Совершенно правъ проф. Г. Демченко, говоря: „Общія и твердыя нормы закона, обезпечивающія порядокъ государства и права гражданъ, устраняющія произволъ администраціи и суда—желательное и необходимое условіе современной жизни. Но нельзя же требовать отъ общаго закона того, чего онъ дать не въ состоянн; нельзя требовать, чтобы онъ охватилъ всю правовую жизнь общества въ ея мельчайшихъ подробностяхъ, чтобы онъ успѣвалъ слѣдить за живымъ разнообразіемъ и вѣчной измѣнчивостью движущейся дѣйствительности. Дать общее руководство, ввести въ необходимые предѣлы дѣятельность суда, указать ему путь и средства дѣйствія—вотъ что подѣ силу законодателю. А затѣмъ, какъ неизбежный и необходимый фактъ, остается широкое поле самостоятельной и плодотворной работы примѣненія права къ жизни, осуществленія права“ †).

Во всякомъ случаѣ творческая роль суда въ развитіи права не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію не смотря на всѣ возраженія ригористовъ, мечтающихъ объ идеальномъ кодексѣ. По самой природѣ вещей такой кодексъ невозможенъ. Англія, гордящаяся своимъ уваженіемъ къ закону, гордящаяся своимъ судомъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ страна, гдѣ судебныя рѣшенія со-

*) Пгерингъ. Духъ римскаго права. 1875. I, 27, 29.

**) Регельсбергеръ. Общее ученіе о правѣ, 83.

***) Таганцевъ. Лекціи. IV, 1665.

†) Судебный прецедентъ. 1903. 124.—Совершенно правильно подчеркивая творческій моментъ въ судебной дѣятельности, авторъ, однако, слишкомъ увлекается, говоря: „Законъ самъ по себѣ еще не является дѣйствующимъ правомъ (!); это только планъ, только проектъ будущаго, желательнаго правового порядка“; (85) „законъ не можетъ непосредственно творить права (!); онъ указываетъ только дорогу для вѣрнаго отысканія права“ (86). Творческая роль судьи сильно выдвинута у Бюлова *Gesetz und Richteramt*. 1885.—Ср. дѣльныя замѣчанія у *Wilson'a*, I. c., II, 369, а также у *Муромцева* „Творческая сила юриспруденціи“ (*Юр. Вѣст.*, 1887, IX) и „Право и справедливость“ („Сборникъ Правовѣд.“, II).

ставляютъ важнѣйшій источникъ права. Конечно, нельзя рекомендовать эту сторону англійской юридической жизни, какъ образецъ для подражанія: перенесенная на континентъ, она дала бы плачевные результаты, да и относительно самой Англїи она вызываетъ сомнѣнїя во многихъ отношенїяхъ.

Законъ всегда долженъ оставаться неизмѣнимою основой государственной жизни, а улучшение законодательной техники—одной изъ важнѣйшихъ задачъ внутренней политики. Но жизнь нельзя втиснуть въ теоретическія рамки. Не смотря на всю желательность такого порядка, при которомъ законодательная власть была бы единственнымъ и исключительнымъ источникомъ правовыхъ нормъ, не смотря на безусловную правильность положенія, что правительственная и судебная власти суть власти подзаконныя, не смотря, наконецъ, на неправильность теорій, снабжающихъ судъ весьма широкими законодательными функціями, несомнѣнно, что правотворческій моментъ въ судебной дѣятельности вызванъ къ жизни причинами, глубоко коренящимися въ природѣ вещей *). Необходимо лишь условиться относительно характера указаннаго момента. Необходимо прежде всего признать непоколебимость великаго принципа *nullum crimen nulla poena sine lege*: ни о какой правотворческой роли суда въ дѣлѣ расширенія области наказуемыхъ дѣяній не можетъ быть и рѣчи. Что касается творческаго момента въ дѣлѣ, напр., выработки состава преступленій, указанныхъ законодателемъ въ общихъ чертахъ, то руководящимъ принципомъ для суда должно быть слѣдующее правило: при разрѣшеніи вопросовъ, закономъ не предусмотрѣнныхъ, судья обязанъ исходить изъ общихъ началъ дѣйствующаго права, изъ духа дѣйствующаго закона, и не долженъ вносить въ этотъ законъ началъ, заимствованныхъ изъ чуждаго по духу, хотя бы и кажущагося лично судѣ болѣе прогрессивнымъ, порядка. Принятіе противоположнаго воззрѣнїя, было бы узаконеніемъ самаго опаснаго вида произвола—судебнаго произвола. Изъ надежнѣйшаго охранителя законности судъ превратился бы въ орудіе для

*) Ср. Гредескулъ. Интеллектуальный процессъ, требующійся для осуществленія права. 1900; Langlois. Essai sur le pouvoir prétorien de la jurisprudence. 1897; Kohler. Die schöpferische Kraft der Jurisprudenz. 1886; L. Seuffert. Ueber richterliches Ermessen. 1880.

проведенія въ жизнь всевозможныхъ тенденцій, а между тѣмъ единственной тенденціей суда должна быть идея господства, святости и ненарушимости закона, каковъ бы онъ ни былъ по своему содержанію.

Но само собою разумѣется, что разумнымъ участникомъ въ процессѣ созиданія права можетъ быть только юристъ, обладающій солидной научной подготовкой.

Въ послѣднее время раздались голоса новаторовъ въ наукѣ уголовного права, требующіе въ числѣ другихъ коренныхъ реформъ полного измѣненія въ подготовкѣ уголовныхъ судей. Они говорятъ, что уголовный судья не долженъ быть юристомъ, но человѣкомъ, получившимъ специальную подготовку въ области антропологии и социологии. Гарофало утверждаетъ, что уголовный судъ только тогда будетъ стоять на высотѣ своей задачи, когда онъ обратится къ психологическому изслѣдованію преступника для установленія степени опасности его, а Ферри настоятельно требуетъ специальной антропологической и социологической подготовки для уголовного судьи.

Конечно, рѣ этихъ требованійхъ заключается много преувеличеній, но нельзя не признать въ высшей степени желательнымъ расширенія знаній уголовного судьи такими научными дисциплинами, которыя могли бы оказать ему помощь въ его трудномъ дѣлѣ. Листъ совершенно основательно требуетъ, чтобы судья былъ бы научно знакомъ съ міромъ преступниковъ *).

Само собою разумѣется, что изученіе „криминологіи“ никоимъ образомъ не должно превращать судью изъ юриста въ какого-то особаго „научнаго судью—антрополога“. Судья прежде всего долженъ быть хорошимъ юристомъ, т. к. и сфера его дѣятельности и та наука, принципами которой онъ больше всего руководствуется (уголовное право), имѣютъ преобладающій юридической характеръ **).

И для общества, и для подсудимаго далеко на безразлично, на сколько хорошо судья знакомъ съ юридическими конструкціями отдѣльныхъ преступленій, на сколько хорошо онъ способенъ

*) Lehrbuch, 1897. 72.

**) Въ частности, что касается, напр. чисто-процессуальныхъ законовъ,—только солидная научная подготовка можетъ дать судѣ надежный критерій для отличія существенныхъ, важныхъ процессуальныхъ формъ и обрядовъ отъ несущественныхъ и спасти судью отъ буквѣдства, отъ вреднаго для живого дѣла правосудія „канцеляризма“.

ставить юридическій діагнозъ, на сколько онъ усвоилъ себѣ основныя положенія общей части уголовного кодекса. Пока непоколебимо стоитъ великій принципъ *nullum crimen nulla poena sine lege*, пока будутъ существовать уголовные кодексы, какъ одна изъ лучшихъ правовыхъ гарантій, до тѣхъ поръ основательное знаніе уголовного права будетъ *conditio sine qua non* для судьи и всякіе недочеты съ этой стороны всегда будутъ очень печально отражаться на правахъ гражданъ.

Итакъ судья долженъ быть человекомъ, живущимъ полною духовною жизнью, принадлежать къ избранному культурному меньшинству лучшихъ людей, обладать богатымъ по содержанию и разработаннымъ мировоззрѣніемъ. Онъ долженъ имѣть самую солидную общенаучную подготовку, а также быть всесторонне образованнымъ юристомъ, знакомымъ въ частности со всеми вспомогательными дисциплинами, относящимися къ уголовному праву.

Только такой судья будетъ хорошо понимать государственные интересы, сумѣетъ отличить временное и преходящее теченіе политики отъ здоровыхъ и рациональныхъ началъ, будетъ независимъ въ своихъ взглядахъ отъ всякихъ мутныхъ теченій; онъ будетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководиться не минутными настроеніями, а твердо установленными культурными принципами.

Только такой судья будетъ въ состояніи содѣйствовать прогрессивному развитію права и будетъ пользоваться авторитетомъ у всѣхъ окружающихъ его. Уже и теперь, не смотря на огромную массу пережитковъ прежнихъ временъ, духовныя богатства (и въ частности—научныя знанія) представляютъ собою большую силу и источникъ авторитета, а чѣмъ дальше, тѣмъ значеніе этихъ богатствъ будетъ увеличиваться, и пожеланіе Платона, чтобы государствомъ управляли философы, быть можетъ изъ міра утопій перейдетъ въ томъ или иномъ видѣ въ область дѣйствительности.

Причисляя судью къ умственной аристократіи страны, я вовсе не думаю этимъ превращать его въ профессиональнаго ученаго. Можно не быть профессиональнымъ ученымъ и все таки принимать полное участіе въ высшей духовной жизни человѣчества, постоянно стремясь не только не забыть вынесенныя изъ университета знанія, но на сколько возможно расширять ихъ, глубоко интересуясь вообще всѣмъ выдающимся въ области науки и искусства, а главнѣе—постоянно сохраняя въ себѣ

идеалы, завѣщанные университетомъ, идеалы, которые къ величайшему сожалѣнію столь многіе судебные дѣятели считаютъ принадлежностью только студенческаго времени.

Теперь мы подходимъ къ важному вопросу: какими мѣрами государство можетъ обезпечить подготовку такихъ именно судей.

Здѣсь какъ нельзя лучше обнаруживается тѣсная связь, которая существуетъ между всѣми частями государственнаго организма: основа, на которой только и возможна подготовка такихъ судей, есть университетъ, и притомъ университетъ въ настоящемъ, высокомъ значеніи этого слова, какъ храмъ науки вообще (*universitas litterarum*).

Могутъ возразить, 1) что есть выдающіеся судебные дѣятели, не обладающіе академическими дипломами и 2) есть очень много судебныхъ дѣятелей, которымъ высшее образованіе нисколько не мѣшаетъ быть чиновниками-карьеристами, поражающихъ бѣдностью своей духовной жизни, узкихъ формалистовъ, считающихъ верховнымъ принципомъ своей дѣятельности волю „начальства“. Не отрицая существованія обѣихъ категорій, я долженъ сказать, что идея университета нисколько не повинна въ томъ, что жизнь знаетъ многочисленныя уклоненія отъ этой идеи. При нормальной постановкѣ университетскаго дѣла количество представителей второй категоріи судебныхъ дѣятелей значительно бы сократилось *). А съ другой стороны даже и эти дѣятели сдѣлались бы иными, не проявили бы всѣхъ своихъ непривлекательныхъ сторонъ, если бы были поставлены въ надлежащія условія, противоположныя бюрократической системѣ, т. е. если бы судъ былъ организованъ согласно указываемымъ наукой принципамъ.

*) Что касается первой категоріи, то нельзя не замѣтить, что человекъ, не получившій высшаго научнаго образованія (юридическаго) лишь по исключенію можетъ быть хорошимъ судьей. И хотя возможны примѣры совершенно интеллигентныхъ людей, путемъ самообразованія достигшихъ высокаго научнаго уровня, но организаціонный законъ не долженъ рассчитывать на это: онъ долженъ создать общія гарантіи и обусловить получение судейскаго кресла обладаніемъ формальными доказательствами высшихъ научныхъ званій. Иначе легко можно дойти до того, что судьей будетъ назначенъ какой-нибудь совершенно ограниченный канцелярскій служитель безъ всякаго образованія.

Итакъ, какова должна быть нормальная постановка университетской подготовки судебныхъ дѣятелей?

Какъ извѣстно, существуютъ на этотъ предметъ два противоположныхъ возрѣнія. Одно смотритъ на юридическій факультетъ какъ на специально-техническую школу, имѣющую единственной задачей практическую подготовку судебныхъ и административныхъ должностныхъ лицъ. Университетъ долженъ давать исчерпывающее знакомство съ дѣйствующимъ правомъ, долженъ пріучить студента примѣнять это право къ жизни, дать ему знакомство съ техническими приемами служебныхъ дѣйствій, такъ, чтобы молодой юристъ, переступивъ порогъ университета, сразу могъ бы самостоятельно работать.

Другое возрѣніе требуетъ, чтобы университетъ давалъ чисто-научную подготовку; практическія знанія должны пріобрѣтаться уже на службѣ (стажѣ).

Изъ всего сказаннаго выше очевидно, что если бы построить университетское преподаваніе согласно первому возрѣнію, о судьяхъ, какъ представителей высшей духовной жизни, какъ носителяхъ лучшихъ идеаловъ не могло бы быть и рѣчи. Такой режимъ далъ бы только одностороннихъ узкихъ спеціалистовъ.—Кромѣ того, такое изученіе права было бы поражено слѣдующимъ кореннымъ порокомъ: знатокъ дѣйствующихъ законовъ очутится въ безвыходномъ положеніи, стоитъ только сегодня отмѣнить изученные имъ законы и замѣнить ихъ новыми,—всю науку ему тогда надо начинать сначала.

Юридическое образованіе должно быть построено такъ, чтобы прошедшій школу юристъ былъ въ состояніи примѣнять любой кодексъ, ориентироваться въ любомъ законодательствѣ.

Для этого необходимо, чтобы чисто-теоретическій элементъ былъ основой преподаванія. Само собою разумѣется, что при этомъ дѣйствующее право не можетъ оставаться въ сторонѣ. Если вообще научные принципы должны изучаться въ ихъ примѣненіи къ явленіямъ жизни, если научное знаніе возможно лишь на твердой почвѣ фактовъ, то отечественная юридическая жизнь должна играть въ доставленіи этихъ фактовъ преобладающую роль. Но при этомъ никогда не надо забывать, что факты не играютъ самостоятельной роли, а служатъ лишь средствомъ для высшихъ цѣлей, единственно достойныхъ академическаго преподаванія. Эти цѣли заключаются въ

созданіи идеала права, въ одухотвореніи повидимому сухого организма законодательной системы, въ уясненіи жизненныхъ основъ правовыхъ институтовъ, въ развитіи способности самостоятельнаго юридическаго мышленія и овладѣніи научнымъ методомъ. „Задача высшаго образованія—возвысить умъ надъ знаніемъ деталей и создать въ человѣкѣ способность къ выработкѣ личныхъ идей... Возможно широкое культивированіе научнаго метода въ факультетскихъ курсахъ и полное отреченіе отъ профессиональныхъ задачъ—вотъ что должно составлять нашу единственную заботу. Знаній—легіонъ, а методъ—одинъ. Знанія, не объединенныя методомъ, забываются, методъ же напротивъ того, остается съ человѣкомъ. Освоенные съ приѣмами научнаго изслѣдованія, овладѣвшіе не только знаніемъ фактовъ, но и способомъ приобрѣтенія этихъ знаній, молодые юристы выступаютъ во всеоружіи на арену общественной дѣятельности и готовы будутъ къ разрѣшенію какихъ—угодно задачъ практической жизни“ *).

Вотъ почему исключительно догматическій методъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ явленіемъ нормальнымъ. Догматическое изученіе права должно быть лишь однимъ изъ элементовъ академическаго преподаванія и притомъ элементомъ не преобладающимъ. Конечно, юристъ долженъ въ совершенствѣ владѣть формально юридическимъ методомъ, долженъ между прочимъ изучить право какъ форму, независимо отъ содержанія, долженъ быть знакомъ съ нормативной функціей права. Но этимъ ограничиться нельзя. Право есть вмѣстѣ съ тѣмъ и социальное явленіе, и лишь на почвѣ всесторонняго изученія права, общества и государства можетъ идти рѣчь о подготовкѣ научно образованныхъ судей, способныхъ занять почетное мѣсто въ немногочисленныхъ рядахъ руководящаго меньшинства. А такъ какъ выработать себѣ цѣльное и солидно обоснованное общественное міровозрѣніе нельзя, изучая исключительно чисто-юридическія дисциплины, такъ какъ изученіе одной формы безъ содержанія никогда не можетъ дать полнаго знанія, то нельзя не отнестись съ симпатіей къ предложеніямъ, напр., о переименованіи юридическихъ факультетовъ въ *Facultés des Sciences Sociales* **).

*) Вѣ Удлинцевъ. Специальные курсы въ парижскомъ юридическомъ факультетѣ. 1898. 27.

**) F. Faure. La sociologie dans les Facultés de droit. 1893.

Этимъ, конечно, я не хочу сказать, что социологія есть альфа и омега всѣхъ общественныхъ знаній. Напротивъ, при томъ состояніи социологіи, въ которомъ она находится до сихъ поръ и которое заставляетъ такъ отрицательно относиться къ ней многихъ выдающихся ученыхъ, чрезмѣрное увлеченіе социологизмомъ можетъ повлечь за собою очень печальные результаты*). Но какъ элементъ въ академическомъ изученіи права, общества и государства, социологія и ея методы должны играть важную роль: безъ нихъ невозможно цѣльное и всестороннее знаніе.

Изложенное приводитъ къ выводу, что существующее, напр., въ Германіи раздѣленіе на юридическія и государственныя науки и отнесеніе этихъ послѣднихъ къ историко-филологическому (философскому) факультету должно быть признано нежелательнымъ**).

Но достаточно ли одного изученія социальныхъ наукъ для выработки цѣльнаго міровоззрѣнія, для достиженія идеала высшаго образованія—идейности и универсальности? Конечно, нѣтъ***). Необходимо основательное знакомство съ науками, не входящими въ кругъ социальныхъ наукъ, необходимо знакомство съ естествознаніемъ, математикой. И въ особенности необходимо самое глубокое изученіе философіи во всѣхъ ея дисциплинахъ.

*) И самымъ печальнымъ изъ этихъ результатовъ является забвеніе абсолютной цѣнности личности, какъ свободнаго центра этическихъ опредѣленій, какъ источника прогрессивнаго движенія исторіи культуры.

**) Вредныя стороны такого раздѣленія парализуются тѣмъ, что въ планы преподаванія на германскихъ юридическихъ факультетахъ входятъ: политическая экономія, финансы, общее ученіе о государствѣ и т. д. Ср. Daude und Wolff. Die Ordnung des Rechtsstudiums und der ersten juristischen Prüfung in den deutschen Bundesstaaten. 1903. — „Das Studium der Staatswissenschaften (insbesondere Encyclopädie der Staatswissenschaften, Nationalökonomie Finanzwissenschaft, Statistik) steht mit demjenigen der Rechtswissenschaft in innigem Zusammenhange. Staatswissenschaften hat neben der Rechtswissenschaft derjenige zu studieren, welcher sich dem Verwaltungsdienste zu widmen gedenkt; aber die Kenntniss zum Mindesten ihrer Grundlehren ist für jeden Juristen unentbehrlich (стр. 97; изъ официальныхъ программъ).

***) „И я вамъ говорю, всѣмъ учащимся на разныхъ факультетахъ, говорю и буду всегда говорить: не замыкайтесь въ своихъ специальностяхъ, не убоивайте въ себѣ высшихъ стремленій духа, заботьтесь о своемъ общемъ образованіи; особенно изучайте внутренній міръ человѣка и его общественную жизнь, изучайте по возможности всесторонне, не думая, напр., что одна индивидуальная психологія или одна политическая экономія заключаетъ въ себѣ всю истину о человѣкѣ и обществѣ; и однимъ словомъ, работайте надъ пріобрѣтеніемъ по возможности полнаго и цѣльнаго міросозерцанія, которое руководило бы васъ въ жизни, взятой въ высшемъ своемъ значеніи разумной и нравственной дѣятельности“.—(Н. Каръевъ. Что такое общее образованіе. 1895. 54).

плинахъ (логика, психологія, метафизика, исторія философіи и т. д.). Пренебреженіе философской подготовкой всегда имѣло самыя нежелательныя послѣдствія во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія и въ особенности въ соціально-юридическихъ наукахъ. Проблемы философіи, столь глубокія и всеобъемлющія и такъ настоятельно требующія разрѣшенія, безконечныя горизонты, раскрывающіеся передъ великими мыслителями и увлекающіе читателя, критическій методъ, во всей своей полнотѣ и послѣдовательности проводимый только въ философіи, стремленіе къ самымъ высшимъ обобщеніемъ, грандіознѣйшія концепціи человѣческаго ума, заставляющія преклоняться передъ духовной силой, дающія увѣренность въ ея безконечномъ могуществѣ, показывающія всю необъятность содержанія духа,—все это дѣлаетъ философію не только безусловно необходимымъ элементомъ, но и основой общаго образованія. Каждый, кому приходилось серьезно работать въ этой области, знаетъ, что за тѣ минуты полнаго удовлетворенія и высшаго духовнаго наслажденія, которыя даетъ философія, можно простить ей очень и очень многое*).

А для юриста изученіе философіи важно еще и потому, что право есть лишь часть общаго этическаго порядка.

Но тутъ неизбѣжно возникаетъ очень серьезный вопросъ: какъ организовать преподаваніе такимъ образомъ, чтобы студентъ имѣлъ возможность работать въ области только что названныхъ наукъ, когда и безъ того требуется расширеніе области изученія на юридическихъ факультетахъ и превращенія ихъ въ факультеты соціальныхъ наукъ?

Въ Германіи учебные планы юридическихъ факультетовъ рекомендуютъ студентамъ въ теченіи первыхъ семестровъ ихъ академической жизни прослушать нѣсколько курсовъ по философіи и исторіи: на первомъ государственномъ экзаменѣ требуется представленіе доказательствъ исполненія этого совѣта**). Недостатокъ философской подготовки юристовъ во Франціи ощущается

*) Безусловно правъ поэтому Р е м к е, говоря: „не каждому доступно занятіе философией, но оно необходимо для того, кто имѣетъ притязаніе считаться образованнымъ“. („Очеркъ исторіи философіи“. 1898. I.).

***) См. D a u d e und W o l f f. l. c., 9, 12, 32, 45, 82, 87 et pass.

даже среди практиковъ *). Важность обще-научной подготовки и печальныя послѣдствія дефектовъ въ этой области сознаются и представителями практики въ Россіи **).

Здѣсь, конечно, не мѣсто подробно изслѣдовать вопросъ объ организациі университетскаго преподаванія. Но въ виду чрезвычайной важности этого вопроса для вопроса о научной подготовкѣ судей, нельзя не попытаться намѣтить путь къ разрѣшенію перваго вопроса.

Нормальны ли такъ часто встрѣчающіяся въ жизни явленія, что человѣкъ, получившій высшее научное образованіе въ университетѣ, оказывается совершеннымъ профаномъ въ наукахъ „не его специальности“ и даже не имѣющимъ къ этимъ наукамъ ни малѣйшаго интереса? Нормально ли, когда напр., филологъ, изучавшій исторію, не имѣетъ никакихъ правильныхъ понятій о такомъ важномъ культурномъ факторѣ, какъ право, совершенно не знакомъ съ правовыми и экономическими явленіями изучаемыхъ имъ государствъ? Или, когда медикъ является полнымъ невѣждой въ области тѣхъ явленій, съ которыми ему такъ часто приходится соприкасаться, и съ плеча рѣшаетъ, что каждое преступленіе есть „психозъ“, что всѣхъ преступниковъ надо не наказывать, а лечить? Или, когда естественникъ авторитетно утверждаетъ, что въ сущности не можетъ быть социальныхъ наукъ, потому что къ нимъ не примѣнимы тѣ методы, которыми онъ оперируетъ въ своей области? Или когда профессоръ изо всѣхъ силъ старается оградить свою науку китайской стѣной даже отъ родственныхъ наукъ того же факультета?

*) См. напр. работу члена французской прокуратуры М. Volf'a „Le juge criminel 1891, стр. 16.

**) В. Деряжневскій. Судебные дѣятели объ университетской подготовкѣ молодыхъ юристовъ. Ж. М. Ю. 1902. VII.—Прекрасно по этому поводу пишетъ министр юстиціи Н. В. Муравьевъ: „Недостатокъ такого общаго образованія бесспорно крайне чувствителенъ въ области судебной дѣятельности, по самой сущности своей представляющей въ высшей степени разнохарактерную и затрагивающую самую разнообразную стороны современной жизни. Юристу—практику, постоянно сталкивающемуся при исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей съ господствующими въ современномъ обществѣ возрѣніями и нарождающимися культурными и экономическими вопросами, болѣе чѣмъ, быть можетъ, всякому другому общественному дѣятелю, необходимо обладать широкимъ и всестороннимъ образованіемъ, могущимъ дать ему возможность умѣло разобратся въ каждомъ восходящемъ на его разсмотрѣніи жизненномъ явленіи, подвергнуть его юридическому анализу и правильно и объективно разрѣшить возникшую въ данномъ явленіи коллизію интересовъ.“ (ib., 224).

Очевидно нѣтъ. Такой порядокъ въ концѣ концовъ приводитъ къ тому, что классъ узкихъ, ограниченныхъ специалистовъ разрастается до невѣроятныхъ размѣровъ, что специалисты эти вмѣсто того, чтобы работать надъ усовершенствованіемъ извѣстной отрасли знанія, какъ части одного общаго научнаго организма, наводняютъ эту отрасль томами „изслѣдованій“, образующихъ поистинѣ Авгіевы конюшни. Д. Гершель прекрасно замѣчаетъ: „Нужно однако помнить, что всякій успѣхъ знанія въ обобщеніи былъ въ тоже время шагомъ впередъ въ упрощеніи“ *). Этого-то „упрощенія“ (т. е. въ сущности болѣе глубокаго, отчетливаго и яснаго пониманія) мы бы напрасно стали ждать отъ изслѣдователей, проникнутыхъ принципами узкой спеціализаціи, съ узкимъ міровоззрѣніемъ и ограниченными идеалами. Когда видишь, что о какомъ-нибудь микроскопическомъ вопросѣ пишутся объемистыя сочиненія, все содержаніе которыхъ съ великимъ удобствомъ и пользой для дѣла могло бы помѣститься на нѣсколькихъ страницахъ, невольно вспоминаешь остроумную характеристику такого рода ученыхъ у Гейне въ его Harzreise, а также злую и рѣзкую насмѣшку Шопенгауера въ Parerga und Paralipomena II, § 283 *). Съ другой стороны слѣдствія узкой спеціализаціи проявляются очень наглядно въ массѣ практиковъ разныхъ профессій, обладающихъ университетскими дипломами и обнаруживающихъ такое убожество мысли, такую крайнюю ограниченность и односторонность, что о нихъ можно сказать словами Фауста:

. . . . ich finde nicht die Spur
Von einem Geist, und alles ist Drossur.

Думается мнѣ, что однимъ изъ лучшихъ средствъ для прогресса въ этой области было бы реформированіе университетскаго преподаванія въ смыслѣ бѣльшаго объединенія наукъ

*) „Философія естествознанія“ 1868 355.

**) Н. Коркуновъ въ своей „Исторіи философіи права“ (1896, 107—108), говоря о средневѣковыхъ комментаторахъ—схоластикахъ, отличавшихся крайнею безсодержательностью и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенною пространностью изложенія, приводитъ очень любопытные примѣры изъ работъ схоластиковъ. Если бы не годы на обложкахъ книгъ, то многіе изъ современныхъ авторовъ могли бы быть приняты за средневѣковыхъ схоластиковъ, размышлявшихъ, напр., о томъ, можетъ ли мышъ, съѣвшая св. Дары, принять тѣло Господне? Въ самомъ дѣлѣ, не аналогичный ли характеръ носить открытіе вѣмецкаго ученаго Борста, что есть 12 родовъ и 42 степени соучастія? (Работа Борста мнѣ неизвѣстна. Цитирую по Таганцеву „Лекціи“. II, 883).

въ связи съ необходимымъ очищеніемъ многихъ наукъ (особенно при академическомъ ихъ преподаваніи) отъ ненужнаго хлама и строго теоретическимъ направленіемъ всего преподаванія *).

Надо сдѣлать такъ, чтобы каждый студентъ имѣлъ возможность получить общенаучную подготовку, чтобы въ университетахъ была бы устранена возможность образованія узкихъ спеціалистовъ. Для того лучшимъ средствомъ было бы продленіе университетскаго курса до пяти лѣтъ, причемъ первые два года всѣ студенты безъ различія спеціальностей (которыхъ еще не должно быть) слушали бы общеобразовательные курсы и получили бы прочную общенаучную основу. Въдѣ такія науки какъ логика, психологія, философія, исторія, теорія и исторія искусствъ, общая теорія права, политическая экономія, антропология, физика, біологія, астрономія и т. п. одинаково необходимы для выработки міровоззрѣнія и одинаково должны интересовать каждого мыслящаго человѣка. Остальные три года могли бы быть посвящены спеціальнымъ цикламъ наукъ (дѣленіе на факультеты) причемъ въ виду особой важности нѣкоторыхъ изъ наукъ, читающихся первые два года (напр. философія), необходимо преподаваніе ихъ провести черезъ весь университетскій курсъ **).

*) Относительно юридическаго факультета это послѣднее требованіе должно выразиться въ перемѣщеніи центра тяжести на чисто—теоретическій элементъ каждой изъ читаемыхъ наукъ. Необходимо на послѣднемъ курсѣ, т. е. когда студенты будутъ обладать значительной подготовкой и общенаучной, и спеціальной, когда они достаточно осязаясь со всѣмъ организмомъ права и приобрѣтутъ достаточный запасъ фактовъ,—прочестъ имъ обстоятельный, подробно разработанный курсъ философіи права (курсъ исторіи философіи права долженъ предшествовать этому курсу).

**) Первые два курса слѣдуетъ организовать такъ, чтобы пройдя ихъ студентъ кромѣ приобрѣтенія надежнаго матеріала для выработки внослѣдствіи цѣльнаго и богатаго по содержанію міровоззрѣнія, получилъ бы солидную основу для дальнѣйшихъ плодотворныхъ работъ на избранномъ имъ факультетѣ. Для этого напр. изъ огромнаго цикла естественныхъ и математическихъ наукъ слѣдовало бы избрать нѣсколько наиболѣе соответствующихъ достиженію указанныхъ цѣлей, а также читать отдѣльные курсы спеціального характера.—Лично мнѣ кажется, что списокъ читаемыхъ курсовъ могъ бы быть слѣдующимъ (кромѣ иностранныхъ языковъ). I. Введеніе въ высшую математику, аналитическая геометрія, астрономія. II. Физика, химія біологія, сравнительная анатомія, ботаника. III. Логика, психологія, введеніе въ философію, всеобщая исторія исторія литературы, теорія и исторія искусствъ. IV. Юридическая энциклопедія, политическая экономія, социологія.—При рациональномъ распредѣленіи читаемыхъ курсовъ и пяти ежедневныхъ лекціяхъ студентъ въ два года можетъ достигнуть требуемыхъ резуль-

На возраженіе, что нельзя въ три года основательно изучить спеціальныя науки, слѣдуетъ отвѣтить, что при рациональной постановкѣ преподаванія, все, что въ настоящее время проходитъ напр., у насъ на юридическихъ факультетахъ, можно слѣвать въ какія нибудь два года. Необходимо сокращеніе очень многого, что теперъ преподается. Такому сокращенію слѣдовало бы подвергнуть напр. курсы римскаго права, число часовъ посвященныхъ которому доходитъ до громаднхъ цифръ *). Представляется излишнимъ кафедра церковнаго права съ обязательнымъ характеромъ: церковное право могло бы съ большимъ удобствомъ составить для приватъ-доцента необязательный спеціальныи курсъ. Наконецъ, можно ли назвать нормальнымъ то большое количество недѣльныхъ лекцій, которыя удѣляются многимъ наукамъ? Не поражаетъ ли каждаго наблюдателя своею ненормальностью такое явленіе: профессоръ, издавшій свой подробный курсъ, читаетъ тотъ же курсъ на лекціяхъ, обыкновенно сокращая, а иногда кое—что дополняя? Какую пользу можетъ студентъ извлечь изъ такихъ лекцій и не гораздо ли проще проштудировать курсъ дома, не теряя времени на лекціи? **).

Лекціонная система, на которую въ послѣднее время такъ незаслуженно нападали, должна, конечно, на всегда сохранить самое почетное мѣсто въ университетскомъ преподаваніи, т. к. обладаетъ очень многими цѣнными качествами ***). Но эти качества

татовъ. Это достиженіе должно быть контролируемо строгими экзаменами (предметная система), удовлетворительный исходъ которыхъ есть *conditio sine qua non* допущенія на отдѣльные факультеты.

*) Само собою разумѣется, что римское право всегда должно остаться въ системѣ преподаванія какъ въ высшей степени цѣнный элементъ.

**) Совершенно правъ *Aschrott*, говоря, что лекціи должны лишь дополнять учебники и что безъ ознакомленія съ основами студентъ не можетъ сознательно отнестись къ этимъ „дополненіямъ“, поэтому является необходимымъ предварительно проштудировать (подъ руководствомъ приватъ-доцентовъ) хорошіе учебники, а потомъ уже начать слушать лекціи. „*Das Universitätsstudium und insbesondere die Ausbildung der Juristen in England*. 1887. 35 и слѣд

***) Профессоръ проповѣдующій уничтоженіе лекціонной системы, выдаетъ себѣ *testimonium paupertatis*: никакая книга не можетъ дать студенту того что даетъ лекція. Помимо чисто-педагогическаго значенія живаго слова и вліянія личности преподавателя, помимо существеннаго различія между законченнымъ и застыющимъ (книга) и находящимся въ процессъ образованія, движущимся (лекція),—въ аудиторіи каждый излагаемый вопросъ является передъ студентомъ въ видѣ результата личнаго отношенія къ вопросу, личной работы надъ нимъ человѣка, посвятившаго служенію наукъ всю свою жизнь.

только тогда могутъ обнаружиться во всемъ своемъ блескѣ, когда профессоръ будетъ имѣть больше времени для приготовленія лекцій, когда самое количество ихъ значительно сократится. Если студентъ предварительно проштудировалъ хорошей учебникъ и быть можетъ двѣ—три монографіи, тогда какихъ—нибудь десятка два содержательныхъ и съ настроеніемъ прочитанныхъ лекцій гораздо больше дадутъ ему, чѣмъ длинный курсъ по шести лекцій въ недѣлю, на которыхъ профессоръ обязанъ тянуть скучную канитель, страница за страницей „разсказывая своими словами“ напечатанный имъ учебникъ.

Каждому слушавшему лекціи и каждому университетскому преподавателю хорошо извѣстны примѣры, когда какой—нибудь не-обязательный специальный курсъ, состоявшій изъ десятка лекцій, возбуждалъ интересъ къ наукѣ, будилъ мысль, давалъ массу идейнаго содержанія и оставлялъ неизгладимый слѣдъ на всю жизнь,—а рядомъ съ этимъ курсомъ многіе обязательные курсы съ огромнымъ количествомъ недѣльныхъ лекцій являлись безплодной потерей времени. И въ этомъ обстоятельстве далеко не всегда виноватъ профессоръ: едва ли возможно найти ученаго, какъ бы онъ ни любилъ науку, какъ бы онъ ни зналъ ее, который былъ бы въ состояніи ежедневно читать лекціи съ такимъ настроеніемъ и такъ разработанныя, какъ это бываетъ, напр., со вступительными лекціями. И въ то время, какъ вступительную лекцію никто не затруднится напечатать, большинство профессоровъ было бы весьма огорчено, если бы появились въ печати многія изъ прочитанныхъ ими въ теченіи курса лекцій. Конечно, невозможно требовать, чтобы каждая лекція была бы цѣннымъ вкладомъ въ науку, чтобы она была бы образцовымъ произведеніемъ въ смыслѣ полноты, законченности, сжатости, внѣшней отдѣлки, чтобы наконецъ, каждая лекція была прочитана съ одинаковымъ подъемомъ и настроеніемъ. Но во всякомъ случаѣ необходимо стремиться создать такой порядокъ, при которомъ каждый преподаватель могъ бы не дѣлать такой разницы между вступительными лекціями, въ которыхъ онъ старается дать все лучшее, на что только онъ способенъ,—и обычными лекціями въ теченіи курса.

Достигнуть этого можно только тогда, когда количество лекцій будетъ сокращено до необходимаго

минимума, когда самому профессору будетъ предоставлена полная свобода въ опредѣленіи размѣровъ, содержанія курса, времени его начала и окончанія. *Работа профессора есть одинъ изъ видовъ выстей духовной дѣятельности и поему никакая внѣшняя регламентація, въ особенности никакой бюрократическій надзоръ здѣсь по самому существу невозможенъ*).* Профессоръ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи много свободнаго времени для того, чтобы быть въ состояніи исполнить свое назначеніе, быть въ состояніи не смотрѣть на свои лекціи какъ на дѣло второстепенное сравнительно съ чисто учеными работами. Скажу больше. Профессоръ долженъ смотрѣть на чтеніе лекцій, какъ на самое важное дѣло своей жизни; писаніе ученыхъ трудовъ должно быть поставлено на второмъ планѣ. Только тогда профессоръ будетъ неутомимо, съ любовью работать надъ подготовкой лекцій, вложить въ нихъ результаты всѣхъ своихъ чтеній, размысленій, наблюденій; будетъ постоянно улучшать лекціи какъ со стороны формы, такъ и стороны содержанія. И тогда его лекціи будутъ проникнуты живымъ духомъ, окажутъ самое благотворное вліяніе на аудиторію, будутъ давать студентамъ много, а не сведутся къ комментированію учебника или къ механическимъ компиляціямъ.

Одновременно съ достиженіемъ только что указаннаго результата, результата первостепенной важности, сокращеніе количества лекцій дастъ возможность расширить область изучаемаго на юридическихъ факультетахъ. Тогда и не можетъ возникнуть вопросъ о недостаточности трехлѣтняго курса для намѣченной широкой программы; тогда, наконецъ, возможно расширить постановку спеціальныхъ курсовъ и развить столь важный для науки и для академической жизни институтъ, какъ институтъ приватъ-доцентовъ.

Но если лекціонная система должна всегда занимать первое, самое почетное мѣсто въ академическомъ преподаваніи, то съ

*) Нельзя не отмѣтить унижительнаго, полицейски-бюрократическаго порядка, существующаго въ настоящее время въ Россіи: инспекція (т. е. институтъ чисто-полицейскій, въ высокой степени несправедливый) ведетъ еженедѣльные „кондуктныя списки“ профессоровъ, отмѣчая каждую пропущенную лекцію. Любопытно, что счетъ „пропущенныхъ“ лекцій ведется для всѣхъ преподавателей съ 1 сентября, хотя бы нѣкоторые преподаватели начинали свои курсы значительно позже.

другой стороны эта система должна быть дополнена системой практических занятій, семинарій. Эти практическія занятія возможны въ двухъ различныхъ другъ отъ друга видахъ: 1) предварительной, черновой т. е. работы штудированія избранныхъ учебниковъ, какъ основы для дальнѣйшаго слушанія лекцій и 2) занятій, направленныхъ на развитіе самостоятельнаго отношенія студентовъ къ научнымъ вопросамъ, на болѣе глубокое изученіе отдѣльныхъ вопросовъ, на развитіе юридическаго мышленія и на ознакомленіе съ научными методами. Этотъ второй видъ практическихъ занятій никоимъ образомъ не долженъ вырождаться въ пріобрѣтеніе разныхъ техническихъ навыковъ, не долженъ быть направленъ на подготовку чисто—профессіональную. Практическія занятія должны носить строго—научный характеръ*).

Въ послѣднее время (въ особенности въ Германіи) стали много говорить о чисто—учебномъ назначеніи юридическихъ факультетовъ. Напр. извѣстный Эйзенахскій съѣздъ германскихъ профессоровъ права, высказавшись противъ юриспруденціи, основанной на однихъ параграфахъ закона, подчеркнулъ необходимость основательнаго изученія дѣйствующаго права, а очень многіе члены съѣзда настаивали на необходимости для профессора быть не только ученымъ изслѣдователемъ, но и учителемъ права**).

Въ этихъ требованіяхъ заключается не мало истины. Дѣйствительно, задача юридическаго факультета должна быть и учебной. Эта сторона дѣла должна выражаться 1) въ томъ, чтобы не оставлять студентовъ быть пассивными слушателями, а напротивъ—пріучать ихъ къ самостоятельнымъ научнымъ работамъ,

*) Важные моменты юридическаго образованія указаны въ работѣ Д. С. Блорницъ—Котляревскаго: Къ вопросу о высшемъ юридическомъ преподаваніи. (Юрид. Вѣстн. 1886. № 6)

**) Friedberg. Die künftige Gestaltung der deutschen Rechtsstudiums nach den Beschlüssen der Eisenacher Konferenz. 1896 —Ср. Schlossmann. Bürgerliches Gesetzbuch und akademischer Rechtsunterricht. 1896. Для ознакомленія съ теченіями мысли относительно реформы академическаго преподаванія права см: Blondel. La réforme des études juridiques en Allemagne; Burckhard. Zur Reform der juristischen Studien; Goldschmidt. Rechtsstudium und Prüfungsordnung; Holtzendorff. Deutscher und französischer Rechtsunterricht; Liszt. Die Reform des juristischen Studiums in Preussen; Ortloff. Die Reform des Studiums der Rechts—und Staatswissenschaften; Rümelin. Zur Reform des juristischen Unterrichts; Pann. Zur Reform des juristischen Studien und Prüfungswesens.

развивать ихъ юридическое мышленіе, довести до возможности активно и сознательно оперировать научными методами, и 2) контролировать ихъ занятія. Очевидно, что для осуществленія перваго пункта этой программы лекціонная система мало пригодна; отсюда важность цѣлесообразной постановки практическихъ занятій. Что касается втораго пункта, то единственно пригоднымъ способомъ контроля могутъ быть только экзамены. *)

Всякій другой способъ (напр. требованіе обязательнаго посѣщенія лекцій, требованіе обязательной подписки на извѣстные курсы, система зачета семестровъ)—совершенно несомѣстимъ съ принципомъ академической свободы. Студенты—взрослые люди а не школьники **). Совершенно достаточно объявить имъ для руководства (въ видѣ необязательнаго совѣта) извѣстный выработанный факультетомъ планъ занятій, подробно мотивированный, а затѣмъ надо предоставить доброй волѣ студента слѣдовать или нѣтъ этому плану, посѣщать или нѣтъ университетъ, выбирать тотъ или иной курсъ, тѣ или иныя практическія занятія. Въ объявленныхъ плавахъ должны быть указаны подробно всѣ требованія, которыя предъявятся студенту на экзаменахъ, какъ во время прохожденія университетскаго курса ***) , такъ и на окончательныхъ.

Такой порядокъ, нисколько не стѣсняя академической свободы, могъ бы въ значительной степени устранить то печальное явленіе, которое охарактеризовалъ Паульсенъ словами: „Die Juristen wollen etwas werden, aber nichts lernen“ †). Само собою разумѣется, что экзамены не должны быть пустымъ звукомъ, формальной комедіей †*). Хотя

*) Freiheit ohne Möglichkeit des Missbrauchs ist ein unmögliches Ding. Es giebt nur ein mögliches und notwendiges Gegengewicht der Freiheit: das ist ein strenges Staatsexamen“. (Paulsen I. c., 366).

**) Ср. прекрасныя замѣчанія о значеніи академической свободы у Дернбурга „Die Reform der juristischen Studienordnung. 1886. 9–12, а также въ не разѣ цитированной книгѣ Паульсена.

***) О т. к. Zwischenprüfungen дѣльныя замѣчанія у Орлофа „Das Studium der Rechts und Staatswissenschaft. 1903. 59 и слѣд.

†) Die deutschen Universitäten. 505 — „Etwa ein Drittel unserer Rechtsstudenten studiert wirklich, sagt Gneist; das zweite Drittel will er als „Halbstudenten“ bezeichnen; das dritte Drittel studiert fast nur dem Namen nach“. (Cohn. Ueber die Vorbildung zum höheren Verwaltungsdienste in den deutschen Staaten).

†*) И, конечно, разумно экзамены строго научнаго характера, безъ малѣйшей придирчивости, безъ преувеличенныхъ требованій. И въ особенноти ненормаль-

и разсуждая отвлеченно можно сказать, что экзамены, производимые только для внѣшности, представляют собою нарушение профессоромъ своего долга по отношенію къ государству (т. к. онъ удостовѣряетъ оффиціально наличность у экзаменующагося такихъ данныхъ, какихъ въ дѣйствительности не существуетъ, и выпускаетъ въ государство подъ видомъ интеллигентнаго работника высшаго порядка человѣка съ весьма сомнительнымъ духовнымъ содержаніемъ) но тотъ, кому не приходилось въ самой жизни наблюдать всѣхъ печальныхъ результатовъ такихъ экзаменовъ, не можетъ составить себѣ надлежащаго понятія, какой вредъ приносить слабое сознаніе профессорами своего долга.

Никакія соображенія гуманности не могутъ имѣть мѣста, напр., тамъ, гдѣ дѣло идетъ о подготовкѣ лицъ, которымъ будутъ ввѣрены столь важныя и отвѣтственныя функціи, какъ судейская, функціи, требующія такихъ глубокихъ и широкихъ знаній. Надѣяться на то, что выпущенные изъ университета недоучки впоследствии сами будутъ стремиться къ приобрѣтенію знаній и пополнять свое научное образованіе,—это значитъ не знать жизни и крайне рѣдкія исключенія возводить въ общее правило *).

Кто въ университетѣ не приобрѣлъ научной подготовки и запаса идеаловъ, тотъ, поступивъ на службу, можетъ пожалуй, сдѣлаться хорошимъ чиновникомъ—бюрократомъ, но никогда не будетъ принадлежать къ духовной аристократіи страны, никогда не почувствуетъ интереса къ наукѣ, съ которой онъ былъ знакомъ только по наслышкѣ, а между тѣмъ, опираясь на свой дипломъ, будетъ предъявлять къ государству высокія требованія.

Могучимъ факторомъ, содѣйствующимъ и учебной, и ученой цѣлямъ университета, является обязательное представленіе студентомъ письменныхъ работъ. Только тотъ, кто письменно излагалъ свои мысли, кто продѣлалъ самостоятельно все, что требуется для научнаго изслѣдованія хотя бы одного небольшого вопроса,—можетъ считаться получившимъ законченное научное образованіе. Въ виду такой важности письменныхъ работъ представляется необ-

нимъ явленіемъ слѣдуетъ признать требованіе чисто календарныхъ знаній, въ родѣ: сколько въ Россіи судебныхъ палатъ? какова длина сѣти желѣзныхъ дорогъ тамъ-то? какою статьею предусмотрено дѣтубійство? и т. п.

*) Совершенно вѣрно подчеркиваетъ германскій судья—практикъ К. Dickel чрезвычайную трудность приобрѣтенія теоретической подготовки въ дальнѣйшей практикѣ. Ueber die Vorbildung der Juristen in Preussen etc“. 1888. 15.

ходимымъ, чтобы каждый студентъ къ концу своего пребыванія въ университетѣ написалъ одну научную работу. Работа эта должна явиться результатомъ самостоятельнаго и исчерпывающаго изученія во всѣхъ подробностяхъ (при обязательномъ использованіи иностранной литературы хотя бы на одномъ языкѣ) какого-нибудь избраннаго вопроса одной изъ наукъ *).

Предлагаемый порядокъ, казалось бы, достаточно гарантируетъ подготовку всесторонне и вполне научно образованныхъ судей. *Пять лѣтъ упорнаго и систематическаго труда въ идеальной области чистой науки, въ такой симпатичной обстановкѣ, какъ университетъ съ его академической свободой, въ благодарномъ возрастѣ полной связности всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ,— все это, конечно, оставитъ неизгладимый отпечатокъ на всю жизнь чловѣка, послужитъ источникомъ всѣхъ его лучшихъ, благородныхъ стремленій, привьетъ навсегда уваженіе и любовь къ наукамъ и глубокую веру въ окончательное торжество культурныхъ идеаловъ **).* Но для этого необходимо быть студентомъ не по названію только. Прекрасно замѣчаетъ проф. Карѣевъ, что „отскочить отъ чловѣка можетъ только то, что извнѣ пристало къ нему, а что вошло въ плоть и кровь, что сдѣлалось составною частью самой личности, то лишь прочно и бываетъ“. И это совершенно понятно: чловѣкъ не легко расстаётся съ тѣмъ, что приобрѣтено имъ долгимъ, упорнымъ и систематическимъ трудомъ.

Вотъ почему необходима строгая и систематическая провѣрка того, дѣйствительно ли студентъ не злоупотребилъ своею свободой, дѣйствительно ли онъ все время работалъ. Конечно, въ понятіе академической свободы входитъ и право ничего не дѣлать. Поэтому никто не можетъ понуждать и заставлять студента работать, слушать лекціи и т. д. Но если онъ пожелаетъ получить отъ государства право, обусловленное

*) О чрезвычайной важности такого изученія избраннаго отдѣла см. прекрасныя замѣчанія у Рѣдкина „Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще“. 1889. I, 57—58.—Сюда какъ нельзя лучше примѣнима англійская поговорка: excellence in one thing is a better criterion of mental power than mediocrity in two.

**) Die Studentenjahre bilden einen Lebensabschnitt, der von entscheidender Bedeutung für das ganze Leben ist; man kann sie der Blütezeit des Frühlings vergleichen; von dem Fruchtansatz im Frühling hängt die Ernte des Herbstes ab. (Paulsen. I. c., 339).

наличностью всѣхъ даваемыхъ университетомъ знаній, то вполнѣ логичнымъ является потребовать самыхъ неопровержимыхъ доказательствъ обладанія этими знаніями. Пора прекратить такой порядокъ вещей, при которомъ юридическій факультетъ, не смотря на всю серьезность, трудность и сложность изучаемыхъ на немъ наукъ, считается наиболѣе легкимъ изъ всѣхъ нашихъ факультетовъ и привлекаетъ къ себѣ студентовъ по соображеніямъ, ничего общаго съ наукой не имѣющимъ. Пора прекратить порядокъ, при которомъ „юристъ“ можетъ посвятить на „науку“ 2—3 мѣсяца и получить дипломъ, порядокъ, который главнымъ образомъ служитъ причиной того, что столь многіе изъ нашихъ судебныхъ дѣятелей обнаруживаютъ болѣе чѣмъ равнодушное отношеніе къ наукѣ, считая альфой и омегой юридическихъ знаній тезисы изъ кассационныхъ рѣшеній, помѣщенные въ изданіяхъ Таганцева, Боровиковскаго, Щегловитова и др.

Но предположимъ, что человѣкъ обладаетъ надлежащими нравственными качествами и получилъ основательную научную подготовку. Достаточно ли этихъ условій для немедленнаго занятія судейскаго кресла?

Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно. Кромѣ нравственныхъ качествъ и научной подготовки судья долженъ обладать еще третьимъ очень важнымъ качествомъ — опытомъ, какъ 1) житейскимъ вообще, такъ и 2) чисто-профессиональнымъ.

Судейская функція—окончательное разрѣшеніе вопросовъ, непосредственно касающихся самыхъ драгоцѣнныхъ благъ личности и основъ общежитія, не можетъ быть поручена совершенно молодому человѣку съ неустановившимся еще характеромъ, не знающему жизни. „Правосудіе не есть ремесло,“ говоритъ Принсъ: „оно—трудная наука, и даже болѣе—сложное искусство. Оно требуетъ очень надежнаго такта въ щекотливомъ обращеніи съ законами и съ людьми“ *).

Вѣковая народная мудрость представляетъ себѣ судью не иначе,

*) Преступность и репрессія. Стр. 101.

какъ въ видѣ совершенно зрѣлаго мужа и даже старика, и въ этомъ она безусловно права: только человѣкъ, умудренный опытомъ, знающій жизнь, можетъ надлежащимъ образомъ оцѣнить тѣ явленія этой жизни, которыя даютъ основаніе для вмѣшательства государственной власти и притомъ такого опаснаго вмѣшательства, какъ сопряженнаго съ примѣненіемъ крайняго, обоюдоостраго средства охраны правопорядка.

Вотъ почему является въ высшей степени ненормальнымъ такой порядокъ вещей. при которомъ судейское кресло можетъ занять человѣкъ, только что сошедшій со школьной скамьи, когда такому почти юношѣ поручаютъ судить не дѣтей, а нерѣдко людей вдвое старше судьи, поручаютъ олицетворять собою высшій органъ правды, олицетворять абсолютное безпристрастіе, твердость, знаніе человѣческой души и умѣніе читать въ этой душѣ. Необходимо въ организаціонномъ законѣ обусловить получение судейской должности достиженіемъ опредѣленнаго количества лѣтъ. Казалось бы, что минимумъ долженъ быть опредѣленъ въ 35 лѣтъ: лучше въ этомъ отношеніи взять немного больше, чѣмъ меньше *).

И здѣсь образцомъ можетъ служить англійская система назначенія судей. Въ Англии судьи назначаются изъ числа опытныхъ, долго практиковавшихъ адвокатовъ, заслужившихъ извѣстность и уваженіе. Всѣ англійскіе судьи—люди весьма пожилые. Вотъ, напр., свѣдѣнія о лѣтахъ вестминстерскихъ судей въ 1904 году, заимствованныя изъ весьма извѣстнаго Whitaker's almanack (1904 г. стр. 178). Моложе всѣхъ судья Charles John Darling—54 лѣтъ. Старше всѣхъ Alfred Wills—75 лѣтъ. Средній возрастъ можно опредѣлить въ 60 лѣтъ. И не надо думать, что это зависитъ отъ долгодѣтней службы судей уже въ качествѣ таковыхъ; напротивъ,

*) Въ своей хорошей книгѣ „Was fördert unsere Zeit vom Richterstande und der Rechtspflege?“ (1898) Schellhas указываетъ на большія невыгоды назначенія судей въ числа молодыхъ, незнакомыхъ съ жизнью людей, и настойчиво рекомендуетъ англійскую систему. Авторъ справедливо настаиваетъ на необходимости поднятія общаго образованія судей и поднятія ихъ идеаловъ, доказывая, что только такимъ образомъ можно прекратить существующее въ Германіи зло—пониженіе общаго уровня судейскаго персонала и превращенія судей въ чиновниковъ—бюрократовъ. Жизненно вѣрны замѣчанія автора о необходимости меньшаго обремененія судей работою для повышенія качества ея.—Ср. прекрасныя замѣчанія о необходимости совершенно зрѣлаго возраста для судей у Штернберга Allgemeine Rechtslehre. 1904 I, 205—206, а также у J. Fave. I. c., 47.

обыкновенно въ судьи назначаются очень пожилые адвокаты. Напр., Sir James Charles Mathew 73 лѣтъ, былъ назначенъ въ 1901 году, James Stirlind 67 лѣтъ—назначенъ въ 1900 году, Ingle Joyce 64 лѣтъ—назначенъ въ 1900 г.

Но одной житейской опытности, знанія жизни еще недостаточно. Судья долженъ обладать служебнымъ опытомъ, въ совершенствѣ знать дѣйствующее право и владѣть всѣми техническими, профессиональными приемами.

Всѣ эти знанія и навыки приобрѣтаются путемъ чисто-практической подготовки во время стаж а.

Университетъ, какъ было указано выше, не можетъ и не долженъ стремиться замѣнить собою чисто-практическую школу, которая должна проходить уже на судебной службѣ. Не говоря уже о профессиональных свѣдѣніяхъ, о правилахъ и техникахъ дѣлопроизводства, въ задачи университета не можетъ входить и ознакомленіе студента съ дѣйствующимъ правомъ во всѣхъ подробностяхъ и во всей полнотѣ. Университетъ обязанъ дать студенту ключъ къ пониманію дѣйствующаго права, долженъ ознакомить съ общимъ духомъ и системой этого права, показать, какъ общіе научные принципы отражаются въ немъ,—но детальное изученіе онъ долженъ предоставить практикѣ; иначе за проблематическими выгодами „основательнаго знанія дѣйствующаго законодательства“, университетъ не дастъ студенту того, чего впоследствии и приобрѣсть нельзя будетъ: „наука“, „научные методы“, „теорія“—всѣ эти слова на всю жизнь останутся для юриста, „основательно изучавшаго въ университетѣ дѣйствующее право“—жупелами.

Практическая подготовка для занятія судейскаго кресла должна дѣлиться на два періода.

Первый періодъ—стажъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Здѣсь молодой юристъ присматривается къ живому дѣлу правосудія, приобрѣтаетъ запасъ чисто-техническихъ знаній, изучаетъ правила дѣлопроизводства, начинаетъ провѣрять на практикѣ нѣкоторыя теоретическія истины, приучается постепенно производить нѣкоторыя самостоятельныя дѣйствія, входящія въ составъ сложной судебной машины. Служба въ канцеляріяхъ, посѣщеніе судебныхъ засѣданій, занятія подъ руководствомъ секретарей, нотариусовъ, адвокатовъ, прокуроровъ, слѣдователей, судей,—вотъ нормальные способы приобрѣтенія указанныхъ знаній. Параллельно

съ этими занятіями должно идти изученіе дѣйствующаго законодательства.

Въ продолженіи всего этого времени молодой человѣкъ, хотя и числится на службѣ, но самостоятельныхъ судебныхъ дѣйствій производить не долженъ: онъ еще находится въ положеніи ученика. И лишь доказавъ, что обладаетъ необходимымъ комплексомъ техническихъ знаній, извѣстнымъ запасомъ опыта и знанія дѣйствующаго права, кандидатъ на судебныя должности имѣетъ право самостоятельно принять участіе въ дѣлѣ отправления правосудія, но все еще не въ качествѣ судьи. Онъ можетъ сдѣлаться адвокатомъ, нотариусомъ, секретаремъ, прокуроромъ, судебнымъ слѣдователемъ:

Это и есть второй періодъ подготовки къ занятію судейскаго кресла. Самостоятельно дѣйствуя при исполненіи только что названныхъ важныхъ обязанностей, молодой юристъ знакомится съ дѣломъ правосудія у самаго его источника, онъ лично участвуетъ въ различныхъ сторонахъ этого дѣла, вноситъ въ дѣло свое я. Здѣсь богатѣйшее поле для основательнаго изученія дѣйствующаго права и примѣненія его къ жизни во всей его полнотѣ, для пріобрѣтенія опыта и массы самыхъ цѣнныхъ наблюденій и впечатлѣній, для изученія жизни, по скольку она соприкасается съ правосудіемъ, для всесторонняго изученія того своеобразнаго матеріала, который даетъ заль судебныхъ засѣданій, для изученія того, какъ вырабатывается и постепенно создается этотъ матеріаль и изъ какихъ элементовъ онъ состоитъ.

И лишь по истеченіи извѣстнаго времени работы въ только что указанномъ второмъ періодѣ—судебный практикъ во всеоружіи знанія и опыта можетъ занять судейское кресло.

Здѣсь не мѣсто подробно изслѣдовать вопросъ и намѣчать программу практической подготовки судей. Не выходя изъ рамокъ принципиальнаго разсмотрѣнія вопроса объ организациі суда, можно лишь сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ указаній. Прежде всего необходимо замѣтить, что продолжительность обоихъ періодовъ не можетъ быть незначительной. Для пріобрѣтенія техническихъ знаній, изученія дѣлопроизводства и извѣстнаго знакомства съ дѣйствующимъ правомъ кандидатъ на судебныя должности долженъ проработать года 2—3. Въ виду особой важности удостовѣренія наличности необходимыхъ знаній представляетъ

ся необходимымъ подвергать кандидатовъ экзаменамъ. И подобно тому какъ университетскій экзаменъ долженъ носить чисто теоретической характеръ, подобно тому какъ единственными компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ могутъ быть только преподаватели университета,—экзаменъ кандидатовъ на судебныя должности долженъ имѣть исключительно практическій характеръ и экзаменаціонныя комиссіи состоять изъ юристовъ практиковъ. Для устраненія произвола на этихъ экзаменахъ*) необходимо издать для руководства всѣхъ комиссій планъ и программу экзаменовъ, подчеркнуть какъ строго-практической характера ихъ, такъ и запрещеніе черезчуръ мелочныхъ требованій, направленныхъ на слишкомъ детальное знаніе дѣйствующихъ законовъ. Цѣлесообразнымъ представляется право обжалованія по становленій комиссій и переэкзаменовокъ въ другой комиссіи.

Само собою разумѣется, что служба кандидатовъ на судебныя должности не должна быть безвозмездной. А для того, чтобы заинтересовать молодыхъ юристовъ и сдѣлать для нихъ привлекательнымъ кандидатскій стажъ даже при скромномъ содержаніи, является безусловно необходимымъ установить, чтобы кандидаты на судебныя должности были исключительно кадromъ, изъ котораго только и могутъ пополняться ряды судебныхъ дѣятелей**). Да оно и не можетъ быть иначе: государство само слишкомъ заинтересовано въ томъ, чтобы судебныя дѣятели получали основательную теоретическую и практическую подготовку.

Что касается второго періода подготовки, періода самостоятельной судебной дѣятельности, то казалась бы, что 7—8 лѣтъ практики должно быть признано достаточнымъ для занятія наконецъ судейскаго кресла. Такимъ образомъ сдѣлаться судьей юристъ по окончаніи университетскаго курса можетъ только лѣтъ черезъ 10, т. е. приблизительно къ 35 году жизни.

Можетъ возникнуть вопросъ: при такой важности научныхъ знаній для судьи и при такомъ значительномъ промежуткѣ вре-

*) Наша практика знаетъ случаи, когда кандидатамъ предлагались членами окружныхъ судовъ съ одной стороны—вопросы пѣтъ римскаго права, вопросы по литературѣ уголовного права, а съ другой—предъявлялись самыя мелочныя, придирчивыя требованія, въ родѣ знанія наперечетъ массы статей закона и т. п.

**) Въ томъ числѣ, конечно, и ряды адвокатуры (высшей: дѣленіе адвокатуры на два вида, существующее въ некоторыхъ законодательствахъ, нельзя не признать во многихъ отношеніяхъ цѣлесообразнымъ).

мени, отдѣляющаго полученіе университетскаго диплома отъ полученія судейскаго кресла—не представляется ли необходимымъ чѣмънибудь гарантировать поддержаніе нѣкоторой связи судьи съ наукой.

На этотъ вопросъ можно отвѣтить только утвердительно. Наука идетъ постоянно впередъ, и то, что казалось неяснымъ, неопредѣленнымъ, черезъ 10 лѣтъ можетъ вылиться въ прочное, обоснованное ученіе; кромѣ того могутъ обнаружиться новыя точки зрѣнія, открыться новые горизонты, могутъ быть подмѣчены и зарегистрированы новыя, въ высокой степени важныя для практики факты, можетъ быть начата научная обработка этихъ фактовъ и т. д. Наконецъ, даже вынесенный изъ университета научный багажъ самъ по себѣ можетъ подлежать плодотворной дальнѣйшей разработкѣ и оказывать на практику самое благотворное вліяніе вслѣдствіе такой разработки.

Вотъ почему въ высшей степени важно, чтобы судебныя практики посвящали бы нѣкоторую часть своего досуга научнымъ занятіямъ. Разумѣется, это не всегда возможно и часто сопряжено съ большими затрудненіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли подлежить сомнѣнію, что человѣкъ, 10 лѣтъ со дня оставленія университетской скамьи не заглядывавшій въ спеціальныя журналы и не державшій въ рукахъ ни одной научной книги, можетъ оказаться значительно отставшимъ отъ научныхъ требованій, растерявшимъ свои знанія и потерявшимъ интересъ къ наукѣ. Можетъ получиться весьма нежелательное явленіе въ видѣ судьи, стоящаго гораздо ниже въ научномъ отношеніи начинающаго кандидата на судебныя должности.

Результатомъ изложеннаго является требованіе, чтобы судебныя практики, ищущіе должности судьи, *представляли бы доказательства того, что они не разрывали связи съ наукой, не потеряли къ ней интереса, посвящали ей часть своего досуга.*

Завершеніемъ системы гарантій въ этомъ отношеніи могли бы служить: 1) командировки судей, прослужившихъ опредѣленное число лѣтъ, на продолжительные сроки (напр. на годъ) въ университетскіе города для освѣженія научныхъ знаній съ обязательствомъ представленія подробныхъ отчетовъ о командировкахъ; 2) образованіе при судахъ періодическихъ собраній судебныхъ дѣятелей для научныхъ бесѣдъ и 3) періодическія съѣзды всѣхъ юристовъ страны, это могучее средство объединенія юридическихъ силъ и прогрессивнаго движенія юридической мысли.

Г Л А В А V.

Мы рассмотрѣли принципы, гарантирующіе возможное приближеніе судей къ идеальному типу судьи. Необходимо замѣтить, что всѣ эти принципы тѣсно связаны между собою, образуетъ цѣльную и стройную систему гарантій, и устраненіе какой нибудь одной изъ этихъ гарантій неизбѣжно повлечетъ за собою отклоненіе отъ идеала судьи, отклоненіе всегда пагубнымъ образомъ отражающееся на интересахъ правосудія.

Достаточно ли всѣхъ рассмотрѣнныхъ гарантій? Другими словами: не требуется ли въ организациі суда еще другихъ гарантій, кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ наличность необходимыхъ для судьи качествъ въ каждомъ отдѣльномъ судѣ?

Здѣсь мы подходимъ къ вопросу о наиболѣе цѣлесообразной формѣ организациі суда при рассмотрѣніи дѣлъ. Какъ извѣстно, по этому вопросу существуютъ два противоположныя мнѣнія: одно (меньшинство) защищаетъ единоличную форму суда, другое (подавляющее большинство)—коллегіальную *).

Коллегіальная форма суда была признана лучшей формой еще Монтескье **) и Фейербахомъ ***), а затѣмъ черезъ всю дальнѣйшую литературу процесса проходитъ углубленіе и развитіе той мысли, что только коллегіальная форма можетъ надлежащимъ образомъ гарантировать правосудіе отъ ошибокъ и злоупотребленій. Нынѣ это положеніе представляютъ собою communis opinio и не только ученыхъ, но и практиковъ, и общества.

*) Крайне неудачной попыткой защиты единоличной формы суда является въ нашей литературѣ статья Эмирлова „Къ вопросу объ организациі мѣстной юстиціи“ (Ж. М. Ю. 1901. № 3).

**) *Esprit des lois*. VI chap. VII.

***) *Betrachtungen über die Öffentl. und Mündl.*, 856.

Но въ виду того, что еще въ настоящее время раздаются голоса въ защиту единоличной формы *), въ виду того, что эта форма весьма распространена въ положительномъ правѣ всѣхъ государствъ, что замѣчается тенденція къ расширенію компетенціи единоличнаго суда, и наконецъ,—въ виду того, что защитники единоличной формы могутъ, повидимому, опираться на авторитетъ англійской организаціи, представляется необходимымъ принципиальное разсмотрѣніе вопроса.

Самой полной, обстоятельной и сильной аргументаціей въ пользу единоличной формы суда до сихъ поръ остается аргументація Бентама **).

Доводы его сводятся къ слѣдующему:

1) „Честность судьи зависитъ отъ его отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ, и передъ закономъ“. Но очевидно, что коллегіальная форма ослабляетъ отвѣтственность пропорціонально количеству судей: единоличный судья несетъ на себѣ всю отвѣтственность за свой приговоръ и за свое отношеніе къ дѣлу вообще, и это заставляетъ его быть гораздо болѣе внимательнымъ, между тѣмъ въ коллегіи каждый судья можетъ укрыться за коллегіей; 2) единоличный судья обязанъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ несравненно больше, чѣмъ коллегія судей; исторія показываетъ, что автономныя коллегіи часто сами подчиняютъ своему вліянію общество, образуютъ изъ себя государство въ государствѣ; 3) коллегіальная форма даетъ гораздо больше простора для подкупа судей, для вліяній на нихъ, чѣмъ единоличная; 4) огромное большинство дѣлъ настолько просты и несложны, что недопускаетъ никакого различія мнѣній; 5) практика показываетъ, что въ коллегіальномъ судѣ дѣло обыкновенно рѣшается однимъ членомъ (предсѣдателемъ или докладчикомъ), а остальные по свойственной людямъ безпечности, лѣности и т. п.

*) Недавно за единоличный судъ высказался проф. Ehrlich въ своей талантливой работѣ „Freie Rechtsfindung und freie Rechtswissenschaft 1903“. Онъ требуетъ необычайно высокихъ качествъ въ личности судьи и самыхъ солидныхъ процессуальныхъ гарантій, расширяя вмѣстѣ съ тѣмъ до небывалыхъ размѣровъ полномочія судьи относительно примѣненія матеріальнаго права. Такимъ образомъ требованіе единоличной формы является здѣсь логическимъ выводомъ изъ весьма шаткой и въ высокой степени опасной теоріи, снабжающей судъ широкими законодательными функціями, теоріи, превращающей судъ изъ органа подзаконнаго, обязаннаго охранять существующій законъ, въ источникъ провозвела.

**) О судоустройствѣ 1860 34—48.

остаются пассивными, сплошь и рядомъ придавая неправильнымъ дѣйствіямъ предсѣдателя большій авторитетъ, санкціонируя ихъ; 6) вниманіе и усердіе людей ослабѣваютъ, когда они разчитываютъ одинъ на другаго; отсюда возможность ошибокъ; 7) коллегіальная форма неизбѣжно влечетъ за собою медленность и сложность производства, а между тѣмъ быстрое возстановленіе нарушенныхъ правъ есть одно изъ наиболѣе желательныхъ качествъ правосудія; 8) единоличная форма даетъ возможность привлекать на судейскія кресла наиболѣе талантливыхъ и знающихъ людей и оплачивать ихъ соответствующимъ образомъ *).

Разсмотримъ эти аргументы.

ad 1) Вся сила перваго аргумента потеряетъ свой эффектъ, если имѣть въ виду полную возможность созданія такихъ процессуальныхъ гарантій, при которыхъ никто изъ членовъ коллегіи не могъ бы сказать: „это приговоръ суда, но не мой: я тутъ непричемъ“. Вспомнимъ хотя бы заслуживающее полного одобренія постановленіе англійскаго права, обязывающее каждаго судью въ коллегіи публично подавать свой голосъ и мотивировать свое мнѣніе.

ad 2) Подчиненіе общественному мнѣнію вовсе не можетъ быть поставлено въ заслугу суду. Судъ долженъ быть абсолютно независимымъ отъ какихъ бы то ни было вліяній, какъ сверху, такъ и съ низу. И конечно, коллегіи гораздо легче проявить эту независимость, чѣмъ единоличному судѣ. Что же касается вліянія автономныхъ судебныхъ коллегій на общество, то при надлежащей организаціи суда, при такихъ судьяхъ, какихъ имѣетъ въ виду теорія, это вліяніе—(результатъ накопленныхъ знаній, опыта, традицій, вѣками выработаннаго уваженія къ праву, къ законности, къ высокой задачѣ суда—быть высшимъ органомъ правды, недоступнымъ никакимъ преходящимъ теченіямъ и вліяніямъ)—можетъ быть только благотворнымъ.

ad 3) Что касается подкупа и возможности оказать давленіе на судью какими бы то ни было другими способами, то несомнѣнно, что при коллегіальной формѣ все это гораздо труднѣе, чѣмъ при единоличной, вопреки совершенно голословному утвержденію Бентама.

*) Сущность аргументаціи Бентама не смотря на иное расчлененіе доказательствъ и въ некоторую переработку, передана въ текстъ съ возможною полнотою.

ad 4) Простота и несложность дѣла.—понятіе весьма и весьма условное. Надо самому долго пробыть на судейскомъ креслѣ, чтобы знать, сколько индивидуальныхъ чертъ можно отыскать въ самомъ мелкомъ, шаблонномъ дѣлѣ при внимательномъ къ нему отношеніи, сколько горя можетъ принести слишкомъ поспѣшное рѣшеніе „простого и несложнаго“ дѣла, и какъ цѣннымъ можетъ быть обмѣнъ мнѣній прежде объявленій рѣшенія по самому, казалось бы, безспорному, ясному и не требующему размышленій дѣлу.

ad 5) Дѣйствительно практика представляетъ очень много случаевъ, когда дѣло въ сущности рѣшается однимъ членомъ коллегіи при пассивномъ отношеніи остальныхъ. Но коллегіальная форма сама по себѣ тутъ непрічемъ. Вполнѣ возможны процессуальныя гарантіи противъ этого зла, а противъ незаконныхъ вліяній предсѣдателей совершенно достаточно тѣхъ организаціонныхъ гарантій, о которыхъ рѣчь была выше. Съ другой стороны практика знаетъ не мало случаевъ, когда злоупотребленія властью со стороны предсѣдателей (напр. въ формѣ нарушенія процессуальныхъ правъ сторонъ, рѣзкаго, столь естественнаго на судѣ, обращенія съ обвиняемымъ, защитниками, свидѣтелями)—могли бы дойти до чудовищныхъ размѣровъ, если бы не было сдерживающаго вліянія коллегіи.

ad 6) Возможность ослабленія вниманія и усердія со стороны отдѣльныхъ членовъ коллегіи отнюдь не находится въ непосредственной зависимости отъ коллегіальной формы суда. Главными причинами тутъ являются: 1) чисто-процессуальные дефекты, недостаточно обезпечивающіе непремѣнное участіе всѣхъ членовъ въ обсужденіи каждаго входящаго въ составъ дѣла вопроса и 2) обремененіе суда работой, что неизбѣжно отражается на качествѣ работы и на вниманіи судей, въ особенности при системѣ докладовъ дѣлъ отдѣльными членами коллегіи.

ad 7) Несомнѣнно, что единоличный судья *caeteris paribus* можетъ рѣшить дѣло гораздо скорѣе, чѣмъ коллегія и что производство въ коллегіальномъ судѣ сложнѣе. Но не надо забывать, что судебная процедура вообще отличается отъ административной своею медленностью и сложностью; эта медленность и сложность обусловливаются необходимостью соблюденія цѣлаго ряда процессуальныхъ обрядовъ и формъ—драгоценныхъ гарантій правосудія. Быстрота производства, хотя и представляетъ собою

желательное качество (въ особенности въ области такъ называемыхъ маловажныхъ дѣлъ), но среди другихъ цѣлей судебной дѣятельности занимаетъ второстепенное мѣсто. Наконецъ, быстрота производства можетъ быть достигнута уменьшеніемъ количества работы, болѣе цѣлесообразной организаціей подготовительной дѣятельности (розыскъ, предварительное слѣдствіе и т. д.) и нѣкоторыми процессуальными улучшеніями.

ad 8) Противъ послѣдняго аргумента достаточно сказать, что при нормальной организаціи судебной власти страна никогда не будетъ ощущать недостатка въ талантливыхъ людяхъ, готовыхъ посвятить себя столь великому дѣлу, какъ правосудіе. Что же касается финансовой стороны, то давно уже сдѣлалось truизмомъ положеніе: „дешевый судъ—плохой судъ“; экономія въ этомъ отношеніи всегда имѣла и будетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія для страны. Плохой судъ неизбѣжно повлечетъ за собою и плохое состояніе финансовъ.

Въ заключеніе этого разсмотрѣнія можно привести слѣдующія прекрасныя слова самого Бентама: „Соединеніе нѣсколькихъ судей должно представлять массу знаній, которую нельзя бы было найти въ одномъ судѣ. Представьте себѣ сложное дѣло; одинъ судья могъ бы упустить изъ виду какое нибудь важное обстоятельство; разсѣянность, небрежность, утомленное вниманіе могло бы вовлечь его въ ошибки, которыя не могли бы такъ легко вкратиться при рѣшеніи дѣла нѣсколькими судьями. Одинъ изъ нихъ отличался бы болѣе твердою памятью, другой—проницательностью, третій—болѣе глубокимъ знаніемъ законовъ, и соединеніе дарованій, которое трудно найти въ отдѣльномъ лицѣ, легко составилось бы въ соединеніи многихъ лицъ“ *). Къ этому необходимо добавить, что, какъ извѣстно каждому практику, нерѣдко какая нибудь мелочь, подмѣченная однимъ членомъ коллегіи, можетъ повлечь за собою при обсужденіи ея совершенное измѣненіе проэктируемой резолюціи; а кто долго принималъ участіе въ судебныхъ коллегіяхъ, тотъ можетъ привести не мало примѣровъ, когда—при нормальномъ отношеніи членовъ другъ

*) „Судебныя дѣла далеко не тождественны между собою; одному судѣ могутъ быть ближе извѣстны однѣ стороны ихъ, другому нныя; даже изученіе законодательства специализируется; нѣтъ судьи, которому бы одинаково хорошо были извѣстны всѣ части законодательства, и пробѣлы знаній могутъ быть взаимно пополняемы судьями съ большою пользою для дѣла“. Ф о й в и ц к і й. Курст. I, 292.

къ другу—только всестороннее и внимательное изслѣдованіе въ совѣщательной комнатѣ раскрывало всю сложность и трудность дѣла, казавшагося такъ простымъ въ залѣ засѣданія, заставляло возобновлять судебное слѣдствіе и давало въ результатѣ высшее нравственное удовлетвореніе отъ сознанія добросовѣстнаго исполненія судейскаго долга.

Вотъ почему нельзя не видѣть всей справедливости словъ проф. А. В. Романовича-Славатинскаго: „Теоретически говоря, въ тѣхъ частяхъ государственнаго управленія, гдѣ важнѣ всего многостороннее обсужденіе, хотя бы оно было и медленнымъ, гдѣ необходимы большая опытность и неподкупность,—учрежденія должны быть коллегіальными. Къ учрежденіямъ этого рода принадлежитъ именно судъ“ *).

Конечно, коллегіальная форма не лишена нѣкоторыхъ неудобствъ, но неудобства эти съ избыткомъ вознаграждаются ея достоинствами *и бѣднѣютъ передъ недостатками единоличной формы, кореннымъ порокомъ которой является возможность перенесенія въ судъ несвойственныхъ ему началъ: увлеченія быстротой въ ущербъ основательности, пренебреженія процессуальными гарантіями, слишкомъ широкаго примѣненія начала личнаго усмотрѣнія, искушенія поддаться личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, возможности поддаться постороннимъ вліяніямъ и минутному настроенію духа и т. п.*

Вотъ почему необходимо признать коллегіальную форму суда принципомъ судоустройства.

Аргументировать въ пользу единоличной формы примѣромъ Англійи нельзя. Если въ Англійи единоличная форма суда не принесла дурныхъ результатовъ, то причиной является вовсе не эта форма, какъ таковая. Не говоря уже о томъ, что нормальнымъ судомъ въ Англійи считается судъ присяжныхъ, передъ которымъ можетъ предстать каждое дѣло, хотя бы уже рѣшенное единоличнымъ судьей, необходимо имѣть въ виду высокія качества англійскихъ судей, ихъ абсолютную независимость, процессуальные порядки и самую широкую гласность въ связи съ культурностью населенія и высоко развитымъ чувствомъ законности англичанъ.

*) Пособіе для изученія русск. государств. права. 1872. I, 132 — „Такъ какъ судъ требуетъ не столько быстроты дѣйствія, сколько тщательнаго обсужденія обстоятельствъ, то, по существу своему, онъ долженъ быть коллегіальный“. (Черняв. Курсъ. I, 329).

И лишь по соображеніямъ не принципіальнаго свойства (напр. недостатокъ средствъ государственнаго казначейства) можно для дѣлъ т. н. мѣстной юстиціи, „маловажныхъ“ дѣлъ, учредить единоличные суды. Но при этомъ никогда не слѣдуетъ забывать, что по справедливому замѣчанію Жюля Фавра „la justice est partout la même et exige en tous lieux et à tous les degrés de juridiction la même science et la même autorité“ *).

„Построеніе суда, долженствующаго вѣдать маловажныя дѣла, есть вопросъ, величайшей важности и трудности“, говоритъ проф. Фойницкій **).

Величайшей важности—да, но что касается трудности, то таковая можетъ быть лишь чисто практическаго характера. Теоретически—принципы организаціи судовъ какъ для „маловажныхъ“, такъ и для всѣхъ прочихъ дѣлъ одни и таже. И въ самомъ дѣлѣ: право одинаково священно, проявляется ли оно въ крупныхъ или мелкихъ явленіяхъ жизни; нарушеніе права производитъ принципиально одинаково вредный эффектъ независимо отъ той формы, въ которой оно произошло. Можно даже сказать больше. Правонарушенія въ особенно рѣзкихъ, крупныхъ формахъ происходятъ сравнительно рѣдко, по самой формѣ своей обращаютъ на себя всеобщее вниманіе и даже по этой одной причинѣ возстановленіе господства права здѣсь по большей части гарантировано лучше, чѣмъ при мелкихъ нарушеніяхъ. А между тѣмъ изъ этихъ мелкихъ нарушеній составляется правовая атмосфера повседневной жизни, а чѣмъ эта атмосфера здоровѣе, чѣмъ лучше организована система возстановленія этихъ мелкихъ, но чрезвычайно важныхъ для жизни правъ, тѣмъ тверже и здоровѣе весь государственный порядокъ.

Вотъ почему нѣтъ болѣе пагубнаго и чреватаго гибельными послѣдствіями заблужденія, чѣмъ разсужденія, что взысканіе нѣсколькихъ рублей долга или признаніе виновнымъ въ проступкѣ, влекущемъ за собою нѣсколько дней ареста,—слишкомъ маловажныя вещи для того, чтобы стоило серьезно отнестись къ организаціи судовъ, вѣдающихъ такія дѣла. Не говоря уже о томъ, что сумма взыскиваемыхъ денегъ есть величина относительная, и для огромнаго большинства гражданъ десятковъ рублей представляетъ

*) La réforme judiciaire.

**) Курсъ I, 327.

собою высокую цѣнность, не говоря уже о томъ, что нѣсколько дней ареста сплошь и рядомъ могутъ повлечь за собою весьма тягостныя послѣдствія,—правовое чувство каждаго изъ насъ одинаково будетъ оскорблено какъ крупнымъ, такъ и мелкимъ нарушеніемъ нашего права, и плохая организація защиты правъ, кажущихся незначительными, равняется игнорированію законодателемъ самой чувствительной стороны личной, а слѣдовательно и общественной жизни.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ то время, какъ тяжкая преступность большею частью „локализована“, въ то время какъ большинство гражданъ можетъ быть вполне увѣренными, что никогда не предстанетъ на судѣ присяжныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ, никто изъ этихъ же гражданъ не гарантированъ отъ предъявленія къ нему обвиненія въ совершеніи маловажныхъ правонарушеній. А если мы ко всему сказанному прибавимъ въ высшей степени вредные и опасные эффекты чрезмѣрнаго размноженія мелкихъ правонарушеній, размноженія, могущаго въ концѣ концовъ сдѣлать невозможной всю общественную жизнь, то первостепенная важность суда, вѣдающаго эти „маловажныя“ дѣла, станетъ для насъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Въ результатѣ необходимо придти къ выводу, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія дѣлать съ точки зрѣнія организаціи принципиальныя различія между этими судами и судами, вѣдающими тяжкія правонарушенія.

Трудность организаціи суда для маловажныхъ дѣлъ сводится къ чисто-финансовымъ затрудненіямъ. Въ виду необъятной массы этихъ маловажныхъ дѣлъ и въ виду необходимости сдѣлать такіе суды какъ можно больше доступными для населенія, является необходимость учредить очень большое количество судовъ. А въ виду необходимости дать судьямъ хорошее содержаніе и имѣть при судахъ большія канцеляріи, очень легко можетъ возникнуть вопросъ о недостаточности средствъ государственнаго казначейства. Вотъ почему единоличный судъ, какъ судъ болѣе дешевый, можетъ выручить государство изъ этого затруднительнаго положенія. Указываютъ еще въ пользу единоличнаго суда для „мѣстной юстиціи“ на то, что такая форма наиболѣе соотвѣтствуетъ особенностямъ суммарнаго процесса—быстротѣ и простотѣ разбирательства, столь необходимыхъ для маловажныхъ дѣлъ.

Несомнѣнно, что быстрота и простота представляются въ высшей степени важными критеріями достоинства суммарнаго процесса *), несомнѣнно, что при единоличной формѣ возможно достигнуть бѣльшей степени быстроты и простоты, чѣмъ при коллегіальной, но не надо упускать изъ виду, что слишкомъ энергичная погоня за указанными качествами представляетъ собою явленіе ненормальное, легко могущее самымъ опаснымъ образомъ отразиться на интересахъ правосудія **).

Итакъ единоличная форма суда для маловажныхъ дѣлъ можетъ быть оправдана единственно финансовыми соображеніями.

Логическимъ выводомъ изъ всего сказаннаго является слѣдующее положеніе: едва-ли можно сдѣлать болѣе грубую и опасную для дѣла правосудія ошибку, чѣмъ та, которую мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ континентальныхъ законодательствахъ, а именно—значительное пониженіе требованій, относящихся къ личности единоличныхъ судей сравнительно съ судьями коллегіальныхъ судовъ. Совершенно правъ проф. Фойницкій, говоря: „Является опасность превратить ихъ (т. е. единоличныхъ судей) въ маловажныхъ чиновниковъ правосудія, имѣющихъ надъ собою множество властей, не представляющихъ авторитета и доступныхъ самымъ разнообразнымъ вліяніямъ. Въ лицѣ ихъ была бы унижена вся судебная власть“ ***).

Такое именно положеніе дѣла наблюдается, напр., во Франціи и въ особенности въ Россіи. Вотъ что говоритъ о французскихъ мировыхъ судьяхъ Gines: „Les juges de paix.. affaiblissent l'autorité judiciaire, ne savent pas faire respecter leur tribunal... Ils sont les subordonnés de l'administration... Reduits à des ridicules appointements, à des relations infimes, ils perdent la notion de la dignité. Ils n'ont pas de rang aux yeux de leur justiciables, ils ne représentent rien“ †).

*) Конечно, если быстрота и простота нисколько не нарушаютъ основныхъ гарантій правосудія, безусловно необходимыхъ для всѣхъ видовъ процесса. Ср. мою работу „Къ вопросу объ упрощеніи суммарнаго уголовного процесса“. (Вѣсти. Права. 1903. II—III.

**) Къ подобнаго рода нежелательнымъ явленіямъ слѣдуетъ отнести проектируемыя у насъ „судебные приказы“ и „порядокъ неотложности“.

***) Курсъ. I, 328.

†) Jury criminel etc., 126.

По странному и печальному недоразумѣнію должность единоличнаго судьи обставляется гораздо меньшими гарантіями независимости, авторитетности, опытности и знанія, чѣмъ должность судьи въ коллегіальныхъ судахъ. *А между тѣмъ должно быть совершенно наоборотъ.*

Единоличный судья предоставленъ самому себѣ; черезъ его руки проходитъ масса дѣлъ, самымъ тѣснымъ образомъ связанныхъ съ правами и интересами населенія; среди этихъ дѣлъ сплошь и рядомъ встрѣчаются дѣла, требующія очень большаго такта, опыта и знаній; множество дѣлъ можетъ дать массу поводовъ для возбужденія неудовольствія со стороны администраціи. Если ко всему этому прибавить, что ошибки, сдѣланныя въ первой инстанціи, далеко не всегда могутъ быть исправлены въ апелляціонномъ порядкѣ, а между тѣмъ самымъ тяжелымъ образомъ могутъ отразиться на интересахъ какъ гражданъ, такъ и государства, то мы поймемъ, что единоличный судья долженъ обладать во всякомъ случаѣ не меньшей степенью опыта и знаній, чѣмъ членъ коллегіальнаго суда, а что касается гарантій независимости и авторитетности, то онѣ для единоличнаго судьи пожалуй еще болѣе необходимы, чѣмъ для члена коллегіальнаго суда.

Вотъ почему однимъ изъ основныхъ принциповъ организаціи суда является слѣдующій: судьи всѣхъ судовъ безъ исключенія должны обладать совершенно одинаковыми гарантіями независимости, авторитета, опыта, знаній и нравственныхъ качествъ. *Для единоличныхъ судей рѣчь можетъ идти не о пониженіи этихъ гарантій, а лишь о повышеніи.*

Чрезвычайно важнымъ моментомъ организаціи единоличнаго суда является поставленіе судьи въ такія условія, при которыхъ онъ былъ бы занятъ единственно и исключительно чисто-судейскою работою, т. е. разборомъ дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ. Этимъ обезпечивается: 1) повышеніе качества судейской работы; 2) быстрота производства; 3) возможность содержанія меньшаго количества судей и увеличенія количества работы для каждаго судьи, наконецъ 4) поднятіе авторитета судей.

Вопросъ сводится къ организаціи при судѣ канцеляріи, которой можно было бы поручить всю подготовительную, промежуточную и исполнительную работу, относящуюся къ рѣшаемымъ

въ засѣданіяхъ дѣламъ. И если эта канцелярія необходима въ коллегіальныхъ судахъ, то она одинаково необходима въ судахъ единоличныхъ. Ничего не можетъ быть неестественнѣе соединенія въ одномъ лицѣ судьи и секретаря *).

Дѣйствительно, трудно представить себѣ все зло, которое получается въ результатѣ такого порядка. Веденіе текущаго дѣлопроизводства, подготовка дѣлъ къ слушанію, приемъ просителѣй, выдача справокъ, составленіе отчетностей всякаго рода, наблюденіе за исполненіемъ приговоровъ и т. д., и т. д., и т. д.— все это отнимаетъ у судьи массу времени, утомляетъ его, треплетъ нервы, лишаетъ спокойствія, превращаетъ въ зауряднаго чиновника. А между тѣмъ вся эта работа отнюдь не требуетъ такихъ высокихъ качествъ въ личности работника, какія требуются отъ человѣка, рѣшающаго вопросъ о примѣненіи къ гражданину крайняго средства охраны правопорядка, отъ человѣка, призваннаго быть высшимъ органомъ правды. Избавленный отъ этой работы, судья имѣлъ бы возможность рѣшить гораздо большее количество дѣлъ, рѣшить ихъ скорѣе **) и, наконецъ, рѣшить ихъ при наличности гораздо болѣе свѣжихъ силъ.

Насколько нормаленъ порядокъ, существующій у насъ, показываетъ сама жизнь. Сила вещей беретъ свое и мы видимъ, что обыкновенно большая часть канцелярской работы производится безъ всякаго участія судьи, подписывающаго, не читая, очень много изготовленныхъ канцеляріей справокъ, копій, вѣдомостей, бумагъ, и оставляющаго въ распоряженіе письмоводителя массу напередъ подписанныхъ повѣстокъ, бланковъ и т. п. Но такой порядокъ нормальнымъ быть названъ не можетъ: онъ оставляетъ много мѣста для всевозможныхъ случайностей нежелательнаго свойства. Огромная разница существуетъ между штатнымъ секретаремъ, отвѣтственнымъ, обладающимъ извѣстнымъ цензомъ, и вольнонаемнымъ письмоводителемъ, по необходимости скудно

*) Такое соединеніе существуетъ только въ Россіи. О ненормальности такого соединенія говорилъ еще Фейербахъ (Lehrbuch, 13 Aufl. 692).

**) Для человѣка, лично не знакомаго съ дѣломъ, трудно себѣ представить, какимъ тормазомъ и быстроты, и основательности разбора служить, напр., обязанность судьи самому вести протоколы засѣданій, какъ вредно отражается на всемъ ходѣ засѣданій отсутствіе въ залѣ судебного пристава и т. д.

оплачиваемымъ и мало заинтересованнымъ въ дѣлѣ: на сколько первый является надежнымъ помощникомъ судьи, значительно содѣйствующимъ отправленію правосудія, настолько второй сплошь и рядомъ можетъ причинить судѣ много хлопотъ и затрудненій.

Опять таки и здѣсь образцомъ можетъ служить англійскій порядокъ. 26 лондонскихъ полицейскихъ судей при почти пяти-милліонномъ населеніи Лондона рѣшаютъ дѣла съ такою быстротою, что, напр., произнесеніе обвинительнаго приговора полицейскаго судьи спустя нѣсколько часовъ послѣ совершенія проступка составляетъ обычное явленіе. О качествѣ приговоровъ этихъ судей и объ ихъ авторитетѣ между населеніемъ достаточно говоритъ уже одно то обстоятельство, что апелляція на приговоры ихъ представляетъ собою исключительное явленіе: на 600 тысячъ приговоровъ приносится около 200 апелляціонныхъ жалобъ*).

Англійскій законодатель сдѣлалъ все отъ него зависящее для того, чтобы изъ полицейскаго судьи (которому подсудны только мелкія дѣла) сдѣлать судью въ настоящемъ смыслѣ слова. Англійскій полицейскій судья—это не начинающій служебную карьеру, мало опытный чиновникъ, заботящійся о повышеніи, принужденный считаться и со взглядами судебной администраціи, и съ взглядами администраціи вообще, и даже съ мнѣніями вліятельныхъ лицъ, не чувствующій подъ собою твердой почвы, не спокойный на счетъ завтрашняго дня, лишенный того ровнаго, спокойнаго, столь необходимаго для судьи настроенія духа, которое дается отсутствіемъ матеріальныхъ заботъ и лишеній, не обладающій авторитетомъ ни среди гражданъ, ни среди соприкасающихся съ нимъ властей. Напротивъ—это пожилой, житейски опытный, уважаемый и отлично знающій свое дѣло юристъ, прекрасно обеспеченный въ матеріальномъ отношеніи, безусловно независимый отъ правительства, увѣренный, что если въ приговорѣ онъ добросовѣстно выразитъ свое убѣжденіе, то никто не можетъ поколебать его положенія. Это судья, облеченный достаточно властью, чтобы заставить всѣхъ и каждого исполнить его законныя требованія. Онъ привязанъ къ своему дѣлу и посвящаетъ ему всѣ свои силы; хотя отъ него требуется большая работа, но со

*) Franqueville l. c. II, 396.—Миттермайеръ говоритъ о полицейскихъ судьяхъ: „Es macht einen wohlthätigen, Vertrauen erweckenden Eindruck das Wirken dieser Männer zu beobachten“. (Das englische, schottische und nordamerikanische Strafverfahren. 1851., 120).

стороны законодателя сдѣлано все для того, чтобы судья поступалъ къ ней со свѣжими силами.

Англійскій полицейскій судья назначается короною изъ опытныхъ, долго практиковавшихъ адвокатовъ; получаетъ до 15 тысячъ рублей въ годъ, несмѣняемъ, не можетъ получить ни повышеній, ни наградъ; ежегодно пользуется вакатомъ на полтора мѣсяца; дѣятельность его исчерпывается участіемъ въ судебныхъ засѣданіяхъ отъ 10 до 5 часовъ, причемъ и здѣсь онъ избавленъ отъ всего, что такъ или иначе можетъ отвлечь его вниманіе отъ совершенно безпристрастнаго разбора дѣлъ. Главнѣйшая его задача въ судебныхъ засѣданіяхъ заключается въ томъ, чтобы, какъ говорятъ англичане, to keep his mind open, т. к. въ большинствѣ случаевъ судья самъ даже не допрашиваетъ свидѣтелей, не говоря уже о томъ, что вся письменная работа его органичивается коротенькой отмѣткой въ одной изъ графъ журнала о существѣ приговора *). Никакого участія ни въ подготовкѣ дѣлъ къ слушанію, ни въ канцелярской дѣятельности, ни въ дальнѣйшей судьбѣ рѣшеннаго дѣла судья не принимаетъ, т. к. для всего этого есть прекрасно обставленная канцелярія съ нѣсколькими секретарями, изъ коихъ главный—chief clerk—назначается министромъ изъ опытныхъ юристовъ и получаетъ содержанія 6500 р. въ годъ. Ко всему этому надо прибавить полную обезпеченность каждаго полицейскаго суда исполнительными органами, судебными приставами, курьерами, полисменами, а также право судей налагать весьма чувствительная взысканія на каждое должностное и частное лицо, не исполнившее ихъ законныхъ требованій.

Понятно, что при такой организаціи единоличнаго суда (въ связи съ широкимъ развитіемъ гласности и чувства законности у англичанъ, а также въ связи съ чисто процессуальными достоинствами) темныя стороны этой формы сводятся на нѣтъ. Къ этому необходимо добавить, что полицейскій судья не имѣетъ права приговаривать къ наказаніямъ, превышающимъ шесть мѣсячное тюремное заключеніе. Значитъ, даже при такихъ солидныхъ гарантіяхъ, какими обставленъ англійскій единоличный судъ, законодатель на рѣшился предоставить ему большей власти. Это въ

*) Замѣтить надо, что хотя засѣданія полицейскаго суда происходятъ ежедневно, но т. к. при каждомъ судѣ обыкновенно состоитъ двое судей, то они чередуются; это очень важно въ смыслѣ постояннаго сохраненія свѣжести силъ у судьи.

высшей степени назидательно и какъ нельзя лучше подкрѣпляетъ принципъ, по которому нормальной формой суда является коллегіальный судъ *).

Заслуживаетъ полнаго одобренія германская система организаціи суда для маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ: судья (единоличный, снабженный штатной, отвѣтственной канцеляріей и исполнительными органами) разбираетъ дѣла при участіи двухъ шеффеновъ, избранныхъ на время сессіи изъ наиболѣе достойныхъ гражданъ (обязанности шеффена считаются почетными). Эти шеффены исполняютъ свои обязанности безвозмездно и въ судебныхъ засѣданіяхъ пользуются судьейскими правами. Единичный судъ превращается такимъ образомъ въ судъ коллегіальный безъ всякаго увеличенія государственныхъ расходовъ. Слѣдуетъ настоятельно рекомендовать такой порядокъ, весьма удачно парализующій многія темныя стороны единоличнаго суда, каждому законодателю, понимающему всю важность созданія прочныхъ гарантій правосудія для т. наз мѣстной юстиціи.

Только что сказанное приводитъ насъ къ чрезвычайно важному вопросу объ участіи непрофессиональнаго, общественнаго элемента въ составѣ уголовного суда. Этому вопросу посвящена слѣдующая, послѣдняя глава.

*) Французскій законодатель ограничиваетъ компетенцію своихъ единоличныхъ судей проступками, наказаніе за которое не можетъ превышать 15 франковъ штрафа или 3 дней ареста, порядокъ весьма разумный, если принять во вниманіе малую степень независимости и авторитетности французскихъ мировыхъ судей.

ГЛАВА VI.

Мы рассмотрѣли систему гарантій, при которыхъ можетъ идти рѣчь о наибольшей вѣроятности для государства имѣть судей, приближающихся къ идеальному типу судьи. Мы пришли къ выводу, что соединеніе нѣсколькихъ такихъ судей въ одну судебную коллегію представляетъ собою форму суда, наиболѣе обезпечивающую интересы правосудія.

Можно ли на этомъ остановиться и не слѣдуетъ ли въ организацию уголовного суда ввести еще новыя гарантіи безпристрастія, независимости, авторитетности, опыта и знаній?

Здѣсь мы подходимъ къ едва ли не самому трудному вопросу въ теоріи судоустройства, къ вопросу объ участи общественнаго элемента въ осуществленіи судебной власти. *)

*) Литература вопроса необъятна. Укажу лишь на нѣкоторые труды, которыми я пользовался при разработкѣ изложеннаго въ текстѣ (не приводя соответствующихъ мѣстъ изъ обидныхъ курьезовъ, вѣрѣю представляющихъ большую цѣнность).

Brunner. Die Entstehung der Schwurgerichte. 1872; I. G u n d e r m a n n. Geschichte der Entstehung der Jury in England. 1847; Dahlmann Wegweiser durch die Geschichte der englischen Jury. 1846; Meyer. Esprit, origine et progrès des institutions judiciaires. 1819 (т. II); Rogge. Über das Gerichtswesen der Germanen. 1820; Michelsen. Über die Genesis der Jury 1847; W Forsyth. History of trial by Jury. 1852; K ö s t l i n. Wendepunct. 1849; Biener. Das englische Geschworenengericht. 1852—1855 (I—III); Schwarze. Schwurgericht (Rechtslexicon Weiske X); Courpey. Du Jury en Normandie dans le moyen âge appliqué tant aux affaires civiles qu'aux affaires criminelles. 1838; Reynolds. De vera iudicii juratorum origine, natura et indole. (Diss.) 1842; Zumpt. Die Schwurgerichte der Römischen Republik. 1868 I—II; Zumpt. Die Beamten—und Volksgerichte der Röm. Rep. 1865. I—II; Daniels. Ursprung und Werth der Geschworenenanstalt. 1848; Mühler. Das Geschworenengericht. 1849. G u n d e r m a n n. Ueber die Einstimmigkeit der Geschworenen. 1849; Lewald. Die Geschworenen—Gerichte, eine Schattenseite unserer Justiz 1856; Gneist. Vier Fragen zur Deutschen Strafprozessordnung mit einem Schlusswort über die Schöffengerichte. 1874; Browne. The dark side of trial by jury 1849; Bentham. Works. II; Welcker. Jury, Schwur—oder Geschworenengericht als

Вопросъ этотъ разлагается на два вопроса: 1) необходимо ли это участіе, т. е. другими словами—представляетъ ли собою участіе общественнаго элемента историческую категорію, или основной принципъ организациі уголовного суда? и 2) если участіе общественнаго элемента есть основной принципъ организациі уголовного суда, то какая форма этого участія является наиболѣе соотвѣтствующей интересамъ правосудія?

Оба поставленные вопроса возбуждали и возбуждаютъ много споровъ въ наукѣ и до сихъ поръ не могутъ считаться окончательно рѣшенными. Къ сожалѣнію одной изъ главныхъ причинъ такого положенія дѣла является отраженіе въ наукѣ той страстной и несдержанной борьбы взглядовъ, которая господствуетъ въ публицистикѣ относительно названныхъ вопросовъ. Ни одинъ изъ вопросовъ уголовного процесса не сдѣлался столь популяр-

Rechtanstalt und als politisches Institut. 1840; Hei n z e. Ein deutsches Geschworenengericht. 1865; S c h w a r z e. Das deutsche Schwurgericht und dessen Reform. 1865; M a y e r. Geschworenengerichte und Schöffengerichte. 1872; W i a r d a. Bedenken gegen das Schwurgericht 1862; F e u e r b a c h. Betrachtungen über das Geschworenengericht. 1813; B a r. Recht und Beweis im Geschworenengericht. 1865; G ö r r e s. Der Wahrspruch der Geschworenen und seine psychologischen Grundlagen. 1903. O c h l e r. Schwurgericht und Schöffengericht. 1896; B i n d i n g. Die drei Grundfragen etc. 1876; S c h w a r z e. Das Schöffengericht. 1873; M e y e r. Die Frage des Schöffengerichts 1873; B a r. Zur Frage der Geschworenen- und Schöffengerichte. 1873; S c h ü t z e. Laien in den Strafgerichten. 1873; W e l l m a n n. Geschworne oder Schöffen? 1873; G l a s e r. Schwurgerichtliche Erörterungen. 1875; G l a s e r. Zur Juryfrage. 1864; W a h l b e r g. Schöffen oder Geschworne? (въ Gesam. kl. Schriften. 1882. III); G l a s e r. Anklage, Wahrspruch und Rechtsmittel im Englischen Schwurgerichtsverfahren. 1866; M i t t e r m a i e r. Erfahrungen über die Wirksamkeit der Schwurgerichte etc.; H. M e y e r. That- und Rechtsfrage im Geschworenengericht. 1860; Z a c h a r i a. Das moderne Schöffengericht. 1873; H. M e y e r. Die Gegner des Schöffengerichts; S p i n o l a. Schwurgerichte und Schöffengerichte; J o h n. Ueber Geschworenengerichte und Schöffengerichte. 1872; S e n f e r t. Geschworne oder Schöffen? 1873; R ö n n e. Die Aufgaben des Bürgerelementes im Strafprozess. 1876; B e r r i a t - S a i n t - P r i x. Le jury en matière criminelle. 1858; B i g o r i e d e L a s c h a m p s. Du jury en matière criminelle. 1863; O u d o t. Theorie du jury; C o u r r e n t. Omnipotence du Jury; L o u b e t. La justice criminelle en France, étudiée principalement dans ses rapports avec l'institution et l'organisation du jury etc; E s m e i n. Histoire de la procédure criminelle en France etc. 1882. 505—527; G i n e s t. Essai sur l'histoire et l'organisation du Jury criminel en France et dans les états modernes. 1896; B e u d a n t. De l'indication de la loi pénale dans la discussion devant le jury; M a r c y. L'accusé devant la loi pénale etc.; C r u p p i (въ Revue d. Deux Mondes за 1895); B é r a r d (въ Nouvelle Revue за 1892 г); T a i n t u r i e r. Le jury et la loi pénale. 1895; P i n i l l a. Le jury et son introduction en Espagne. 1873; M. S i l v e l a. Le jury criminel en Espagne. 1884; N a g e l s e t M e y e r s. Les lois du jury etc. 1901. Г л а з е р ь. О влияніи суда на приговоръ присяжныхъ. 1868; Г у з - Г л у н е к ь. О судѣ присяжныхъ. 1865; Б е к о. Организациія уголовной юстиціи и т. д.

нымъ, не приобрѣлъ такой остроты, не возбудилъ столько страстей, какъ напр. вопросъ о судѣ присяжныхъ. И къ той ожесточенной полемикѣ, къ тѣмъ преувеличеніямъ, къ тѣмъ приемамъ борьбы, къ той путаницѣ понятій, которыя наблюдаются въ массѣ статей періодической прессы, посвященной суду присяжныхъ, какъ нельзя лучше примѣнимы слова Биндинга, сказавшаго, что эта пресса „bei Ventilierung wissenschaftlichen Fragen so oft mehr verwirrt als belehrt“ *).

1867; Миттермайеръ. Европейскіе и американскіе суды присяжныхъ. 1869; Палаузовъ. Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи. 1876; Егоровъ. Постановка вопросовъ и т. д.; Егоровъ. Вопросъ о миссіи присяжныхъ засѣдателей въ новѣйшей русской литературѣ; Владиміровъ. Судъ присяжныхъ. 1873; Закревскій. О настоящемъ и будущемъ суда присяжныхъ. 1897; Бобринцевъ—Пушкинъ. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ. 1896; Тимофеевъ. Судъ присяжныхъ въ Россіи 1882; Хрулевъ. Судъ присяжныхъ и т. д. 1886; Даневскій. Сравнительное обозрѣніе нѣкоторыхъ формъ народнаго суда (Руск. Мысль 1894 г.); Розинъ. О судѣ присяжныхъ. 1901; Утинъ. Очеркъ историческ. образованія суда присяжныхъ въ Англіи (Рус. Вѣсти. 1860); Коши. Спорный вопросъ нашего судостроенія (Вѣст. Евр. 1881); Джаншіевъ. Судъ надъ судомъ присяжныхъ. 1896; Егоровъ. Нашъ судъ присяжныхъ и его критики (Р М 1890); Сергѣевскій. Шеффенгерихтъ въ русской литературѣ (Юр. Вѣсти 1879); Лицкой. Старые и новые шеффены (Ж. Гр. и Уг. Пр. 1876); Цухановъ. О недостаткахъ нашего суда присяжныхъ. (ib. 1882); Фойницкій. Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и мѣры къ ихъ сокращенію (ib. 1879); Кистяковскій. Судъ шеффеновъ въ русской юридич. литературѣ (Кіев. Унив. Изв. 1879); Мищенко. Судъ присяжныхъ въ Афинахъ (Ж. М. П. П. 1892); Гейнце. Очеркъ англ. судостр. въ связи съ судомъ присяжныхъ. 1866; Фуксъ. Судъ присяжныхъ. (Рус. Вѣсти. 1885). А. Э. Бардскій. Невѣрніе.—Еще къ вопросу объ оправдательн. приговорахъ присяжн. засѣдателей. 1897; Чубинскій. Современная борьба взглядовъ за и противъ суда присяжн. 1897; Гогель. Коренныя особенности постановки суда присяжныхъ въ различн. европ. государствахъ „Ж. М. Ю.“ 1898, I; Дейтрихъ. О судѣ присяжныхъ (ibid. 1894, VI); Случевскій. О судѣ присяжныхъ и его противникахъ. (ib. 1896, III); Лозина-Лозинскій. Реформа суда присяжныхъ (ib. 1895, VIII); Щегловитовъ. Новыя теченія въ дѣятельности русск. суда присяж. (ib. 1900, X); Тарновскій. Репрессія суда присяжныхъ по даннымъ за 1875—1900 г. г. (ib. 1904, I); Левенстимъ. Еще нѣсколько словъ объ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ (ib. 1898, IV); Гогель. Необходима ли реформа суда присяжныхъ? (Вѣсти. Прага. 1903, I).

*) Die drei Grundfr., 3.—Само собою разумѣется, что далеко не всѣ статьи періодич. прессы носятъ указанный характеръ. Но къ сожалѣнію нерѣдко даже безусловно талантливыя, честныя и знающіе публицисты трактуютъ вопросъ о судѣ присяжныхъ такъ, что могутъ способствовать лишь затемнѣнію его. Напр. Джаншіевъ („Судъ надъ судомъ прис.“) говоритъ, что существованіе суда присяжныхъ измѣряется тысячекратіями (стр. 113); что вопросъ о судѣ присяж. давнымъ давно окончательно и безповоротливо рѣшенъ и наукой, и судебной практикой (143); „есть вещи, на столько безспорныя для всѣхъ знающихъ людей, что между ними принято считать неприличнымъ спорить объ этихъ общезвѣстныхъ вещахъ. Такова и аксіома превосходства

Но если въ публицистикѣ можно оправдать увлеченія и крайности, если въ пылу борьбы публицистъ долженъ прибѣгать къ сгущенію красокъ, къ страстной проповѣди, то наука должна имѣть въ виду только одну истину, не обращая никакого вниманія на господствующія симпатіи и антипатіи. Она должна безпристрастно и объективно выяснять понятія и съ уваженіемъ относиться ко всякому научному мнѣнію, не объявляя, напр., отлученнымъ чловѣка только потому, что онъ высказывается противъ „столь непререкаемаго“, „мірового“ института, какъ судъ присяжныхъ, не считаетъ его „палладіумомъ свободы“ и т. п. *).

Обращаясь къ первому изъ поставленныхъ выше вопросовъ, мы видимъ, что подавляющее большинство ученыхъ считаетъ участіе общественнаго элемента однимъ изъ основныхъ принциповъ организациі уголовнаго суда. Меньшинство находитъ, что такое участіе есть лишь историческая категорія.

Аргументациі меньшинства нельзя отказать въ силѣ, глубинѣ и убѣдительности. Она сводится къ слѣдующему.

Если наука требуетъ соединенія въ личности судьи такихъ высокихъ нравственныхъ качествъ, такихъ знаній, такого опыта, какъ общежитейскаго, такъ и спеціальнаго, если наука такъ высоко цѣнитъ накопленіе традицій, образованіе духовно-сильной судейской корпораціи, которая представляла бы надежнѣйшій оплотъ законности,—то какъ можетъ она, не противорѣча самой себѣ, сказать, что рекомендуемый ею уголовный судья, абсолютно независимый какъ отъ правительства, такъ и отъ общества, авторитетно поставленный, принадлежащій къ

суда присяжныхъ надъ судомъ безприсяжнымъ“ (145); говоря о противникахъ суда присяжныхъ пишетъ, что имп являются „два—три прусскихіхъ прокурора, а въ наукѣ школа Ломброзо, Геринга, да и обчелся“ (23).

*) Нельзя не отмѣтить совершенно ненаучныхъ пріемовъ, употребленныхъ напр. С. Гогелемъ въ его докладѣ Будапештскому пенитенціарному конгрессу: „необходима ли реформа суда присяжныхъ“? Авторъ доходитъ до того, что увѣряетъ будто въ Англии, Россіи, Австріи вовсе не слышится жалобъ на судъ присяжныхъ, что все нареканія на этотъ судъ имѣютъ япсто мѣстный характеръ, что „нѣтъ и не можетъ быть общаго вопроса о судѣ присяжныхъ.“ Недурно и увѣреніе автора, что „независимость нашихъ судей отъ прокурорскаго надзора и вообще отъ всякихъ начальствъ въ всякаго сомнѣнія.“

духовной аристократіи страны, обладающей самыми обширными и глубокими научными знаніями, искусившейся въ оцѣнкѣ доказательствъ, привыкшей читать въ сердцахъ людей, близко знающей міръ преступниковъ, судья, для котораго гуманность, соединенная съ твердостью и неуклонностью исполненія своего долга, сдѣлалась второю натурой, который весь проникнутъ любовью къ своему дѣлу и смотритъ на отправленіе правосудія, какъ на священнодѣйствіе, — какъ можетъ такой судья быть менѣе пригоднымъ къ дѣлу, чѣмъ любой средній гражданинъ, впервые случайно попавшій на судейское кресло? Безъ надлежащихъ знаній, безъ опыта, подверженный всевозможнымъ вліяніямъ, безъ традицій, такой случайный судья неизбѣжно будетъ рѣшать дѣла подъ вліяніемъ настроеній, ничего общаго съ интересами правосудія не имѣющихъ. И если мы представимъ себѣ съ одной стороны коллегію профессиональныхъ судей, т. е. судъ, отражающей высшую степень культуры, достигнутой страной, а съ другой—коллегію случайныхъ судей, то не можетъ возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія, какой изъ этихъ коллегій каждый изъ насъ захотѣлъ бы ввѣрить свою судьбу.

Если вопросъ поставить такимъ образомъ, во всей его чистотѣ и отвлеченности, то, конечно, участіе общественнаго элемента въ составѣ уголовного суда представится явленіемъ ненормальнымъ. Но если мы съ высотъ чистой теоріи спустимся на землю, то дѣло представится намъ въ нѣсколько иномъ видѣ.

Идеаль судьи сознается нами ясно и отчетливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы отлично знаемъ, что какими бы высокими качествами ни обладалъ человѣкъ, онъ не можетъ осуществить этотъ идеаль, а можетъ лишь болѣе или менѣе къ нему приближаться. Мы вмѣстѣ съ тѣмъ знаемъ, что законодательства сдѣлали въ сущности еще очень мало, для того, чтобы судъ обладалъ всѣми указываемыми теоріей качествами.

Напр., о независимости судей отъ правительства пока можно говорить лишь въ теоріи: практика сдѣлала только первые шаги для проведенія этого принципа въ жизнь. Всей полноты законодательныхъ гарантій независимости судей не существуетъ почти нигдѣ, а если тотъ или другой законодатель вводилъ нѣкоторыя важнѣйшія изъ названныхъ гарантій, то съ одной стороны сами по себѣ, безъ дополненія остальными гарантіями, онѣ оказывались далеко недостаточными, а съ другой—

иногда на столько противорѣчили общему укладу государственной жизни, что приходилось выбирать одно изъ двухъ: или независимый судъ, могущій оградить личность гражданина отъ результатовъ общаго уклада государственной жизни, или этотъ укладъ. Разумѣется, въ такихъ случаяхъ выборъ былъ нетруденъ: государственный организмъ есть нѣчто гармонически цѣльное и не можетъ долго терпѣть существованія какой нибудь части, перенесенной изъ другого, принципиально различнаго организма.

А въ результатѣ отсутствія всей полноты законодательныхъ гарантій независимости судей является чувство вполне естественнаго недоверія общества къ абсолютной непристрастности суда въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ такъ или иначе заинтересована власть. Къ сожалѣнію практика (въ особенности въ государствахъ отсталыхъ) даетъ немало примѣровъ, способныхъ лишь укрѣпить и развить дальше это чувство.

Точно также остается еще очень многого желать для того, чтобы судъ дѣйствительно отражалъ высшую степень культуры, достигнутой государствомъ. И даже въ области чисто—профессиональныхъ знаній судей остается еще очень многое сдѣлать.

Если мы ко всему этому прибавимъ массу различнаго рода неизбѣжныхъ неблагопріятныхъ условий, припятствующихъ даже самымъ лучшимъ судьямъ быть на высотѣ своей задачи, то мы поймемъ, что каждая лишняя гарантія непристрастія, независимости, знаній и опыта въ дѣлѣ правосудія должна быть принята съ благодарностью.

Такого рода дополнительныя гарантіи даетъ участіе общественнаго элемента въ составѣ уголовнаго суда, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ дополнительныхъ гарантій настолько цѣнны, что благодаря имъ *участіе общественнаго элемента надо разсматривать какъ основной принципъ организаціи суда.*

1) Прежде всего участіе общественныхъ представителей въ составѣ суда увеличиваетъ довѣріе населенія къ суду. А такъ какъ абсолютное довѣріе общества къ справедливости и непристрастію суда есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ благъ для государства, то уголовная политика должна дорожить всякимъ правомѣрнымъ средствомъ, ведущимъ къ этой цѣли. Участіе представителей общества въ составѣ суда внушаетъ гражданамъ увѣренность, что подсудимый признается виновнымъ не только органа-

ми власти, но и такими же гражданами, какъ онъ самъ. А это содѣйствуетъ поднятію авторитета приговоровъ и ихъ репрессивности.

2) Въ тѣсной связи съ предыдущимъ находится и второй благодѣтельный эффектъ участія общественныхъ представителей въ составѣ суда. Это участіе усиливаетъ независимость суда отъ правительства. Абсолютныхъ гарантій этой независимости человечество создать не можетъ, и если представить себѣ правительство, обладающее большою силою и энергично преслѣдующее цѣль подчиненія суда своему вліянію, то можно съ увѣренностью сказать, что при благопріятныхъ условіяхъ, рано или поздно, тѣми или иными средствами оно достигнетъ своей цѣли, т. е. сдѣлаетъ изъ суда свое послушное орудіе. Эта опасность въ высшей степени ослабѣваетъ, когда приговоръ постановляется при активномъ участіи общественныхъ представителей, сегодня занимающихъ судейскія кресла, а завтра ихъ покидающихъ и смѣшивающихся съ массою гражданъ. Нельзя отрицать возможности вліянія правительства и на временныхъ, непрофессиональныхъ судей *), но вліяніе это во всякомъ случаѣ можетъ имѣть гораздо болѣе случайный характеръ, чѣмъ вліяніе на профессиональныхъ судей, а цѣлесообразными процессуальными мѣрами и мѣрами при составленіи списковъ можно почти устранить всякую опасность на этотъ счетъ. Такимъ образомъ при слишкомъ большой податливости профессиональныхъ судей общественный элементъ можетъ представить противовѣстъ, а судья колеблющійся найдетъ въ мнѣніи независимыхъ общественныхъ представителей твердую опору.

3) Принципъ общественнаго контроля и активнаго участія населенія во всѣхъ важнѣйшихъ актахъ государственной дѣятельности есть *conditio sine qua non* здоровой жизни, силы и процвѣтанія государства. И если населеніе активно участвуетъ въ законодательствѣ (парламентъ), если общественному самоуправленію принадлежитъ очень важная роль въ административной дѣятельности государства, то было бы въ высшей степени нелогичнымъ устранять это активное участіе въ третьей великой области

*) Извѣстно мнѣніе Наполеона I, что тираническое правительство можетъ имѣть большую опору въ присяжныхъ засѣдателяхъ, чѣмъ въ независимыхъ профессиональныхъ судьяхъ. F. Hélie. Traité. VIII, 217; Esmein. Histoire. 511.

государственной дѣятельности—отправленіи правосудія, области такъ тѣсно связанной съ правами и интересами гражданъ, области, гдѣ государство осуществляетъ столь опасныя функціи власти, какъ принудительныя. Между прочимъ участіе общественныхъ представителей въ составѣ суда заставляеть профессиональныхъ судей „подтянуться“ во всѣхъ отношеніяхъ, препятствуетъ такимъ сторонамъ человѣческой природы, какъ лѣнь, безпечность, халатность и т. п. проявить всѣ свои эффекты.

4) Участіе общественныхъ представителей въ составѣ суда препятствуетъ образованію рутины и полной оторванности отъ жизни, препятствуетъ корпораціи судей выродиться въ касту. Постоянный обмѣнъ мнѣній съ лучшими *) представителями общества способствуетъ болѣе полному знанію судьями жизни и интересовъ общества, знакомить ихъ съ правовыми воззрѣніями общества, и вслѣдствіе этого заставляеть провѣрять и углублять свои воззрѣнія, а иногда и исправлять ихъ.

5) Участіе общественныхъ представителей увеличиваетъ сумму знаній и опыта суда. Общественные представители избираются изъ мѣстныхъ жителей всѣхъ классовъ. Сплошь и рядомъ имъ извѣстны мелкія детали обыденной жизни, назнакомыя профессиональнымъ судьямъ и часто могущія оказывать неоцѣненныя услуги при разрѣшеніи фактическихъ вопросовъ. Кроме того, не смотря на весь опытъ судей въ оцѣнкѣ уликъ, въ оцѣнкѣ достовѣрности свидѣтельскихъ показаній и т. п. участіе свѣжихъ людей изъ различныхъ классовъ общества можетъ принести въ этомъ дѣлѣ большую пользу. Самый опытный судья можетъ ошибаться при оцѣнкѣ, напр., свидѣтельскихъ показаній, но если показаніе свидѣтеля производитъ впечатлѣніе достовѣрности не только на судью, привыкшаго разбираться въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, владѣющаго массой систематизированнаго опыта на этотъ счетъ, знакомаго съ научными приѣмами оцѣнки показаній, но и на нѣсколькихъ лицъ изъ различныхъ классовъ общества, то достовѣрность показанія при такомъ положеніи вещей можно считать установленной наилучшимъ способомъ, какой только можетъ изобрѣсть человѣчествая мысль; возможность ошибки сводится къ минимуму.

*) Само собою разумѣется, необходимо создать гарантіи, чтобы это были бы дѣйствительно лучшіе, достойнѣйшіе, пользующіеся общимъ уваженіемъ граждане.

6) Участіе общественныхъ представителей въ высшей степени способствуетъ индивидуализированію каждаго разсматриваемаго судомъ дѣла. И это вовсе не потому, что профессиональный судья склоненъ будто бы къ рутинѣ, къ шаблонамъ, теряетъ чуткость къ жизни и т. п. Конечно, нельзя отрицать, что при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ указанная явленія могутъ развиваться у профессиональныхъ судей, и съ этой точки зрѣнія участіе общественныхъ представителей является очень полезнымъ, препятствуя до известной степени слишкомъ широкому развитію подобныхъ явленій. Но при нормальныхъ условіяхъ едва ли можно возводить въ общее правило „притупленіе чуткости“ и т. п. Тѣмъ не менѣе участіе общественныхъ представителей оказываетъ самое благотворное вліяніе на индивидуализированіе дѣлъ вотъ въ какомъ отношеніи. Профессиональный судья имѣетъ передъ собою тысяча первый случай обвиненія въ мелкой кражѣ, совершенной въ третій разъ, а для общественнаго представителя, впервые занимающаго судейское кресло,—это первый случай. Зная, что отъ его рѣшенія зависитъ участь чело-вѣка, такой случайный судья будетъ глубоко интересоваться каждой мелкой подробностью дѣла; тутъ все для него ново и интересно, каждый фактъ обращаетъ на себя его вниманіе и представляется заслуживающимъ всесторонняго изслѣдованія. И хотя посѣдѣвшій въ своемъ креслѣ профессиональный судья сплошь и рядомъ можетъ совершенно правильно рѣшить такое дѣло съ двухъ—трехъ словъ, хотя присутствіе общественныхъ представителей заставитъ потерять на разсмотрѣніе этого дѣла въ десять разъ больше времени, но эта потеря времени съ избыткомъ вознаграждается огромной пользой для правосудія. Такой порядокъ препятствуетъ чрезмѣрно увлекаться скоростью судебного разбирательства, препятствуетъ вырожденію этого разбирательства въ „полевую судъ“; такой порядокъ заставляетъ профессиональныхъ судей внимательно относиться къ самымъ шаблоннымъ дѣламъ, а иногда препятствуетъ упустить изъ виду важное для дѣла обстоятельство, съ перваго взгляда показавшееся шаблоннымъ, но при детальномъ изслѣдованіи раскрывшее все свое содержаніе.

7) Участіе общественныхъ представителей въ высшей степени содѣйствуетъ соблюденію процессуальныхъ гарантій и въ особен-

ности самой важной изъ нихъ—принципу непосредственности. Дѣло должно быть рѣшено исключительно на основаніи того, что произойдетъ въ судебномъ засѣданіи. Все, что предшествовало открытію судебного засѣданія, весь матеріалъ, служившій для предьявленія обвиненія, для преданія суду,—не долженъ существовать для судей, призванныхъ рѣшить дѣло по существу. Только тогда можетъ идти рѣчь о совершенномъ безпристрастіи судей, когда на нихъ не оказываютъ никакого вліянія акты предварительнаго слѣдствія, когда на судебномъ слѣдствіи передъ судьями впервые разворачивается вся картина дѣла. Но такъ какъ чрезвычайно трудно сдѣлать для профессиональныхъ судей (а въ особенности для предсѣдателей) несуществующимъ „дѣло“ съ его актами, то присутствіе общественныхъ представителей служитъ самой надежной гарантіей того, что большинство входящихъ въ составъ суда лицъ совершенно незнакомы съ письменнымъ производствомъ и почерпаютъ свои свѣдѣнія единственно изъ предложеннаго и разработаннаго въ залѣ засѣданія матеріала *).

Переходимъ ко второму вопросу. Какая форма участія общественныхъ представителей должна быть признана наиболѣе цѣлесообразной?

Предыдущее изложеніе даетъ право выставить слѣдующія положенія: 1) основой суда, главными его дѣятелями должны быть признаны профессиональные судьи; 2) присутствіе общественныхъ представителей въ составѣ суда надо разсматривать какъ дополнительную гарантію; 3) соединеніе обоихъ элементовъ должно имѣть гармоническій характеръ; 4) приговоръ суда долженъ представлять собою результатъ совмѣстной работы всѣхъ, входящихъ въ составъ суда судей (какъ профессиональныхъ, такъ и

*) Большинство авторовъ (и въ числѣ ихъ весьма крупныя имена) указываютъ еще на одно по ихъ мнѣнію важное достоинство участія общественнаго элемента: распространеніе въ населенія знанія права. При этомъ многіе авторы находятъ, что тѣ самыя профессиональные судьи, которыхъ они называли рутинерами, предубѣжденными противъ обвиняемыхъ, притупившими чуткость къ жизни, не способными такъ хорошо одѣлывать улпки и рѣшать вопросы о виновности, вопросы права, какъ присяжные засѣдатели, оказываются очень полезными учителями для послѣднихъ.

случайныхъ), работы, основанной на взаимномъ пониманіи и живомъ обмѣнѣ мнѣній.

Въ самомъ дѣлѣ. Если теорія предъявляетъ къ судьямъ столь высокія требованія, такъ выдѣляетъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ изъ остальныхъ должностныхъ лицъ государства, такъ заботится, чтобы судьи не превратились въ чиновниковъ, не сдѣлались бы орудіями власти, чтобы они олицетворяли собою идеалы правды, справедливости, гуманности, твердости, опытности и знанія, то было бы болѣе чѣмъ непослѣдовательно, если бы эта теорія сказала: и все таки эти мои судьи должны быть признаны менѣе пригодными для цѣлей правосудія, чѣмъ обыкновенные средніе граждане, случайно попавшіе на судейскія кресла. Очевидно, что при такой постановкѣ вопроса профессиональные судьи должны быть главными дѣятелями суда. Рядъ указанныхъ выше благотѣльныхъ эффектовъ участія въ составѣ суда общественныхъ представителей сводится къ *созданію дополнительныхъ гарантій*. Въ этомъ именно и заключается идея привлеченія общественнаго элемента къ уголовной юстиціи. Воззрѣніе, что общественные представители обладаютъ особыми качествами, дѣлающихъ ихъ лучшими и судьями, чѣмъ судьи профессиональные, воззрѣніе, въ этомъ мнимомъ преимуществѣ непрофессиональныхъ судей видящее идею привлеченія общественнаго элемента, должно быть рѣшительно отвергнуто, т. е. принятіе такого воззрѣнія было бы смертнымъ приговоромъ для науки, именуемой наукой уголовного процесса. Всѣ изложенные раньше принципы, относящіеся къ личности уголовного судьи, потеряли бы всякое значеніе. Къ чему такъ заботится о научной и практической подготовкѣ судей, объ ихъ независимости, авторитетности и т. д., если не смотря на все это, такіе судьи будутъ все—таки менѣе пригодны для цѣлей правосудія, чѣмъ обыкновенные граждане?

Если, не смотря на большую пригодность профессиональныхъ судей, участіе общественнаго элемента создаетъ рядъ дополнительныхъ гарантій и въ этомъ смыслѣ представляетъ громадную цѣнность, то необходимо оба элемента соединить гармонически, т. е. такъ, чтобы ни одинъ не развился бы въ ущербъ другому, чтобы главная роль принадлежала бы профессиональному элементу, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы общественный элементъ имѣлъ полную возможность оказать свое благотворное вліяніе.

Обращаясь послѣ этихъ руководящихъ замѣчаній къ разсмотрѣнію поставленнаго выше вопроса, мы найдемъ, что онъ въ настоящее время сводится къ вопросу о томъ, какая изъ двухъ формъ участія общественнаго элемента является болѣе цѣлесообразной: судъ присяжныхъ, или т. н. судъ шеффеновъ? *)

Здѣсь именно и разыгрывается тѣ страсти, о которыхъ я говорилъ, приступая къ вопросу. Страсти эти находятъ свое отраженіе даже въ наукѣ, мѣшая сплошь и рядомъ объективому изслѣдованію. Въ особенности субъективизма и односторонности много въ русской литературѣ. Фразъ въ родѣ „непререкаемый институтъ“, „побѣдоносное шествіе“, „тысячелѣтнее существованіе“, „лучшій палладіумъ гражданской свободы“, „полное незнаніе дѣла претивниками“ и т. п. на каждомъ шагу встрѣчаются не только въ публицистикѣ, но и въ ученыхъ работахъ. А когда въ специальныхъ научныхъ работахъ мы читаемъ о „томъ фіаско, которое (будто бы) потерпѣлъ проектъ шеффенгерихта въ наукѣ и жизни“ **) невольно вспоминаешь о знаменитыхъ Бэконовскихъ идолахъ въ (особенности *idola theatri* и *idola specus*).

Нельзя впрочемъ не замѣтить, что слишкомъ страстная защита суда присяжныхъ напр., у насъ, вызвана весьма симпатичными мотивами и имѣетъ въ высшей степени серьезныя основанія. Объ этомъ рѣчь будетъ впереди въ связи съ необходимостью различать при научномъ разсмотрѣніи вопроса политическую и историческую точку зрѣнія съ одной стороны и юридическую—съ другой.

Чтобы показать, сколько преувеличенія заключается въ утвержденіяхъ о „всеобщихъ симпатіяхъ“, „непререкаемости“, „побѣдоносномъ шествіи“ суда присяжныхъ, обратимъ вниманіе на слѣдующее. Прежде всего судъ присяжныхъ принять не во всѣхъ европейскихъ государствахъ, причемъ онъ не существуетъ въ такихъ государствахъ, которыя по справедливости могутъ похвалиться и своею культурой, и любовью къ свободѣ, и

*) Сущствующая еще въ Россіи третья форма—судъ съ участіемъ сословныхъ представителей относится къ области переживаній. Это анахронизмъ, и анахронизмъ во многихъ отношеніяхъ вредный. (Интересныя данныя, касающіяся идеи сословныхъ судовъ, находимъ у Pardessus. *Essai historique sur l'organisation judiciaire*).

**) Палаузовъ. Къ вопросу о формѣ участія и т. д.; 58.

участіемъ народа въ управленіи государствомъ, и существованіемъ гарантій правъ личности: въ Голландіи, большинствѣ кантоновъ Швейцаріи, Норвегіи, Даніи, Швеціи. Въ Венгріи онъ существуетъ только для преступленій печати. Что касается отношенія къ суду присяжныхъ судебныхъ дѣятелей, общества и науки, то о единодушіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи: во всѣхъ странахъ существовали и существуютъ многочисленныя противники, число которыхъ за послѣднее время увеличивается. Отмѣчу для примѣра нѣкоторые факты.

Во Франціи въ 1885 году громадное большинство судовъ на сдѣланный запросъ дали отрицательный отзывъ, а т. н. „коррекціонализація“ дѣлъ доходить до чудовишныхъ размѣровъ; напр. въ 1891 году изъ пяти сотъ тысячъ обвиненій присяжнымъ передано лишь 2.900. Огромная часть прессы относится къ суду присяжныхъ отрицательно, а среди ученыхъ противниковъ есть такія имена, какъ Порталисъ, Шербюлье, а изъ новыхъ—Гарро, Тардъ, Лакассанъ, Жоли, Жине и др. *).

Общее нерасположеніе къ суду присяжныхъ во многихъ государствахъ Германіи отмѣчено было въ свое время такимъ выдающимся защитникомъ этого института, какъ Миттермайеръ **). По свидѣтельству Биндинга ***), число противниковъ между молодыми криминалистами все больше и больше увеличивается. Съѣздъ германскихъ юристовъ въ 1886 году отнесся къ суду присяжныхъ отрицательно, а число ученыхъ противниковъ необычайно велико: Фейербахъ, Савиньи, Игерингъ, Генке, Мартинъ, Молиторъ, Ягеманнъ, Бинеръ, Гіэ-Глунекъ, Дербургъ, Кругъ, Ортлофъ, Абеггъ, Цахаріэ, Гейбъ, Вехтеръ, Шварце, Гуго Мейеръ, Биндингъ, Шютце, Розенфельдтъ, Беннеке, Беллингъ и мн. др. †).

*) G i n e s t свою книгу заключаетъ слѣдующими словами: *Oui, le français a le dédain du jury, tout en conservant pour lui un culte aussi platonique que superstitieux*)⁴.

**) См напр. „Европ. и амер. суды прис.“ I, 11.

***) Die drei Grundfragen, 47.

†) Das Ergebnis der fünfzigjährigen Erfahrungen mit den Schwurgerichten ist nach dem Urteil fast aller besonnenen Praktiker ein durchaus negatives“. Rosenfeld. Der Reichs - Strafprozess. 1901, 90. Я назвалъ только ученыхъ юристовъ, хотя для полноты можно было бы указать нѣсколько именъ величайшихъ представителей человѣческой мысли, высказавшихся противъ суда присяжныхъ. Напримѣръ рѣзкій отзывъ Шопенгауера.

Въ Италіи и среди общества, и среди судебныхъ дѣятелей есть очень много противниковъ, а въ наукѣ кромѣ представителей антропологической школы (Ломброзо, Ферри, Гарофало и др.) противъ суда присяжныхъ высказались Карминьяни, Романьози, Пизанелли, Николини, Эллеро, Габелли, Пальма и др.

Закончу этотъ краткій обзоръ указаніемъ на массу противниковъ въ Австріи, Испаніи (гдѣ коронному суду предоставлено право отмѣнять даже оправдательные вердикты), Швейцаріи, на отрицательное отношеніе съѣзда скандинавскихъ юристовъ въ Христианіи 1878 г. *).

Послѣднимъ крупнымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о недо- вѣрїи къ суду присяжныхъ, является постановка 4-го вопроса седьмому международному пенитенціарному конгрессу (въ сентябрѣ текущаго года въ Буда-Пештѣ). Вопросъ редактированъ такъ: „Les résultats de l'institution du jury ont-ils été tels qu'il y aurait lieu d'y apporter des réformes?“ А въ объясненіяхъ къ этому вопросу мы читаемъ, напр., слѣдующее мѣсто: „On est obligé de reconnaître, en général, que cette institution éminemment démocratique n'est pas toujours restée étrangère à certaines influences qui tendent à lui faire perdre son caractère de juridiction impartiale. La passion politique, l'ignorance, l'intérêt, la crainte, l'excès de clémence ou de sévérité, la préoccupation de l'opinion publique, sont autant de causes qui agissent sur ces magistrats d'un jour, dont les verdicts n'ont d'autre contrôle que celui de leur conscience“ **).

Но даже въ Англии, этой родинѣ суда присяжныхъ, этой странѣ, о которой Блэкстонъ сказалъ, что „the trial by jury ever has been, and I trust ever will be looked upon as the glory of the English law“ ***),—замѣчается такое же явленіе, не смотря на то, что англійскій судъ присяжныхъ имѣетъ очень мало общаго съ континентальнымъ и свободенъ отъ его недостатковъ. Среди англичанъ есть не мало противниковъ суда присяжныхъ, число которыхъ за послѣднее время по свидѣтельству корреспондента „Жур. Мин. Юст.“, англійскаго адвоката Сесиль Мидъ

*) *Bullet. soc. leg. Comp.* 1879. стр. 454.

**) *Bulletin de l'Union Intern. de dr. pénal.* XII vol., Livraison 2. p.p 446—447.

***) *Commentaries systematically abridged etc* 566.

Аллена *), увеличивается. Отмѣчу въ этомъ отношеніи отрицательный докладъ генераль-атторнея въ 1873 г. парламенту и отзывы трехъ ученыхъ: одного, принадлежаго началу прошлаго столѣтія—Бентама, другаго срединѣ—Брауна и третьяго концу—Стивена, наиболѣе выдающагося криминалиста (теоретика и практика).

Всего сказаннаго достаточно, чтобы каждому непредубѣжденному человѣку сдѣлалось яснымъ, что съ судомъ присяжныхъ далеко не все обстоитъ благополучно, что нельзя всѣхъ противниковъ его причислять къ людямъ отсталымъ, недостаточно безпристрастнымъ и свѣдущимъ, и что теоретическое изслѣдованіе вопроса далеко еще не потеряло своего значенія, т. к. о „безповоротномъ, окончательномъ рѣшеніи“ не можетъ быть пока и рѣчи.

Посмотримъ прежде всего, не дастъ ли намъ чего-нибудь для рѣшенія вопроса исторія участія народнаго элемента въ отправленіи правосудія.

Эта исторія представляетъ слѣдующіе моменты.

1) Судъ осуществляется всѣмъ народомъ на тѣхъ же самыхъ торжественныхъ собраніяхъ, которыя собирались для вопросовъ законодательныхъ и административныхъ. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о раздѣленіи функций государственной власти: державная всля народа проявлялась въ судебныхъ рѣшеніяхъ совершенно такимъ же образомъ, какъ она проявлялась въ созданіи законовъ, объявленіи войны и т. п. Народъ каралъ и миловалъ, не стѣсняясь никакими законами, никакими прецедентами, руководствуясь въ каждомъ данномъ случаѣ своимъ чувствомъ права, настроеніемъ, соображеніями общественной пользы. Если въ одномъ случаѣ онъ ad hoc создавалъ карательный законъ, то въ другомъ—онъ отмѣнялъ этотъ законъ и т. д. Таковы наши вѣча **), римскія центуріатскія народн. собранія, старогерманскіе народные суды ***).

*) Ж. М. Ю. 1901 г. № 3, стр. 322.

**) Я старался указать важнѣйшія основы въ защиту мнѣнія о судебныхъ функцияхъ вѣча, какъ о нормальныхъ функцияхъ, въ своей работѣ: „Къ вопросу о исковомъ судоустройствѣ“ („Вѣстникъ Славянства“, изд. проф. В. Качановскимъ. 1894 кр. IX).

***) Ср. Zörfli. Deutsche Rechtsgeschichte (4 издан., стр. 318).

2) Судъ всего народа, но въ особыхъ собраніяхъ избранныхъ для этой цѣли лицъ, замѣстителей всего народа. Эти собранія, какъ представляющія собою народъ во всей его совокупности, дѣйствовали по тѣмъ же принципамъ, какіе указаны въ предыдущемъ пунктѣ. Таковы напр., аѳинскіе суды гелиастовъ, римскіе „суды присяжныхъ“ (*quaestiones perpetuae* *). Отсюда своеобразный способъ защиты, рассчитанный на то, чтобы разжалобить судей, напомнить имъ гражданскія заслуги обвиняемаго, доказать несправедливость уголовной кары за то или другое дѣяніе и т. п. **)

3) Судъ посредствомъ особыхъ представителей изъ народа при формальномъ лишь участіи органа власти. Эти народные представители (старо-германскіе шеффены) и были при отсутствіи писаннаго права единственными знатоками обычнаго права, жившаго въ народѣ. Это были лучшіе люди, избранные народомъ, люди пользовавшіеся общимъ уваженіемъ, какъ знатоки права. Они и рѣшали все дѣло, а председательствующій представитель власти наблюдалъ за внѣшнимъ порядкомъ, исполнялъ рѣшеніе, собиралъ пошрины и т. п. ***).

4) Судъ при участіи представителей изъ народа. Здѣсь уже органы власти и народные представители рѣшали дѣло совместно. Народные представители призывались въ помощь короннымъ судьямъ (напр., Германія XVI в.); въ другихъ мѣстахъ участіе народныхъ представителей имѣло характеръ гарантіи обвиняемаго отъ произвола, народные представители были особыми торжественными свидѣтелями. Все усиливающееся значеніе рецепированнаго римскаго права, измѣненіе системы судебныхъ доказательствъ и другія внѣшнія причины все болѣе и болѣе выдвигали на первый планъ ученыхъ судей — юристовъ †), вырывали все болѣе глубокоую пропасть между этими судьями и засѣдавшими вмѣстѣ съ ними народными представителями, низводя въ концѣ концовъ роль послѣднихъ къ нулю.

*) Смѣшивать эти суды съ современными судами присяжныхъ было бы такой же ошибкой, какъ напр., отождествить современное русское дворянство (*сословіе*) съ древнерусскимъ классомъ бояръ, служилыхъ людей (не имѣвшихъ ни сословной корпоративности, ни сословныхъ привилегій)

***) Ср. Wargha Die Vertheidigung in Strafsachen 1879. стр. 16—61.

****) Ср. Sohm Altddeutsche Reichs und Gerichtsverfassung. I. 372 и слѣд.

†) Интересныя свидѣнія даетъ Stölzel Die Entwicklung des gelehrten Richtertums in deutschen Territorien. 1872.

5) Участіе народныхъ представителей, наконецъ, совершенно прекращается и на очень долгое время отправленіе правосудія переходитъ въ руки коронныхъ судей—юристовъ, т. к. они оказались единственно пригодными примѣнять чуждое народу право, требовавшее спеціальнаго изученія, они оказались единственно пригодными для господствовавшего тогда инквизиціоннаго процесса.

6) Пробудившееся стремленіе къ свободѣ, сознавшая необходимость гарантій правъ личности и участія народа въ верховной власти въ связи съ крайнимъ развитіемъ началъ инквизиціоннаго процесса, обнаружившаго всѣ свои темныя стороны,—все это заставило во Франціи въ эпоху великой революціи требовать коренной судебной реформы. Результатомъ этихъ требованій было введеніе суда присяжныхъ. Почему именно въ такой формѣ осуществилось обновленіе суда? Главнѣйшими причинами были слѣдующія. а) У всѣхъ въ памяти были тѣ вопіющія злоупотребленія, то попраніе достоинства человѣческой личности, которыя были неизбѣжнымъ выводомъ изъ строго проводимыхъ началъ инквизиціоннаго процесса; эти темныя стороны процесса отождествлялись съ системой судоустройства, на которую и были перенесены антипатіи общества. б) Весьма естественно, что народъ, сознавшій свою силу, сталъ искать такой формы суда, въ которой идея народовластия проявилась бы наиболѣе рельефно. в) Единственной извѣстной тогда на практикѣ формой участія народнаго элемента въ уголовномъ судѣ былъ судъ присяжныхъ, дѣйствовавшій уже болѣе 200 лѣтъ въ Англіи, государственныя учрежденія которой обращали на себя всеобщее вниманіе, какъ образцы для подражанія.

7) Когда съ половины 19 вѣка въ остальныхъ европейскихъ странахъ началось освободительное движеніе, однѣ и тѣ-же причины вызвали однѣ и тѣ-же слѣдствія. Были введены суды присяжныхъ во французской переработкѣ этого института.

8) Съ половины 60-хъ годовъ 19 в. *) въ Германіи возникла новая форма участія народнаго элемента, судъ шеффеновъ. Кромѣ названія этотъ судъ не имѣетъ ничего общаго съ указанными въ п. 3 старогерманскими шеффенами, и рѣзко отли-

*) Впрочемъ, въ Вюртембергѣ судъ шеффеновъ существуетъ съ 1818 года

чается отъ континентальнаго типа суда присяжныхъ слѣдующими чертами: шеффены составляютъ одну коллегію съ судьями, совместно рѣшаютъ дѣло и приговоръ суда мотивируется.

Изъ этого краткаго обзора мы видимъ: а) что судъ присяжныхъ существуетъ на континентѣ Европы со времени великой французской революціи, а въ остальныхъ государствахъ съ половины 19 в. и такимъ образомъ существованіе его тамъ измѣряется лишь нѣсколькими десятками лѣтъ; б) введеніе суда присяжныхъ на континентѣ Европы было вызвано главнымъ образомъ причинами политическаго свойства и с) послѣднимъ словомъ исторіи участія народнаго элемента является судъ шеффеновъ. Кромѣ того представляется весьма назидательнымъ: д) что народные суды въ первыя эпохи олицетворяли собою идею абсолютнаго всемогущества суда, идею несовмѣстимую съ принципомъ самоцѣльности личности и съ твердымъ правопорядкомъ и е) что народные суды эпохи старо-германскихъ шеффеновъ состояли изъ наиболѣе почетныхъ лицъ, лучшихъ знатоковъ дѣйствующаго (обычнаго) права.

Обратимся теперь къ изученію суда присяжныхъ у самаго его источника и посмотримъ, можно ли считать англійскій судъ присяжныхъ и континентальный — тождественными институтами?

Здѣсь, конечно, мы не можемъ изслѣдовать вопросъ, на какой національной почвѣ (англо-саксонской, французской, норманской, скандинавской и т. д.) возникли зародыши современнаго суда присяжныхъ. Важно лишь отмѣтить, что эти зародыши только въ Англии получили развитіе, которое въ концѣ концовъ привело къ образованію во второй половинѣ 17 в. англійскаго суда присяжныхъ въ его современной формѣ.

Знаніе исторіи суда присяжныхъ чрезвычайно важно для уразумѣнія истинной природы института, поэтому представляется необходимымъ прослѣдить въ общихъ чертахъ основные моменты этой исторіи.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что судъ присяжныхъ развился въ Англии сначала для гражданскихъ дѣлъ. Первоначальной формой явилась т. наз. *assisa*. Въ спорахъ о земельныхъ участкахъ и т. п. отвѣтчикъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто того, чтобы защищаться обычнымъ способомъ,

а именно—судебнымъ поединкомъ, могъ *se ponere in assisam et petere recognitionem*. Тогда избиралось 12 человекъ изъ мѣстныхъ жителей, хорошо знающихъ предметъ спора, и судъ предлагалъ имъ вопросъ по существу дѣла (напр.: *utrum A. vel B. majus jus habeat in terra illa?*); вопросъ этотъ присяжные, какъ представители общины, должны были рѣшить единогласно на основаніи личнаго знанія всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Въ 13 столѣтіи образовалась путемъ практики новая форма присяжныхъ—*jurata*. Когда во время процесса возникали споры по поводу существованія того или другого факта, стороны могли просить предоставить разрѣшеніе этихъ споровъ призваннымъ для *assisa* присяжнымъ, которые въ такихъ случаяхъ назывались *jurata*.

Судья формулировалъ спорные пункты и предлагалъ ихъ на разрѣшеніе присяжныхъ, причемъ опять таки и здѣсь вердиктъ долженъ быть постановленъ единогласно и исключительно на основаніи личнаго знакомства съ обстоятельствами дѣла. Существенное различіе вердикта *assisa* отъ вердикта *jurata* заключалось въ томъ, что первый давалъ отвѣтъ по существу дѣла, а второй—лишь на частные, возникающіе во время хода процесса, вопросы чисто фактическаго характера.

Такъ какъ *assisa* допускалась лишь для извѣстной, точно опредѣленной категоріи дѣлъ, а *jurata* могла примѣняться во всякомъ дѣлѣ, то практика все болѣе и болѣе расширяла этотъ, оказавшійся столь цѣлесообразнымъ, способъ доказательства. Судьи все чаще и чаще стали поручать присяжнымъ разрѣшеніе фактическихъ вопросовъ, контролируя это разрѣшеніе и въ случаѣ сомнѣнія требуя указанія мотивовъ, приведшихъ къ тому или иному рѣшенію. *Jurata, вырабатывающаяся подъ контролемъ судьи фактическій матеріалъ, какъ основу для постановляемаго судомъ рѣшенія, и превратилась въ концы концовъ въ современный судъ присяжныхъ по гражданскимъ дѣламъ.*

Мало по малу присяжные теряютъ характеръ свидѣтелей и превращаются въ судей, разрѣшающихъ предлагаемые имъ фактическіе вопросы уже не на основаніи личнаго знанія дѣла, а на основаніи предъявляемыхъ имъ доказательствъ. Этотъ процессъ превращенія присяжныхъ въ судей совершался очень медленно. Еще во время Фортескью (1460 г.) присяжные были от-

части свидѣтелями, могущими постановлять вердикты на основаніи личнаго знакомства съ обстоятельствами дѣла. И лишь къ 1650 году твердо установился порядокъ, при которомъ соединеніе въ одномъ лицѣ свидѣтеля и присяжнаго стало невозможнымъ: если присяжный имѣлъ о дѣлѣ какія нибудь свѣдѣнія, онъ не могъ сообщать ихъ другимъ присяжнымъ во время совѣщанія, а долженъ былъ выступить въ роли свидѣтеля и подвергаться перекрестному допросу.

Въ уголовномъ процессѣ судъ присяжныхъ появился позже.

До начала XIII вѣка обычными способами доказательства являлись судебный поединокъ и ордалии. Въ XII вѣкѣ изрѣдка, въ видѣ исключенія бывали случаи, когда король за извѣстную плату давалъ обвиняемому разрѣшеніе ссылаться въ свое оправданіе на вердиктъ присяжныхъ. Когда въ началѣ XIII вѣка ордалии были отмѣнены, единственно нормальнымъ способомъ доказательства остался судебный поединокъ*). Но судебный поединокъ могъ примѣняться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ качествѣ обвинителя выступало опредѣленное лицо. Поэтому для той категоріи дѣлъ, гдѣ обвинителемъ выступала община въ видѣ специальныхъ присяжныхъ (Rügejury), необходимо было въ виду отмѣны ордалій создать новую процессуальную форму, соответствующую упраздненному институту. Такой формой и явился уже давно примѣнявшійся въ гражданскомъ процессѣ судъ присяжныхъ *ex officio jurata*.

Эти присяжные, какъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, очень долгое время носили характеръ свидѣтелей, рѣшая дѣло на основаніи личнаго знакомства съ обстоятельствами его. И только къ 1650 году окончательно установился за присяжными характеръ судей. При этомъ необходимо имѣть въ виду: 1) что съ самаго возникновенія своего до настоящаго времени присяжные рѣшаютъ вопросы фактическаго характера **) и 2) впервые у

*) Формально отмѣненный лишь въ 1819 году.

**) Въ 1582 г. было сформулировано положеніе: *matters in fact shall be tried by jurors, and matters in law by the judges.* („Sicut ad quaestionem facti non respondent iudices, ita ad quaestionem juris non respondent juratores“).—Напрасно ссылаются на законъ 1792 г. о *libel*'яхъ въ доказательство того, что по англійскому праву присяжные являются судьями и факта, и права: упомянутый законъ подчеркнул лишь вопреки противоположной тенденціи нѣкоторыхъ англійскихъ судей, что и въ процессахъ о *libel*'яхъ присяжные должны пользоваться *такими же* правами, какъ и во всѣхъ остальныхъ процессахъ.

Блэкстона (1769 г.) мы встрѣчаемъ разсужденія о политическомъ значеніи суда присяжныхъ: этотъ институтъ всегда имѣлъ и нынѣ имѣеть въ Англію чисто—юридическое значеніе.

Такимъ образомъ исторія даетъ намъ слѣдующіе важные результаты: 1) судъ присяжныхъ возникъ изъ особаго вида судебныхъ доказательствъ; 2) въ компетенцію присяжныхъ входили вопросы факта и 3) судъ присяжныхъ носилъ чисто-юридическій, техническій характеръ.

Указанные результаты имѣютъ самое важное значеніе для уразумѣнія сущности современнаго англійскаго суда присяжныхъ: и въ настоящее время судъ присяжныхъ носитъ чисто-юридическій характеръ и есть лишь въ концѣ концовъ способъ доказательства, причемъ присяжные разрѣшаютъ преимущественно фактическіе вопросы.

Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго являются два весьма характерныя положенія англійскаго права. 1) Когда подсудимый признаетъ себя виновнымъ, когда стало быть нечего доказывать, присяжные не привлекаются вовсе къ дѣлу и судья постановляетъ приговоръ безъ ихъ участія. 2) Судья имѣеть право предложить присяжнымъ постановить т. наз. спеціальнй вердиктъ, т. е. не рѣшать вопросъ о виновности, а установить доказанность или нѣтъ извѣстныхъ фактическихъ обстоятельствъ, а затѣмъ предоставить судѣ на основаніи этихъ данныхъ рѣшить вопросъ юридическій. Спеціальнй вердиктъ присяжные имѣютъ право постановить и по собственному почину.

Ближайшее изученіе современнаго англійскаго суда присяжныхъ еще больше укрѣпляетъ предыдущіе выводы.

Англійскій присяжный никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не считаетъ себя призваннымъ быть судьей надъ закономъ. Онъ свято чтитъ этотъ законъ и, видя въ судѣ олицетвореніе его, съ величайшимъ уваженіемъ относится къ даваемымъ имъ указаніямъ и разъясненіемъ. Огромное вліяніе судьи на исходъ дѣла и его власть („exorbitant“ по выраженію Glasson'a *) единодушно засвидѣтельствованныя всѣми изслѣдователями, не только не возбуждаютъ у англичанъ опасеній, но считаются явленіями совершенно нормальными. Что касается разграниченія

*) Histoire du droit et des institutions politiques, civiles et judiciaires de l'Angleterre etc. 1883. VI, 795

компетенціи судьи и присяжныхъ, то въ этомъ отношеніи можно считать твердо установленнымъ, что процессуальные вопросы и вопросы о примѣненіи наказанія рѣшаются и сключительно судьей, всѣ же остальные вопросы рѣшаются судьей при участіи присяжныхъ, причемъ въ вопросахъ чисто-фактическаго характера главная роль принадлежитъ присяжнымъ, а въ вопросахъ права присяжные подчиняются указаніямъ судьи.

Англійская практика неизмѣнно твердо держится принципа, по которому вопросы права рѣшаются судьей, наставленіямъ котораго въ этомъ отношеніи обязаны слѣдовать присяжные. Практика знаетъ случаи, когда, напр., присяжные вопреки наставленіямъ судьи два раза отвѣчали: „виновенъ“, послѣ чего судья опять начиналъ объяснять имъ правовую сторону дѣла, заявивъ, что онъ не вмѣшивается въ разрѣшеніе фактическихъ вопросовъ, но и не позволяетъ присяжнымъ вмѣшиваться въ сферу его компетенціи, т. е. въ юридическую часть дѣла*).

Нельзя, конечно, утверждать, что присяжные рѣшаютъ и сключительно вопросы факта. Они даютъ отвѣтъ по существу обвинительнаго акта: „виновенъ“ или „невиновенъ“, конечно, заключаетъ въ себѣ отвѣтъ и на вопросъ права. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что англійскій уголовный процессъ обладаетъ превосходнымъ средствомъ, позволяющимъ расчленить эти короткіе отвѣты „guilty“ и „not guilty“ на ихъ составные элементы, выдѣлить изъ этихъ элементовъ чисто фактическую сторону и слѣдить, чтобы присяжные не превышали своей компетенціи.

Средство это заключается въ слѣдующемъ. Когда вердиктъ покажется судьѣ неправильнымъ, или если у судьи возникаютъ сомнѣнія относительно того, правильно или нѣтъ поняты присяжными его наставленія, онъ требуетъ у присяжныхъ указанія мотивовъ вердикта; часто между судьей и присяжными начинается свободный обмѣнъ мыслей, причемъ судья задаетъ рядъ вопросовъ относительно фактическихъ обстоятельствъ, контролируя законность пути, который привелъ присяжныхъ къ признанію доказаннымъ того или иного обстоятельства и провѣряя правильность подведенія этихъ обстоятельствъ подъ опредѣленія закона (субсумцію). Въ случаѣ неудовлетворительности исполненія при-

*) См. Glaser. Anklage, Wahrspruch etc., 155—158

сяжными своихъ обязанностей, напр., признанія доказаннымъ какого-либо обстоятельства безъ законныхъ къ тому оснований (вопреки вѣками выработанной теоріи доказательствъ, хранителями которой являются судьи) или неправильной подсумці, судья снова начинаетъ свое разъясненіе (calrge) *) и присяжные выносятъ новый вердиктъ, послѣ котораго опять таки можетъ повториться та-же процедура до тѣхъ поръ, пока у судьи не останется никакихъ сомнѣній относительно того, что присяжные окончательно уяснили себѣ сущность дѣла и его разъясненій. Только тогда, когда вердиктъ присяжныхъ не возбуждаетъ у судьи никакихъ сомнѣній, онъ формулируется судьей и заносится секретаремъ въ протоколь.

Такимъ образомъ объ „оракулоподобномъ“, немотивированномъ вердиктѣ, могущемъ скрывать въ себѣ цѣлое гнѣздо ошибокъ, недоразумѣній, нарушеній закона, въ Англии не можетъ быть и рѣчи. Человѣкъ можетъ быть признанъ виновнымъ лишь тогда, когда виновность его совершенно несомнѣнна и для судьи, и для 12 присяжныхъ (вердиктъ постановляется единогласно). Судья можетъ и во время судебного слѣдствія, не доводя его до конца, предложить присяжнымъ дать оправдательный вердиктъ, если представленныя обвиненіемъ доказательства недостаточны.

Встрѣчаются очень рѣдкіе случаи, когда присяжные, уяснивъ себѣ разъясненія судьи, не соглашаются съ ними и постановляютъ вердикты вопреки этимъ разъясненіемъ. Тогда судья (при обвинительномъ вердиктѣ) имѣетъ право распустить присяжныхъ и передать дѣло на разсмотрѣніе другого состава въ новой сессіи **). Случаи такого рода въ высшей степени рѣдки и вызываются чисто внѣшними причинами. При томъ огромномъ авторитетѣ, которымъ пользуются англійскіе судьи, о случаяхъ сознательнаго неподчиненія присяжныхъ указаніямъ судьи можно говорить лишь какъ о явленіяхъ совершенно исключительнаго характера.

*) Замѣтить надо, что въ этихъ разъясненіяхъ судья часто высказываетъ и свое мнѣніе по существу дѣла.

***) Относительно оправдательныхъ вердиктовъ власть судьи болѣе ограничена. Практика знаетъ случаи, когда послѣ неправильныхъ оправдательныхъ вердиктовъ судья заявлялъ присяжнымъ, что вердиктъ этотъ онъ и весь міръ будутъ считать нарушеніемъ присяжными своего долга.

Къ всему сказанному необходимо добавить слѣдующее. Въ Англии отсутствуетъ сложная и искусственная система постановки вопросовъ: англійскіе присяжные даютъ одинъ отвѣтъ по существу обвинительнаго акта (обыкновенно очень сжато и кратко редактируемаго, что опять таки выгодно отличаетъ его отъ континентальныхъ обвинительныхъ актовъ). Далѣе судебное слѣдствіе въ англійскомъ процессѣ построено въ высшей степени разумно и цѣлесообразно: каждое судебное дѣйствіе производится такимъ образомъ, чтобы присяжные сразу могли бы уяснить себѣ связь его съ основнымъ вопросомъ процесса и степень его важности. Это достигается дѣленіемъ всего судебного слѣдствія на двѣ части: сначала обвинитель излагаетъ программу и планъ обвиненія и разрабатываетъ свои доказательства, а потомъ такимъ же образомъ поступаетъ защитникъ *). Каждое предъявляемое доказательство изслѣдуется и освѣщается всесторонне, причемъ стороны тутъ же обмѣниваются замѣчаніями по поводу даннаго доказательства. Центръ тяжести судебного слѣдствія и лежитъ въ разработкѣ доказательствъ, а не въ рѣчахъ адвокатовъ, которыя обыкновенно бываютъ кратки, дѣловиты, заключаютъ въ себѣ лишь краткій обзоръ добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ и общее освѣщеніе ихъ. О патетическихъ фразахъ, театральныхъ эффектахъ, стремленіи бить на чувство присяжныхъ, желаніи показать свою эрудицію или краснорѣчіе и т. подобныхъ печальныхъ явленіяхъ, такъ часто къ сожалѣнію встрѣчающихся на континентѣ, въ рѣчахъ англійскихъ адвокатовъ нѣтъ и помину **).

Наконецъ, немаловажнымъ факторомъ, содѣйствующимъ достиженію англійскимъ уголовнымъ процессомъ своей цѣли, яв-

*) Судья не вмѣшивается въ разработку доказательствъ и въ этомъ отношеніи представляетъ собою діаметральную противоположность французскому президенту ассезнаго суда, дѣятельно допрашивающему свидѣтелей, подсудимаго и т. д. Англійскій судья остается безпристрастнымъ зрителемъ разработки доказательствъ адвокатами.

**) „Even when the circumstances of crimes are pathetic or terrible in the highest degree. the counsel on both sides are usually as quiet as if the case was an action on a bill of exchange“. говоритъ Стивенъ (History of the criminal law, I, 454) Въ другомъ мѣстѣ онъ правильно замѣчаетъ: „To put sentiment in the place of law, or to allow the administration of criminal justice to be overridden or interrupted by appeals to sentiment, is to deprive the criminal law of its most characteristic, most effective, and most wholesome attributes“. (ib., 553).

ляется своеобразная система доказательствъ. Главныя достоинства этой системы заключаются въ томъ, что изъ судебного слѣдствія устраняется все, что можетъ безъ нужды загромождать доказательственный матеріалъ, затемнять изслѣдованіе и вносить въ него свѣдѣнія, заимствованныя изъ мутныхъ источниковъ.

Если мы будемъ имѣть въ виду все сказанное, то мы поймемъ, почему въ англійскомъ процесѣ присяжные засѣдатели по общему правилу произносятъ вердикты, не выходя даже изъ залы засѣданія, послѣ 1—2 минутъ совѣщанія.

Для полноты картины слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что если судья во время хода процесса встрѣчаетъ какія-либо сомнѣнія или затрудненія юридическаго свойства, то онъ всегда имѣетъ возможность совѣщаться съ кѣмъ-либо изъ своихъ товарищей. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ судья прямо заявляетъ, что для обсужденія такого-то вопроса онъ дѣлаетъ перерывъ засѣданія и идетъ посоветоваться съ „своимъ другомъ такимъ-то.“

Изслѣдованіе англійскаго суда присяжныхъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ результатамъ. Не смотря на кажущуюся раздѣльность—судья и присяжные составляютъ одно гармоническое цѣлое, одну коллегію. Приговоръ есть результатъ совмѣстной работы судьи и присяжныхъ, работы, основанной на взаимномъ довѣрїи, пониманїи и живомъ обмѣнѣ мыслей. Приговоръ не заключаетъ въ себѣ ничего неяснаго, недоговореннаго, скрытаго, а напротивъ, для всѣхъ присутствующихъ и читающихъ газетный отчетъ, совершенно ясны мотивы приговора. Главнымъ дѣятелемъ является судья, имѣющій возможность совѣщаться по каждому юридическому вопросу съ другимъ судьей. Присяжные обязаны слѣдовать юридическимъ указаніямъ судьи и рѣшаютъ преимущественно вопросы факта, служа главнымъ образомъ пробнымъ камнемъ представляемыхъ сторонами доказательствъ.

Если мы англійскій судъ присяжныхъ сравнимъ съ континентальнымъ, съ его двумя раздѣльными коллегіями, сплошь и рядомъ непонимающими другъ друга, съ его сложной и искусственной постановкой вопросовъ, съ его запутаннымъ и загроможденнымъ судебнымъ слѣдствіемъ, съ его преніями сторонъ, какъ самостоятельной (и часто рѣшающей) частью процесса, преніями, гдѣ произносятся длинныя рѣчи съ указанными выше

недостатками, съ его вердиктомъ, часто продиктованнымъ настроеніемъ, вердиктомъ немотивированнымъ, являющимся нерѣдко плодомъ недоразумѣнія, непониманія, заблужденія, а подчасъ и прямого желанія „исправить законъ“, съ его формализмомъ, доведеннымъ до крайности, формализмомъ, препятствующимъ свободному обмѣну мнѣній между судьями и присяжными,—то мы будемъ имѣть право сдѣлать выводъ, что англійскій судъ присяжныхъ гораздо ближе стоитъ къ суду шеффеновъ, чѣмъ къ континентальному суду присяжныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ. И гармоническое единство коллегіи, и свободный обмѣнъ мнѣній, и мотивировка вердикта, и руководящая роль судьи, и миссія присяжныхъ, какъ судей факта по преимуществу, о б я з а н н ы хъ подчиняться юридическимъ указаніямъ судьи,—все это моменты, совершенно чуждые континентальному типу суда присяжныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризующіе судъ шеффеновъ. На континентѣ центр тяжести переносится на скамью присяжныхъ, они являются вершителями судьбы обвиняемаго, они считаются гораздо болѣе пригодными, чѣмъ профессиональные судьи къ рѣшенію всѣхъ вопросовъ, кромѣ чисто-процессуальныхъ и вопроса о наказаніи.

Въ Англии никогда не считали присяжныхъ болѣе способными сравнительно съ коронными судьями къ рѣшенію тѣхъ или другихъ вопросовъ; присяжные никогда не были вершителями судьбы обвиняемаго, всегда обязаны были давать судѣ отчетъ, указывать мотивы вердикта, обязаны подчиняться юридическимъ наставленіямъ судьи; присяжные всегда служили для судьи пробнымъ камнемъ, на которомъ испытывалась сила представляемыхъ доказательствъ. Различіе между англійскимъ и континентальнымъ судомъ присяжныхъ, какъ видимъ, слишкомъ велико, и аргументировать въ пользу континентальнаго типа суда присяжныхъ ссылками на Англию можно только по недоразумѣнію.

1. Обращаясь къ изученію аргументовъ защитниковъ суда присяжныхъ, мы замѣчаемъ, что громадное большинство этихъ аргументовъ доказываетъ лишь необходимость участія общественныхъ представителей въ составѣ уголовного суда, но вовсе непри-

годно для рѣшенія вопроса о формѣ этого участія. Къ такимъ аргументамъ относятся всѣ, сущность которыхъ приведена выше при изслѣдованіи вопроса объ участіи общественныхъ представителей, какъ объ основномъ принципѣ судоустройства. Возьмемъ напр., аргументъ объ увеличеніи довѣрія населенія къ суду, благодаря участію общественныхъ представителей. Самъ по себѣ аргументъ неотразимъ, но изъ него вовсе не слѣдуетъ, что общественные представители должны составлять особую коллегію и рѣшать главный вопросъ въ процессѣ, вопросъ о виновности. Точно также изъ того, что общественные представители, какъ мѣстные люди, могутъ знать нѣкоторыя неизвѣстныя короннымъ судьямъ бытовыя особенности и мѣстныя условія, слѣдуетъ лишь первостепенная важность участія такихъ свѣдующихъ лицъ въ составѣ суда, но не выдѣленіе этихъ лицъ въ особую коллегію съ весьма обширными полномочіями.

Такимъ образомъ первая, самая обширная группа аргументовъ, аргументовъ очень сильныхъ, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ суду присяжныхъ, какъ къ особой формѣ участія общественнаго элемента въ уголовномъ судѣ.

II. Вторая группа аргументовъ бьетъ дальше своей цѣли. Эти аргументы направлены противъ профессиональныхъ судей. Утверждаютъ, что профессиональные судьи утрачиваютъ чуткость къ жизни, дѣлаются рутинерами, не способными надлежащимъ образомъ оцѣнивать доказательства, не способными индивидуализировать каждый данный случай, всегда предубѣждены противъ обвиняемаго и склонны къ обвиненію, подвержены сильному вліянію со стороны правительства, не знакомы съ тѣми слоями населенія, которые даютъ наибольшій континентъ преступниковъ.

Если бы все это было вѣрно, то слѣдовало бы совершенно упразднить классъ профессиональныхъ судей, а не прилагать столько заботъ къ созданію гарантій ихъ независимости, знаній, опыта и т. д., т. к. очевидно, что кромѣ вреда эти рутинеры-чиновники ничего принести не могутъ. И уже во всякомъ случаѣ представляется въ высшей степени нелогичнымъ, когда писатели такъ порицающіе коронныхъ судей, находятъ необходимымъ ввѣрять имъ контроль надъ дѣятельностью присяжныхъ, даютъ имъ право отмѣнять обвинительные вердикты, находятъ, что присяжные, отправляя свои обязанности подъ руководствомъ судей, приобрѣтаютъ знанія въ области права и т. п.

На самомъ дѣлѣ рутина, узкій формализмъ, склонность къ шаблонамъ и т. п. нежелательныя явленія, столь свойственныя чиновничеству, вовсе не обусловлены профессиональнымъ характеромъ судейскихъ функцій. Чѣмъ больше судьи отличаются отъ чиновниковъ, тѣмъ меньше опасности, что среди судейской корпораціи разовьются указанныя выше явленія. Утрата чуткости къ жизни можетъ развиваться и дѣйствительно развивается у коронныхъ судей, но опять таки вовсе не подъ вліяніемъ профессіи, какъ таковой. Недостаточная степень интеллигентности и интереса къ общественно-политической жизни, слабая прикосновенность къ наукѣ, переобремененіе служебной работой, отсутствіе возстановляющаго силы отдыха — вотъ причины, которыя въ связи съ „чиновничествомъ“ самымъ роковымъ образомъ вліяютъ на притупленіе чуткости къ жизни. Зло надо лѣчить, вліяя на эти причины, и тогда возможность притупленія чуткости къ жизни сведется къ минимуму.

Что же касается предубѣжденія противъ обвиняемаго, неспособности къ индивидуализированію, къ оцѣнкѣ доказательствъ, незнакомства съ извѣстными слоями населенія и т. д., то всѣ эти обвиненія совершенно неосновательны. Достаточно сравнить статистическія данныя репрессивности судовъ присяжныхъ и коронныхъ судовъ, достаточно имѣть въ виду огромное количество оправдательныхъ приговоровъ единоличныхъ судей, склонность (сплошь и рядомъ имѣющую вредныя послѣдствія для интересовъ правосудія) апелляціонныхъ инстанцій къ пониженію назначеннаго первой инстанціей наказанія*), вспомнить упреки въ „сантиментальности“, въ пристрастіи къ минимуму при опредѣленіи размѣровъ наказанія, упреки такъ часто (и далеко на всегда неосновательно) дѣлаемые короннымъ судьямъ, чтобы видѣть всю несправедливость фразъ о „предубѣжденіи противъ обвиняемаго“. Мнимая неспособность къ индивидуализированію есть въ сущности обладаніе массой накопленнаго опыта и умѣніе обобщать, —

*) Я имѣю въ виду тѣ, къ сожалѣнію нерѣдкіе, случаи, когда въ апелляціонной инстанціи не устанавливается никакихъ новыхъ обстоятельствъ, могущихъ служить къ смягченію наказанія, и когда апелляціонный судъ, утверждая приговоръ, понижаетъ размѣръ опредѣленнаго первой инстанціей наказанія, приводя единственный мотивъ: судъ находитъ данную мѣру наказанія слишкомъ строгой и не соответствующей степени виновности.

качества въ высшей степени цѣнныя для судьи, и каждый, кому дороги интересы правосудія, предпочтетъ спокойствіе и нѣкоторый скептицизмъ опытнаго судьи той впечатлительности присяжнаго, которая такъ часто дѣлаетъ его безпомощнымъ противъ злоупотребленій сторонъ. А сказать, что человѣкъ, обладающій большимъ спеціальнымъ опытомъ, владѣющій научными приемами оцѣнки свидѣтельскихъ показаній, выслушавшій многія сотни различныхъ свидѣтелей при различныхъ обстоятельствахъ, будетъ менѣе пригоденъ разобратъ въ показаніяхъ, отличить истину отъ лжи, чѣмъ человѣкъ, впервые занявшій судейское кресло и не обладающій никакими спеціальными знаніями, можно только въ пылу увлеченія предвзятой мыслью.

Большимъ недоразумѣніемъ является утвержденіе, что судьи, какъ люди, принадлежащіе къ одному классу общества, классу, не соприкасающемуся близко съ низшими слоями населенія, менѣе знакомы съ тою средой, которая даетъ наибольшій контингентъ преступниковъ. Уголовный судья, теоретически изучившій міръ преступниковъ и причины преступности, ежедневно имѣющій возможность наблюдать и преступниковъ, и окружающую ихъ среду, конечно, гораздо больше знакомъ съ этой средой, чѣмъ присяжный, избирающійся обыкновенно изъ числа гражданъ съ незапятнанной репутаціей, обладающихъ извѣстнымъ цензомъ и мало соприкасающихся со „сливками черни“.

Точно также представляется недоразумѣніемъ утвержденіе, что судьи, какъ люди, принадлежащіе къ культурному классу общества, не могутъ такъ хорошо знать условія жизни, духовный складъ, образъ мыслей, нравы и т. д. людей низшихъ классовъ, не могутъ поэтому надлежащимъ образомъ оцѣнивать мотивы ихъ поступковъ, какъ присяжные, принадлежащіе къ различнымъ классамъ общества. Въ связи съ этимъ иногда можно встрѣтиться и теперь еще съ аргументомъ, заимствованнымъ изъ ложно понятой идеи „суда равныхъ“. Говорятъ, что самымъ естественнымъ судомъ является судъ лицъ, одного класса съ обвиняемымъ: если эти лица осуждаютъ обвиняемаго, приговоръ пріобрѣтаетъ высшую степень репрессивности и авторитетности. Для оцѣнки этихъ аргументовъ достаточно имѣть въ виду, что судья, стоящій на высшей ступени духовнаго развитія, скорѣе и легче пойметъ и надлежащимъ образомъ оцѣнитъ мотивы поведенія и душевныя движенія человѣка средняго или низшаго уровня, чѣмъ при-

сяжный, принадлежащій къ тому же уровню *). Несостоятельность же идеи „суда равныхъ“ въ вышеуказанной его постановкѣ видна уже изъ того, что если бы даже согласиться на минуту съ правильностью положенія, что лучшимъ судьей можетъ быть не человѣкъ, стоящій духовно выше, а человѣкъ одинаковаго съ обвиняемымъ уровня, то пришлось бы требовать, чтобы злостнаго банкрота судили 12 купцовъ, наиболѣе приближающихся по своимъ нравамъ, воззрѣніямъ и интеллекту къ судимому ими преступнику, чтобы редактора газеты, напечатавшаго пасквиль, судили 12 журналистовъ одинаковаго съ нимъ „направленія“ и т. д.

III. Переходимъ теперь къ третьей группѣ аргументовъ. Аргументы этой группы непосредственно относятся къ суду присяжныхъ, какъ особой формѣ участія общественныхъ представителей въ уголовномъ судѣ и поэтому заслуживаютъ особенно тщательнаго изученія. Ученые, употребляющіе эти аргументы, очень часто оперируютъ и аргументами первой и второй группы, иногда не давая себѣ яснаго отчета относительно природы употребляемыхъ ими аргументовъ, и лишь у немногихъ авторовъ мы встрѣчаемъ ясное расчлененіе аргументаціи.

Изучая все многообразіе доказательствъ въ пользу выдѣленія общественныхъ представителей въ особую отъ коронныхъ судей коллегію съ обширными полномочіями, мы приходимъ къ заключенію, что въ основѣ всѣхъ этихъ доказательствъ лежатъ двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга теоріи: 1) теорія т. н. *omnipotence du jury* и 2) теорія раздѣленія труда между коронными судьями и присяжными.

Ad 1) Теорія *omnipotence du jury* въ ея многообразныхъ оттѣнкахъ, природа которыхъ часто не замѣчается, сводится къ слѣдующему. Судъ присяжныхъ есть судъ общественной совѣсти, судъ олицетворяющій собою живущее въ народѣ правосознаніе. Онъ призванъ сглаживать, исправлять и даже отмѣнять уголовные законы, несоотвѣтствующіе этому правосознанію. Онъ можетъ

*) Кто понимаетъ явленія болѣе сложныя, болѣе высокаго порядка, тотъ eo ipso пойметъ явленія простѣйшія; человѣкъ, обладающій богатымъ и широкимъ міровоззрѣніемъ, всегда пойметъ и оцѣнитъ по достоинству духовную жизнь и поведение человѣка съ ограниченнымъ кругозоромъ и бѣднымъ интеллектомъ. Здѣсь еще разъ обнаруживается вся важность солидной, всесторонней научной подготовки, важность духовныхъ богатствъ. Можно сказать, не боясь преувеличенія, что степень гуманности судьи прямо пропорціональна степени его научной подготовки и богатства его духовной жизни.

оправдать подсудимаго при полной доказанности его вины и осудить, хотя бы представленныхъ доказательствъ было недостаточно.

Логическимъ завершеніемъ этой теоріи было бы упраздненіе уголовного кодекса и предоставленіе присяжнымъ права создавать *ad hoc* карательные законы, руководствуясь живущимъ въ народѣ правосознаніемъ, т. е. возвращеніе къ первому періоду народныхъ судовъ съ ихъ абсолютизмомъ. Едва ли нужно доказывать полную несостоятельность этой теоріи и ея несомѣстимость съ основными принципами правового государства, гдѣ не можетъ быть допущенъ абсолютизмъ какой бы то не было власти, гдѣ основой общежитія является законъ, гдѣ судъ есть надежнѣйшій охранитель этого закона, а посему и не можетъ стоять надъ нимъ, гдѣ гражданинъ можетъ быть подвергнутъ наказанію не иначе, какъ на основаніи уже существовавшаго до совершенія преступленія уголовного закона и послѣ несомнѣннаго установленія его вины судомъ.

Судъ, стоящій надъ закономъ, имѣющій право отмѣнять его, есть *contradictio in adjecto*. И если такого права нельзя признать за судомъ изъ профессиональныхъ судей-юристовъ, судомъ отражающимъ въ себѣ высшую степень культуры, достигнутой страной, то тѣмъ болѣе это относится къ суду, состоящему изъ 12 случайно попавшихъ на судейскія кресла челоуѣкъ, сплошь и рядомъ принадлежащихъ къ менѣе культурнымъ классамъ общества. Культурная миссія уголовного законодателя заключается между прочимъ въ томъ, чтобы усиленно подчеркивать несомѣстимость нѣкоторыхъ дѣяній съ общежитіемъ, хотя бы эти дѣянія вполне одобрялись народнымъ правосознаніемъ: законодатель долженъ воспитывать народъ, долженъ идти впереди него, указывая ему пути, а не подчиняться отжившимъ правовозрѣніямъ*). Мы сплошь и рядомъ видимъ, что обмѣръ, обвѣсъ и другіе обманы при продажѣ товаровъ считаются нормальными явлениями среди многихъ торговцевъ; что кулачная расправа, дуэль и т. п. проявленія дикости находятъ очень многихъ защитниковъ среди недостаточно культурнаго населенія; что антисанитарное содержаніе дворовъ представляется совершенно естественнымъ положеніемъ для людей, привыкшихъ жить въ гря-

*) Я, конечно не могу здѣсь касаться вопроса о гарантіяхъ, обезпечивающихъ издавіе разумныхъ уголовныхъ законовъ. Общія указанія сдѣланы въ первой части книги.

зи; что масса такихъ и имъ подобныхъ явленій не заслуживаютъ по народнымъ воззрѣніямъ никакого вмѣшательства уголовного законодателя. И несомнѣнно, что культурная миссія этого законодателя сведется къ нулю, если предоставить суду присяжныхъ, какъ выразителю народныхъ воззрѣній, отмѣнять соотвѣтствующіе уголовные законы.

Конечно, могутъ встрѣтиться случаи совершенно устарѣлыхъ законовъ, примѣненіе коихъ рѣзко оскорбляло бы правовое чувство руководящей части общества. Если бы, напр., культурному суду пришлось примѣнять уголовные законы, карающіе принадлежность къ религіозной сектѣ, перемѣну религіи, конкубинатъ, выраженіе мнѣній, несогласныхъ съ существующимъ государственнымъ строемъ и т. п., положеніе такого судьи было бы весьма и весьма тяжелымъ. Но во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы или выйти въ отставку, или исполнить свой долгъ. Единственнымъ проявленіемъ его личнаго отношенія къ отжившему закону могло бы быть назначеніе минимальнаго наказанія и обращеніе къ верховной власти съ ходатайствомъ о помилованіи. Уголовная политика можетъ рекомендовать предоставить суду право указывать въ такихъ случаяхъ на необходимость отмѣны закона *).

При нормальной правовой жизни такіе случаи всегда будутъ имѣть исключительный характеръ, а если суду будетъ предоставлено право при опредѣленіи наказанія за очень многія преступленія спускаться до общаго минимума, то эти случаи никакого вреда гражданской свободѣ принести не могутъ. А между тѣмъ неизмѣримо велика разница между примѣненіемъ хотя бы отжившаго закона съ назначеніемъ какого-нибудь минимальнаго штрафа и оправданіемъ подсудимаго на томъ лишь основаніи, что законъ устарѣлъ и долженъ быть отмѣненъ: въ первомъ случаѣ судъ чтитъ законъ, является его хранителемъ, подчерки-

*) Слишкомъ извѣстные факты существованія законовъ устарѣлыхъ, отжившихъ, находящихся въ противорѣчій съ правосознаніемъ культурнаго общества вовсе не даютъ основанія для снабженія суда правомъ отмѣнять законы и создавать новые. Эти факты указываютъ лишь на необходимость такъ организовать законодательную власть, чтобы въ ней принимали участіе всѣ общественныя силы страны, чтобы въ ней были представлены всѣ интересы. Кромѣ того безусловно необходимо, чтобы правовая жизнь народа, всѣ зарождающіяся правовыя образованія своевременно находили бы свое отраженіе въ работахъ законодательной власти. Въ числѣ средствъ, ведущихъ къ этой цѣли, одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ могли бы занять сообщенія судовъ о желательныхъ законодательныхъ измѣненіяхъ.

вааетъ, что законы вообще должны быть всѣми соблюдаемы и уважаемы до ихъ отмѣны законодателемъ, во второмъ—судъ вносить заразу въ правовую жизнь и изъ органа, охраняющаго правопорядокъ, дѣлается органомъ произвола. *Разъ вступишь на скользкій и опасный путь нарушенія закона, судъ теряетъ подъ собою почву, развращается самъ и развращаетъ все населеніе, наглядно показывая всѣмъ и каждому полное безсиліе закона. О величайшей и благороднѣйшей задачѣ суда — быть воспитателемъ въ народъ драгоцѣннѣйшаго чувства законности, при такомъ порядкѣ вещей не можетъ быть и рѣчи.*

Точно также представляется ненормальнымъ предоставленіе суду права безконтрольнаго и немотивированнаго обвиненія и оправданія. Защитники теоріи omnipotence du jury дѣлаютъ логическій выводъ изъ своей теоріи по отношенію къ суду присяжныхъ и говорятъ, что въ отличіе отъ короннаго суда, обязаннаго мотивировать приговоръ, не имѣющаго права оправдывать при наличности установленной виновности и обвинять безъ надлежаще представленныхъ доказательствъ, присяжные ничѣмъ, кромѣ своей совѣсти, не стѣснены въ произнесеніи вердикта, и требовать отъ нихъ мотивовъ было бы искаженіемъ самой идеи суда присяжныхъ. Къ этому иногда прибавляютъ, что вообще мотивировка приговоровъ есть призрачная гарантія, т. к. мотивы обыкновенно пишутся послѣ состоявшагося уже приговора, пишутся однимъ членомъ коллегіи и „подгоняются“ къ резолюціи, и что невозможно дать ясный, точный и исчерпывающій отчетъ о томъ духовномъ процессѣ, который въ концѣ концовъ приводитъ къ образованію убѣжденія въ виновности, или невинности подсудимаго.

Всѣ эти разсужденія глубоко ошибочны. Если современное правосознаніе не мирится съ абсолютизмомъ власти, если оно такъ болѣзненно-чутко къ проявленіямъ произвола, то ни къ какой области все это не можетъ относиться въ болѣе сильной степени, чѣмъ къ области правосудія. И это понятно: 1) какъ мы видѣли изъ первой части, судъ монополизируетъ въ своихъ рукахъ распоряженіе столь опасными и столь чувствительно задѣвающими личную свободу функціями власти, какъ принудительныя функціи, и 2) судъ есть органъ законности по преимуществу; усмотрѣніе, „общее благо“, польза, цѣлесообразность, эти руководящія начала администраціи, причины и ея силы, и

ея слабости, — совершенно непригодны для суда, дѣйствующаго по прямолинейнымъ принципамъ правомѣрности. Характерная особенность судебной дѣятельности, особенность, рѣзко выдѣляющая эту дѣятельность изъ всѣхъ остальныхъ, заключается именно въ ея руководящемъ принципѣ и въ подчиненіи цѣлому ряду процессуальныхъ формъ и обрядовъ, гарантирующихъ ее отъ вырожденія въ произволъ. Указанная особенность судебной дѣятельности служитъ причиной сложности, громоздкости, медленности, вызываетъ нерѣдко упреки въ формализмѣ, въ созданіи тормазовъ для осуществленія ближайшихъ цѣлей внутренней политики, въ излишнемъ консерватизмѣ, даже иногда упреки въ благопріятствованіи развитію преступности, но благодаря этой своей особенности судъ и можетъ выполнить свою задачу — быть охранителемъ правопорядка, охранителемъ правъ личности, *быть тѣмъ началомъ въ государственной жизни, которое вноситъ устойчивость и спокойствіе въ кипучій водоворотъ борьбы страстей, интересовъ и стремленій.*

И если каждый шагъ судебной дѣятельности обставленъ гарантіями, позволяющими контролировать законность любого, хотя бы самаго незначительнаго судебного акта, то было бы болѣе чѣмъ непослѣдовательнымъ, если важнѣйшій актъ судебной дѣятельности, приговоръ о виновности или невинности, превратился бы въ актъ произвола. А ничѣмъ инымъ нельзя назвать такой порядокъ, при которомъ судья имѣетъ право сказать: „я оправдываю обвиняемаго, или приговариваю его къ наказанію, а почему, — это мое дѣло и никто не можетъ требовать у меня отчета; sic volo, sic jibeo, sit pro ratione voluntas“. Къ чему послужить самое тщательное соблюденіе всѣхъ процессуальныхъ гарантій, если судья имѣетъ полную возможность игнорировать весь разработанный передъ нимъ доказательственный матеріалъ, и произнести кратко: „нѣтъ, не виновенъ“, оставивши для всѣхъ въ глубокой тайнѣ свое отношеніе ко всему происходившему передъ нимъ на судебномъ слѣдствіи и тѣ причины, которыя привели его къ постановленію оправдательнаго приговора. Свобода судейской совѣсти, независимость судьи въ дѣлѣ постановленія приговора выражаются въ томъ, что ни одно доказательство не можетъ имѣть для судьи обязательнаго характера, что вѣрить, или не вѣрить свидѣтелю, предпочитать одно показаніе другому и т. п. зависитъ исключительно отъ внутренняго убѣжденія судьи;

что въ толкованіи и примѣненіи законовъ судья ничѣмъ, кромѣ своихъ знаній, совѣсти и признанныхъ имъ доказанными фактовъ не связанъ.—Но все это вовсе не значитъ, что отъ судьи никто не вправѣ потребовать доказательствъ того, что приговоръ произнесенъ имъ на основаніи тщательнаго изученія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, всего разработаннаго передъ нимъ матеріала. А доказательства эти могутъ быть представлены единственно путемъ мотивировки приговора.

Что касается невозможности изобразить душевный процессъ, приведшій въ концѣ концовъ къ опредѣленному возрѣнію, то не надо забывать, что судебный приговоръ не есть художественное произведеніе, раскрывающее тайники души человѣческой. Задача судебного приговора гораздо проще, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ можно, не исписывая большого количества бумаги, изложить мотивы, на которыхъ основывается окончательный выводъ, съ исчерпывающей полнотою, изложить такъ, чтобы для всѣхъ было бы очевиднымъ: 1) отсутствіе произвола, 2) изученіе судомъ всего матеріала, добытаго судебнымъ слѣдствіемъ, 3) рѣшеніе дѣла исключительно на основаніи этого матеріала и 4) согласіе приговора съ существующими законами. Единственной задачей мотивировки приговора и является доказательство наличности всѣхъ четырехъ только что указанныхъ моментовъ. Вотъ почему никто не вправѣ требовать отъ судьи отчета, почему онъ предпочитаетъ одного свидѣтеля другому, почему онъ не вѣритъ свидѣтелю и т. п., но судья обязанъ дать отчетъ въ томъ, какіе факты онъ признаетъ доказанными, какія изъ представленныхъ доказательствъ имъ приняты и какія отвергнуты.

Для избѣжанія такихъ ненормальныхъ явленій, какъ изложеніе мотивовъ о д н и мъ членомъ коллегіи и притомъ уже послѣ объявленія резолюціи (приговоръ въ такихъ случаяхъ далеко не выражаетъ собою мнѣнія всей коллегіи и мотивы сплошь и рядомъ „подгоняются“ къ резолюціи) необходимо создать надлежащія процессуальныя гарантіи. Лучшей гарантіей могло бы быть требованіе закона, чтобы мотивы вырабатывались сообща всею коллегіей и провозглашались вмѣстѣ съ резолюціей.

Значительная трата времени на эту работу съ избыткомъ вознаградилась бы основательностью и внутреннею цѣнностью приговора: ни одно обстоятельство, ни одинъ фактъ не могъ бы ускользнуть отъ вниманія суда, не могъ бы остаться не изслѣдо-

ванными. При рациональной постановкѣ судебного слѣдствія (англійскій типъ) техническія трудности указанаго порядка могли бы въ огромномъ большинствѣ случаевъ свестись къ минимуму: судъ перечисляетъ факты, которые онъ признаетъ доказанными и противъ каждаго факта отмѣчаетъ, какія доказательства, относящіяся къ этому факту, имъ приняты, и какія отвергнуты.

И несомнѣнно, что судья, обязанный дать такой отчетъ, съ гораздо большимъ вниманіемъ и серьезностью отнесется ко всему, происходящему передъ нимъ на судебномъ слѣдствіи. Такимъ образомъ и съ этой стороны мотивировка приговора является важной гарантіей правосудія. Уже одно то, что система мотивированныхъ приговоровъ совершенно исключаетъ возможность осужденія обвиняемаго на основаніи данныхъ, не бывшихъ предметомъ судебного изслѣдованія, а также исключаетъ возможность осужденія на основаніи слишкомъ легковѣсныхъ доказательствъ, заставляетъ признать громадную цѣнность мотивированія приговора. Съ другой стороны необходимость мотивировать приговоръ дѣлаетъ невозможнымъ оправданіе только на томъ основаніи, что соотвѣтствующій уголовный законъ устарѣлъ и подлежитъ отмѣнѣ по мнѣнію суда; или потому, что обвиняемый, хотя и виновенъ въ совершеніи приписываемаго ему преступленія, но по особенностямъ даннаго дѣла не заслуживаетъ наказанія. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ коррективомъ могло бы быть указанное въ первой части право суда освобождать отъ наказанія. Такой порядокъ во всякомъ случаѣ больше содѣйствовалъ бы укрѣпленію чувства законности, больше свидѣтельствовалъ бы объ уваженіи суда къ закону, чѣмъ современное положеніе дѣла въ континентальномъ судѣ присяжныхъ, гдѣ краткій, немотивированный вердиктъ „нѣтъ, не виновенъ“, сплошь и рядомъ скрываетъ въ себѣ и отмѣну закона, и помилованіе, и освобожденіе отъ наказанія. Съ другой стороны вердиктъ „да, виновенъ“ нерѣдко произносится присяжнымъ на основаніи обстоятельствъ, не бывшихъ предметомъ судебного изслѣдованія. И по странной непослѣдовательности нѣкоторые процессуалисты, отрицательно относящіяся къ теоріи *omnipotence du jury*, находятъ обвинительные вердикты такого рода нормальнымъ явленіемъ, не замѣчая, что эти вердикты представляютъ собою одинъ изъ логическихъ выводовъ отвергаемой ими теоріи. Такъ напр., Фойницкій, совершенно правильно указывая на то, что судъ присяжныхъ, какъ и каждый

судъ вообще, не имѣетъ права и спр авлять законы, обязанъ подчиняться закону и не долженъ рѣшать дѣла подѣ диктовку общественнаго мнѣнія*) въ числѣ достоинствъ суда присяжныхъ выставляетъ слѣдующее: (стр. 400) „присяжные, обвиняя подсудимаго, нерѣдко руководствуются вѣдомымъ имъ качествомъ его какъ лихаго человѣка. Пробѣль въ доказательствахъ дополняется общественною совѣстью и т. д.“ Подчеркнутыя слова представляютъ собою ничто иное, какъ проявленіе теоріи *omnipotence du jury*. Отвергается самая драгоцѣнная гарантія правосудія, заключающаяся въ томъ, что подсудимый можетъ быть осужденъ единственно и исключительно на основаніи разработаннаго передѣ судомъ матеріала, и присяжнымъ дается право осуждать на основаніи лично имъ извѣстныхъ обстоятельствъ, слуховъ и т. п. мутныхъ источниковъ. Отъ такого права „дополненія пробѣла въ доказательствахъ“ до произвола слишкомъ недалеко.

Все сказанное приводитъ къ признанію полной несостоятельности теоріи *omnipotence du jury*. А стало быть и основанные на этой теоріи аргументы, въ пользу выдѣленія общественныхъ представителей въ особую, отдѣльную отъ коронныхъ судей коллегію, падаютъ.

ad 2) Гораздо серьезнѣе и солиднѣе является вторая теорія, лежащая въ основѣ требованій о выдѣленіи общественныхъ представителей въ особую коллегію, теорія раздѣленія труда между присяжными и коронными судьями.

Сторонники этой теоріи говорятъ, что общественные представители призываются потому, что обладаютъ спеціально имъ присущими качествами, выгодно отличающими ихъ отъ профессиональныхъ судей, почему гораздо лучше, чѣмъ ученые судьи — спеціалисты могутъ рѣшать извѣстные вопросы. Относительно того, какіе же вопросы присяжные могутъ рѣшать лучше, чѣмъ профессиональные судьи, мнѣнія расходятся. 1) Одни писатели (ближе всего стоящіе къ теоріи *omnipotence du jury*) находятъ, что профессиональнымъ судьямъ должно быть пре-

*) Курскъ, I 392

доставлено только разрѣшеніе чисто-процессуальныхъ вопросовъ и вопроса о наказаніи, всѣ остальные вопросы должны рѣшать присяжные. 2) Другіе предоставляютъ присяжнымъ рѣшеніе всѣхъ фактическихъ вопросовъ и подведеніе установленныхъ фактовъ подъ опредѣленія закона (субсумція). 3) Наконецъ третьи ограничиваютъ задачу присяжныхъ рѣшеніемъ однихъ лишь вопросовъ факта.

Всѣ эти теоріи не могутъ выдержать критики. Начнемъ съ третьей теоріи, какъ теоріи наиболѣе ограничивающей роль присяжныхъ.

Теорія эта несостоятельна вовсе не потому, что будто бы въ уголовномъ процессѣ невозможно выдѣленіе вопросовъ факта отъ вопросовъ права. Вопреки господствующему мнѣнію такое раздѣленіе вполне возможно. Утвержденіе, что вопросы факта и права связаны неразрывно, что въ каждомъ вопросѣ факта заключается и вопросъ права, вѣрно лишь въ томъ отношеніи, что, напр., для обвиненія въ какомъ либо преступленіи необходимо доказать точно опредѣленный рядъ фактовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ юридическое значеніе, какъ одно изъ слагаемыхъ той суммы, которая называется мошенничествомъ, присвоеніемъ, поджогомъ и т. д. Но это вовсе не исключаетъ возможности и даже необходимости при наличности опредѣленной чисто-юридической программы доказыванія намѣченныхъ этой программой фактовъ, какъ таковыхъ. Юристъ можетъ сказать: „дай мнѣ факты, и я дамъ тебѣ право“. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что къ области фактовъ относятся не только факты внѣшняго міра (напр., Иванъ ударилъ Петра, былъ тогда-то тамъ-то, и т. п.), но и факты внутренняго міра (напр. Иванъ зналъ, что вещь уже перешла въ собственность Петра, Иванъ хотѣлъ убить Петра и т. п.).

Но изъ того, что въ уголовномъ процессѣ вполне возможно отдѣленіе вопросовъ факта отъ вопросовъ права, вовсе не слѣдуетъ, что каждая группа вопросовъ должна рѣшаться специально для этого созданной судебной коллегіей. Защитники такого раздѣленія выставляютъ аргументъ о большей пригодности присяжныхъ къ рѣшенію вопросовъ факта сравнительно съ профессиональными судьями. Но, какъ мы видѣли раньше, утвержденія, что профессиональные судьи теряютъ чуткость къ жизни, теряютъ способность индивидуализировать, превращаются въ рутинеровъ, отор-

ванныхъ отъ жизни и т. п.,—оказываются въ значительнѣйшей части плодомъ недоразумѣнія. Надо приступить къ дѣлу съ предвзятымъ мнѣніемъ, для того, чтобы сказать, что профессиональный судья, получившій научную подготовку между прочимъ и въ области психологіи свидѣтельскихъ показаній, обладающій теоретическими знаніями, относящимися къ оцѣнкѣ и разработкѣ представляемыхъ на судѣ доказательствъ и выслушавшій въ теченіи своей практической дѣятельности огромную массу свидѣтелей при всевозможныхъ условіяхъ и комбинаціяхъ, чтобы такой судья былъ бы менѣе способенъ отличать правду отъ лжи въ показаніи свидѣтеля, чѣмъ мелкій торговецъ, впервые посаженный на судейское кресло.

Все это въ связи съ бросающимся въ глаза фактомъ существованія множества судовъ (единоличныхъ и коллегіальныхъ), состоящихъ изъ однихъ только профессиональныхъ судей и совершенно удовлетворительно рѣшающихъ фактическіе вопросы, заставляетъ защитниковъ раздѣленія коллегій измѣнить характеръ своей аргументаціи. Они говорятъ: конечно одинъ присяжный нисколько ни лучше (и даже хуже) можетъ рѣшить вопросъ факта, чѣмъ одинъ профессиональный судья; но дѣло совершенно измѣняется, если въ рѣшеніи вопроса участвуютъ 12 присяжныхъ.

Оставимъ въ сторонѣ логическую непослѣдовательность этого аргумента (перенесеніе центра тяжести съ качества на количество) и обратимся къ его цѣннымъ моментамъ. Дѣйствительно, если свидѣтель производитъ впечатлѣніе правдивости на 12 свѣжихъ людей, взятыхъ изъ различныхъ классовъ общества, то это обстоятельство можетъ считаться очень надежнымъ критеріемъ достовѣрности показанія. Но, не говоря уже о томъ, что большая часть авторовъ, употребляющихъ этотъ аргументъ, подрываютъ цѣнность его, допуская рѣшеніе предложеннаго присяжнымъ вопроса по большинству голосовъ, вмѣсто того, чтобы требовать единогласія, совершенно непонятно, почему профессиональный судья долженъ быть устраненъ отъ участія въ обсужденіи и рѣшеніи вопроса. Казалась бы, что своими теоретическими знаніями и практическимъ опытомъ онъ можетъ принести только одну пользу. А когда защитники раздѣленія коллегій предоставляютъ профессиональнымъ судьямъ право отмѣнять обвинительные вердикты присяжныхъ, т. е. другими словами признаютъ профессиональныхъ судей не только способными къ рѣшенію фактическихъ вопросовъ,

но даже способными контролировать въ этомъ отношеніи присяжныхъ, — то этимъ самымъ они обнаруживаютъ, что ихъ аргументація построена на пескѣ.

Наконецъ, въ пользу цѣнности коллегіи присяжныхъ для рѣшенія фактическихъ вопросовъ указываютъ на то, что въ числѣ присяжныхъ могутъ быть люди, хорошо знающіе мѣстные бытовые условія, а это обстоятельство сплошь и рядомъ является незамѣнимымъ пособіемъ, безъ котораго невозможно рѣшить многіе вопросы. Конечно, все это въ высокой степени справедливо. Но изъ этого, какъ уже сказано выше, слѣдуетъ лишь необходимость участія общественныхъ представителей въ составѣ суда, а вовсе не выдѣленія ихъ въ особую коллегію.

Въ пользу раздѣленія коллегій приводятся еще аргументы, не вытекающіе изъ теоріи преимущества присяжныхъ передъ профессиональными судьями. 1) Говорятъ, что было бы опасно ввѣрять профессиональнымъ судьямъ слишкомъ обширныя полномочія, соединять въ ихъ рукахъ слишкомъ большую власть; поэтому необходимо выдѣлить изъ ихъ компетенціи разрѣшеніе извѣстныхъ вопросовъ и поручить это дѣло присяжнымъ. 2) Это раздѣленіе компетенцій принесетъ дѣлу правосудія большую пользу, т. к. каждая коллегія, будучи занята своимъ специальнымъ дѣломъ и неся за исходъ этого дѣла нравственную и юридическую отвѣтственность, очевидно отнесется къ исполненію своихъ обязанностей съ большимъ вниманіемъ и серіозностью. Въ частности, профессиональные судьи, которымъ поручено разрѣшеніе процессуальныхъ вопросовъ, совершенно иначе взглянутъ на это дѣло, когда они знаютъ, что отъ добросовѣстнаго и внимательнаго ихъ отношенія къ нему зависитъ доброкачественность матеріала, оперировать которымъ будутъ не они сами, а другіе.

Доводы эти не убѣдительны. Прежде всего нельзя забывать, что о чрезмѣрныхъ полномочіяхъ современнаго судьи не можетъ быть и рѣчи. Это съ полнымъ основаніемъ можно было говорить о судьяхъ инквизиціоннаго процесса, гдѣ въ лицѣ судьи соединялись роли и обвинителя, и защитника, и судьи, гдѣ обвиняемый не былъ равноправною стороною въ процессѣ, а объектомъ изслѣдованія. Власть суда была дѣйствительно слишкомъ велика и представляла большую опасность для гражданской свободы. Но теперь, когда повидимому недалеко время полнаго господства во всѣхъ законодательствахъ обвинительнаго принципа въ его

чистомъ видѣ, когда судья есть лишь безпристрастный третій въ спорѣ между двумя сторонами, когда онъ рѣшаетъ этотъ споръ исключительно на основаніи представленныхъ ему сторонами данныхъ, о чрезмѣрныхъ полномочіяхъ судьи можно говорить только по недоразумѣнію, въ особенности, если принять во вниманіе гласность (публичность) процесса, необходимость соблюденія пѣлаго ряда процессуальныхъ гарантій и полную возможность самаго строгаго контроля законности дѣйствій суда.

Но кромѣ этихъ соображеній, неправильность устраненія профессиональныхъ судей отъ разрѣшенія какихъ бы то ни было вопросовъ процесса очевидна еще вотъ почему. Всѣ защитники раздѣленія коллегій единогласно предоставляютъ рѣшеніе вопроса о наказаніи профессиональнымъ судьямъ. Но нельзя забывать, что судья только тогда можетъ опредѣлить справедливое и соотвѣтствующее индивидуальнымъ особенностямъ дѣла наказаніе, когда онъ изучитъ дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, т. е. другими словами, когда онъ самъ рѣшитъ всѣ входящія въ составъ этого дѣла вопросы. Это справедливо не только при господствующей нынѣ системѣ широкаго простора между максимумомъ и минимумомъ наказанія, но и при системѣ абсолютно-опредѣленной санкціи. Въ самомъ дѣлѣ, судья только тогда можетъ, не насилуя своей совѣсти, примѣнить указанную въ законѣ санкцію, когда онъ убѣжденъ въ томъ, что обвиняемый совершилъ дѣяніе, описанное въ соотвѣтствующей диспозиціи, т. е. опять таки другими словами, когда судья самъ рѣшилъ вопросы: совершилось ли данное преступленіе и виновенъ ли обвиняемый въ совершеніи его. Если заставить судью быть механическимъ примѣнителемъ санкціи, если онъ долженъ подчиняться рѣшеніямъ другого судьи, установившаго наличность совершенія преступленія и виновность обвиняемаго, то для такого слишкомъ простаго дѣла вовсе не надо быть судьею: эту обязанность съ большимъ успѣхомъ можетъ выполнить любой канцелярскій чиновникъ суда.

Что же касается внимательнаго и добросовѣстнаго отношенія профессиональныхъ судей къ разрѣшенію процессуальныхъ вопросовъ и тщательнаго соблюденія всѣхъ предписанныхъ закономъ формъ и обрядовъ процесса, то лучшей гарантійей въ этомъ отношеніи можетъ служить вовсе не то обстоятельство, что профессиональные судьи наблюдаютъ за образованіемъ доброкачествен-

наго матеріала для другихъ судей, а главнымъ образомъ контроль сторонъ, контроль стоящей на высотѣ своей задачи, свободной и независимой адвокатуры, въ связи съ публичностью засѣданій и отсутствіемъ внѣшнихъ неблагоприятныхъ условий (напр., обремененіе работой, некультурная и несоответствующая достоинству правосудія обстановка засѣданія, заставляющая торопиться поскорѣе окончить и т. п.) Весьма важнымъ факторомъ въ этомъ отношеніи является и личность судьи: чѣмъ болѣе высокимъ духовнымъ уровнемъ обладаетъ судья, чѣмъ меньше онъ имѣетъ сходства съ чиновникомъ, зависимымъ отъ временныхъ теченій внутренней политики, тѣмъ менѣе способенъ онъ нарушать законныя права сторонъ и не соблюдать установленныя процессуальныя формы.

Если такимъ образомъ оказалась несостоятельной теорія, отводящая самостоятельной, отдѣленной отъ профессиональныхъ судей коллегіи присяжныхъ самую скромную роль судей факта, роль, къ которой присяжные несомнѣнно пригодны, то тѣмъ болѣе несостоятельны теоріи, расширяющія компетенцію присяжныхъ.

Говорить, что присяжные гораздо лучше, чѣмъ профессиональныя судьи могутъ рѣшить вопросъ, — подходитъ ли конкретная фізіономія дѣянія подъ абстрактный составъ опредѣленнаго преступленія (сумбсумція), это значитъ совершенно забыть извѣстный каждому студенту-юристу фактъ: сколько времени и труда долженъ потратить этотъ студентъ на практическихъ занятіяхъ по уголовному праву (обладая уже нѣкоторой теоретической подготовкой), чтобы научиться выдѣлять изъ фактической обстановки дѣянія факты, имѣющіе юридическое значеніе, и подводить эти факты подъ абстрактныя признаки, характеризующіе отдѣльныя преступленія!

Но, говорятъ, вѣдь для того, чтобы ознакомить присяжныхъ съ правомъ (насколько такое знакомство необходимо для субсумціи), существуетъ резюме предсѣдателя, сообщающаго присяжнымъ юридическія свѣдѣнія. Если-бы это говорилось чисто-кабинетными теоретиками, можно было бы не особенно удивляться, но когда такіе аргументы приводятъ ученые, хорошо знакомые съ практикой, невольно возникаютъ подозрѣнія или о недостаточно

внимательномъ наблюдениі этой практики, или объ ослѣпленіи предвзятой теоріей. Если такъ легко людей, не обучавшихся праву, научить въ какіе нибудь четверть часа производить сложныя юридическія операціи, научить ихъ различать отдѣльные признаки любого преступленія и т. п., то чѣмъ объяснить, что на выпускномъ экзаменѣ студенты, прошедшіе цѣлые курсы соотвѣтствующихъ практическихъ занятій, сплошь и рядомъ дѣлаютъ ошибки въ субсумціи, а нерѣдко кассационныя суды изобличаютъ въ такихъ ошибкахъ и профессиональныхъ судей. Многіе авторы, искренніе приверженцы суда присяжныхъ, свидѣтельствуютъ о частыхъ случаяхъ полной беспомощности присяжныхъ усвоить даваемая имъ предсѣдателями юридическія наставленія, не смотря на неоднократныя возвращенія въ совѣщательскую комнату *).

И это вполне понятно: вопросы субсумпціи въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ принадлежатъ къ числу вопросовъ, которые менѣе всего усваиваются путемъ лекціонной системы. И если это вѣрно относительно студентовъ-юристовъ, обладающихъ уже и извѣстной теоретической подготовкой, и нѣкоторыми приѣмами юридическаго мышленія, то тѣмъ болѣе это вѣрно относительно совершенно неподготовленныхъ лицъ, никогда не имѣвшихъ ничего общаго съ чисто-техническими вопросами права **). А вѣдь резюме предсѣдателя это та-же лекція, но только

*) И лично долгое время въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи принималъ участіе въ составѣ суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и могу засвидѣтельствовать, что подобные случаи бывають нерѣдко. Изъ частыхъ разговоровъ съ присяжными я могъ убѣдиться, что даже наиболее интеллигентные изъ нихъ нерѣдко ровно ничего не понимали изъ юридической части резюме, а между тѣмъ послѣ взаимнаго обмѣна мыслей и вызваннаго имъ объясненія въ формѣ наглядныхъ примѣровъ, вопросовъ и отвѣтовъ, усваивали эту часть. Не могу кстати не отмѣтить замѣченныхъ мною нерѣдкихъ фактовъ (засвидѣтельствованныхъ признаніемъ самихъ присяжныхъ) произнесенія вердиктовъ на основаніи свѣдѣній, ничего общаго съ данными судебного слѣдствія не имѣющихъ, обвиненій, не имѣвшихъ никакихъ основаній, оправданій, носившихъ характеръ отмѣны законовъ. Я имѣлъ возможность наблюдать массу примѣровъ самаго добросовѣстнаго отношенія присяжныхъ къ своимъ обязанностямъ, примѣровъ постановленія замѣчательныхъ по своей внутренней правдѣ вердиктовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и массу примѣровъ полной беспомощности присяжныхъ разобратся въ обстоятельствахъ дѣла, а также вердиктовъ, постановленныхъ подъ вліяніемъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ.

***) Убѣжденный защитникъ суда присяжныхъ—Гейнце (l. c., 68) говоритъ: „Je ernster die Rechtsnormen bestrebt sind, das innerste Wesen der Digne zu erfassen und

читанная при наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ. Предсѣдатель совершенно незнакомъ ни съ общей подготовкой своихъ слушателей, ни съ количествомъ ихъ спеціальныхъ знаній, ни даже со степенью усвоенія ими всего матеріала судебного слѣдствія. Онъ можетъ останавливаться надъ тѣмъ, что не возбуждаетъ сомнѣній у присяжныхъ, считать совершенно простымъ, яснымъ и не требующихъ подробныхъ разъясненій то, что на самомъ дѣлѣ служитъ обильнымъ источникомъ всевозможныхъ недоразумѣній. Для того, чтобы достигнуть успѣха въ этомъ отношеніи, безусловно необходимъ самый непосредственный, живой обмѣнъ мыслей между профессиональнымъ юристомъ и присяжнымъ, необходимо, чтобы юристы имѣли возможность контролировать шагъ за шагомъ весь процессъ усвоенія присяжнымъ вопросовъ права, необходимо, чтобы каждое сомнѣніе было немедленно выяснено, чтобы цѣлый рядъ вопросовъ, которыхъ никогда невозможно предусмотрѣть напередъ, былъ бы разрѣшенъ сейчасъ же при ихъ возбужденіи и притомъ разрѣшенъ въ извѣстномъ логическомъ порядкѣ. Но все это совершенно невозможно при раздѣльности коллегій, непонимающихъ другъ друга.

Послѣ всего сказаннаго едва ли нужно говорить о полной несостоятельности теоріи, по которой профессиональные судьи рѣшаютъ только одни процессуальные вопросы и вопросъ о наказаніи, а присяжные всѣ остальные вопросы. Эта теорія превращаетъ судей въ механическихъ примѣнителей закона, а присяжныхъ — въ старо-германскихъ шеффеновъ; она отвергаетъ всякое значеніе специально-научной подготовки и страдаетъ всѣми недостатками теоріи *omnipotenee du jury*.

IV. Намъ остается рассмотретьъ четвертую и послѣднюю группу аргументовъ въ пользу суда присяжныхъ. Это группа направлена специально противъ соединенія въ одну коллегію про-

in den Grund sich zu vertiefen, je vollständiger die individuellen Gestaltungen zu Begriffen verallgemeinert auftreten (т. е. другими словами: тѣмъ болѣе высокой степени развитія достигаетъ законодательство), desto schwieriger muss es werden an dem concreten Falle gleichzeitig die allgemeinen Merkmale aufzufinden und die charakteristischen Sonderzüge im Auge zu behalten“.

фессіональныхъ судей и общественныхъ представителей, т. е. противъ шеффенскаго суда.

Сущность этихъ аргументовъ сводится къ слѣдующему. Ученые профессиональные судьи и общественные представители—два весьма и весьма трудно соединимые элемента. Если и возможно ихъ соединеніе, то оно будетъ механическимъ, а не химическимъ; о взаимномъ пониманіи обоихъ элементовъ и довѣрїи ихъ другъ къ другу едва ли можно говорить. Въ результатѣ получится развитіе одного въ ущербъ другому, причемъ этимъ другимъ явится общественный элементъ; общественные представители превратятся въ ненужныхъ статистовъ. На судѣ присяжныхъ воздѣйствіе профессиональныхъ судей на скамью присяжныхъ производится гласно, въ присутствіи сторонъ, подвергается контролю, между тѣмъ какъ при соединеніи обоихъ элементовъ въ одну коллегію это воздѣйствіе совершается въ тайнѣ совѣщательной комнаты и не поддается контролю. Соединеніе присяжныхъ въ одну коллегію съ профессиональными судьями опасно для послѣдовательнаго проведенія обвинительнаго принципа: на судѣ присяжныхъ вопросы, подлежащіе разрѣшенію, ставятся при участии сторонъ и до ухода въ совѣщательную комнату, между тѣмъ какъ на шеффенскомъ судѣ вопросы могутъ возбуждаться и ставиться уже во время совѣщанія, а слѣдовательно безъ участія сторонъ и по инициативѣ самого суда. Ко всему этому добавляють, что при смѣшанной коллегіи адвокатамъ чрезвычайно трудно найти надлежащій способъ давать свои объясненія какъ по формѣ, такъ и по содержанію: напр., если рассчитывать все на профессиональный судей, то является слишкомъ много шансовъ, что адвокатъ не будетъ понятъ общественными представителями. Наконецъ, ставятъ на видъ тѣ затрудненія, которые могутъ возникнуть во время совѣщанія, если профессиональные судьи разойдутся между собою въ мнѣніяхъ по поводу вопроса права: на судѣ присяжныхъ юридическое наставленіе дается однимъ судьей и въ силу этого имѣетъ авторитетъ, какъ мнѣніе специалиста; если присяжные будутъ имѣть передъ собою нѣсколько противоположныхъ мнѣній, то уже одно это обстоятельство можетъ поколебать въ ихъ глазахъ внутреннюю цѣнность положеній науки права.

Всѣ эти аргументы представляются необѣдительными. Если профессиональные судьи будутъ приближаться къ установленному наукой идеальному типу судьи, если они дѣйствительно будутъ

судьями просвѣщенными и вполне культурными, а не чиновниками (т. е. зависимыми отъ правительства и проникнутыми бюрократическими тенденціями, въ числѣ которыхъ недоверіе къ общественной самодѣятельности и общественному контролю занимаетъ столь видное мѣсто), то, конечно, они будутъ понимать всю важность участія общественнаго элемента въ составѣ суда и надлежащимъ образомъ относиться къ этому элементу. Если къ тому же общественные представители будутъ тщательно избираться изъ числа наиболѣе достойныхъ во всѣхъ отношеніяхъ гражданъ, если количество общественныхъ представителей въ коллегіи будетъ по крайней мѣрѣ вдвое больше, чѣмъ количество профессиональныхъ судей и если все общество достигнетъ необходимой для каждой культурной страны степени самосознанія, не допускающей административной опеки и какого бы то ни было стѣсненія закономъ гарантированныхъ правъ, то возможность „давленія“ со стороны профессиональныхъ судей сведется къ нулю, въ особенности, если будутъ созданы надлежащія процессуальныя гарантіи. Для этой послѣдней цѣли необходимо точно опредѣлить въ законѣ взаимное отношеніе обоихъ элементовъ коллегіи и опредѣлить роль общественныхъ представителей. Казалось бы, что имъ должны быть предоставлены совершенно одинаковыя съ профессиональными судьями права при рѣшеніи всѣхъ фактическихъ вопросовъ, которые такимъ образомъ должны рѣшаться по большинству голосовъ. Такія же права должны быть предоставлены общественнымъ представителямъ и при рѣшеніи вопросовъ: заслуживаетъ ли обвиняемый наказанія, о мѣрѣ наказанія, о возбужденіи ходатайства о помилованіи. Всѣ вопросы права должны рѣшаться профессиональными судьями, причемъ общественные представители могутъ пользоваться совѣщательнымъ голосомъ. При такихъ условіяхъ профессиональные судьи будутъ оказывать на присяжныхъ вліяніе только благодаря своему нравственному авторитету, а такого рода вліяніе нельзя не признать въ высшей степени желательнымъ.

Что касается постановки вопросовъ, то институтъ этотъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ на континентѣ, является однимъ изъ тормазовъ нормальнаго хода процесса. Примѣръ Англіи доказываетъ, что можно съ большою пользою для дѣла обойтись безъ этого въ высшей степени искусственнаго, сложнаго и ведущаго къ столькимъ недоразумѣніемъ института. Англійская

система гораздо болѣе соотвѣтствуетъ обвинительному принципу, чѣмъ система, при которой самъ судъ, хотя бы съ участіемъ сторонъ, вырабатываетъ вопросы, подлежащіе его разрѣшенію. Опасаться же тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ и старается на разрѣшеніе во время совѣщанія, не только нельзя, но такой порядокъ слѣдуетъ привѣтствовать, какъ порядокъ наиболѣе пригодный для всесторонняго изученія всѣхъ представленныхъ доказательствъ и для достиженія полного взаимодѣйствія обоихъ элементовъ судебной коллегіи. Къ тому же мотивированный приговоръ всегда даетъ полную возможность контролировать основные моменты хода совѣщанія.

Возражающіе о трудности давать объясненія передъ такой разнородной по составу коллегіей забываютъ, что такая же трудность возникаетъ и на судѣ присяжныхъ, гдѣ въ составъ скамьи сплошь и рядомъ входятъ представители самыхъ разнообразныхъ классовъ съ безконечно разнообразнымъ уровнемъ развитія. Кромѣ того, при выдѣленіи изъ вѣдѣнія общественныхъ представителей процессуальныхъ вопросовъ и вопросовъ права, по поводу которыхъ адвокаты должны обращаться исключительно къ судьямъ, остаются такіе вопросы, для объясненій по которымъ можно найти вполне подходящий къ составу коллегіи языкъ. И нельзя упускать изъ виду, что присутствіе въ коллегіи нѣсколькихъ профессиональныхъ судей несомнѣнно окажетъ благотворное вліяніе на характеръ и содержаніе адвокатскихъ рѣчей, придастъ этимъ рѣчамъ дѣловитость, спокойствіе и предохранитъ адвокатовъ отъ стремленія дѣйствовать на чувства присяжныхъ. Наконецъ, о колебаніи престижа права вслѣдствіе участія въ совѣщаніи нѣсколькихъ судей -- юристовъ, могущихъ имѣть различныя взгляды на каждый данный юридическій вопросъ, можно говорить лишь по недоразумѣнію.

Такимъ образомъ въ результатѣ анализа всѣхъ доводовъ въ пользу суда присяжныхъ оказывается, что доводы эти далеко не отличаются такою силою и убѣдительностью, какъ это кажется съ перваго взгляда. Напротивъ, континентальный типъ суда присяжныхъ страдаетъ весьма существенными недостатками, которые дѣлаютъ этотъ судъ менѣе соотвѣтствующимъ идеѣ правосудія, чѣмъ судъ шеффеновъ съ его единствомъ коллегіи, обеспечиваю-

щимъ полную возможность взаимнаго пониманія обоихъ ея элементовъ и гармоническаго ихъ соединенія, обеспечивающимъ строгую законность дѣйствій суда и дающимъ возможность мотивировать приговоры. Нельзя не отмѣтить въ высшей степени характерныхъ попытокъ реформированія суда присяжныхъ въ такой свободолюбивой, культурной и дорожающей демократическими учрежденіями странъ, какъ Швейцарія. Въ Женевѣ и Тессинѣ эти попытки сдѣланы именно въ смыслѣ объединенія коллегій профессиональныхъ и народныхъ судей.

Но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что существующіе суды присяжныхъ могутъ быть вездѣ сразу замѣнены судами смѣшанныхъ коллегій безъ вреда для интересовъ правосудія. Такая замѣна могла бы повлечь за собою самыя печальныя для правосудія послѣдствія. Въ вопросѣ о судѣ присяжныхъ надо строго различать юридическую точку зрѣнія съ одной стороны и политически-историческую съ другой. Пока страна не обладаетъ классомъ профессиональныхъ судей, принадлежащихъ къ высшей духовной аристократіи, стоящихъ на высотѣ своего призванія и заслужившихъ полное уваженіе и довѣріе народа, пока судьи ничѣмъ не отличаются отъ чиновниковъ, пока государственный строй не знаетъ политической свободы, пока существуетъ разнь между правительствомъ и обществомъ, пока, наконецъ, уголовный кодексъ, изданный безъ всякаго участія народныхъ представителей, будетъ заключать въ себѣ массу статей, расходящихся и съ требованіями науки, и съ общественнымъ правосознаніемъ, до тѣхъ поръ требованія упраздненія судовъ присяжныхъ во имя теоретическаго идеала лучшей формы суда должны разсматриваться, какъ проявленія научной близорукости. Вполнѣ естественно, что такія требованія находятъ рѣзкій и страстный отпоръ со стороны тѣхъ, кто ясно понимаетъ важную политическую роль суда присяжныхъ, кто не безъ основанія видитъ въ этомъ судѣ палладіумъ гражданской свободы (при наличности всѣхъ указанныхъ выше темныхъ сторонъ государственной жизни).

При такомъ положеніи дѣла уголовная политика не можетъ рекомендовать замѣну суда присяжныхъ смѣшанными коллегіями, т. к. вполнѣ естественно ожидать подавленія общественнаго элемента короннымъ. Уголовная политика должна лишь указать на необходимость частичныхъ исправленій суда присяжныхъ, направленныхъ на устраненіе темныхъ его сторонъ. Въ этомъ от-

ношеніи большую услугу можетъ оказать внимательное изученіе англійскаго типа.

И лишь съ теченіемъ времени, когда измѣнятся условія государственной жизни въ указанномъ отношеніи, общественные представители, получивъ на скамьѣ присяжныхъ засѣдателей привычку къ самостоятельности, могутъ войти въ составъ одной коллегіи съ профессиональными судьями и между обоими элементами произойдетъ столь цѣнное для правосудія гармоническое соединеніе.

Часть III.

Часть III.

ГЛАВА I.

Разсмотримъ теперь въ общихъ чертахъ положеніе вещей въ нашемъ отечествѣ съ точки зрѣнія изложенныхъ выше принциповъ. Мы не будемъ останавливаться на томъ, что представляло собою русское дореформенное „правосудіе“. Основныя черты стараго порядка сводились къ слѣдующему: полная зависимость судей отъ администраціи, ничтожное матеріальное содержаніе судей, ихъ низкое служебное положеніе, отсутствіе научнаго ценза; множество разнородныхъ судебныхъ мѣстъ, множество инстанцій, полное господство слѣдственнаго принципа, при которомъ въ лицѣ судьи соединялись и судья, и обвинитель, и защитникъ, при которомъ личность обвиняемаго была лишь объектомъ изслѣдованія; тайное и письменное производство, система формальныхъ доказательствъ. Въ результатѣ—господство произвола, продажность суда, превращеніе этого суда въ послушное орудіе администраціи и всеобщая антипатія населенія къ суду. „Въ судахъ была Россія черна неправдой черной“,—эти слова могутъ служить лучшимъ эпитафиемъ къ мрачной и глубоко-печальной эпохѣ дореформеннаго суда; а этотъ судъ въ свою очередь былъ лишь однимъ изъ проявленій общей дезорганизациі государственной и общественной жизни, однимъ изъ проявленій того режима безправія и произвола, который привелъ Россію къ печальнымъ результатамъ крымской кампаніи.

Сознаніе всей опасности такого режима, сознаніе необходимости кореннаго обновленія всего государственнаго и общественнаго строя привело къ преобразованіямъ начала царствованія Александра II, реформы котораго Чичеринъ справедливо называетъ „фундаментомъ, на которомъ заждется вся будущность Россіи“ *).

*) Курсъ госуд. науки, III, 319.

Судебная реформа должна быть разсматриваема какъ важнѣйшій шагъ на пути къ превращенію дореформенной Россіи въ правовое государство. Въ своей книгѣ „Судебная реформа“ I. В. Гессенъ указываетъ на весьма опредѣленно обнаружившееся стремленіе правительства считать ближайшія реформы (освобожденіе крестьянъ, земскую и судебную реформы) только началомъ предположенныхъ коренныхъ реформъ политическаго характера*). И дѣйствительно, основные принципы судебной реформы до такой степени рѣзко противорѣчили принципамъ дореформеннаго полицейски-бюрократическаго государства съ его безправіемъ населенія передъ всесильной властью, въ жертву усиленія которой приносились всѣ остальные интересы, съ его недоверіемъ къ личной и общественной самодѣятельности, съ его административной опекой надъ всею внутреннею жизнью государства, съ его поработаніемъ мысли, совѣсти и т. д., что о мирномъ сожитіи такихъ двухъ принципиально-различныхъ порядковъ не могло быть и рѣчи.

Взамѣнъ прежней пародіи на судъ великій памятникъ, именуемый „Судебные Уставы 1864 года“ создалъ настоящій судъ, судъ „скорый, правый и милостивый“, судъ независимый, равный для всѣхъ, авторитетный, просвѣщенный и обладающій достаточными средствами для защиты правъ гражданъ. Только съ этой эпохи можно говорить о существованіи въ Россіи правосудія въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово наука**).

Огромное значеніе Судебныхъ Уставовъ, ихъ замѣчательная нравственная сила, оказавшая такое могучее вліяніе на все общество, заключаются главнымъ образомъ въ основныхъ принципахъ этого великаго законодательнаго акта. Въ частности, что касается судоустройства, то *„Учрежденіе судебныхъ установленій“ имѣетъ въ основѣ тѣ же принципы, какіе я старался установить во второй части настоящей книги.*

*) Судебная реформа. 1905. стр 54 и слѣд.

**) Конечно, было бы большою ошибкой сказать, что судебные уставы 1864 года не имѣли въ исторіи русскаго права корней, явились какъ *deus ex machina*. Основные принципы Судебныхъ Уставовъ и вообще принципы праваго государства находятся въ такой же гармоніи съ правосознаніемъ русскаго народа, какъ и каждаго другаго. Фразы о какихъ то особенностяхъ русскаго народа, якобы кореннымъ образомъ отличающихъ этотъ народъ отъ западно-европейскихъ народовъ и обуславливающихъ непригодность для Россіи западно-европейскихъ учреждений — не имѣютъ съ наукой ничего общаго.

Для доказательства этого положенія обратимся къ законодательнымъ мотивамъ, лучше всего раскрывающимъ духъ закона. Первостепенная важность суда для государственной жизни, необходимость обезпечить независимость суда и самостоятельность судей, ихъ авторитетъ, создать судей интеллигентныхъ, научно подготовленныхъ и опытныхъ, поставить судъ въ наиболѣе благопріятныя условія для дѣятельности,—все это выражено авторами мотивовъ въ ясностью, точностью и убѣдительностью, не оставляющими желать ничего лучшаго *).

„Правильное устройство судебныхъ мѣстъ столь же необходимо, какъ и хорошее судопроизводство: ибо безъ судоустройства и самыя совершенныя формы судопроизводства оставались бы безъ всякаго исполненія, или же исполнялись бы несогласно съ существенною своею цѣлью“ **). (Стр. VII).

„Удовлетворительное отправленіе правосудія зависитъ болѣе отъ достоинства судей, чѣмъ отъ совершенства законовъ. (Стр. XXXIV). Для успѣха въ судебномъ преобразованіи необходимо изыскать способы къ привлеченію на службу по судебному вѣдомству и къ удержанію въ ономъ лицъ, достойныхъ носить высокое званіе судей. Выборъ ихъ требуетъ особенной осмотрительности, а служба по судебному вѣдомству должна представлять соотвѣтственныя важности ея преимущества (стр. 160).

„Желая устроить судъ на прочныхъ основаніяхъ, необходимо тщательно избѣгать всего, что можетъ возбуждать подозрѣніе, или хотя только сомнѣніе на счетъ безпристрастія судьи, дабы не подорвать довѣріе къ суду, а съ тѣмъ вмѣстѣ вѣру въ правосудіе (стр. 117). Для правильной организаціи суда необходимо, чтобы значеніе судьи и въ собственныхъ его глазахъ и въ мнѣніи общества, зависѣло единственно отъ его званія, а не отъ какого либо иного почета. Тогда только судья будетъ сознавать достоинство и важность своего призванія, а общество будетъ видѣть въ немъ судью въ настоящемъ смыслѣ слова (стр. 173). Большое по судебному

*) Я буду цитировать по изданію Государственной Канцеляріи III т. 1867 г.

**) Мѣста, напечатанныя въ разрядку, отмѣчены мною.

вѣдомству и ничѣмъ не отвратимое зло можетъ произойти во 1-хъ, отъ нераздѣльнаго съ чинами преимущества однихъ судей надъ другими, уничтожающаго необходимое въ дѣлѣ суда равенство между ними и 2-хъ, отъ аттестацій и представленій, могущихъ подорвать довѣріе къ самостоятельности и независимости судей.... Нѣтъ сомнѣній, что такой порядокъ установитъ нѣкоторое различіе между службою по судебному и другимъ вѣдомствамъ. Но это различіе справедливо и естественно. Чиновники административные, по самому свойству исполнительной ихъ дѣятельности, всегда іерархически подчинены ближайшимъ своимъ начальникамъ, отвѣтственнымъ за исправность ихъ по службѣ, и потому, въ такой только мѣрѣ могутъ быть признаны полезными и достойными, въ какой ими довольны начальники. Отсюда необходимость въ аттестаціяхъ и представленіяхъ къ наградамъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ начальство отличаетъ. Напротивъ, судья тогда только можетъ соотвѣтствовать своему назначенію и пользоваться довѣріемъ общества когда онъ поставленъ въ положеніе независимое; получая свою власть непосредственно отъ Государя Императора, судья не можетъ имѣть никакого посредствующаго начальника, которой былъ бы въ правѣ судить и аттестовать о заслугахъ его въ употребленіи этой переданной ему выше власти. Наконецъ опасеніе, не помѣшаютъ ли эти правила замѣщенію судебныхъ должностей людьми способными и достойными, такъ какъ многіе изъ нихъ готовы предпочесть иные роды службы, гдѣ они могутъ пользоваться чинами и легче получать другія награды, едва ли основательно, ибо если судьямъ обезпечена дѣйствительная несмѣняемость и самостоятельность, если всѣмъ служащимъ по судебному вѣдомству назначено такое содержаніе, которое обезпечило бы ихъ средства къ жизни, если сверхъ того.... эмеритальная касса обезпечить участь заслуженныхъ судебныхъ чиновъ и ихъ семействъ, трудно допустить, чтобы кто-либо изъ положительныхъ людей могъ пренебречь столь существенными средствами для добросовѣстной дѣятельности на пользу общества. (Стр. 174—175).

„Самостоятельность судей, избранныхъ съ осмотрительностью, есть безъ всякаго сомнѣнія одно изъ надежныхъ руча-

тельствѣ въ правильномъ совершении правосудія, а потому и одно изъ главныхъ условій хорошаго судоустройства. Дѣла судебного вѣдомства касаются важнѣйшихъ интересовъ частныхъ лицъ: ихъ гражданской жизни, чести и достоянія; въ дѣлахъ этого рода могутъ быть нерѣдко заинтересованы, или непосредственно, или въ качествѣ покровителей подсудимыхъ и тяжущихся, лица, сильныя по своему положенію въ обществѣ; поэтому судьи должны быть поставлены въ положеніе сколь возможно болѣе независимое.... Что же касается прокуроровъ, то при всей важности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, они все-таки будутъ только органами блюстительной власти, сосредоточивающейся въ лицѣ министра юстиціи, котораго довѣріе къ нимъ необходимо и въ отношеніи къ которому они не могутъ имѣть совершенно независимаго положенія. (Стр. 169).

„Нѣтъ вѣдомства или управленія, нѣтъ должностнаго лица, которые не могли бы быть привлечены къ суду, или сами искать суда, и посему, соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ должностей по судебному и другому вѣдомствамъ можетъ имѣть то послѣдствіе, что такое лицо, принадлежа къ управленію по какому-либо вѣдомству, можетъ въ тоже время быть судьей въ дѣлѣ, возникшемъ изъ сего управленія, а слѣдовательно въ дѣлѣ иногда болѣе или менѣе касающемся его самого. (Стр. 171). Что же касается совмѣщенія въ одномъ и томъ же лицѣ двухъ судебныхъ должностей, то о невозможности сего едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе (ibid).

„..... Во первыхъ,—для правильнаго устройства суда необходимо, сверхъ присвоеннаго судьямъ основными положеніями несмѣняемости, слѣдовательно и независимости, доставить должности судьи такое значеніе, чтобы и въ глазахъ самихъ судей, и въ глазахъ всего общества важность оной зависѣла не отъ того или другаго чина. пріобрѣтеннаго ими на службѣ, а отъ сущности тѣхъ обязанностей, которыя неразрывно связаны съ званіемъ судьи, и которыя состоятъ въ огражденіи какъ частныхъ лицъ, такъ и всего общества отъ нарушенія ихъ правъ, и въ охраненіи въ государствѣ общественной и частной безопасности, спокойствія и законнаго

порядка; во—вторыхъ, какъ посему обязанности каждаго судьи независимо отъ того, состоитъ ли онъ членомъ низшаго или высшаго суда... суть совершенно тождественныя, то необходимо, чтобы всѣ судьи были равны другъ другу и по званію, и по классу должностей;.. въ третьихъ, какъ постоянное и продолжительное нахождение въ одной и той же должности способствуетъ приобрѣтенію основательныхъ практическихъ знаній въ производствѣ и рѣшеніи дѣла, составляющихъ предметъ непрерывныхъ занятій должностнаго лица, необходимо принять мѣры, чтобы судьи не имѣли никакого особенно важнаго побужденія къ частой перемѣнѣ мѣстъ, или переходу съ одной должности на другую и тѣмъ менѣе къ оставленію судебной службы. (Стр. 161).

„Въ новыхъ штатахъ судебного вѣдомства должно быть назначено всѣмъ означеннымъ лицамъ такое содержаніе, которое доставляло бы имъ положеніе, соответствующее важности ихъ назначенія. Никакая цифра расхода не должна останавливать введеніе въ дѣйствіе судебного преобразованія*), безусловная важность и бозотлагательная потребность котораго не подлежатъ сомнѣнію. Доставленіе чинамъ судебного вѣдомства средствъ приличнаго существованія принадлежитъ къ важнѣйшимъ условіямъ правильнаго судоустройства и едва-ли не болѣе всего можетъ содѣйствовать привлеченію хорошихъ судей. Если хорошее содержаніе и можетъ привлечь къ судебной службѣ людей съ желаемыми качествами, то одного этого не всегда будетъ достаточно для того, чтобы достигнуть другой, не менѣе важной цѣли—удержанія ихъ въ судебномъ вѣдомствѣ. Для удержанія ихъ на службѣ необходимо, чтобы положеніе ихъ могло со временемъ улучшаться. (Стр. 162—163).

*) „Необходимость увеличить содержаніе была по мнѣнію Замятнина (первый министр юстиціи при реформированномъ судѣ) такъ настоятельна, что если, какъ писалъ онъ, по какимъ либо соображеніямъ признано будетъ необходимымъ уменьшить оклады и отгнѣнить (періодически) прибавки, то лучше отказаться отъ судебной реформы“. Изъ очерка А. Коно: „Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ“ („Главные дѣятели и предшественники судебной реформы“. 1904. Сборникъ подъ редакціей К. Арсеньева).

„При распространеніи основаній надзора на судебное вѣдомство слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду главныя условія правильнаго судоустройства: самостоятельность суда и независимость судьи, безъ чего собственно не можетъ быть суда въ настоящемъ значеніи этого слова. Чтобы судъ могъ быть самостоятельнымъ, а судья независимъ, необходимо поставить ихъ внѣ всякаго вліянія какой либо личной подчиненности... Посему надзоръ за судебными мѣстами и составляющими оныя судьями, съ правомъ исправлять замѣченныя упущенія и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности, принадлежитъ исключительно суду въ порядкѣ подчиненности. Надзоръ за ними со стороны предсѣдателей или первоприсутствующихъ, прокуроровъ и министра юстиціи долженъ ограничиться заявленіемъ объ извѣстныхъ имъ нарушеніяхъ закона и установленныхъ правилъ надлежащему суду для дальнѣйшихъ съ его стороны распоряженій. (стр. 177—178). Дозволеніе подвергать предсѣдателей, товарищей предсѣдателей, членовъ судебныхъ мѣстъ и мировыхъ судей не только предостереженіямъ, но и замѣчаніямъ и выговорамъ безъ суда, было бы несогласно съ достоинствомъ званія судьи и могло бы поколебать то уваженіе, которое желательно и необходимо утвердить въ обществѣ къ званію судьи. Посему означенныя выше лица могутъ быть подвергаемы въ дисциплинарномъ порядкѣ однимъ только предостереженіямъ. (Стр. 186).

„На такомъ важномъ поприщѣ, каково судебное, должны быть употреблены въ дѣйствіе всѣ силы, поддерживающія нравственное достоинство чловѣка, а образованность имѣетъ безспорно благотѣльное на нравственныя качества вліяніе (стр. XXX). Къ занятію должностей по судебному вѣдомству слѣдуетъ допускать... только такія лица, которыя имѣютъ нужныя для того познанія, пріобрѣтенныя какъ изученіемъ юридическихъ наукъ, такъ и достаточной въ дѣлахъ практикою... Правило это принадлежитъ къ важнѣйшимъ началамъ судоустройства (ст. 134). Но одно изученіе законовъ не создаетъ еще хорошаго судью; для отправленія этой трудной обязанности недостаточно кончить курсъ юридическихъ наукъ, надобно сверхъ того пріобрѣсть извѣстную степень опытности въ примѣненіи

законовъ, и пріобрѣсть ее не въ стѣнахъ университета..., а на самомъ дѣлѣ, въ приложеніи законовъ къ живой практикѣ (стр. 135). Судъ не школа: допустить противное, значило бы развивать способности однихъ на счетъ другихъ, т. е. что судьи образовывались бы на счетъ тяжущихся и подсудимыхъ, которые и должны были бы выносить на себѣ всѣ ихъ промахи“. (Стр. 153.)

Какъ видимъ, въ приведенныхъ выпискахъ прекрасно выражены основные принципы судоустройства: независимость судей, ихъ матеріальная обеспеченность, отличіе ихъ отъ чиновниковъ, необходимость поднятія ихъ авторитета, нравственныхъ качествъ, знаній и опыта.

Насколько удачно, полно и послѣдовательно эти законодательные мотивы выражены въ самомъ законѣ?

Если мы примемъ во вниманіе историческія причины, препятствовавшіе создать у насъ такихъ судей, какими гордится Англія, если мы примемъ во вниманіе ужасное положеніе нашего дореформеннаго суда, всеміліе администраціи, низкое состояніе культуры, а также и состояніе отечественной науки права, то мы должны будемъ на только что поставленный вопросъ отвѣтить въ самомъ благопріятномъ для авторовъ Судебныхъ Уставовъ смыслѣ: они сдѣлали все, что могли, для воплощенія въ законѣ исповѣдуемыхъ ими основныхъ принциповъ*). Судебные Уставы самымъ рѣзкимъ образомъ порвали съ укоренившимися традиціями и поставили судей на небывалую доселѣ высоту во всѣхъ отношеніяхъ. Ст. 212 Учрежд. суд. уст. гласитъ, что судьи назначаются Высочайшею властью; ст. 237 ясно и опредѣленно указываетъ на равенство всѣхъ судей; ст. 238 обеспечиваетъ ихъ вполнѣ достаточнымъ (если принять во вниманіе экономическія условія страны 40 лѣтъ тому назадъ) содержаніемъ и

*) Кромѣ того необходимо имѣть въ виду, 1) что названныя выше прогрессивныя реформы были сами по себѣ недостаточны для созданія изъ Россіи правоваго государства, а слѣдовательно для созданія суда, удовлетворяющаго *всѣмъ* требованіямъ теоріи, и 2) что многочисленная и сильная реакціонная партія парализовала прогрессивную дѣятельность правительства съ самаго начала: весьма замѣтные признаки кореннаго измѣненія этой дѣятельности наблюдаются уже съ 1861 года, т. е. за нѣсколько лѣтъ до опубликованія Судебныхъ Уставовъ.

ставитъ ихъ очень высоко въ общей служебной лѣстницѣ: послѣ низкаго положенія дореформенныхъ судей, судьи реформированнаго суда поставлены въ одномъ классѣ (V) съ представителями высшей администраціи губерніи, т. е. съ предсѣдателями казенныхъ палатъ, контрольныхъ палатъ, управленія государственными имуществами и т. д.; ст. 239 и 248 достаточно ярко подчеркиваютъ различіе судей и чиновниковъ; наконецъ ст. 243 выражаетъ принципъ несмѣняемости съ точностью и полнотою, оставляющими желать очень немногаго.

Остановимся немного на этой послѣдней статьѣ, къ сожалѣнію давно уже сдѣлавшейся достояніемъ исторіи, и посмотримъ, достаточно ли она гарантируетъ судей отъ произвольнаго увольненія и перемѣщенія. Ст. 226 говоритъ, что увольненіе отъ службы должностныхъ лицъ судебного вѣдомства зависитъ отъ той власти, кою они опредѣлены на должности. Такъ какъ судьи назначаются Высочайшею властью (ст. 212), то, казалось-бы, что по докладу министра юстиціи эта власть можетъ въ любое время уволить судью. Но статья 226 оканчивается слѣдующимъ очень важнымъ положеніемъ: „При этомъ соблюдаются правила, постановленныя ниже въ статьѣ 243-й“. Эта послѣдняя статья помѣщена въ раздѣлѣ „о правахъ и преимуществахъ должностныхъ лицъ судебного вѣдомства*) и звучитъ такъ: „Предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и члены судебныхъ мѣстъ не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ статьяхъ 228—230, 295 и 296-й, ни переводимы съ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія. Временное устраненіе отъ должностей допускается только въ случаѣ преданія ихъ суду, а совершенному удаленію или отрѣшенію отъ должностей они подвергаются *не иначе*, какъ по приговорамъ уголовнаго суда“. Изъ сопоставленія ст. 226 и 243 съ ихъ столь ясными и категорическими заключеніями въ связи со ст. 47, 1 п. 66, 73 и 77 основ. государ. законовъ очевидно, что Государь Императоръ можетъ увольнять судей отъ должности не иначе, какъ путемъ изданія сепаратнаго закона за собственноручною подписью.

*) Это чрезвычайно важно для выясненія юридической конструкціи начала, выраженнаго въ ст. 243.

Если бы статью 243 дополнить постановленіемъ, гарантирующимъ судей отъ опасности быть выброшенными на улицу вслѣдствіе оставленія за штатомъ, то едва ли можно было бы сдѣлать судебнымъ уставамъ упрекъ въ недостаточно полномъ и послѣдовательномъ проведеніи принципа судейской несмѣняемости. Некоторые сомнѣнія можетъ возбуждать ссылка на ст. 295 и 296 (предоставленіе сенату права увольненія судей въ дисциплинарномъ порядкѣ въ случаяхъ осужденія уголовнымъ судомъ за какой бы то ни было проступокъ или въ случаяхъ гражданской несостоятельности). Но высокая авторитетность учрежденія, обладающая этимъ правомъ (общее собраніе кассационныхъ департаментовъ) и обязательное истребованіе отъ судьи объясненія могутъ служить гарантіями, обезпечивающими судью отъ произвола, въ особенности если имѣть въ виду точную опредѣленность случаевъ, могущихъ повлечь за собою удаленіе судьи.

Что Судебные Уставы уже въ самый день ихъ появленія не удовлетворили вполнѣ всѣхъ пожеланій прогрессивной части общества, видно хотя бы изъ входящихъ въ составъ монументальнаго „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“ (74 фоліанта), шести томовъ замѣчаній разныхъ лицъ на „Основныя положенія“ реформы. Въ этихъ замѣчаніяхъ мы находимъ, напр., указанія на недостаточно полное проведеніе великаго принципа, по которому гражданинъ можетъ быть подвергнутъ какому бы то ни было стѣсненію, имѣющему характеръ наказанія, только судомъ. Есть указанія на недостаточно полно проведенный принципъ отдѣленія судебной власти отъ административной (напр., въ смыслѣ нѣкотораго вліянія министерства юстиціи), на большую ненормальность привилегированнаго положенія должностныхъ лицъ при возбужденіи противъ нихъ судебного преслѣдованія, на необходимость единства суда для всѣхъ родовъ преступленій, на неполноту отдѣленія обвинительной власти отъ судебной, на непослѣдовательное проведеніе принципа равенства всѣхъ передъ закономъ.

Не смотря на всю справедливость этихъ замѣчаній, не смотря на то, что въ Судебныхъ Уставахъ есть положенія, очевидно носящія характеръ компромисса, великій законодатель 1864 года

заслуживаетъ вѣчной благодарности русскаго общества. Россія справедливо можетъ гордиться созданиемъ судебныхъ уставовъ, т. к. хотя за образецъ законодатель взялъ не англійскій порядокъ, а французскій *), но во многихъ отношеніяхъ сталъ выше своего образца, исправивъ и измѣнивъ къ лучшему нѣкоторые неудачные институты французскаго права, и самостоятельно (и удачно) переработавъ соотвѣтственно потребностямъ русской жизни цѣлый рядъ положеній **).

Само собою разумѣется, что каждый истинный почитатель Судебныхъ Уставовъ преклоняется не передъ буквой этого памятника, не предъ отдѣльными положеніями его, а главнымъ образомъ передъ животворящимъ духомъ его, передъ основными принципами. Объ этихъ принципахъ прекрасно говоритъ Фойницкій: „Святая обязанность каждаго русскаго юриста отнынѣ ясна: состоитъ она въ томъ, чтобы оберегать начала судебныхъ уставовъ *въ ихъ первоначальной чистотѣ*, ограждать животворящій ихъ духъ, внутренній ихъ смыслъ отъ всякихъ искаженій и передѣлокъ, составляющихъ ясный или прикрытый поворотъ къ старому порядку вещей, и *содѣйствовать дальнѣйшему развитію законодательства въ духъ этихъ началъ* ***).

*) Такой свѣдущій и опытный практикъ, какъ сенаторъ Буцковскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ причины этого явленія: „Нечего и говорить, что при судебномъ преобразованіи въ нашемъ отечествѣ невозможно было помышлять о заимствованіи изъ англійской системы уголовного судопроизводства тѣхъ порядковъ, которые зависятъ отъ высокаго положенія англійскихъ судей, отъ обширной власти, предоставленной имъ въ опредѣленіи наказаній. Наши судьи пользовались доселѣ слишкомъ слабымъ довѣріемъ общества, чтобы можно было ожидать въ этомъ отношеніи крупнаго поворота въ общественномъ мнѣніи вслѣдъ за преобразованіемъ судебной части. Кромѣ того, если бы правительство и рѣшилось основать систему уголовного процесса на одномъ предположеніи о такой внезапной переиначѣ въ общественномъ мнѣніи, то и тогда этого нельзя было бы сдѣлать иначе, какъ измѣнивъ отъ начала до конца дѣйствующее у насъ уложеніе о наказаніяхъ, въ которомъ подъ вліяніемъ недовѣрія къ судьямъ, старались опредѣлить въ каждомъ родѣ преступленій не только различныя степени и отгѣнки вины, но и самую мѣру ея въ предѣлахъ одной и той же степени, предоставляя судьямъ въ опредѣленіи наказаній одinvъ, такъ сказать, математическій расчетъ“. Очерки судебныхъ порядковъ. 1874. Стр. 236—237.

**) Справедливо замѣчаетъ проф. В. И в а н о в с к і й, что система судебныхъ установленій, созданныхъ Судебными Уставами, есть лишь *отраженіе* общихъ началъ судостройства, господствующихъ въ настоящее время у цивилизованныхъ народовъ. (Русск. государств. право. 1896. Вып III, 213).

***) Курсъ, I 50. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь и прекрасныя слова проф. Тальберга (I. с., I, 83): „Но частныя недостатки Судебныхъ Уставовъ нисколько не подрываютъ значенія тѣхъ общихъ началъ, которыя положены въ осно-

Этотъ животворящій духъ заключается въ стремленіи создать изъ дореформенной Россіи правовое государство, ограничить всемогущество власти, поднять личность гражданина, сдѣлать эту личность равноправною стороною съ государствомъ во взаимномъ ихъ спорѣ, создать судъ, который былъ бы дѣйствительно безпристрастнымъ третьимъ въ этомъ спорѣ, и обставить дѣятельность суда наилучшими гарантіями законности.

Очевидно, что все это находилось въ самомъ непримиримомъ противорѣчьи съ устоями полицейско-бюрократическаго государства. И вполне естественно, что широко задуманныя реформы 60-хъ годовъ вызвали самое энергическое противодѣйствіе со стороны сильной и многочисленной партіи приверженцевъ стараго режима. Это противодѣйствіе отразилась уже на первоначальномъ текстѣ судебныхъ уставовъ (компромиссы, неполнота проведенія нѣкоторыхъ принциповъ и т. п.).

Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Гессенъ: „Моментъ опубликованія основныхъ положеній судебного преобразованія несомнѣнно составляетъ поворотный пунктъ въ развитіи правительственныхъ стремленій къ проведенію назрѣвшихъ и всѣми признанныхъ реформъ.... Съ этого момента начинается уже *diminuendo*, которое непрерывно идетъ вплоть до нашихъ дней и заканчивается комиссіей Н. В. Муравьева для пересмотра законоположеній по судебной части, комиссіей, которая подводитъ окончательные итоги“? *).

Рядъ новеллъ, приникнутыхъ духомъ реакціи, начинается уже съ первыхъ дней существованія Судебныхъ Уставовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ новеллъ представляютъ собою съ перваго взгляда мелочи, но на самомъ дѣлѣ эти мелочи въ высшей степени характерны. Возьмемъ, напр, законъ 4 іюня 1869 года, предоставляющій многимъ высокопоставленнымъ лицамъ (въ томъ числѣ губернаторамъ и архіереямъ) право не являться въ засѣданія суда

ваніе этого законодательнаго памятника; онѣ остаются неизмѣнно правильными, какъ положенія, добытыя человечествомъ путемъ величайшихъ жертвъ и заблужденій въ прошломъ и пользующіяся общимъ признаніемъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Всякое посягательство на эти основныя положенія несомнѣнно свидѣтельствуетъ о попятномъ движеніи общественной мысли и упадкѣ правосудія въ странѣ“.

*) I. с., 107.

въ качествѣ свидѣтелей, и требовать допроса на дому. Нечего и говорить, что законъ этотъ самымъ рѣзкимъ образомъ нарушаетъ великій принципъ равенства всѣхъ передъ судомъ во имя ложно понятаго принципа „престижа власти“.

Далѣе слѣдуютъ многочисленныя изъятія дѣлъ изъ подсудности общихъ судовъ, сокращеніе компетенціи суда присяжныхъ, замѣна несмѣняемыхъ судебныхъ слѣдователей чиновниками министерства, превратившимися въ подчиненные органы прокуратуры, расширеніе права судебной администраціи ограничивать публичность судебныхъ засѣданій, ограниченіе правъ адвокатуры, смертельный ударъ принципу судейской несмѣняемости (законъ 20 мая 1885 г.) и наконецъ законъ 12 іюня 1889 (о земскихъ начальникахъ *).

Общая тенденція всѣхъ этихъ мѣръ заключалась въ томъ, чтобы превратить независимый судъ въ орудіе власти, а изъ судей сдѣлать чиновниковъ. Весьма характерной въ этомъ отношеніи является чрезвычайно продуктивная дѣятельность министерства юстиціи за послѣдніе 10 лѣтъ, направленная на виднѣе ея уподобленіе судей чиновникамъ: многочисленность законовъ о „формѣ одежды чиновъ судебного вѣдомства“ невольно поражаетъ наблюдателя. А насколько эта внѣшняя мѣра развращающимъ образомъ подѣйствовала на нравы судебного сословія, видно напр., изъ того, что на столбцахъ спеціальной юридической прессы стали появляться статьи, принадлежащія перу судей, и посвященныя „вопросу“.... о плечевыхъ знакахъ лицъ судебного вѣдомства. Увлеченіе форменной одеждой дошло до того, что очень многіе судьи начали носить эту одежду не только въ судебныхъ засѣданіяхъ, но и въ частной жизни (для прокуратуры такое явленіе сдѣлалось почти общимъ правиломъ), а судебное „начальство“ стало даже рекомендовать такой порядокъ. Насколь-

*) Иногда законъ не отмѣнялся, но сопровождался рядомъ ограничительныхъ разъясненій и циркуляровъ, которые въ концѣ концовъ совершенно парализовали законъ, превращая его въ пустой звукъ. Такая судьба постигла напр. прекрасный законъ, выраженный въ ст. 10 и 11 уст. угол. судопр. И нисколько не преувеличу, если скажу, что судья, который пожелалъ бы воспользоваться въ настоящее время предоставленнымъ ему закономъ правомъ и распорядился бы объ освобожденіи изъ тюрьмы незаконно арестованнаго, навлекъ бы на себя дѣлкій рядъ серьезныхъ несприятностей, которыя относительно нѣкоторыхъ категорій арестованныхъ могли бы окончиться предложеніемъ выйти въ отставку (не говоря уже о томъ, что въ большинствѣ случаевъ его распоряженіе осталось бы неисполненнымъ).

ко важное значеніе „начальство“ придавало этому внѣшнему символу чиновничества, видно изъ того, что нѣкоторые окружные суды въ наказахъ для городскихъ судей „предписываютъ“ въ судебныхъ засѣданіяхъ обязательно „быть въ установленной формѣ“, и тѣ судьи, которые придерживались прежняго прекраснаго обычая мировыхъ судей — засѣдать въ партикулярномъ платьѣ, надѣвъ лишь судейскую цѣпь, навлекали на себя неудовольствіе „начальства“.

Масса министерскихъ циркуляровъ развила и дополнила начала, заключающіяся въ указанныхъ выше новеллахъ, а общая политика министерства неизмѣнно шла въ строго-опредѣленномъ направленіи: создать изъ судебного вѣдомства іерархически-стройную бюрократическую систему, всецѣло подчиненную министру юстиціи и дѣйствующую по его указаніямъ. И политика эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: „взгляды и воззрѣнія министерства“ сдѣлались руководящимъ принципомъ всей судебной дѣятельности страны. А такъ какъ эти взгляды и воззрѣнія представляли собою лишь отраженіе общей внутренней политики, направленной на усиленіе власти, политики, недовѣрчиво относящейся къ общественной самодѣятельности и не признававшей за личностью никакихъ правъ, кромѣ дарованныхъ ей всемогущимъ государствомъ, опекающимъ всѣхъ и вся, то вполнѣ естественно, что охрана законности и охрана правъ личности отошли въ судебной должности на второй планъ, уступивъ первый планъ „поддержанію престижа власти“ и „содѣйствію видамъ правительства“.

Судебная хроника переполнена примѣрами, доказывающими справедливость только что сказаннаго.

Мы видимъ предсѣдателя прибалтійскаго мирового съѣзда, увлекающагося политикой обрусѣнія и по телеграфу сообщающаго попечителю учебнаго округа, что народный учитель не желалъ давать показаніе на русскомъ языкѣ. Мы видимъ старшаго предсѣдателя судебной палаты, находящаго, что для сыщиковъ существуетъ профессиональная тайна, и что поэтому сыщикъ, допрашиваемый въ качествѣ свидѣтеля и показавшій, что „по имѣющимся у него свѣдѣніямъ“ обвиняемые принадлежатъ къ опредѣленному преступному сообществу, не обязанъ отвѣчать на вопросы защиты: откуда свидѣтель имѣетъ эти свѣдѣнія и въ чемъ

они состоятъ? (а между тѣмъ такого рода показаніе кладется въ основу обвинительнаго приговора *).

Мы видимъ систематическое стѣсненіе правъ защиты въ процессахъ, гдѣ мало-мальски заинтересована власть. Мы видимъ рѣзкое и „начальственное“ обращеніе предсѣдателей съ обвиняемыми и свидѣтелями. Мы видимъ предсѣдателя, грубо обрывающаго на каждомъ словѣ защитника, принадлежащаго къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, и приказывающаго вывести его изъ залы засѣданія**). Мы видимъ лихорадочную погоню за количествомъ обвинительныхъ приговоровъ, которые считаются лучшимъ мѣриломъ доброкачественности суда. Мы видимъ примѣры, когда судьямъ прямо рекомендуется избѣгать назначенія слишкомъ мягкихъ наказаній по извѣстнымъ дѣламъ. Мы видимъ, наконецъ, примѣры увольненія судей отъ должности вслѣдствіе сообщеній мѣстной администраціи, находящей, что дѣятельность судьи систематически подрываетъ престижъ власти***).

Позволю себѣ сдѣлать еще одну выписку изъ книги И. В. Гессена, ярко характеризующую печальное положеніе дѣла. Свидѣтельство г. Гессена тѣмъ болѣе цѣнно, что авторъ нижеприводимыхъ строкъ—не только юристъ-теоретикъ, но самъ непосредственно принималъ участіе въ судебной практикѣ въ провин-

*) „Право“. 1905. № 7, стр. 510—511. Просто не вѣришь глазамъ, когда читаешь о такомъ нарушеніи азбучныхъ истинъ процесса, превращающемъ судъ въ орудіе правительства. И если это дѣлается старшимъ предсѣдателемъ палаты, сенаторомъ (И. К. Максимовичъ), т. е. человѣкомъ совершенно независимымъ, то насъ не должны особенно возмущать засѣданія городского судьи 1 уч. г. Пскова г. Тихонова, описанныя въ №№ 13 и 14 „Права“ за текущій годъ (по дѣламъ объ избіеніи учащихъся представителями „черной сотни“); и мотивы оправдательныхъ приговоровъ при полной доказанности обвиненія, и эта энергичная охрана престижа полиціи, неразрѣшеніе выяснять роль полиціи въ избіеніи, и эти совѣщанія судьи по телефону во время писанія приговора,—все это неизбежные результаты системы превращенія судей въ чиновниковъ, которыхъ завтра можно уволить за несогласіе ихъ дѣятельности съ „видами правительства“. Само собою разумѣется, оправдать поведение такихъ судей нельзя, но тѣмъ не менѣе значительная часть вины должна быть отнесена на счетъ общаго бюрократическаго режима.

**) До чего можно дойти въ этомъ направленіи, показываетъ прямо невѣроятный случай, зарегистрированный печатью недавно: предсѣдательствующій въ засѣданіи харьковской судебной палаты г. Левенстимъ (авторъ нѣсколькихъ юридическихъ работъ) приказалъ вынести изъ зала засѣданія присяжнаго повѣреннаго, не пожелавшаго исполнить приказаніе снять крѣпъ съ адвокатскаго значка.

***) У меня вмѣются двѣ огромныя папки, наполненныя примѣрами, характеризующими наши судебные порядки. Въ настоящей книгѣ я привожу лишь нѣкоторые, наиболѣе по моему мнѣнію рельефныя, примѣры.

ціи, а въ послѣдствіи долго служилъ въ центральномъ управленіи министерства юстиціи помощникомъ юрисконсульта. „Вообще, пишетъ г. Гессенъ, министерство принимало самыя разнообразныя мѣры къ бюрократизаціи судебнаго вѣдомства, установленію іерархической подчиненности и усиленію вмѣшательства министра въ судебную жизнь. Подъ давленіемъ этихъ условій возрѣнія постепенно такъ измѣнились, что въ 1885 г. Госуд. Совѣтъ исходилъ изъ того соображенія, что „находясь во главѣ судебнаго вѣдомства и неся отвѣтственность передъ Верховною властью за правильный ходъ правосудія въ Имперіи, министру юстиціи, очевидно, должно располагать вполне достаточными способами къ устраненію усматриваемыхъ имъ въ дѣятельности судебныхъ чиновъ уклоненій отъ законнаго порядка“. Въ этомъ направленіи въ 1872 г. министру юстиціи было предоставлено измѣнять правила о распредѣленіи занятій между судебными слѣдователями въ Петербургѣ. Законъ 20 мая 1885 г. предоставилъ министру юстиціи право требовать отъ чиновъ судебнаго вѣдомства доставленія нужныхъ ему свѣдѣній и объясненій письменно, а въ необходимыхъ случаяхъ также и личнаго представленія оныхъ, и дѣлать подлежащимъ лицамъ соотвѣтственныя указанія и напоминанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ радикально измѣнено положеніе старшаго предсѣдателя судебной палаты, который изъ *primus inter pares* превращенъ въ мѣстное начальство. Госуд. Совѣтъ призналъ, согласно съ представленіемъ министра юстиціи, что „надзирающая дѣятельность судебныхъ коллегій всегда соединена съ формальностями, неизбѣжно лишаящими ея распоряженія надлежащихъ быстроты и рѣшительности“. „Для усиленія надзора въ судебномъ вѣдомствѣ представлялось необходимымъ созданіе на мѣстахъ такихъ единоличной власти, которая была бы уполномочена прекращать усматриваемые безпорядки и дѣлать всѣмъ подчиненнымъ (характерно это опредѣленіе!) вызываемыя обстоятельствами указанія и напоминанія“. Всѣмъ, хотя бы поверхностно знакомымъ съ судебной жизнью, хорошо извѣстно, къ чему привело на практикѣ установленіе этой „единоличной власти“. Приемная старшаго предсѣдателя это въ миниатюрѣ министерская приемная; она полна судебныхъ чиновниковъ: одинъ представляется по случаю назначенія, другой благодарить, третій ходатайствуетъ о назначеніи, четвертый проситъ поддержать представленіе суда, ибо всѣ эти представленія проходятъ черезъ руки старшаго предсѣ-

дателя и безъ поклона никому не получить желаемого назначенія (конечно если не имѣть непосредственной протекціи во всемогущемъ центральномъ управленіи)“ *).

Къ этому необходимо добавить для полноты картины, что нѣкоторые старшіе предсѣдатели заходятъ такъ далеко въ своемъ стремленіи осуществить идею быстрой и рѣшительной власти, что позволяютъ себѣ требовать личной явки судей для объясненій изъ другихъ городовъ, во время этихъ объясненій принимаютъ начальнической тонъ и даже даютъ указанія, какъ надо понимать и толковать извѣстный законъ **) Практика твердо установила обычай, по которому каждое должностное лицо судебного вѣдомства обязательно представляется старшему предсѣдателю по случаю назначенія на должность. Судья, который бы уклонился отъ исполненія этого обычая, рисковалъ бы навлечь на себя неудовольствіе. А громадное большинство судей представляется не только старшему предсѣдателю, но и прокурору палаты и даже прокурору окружного суда. Дальше казалось бы некуда идти, но жизнь показываетъ, что разъ ставши на почву чиновничества и преслѣдованія идеала іерархической подчиненности, судебная практика погружается все глубже и глубже въ эту засасывающую почву. И дѣйствительно, мы видимъ примѣры, что прокуроры судебныхъ палатъ вызываютъ къ себѣ на вокзалъ для ревизіи судебныхъ слѣдователей изъ камеръ ихъ, отстоящихъ за нѣскольکو десятковъ верстъ отъ вокзала. А если бы слѣдователь отказалъ прокурору въ исполненіи такого незаконнаго требованія, онъ рисковалъ бы по доносу прокурора быть причисленнымъ къ министерству черезъ нѣсколько дней и притомъ безъ истребованія объясненій по содержанию доноса.

Такое господство принциповъ чиновничества самымъ печальнымъ образомъ отразилось на внутренней дѣятельности судовъ и на общемъ уровнѣ судебныхъ дѣятелей. Угрожающее пониженіе интеллектуальнаго уровня нашихъ судебныхъ дѣятелей обратило на себя

*) I. с., 151—152.

**) Извѣстенъ даже случай, когда старшій предсѣдатель дошелъ до того, что заявилъ непокорному мировому судѣ, не раздѣлявшему его „возврънній“, что не можетъ слушать въ одномъ съ нимъ округѣ.

вниманіе и министерства юстиціи*). Большинство нашихъ судебныхъ практиковъ—люди съ узкимъ кругозоромъ, потерявшіе всякій интересъ къ наукѣ, альфу и омегу юридическихъ знаній, видящіе въ тезисахъ изъ кассационныхъ рѣшеній, боящіеся всякой самостоятельной, нарушающей установившуюся рутину мысли, отвыкшіе (а сплошь и рядомъ—непривыкшіе) отъ серьезнаго чтенія, чуждые широкимъ духовнымъ интересамъ. Неудивительно, что судебныя мѣста большею частью обращаютъ вниманіе на формальную и внѣшнюю сторону дѣла и все больше проникаются бюрократическими идеалами. Заботы о возможно большемъ количествѣ оконченныхъ производствомъ дѣлъ, о возможно меньшемъ количествѣ остатковъ, объ исполненіи всѣхъ формальностей, объ исписаніи возможно большаго количества бумаги,—вотъ главныя заботы судовъ. Къ единоличнымъ, подвѣдомственнымъ судьямъ наши суды проявляютъ сплошь и рядомъ самое безотрадное отношеніе. Если судья показываетъ въ вѣдомостяхъ массу оконченныхъ дѣлъ, если дѣлопроизводство у него съ чисто-канцелярской, чиновнической точки зрѣнія безукоризненно, если въ каждомъ рѣшенномъ дѣлѣ находится много листовъ бумаги, исписанной судьей, наконецъ, если судья проявляетъ по отношенію къ надзирающей инстанціи почтительное настроеніе,—то, какую бы духовную бѣдность онъ ни обнаруживалъ, онъ можетъ быть увѣреннымъ въ томъ, что „карьера“ его обезпечена. Но если всего этого нѣтъ, то сколько бы нервовъ и работы судья не тратилъ на едучивое, серьезное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, какъ бы онъ ни любилъ дѣло, какимъ бы интеллектомъ ни обладалъ, онъ всегда рискуетъ испытать на себѣ результаты недовольства имъ со стороны „начальства“.

До какой степени затемнилось у насъ понятіе судьи, до какой степени бюрократическіе принципы овладѣли нашей судебной жизнью, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Одинъ окружный судъ потребовалъ отъ „подчиненнаго“ ему мирового судьи объясненія по поводу „неправильныхъ дѣйствій“, выразившихся въ томъ, что, получивъ отъ суда „предписаніе“, мировой судья написалъ отвѣтъ по содержанію „предписанія“ не на отдѣль-

*) Ср. вышеприведенную работу проф. Дерюжинскаго.

номъ листѣ бумаги, а на оборотѣ „предписанія“ *). Другой окружный судъ потребовалъ объясненія (и даже вызвалъ изъ уѣзднаго города для личныхъ объясненій) отъ судебного слѣдователя за то, что послѣдній не представился губернатору; затѣмъ этотъ судъ разослалъ всѣмъ „подчиненнымъ“ ему слѣдователямъ, судьямъ и др. циркуляръ, въ которомъ „предписывалъ“ неукоснительно представляться губернаторамъ „въ полной парадной формѣ“. Въ округѣ третьяго суда была установлена практика ежегодныхъ ревизій городскихъ судей; послѣ одной изъ этихъ ревизій окружный судъ потребовалъ отъ городского судьи объясненія по поводу того, что въ одной изъ графъ настольнаго реестра не было сдѣлано отмѣтки о томъ, что дѣло представлено въ окружный судъ; а когда городской судья отвѣтилъ, что онъ не въ состоянн провѣрять каждый шагъ своего письмоводителя, окружный судъ постановилъ признать объясненіе „неумѣстнымъ“ и „предписать судѣ своевременно дѣлать въ настольныхъ реестрахъ надлежащія отмѣтки“.

*) Не могу не привести назидательнѣйшаго примѣра, свидѣтельствующаго, до какой степени можетъ помрачаться сознаніе у судебныхъ дѣателей подъ вліяніемъ бюрократически—канцелярскихъ идеаловъ и преклоненія передъ бумажною дѣятельностью. Недавно одинъ окружный судъ, получивъ отъ мирового судьи представленное имъ въ апелляціонномъ порядкѣ дѣло (жалоба была принесена и въ установленномъ порядкѣ, и въ установленный срокъ), возвратилъ мировому судѣ дѣло и „предписалъ“: вызвать стороны въ засѣданіе и объявить имъ порядокъ и срокъ обжалованія того приговора, который и былъ обжалованъ надлежащимъ образомъ. Другими словами,—судья долженъ вызвать въ засѣданіе апеллятора и сказать ему: „объявляю вамъ, что вы имѣете право подать на мой приговоръ ту самую апелляціонную жалобу, которую вы уже подали два мѣсяца тому назадъ“. (Дѣло въ томъ, что въ протоколѣ у мирового судьи не было отмѣтки объ объявленіи порядка и срока обжалованія).

Казалось бы, что разъ приговоръ обжалованъ въ законномъ порядкѣ, апелляціонному суду остается только разобратъ дѣло по существу и тѣмъ дать удовлетвореніе интересамъ правосудія. Но нѣтъ: оказалось, что въ протоколѣ не сдѣлано отмѣтки (кстати сказать законномъ не предписанной), и интересы бумажнаго производства оказались выше интересовъ правосудія; судѣ предписывается продѣлывать законно совершенно не зависящую, смѣшную и въ лучшемъ случаѣ бесполезную (а если привячь во вниманіе трату времени и для судьи, и для его канцелярнн, и для полиціи, и для сторонъ,—то и вредную) процедуру только для того, чтобы въ дѣлѣ появилась наконецъ та отмѣтка, важности которой высшая инстанція придаетъ такое большое значеніе. Мировой судья не нашелъ возможнымъ исполнить это предписаніе суда и послѣдній представилъ дѣло въ судебную палату для возбужденія противъ непокорнаго судьи дисциплинарнаго производства. Чѣмъ окончилось дѣло, мнѣ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ ко всей этой бумажной эпопее изъ за отмѣтки прибавится нѣсколько главъ: требованіе отъ судьи объясненія, обсужденіе палатой дѣла, писаніе рѣшенія, объявленіе этого рѣшенія судѣ и т. д.

Нѣкоторые указы для мировыхъ и городскихъ судей, составленные окружными судами, изобилуютъ статьями, доказывающими желаніе регламентировать каждый шагъ дѣятельности „подчиненныхъ“ судей, опутать эту дѣятельность цѣлою сѣтью правилъ, довести канцелярщину до апогея. Нерѣдко въ указахъ можно встрѣтить требованія понимать въ опредѣленномъ смыслѣ тотъ или иной законъ*); тутъ уже „начальство“ вторгается даже въ сферу внутренней чисто-судейской дѣятельности, забывая, что никто не въ правѣ приказать судьямъ понимать и толковать законы такъ, а не иначе.—Выработался даже особенный языкъ въ сношеніяхъ надзирающихъ коллегій съ „подчиненными“ имъ судьями: вѣжливая форма обращенія считается „несоотвѣтствующей достоинству“ надзирающихъ коллегій, а поэтому стиль официальныхъ бумагъ изобилуетъ словами „предписываетъ“, „немедленно и въ точности исполнить“, „немедленно донести“, „судья даетъ вамъ знать“ и т. п. Курьезнѣе всего, что такой порядокъ замѣчается даже въ мировыхъ сѣздахъ; хотя членами ихъ является мировые судьи, но эти судьи сразу превращаются въ „начальство“ надъ своими товарищами, охотно „предписывая“ имъ „немедленно и въ точности исполнить требованіе сѣзда“. Принципы „субординаціи“ переносятся даже и въ личныя отношенія: нерѣдко члены суда требуютъ, чтобы „подчиненные“ суду должностныя лица проявляли

*) Напр., одинъ окружной судья „разъяснилъ“ городскимъ судьямъ и „предписалъ“ принять къ неукоснительному руководству“ слѣдующее правило. Если судья получаетъ отъ частнаго обвинителя жалобу съ обвиненіемъ, не подтвержденнымъ никакими доказательствами, или съ обвиненіемъ въ дѣлѣ, не заключающемъ въ себѣ признаковъ уголовно-наказуемаго проступка, то онъ не имѣетъ права прекращать производствo дѣла, не привлекая никого въ качествѣ обвиняемаго, а обязанъ вызвать стороны въ засѣданіе и постановить оправдательный приговоръ. Для того, чтобы понять всю пикантность такого „разъясненія“, представимъ себѣ, что Иванъ подаетъ мировому судья жалобу на Петра, живущаго за нѣсколько тысячъ верстъ, обвиняя его въ мошенничествѣ, выразившемся въ томъ, что Петръ купилъ часы, обѣщая уплатить деньги завтра, и уѣхалъ не исполнивъ такого обѣщанія. Такъ какъ Иванъ требуетъ наказанія Петра за обманъ, то по теоріи окружнаго суда мировой судья обязанъ привлечь Петра въ качествѣ обвиняемаго, подвергнуть его приводу въ случаѣ неявки и объявить ему въ засѣданіи что весь этотъ рядъ стѣсненій и страданій причиненъ для того, чтобы постановить оправдательный приговоръ, причемъ Иванъ не можетъ подвергнуться даже послѣдствіямъ за недобросовѣстное обвиненіе, т. к. былъ глубоко убѣжденъ, что въ дѣлѣ Петра есть признаки мошенничества. Весьма назидательный образецъ послѣдствій плохаго знанія теоріи процесса, не говоря уже о совершенно ложномъ возрѣніи на сущность порядка надзора,

къ нимъ особый пѣтеть *), а встрѣчаются предсѣдатели, протягивающіе судебнымъ слѣдователямъ два пальца и обнаруживающіе весьма замѣтные симптомы ольяненія властью. Объ отношеніяхъ къ „младшей братіи“: кандидатамъ на судебныя должности, секретарямъ, ихъ помощникамъ и т. д. нечего и говорить. Лучшей иллюстраціей положенія этихъ судебныхъ дѣятелей можетъ служить заявленіе о своихъ нуждахъ, недавно сдѣланное кандидатами Петербургской судебной палаты: въ числѣ предъявленныхъ требованій находится... „вѣжливое обращеніе“ **).

Само собою разумѣется, что изъ всего описаннаго есть исключенія: есть вполне культурные предсѣдатели, держащіе себя какъ *primus inter pares*, есть члены судебныхъ мѣстъ, ясно понимающіе разницу между судьей и чиновникомъ, есть совершенно интеллигентные судебные дѣятели (въ особенности стараго закала, эпохи введенія Судебныхъ Уставовъ), которыми можетъ гордиться наша магистратура. Но тѣмъ разительнѣе контрастъ, тѣмъ безотраднѣе общее впечатлѣніе отъ пониженія духовнаго уровня нашего судебного міра, отъ превращенія нашихъ судей въ чиновниковъ ***).

Главная причина всѣхъ этихъ печальныхъ явленій заключается въ коренныхъ порокахъ законовъ, относящихся къ организаціи судебной власти. А эти пороки въ свою очередь обуславливаются несомвѣстимостью основныхъ принциповъ судоустройства Судебныхъ Уставовъ 1864 съ основными принципами полицейски—бюрократическаго государства. Конечно, нельзя сразу измѣнить къ лучшему людей, измѣнивши соотвѣтственные законы; но нигдѣ быть можетъ такъ наглядно не обнаруживается справедливость положенія, что хорошія учрежденія воспитываютъ людей, какъ въ области отправленія правосудія.

Если даже взять судей, обладающихъ солидной общенаучной и спеціальной подготовкой, одушевленныхъ идеальными воззрѣ-

*) Я знаю примѣры, когда предсѣдательствующій членъ суда считалъ ниже своего достоинства спрашивать мнѣніе участвовавшаго въ засѣданіи добавочнаго мирового судьи: овъ совѣщался лишь съ другимъ членомъ суда и только давалъ мировому судѣ подписывать составленную и подписанную членами суда резолюцію.

**) Весьма характерно, что старшій предсѣдатель палаты г. Максимовичъ отрицательно отнесся къ желанію кандидатовъ организовать и предложилъ выйти въ отставку тѣмъ, кто предалъ гласности такое его отношеніе. („Наша Жизнь“. 1905 г. № 110).

***) Можно, не боясь преувеличенія, сказать, что судебные дѣятели первыхъ лѣтъ судебной реформы и современные—это два совершенно различные общественные типа.

ніями на задачи правосудія и поставитъ ихъ въ такія условія, какія мы наблюдаемъ въ настоящее время у насъ, то можно съ увѣренностью сказать, что съ теченіемъ времени немногіе изъ этихъ судей останутся вѣрными идеалу судьи.

Уже одно чрезмѣрное обремененіе работой разрушительнымъ образомъ дѣйствуетъ на психику судей. Работа эта треплетъ нервы, требуетъ большаго напряженія силъ, почти не оставляетъ досуга, столь необходимаго и для продуктивности самой работы, и для поддержанія и дальнѣйшаго развитія духовной жизни судьи. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что всѣ наши судьи (а единоличныя въ особенности) исполняютъ такія работы, которыя въ сущности не относятся къ чисто судейскимъ обязанностямъ. Столь необходимымъ ежегоднымъ вакаціоннымъ временемъ могутъ пользоваться (да и то не въ достаточномъ количествѣ) только члены судовъ и палатъ: для единоличныхъ судей и судебныхъ слѣдователей, несущихъ на своихъ плечахъ несравненно бѣльшую часть работы, изнывающихъ отъ этой работы, вакаціи считаются излишней роскошью. — Содержаніе нашихъ судей таково, что большинство, не имѣющее личныхъ средствъ, влачитъ почти нищенское существованіе; въ особенности это относится къ единоличнымъ судьямъ: здѣсь сплошь и рядомъ можно встрѣтить среди лицъ семейныхъ примѣры самой гнетущей, ужасающей нужды.

Насколько мало авторитетно поставленъ нашъ судъ по отношенію къ администраціи, видно изъ практики нашихъ единоличныхъ судей: полиція систематически не исполняетъ законныхъ требованій суда, это исполненіе служитъ сильнѣйшимъ тормазомъ отправленію правосудія и тѣмъ не менѣе виновные остаются безнаказанными *). Я уже упоминалъ о недоразумѣніяхъ, возника-

*) Въ высшей степени назидательно сравнить случай, разсказанный г. Хрулевымъ на стр. 37—38 своей книги „Судъ присяжныхъ. Очеркъ дѣятельности судовъ и судебныхъ порядковъ“. 1886, съ описаніемъ порядка англійскихъ выѣздныхъ сессій у Франкевилля (I. с. II, 19—23): получается впечатлѣніе двухъ діаметрально противоположныхъ порядковъ. Торжественная встрѣча пріѣхавшихъ судей на вокзалѣ первымъ лицомъ графства—шерифомъ, окруженнымъ подчиненными ему должностными лицами; парадная карета, окруженная почетной стражей и предшествуемая оркестромъ трубачей, привозитъ судей въ домъ шерифа, гдѣ приготовлены квартиры; звонъ церковныхъ колоколовъ во время переѣзда съ вокзала на квартиру; при посѣщеніи судьями собора епископъ встрѣчаетъ ихъ на порогѣ; мэръ и шерифъ обязаны присутствовать при открытіи судебныхъ засѣданій; пѣлый рядъ знаковъ вниманія и уваженія во время

ющихъ по поводу представленія судей губернаторамъ. Чтобы еще болѣе рельефно подчеркнуть ненормальность положенія дѣла въ этомъ отношеніи, отмѣчу, что наша практика знаетъ случаи, когда для судей возникали неприятности по поводу нежеланія кланяться губернатору на улицѣ при встрѣчѣ; а хроника отмѣтила даже случай вызова губернаторомъ телеграммой къ себѣ для личныхъ объясненій городского судью изъ уѣзднаго города по поводу признанія судей незаконнымъ утвержденнаго губернаторомъ обязательнаго постановленія (ст. 29 Уст. о иск.).

Ко всему этому надо прибавить самое важное: у насъ несмѣняемость судей превратилась въ пустой звукъ. По отношенію къ единоличнымъ судьямъ о несмѣняемости не можетъ быть и рѣчи уже въ силу самаго закона, и практика знаетъ случаи увольненія судей министромъ *даже безъ истребованія отъ нихъ объясненій*. Что же касается судей коллегіальныхъ судовъ, то несмѣняемость ихъ отмѣнена новеллой 20 мая 1885 г. Статью 295² Учр. Суд. Уст. нельзя иначе и назвать, какъ отмѣной элементарнаго условія независимости судей: разъ существуетъ право увольненія судей въ дисциплинарномъ порядкѣ, принципъ несмѣняемости подрывается въ самомъ корнѣ. Только что сказанное сдѣлается еще болѣе несомнѣннымъ, если мы примемъ во вниманіе, что это право осуществляется даже не общимъ собраніемъ подлежащихъ департаментовъ Сената, а особымъ

продолженіи сессіи. А вотъ описаніе у Хрулева: „Сессія была назначена въ одномъ глухомъ уѣздномъ городѣ на шесть дней. Предсѣдатель, предполагая выѣхать на сессію, заранѣе написалъ городскому головѣ и исправнику любезныя письма, въ которыхъ, указывая на отсутствіе помѣщеній для пріѣзжихъ, просилъ ихъ найти за какую угодно плату какое нибудь помѣщеніе изъ трехъ комнатъ, для членовъ суда и канцелярій. Просьба эта была оставлена безъ вниманія и предсѣдатель, членъ суда и товарищъ прокурора остановились на грязномъ постояломъ дворѣ. Разумѣется, спать никто не могъ и, по обычаю, всѣ питались чаемъ и лѣщами. Къ концу сессіи отъ бессонницы членъ суда заболѣлъ, а предсѣдатель и товарищъ прокурора совсѣмъ расклеились. Въ послѣдній день сессіи предсѣдатель пригласилъ къ себѣ городского голову и заявилъ ему, что онъ, предсѣдатель, требуетъ отъ него, городского головы чтобы въ слѣдующій разъ была отведена за плату сколько нибудь удобная квартира для членовъ суда, т. к. въ противномъ случаѣ судъ не будетъ выѣзжать въ этотъ городъ, а будетъ разбирать дѣла въ смежномъ уѣздѣ. Голова, богатый купецъ-кулакъ, отвѣтилъ, что это не его дѣло отводить квартиры.“—Мнѣ лично извѣстенъ случай, когда не состоялась выѣздная сессія окружнаго суда и судьи должны были вернуться домой, т. к. предсѣдатель уѣзднаго сѣзда за полчаса до начала засѣданія вошелъ въ залъ уѣзднаго сѣзда съ земскими начальниками и открылъ закрытое административное засѣданіе, заявивъ, что онъ хотѣлъ помѣщенія и до суда ему нѣтъ никакого дѣла.

дисциплинарнымъ присутвіемъ, т. е. коллегіей несравненно меньшей по численности, а стало-быть гораздо болѣе подверженной различнымъ вліяніямъ со стороны правительства и гораздо менѣе авторитетной какъ въ глазахъ судей, такъ и въ глазахъ населенія. Кромѣ того столь эластичныя и неопредѣленныя указанія, какъ „предосудительныя поступки“ (да еще „внѣ службы“), „несовмѣстимыя съ достоинствомъ судейскаго званія“,—оставляютъ слишкомъ широкій просторъ для произвола*). До какихъ нелѣпостей можно доходить при опредѣленіи области „несовмѣстимаго съ достоинствомъ судейскаго званія“, видно изъ того, что у насъ признавали „несовмѣстимымъ“ (привожу лично мнѣ извѣстные примѣры): участіе въ концертѣ въ качествѣ исполнителя, сожителство съ женщиной не въ формѣ официальнаго брака, нежеланіе жить вмѣстѣ со своею женой, отказъ жертвовать на патріотическія цѣли, нежеланіе посѣщать церковь, дружба съ такъ называемыми „политически неблагонадежными“ лицами, подписаніе петиціи группы интеллигентныхъ лицъ съ указаніемъ необходимыхъ реформъ. Всякіе комментаріи къ этимъ примѣрамъ, конечно, излишни.

Но самой ненормальной стороною нашихъ судебныхъ порядковъ является „Положеніе о земскихъ начальникахъ“, эта печаль-

*) Нельзя не привести здѣсь слѣдующихъ прекрасныхъ словъ изъ мотивовъ къ Судебнымъ Уставамъ: „Понятіе поступковъ, противныхъ добрымъ правамъ, благопрістойности и приличію, весьма широко и неопредѣлительно, допускаетъ различное толкованіе его различными лицами и мѣняется смотря по времени и мѣсту. Такъ, иной можетъ считать несоблюденіе постовъ, занятіе торговлей, знакомство съ людьми другого класса или другой вѣры, посѣщеніе театровъ и другихъ увеселительныхъ заведеній, несоблюденіе моды и проч. поступками, противными добрымъ правамъ, благопрістойности и приличію. Исторія представляетъ много разительныхъ примѣровъ, до какихъ странностей доходили люди, увлекавшіеся религиозными, національными или сословными предрасудками. Законодатель не имѣетъ права вмѣшиваться въ частную жизнь гражданъ, и за свои безнравственныя поступки они могутъ отвѣчать только передъ своею совѣстью или общественнымъ мнѣніемъ, но отнюдь не передъ государствомъ; мнѣніе, будто дисциплинарное производство есть ничто иное какъ домашній судъ, представляется по взгляду большинства комиссіи невѣрнымъ: такого суда закону неизвѣстно: судьи—люди взрослые и находятся между собою не въ родственныхъ отношеніяхъ а въ отношеніяхъ служебныхъ, часто внѣшнихъ. Конечно, между судьями, какъ и въ каждомъ сословіи можетъ образоваться свое общественное мнѣніе, порицающее тотъ или другой поступокъ кого-либо изъ ихъ среды; но мнѣніе это должно дѣйствовать только нравственными средствами, а не наказаніями положительнаго закона“.

ная страница въ исторіи русскаго права, законъ, принесшій столько вреда интересамъ правосудія и такъ затормозившій развитіе чувства законности у населенія.

Остановимся подробнѣе на томъ, что представляютъ собою судебно-административныя учрежденія, созданныя у насъ закономъ 12 іюля 1889 г. Этотъ законъ есть кульминаціонный пунктъ стремленій, враждебныхъ основнымъ принципамъ Судебныхъ Уставовъ, стремленій, исходящихъ изъ принципа несомвѣстности независимаго отъ правительства суда съ существующимъ государственнымъ строемъ и видящихъ въ усиленіи административной власти универсальное средство отъ всѣхъ золъ.

Какъ это ни странно, но „Положеніе о земскихъ начальникахъ“ есть чистѣйшій плодъ кабинетной фантазіи, хотя, конечно, авторы этого закона имѣли въ виду однѣ лишь практическія цѣли и энергично протестовали бы противъ отождествленія ихъ съ кабинетными теоретиками. Законъ 12 іюля 1889 г. есть типичнѣйшій примѣръ законодательныхъ построеній, совершенно оторванныхъ отъ почвы дѣйствительности и проникнутыхъ чисто утопическими идеалами. Въ то время какъ всѣ государственныя учрежденія рассчитываются на среднихъ людей, законъ 12 іюля, окончательно разрывая связь съ наукой и съ вѣковымъ опытомъ культурныхъ народовъ, не считаясь съ психологіей, создаетъ должности, пригодныя лишь для людей идеальныхъ, безгрѣшныхъ, не нуждающихся ни въ какихъ сдержкахъ, ни въ какомъ контролѣ, ни въ какой спеціальной подготовкѣ.

Отрицательное отношеніе нашей науки къ закону 12 іюля 1889 г. хорошо извѣстно. Напомню отзывъ проф. Даневскаго*), назвавшаго созданный этимъ закономъ судъ судомъ худшимъ, чѣмъ былъ нашъ старый дореформенный судъ, отрицательные отзывы проф. Фойницкаго**), проф. Случевскаго***), проф. Энгельмана †), проф. Духовскаго †*), проф. Свѣшникова †**), проф. Кузьмина-Караваева †***).

*) „По поводу предстоящей реформы вашего судоустройства“. 1896. стр. 18.

**) Курсъ I, 55, 201. 202.

***) Учебникъ, 95—97.

†) Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства 1904.

†*) Русскій уголовн. процессъ, 1897, 56, 61 и др.

†**) Докладъ С.-Петербургскому юридич. обществу 22 янв. 1901 г.

†***) id.

Не стану напоминать множества аналогичныхъ отзывовъ изъ нашей періодической печати, т. к. отзывы эти, не внося ничего новаго по существу, имѣютъ значеніе иллюстрацій, часто приводя изумительные факты изъ дѣятельности земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ сѣздовъ и губернскихъ присутствій, факты, безусловно невозможные при мировомъ институтѣ.—Весьма характернымъ является то, что отрицательное отношеніе къ закону 12 іюля проявлялось и среди лицъ, принадлежащихъ къ административному элементу учреждений, созданныхъ этимъ закономъ. Напримѣръ въ чрезвычайно интересной брошюрѣ „О земскихъ начальникахъ, ихъ сѣздахъ и дѣятельности сихъ учреждений“ (1898 г.) г. Ж. Б. (бывшій предсѣдатель уѣзднаго сѣзда, предводитель дворянства) указываетъ на большой вредъ смѣшенія судебныхъ и административныхъ функций въ одномъ лицѣ, на печальныя результаты отсутствія контроля Сената, на „безусловно“ несостоятельную дѣятельность губернскихъ присутствій, требуетъ изъятія судебной власти изъ вѣдѣнія земскихъ начальниковъ и другихъ реформъ, говоря, что „только скорымъ принятіемъ указанныхъ мѣръ можно остановить дальнѣйшее паденіе нравственности въ темномъ царствѣ деревни, гдѣ понятія о правѣ, о ответственности, все болѣе, годъ отъ года расшатываются“.

Но только непосредственное личное знакомство съ внутреннею стороною судебно-административныхъ учреждений можетъ дать полное понятіе о всѣхъ аномаліяхъ этого „суда“, можетъ выяснитъ всю опасность его для правовой жизни страны. Каждый кто обладаетъ такимъ знакомствомъ, долженъ сознаться, что общая картина получается въ высшей степени неприглядная, наводящая на самыя грустныя размышленія.

Постараюсь нарисовать эту картину въ общихъ чертахъ, приводя изрѣдка примѣры лишь въ видѣ иллюстраціи, т. к. если бы я привелъ всѣ, имѣющіеся въ моемъ распоряженіи случаи, то потребовался бы объемистый томъ. Конечно, я ограничусь только судебной стороною дѣятельности разсматриваемыхъ учреждений, но считаю необходимымъ начать изложеніе двумя примѣрами изъ административной практики по поводу примѣненія знаменитой ст. 61 Положенія. 1) Въ журналѣ административнаго засѣданія К. уѣзднаго сѣзда 21 декабря 1890 г. № 13 ст. 1 значится прошеніе крестьянина Ив. Ш. объ оштрафованія его земскимъ начальникомъ 4 уч. на 5 руб. „за неснятіе шапки“ (въ

прошении Ш. объясняетъ, что онъ былъ оштрафованъ за то, что снялъ шапку не на должномъ разстояніи, и просить съѣздъ разъяснить ему, на какомъ именно разстояніи надлежитъ снимать шапку передъ земскимъ начальникомъ?) Съѣздъ постановилъ: „на основаніи 61 и 64 ст. Положенія настоящую жалобу Ш. оставить безъ послѣдствій, о чемъ и объявить ему черезъ К. волостное правленіе, что же касается до разъясненій, просимыхъ имъ у съѣзда, то за таковыми приказать (!) ему немедленно (sic) отправиться къ земскому начальнику 4 уч.“. 2) Земскій начальникъ 3 уч. Н. уѣзда запретилъ одному извѣстному въ мѣстечкѣ Н. кулаку давать деньги крестьянамъ подъ большіе проценты. Когда кулакъ вопреки этому распоряженію явился къ земскому начальнику съ исковымъ прошеніемъ и векселемъ ростовщическаго характера, земскій начальникъ вексель порвалъ, сдѣлалъ кулаку слишкомъ энергическое напоминаніе о своемъ приказѣ и посадилъ на три дня „въ холодную“, говоря: „тебя тамъ клопы давно уже ожидаютъ“.

Общій принципъ, проникающій эти и сотни подобныхъ при- мѣровъ, кажется, ясенъ. Это не самодурство (за единичными ис- ключеніями), какъ утверждаютъ многіе, а отрицаніе за огромной массой населенія правъ гражданина, проявленіе взгляда на „низшія сословія“, какъ на людей, нуждающихся въ самой мелочной и непрерывной опецѣ, и которымъ опасно предоставить свободу дѣйствій. Въ сущности это лишь *reductio ad absurdum* того принципа, который лежитъ въ основѣ закона 12 іюля.

Опасенія теретиковъ, что земскіе начальники на свою судеб- ную дѣятельность будутъ смотрѣть съ точки зрѣнія администра- тивныхъ интересовъ, блестяще оправдались. Проф. Даневскій *). указывая на то, что земскіе начальники неизбежно вносятъ въ судъ произволъ и пристрастіе, говоритъ, что по личному зна- комству съ отправленіемъ правосудія многими земскими началь- никами разныхъ губерній онъ рѣшительно утверждаетъ, что могъ бы привести дѣла, въ которыхъ эти судьи—администраторы ока- зывались лицепріятными въ пользу помѣщиковъ и другихъ лицъ привилегированнаго сословія. Съ своей стороны я могу вполне подтвердить эти слова г. Даневскаго, добавивъ, что такое лице- пріятіе сплошь и рядомъ проявляется земскими начальниками еще

*) I. с., 17—18.

и въ дѣлахъ, гдѣ можетъ рѣчь идти о поддержаніи „престижа власти“. Для поддержанія этого престижа земскіе начальники выносятъ обвинительные приговоры на основаніи самыхъ призрачныхъ уликъ, стѣсняя право защиты до невѣроятной степени.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что требовать отъ земскихъ начальниковъ, т. е. отъ административныхъ чиновниковъ, подчиненныхъ губернатору, критическаго и самостоятельнаго отношенія къ административнымъ распоряженіямъ, исходящимъ отъ губернатора или имъ утверждаемымъ (дѣла по 29 ст. Уст. о нак.), это значитъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ требовать почти геройства. Прибавимъ къ этому отсутствіе юридическаго образованія и вполнѣ естественное стремленіе административнаго чиновника толковать всякое сомнѣніе въ пользу администраціи, и мы поймемъ, что за ничтожными исключеніями привлеченіе кого либо (и въ особенности лица „низшихъ сословій“) у земскаго начальника къ отвѣтственности по 29, 30, 31 и т. п. статей уст. о нак. равносильно осужденію. Превращеніе суда въ средство для административныхъ цѣлей красною нитью проходитъ черезъ всю дѣятельность судебно-административныхъ учреждений. Какъ часты, напр., обвинительные приговоры, основанные единственно на томъ, что обвиняемый лично извѣстенъ земскому начальнику, какъ „вредный человѣкъ“, отъ котораго надо избавить населеніе. Изъ массы примѣровъ, имѣющихся въ моемъ распоряженіи, укажу на осужденіе земскомъ начальникомъ 9 уч. Е. уѣзда крестьянина Х. въ тюрьму на годъ за конокрадство; приговоръ мотивированъ такъ: „обвиняемый не могъ представить никакихъ доказательствъ своей невиновности и кромѣ того вполнѣ извѣстенъ, какъ человѣкъ, безусловно испорченный и вредно вліяющій на мѣстное населеніе“.

Интересна и техническая сторона производства судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ. Это производство изобилуетъ самыми грубыми ошибками противъ элементарныхъ процессуальныхъ правилъ. Сплошь и рядомъ изъ приговора даже не видно, кто, кѣмъ и въ чемъ именно обвинялся. Приговоръ—это хаотическая груда сырого матеріала, переписаннаго изъ дознанія, которое прислано земскому начальнику „на распоряженіе“. Не имѣя никакихъ данныхъ не только для привлеченія кого—либо въ качествѣ обвиняемаго, но даже и для принятія дѣла къ производству, земскіе начальники вызываютъ всѣхъ, допрошенныхъ на

дознаніи лицъ, приче́мъ для вызова въ качествѣ обвиняемаго достаточно, чтобы кто—либо изъ вышеназванныхъ лицъ заявилъ, что подозрѣваетъ такого—то. Во время судебного слѣдствія свидѣтели нерѣдко превращаются въ обвиняемыхъ, и въ концѣ концовъ постановляется резолюція, не имѣющая ни логической, ни юридической связи съ остальною частью приговора. Отождествленіе „подозрѣнія“ съ „обвиненіемъ“, превращеніе судьи въ обвинителя, соединеніе въ одно дѣло 50-ти разныхъ дѣлъ только потому, что противъ всѣхъ обвиняемыхъ предъявлено обвиненіе по одной и той же статьѣ закона (производство дѣла и огульные обвинительные приговоры въ такихъ случаяхъ представляютъ собою типичные примѣры полевого суда), приводъ обвиняемаго безъ посылки ему установленной повѣстки, замѣна вызывныхъ повѣстокъ „приказами о явкѣ“, объявляемыми массѣ лицъ одновременно волостными урядниками, разбирательство дѣла съ допросомъ многочисленныхъ свидѣтелей при полномъ отсутствіи въ дѣлѣ обвинителя и обвиняемаго (дѣло „объ опознанной у такого-то лошади, принадлежащей такому-то“!) и тысячи подобныхъ техническихъ промаховъ представляютъ обычныя явленія у земскихъ начальниковъ. При этомъ очень характерно, что въ большинствѣ случаевъ земскіе начальники очень недружелюбно относятся ко всѣмъ „юридическимъ тонкостямъ“, сознавая нерѣдко, что эти „тонкости“ служатъ тормазами для проведенія административныхъ принциповъ.

Въ особенности бросаются въ глаза внѣшніе приемы разбирательства дѣла и форма обращенія земскихъ начальниковъ съ участвующими въ дѣлахъ лицами. Здѣсь сплошь и рядомъ дѣло доходитъ до явнаго соблазна, доступнаго пониманію наиболѣе невѣжественнаго человѣка: „тыканіе“, возведенное въ принципъ, грубое и рѣзкое обращеніе съ лицами низшихъ сословій, желаніе осязательно показать, что земскій начальникъ есть власть „сильная“ и грозная,—все это является одной изъ важнѣйшихъ причинъ, почему именно народъ нигдѣ не считаетъ земскихъ начальниковъ судьями. Поэтому, напр., въ народѣ не возбуждаютъ особеннаго негодованія случаи, когда земскій начальникъ назначаетъ засѣданіе въ 9 часовъ утра, а самъ пріѣзжаетъ изъ своего имѣнія лишь къ 7 часамъ вечера, приче́мъ наказываетъ старосту за то, что тотъ позволилъ людямъ, вызваннымъ къ разбору дѣла, разойтись по домамъ.

Судебная дѣятельность земскихъ начальниковъ подчинена контролю уѣздныхъ съѣздовъ, которые служатъ апелляціонной, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и кассационной инстанціей. Казалось бы, что этотъ контроль, порученный учрежденію, въ составъ котораго входятъ независимые отъ администраціи и обладающіе спеціальными знаніями судебные дѣятели, можетъ до нѣкоторой степени гарантировать законность, столь часто нарушаемую земскими начальниками.

На самомъ дѣлѣ оказывается, что контроль уѣздныхъ съѣздовъ и гарантіи, ими доставляемые, болѣе чѣмъ недостаточны. Прежде всего нельзя забывать, что подавляющее большинство членовъ уѣзднаго съѣзда—это тѣ же земскіе начальники, проникнутые убѣжденіемъ, что отмѣнить постановленные ими приговоры это значитъ „ронять престижъ земскаго начальника передъ населеніемъ“. Очень характернымъ является, что уѣздный членъ окружнаго суда (должность, созданная исключительно для охраны законности въ съѣздахъ), т. е. опытный судья-юристъ, назначаемый верховною властью, спеціалистъ своего дѣла, уступаетъ первенство въ засѣданіяхъ предводителю дворянства, т. е. чело-вѣку, стоящему ниже его въ отношеніи спеціальныхъ знаній, опыта, а сплошь и рядомъ—и общаго образованія. Проф. Даневскій*), указывая на ненормальность такого порядка вещей, говоритъ: „предсѣдатели тактичные и дорожащіе пользами суда, не стѣсняются проявлять скромность и воздавать каждому должное: они уступаютъ, сознавая принципиально пользу первенства уѣздныхъ членовъ, предсѣданіе этимъ послѣднимъ; другіе только изрѣдка, уступая давленіямъ и просьбамъ заинтересованныхъ, выступаютъ въ роли предсѣдателя по громкимъ и щекотливымъ дѣламъ. Но были и имѣются (и не мало къ сожалѣнію!) предводители, которые тоже *par principe* и слышать не хотятъ о предсѣданіи узурпаторовъ—уѣздныхъ членовъ“. Само собою разумѣется, что предсѣдательствующій въ съѣздахъ предводитель дворянства сплошь и рядомъ совершаетъ грубѣйшіе техническіе промахи и проявляетъ полнѣйшую беспомощность въ процессуальныхъ вопросахъ.

Не буду останавливаться на бросающемся въ глаза „смѣшеніи языковъ“, царствующемъ въ засѣданіяхъ уѣздныхъ съѣздовъ:

*) I. с., 26.

рядомъ съ начальственными окликами и „тыканіемъ“ предводителя дворянства и земскихъ начальниковъ, сторонамъ и свидѣтелямъ предлагаются вопросы и представителями судебного вѣдомства, проникнутые совершенно инымъ характеромъ и носящіе совершенно иную форму. Эта сторона засѣданій уѣздныхъ сѣздовъ при всей своей непріятности еще не такъ важна. Есть сторона болѣе важная, сторона внутренняя, и она то не только не искупаетъ внѣшніе недостатки, но напротивъ, главнымъ образомъ способствуетъ нарушенію принципа законности.

Обыкновенно судебная дѣятельность уѣздныхъ сѣздовъ бываетъ проникнута тѣми же административными принципами, какъ и дѣятельность земскихъ начальниковъ. „Поддержаніе престижа власти“, интересы дворянства и т. п. сплошь и рядомъ замѣняютъ собою тотъ принципъ, который долженъ исключительно и нераздѣльно царствовать въ судѣ,—принципъ законности. Опять таки, и здѣсь „юридическія тонкости“ лишь терпятъ, какъ необходимое зло (да и то лишь благодаря присутствію судебныхъ дѣятелей), но если только представляется малѣйшая возможность оставить эти „тонкости“ въ сторонѣ, торжествуютъ излюбленные принципы усмотрѣнія и цѣлесообразности. Лично мнѣ извѣстно не мало примѣровъ, когда рѣшенія сѣздовъ такъ рѣзко не соотвѣтствовали обстоятельствамъ дѣла, что, порождали мысль, не явились ли предводители (съ надлежащимъ составомъ земскихъ начальниковъ) съ предвзятою цѣлью—постановить заранѣе точно опредѣленное рѣшеніе.

Еще характерная особенность въ дѣятельности уѣздныхъ сѣздовъ—безпорядокъ, отсутствіе какихъ бы то ни было твердыхъ и постоянныхъ правилъ для работы, привычка все дѣлать халатно, на авось, случайность, какъ главный факторъ дѣятельности *). И все это совершенно понятно, если принять во вниманіе разншерстность состава уѣздныхъ сѣздовъ, чисто механическую связь между его членами, отсутствіе гармоніи и любви къ дѣлу.

*) Справедливость требуетъ признать, что въ этомъ отношеніи дѣло стоитъ лучше въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ нѣтъ предводителей дворянства. Назначасме бесрочно предсѣдателя уѣздныхъ сѣздовъ, какъ люди спеціально занятые своимъ дѣломъ и обладающіе по большей части извѣстной подготовкой, вносятъ въ дѣятельность сѣздовъ нѣкоторый порядокъ и опредѣленность. Но и здѣсь дѣлу очень мѣшаетъ раздвоеніе власти относительно судебного отдѣленія сѣзда между предсѣдателемъ и уѣзднымъ членомъ суда: не много есть такихъ предсѣдателей, которые сознаютъ пользу невмѣшательства своего въ судебное отдѣленіе и предоставляютъ это отдѣленіе уѣзднымъ членамъ.

Вотъ напр. составъ присутствія въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, гдѣ разрѣшаются и нѣкоторые вопросы по судебнымъ дѣламъ: предсѣдатель—предводитель дворянства; члены: уѣздный членъ окружнаго суда, городской судья, почетные мировые судьи, уѣздный исправникъ, земскіе начальники.

Надобно пробить нѣсколько лѣтъ въ положеніи судебного дѣятеля, вынужденнаго принимать участіе въ засѣданіяхъ уѣздныхъ сѣздовъ, чтобы понять всѣ тѣ нравственныя мученія, на которыя обреченъ этотъ дѣятель, чтобы понять его страстное желаніе поскорѣе оставить навсегда учрежденія, представляющія собою искаженіе великой идеи суда! Уже одно то, что мировые сѣзды состояли подѣ авторитетнымъ контролемъ Сената, дѣлало невозможнымъ халатность, случайность и произволь, господствующіе въ уѣздныхъ сѣздахъ. „Да вѣдь все равно дѣло пойдетъ въ губернское присутствіе: стоитъ ли особенно стараться, все равно ничего путнаго не выйдетъ!“—слышится вѣчно одинъ и тотъ же мотивъ изъ устъ и секретарей, и адвокатовъ, и тяжущихся, и судей, и даже, нерѣдко, земскихъ начальниковъ.

Перехожу къ едва ли не самой темной сторонѣ закона 12 іюля, къ организациі кассационнаго суда. Съ понятіемъ кассационнаго суда каждый юристъ привыкъ связывать высшія и наиболѣе солидныя гарантіи законности, даваемые верховнымъ судебнымъ учрежденіемъ, абсолютно независимымъ, обладающимъ огромнымъ авторитетомъ, знаніями и опытомъ для успѣшнаго выполненія такой тонкой, деликатной, сложной, трудной и отвѣтственной задачи, какъ кассационное разсмотрѣніе дѣла, какъ разъясненіе истиннаго смысла законовъ, разъясненіе, конечно, убѣждающее не только *ratione imperii*, но также *imperio rationis*.

Даже отдаленнѣйшаго намека на всѣ эти свойства кассационнаго суда мы не находимъ въ губернскихъ присутствіяхъ. Нѣсколько административныхъ чиновниковъ (при чисто случайномъ участіи одного судьи) подѣ предсѣдательствомъ губернатора должны разъяснять истинный смыслъ законовъ, охранять законность и давать руководящія указанія для судебной практики въ наиболѣе жизненномъ, важномъ ея проявленіи. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что губернское присутствіе представляетъ собою пародію на кассационный судъ.

Легко можно было предвидѣть послѣдствія этого искаженія идеи кассационнаго суда. Но дѣйствительность превзошла всякія

ожиданія. Оказалось, что губернскія присутствія не могут охранять законность даже въ самыхъ простѣйшихъ, элементарныхъ случаяхъ, когда для отмѣны рѣшенія апелляціоннаго суда не требуется юридическихъ знаній, когда апелляціонный судъ допустилъ недосмотръ, очевидный для каждаго, кто далъ бы себѣ трудъ только прочесть кассационную жалобу и также только прочесть статью закона, на которую слѣлана ссылка въ жалобѣ, гдѣ стало быть не нужно никакихъ толкованій, никакихъ размышленій, а нужна чисто механическая работа исправленія описки. Чтобы не заслужить упрека въ черезчуръ сильномъ сгущеніи красокъ, укажу на знаменитый случай, опубликованный въ „Правѣ“ за 1900 г. въ № 33: благодаря явной ошибочному приговору К. уѣзднаго съѣзда, жалоба на который была оставлена безъ послѣдствій губернскимъ присутствіемъ, обвиняемый просидѣлъ въ тюрьмѣ шесть мѣсяцевъ, а потомъ вслѣдствіе отмѣны опредѣленія губ. присутствія Сенатомъ и новаго разбора дѣла по существу—былъ оправданъ.

Что подобные случаи не представляютъ ничего сверхъестественнаго для губернскихъ присутствій, легко убѣдиться при ближайшемъ ознакомленіи съ ихъ дѣятельностью. Напр., въ одномъ губернскомъ присутствіи былъ заведенъ такой „порядокъ“: дѣла вовсе не докладывались въ засѣданіяхъ, а печатные бланки резолюцій объ оставленіи кассационныхъ жалобъ безъ послѣдствій подписывались членами присутствія, не знакомыми съ дѣлами даже по заголовкамъ. Отмѣнялись лишь рѣшенія по тѣмъ дѣламъ, гдѣ имѣлись въ виду частныя ходатайства вліятельныхъ лицъ, или гдѣ опять таки частнымъ образомъ было сообщено кому слѣдуетъ, что въ дѣлѣ необходимо поддержать „престижъ власти“; въ такихъ случаяхъ на обложкѣ дѣла ставился условный знакъ и тогда секретарь подкладывалъ резолюціи объ отмѣнѣ рѣшенія. Въ другомъ губернскомъ присутствіи назначалось обыкновенно по 200 дѣлъ въ одно засѣданіе, которое продолжалось часъ или два. Эти цифры уже достаточно свидѣтельствуетъ объ основательности разсмотрѣнія дѣлъ. И дѣйствительно, подавляющее количество жалобъ оставлялось безъ послѣдствій, причемъ для такихъ случаевъ отпечатанъ былъ бланкъ съ однимъ мотивомъ: „не находя кассационныхъ поводовъ“. Для случаевъ отмѣны былъ напечатанъ другой бланкъ съ мотивомъ: „въ виду того, что съѣздъ не вошелъ въ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла“.

Бываютъ примѣры иной мотивировки кассационныхъ рѣшеній, но сплошь и рядомъ эти примѣры едва ли не хуже вышеприведенныхъ формулъ. Вотъ образчики такихъ мотивовъ: „т. к. для состава мошенничества необходимы особыя приготовленія (!), наличность которыхъ съѣздомъ не установлена“; „т. к. всякое утвержденное надлежащею властью обязательное постановленіе земскаго собранія должно почитаться законнымъ, пока оно не отмѣнено Правительствующимъ Сенатомъ“. Иногда попадаются такіе мотивы, что они кажутся по ошибкѣ попавшими изъ другаго дѣла, а только по заголовку изумленный читатель убѣждается, что губернское присутствіе имѣло въ виду данное дѣло.-- Есть губернскія присутствія, гдѣ кассационныя рѣшенія излагаются очень подробно по формѣ: слушали (обстоятельства дѣла) приказали (мотивы), опредѣлили (резолүція), но эти подробныя рѣшенія большею частью свидѣтельствуютъ лишь о полной беспомощности губернскихъ присутствій обращаться съ вопросами права.

Любопытнѣе всего тѣ случаи, когда губернскимъ присутствіямъ приходится дать окончательное разрѣшеніе вопроса о законности или незаконности административныхъ распоряженій, за неисполненіе которыхъ обвиняемые привлекаются къ отвѣтственности по 29 ст. Уст. о нак. Если уже отъ земскихъ начальниковъ, какъ подчиненныхъ губернатору чиновниковъ, нельзя ожидать критическаго отношенія къ утвержденнымъ губернаторомъ постановленіямъ, то требовать, чтобы тотъ же губернаторъ, который раньше утвердилъ обязательное постановленіе, или, быть можетъ, самъ издалъ такое, теперь, какъ предсѣдатель кассационнаго суда, отнесся къ нему безпристрастно, это значить требовать невозможнаго. Практика блестяще подтверждаетъ это положеніе: сплошь и рядомъ постановленія, признанныя апелляціонной инстанціей незаконными, объявляются губернскимъ присутствіемъ законными. При этомъ случаи вызова къ себѣ земскихъ начальниковъ по поводу тѣхъ или иныхъ постановленныхъ ими приговоровъ (единолично, или въ качествѣ члена съѣзда) бываютъ очень часто, оканчиваясь соотвѣтствующими указаніями.

Если ко всему сказанному о современномъ состояніи правосудія въ Россіи мы прибавимъ, что даже въ практику Сената ино-

гда начинаютъ проникать начала, не имѣющія ничего общаго съ началомъ законности *), то мы будемъ имѣть право выставить слѣдующее положеніе: не смотря на то, что со дня опубликованія Судебныхъ Уставовъ прошло болѣе сорока лѣтъ**), не смотря на то, что за это время наука и жизнь далеко ушли впередъ и дали много цѣнныхъ указаній для дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія нашего судебного права, наиболѣе прогрессивнымъ актомъ законодателя въ настоящее время была бы отмѣна почти всѣхъ законовъ, вышедшихъ послѣ 20 ноября 1864 года и восстановление Судебныхъ Уставовъ во всей ихъ первоначальной чистотѣ.

Сознаніе безусловной необходимости улучшенія существующихъ судебныхъ порядковъ привело къ образованію комисіи Н. В. Муравьева, которой порученъ былъ полный пересмотръ Судебныхъ Уставовъ. Проектъ новыхъ судебныхъ уставовъ уже внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и Россія въ настоящій моментъ находится наканунѣ новой судебной реформы.

Къ оцѣнкѣ работъ комисіи Н. В. Муравьева въ области судоустройства мы теперь и переходимъ.

*) Ср. напр. I. Гессенъ I. с., 191—219.

**) У насъ ежегодно 20 ноября бываетъ судебный праздникъ, но уже давно празднованіе годовщины созданія Судебныхъ Уставовъ потеряло въ сущности смыслъ; великолѣпное зданіе Судебныхъ Уставовъ представляетъ изъ себя въ настоящее время руину, ожидающую своего реставратора.

Г Л А В А II.

Отъ комисіи Н. В. Муравьева общество ожидало многого: оно ожидало очищенія нашихъ судебныхъ порядковъ отъ всѣхъ несвойственныхъ духу Судебныхъ Уставовъ элементовъ, возстановленія нарушенныхъ послѣдующими новеллами принциповъ и дальнѣйшаго развитія основныхъ началъ Уставовъ соотвѣтственно указаніямъ науки и практики за истекшія десятилѣтія.

Были очень серіозныя основанія для такихъ ожиданій. Въ лицѣ предсѣдателя комисіи Н. В. Муравьева общество видѣло бывшаго университетскаго преподавателя и извѣстнаго почитателя Судебныхъ Уставовъ. Въ его работахъ мы читаемъ, напр., такое мѣсто: „Съ насъ довольно этой книги, малой по объему, великой по содержанію. Начала, въ ней проведенныя, такъ высоки и чисты, вліянія и послѣдствія ихъ такъ благодѣтельны для русской жизни, что дальше ихъ намъ незачѣмъ и некуда идти“*).

Работы комисіи начинаются заявленіемъ, что „Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, представляющіеся однимъ изъ знаменательнѣйшихъ памятниковъ славнаго царствованія Императора Александра II, кореннымъ образомъ измѣнили дѣйствовавшіе дотолѣ судебные порядки и внесли, безспорно, существеннѣйшія улучшенія въ нашъ судебный строй, возвысивъ судебную власть, обезпечивъ ей подлежащую самостоятельность и утвердивъ судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ“**).

„Общую характеристическою задачею предстоящаго усовершенствованія и улучшенія судебной части“, читаемъ дальше,

*) Изъ прошлой дѣятельности. I, 77.

*) Объяснительная записка къ проекту новой редакціи учрежденія Судебныхъ установлений. 1900. I. 1. Въ дальнѣйшемъ я буду цитировать это важное изданіе такъ: „Об. Зап.“ съ указаніемъ соотвѣствующаго тома и страницы

„должно быть, такимъ образомъ, именно улучшение ея, а отнюдь не ломка и даже не реформа“ *). Въ частности, что касается судоустройства, комиссія признаетъ, что существуетъ извѣстные непоколебимыя начала, „устой правосудія“, о которыхъ не можетъ быть принципиальнаго спора, и которыя должны лечь въ основу работъ пересмотра **).

Къ такимъ началамъ комиссія между прочимъ относитъ слѣдующія.

„п. 4) Судъ долженъ быть государственный, правительственный (?) и вмѣстѣ независимый отъ постороннихъ влiяній и давленiй, такъ чтобы судья могъ исполнять свою обязанность, ничего не опасаясь и не руководствуясь и не стѣсняясь ничѣмъ инымъ, кромѣ закона, совѣсти и фактовъ“.

„п. 8) Государство, олицетворяемое правительствомъ, должно имѣть въ судѣ своего особаго представителя или агента, въ лицѣ прокурора—блюстителя законности (?) и органа публичнаго преслѣдованiя преступленiй“ ***).

Если оставить въ сторонѣ неправильность отождествленiя понятiй „государственный“ и „правительственный“ и весьма спорное положенiе о прокурорѣ, какъ блюстителѣ законности при судѣ,—то въ вышеприведенныхъ двухъ пунктахъ принципъ независимости—суда и отъ правительства выраженъ достаточно ясно. Въ самомъ дѣлѣ, если судья долженъ исполнять свои обязанности не руководствуясь ничѣмъ, кромѣ закона, совѣсти и фактовъ, если правительство имѣетъ при судѣ своего агента въ видѣ прокурора, то очевидно, что судьи никоимъ образомъ не могутъ быть также агентами правительства, не могутъ руководствоваться указанiями правительства.

Что комиссія ясно понимаетъ коренное различiе между судьей и чиновникомъ, видно изъ слѣдующаго мѣста: „Производство предварительныхъ слѣдствiй поручается то слѣдователю облеченному правами судьи, то слѣдователю-чиновнику“ †).

*) Об. Зап. I 2.

**) *ibid.*, 3, 5.

***) *ib.* 4.

†) *ib.*, 10

„Выполненіе этой задачи“, читаемъ на стр. 57, „требуется прежде всего такой независимости судьи, которая позволяла бы ему руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ только закономъ и чувствомъ справедливости.“

Коммиссія признаетъ первостепенную важность принципа судейской несмѣняемости*) и говоритъ, что „ограждающія независимость суда и самостоятельность судей постановленія закона, помѣщенные въ раздѣлѣ о преимуществахъ судебной службы, подавали однако поводъ къ—вполнѣ впрочемъ неосновательнымъ—указаніямъ на несогласованность ихъ съ коренными основами нашего государственнаго строя.“

Яркими красками рисуя бѣдственное матеріальное положеніе массы нашихъ судебныхъ дѣятелей, коммиссія говоритъ: „Правильное отправленіе правосудія, составляющее одну изъ насущнѣйшихъ потребностей государства, возможно лишь при томъ условіи, когда личныя свойства дѣятелей, принадлежащихъ къ судебному сословію, соотвѣтствуютъ высокому ихъ призванію. Между тѣмъ для пополненія рядовъ судебного вѣдомства честными и способными дѣятелями необходимо, чтобы тяжелая и отвѣтственная ихъ служба давала имъ надлежащее обезпеченіе, соотвѣтствующее занимаемому ими общественному положенію.... Дѣло успѣшнаго отправленія правосудія и связанные съ нимъ высшіе государственные интересы требуютъ поэтому, чтобы судебныя чины въ смыслѣ матеріальнаго обезпеченія были поставлены въ такія условія, при которыхъ судебная служба привлекала бы по прежнему лучшія силы страны“ **).

Я не буду приводить дальнѣйшихъ примѣровъ, доказывающихъ, что коммиссія Н. В. Муравьева вполнѣ признавала правильность основныхъ принциповъ судоустройства, господствующихъ въ наукѣ, вполнѣ признавала и значеніе Судебныхъ Уставовъ 1864 года для правовой жизни Россіи.

Однако въ разсужденіяхъ коммиссіи иногда попадаются мѣста проникнутыя совершенно инымъ духомъ. Эти мѣста доказываютъ, что работы коммиссіи находились подъ вліяніемъ борьбы двухъ принципиально противоположныхъ порядковъ идей.

*) Стр. 283 и слѣд.

**) I. с., II, 353.

Наиболѣе характернымъ въ этомъ отношеніи мѣстомъ объяснительной записки является слѣдующее: „Призванное къ завѣдыванію дѣломъ правосудія и отвѣтственное за успѣшное его управленіе, правительство несомнѣнно должно имѣть возможность вліять надлежащимъ образомъ на составъ лицъ, которымъ ввѣряется судебная власть, и направлять ихъ дѣятельность соотвѣтственно интересамъ цѣлаго государства, представителемъ котораго оно является“ *).

Въ связи съ этимъ положеніемъ находится и слѣдующее заявленіе министра юстиціи Муравьева: „Съ другой стороны, судъ, какъ одинъ изъ органовъ правительства, долженъ быть солидаренъ съ другими его органами во всѣхъ законныхъ ихъ дѣйствіяхъ и начинаніяхъ. На семъ основаніи онъ обязанъ оберегать не только существующій законный порядокъ, но и достоинство государства и его правительственной власти всюду, гдѣ это достоинство можетъ быть затронуто въ дѣлахъ судебного вѣдомства“ **).

Къ этому необходимо добавить, что даже нынѣ дѣйствующія постановленія о порядкѣ увольненія судей считались недостаточными. „При дѣйствіи означенныхъ постановленій правительство лишено достаточно сильныхъ средствъ къ немедленному водворенію въ судѣ нарушеннаго порядка или къ избавленію судебного вѣдомства отъ недостойныхъ дѣятелей“ ***).

Итакъ, съ одной стороны коммисія согласно съ требованіями науки признаетъ, что судья долженъ быть независимъ, несмѣняемъ и исполнять свои обязанности, не руководствуясь ничѣмъ, кромѣ закона, совѣсти и фактовъ, а съ другой—считаетъ необходимымъ вооружить правительство „достаточно сильными“ средствами для того, чтобы оно имѣло возможность „вліять надлежащимъ образомъ“ на судей и „направлять ихъ дѣятельность“, т. е. другими словами сдѣлать изъ суда орудіе власти.

Очевидно, такіе два діаметрально противоположные принципа не могли быть примиримы; одинъ изъ нихъ долженъ былъ восторжествовать и указать путь для всѣхъ работъ коммисіи. Къ сожалѣнію восторжествовалъ второй принципъ и поэтому всѣ

*) Об. Зап. I, 54.

**) Истор. оч. мин. юст., 224—225.

***) Об. Зап., II, 284.

работы комиссіи въ области судоустройства оказались пораженными кореннымъ и неизлѣчимымъ порокомъ.

Комиссія Н. В. Муравьева не только не очистила наше судебное законодательство отъ чуждыхъ духу Судебныхъ Уставовъ началъ, не только не сдѣлала ничего для прогрессивнаго развитія судебныхъ порядковъ въ области судоустройства, но наоборотъ—окончательно порвала съ традиціями Судебныхъ Уставовъ и упразднила основныя принципы этого памятника.

Разсмотрѣніе важнѣйшихъ сторонъ проектируемаго судоустройства послужить доказательствомъ только что сказаннаго.

Прежде всего нельзя не отмѣтить, что комиссія не сдѣлала ничего для прогрессивнаго развитія важнѣйшаго изъ началъ, характеризующихъ судебную власть, а именно начала е д и н с т в а и и с к л ю ч и т е л ь н о с т и этой власти.

Въ этомъ отношеніи и Судебные Уставы 1864 года были далеко не безупречны: рядомъ съ общими судами они оставили съ одной стороны возможность наказаній, налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ, а съ другой—существованіе специальныхъ судовъ (напр., военные, духовные). Нынѣ, когда за нѣсколько десятковъ лѣтъ правовая жизнь Россіи пошла такъ далеко впередъ, когда такъ поднялось общественное самосознаніе и когда практика обнаружила все страшное зло административныхъ взысканій и существованія полной безнаказанности напр. военныхъ благодаря подсудности ихъ военнымъ судамъ и за общія преступленія,—комиссія, призванная къ коренному пересмотру судебного права, должна была, казалось бы, въ первую очередь заняться разсмотрѣніемъ этого животрепещущаго вопроса. Безъ единства и исключительности судебной власти, безъ строгаго и послѣдовательнаго проведенія принципа, по которому всякая стѣснительная мѣра, имѣющая характеръ наказанія, можетъ быть принята только судомъ, которому подсудны всѣ граждане безъ различія ихъ классовъ и профессій, не можетъ быть и рѣчи о твердомъ правовомъ порядкѣ. Всѣ благія пожеланія правительства, направленные на обезпеченіе законности, на поднятіе достоинства личности и т. п., не достигнуть своихъ цѣлей, пока у насъ будетъ продолжаться

порядокъ, по которому, напр., жандармскій офицеръ можетъ явиться къ гражданину ночью, арестовать и продержать его въ тюрьмѣ нѣсколько недѣль; весь составъ сотрудниковъ газеты можетъ оказаться безъ куска хлѣба вслѣдствіе прекращенія газеты администраціей; гражданинъ можетъ быть высланъ изъ предѣловъ губерніи мѣстною административною властью; офицеръ, убившій мирнаго гражданина, можетъ быть вполне увѣренъ въ безнаказанности, т. к. отлично знаетъ, что его будетъ судить не общій для всѣхъ судъ, а военный; чиновникъ, совершившій вопіющее нарушеніе правъ гражданина, можетъ спать спокойно, т. к. знаетъ что привлеченіе его къ уголовной отвѣтственности не только не зависитъ отъ желанія потерпѣвшаго, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ не зависитъ и отъ желанія прокуратуры и т. п.

Коммисія Н. В. Муравьева даже не касалась вопроса о такой легко устранимой аномалии нашего права, какъ судебная власть земскихъ начальниковъ. Въмѣсто всякихъ мотивовъ для оправданія такого сѣуженія своей задачи коммиссія говоритъ, что „въ кругъ задачъ ея не входитъ пересмотръ закона 12 іюля 1889 г., касающагося главнымъ образомъ министерства внутреннихъ дѣлъ“ *).

Такимъ образомъ коммисія, спеціально организованная для кореннаго пересмотра нашихъ судебныхъ порядковъ, находитъ, что изъятіе громадной массы населенія изъ подсудности органамъ судебной власти есть фактъ, обсуждать который она не вправе, какъ выходящій изъ сферы ея компетенціи. Нельзя не припомнить, что въ 1889 году при обсужденіи организациі чисто административныхъ органовъ, нисколько не постѣснялись вручить этимъ органомъ судебныя функціи, т. е. войти въ сферу, „касающуюся“ уже не „главнымъ образомъ“, а исключительно министерства юстиціи.

Что касается другихъ вопросовъ, связанныхъ съ принципомъ единства и исключительности судебной власти, то въ работахъ коммисіи Н. В. Муравьева нѣтъ ни малѣйшаго намека на попытки хотя бы ихъ постановки.

Но обратимся къ тому, чѣмъ занималась коммисія, и посмотримъ, что она сдѣлала для развитія самаго важнаго изъ основ-

*) Об. Зап., I. 15.

ныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ, а именно принципа независимости суда и самостоятельности судей.

Къ величайшему сожалѣнію въ этомъ отношеніи комиссія Н. В. Муравьева сдѣлала значительный шагъ назадъ даже по сравненію съ нынѣ существующими порядками. Мы видѣли, какіе успѣхи сдѣлало министерство юстиціи за послѣднее время въ дѣлѣ превращенія судей въ чиновниковъ и въ дѣлѣ обезпеченія себѣ возможности „влиять на составъ лицъ, коимъ ввѣряется судебная власть и направлять ихъ дѣятельность“.

Проектъ новаго судоустройства ставитъ судей въ еще болѣе зависимое положеніе отъ министра юстиціи, чѣмъ они находятся въ настоящее время. Не касаясь пока единоличныхъ судей, посмотримъ, какія мѣры приняты для только что указанной цѣли по отношенію къ судьямъ коллегіальныхъ судовъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе порядокъ назначенія судей. Проектъ удерживаетъ правило объ избраніи общими собраніями судебныхъ мѣстъ кандидатовъ на открывшуюся судебскую вакансію; онъ даже (ст. 273 и 275) старается внести въ дѣло избранія болѣе объективности. Но ст. 277 проекта сводитъ на нѣтъ всѣ постановленія объ избраніяхъ: эта статья гласитъ, что министръ юстиціи представляетъ Государю *и л и* указанныхъ судами кандидатовъ, *и л и* другихъ по своему усмотрѣнію. Между тѣмъ ст. 215 Учр. Суд. Уст. требуетъ, министръ представлять „*какъ* объ указанныхъ судебными мѣстами кандидатахъ, *такъ* и о другихъ и т. д.“. Различіе, какъ видимъ, весьма существенное, имѣющее результатомъ полную зависимость отъ министра юстиціи дѣла назначенія судей.

Далѣе характерна ст. 306 проекта. Она трактуетъ объ упраздненіи судебныхъ должностей и объ оставленіи судей за штатомъ. Статья постановляетъ, что за штатомъ остается тотъ изъ судей сокращаемаго состава, который изъявитъ на то свое согласіе. Если же никто такого согласія не изъявляетъ, то оставленіе за штатомъ зависитъ отъ министра юстиціи. Среди членовъ комиссіи нашлось только трое (В. А. Желеховскій, А. Ф. Кони и Н. Н. Мясоѣдовъ), которые не согласились съ проектируемымъ постановленіемъ и предлагали, чтобы за штатомъ оставался бы *м л а д ш і й* членъ сокращаемаго судебного мѣста *). Дѣйствитель-

*) Об. Зап., II, 313—315.

но такой порядокъ больше гарантировалъ бы судей отъ произвола и вносилъ бы въ дѣло объективность. Нельзя не замѣтить, что принципу независимости судьи не соответствуетъ правило ст. 334 проекта, по которому оставленный за штатомъ судья получаетъ „жалованье“ (т. е. часть содержанія) только въ теченіи двухъ лѣтъ. Если въ виду недостаточности средствъ нашего государственнаго казначейства у насъ представляется затруднительнымъ предоставленіе оставленнымъ за штатомъ судьямъ права получать пожизненно полное содержаніе, то слѣдовало бы по крайней мѣрѣ значительно увеличить сроки, опредѣливъ ихъ напр. въ десять лѣтъ, причемъ судья долженъ получать не только „жалованіе“, а все содержаніе, какое онъ получалъ по службѣ.

Слѣдующимъ постановленіемъ, направленнымъ на усиленіе власти министра юстиціи, является ст. 312 проекта. Эта статья предоставляетъ сенату право дѣлать предостереженія или замѣчанія цѣлому составу суда, а также отдѣльнымъ членамъ и единоличнымъ судьямъ, причемъ обязываетъ сенатъ сообщать копіи такихъ опредѣленій съ указаніемъ судей, коихъ они касаются, министру юстиціи.

Но наиболѣе важными постановленіями, направленными на ослабленіе самостоятельности судей и на усиленіе власти министра юстиціи, являются ст. 300, 302, 303 и 305 проекта.

Сравнительно съ нынѣ дѣйствующими постановленіями эти статьи вносятъ слѣдующія измѣненія. Право увольненія судей въ дисциплинарномъ порядкѣ (конечно, оставлены въ полной силѣ постановленія о внѣслужебныхъ поступкахъ судьи, „несовмѣстныхъ съ достоинствомъ судейскаго званія“) проектируется передать соединенному присутствію перваго и „судебныхъ“ департаментовъ сената. Чтобы видѣть, на сколько этимъ уменьшаются гарантіи независимости судей, надо имѣть въ виду, что соединенное присутствіе перваго и судебныхъ департаментовъ состоитъ изъ семи сенаторовъ (ст. 60 проекта), между тѣмъ, какъ высшее дисциплинарное присутствіе, которому въ настоящее время принадлежитъ право увольненія судей, заключаетъ въ себѣ кромѣ этихъ семи сенаторовъ еще шесть, а именно: обоихъ первоприсутствующихъ кассационныхъ департаментовъ и четырехъ сенаторовъ тѣхъ-же департаментовъ (ст. 119⁴ Учр. Суд. Уст.). Несомнѣнно, что такой составъ гораздо болѣе обезпечиваетъ без-

пристрастіе и объективность, и гораздо менѣе подверженъ вліяніямъ разнаго рода, чѣмъ составъ соединеннаго присутствія.

Но этимъ еще не ограничивается проектъ въ дѣлѣ уменьшенія гарантій независимости судей: постановленія соединеннаго присутствія повергаются черезъ министра юстиціи на благовоззрѣніе Императорскаго Величества (ст. 305 проекта). Казалось бы, что такой порядокъ представляетъ собою шагъ впередъ сравнительнаго съ дѣйствующимъ правомъ, увеличивая гарантіи независимости судей. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается какъ разъ наоборотъ. Дѣло въ томъ, что на благовоззрѣніе Государя проектируется представлять не только постановленія, состоявшіяся противъ судьи (что было бы совершенно логично), но всѣ вообще постановленія. Такимъ образомъ сенатъ можетъ оправдать судью и тѣмъ не менѣе въ окончательномъ результатѣ этотъ судья будетъ уволенъ, т. к. министръ юстиціи при докладѣ Государю, отъ котораго при проектируемомъ порядкѣ будетъ зависѣть исходъ дѣла, имѣетъ полную возможность представить объясненія въ желательномъ для него смыслѣ.

Нынѣшній порядокъ, не смотря на то, что имъ въ корнѣ подрывается принципъ несмѣняемости, все таки несравненно лучше проектируемаго и гораздо больше обезпечиваетъ судью отъ произвольнаго увольненія: и составъ присутствія сената внушаетъ больше довѣрія, чѣмъ проектируемый, и министръ не имѣетъ права испрашивать Высочайшее повелѣніе объ увольненіи судьи. Правда, коммиссія на этотъ счетъ держится противоположнаго мнѣнія. Вотъ что говоритъ она по поводу ст. 243 Учр. Суд. Уст. „Само собою разумѣется, что приведенное постановленіе ст. 243 Учр. Суд. Уст. ни въ чемъ не касается непосредственнаго проявленія Самодержавной воли. По самой сущности Самодержавнаго правленія въ Россійской Имперіи (ст. 1 и слѣд. Зак. Осн.) Монархъ Всероссійскій ограничивается только Собственною волею. Въ Законахъ Основныхъ изображены тѣ коренныя начала государственнаго управленія, которыя признала за благо установить сама Верховная власть; засимъ всѣ постановленія ограничительнаго характера, содержащіяся въ другихъ частяхъ свода законовъ, имѣютъ въ виду исключительно органы правительства подчиненнаго“ *).

*) Об. Зап. II, 285.

Въ приведенной цитатѣ не смотря на всю ея императивность и догматизмъ заключается одна изъ грубѣйшихъ ошибокъ, для юриста непростительныхъ: самодержавной образъ правленія смѣшивается съ чистѣйшимъ деспотизмомъ, не знающимъ никакихъ сдержекъ, не подчиненнымъ никакимъ правиламъ, руководящимся единственно капризомъ деспота. Утверждается вопреки элементарномъ положеніямъ общей теоріи права, что право не связываетъ верховную власть, что то, что является правомъ для подданныхъ, не есть вмѣстѣ съ тѣмъ право и для власти, что эта власть можетъ въ каждую данную минуту нарушить изданные ею законы. Въ частности комиссія Н. В. Муравьева забываетъ ст. 47, 1 п. 66, 73 и 77 Осн. Зак. Конечно, самодержавный монархъ ограничивается только собственною волею; конечно, онъ вправѣ завтра *отменить* всякій изданный имъ законъ. Но пока такой отмены не послѣдовало, самодержавный монархъ ограниченъ изданнымъ закономъ и такъ же не имѣетъ права *нарушать* его, какъ и каждый изъ подданныхъ. Изъ того, что это положеніе не имѣетъ никакой „санкціи“, вовсе не слѣдуетъ, что оно лишено правового характера. Вопреки мнѣнію комиссіи необходимо признать, что по дѣйствующему праву Государь можетъ уволить судью не иначе, какъ путемъ изданія сепаратнаго закона за собственноручною подписью и что постановленіе ст. 243 Учр. Суд. Уст. имѣетъ въ виду не только органы правительства подчиненнаго, но и Государя Императора. Проектируемый же комиссіей порядокъ дѣлаетъ возможнымъ увольненіе судей на основаніи обыкновеннаго доклада министра юстиціи и безъ тѣхъ гарантій, которыя даются изданіемъ сепаратнаго закона

Весьма характернымъ представляется помѣщеніе ст. 299 проекта, соответствующей ст. 243 Учр. Суд. Уст., не въ раздѣлѣ и преимуществахъ лицъ судебного вѣдомства, а въ раздѣлѣ „объ увольненіи отъ службы и перемѣщеніи“. Напрасно комиссія утверждаетъ, что „ст. 243 Учр. Суд. Уст. не устанавливаетъ какого либо особаго, привилегированнаго положенія въ государствѣ для лицъ судейскаго званія“ *): эта статья выражаетъ собою принципъ несмѣняемости судей, а т. к. принципъ несмѣняемости конструируется наукой какъ право судей, то и соответствующ-

*) Об. Зап. II, 288.

щій законъ (ст. 243) вполне правильно помѣщенъ въ раздѣлѣ о правахъ и преимуществахъ лицъ судебного вѣдомства. Перенесеніе этого закона въ раздѣлѣ объ увольненіи отъ службы свидѣтельствуемъ о совершенно своеобразномъ пониманіи принципа несмѣняемости: при такомъ пониманіи отъ принципа остается лишь пустой звукъ. Въ этомъ мы еще больше убѣдимся при разсмотрѣніи вопроса объ участковыхъ судьяхъ.

Прежде чѣмъ перейти къ этому важному вопросу, отмѣчу еще нѣсколько штриховъ, которыми комиссія отбѣняетъ проводимый ею основной принципъ, столь несвойственный судейскому званію. Ст. 311 проекта подчеркиваетъ сходство судей съ чиновниками, постановляя (вопреки дѣйствующему праву), что судьи производятся въ чины „общеустановленнымъ порядкомъ“. Ст. 317 подробно трактуемъ о „старшинствѣ между лицами, занимающими одинаковыя должности въ судебныхъ мѣстахъ“. Ст. 339 тщательно выдѣляетъ предсѣдателей изъ числа лицъ, подлежащихъ надзору общихъ собраній судебныхъ мѣстъ. Наконецъ, ст. 27 и 52 въ отмѣну дѣйствующихъ постановленій бюрократизируютъ учрежденія, коимъ ввѣряется дисциплинарный надзоръ: вмѣсто общихъ собраній окружныхъ судовъ и палатъ проектъ передаетъ функціи надзора „дисциплинарнымъ присутствіямъ“, состоящимъ изъ предсѣдателей и товарищей предсѣдателя. Комиссія слѣдующемъ образомъ мотивируетъ проектируемое нововведеніе. „Что касается засимъ порядка разсмотрѣнія дѣлъ по надзору въ судебныхъ палатахъ и окружныхъ судахъ, то въ семъ отношеніи комиссія остановилась на томъ, что въ столь обширной коллегіи, каковою является общее собраніе окружнаго суда или судебной палаты, всегда ослабляется вниманіе отдѣльныхъ ея членовъ и въ значительной степени утрачивается чувство отвѣтственности за принимаемое коллегіей постановленіе. Независимо отъ того неизбежная измѣнчивость самаго состава засѣданій общаго собранія обуславливаетъ собою, какъ о томъ свидѣтельствуемъ практика, шаткость воззрѣній и прешествуетъ установленію прочныхъ традицій, а потому не можетъ не отражаться самымъ невыгоднымъ образомъ на общихъ результатахъ надзирающей дѣятельности судебного мѣста“ *).

*) Об. Зап. II, 339.

Произвольность утвержденій объ ослабленіи вниманія, объ утратѣ чувства отвѣтственности и препятствіи установленію традицій на столько очевидна, что не нуждается въ опроверженіяхъ. Если принять теорію „утраты чувства отвѣтственности, ослабленія вниманія и т. д.“, то западно-европейскіе парламенты, котормъ Европа такъ много обязана, должны быть вопреки свидѣтельству исторіи признаны учрежденіями ненормальными, способными произвести только вредные результаты; то же самое можно сказать о нашихъ земскихъ собраніяхъ. Противъ аргументовъ комиссіи нельзя привести болѣе глубокихъ соображеній, чѣмъ слѣдующія замѣчанія шести членовъ комиссіи, несогласившихся съ большинствомъ (В. А. Желеховскій, В. Р. Завадскій, А. Ф. Кони, кн. Н. А. Ливенъ, М. Ф. Люце и Н. Н. Мясоѣдовъ): „съ одной стороны, обсужденіе усмотрѣнныхъ неправильностей и упущеній въ полномъ составѣ судебной коллегіи наиболѣе обезпечиваетъ объективность и безпристрастіе въ разрѣшеніи этого рода дѣлъ и содѣйствуетъ установленію правильныхъ традицій, а съ другой—только постановленія всего состава суда или палаты могутъ представляться для подвѣдомственныхъ имъ органовъ вполнѣ авторитетными въ нравственномъ отношеніи“ *).

Если принять во вниманіе всѣ невзгоды проектируемой замѣны: отсутствіе авторитета у „начальствующей“ коллегіи, возможность административныхъ вліяній на ея постановленія, несоотвѣтствіе такого порядка принципу судебной автономіи, крайнее умаленіе гарантій основательности и безпристрастности разсмотрѣнія дѣлъ, умаленіе гарантій назависимости судей, дѣйствія коихъ будутъ разсматриваться въ небольшой коллегіи лицъ, неизбѣжно проникнутыхъ извѣстными административными тенденціями,—то проектируемое нововведеніе нельзя не признать однимъ изъ наиболѣе неудачныхъ и идущихъ въ разрѣзъ съ основными началами Судебныхъ Уставовъ.

Переходимъ къ чрезвычайно важному вопросу, а именно къ организаціи т. наз. мѣстной юстиціи по проекту комиссіи Н. В. Муравьева.

*) *ib.*, 341.

Если мы припомнимъ теоретическія основы, относящіяся къ организаціи единоличнаго суда и изложенныя во второй части настоящей книги, то мы должны будемъ признать, что изъ всѣхъ европейскихъ законодательствъ къ англійскому типу единоличнаго суда наиболѣе приблизились Судебные Уставы въ своемъ институтѣ выборныхъ мировыхъ судей.

Для того, чтобы по достоинству оцѣнить этотъ замѣчательный институтъ и понять идею, лежавшую въ его основѣ, необходимо припомнить положеніе низшей юстиціи въ дореформенное время и главнаго представителя этой юстиціи—уѣзднаго судью, низко поставленнаго чиновника, зависящаго отъ губернатора, не пользующагося никакимъ авторитетомъ, получающаго содержанія 525 р. въ годъ*). И вотъ на смѣну этому „судьѣ“ является мировой судья Судебныхъ Уставовъ: особа V класса (т. е. вмѣсто прежняго приниженаго положенія судья поставленъ въ одномъ классѣ съ представителями высшей губернской администраціи), несмѣняемый, не только безусловно независимый отъ администраціи, но имѣющій право подвергать чиновъ полиціи дисциплинарному взысканію—предостереженіямъ, совершенно самостоятельный, обезпеченный содержаніемъ, которое законодатель не побоялся увеличить почти въ четыре раза сравнительно съ содержаніемъ прежняго уѣзднаго судьи. Всѣ находящіяся въ рукахъ его средства законодатель употребилъ для того, чтобы сдѣлать мирового судью достойнымъ служителемъ правосудія. Кромѣ только что указанной, рѣзкой до дерзости (по тому времени) перемѣны во внѣшнемъ положеніи, законодатель проникнуть заботами о соотвѣтствіи внутреннихъ условій внѣшнимъ: отъ кандидатовъ на должность мирового судьи требуется высшее образованіе, и лишь за недостаткомъ таковаго—среднее, или опредѣленное число лѣтъ службы (необходимо не забывать состояніе нашей науки права въ то время и количества юристовъ). Мировые судьи должны быть избираемы всѣми сословіями изъ мѣстныхъ значительныхъ землевладѣльцевъ. Противъ принципа избранія можно многое сказать, но во всякомъ случѣ несомнѣнно, что если разсматривать этотъ принципъ въ связи съ исторической эпохой, то каждый противникъ его долженъ признать, что трудно было придумать

*) См. замѣчанія о развитіи основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи. 1863 г. VI, 147—149.

болѣе благодѣтельное средство для возвышенія значенія мѣстной юстиціи, поднятія ея авторитета въ глазахъ народа и обезпеченія доступа въ ряды ея наиболѣе достойнымъ людямъ. Чрезвычайно важной мѣрой для обезпеченія авторитета и независимости мировой юстиціи было обособленіе ея отъ общей юстиціи: только въ контролѣ сената выражалось единство мирового суда съ судомъ вообще.

И мировые судьи вполнѣ оправдали надежды законодателя, который за этотъ институтъ заслуживаетъ самой свѣтлой памяти въ исторіи русскаго права. Даже комиссія Н. В. Муравьева, намѣтившая къ окончательному упраздненію сохранившіеся обломки симпатичнаго института, признаетъ заслуги его „въ дѣлѣ водворенія въ народѣ началъ права и законности“, а также отмѣчаетъ, что „дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій въ означенныхъ мѣстностяхъ (т. е. тамъ, гдѣ они сохранились) представляется въ общемъ вполнѣ успѣшною“ *).

Съ теченіемъ времени обнаружились темныя стороны въ организациі разсматриваемаго института. Прежде всего жизнь показала всю справедливость требованія науки, касающагося специально научной подготовки судей. Большое количество мировыхъ судей, въ особенности въ провинціи, благодаря отсутствію научно-юридической подготовки оказалось далеко не на высотѣ своего призванія: одного знанія мѣстныхъ условій, одного добраго желанія творить судъ по совѣсти оказалось далеко недостаточнымъ въ особенности въ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ. Далѣе, въ значительной степени подтвердились опасенія теоретиковъ о зависимости мировыхъ судей отъ избирателей. Цѣлый рядъ случаевъ неизбранія вполнѣ достойныхъ судей лишь благодаря вліянію недовольной партіи, случаевъ заискиванія судей передъ жожаками партій, и т. п. доказалъ, что принципъ независимости судьи плохо мирится съ избраніемъ на короткіе сроки. Въ связи съ этимъ находится замѣченное многими пониженіе нравственнаго уровня среди мировыхъ судей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности за послѣдніе годы существованія института, когда почти никто не хотѣлъ баллотироваться.

*) Об. Зап. II, 266.

Слѣдующимъ крупнымъ недостаткомъ явилась организація канцеляріи. Помимо естественнаго страха передъ всѣмъ, что напоминало прежній порядокъ съ его всеиліемъ канцеляріи, законодатель предполагалъ, что судопроизводство у мировыхъ судей будетъ въ высшей степени несложнымъ, простымъ, не требующимъ письменности. Поэтому онъ не считалъ нужнымъ учредить должность секретаря при мировыхъ судьяхъ, находя, что для предполагаемой совершенно незначительной письменной работы достаточно вольнонаемныхъ писцовъ. Оказалось, что предположенія законодателя не оправдались, что канцеляріи мировыхъ судей сдѣлались очень важными учрежденіями, обремененными массой сложной и отвѣтственной работы, что работа эта выполнялась канцеляріей совершенно самостоятельно, т. к. въ огромномъ большинствѣ случаевъ судьи не имѣли никакой возможности не только принимать участіе въ канцелярскихъ занятіяхъ, но даже контролировать ихъ. Дѣлались иногда попытки заставить судей быть въ тоже время и своими секретарями, т. е. заставить ихъ болѣе активно относиться къ канцелярской работѣ, но всѣ циркуляры, всѣ „разъясненія“ и т. п. оставались лишь на бумагѣ: жизнь брала свое и неумолимо требовала учрежденія при мировыхъ судьяхъ штатной должности секретаря. Къ обнаруженнымъ недостаткамъ мирового института нѣкоторые относятъ самое обособленіе его отъ общихъ судебныхъ мѣстъ. Утверждаютъ, что такое обособленіе 1) несоотвѣтствуетъ началу единства юстиціи, создавая два параллельныхъ порядка въ одномъ и томъ же судебномъ вѣдомствѣ и 2) недостаточно обезпечиваетъ правильный и дѣйствительный надзоръ за дѣятельностью мировыхъ судей, т. к. мировой сѣздъ, т. е. учрежденіе, составленное изъ тѣхъ же судей, неизбѣжно долженъ проявлять слабость надзора.

По поводу послѣдняго рода недостатковъ слѣдуетъ признать, что нападенія противниковъ мирового института построены на весьма шаткихъ основаніяхъ: обособленіе мировой юстиціи способствуетъ возвышенію авторитета и независимости мировыхъ судей, а идея единства юстиціи вполне обезпечивается сосредоточеніемъ въ сенатѣ дисциплинарнаго и кассационнаго надзора за всѣми судами. Что касается недостатковъ мирового сѣзда въ качествѣ надзирающей инстанціи, то недостатки эти сильно преувеличены. Едва ли основательно утверждать, что мировые судьи склонны покрывать недостатки своихъ товарищей:

практика знаетъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ противное, доказывающихъ, что мировые съѣзды въ огромномъ большинствѣ случаевъ зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы общій уровень мировой юстиціи находился на надлежащей высотѣ *). То обстоятельство, что апелляціонная инстанція организована на съѣздовомъ началѣ, имѣетъ громадную цѣнность: этимъ создается надежная гарантія противъ превращенія апелляціонной инстанціи въ „начальствующее“ учрежденіе, проникнутое чиновническими тенденціями; этимъ поднимается престижъ мировыхъ судей; этимъ, наконецъ, обеспечивается наличность у апелляціонной инстанціи всѣхъ знаній, необходимыхъ для основательнаго разрѣшенія дѣлъ мировой юстиціи, обеспечивается и столь необходимое единство практики.

Недостаткомъ въ организаціи мирового съѣзда является то обстоятельство, что въ составѣ его нѣтъ ни одного члена, который былъ бы занятъ исключительно дѣлами съѣзда: и предсѣдатель, и непремѣнный членъ—это тѣже участковые мировые судьи, для которыхъ участіе въ съѣздѣ является дѣломъ второстепеннымъ. Такой порядокъ отражается неблагоприятнымъ образомъ и на дѣлопроизводствѣ съѣзда, и на надзорѣ за канцеляріей **). Необходимо, чтобы предсѣдатель и непремѣнный членъ избирались бы на опредѣленные сроки самими мировыми судьями и освобождались бы на это время отъ обязанностей участковыхъ мировыхъ судей.

По поводу остальныхъ недостатковъ мирового института нельзя не замѣтить, что недостатки эти легко устранимы. Необходимо обусловить полученіе должности мирового судьи наличностью высшаго юридическаго образованія и опредѣленнаго стажа. Необходимо учредить при мировыхъ судьяхъ должности штатныхъ секретарей. Что касается выборной системы, то прежде всего возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли эта система такъ неразрывно связана съ принципомъ *срочности* выборовъ? Почему не предположить, что избиратели, зная, что отъ ихъ выбора зависитъ безсрочное назначеніе въ ихъ округъ судьи, которому

*) Нельзя забывать, что правительство имѣетъ при мировыхъ съѣздахъ своихъ агентовъ въ лицѣ прокурорскаго надзора.

**) На это обстоятельство указано было еще въ ревізій Петерб. Мир. Съѣзда, произведенной Ланге за три года,—1866, 1867 и 1868. См. „Отчетъ о ревізій съѣзда и мировыхъ судей С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда. Стр. 133—134.

будеть ввѣрена охрана столь важныхъ правъ и интересовъ,—не отнесутся къ дѣлу избранія съ гораздо большимъ вниманіемъ и объективностью, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда они знаютъ, что черезъ три года они могутъ забаллотировать неугоднаго имъ судью? Думается мнѣ, что принципъ избранія вовсе не находится въ такой зависимости отъ принципа срочности, какъ это утверждаетъ господствующее мнѣніе, и что поэтому въ виду чрезвычайной трудности для правительства найти столь большое количество лицъ для столь отвѣтственныхъ должностей, участіе общества въ выборѣ судей было бы весьма полезнымъ. Само собою разумѣется, что ни о какомъ имущественномъ, а тѣмъ болѣе о сословномъ цензѣ не можетъ быть и рѣчи: мѣстное общество должно имѣть право выбрать любое извѣстное ему лицо при условіи обладаніи этимъ лицомъ спеціальной подготовкой. Безсрочность выборовъ совершенно уничтожитъ зависимость судей отъ избирателей.

Вмѣсто того, чтобы произвести въ организациі мирового института указанныя улучшенія, наше законодательство упразднило этотъ институтъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ) и замѣнило его слѣдующими четырьмя типами единоличныхъ судей *): уѣздный членъ окружнаго суда, мировой судья по назначенію отъ правительства двухъ (и даже трехъ, если принять во вниманіе Кавказъ) типовъ, и городской судья.

Ни одинъ изъ этихъ типовъ не можетъ удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляетъ наука къ единоличному суду. Наибольшими гарантіями независимости и авторитетности обладаетъ уѣздный членъ окружнаго суда (назначеніе верховной властью, приличное содержаніе, относительная независимость), но должность эта представляется совершенно искусственной, съ весьма ограниченной компетенціей, (уголовная подсудность выражается лишь въ *нѣсколькихъ* статьяхъ уголовного кодекса) и въ качествѣ единоличнаго суда, какъ таковаго, имѣющей мало значенія. Центръ тяжести обязанностей уѣзднаго члена суда—работа въ уѣздномъ сѣздѣ.

*) И разумѣю лишь судей, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, т. е. земскихъ начальниковъ судьями никто не считаетъ.

Мировой судья по назначенію отъ правительства перваго типа (Царство Польское, Юго-Западные губерніи, Прибалтійскій край) напоминаетъ мирового судью Судебныхъ Уставовъ лишь тѣмъ, что состоитъ въ V классѣ по должности и подчиненъ апелляціонной инстанціи, образованной на сѣздскомъ началѣ. Въ отличіе отъ мировыхъ судей Судебныхъ Уставовъ эти мировые судьи назначаются и увольняются министромъ юстиціи и подчинены надзору судебныхъ палатъ. Условія назначенія и увольненія превращаютъ этихъ судей въ чиновниковъ министерства юстиціи, а для иллюстраціи „независимости“ ихъ достаточно сказать, что практика знаетъ примѣры увольненія судей даже безъ истребованія отъ нихъ объясненія, знаетъ примѣры вызова къ себѣ судьи изъ другаго города старшимъ предсѣдателемъ для личныхъ объясненій, причемъ во время объясненій старшій предсѣдатель позволилъ себѣ говорить съ судьей рѣзко и доходилъ до того, что требовалъ объясненій по поводу признанія судьей допустимости необходимой обороны противъ должностныхъ лицъ.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ мировыми судьями по назначенію втораго типа (Сибирь, Сѣверный край). Это—такіе же министерскіе чиновники, какъ и предыдущіе судьи, но 1) состоятъ въ VI классѣ, 2) подчинены окружнымъ судамъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи и 3) совмѣщаютъ судейскія и слѣдствительскія функціи. Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ даже тѣхъ слабыхъ гарантій авторитета и независимости, которыя существуютъ для мировыхъ судей предыдущаго типа (классъ должности, апелляціонная инстанція). Окружные суды, которымъ ближайшимъ образомъ подчинены разсматриваемые судьи, сплошь и рядомъ превращаютъ ихъ въ своихъ исполнительныхъ чиновниковъ, а слѣдственныя функціи ставятъ мировыхъ судей въ фактическую зависимость даже отъ прокуратуры. Насколько соединеніе судебныхъ и слѣдственныхъ функцій оказалось непригоднымъ, доказываетъ сама жизнь: въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ Сибири существуютъ мировые судьи, которымъ поручены и с л ю ч и т е л ь н о судебныя функціи.

Наконецъ городскіе судьи, замѣнившіе прежнихъ мировыхъ судей во всѣхъ городахъ тѣхъ многочисленныхъ губерній, гдѣ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, суть низко поставленные (VI классъ) чиновники министерства юстиціи, оригиналь-

ность положенія коихъ заключается въ томъ, что въ порядкѣ надзора они подчинены окружному суду, а въ инстанціонномъ порядкѣ—уѣздному съѣзду и губернскому присутствію, т. е. административнымъ учрежденіямъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

За исключеніемъ (до нѣкоторой степени) мировыхъ судей Царства Польскаго и Прибалтійскаго края и уѣздныхъ членовъ суда всѣ остальные судьи получаютъ крайне недостаточное содержаніе, что самымъ невыгоднымъ образомъ отражается на ихъ дѣятельности.

На смѣну всѣхъ разнообразныхъ существующихъ типовъ еди-ноличнаго судьи комиссія Н. В. Муравьева проектируетъ новый типъ судьи—участковаго судью.

Компетенція участковыхъ судей громадна. Въ гражданскомъ процессѣ имъ подсудны дѣла до 1000 руб., въ томъ числѣ и дѣла о недвижимости. Въ уголовномъ процессѣ къ участковымъ судьямъ переходитъ значительная часть дѣлъ, подсудныхъ нынѣ окружнымъ судамъ. Кромѣ того участковые судьи суть вмѣстѣ съ тѣмъ и судебные слѣдователи.

Остановимся немного на послѣднемъ обстоятельствѣ и посмотримъ, чѣмъ доказываетъ комиссія необходимость столь неестественнаго совмѣщенія функцій, не смотря ни на прочно установленную въ наукѣ *communis opinio*, ни на отрицательные результаты опытовъ съ мировыми судьями Сибири *).

Разсматривая недостатки нынѣ существующихъ порядковъ по слѣдственной части, комиссія сводитъ причины зла, поскольку онѣ зависятъ отъ организаціонныхъ правилъ,—къ тремъ главнымъ: 1) недостаточная подготовленность и опытность лицъ, которымъ поручаются слѣдственныя функціи; 2) чрезмѣрная об-

*) Предсѣдатель комиссіи Н. В. Муравьевъ въ 1886 году писалъ слѣдующее: „Вѣковой опытъ цивилизованнаго міра научилъ судебного законодателя, что въ одно и то же время или одному и тому же лицу невозможно правильно и успѣшно вести судебное дѣлопроизводство, производить слѣдствіе, поддерживать преслѣдованіе, постановлять приговоры или рѣшенія. Для всякой изъ этихъ отраслей нужны особые органы, отсюда пріуроченныя къ нимъ отдѣльныя судебныя должности, учрежденіемъ которыхъ устраняется вредное для правосудія смѣшеніе судебныхъ функцій“. „О судебной службѣ“. Юр. Вѣстн. 1886, X. стр. 241.

ширность слѣдственныхъ участковъ и 3) излишняя обремененность слѣдователей работой *).

По мнѣнію комиссіи улучшить положеніе дѣла возможно двумя путями: 1) или увеличеніемъ числа судебныхъ слѣдователей, 2) или соединеніемъ въ одномъ лицѣ должности судьи и должности слѣдователя **).

Первый, казалось бы, самый рациональный путь, комиссія отвергаетъ по двумъ соображеніямъ: 1) увеличеніе числа судебныхъ слѣдователей повлечетъ за собою увеличеніе расходовъ казны и 2) увеличеніе числа слѣдователей повлекло бы за собою уменьшеніе слѣдственныхъ участковъ, а значитъ и уменьшеніе количества дѣлъ, приходящихся на cadaго слѣдователя. Второй аргументъ поражаетъ читателя своею несостоятельностью. На предыдущей страницѣ комиссія находила, что главными причинами зла служатъ обширность слѣдственныхъ участковъ и обремененіе слѣдователей дѣлами, а когда возникаетъ вопросъ: не представляется ли поэтому необходимымъ увеличить число слѣдователей? комиссія отвѣчаетъ: нѣтъ, потому что такая мѣра повлекла бы за собою уменьшеніе количества дѣлъ для cadaго слѣдователя.

Такимъ образомъ остается аргументъ чисто-финансоваго свойства, аргументъ непринципiальный, которымъ нельзя оправдать столь серіознаго нарушенія одного изъ основныхъ началъ Судебныхъ Уставовъ 1864 года, а именно—невозможности совмѣщенія въ одномъ и томъ же лицѣ двухъ судебныхъ должностей, невозможности, стоящей по словамъ составителей Судебныхъ Уставовъ, какъ мы видѣли выше,—„внѣ какого либо сомнѣнія“.

Кромѣ только что указаннаго нарушенія одного изъ основныхъ принципoвъ Судебныхъ Уставовъ комиссія Н. В. Муравьева рѣшила упразднить институтъ судебныхъ слѣдователей, которому такъ много обявано правосудіе въ Россіи, институтъ, существующій болѣе сорока лѣтъ и не смотря на всѣ свои недостатки пользующійся уваженіемъ населенія. Конечно, наше предварительное слѣдствіе давало и даетъ слишкомъ много основательныхъ поводовъ для нареканій. Это—одно изъ больныхъ мѣстъ нашего уголовнаго процесса, и жизнь настоятельно требуетъ реформъ въ указанной области.

*) Об. Зап. II, 21 и слѣд

*) Ibid.

Но Коммиссія привела далеко не всѣ причины существующаго зла. Среди организационныхъ причинъ наиболѣе важными представляются тѣ, о которыхъ коммиссія вовсе не говоритъ, а именно: 1) замѣна судебныхъ слѣдователей, созданныхъ Судебными Уставами, чиновниками министерства юстиціи, лишенными всякой самостоятельности; 2) слишкомъ широкія права прокуратуры въ области предварительнаго слѣдствія и 3) отсутствіе гарантій исполненія всѣми (и въ особенности полиціей) законныхъ требованій судебного слѣдователя. Каждому судебному практику извѣстно, что очень многіе изъ нашихъ „и. д. судебныхъ слѣдователей“ превратились въ чиновниковъ, фактически подчиненныхъ прокуратурѣ, стремящихся къ повышенію и надѣющихся достигнуть его „обвинительнымъ“ характеромъ своей дѣятельности. Практика знаетъ случаи взятія слѣдователями обвиняемыхъ подъ стражу единственно потому, что слѣдователь не находилъ въ себѣ достаточно гражданскаго мужества не согласиться съ предложеніемъ прокурора о взятіи подъ стражу.

Условія русской жизни таковы, что долго еще будутъ дѣлать необходимымъ предварительное слѣдствіе на началахъ, созданныхъ Судебными Уставами. О публичности и состязательности предварительнаго слѣдствія, сколь бы симпатичными не представлялись эти начала въ теоріи, намъ долго еще нечего и думать: эти начала могутъ быть проведены только при англійскомъ типѣ предварительнаго слѣдствія, гдѣ судья играетъ чисто-судейскую роль и не принимаетъ участія въ собираніи доказательствъ; для континентальнаго слѣдователя, дѣйствующаго по личной инициативѣ, обязаннаго создавать основной матеріалъ для дѣла, публичность и состязательность были бы началами, парализующими всю его дѣятельность. Тѣмъ болѣе необходимымъ представляется создать надлежащія гарантіи безпристрастія въ лицѣ слѣдователя, поставить его въ такія условія, при которомъ онъ могъ бы работать „не за страхъ, а за совѣсть“, при которыхъ дѣятельность его была бы свободна отъ всѣхъ тормазовъ. Конечно, уменьшеніе участковъ самымъ благодѣтельнымъ образомъ можетъ отразиться на качествѣ работы нашихъ судебныхъ слѣдователей, сплошь и рядомъ несущихъ поистинѣ каторжный трудъ при самой невозможной обстановкѣ *).

*) Ср. напр Я Городыскій. „Обстановка дѣятельности судебныхъ слѣдователей“ (Жур. Гр. и Уг. права 1884 г.), а также П. Обнинскій. „Законъ и бытъ“.

Но прежде всего необходимо сдѣлать судебного слѣдователя совершенно независимымъ между прочимъ и отъ прокуратуры, необходимо обезпечить самое точное и немедленное исполненіе его законныхъ требованій всѣми мѣстами и лицами, необходимо создать для слѣдователя такую обстановку, при которой онъ не стремился бы какъ можно скорѣе оставить должность. Если прибавить ко всему сказанному нѣкоторыя процессуальныя измѣненія, направленные между прочимъ на большее обезпеченіе правъ и интересовъ обвиняемаго, на сокращеніе продолжительности предварительныхъ слѣдствій,—то всѣ темныя стороны разсматриваемаго института отошли бы въ область исторіи.

Рѣшившись (какъ мы видѣли—единственно на основаніи чисто финансовыхъ соображеній) упразднить должность судебного слѣдователя и соединить въ одномъ лицѣ судью и слѣдователя, комиссія Н. В. Муравьева должна была подвергнуть пересмотру вопросъ о совмѣщеніи функций. „При ближайшемъ обсужденіи проектируемаго порядка большинство членовъ комиссіи остановилось прежде всего на томъ соображеніи, что указанное совмѣщеніе въ одномъ лицѣ судейскихъ и слѣдовательскихъ обязанностей, съ точки зрѣнія теоретической, не можетъ представлять въ существѣ дѣла тѣхъ затрудненій, которыя обыкновенно выставляются противъ такого совмѣстительства“ *).

Въ подтвержденіе правильности такого утвержденія комиссія приводитъ слѣдующіе аргументы. 1) Обязанности низшихъ органовъ суда сравнительно просты, а потому отсутствіе спеціализаціи въ дѣятельности ихъ не должно отзываться вредными послѣдствіями на качествѣ ихъ работы **).

Въ этомъ аргументѣ заключается нѣсколько очень серьезныхъ ошибокъ. Прежде всего о простотѣ обязанностей „низшихъ“ органовъ суда можно говорить лишь съ весьма и весьма значительными оговорками: каждому практику извѣстно, что сплошь и рядомъ дѣла, рѣшаемыя единоличными судьями, бываютъ во много разъ сложнѣе и труднѣе дѣлъ, подсудныхъ „вышимъ“ судамъ. Кромѣ того не надо забывать о той громадной компетенціи, которая проектируется комиссіей для участковыхъ судей. Далѣе

*) Об. Зап., II, 26.

**) *ibid.*

при соединеніи въ одномъ лицѣ обязанностей и судьи, и слѣдователя, во всякомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о „простотѣ“ обязанностей: однѣ слѣдственные дѣла исключаютъ всякую возможность такой „простоты“. Наконецъ, выводъ комиссіи, что отсутствіе спеціализаціи при простотѣ обязанностей не будетъ имѣть вредныхъ послѣдствій, представляетъ собою категорическое утвержденіе, рѣшительно ни на чемъ не основанное.

2) Второй аргументъ. Комиссія не раздѣляетъ мнѣнія о коренномъ различіи слѣдовательскихъ и судейскихъ функцій, и находитъ, что и слѣдователь, и судья оперируютъ надъ однороднымъ матеріаломъ, при помощи „почти“ одного и того же процесса мышленія и методовъ. „Вся разниа сводится лишь къ тому, что, собравъ доказательства, слѣдователь направляетъ дѣло, въ установленномъ порядкѣ, къ представителю обвинительной власти для дальнѣйшаго движенія, а судья—самъ рѣшаетъ его своимъ приговоромъ. Въ предѣлахъ изслѣдованія слѣдователь въ сущности тотъ же уголовный судья, только сошедшій съ своего судейскаго кресла и дѣятельно самъ собирающій доказательства, вмѣсто того чтобы брать ихъ отъ обвиненія и защиты“ *).

Подчеркнутыми словами комиссія сама какъ нельзя лучше опровергаетъ свой второй аргументъ. То обстоятельство, что слѣдователь самъ „дѣятельно собираетъ доказательства“, т. е. въ своемъ лицѣ совмѣщаетъ и обвинителя. и защитника, и судью, — самымъ рѣзкимъ образомъ отличаетъ его отъ судьи, задачей котораго является лишь изученіе и оцѣнка доказательствъ, собранныхъ сторонами. Функціи судьи и слѣдователя совершенно различны и требуютъ различныхъ способностей, склонностей и приемовъ работы. Соединеніе ихъ въ одномъ и томъ же лицѣ неизбежно повлечетъ за собою величайшую опасность для правосудія: судья—слѣдователь невольнo будетъ вносить въ свою чисто судейскую работу приемы слѣдователя, т. е. перестанетъ быть вполне безпристрастнымъ третьимъ въ спорѣ между двумя сторонами. А между тѣмъ, еще и еще разъ повторяю, — поддержаніе обвинительнаго принципа во всей его чистотѣ должно быть одной изъ важнѣйшихъ задачъ уголовной политики: законодатель долженъ тщательно ограждать судью

*) Об. Зал. II, 27.

отъ всего, что можетъ вредно повліять на его безпристрастіе, долженъ устранить судью отъ всѣхъ несвойственныхъ ему обязанностей. Къ этому необходимо добавить, что проектируемое соединеніе вредно отзовется и на независимости судьи, т. к. поставитъ его въ качествѣ слѣдователя въ фактическую зависимость отъ прокуратуры.

3) Третій аргументъ. Коммисія находитъ, что „для правильнаго и успѣшнаго хода правосудія имѣетъ существенное значеніе близкое знаніе судьей того общества, среди котораго онъ призванъ отправлять свою дѣятельность, тѣхъ лицъ, которыя предстаютъ передъ нимъ въ качествѣ обвиняемыхъ или потернѣйшихъ, сторонъ или свидѣтелей по разсматриваемыхъ имъ дѣламъ“ *). И конечно, тотъ судья будетъ лучше и полнѣе знать все это, кто имѣетъ дѣло съ мѣстнымъ населеніемъ и какъ судья, и какъ слѣдователь, кто въ качествѣ послѣдняго часто разъѣзжаетъ по участку.

Аргументъ этотъ несостоятеленъ. Судья долженъ знать мѣстныя условія, это несомнѣнно; но слишкомъ близкое знаніе всѣхъ лицъ, которыя являются къ нему въ камеру, не только не представляется необходимымъ для цѣлей правосудія, но нерѣдко можетъ повлечь за собою нежелательные результаты, создавъ тормазы для объективнаго, вполнѣ безпристрастнаго отношенія къ дѣлу. Чѣмъ меньше судья знакомъ съ отдѣльными лицами, являющимися къ нему въ камеру, чѣмъ дальше онъ находится отъ сферы сплетенъ, интригъ, борьбы интересовъ—въ особенности въ провинціи,—тѣмъ больше гарантій, что онъ самъ невольно не будетъ вовлеченъ въ эту борьбу. Съ этой точки зрѣнія представляется гораздо болѣе цѣлесообразнымъ такой порядокъ, при которомъ судья постоянно живетъ въ какомъ нибудь крупномъ центрѣ и періодически объѣзжаетъ свой участокъ для разбора дѣла на мѣстѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ аргументы, приводимые комиссіей въ пользу проектируемаго совмѣщенія должностей, оказались не выдерживающими критики. Нельзя не согласиться съ особымъ мнѣніемъ четырехъ членовъ комиссіи (В. Желеховскій, И. Закревскій, А. Кони и Н. Ливентъ), заявившихъ, что та-

*) *ibid.*, 28.

кая мѣра, какъ отмѣна самостоятельнаго института судебныхъ слѣдователей и возложеніе производства предварительныхъ слѣдствій на участковыхъ судей, представляло бы коренное ухудшеніе существующаго судебного строя; на практикѣ эта мѣра несомнѣнно повлечетъ передачу всѣхъ неотложныхъ и на самомъ дѣлѣ важныхъ слѣдственныхъ дѣйствій въ руки полиціи.—что при современномъ составѣ и организаціи послѣдней должно быть признано крайне нежелательнымъ *).

Дѣйствительно, комиссія проектируетъ сокращеніе числа дѣлъ, по которымъ обязательно должно быть производимо предварительное слѣдствіе. Проектируется создать должности особыхъ окологочныхъ надзирателей и урядниковъ, выдержавшихъ соответствующій экзаменъ и поручить этимъ лицамъ по преимуществу производство дознаній (необходимо при этомъ имѣть въ виду, что проектируется во многихъ случаяхъ замѣнять предварительное слѣдствіе дознаніями).

О томъ, какой мутный источникъ представляетъ собою большинство нашихъ полицейскихъ дознаній, комиссія Н. В. Муравьева хорошо извѣстно. Хотя и въ смягченномъ видѣ, она упоминаетъ о злоупотребленіяхъ полиціи при производствѣ дознаній, объ угрозахъ, истязаніяхъ, побояхъ, незаконныхъ лишеніяхъ свободы и т. п. возмутительныхъ явленіяхъ **).

Практика показываетъ, что за весьма рѣдкими исключеніями наша полиція, предоставленная самой себѣ, можетъ принести только одинъ вредъ правосудію. Полное отсутствіе элементарныхъ юридическихъ знаній ***) , полное отсутствіе чувства законности,

*) Об. Зап., II, 49—50.

**) Об. Зап. къ проекту Уст. Уг. Суд. II, 24 et passim.

***) Весьма характернымъ въ этомъ отношеніи является напр., слѣдующее. Слошь и рядомъ не только низшіе полицейскіе чиновники, но и полиціймейстеры не могутъ понять различія ролей полиціи у мировыхъ судей и у судебныхъ слѣдователей. Отсюда полная безпомощность полицейскихъ чиновъ толково поставить обвиненіе и поддержать его на судѣ. Слошь и рядомъ полиція шлетъ мировому судѣ дознаніе „на распоряженіе“, или въ лучшемъ случаѣ „для привлеченія такого-то къ отвѣтственности“, ожидая, что судья самъ (къ сожалѣнію нѣкоторые судьи это дѣлаютъ) изучитъ безпорядочную кучу бумагъ дознанія, самъ опредѣлитъ, кто и въ чемъ именно обвиняется, какихъ свидѣтелей надо вызвать и т. п. Бываютъ примѣры, когда пристава, которымъ судьи по нѣскольку разъ возвращали дознанія для соблюденія требованій ст. 50 У. У. С., не смотря на все свое желаніе понять въ чемъ дѣло, все таки оказывались безпомощными въ роли обвинителей, оказывались неспособными въ нѣсколькихъ строкахъ кратко и ясно изложить сущность обвиненія и указать доказательства.

воспитанное долгой практикой презрѣніе къ правамъ личности, крайняя неразборчивость въ приѣмахъ и средствахъ открытія „истины“ и т. п.,—все это давно уже дискредитировало полицію въ глазахъ общества и сдѣлала помощь ея дѣлу правосудія весьма сомнительной.

Нельзя ожидать какого бы то не было улучшенія дѣла отъ того, что нѣкоторые низшіе полицейскіе чины выдержатъ экзамень, удостовѣряющій наличность нѣсколькихъ азбучныхъ юридическихъ свѣдѣній: отъ того, что нѣсколько урядниковъ будутъ знать различіе гражданскаго иска отъ уголовнаго, наша полиція не сдѣлается лучшей.

Нельзя поэтому удивляться, что въ своемъ особомъ мнѣніи В. А. Желеховскій, рѣзко критикуя проектируемое расширеніе правъ полиціи въ предварительномъ слѣдствіи, говоритъ, что это „нововведеніе составляетъ положительный и рѣшительный шагъ назадъ, возвращающій насъ къ дореформеннымъ временамъ и порядкамъ“. „Отъ появленія полиціи въ роли слѣдователей пострадаютъ не только частныя лица, но и государство, т. к. подобное возвращеніе къ давно забытымъ порядкамъ несомнѣнно дискредитируетъ судъ въ глазахъ народа“. „Наиболѣе специальными и трудными изъ судейскихъ должностей почитаются должности слѣдователя и кассационнаго судьи. Если можно первыя возложить на урядниковъ, а послѣднія поручить лицамъ безъ всякаго юридическаго образованія (авторъ имѣетъ въ виду губернскія присутствія), то почему не передать административнымъ чинамъ, по примѣру дѣлъ мировой юстиціи, и болѣе легкія обязанности судей по существу и такимъ образомъ завершить циклъ судебныхъ преобразованій?“*).

Итакъ въ лицѣ проектируемаго участковаго судьи соединяются должности судьи съ громадной уголовной и гражданской компетенціей, и судебного слѣдователя. Комиссія справедливо говоритъ, что „по серьезности интересовъ, которые затрогиваются дѣятельностью судебныхъ слѣдователей, къ лицу, занимающему подобную должность, необходимо предъявлять самыя строгія требованія“ **).

*) *ibid.* Приложение II.

**) Об. Зап. II, 47.

Тѣмъ болѣе это справедливо, когда въ одномъ лицѣ соединяются двѣ столь важныя и отвѣтственные должности. И комиссія, очевидно, вполне понимаетъ необходимость особенно тщательныхъ организаціонныхъ гарантій для участковыхъ судей. Она находитъ, что такому расширенію власти единоличныхъ органовъ мѣстнаго суда должно сопутствовать коренное измѣненіе всей организаціи сего суда*), что должность участкового судьи будетъ представлять особо важное значеніе**).

Далѣе мы читаемъ, что участковому судѣ, какъ органу, коему предположено ввѣрить охрану весьма существенныхъ интересовъ населенія, необходимо обезпечить прочное и независимое служебное положеніе***), для чего прежде всего слѣдуетъ распространить на участковыхъ судей начало судебской несмѣняемости †).

„Поставленіе участковыхъ судей въ такое служебное положеніе, при которомъ основательными представлялись бы опасенія относительно возможности посторонняго на нихъ вліянія, неминуемо понизило бы уровень самосознанія сихъ судей и ослабило бы авторитетъ и достоинство судебной власти среди мѣстнаго населенія. Высказывая поэтому убѣжденіе, что лишеніе участковыхъ судей должной независимости и самостоятельности вредно отразилось бы на ходѣ отправленія правосудія въ мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, комиссія находила, что единоличные судьи въ отношеніи условій увольненія ихъ отъ должности должны быть поставлены въ аналогичное положеніе съ прочими лицами судебскаго званія“ †*).

Всѣ эти разсужденія остались словами и никакого „коренного измѣненія“ въ единоличномъ судѣ комиссія Н. В. Муравьева не произвела: ея участковые судьи—это низко поставленные чиновники министерства юстиціи, на которыхъ оно можетъ „вліять и направлять ихъ дѣятельность“.

Участковый судья назначается не Верховною Властью, а министромъ юстиціи (ст. 269 проекта). Такое нарушеніе одного изъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. и такое ничѣмъ

*) Об. Зап., I, 29.

**) *ibid.* II, 363.

***) *ib.*, 290—291.

†) *ib.* 48, 49.

†*) *ib.* II, 290.

не оправдываемое выдѣленіе участковыхъ судей изъ всѣхъ „прочихъ лицъ судейскаго званія“, выдѣленіе въ смыслѣ пониженія авторитета и независимости, мотивируется комиссіей тѣмъ, что „авторитетъ власти министра юстиціи уже давно признанъ законодательствомъ безусловно достаточнымъ для того, чтобы въ зависимость отъ него было поставлено назначеніе единоличныхъ органовъ мѣстнаго суда *)“.

А между тѣмъ назначеніе единоличныхъ судей министромъ юстиціи, а не Государемъ, сдѣлалось господствующимъ въ нашемъ законодательствѣ лишь со времени реакціонныхъ реформъ конца 80-хъ годовъ прошлаго вѣка и справедливо порицалось лучшей частью нашей прессы, какъ мѣра, способная лишь умалить авторитетъ судей. Такимъ образомъ комиссія не только не сдѣлала ничего въ смыслѣ исправленія указаннаго недостатка нашего позднѣйшаго законодательства, но признала этотъ недостатокъ нормальнымъ явленіемъ.

Вторымъ недостаткомъ въ организаціи проектируемаго единоличнаго суда является низкій классъ должности, присвоенный участковому судѣ (приложеніе къ ст. 319 проекта). Опять таки и здѣсь лишь со времени реформъ конца 80-хъ годовъ должности единоличнаго судьи сталъ присваиваться нашимъ законодательствомъ VI классъ вопреки одному изъ основныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г., столь заботливо избѣгавшихъ всего, что могло бы умалить авторитетъ судей и создать между ними неравенство въ служебномъ положеніи. Характерно, что проектъ, противорѣча себѣ, ставитъ почетныхъ судей, которые будутъ засѣдать въ одной коллегіи съ участковыми, въ V классъ; отъ почетныхъ судей не требуется ни специальной научной подготовки, ни стажа.

Но самымъ важнымъ недостаткомъ проектируемаго закона объ участковыхъ судьяхъ, недостаткомъ, окончательно превращающимъ этихъ судей въ чиновниковъ министерства юстиціи, является лишеніе участковыхъ судей права несмѣняемости.

Не смотря на вышеприведенныя разсужденія комиссіи о необходимости „распространенія на участковыхъ судей принципа судейской несмѣняемости“, ст. 305 проекта постановляетъ, что

*) ib., 61.

участковые судьи могутъ быть увольняемы отъ должности въ дисциплинарномъ порядкѣ по постановленіямъ особаго присутствія консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, причемъ постановленія консультаціи представляются на утвержденіе министра *).

Такимъ образомъ участковые судьи въ этомъ отношеніи лишаются даже и тѣхъ (значительно пониженныхъ сравнительно съ нынѣ существующими) гарантій, которыя даются соединеннымъ присутвіемъ сената. Едва ли можно говорить о самостоятельности консультаціи, имѣя въ виду зависимость членовъ ея отъ министра юстиціи, а если вспомнить, что постановленія консультаціи (хотя бы даже и благопріятныя для обвиняемаго судьи) представляются министру, отъ котораго зависитъ окончательное рѣшеніе вопроса, то нельзя не согласиться съ И. Закревскимъ, который въ своемъ особомъ мнѣніи **) называетъ гарантію, даваемую проектируемымъ для участковыхъ судей порядкомъ, гарантіей „нѣсколько фиктивнаго свойства“. Прекрасно указываетъ въ своемъ особомъ мнѣніи А. Кони, что огромная компетенція участковаго судьи и его двойственныя функціи ставятъ его въ „непосредственное соприкосновеніе съ самыми живыми и насущными интересами населенія и могутъ дѣлать исполненіе имъ своихъ обязанностей предметомъ гораздо большаго и обостреннаго неудовольствія, чѣмъ это можетъ вызывать простая подача голоса со стороны члена окружнаго суда, входящаго въ составъ судебной коллегіи и увольняемаго лишь сенатомъ. Поэтому такой судья нуждается и лично для себя и въ глазахъ населенія въ не меньшемъ обезпеченіи устойчивости своего положенія, чѣмъ членъ окружнаго суда. Эта устойчивость придается судѣ непрекаемымъ и исторически сложившимся авторитетомъ сената, который одинъ долженъ имѣть право увольненія судей разныхъ наименованій... Какъ бы ни былъ высокъ по своему служебному и нравственному достоинству составъ консультаціи, она такого авторитета имѣть не можетъ уже потому, что, входя въ составъ центральнаго управленія вѣдомствомъ и

*) Нельзя не отмѣтить какъ курьезъ, что среди членовъ коммисіи пашелся одинъ (К. А. Мальчевскій), предлагавшій право увольненія участковыхъ судей передать дисциплинарнымъ присутвіемъ судебныхъ палатъ: т. е. старшимъ предсѣдателямъ и предсѣдателямъ департаментовъ.

**) Об. Зап. II, приложение 12.

представляя собою по существу лишь совѣщательное установленіе, она не является тѣмъ высшимъ учрежденіемъ, коимъ по 2 ч. I т. св. зак. признается правительствующій сенатъ“ *).

Посмотримъ, какіе доводы приводитъ комиссія въ пользу столь рѣзкаго нарушенія началъ теоріи судоустройства и одного изъ важнѣйшихъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ.

„Высказывая убѣжденіе, что лишеніе участковыхъ судей должной независимости и самостоятельности вредно отразилось бы на ходѣ отправленія правосудія въ мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ“, комиссія находитъ, „что при значительномъ числѣ участковыхъ и добавочныхъ судей и іерархическомъ ихъ положеніи (!) къ занятію упомянутыхъ должностей будутъ по необходимости призываться лица, только начинающія судебную дѣятельность. Поэтому нельзя не опасаться, что... въ нѣкоторыхъ случаяхъ на должности эти могутъ быть назначены лица, не обладающія нужными нравственными и служебными качествами. Въ виду сего и отнюдь не отрицая необходимости обезпеченія участковымъ судьямъ, какъ органамъ, коимъ предположено ввѣрить охрану весьма существенныхъ интересовъ населенія,—прочнаго и независимаго служебнаго положенія, комиссія не могла однако же, при указанныхъ выше условіяхъ, не прійти къ заключенію о желательности облегчить возможность устраненія изъ среды участковыхъ судей лицъ, оказавшихся недостойными носимаго ими званія или неспособными къ отправленію возложенныхъ на нихъ обязанностей. По симъ соображеніямъ наиболѣе цѣлесообразнымъ представлялось бы разрѣшеніе вопроса объ удаленіи въ необходимыхъ случаяхъ участковыхъ судей отъ должности и возложить,—въ видахъ возможнаго упрощенія органовъ, обсуждающихъ соотвѣтствіе, или несоотвѣтствіе названныхъ должностныхъ лицъ занимаемому положенію, и съ цѣлью обезпеченія должной быстроты производства по симъ дѣламъ,—на консультацію, при министерствѣ юстиціи учрежденную“ **).

Кромѣ того комиссія находитъ, что необходимо упростить и самый составъ этой консультаціи; поэтому проектируется образо-

*) Приложение 13.

***) Об. Зап. II, 290—291.

вать особое присутствіе консультаціи изъ восьми членовъ, причѣмъ четыре члена (оберъ-прокуроры) и директоръ втораго департамента) входятъ въ присутствіе по должности, а четыре „ежегодно назначаются для сего министромъ юстиціи“ *).

Нечего и говорить, что если безпристрастіе и независимость консультаціи можетъ возбуждать сомнѣнія, то относительно особаго присутствія этой консультаціи, указаннымъ способомъ организованнаго, эти сомнѣнія доходятъ до высшей степени.

Обращаясь къ ближайшему изученію только что приведенной аргументаціи, нельзя не прийти къ выводу, что она не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Прежде всего единственный аргументъ, коимъ комиссія оправдываетъ необходимость „упрощенія“ и „ускоренія“ производства объ увольненіи участковыхъ судей, а именно аргументъ о „начинающихъ судебную дѣятельность“ лицахъ, падаетъ, если мы обратимся къ той же объяснительной запискѣ**): тамъ мы читаемъ, что участковые судьи должны отказаться отъ надеждъ на скорое повышеніе, ибо таковое будетъ „чрезвычайно затруднительнымъ“. А если такъ, если судья уже прослужилъ въ своей должности нѣсколько лѣтъ, то не можетъ быть и рѣчи о „начинающихъ“.

Такимъ образомъ остается „быстрота и простота“, какъ критеріи для оцѣнки порядка увольненія судей. Въ жертву этимъ „началамъ“ приносится основной принципъ судоустройства, — не смѣняемость судей, принципъ, о которомъ такъ много говорится въ объяснительной запискѣ и говорится въ положительномъ смыслѣ. Путь въ высшей степени скользкій и опасный! Ставши на этотъ путь, комиссія Н. В. Муравьева пришла къ полному превращенію участковыхъ судей въ чиновниковъ министерства юстиціи, увольненіе которыхъ можетъ быть произведено въ высшей степени „быстро и просто“: какой нибудь прокуроръ судебной палаты, которому не понравился участковый судья, имѣетъ полную возможность безъ особыхъ хлопотъ добиться увольненія этого судьи. И если скажутъ, что проектируемый порядокъ даетъ судьямъ больше гарантій, чѣмъ нынѣ существующій, по которому судья можетъ быть уволенъ министромъ даже безъ истребованія объяс-

*) ib 291.

**) II, 359, 363.

ненія, то на это можно отвѣтить вышеприведенными словами г. Закревскаго, что гарантія, даваемая особымъ присутствіемъ консультаціи, есть гарантія „нѣсколько фиктивного свойства“. При такой „гарантіи“ не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было „прочномъ и независимомъ положеніи“.

Не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что должность участковаго судьи, должность чрезвычайно отвѣтственная, хлопотливая, требующая большаго напряженія силъ, будетъ при указанныхъ условіяхъ (отсутствіе независимости и авторитетности, фактическая зависимость даже отъ прокуратуры, полная возможность быть уволеннымъ по соображеніямъ чисто административнаго свойства) представлять слишкомъ мало привлекательнаго. Люди независимые, любящіе дѣло правосудія, проникнутые идеалами Судебныхъ Уставовъ, будутъ уходить изъ судебного вѣдомства, а ряды магистратуры будутъ заполняться безличными чиновниками, готовыми покорно слѣдовать всѣмъ указаніямъ и вліяніямъ сверху.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что участковымъ судьямъ проектируется незначительное содержаніе: 2400 руб. въ годъ (конечно, только на бумагѣ, если вспомнить о системѣ вычетовъ) и двѣ прибавки по 300 руб. за каждые 5 лѣтъ службы. Если принять во вниманіе все увеличивающуюся дороговизну жизни и отсутствіе возможности скорыхъ повышеній для участковыхъ судей, то нельзя не найти такого содержанія и такихъ прибавокъ недостаточными: вѣдь и при нынѣшнихъ порядкахъ жизнь знаетъ массу случаевъ нищенскаго существованія даже членовъ окружныхъ судовъ (получающихъ до 3000 р.), не говоря уже объ единоличныхъ судьяхъ *).

Въ довершеніе всего при участковомъ судѣ не предполагается должность штатнаго секретаря. Ни теоретическія соображенія, ни единодушные отзывы практиковъ не были приняты комиссіей во вниманіе и она даже не поставила на обсужденія свое вопросъ о штатныхъ секретаряхъ при единоличныхъ судьяхъ. А между тѣмъ, если такіе секретари безусловно необходимы и при суще-

*) Въ своей работѣ „Судьи и судебные порядки“ (Юр. Вѣсти. 1884, IX). С. Хрулевъ, голосъ котораго очень важенъ, какъ голосъ практика (прокуроръ окр. суда), требуетъ, чтобы судьи, судебные слѣдователи и товарищи прокуроровъ получали 3500 р. и прибавки черезъ каждыя 5 лѣтъ.

ствующихъ порядкахъ, то для проектируемыхъ участковыхъ судей съ ихъ огромной компетенціей и двойственными функціями отсутствіе штатныхъ секретарей самымъ пагубнымъ образомъ отзовется на дѣлѣ правосудія. Достаточно имѣть въ виду сибирскихъ мировыхъ судей, находящихся въ аналогичномъ положеніи съ проектируемыми участковыми судьями. Обремененные массой работы, получающіе скудное содержаніе, лишены возможности содержать хорошую канцелярію въ виду крайней недостаточности отпускаемыхъ на это средствъ, они безъ штатнаго секретаря сплошь и рядомъ оказываются „какъ безъ рукъ“, и весьма нерѣдки случаи, когда за недостаткомъ рабочихъ силъ канцеляріи и отсутствіемъ по какимъ бы то ни было причинамъ письмоводителя, въ камерахъ мировыхъ судей пріостанавливается дѣятельность на болѣе или менѣе продолжительное время.

Въ результатѣ этого разсмотрѣнія проектируемой организациі мѣстной юстиціи нельзя не прийти къ выводу, что институтъ участковыхъ судей, *эта основа всего судебного дѣла*, представляетъ собою значительное ухудшеніе нашего судебного строя и нарушеніе основныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

Въ самой непосредственной связи съ только что разсмотрѣннымъ институтомъ находится проектируемое комиссіей Н. В. Муравьева раздробленіе кассационныхъ функцій. Проектируется всё дѣла, подсудныя участковыхъ судьямъ, изъять изъ вѣдѣнія сената и передать въ кассационной инстанціи судебнымъ палатамъ, т. е. другими словами вмѣсто единаго кассационнаго суда учредить десятка полтора такихъ судовъ.

Проектируемая реформа представляетъ собою новое коренное нарушеніе одного изъ основныхъ принциповъ теоріи судоустройства и одного изъ основныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

Какъ мы видѣли изъ второй части, необходимымъ признакомъ понятія кассационнаго суда, этого лучшаго созданія французскаго гения въ области судебного права, является: единство этого суда для всего государства и верховный надзоръ за всѣми суда-

ми, гарантирующей правильное и единообразное понимание и применение закона *)).

Эта же идея легла в основание учреждения кассационных департаментов нашего сената.

По смыслу основных положений о преобразовании судебной части отмена окончательных судебных решений может быть вверена только кассационным департаментам сената, учреждаемым с тою именно целью, чтобы охранить правильное и единообразное применение законов всеми судебными местами Империи **).

Такая идея единого верховного кассационного суда не была чуждым — то чуждым нашему праву, механически заимствованным из Франции. Петр Великий, учреждая сенат, хотел именно создать в нем высшего хранителя законности во всех отраслях государственной деятельности. Сенат в своих кассационных департаментах „будет действительно верховным местом судебного управления и охранителем истинной силы законов. В таком случае сенат в совокупности департаментов: кассационных, первого, межевого и герольдии будет вполне сенатом правительствующим, и краеугольным камнем в здании Петровской Империи, в том смысле, как разумел это учреждение Великий его Основатель“ ***).

Таким образом французская идея кассационного суда нашла в родственном ей по духу Петровском сенате в высшей степени благодарную почву, и в результате получилось учреждение, которым Россия имеет право гордиться, как лучшим созданием своего национального творчества. И если бы в ныне существующую организацию сената внести некоторые поправки в смысле обеспечения большей независимости его от правитель-

*) L'assemblée constituante, voulant établir l'unité politique du pays et pour arriver à ce but, l'unité de législation, chercha à réaliser l'unité de jurisprudence qui la complète et qui l'assure. Pour cela, elle institua un tribunal unique chargé de ramener perpétuellement à l'exécution de la loi, les diverses parties de l'ordre judiciaire qui tendraient à s'en écarter, et de veiller à la conservation des lois et à leur application uniforme sur toute la territoire française. Elle organisa sous le nom de Tribunal de cassation, une juridiction, qui devait être unique, pour pouvoir adopter et imposer une seule jurisprudence. et sédentaire, pour que la cours de la justice n'y fût jamais interrompu“ G a r r a u d. Précis. 1895. p 755.

**) Журнал соедин. департ. государ. совета 1864 г. № 47, Стр. 17.

***) Журнал соединенных департам. госуд. совета о преобразовании судебной части в России. 1862 г № 65, стр. 298.

ства и избавленія отъ нѣкоторыхъ несвойственныхъ ему функцій, а съ другой стороны—расширенія компетенціи, то этотъ палладіумъ законности не оставялъ бы желать ничего лучшаго: авторитетный надзоръ его проявлялся бы во всѣхъ безъ исключенія областяхъ примѣненія закона, а идея единства и исключительности судебной власти, уже и теперь до извѣстной степени воплощенная въ сенатѣ (напр., существованіе рядомъ съ кассационными пер ваго департамента, вѣдающаго и дѣла „административной юстиціи“), нашла бы себѣ вполнѣ законченное и совершенное выраженіе.

Огромная заслуга сената въ исторіи русскаго права не нуждается въ особомъ подчеркиваніи. Достаточно обратить вниманіе на то, что авторитетъ сената и увѣренность въ строгой законности его дѣйствій начинаетъ распространяться даже среди темной массы, чтобы сказать, что въ нашей государственной жизни сенатъ играетъ роль, до нѣкоторой степени аналогичную английскому Habeas corpus act'у.

Въ частности гигантская работа кассационныхъ департаментовъ представляетъ собою въ высшей степени цѣнный вкладъ въ наше уголовное и гражданское право. И если подчасъ теоретики упрекаютъ практиковъ за ихъ исключительное преклоненіе передъ кассационными рѣшеніями, то съ другой стороны тѣ же теоретики должны признать, что въ этомъ преклоненіи есть значительная доля истины. Сенатскія разъясненія законовъ (въ особенности за первое время дѣятельности) по своей обстоятельности, тщательной и убѣдительной мотивировкѣ не оставляютъ желать ничего лучшаго: принципъ *sic volo sic jubeo*, столь чуждый суду, никогда въ видѣ обычнаго явленія не проводился сенатомъ.

Конечно, и въ сенатѣ бывали отступленія отъ указанныхъ началъ. Къ сожалѣнію за послѣднее время попадались рѣшенія, основанныя вовсе не на принципѣ строгой легальности, рѣшенія, вдохновленныя „соображеніями высшей политики“; бывали времена, когда сенатъ требовалъ отъ судовъ особаго піэтета къ своимъ рѣшеніямъ, требовалъ, чтобы эти рѣшенія принимались бы судами въ руководство, какъ законы—не *imperio rationis*, но *ratione imperii*. Но всѣ эти печальныя явленія находятся въ очевидномъ противорѣчьи и со свѣтлыми традиціями сената, и съ общимъ духомъ его дѣятельности.

Если принять во вниманіе указанную историческую роль сената, если имѣть въ виду исходный моментъ въ исторіи кассационнаго суда, опредѣляющей собою его природу, если не забыть, что истолкованіе истиннаго смысла законовъ въ связи съ объединеніемъ дѣятельности всѣхъ судовъ заключаетъ въ себѣ и законодательный моментъ, а слѣдовательно должно быть ввѣрено учрежденію, поставленному на соответствующей высотѣ, то логическимъ выводомъ изъ всего этого будетъ единый кассационный судъ для всего государства. Этотъ выводъ и былъ принятъ великимъ законодателемъ 1864 года и представляетъ собою одинъ изъ основныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ.

Только что сказанное доказывается еще и слѣдующими соображеніями. Основная идея всей судебной организациі по Судебнымъ Уставамъ—желаніе создать судъ безусловно независимый, самостоятельный и авторитетный. Средствами для этой цѣли кромѣ несмѣняемости судей, ихъ высокаго служебнаго положенія и т. п. были: автономія судовъ, исключительно судебный надзоръ за ними и тщательное охраненіе судебныхъ мѣстъ отъ всего, что могло бы такъ или иначе умалить ихъ достоинство.—Если принять во вниманіе, что отмѣна окончательнаго судебного приговора, предписаніе разобрать дѣло вновь и разъясненіе (обязательное) при этомъ истиннаго смысла закона есть актъ чрезвычайной важности, съ которымъ никоимъ образомъ не можетъ сравниться переворачиваніе дѣла апелляціонной инстанціей*), и что такое разъясненіе, для того, чтобы быть авторитетнымъ и не умалять достоинства суда, должно исходить отъ весьма высоко поставленнаго учрежденія, каковымъ не можетъ считаться судебная палата,—то отсюда также вытекаетъ необходимость единаго верховнаго кассационнаго суда. Не даромъ составители Судебныхъ Уставовъ говорили: „Предоставить отмѣну приговоровъ мировыхъ сѣздовъ судебнымъ палатамъ значило бы уклониться отъ этой цѣли“ (т. е. охраны правильнаго и единообразнаго примѣненія законовъ) „и допустить столько же различныхъ толкованій закона, сколько будетъ палатъ. Отмѣна окончательныхъ су-

*) Апелляціонная инстанція сама рѣшаетъ дѣло по существу и не имѣетъ права ни разъяснять законъ суду первой инстанціи, ни предписывать вновь рѣшить дѣло по существу.

дебныхъ рѣшеній составляетъ столь важное въ государственномъ отношеніи право, что оно можетъ быть ввѣрено лишь верховному мѣсту судебного управленія, именно правительствующему сенату“ *)).

Ко всему этому необходимо прибавить, что единый кассационный судъ есть совершенно естественное, стройное завершеніе всей судебной системы, которая такимъ образомъ является строго логичной и гармоничной.

Раздробленіе кассационныхъ функцій неминуемо будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ шатаніе и неопредѣленность практики, разнообразіе, а подчасъ и произволъ въ истолкованіи законовъ и неустойчивость правовой жизни: то, что въ округѣ одной судебной палаты будетъ признаваться мошенничествомъ, въ другой превратится въ гражданскій искъ, что одна палата признаетъ законнымъ требованіемъ администраціи, сосѣдняя будетъ считать незаконнымъ и т. д. до безконечности. Какой соблазнъ для населенія, какой источникъ путаницы для судовъ, какая богатая почва для злоупотребленій!

Далѣе. Такая сложная, деликатная, требующая основательнаго знанія права и большаго опыта функція, какъ кассационная, по справедливости считается самой трудной въ судебномъ дѣлѣ. Никогда ни одна судебная палата не будетъ располагать такими средствами и силами, какъ сенатъ. Послѣдній сплошь и рядомъ имѣетъ въ своемъ составѣ крупныя ученые силы, представляетъ собою значительную по числу членовъ корпорацію (что даетъ возможность обширнаго обмѣна мыслей), находится въ центрѣ духовной и государственной жизни страны. Все это въ связи съ большою служебною опытностью сенаторовъ, съ накопленными традиціями, даетъ сенату такую силу для исполненія своей трудной задачи, о какой и мечтать не могутъ судебныя палаты съ ихъ количественно незначительными составами, заваленными къ тому же работой и въ качествѣ апелляціонной инстанціи, и въ качествѣ камеры преданія суду, и какъ судъ первой инстанціи, и по надзору. Да и по качеству своему составъ судебныхъ палатъ не можетъ представлять тѣхъ гарантій основательнаго, научнаго знанія права, какія мы видимъ въ сенатѣ.

*) Цит. выше Журн. Госуд. Совѣта 1864 г.

Весьма важнымъ обстоятельствомъ является еще слѣдующее. Въ силу принципа раздѣленія труда сенатъ, какъ исключительно занятый кассационными функціями, будетъ всегда имѣть преимущество передъ судебными палатами, которыя къ тому же, привыкши рѣшать дѣла по существу и занимаясь кассационными функціями между прочимъ, будутъ имѣть сильный соблазнъ вводить въ кассационное производство элементы апелляціоннаго. А о томъ вредѣ для правосудія, который получается, если кассационный судъ присваиваетъ себѣ неподлежащія функціи и вникаетъ въ существо дѣла, едва ли нужно говорить.

Слѣдуетъ имѣть въ виду еще огромную важность удаленія кассационнаго суда и отъ судовъ, рѣшающихъ дѣла по существу, и отъ мѣстныхъ интересовъ. Этимъ удаленіемъ обеспечивается очень много существенныхъ интересовъ правосудія (полное безпристрастіе кассационныхъ судей, отсутствіе какихъ бы то ни было мѣстныхъ вліяній и т. п.) Какъ правильно указываетъ въ своемъ особомъ мнѣніи В. А. Желеховскій, судебныя палаты никогда не могутъ пользоваться такимъ авторитетомъ, какъ сенатъ, что можетъ имѣть весьма печальныя послѣдствія въ случаяхъ, когда палатамъ будетъ, напр., предстоять необходимость обсуждать законность требованій и распоряженій администраціи въ особенности въ лицѣ ея высшихъ представителей*).

Дѣйствительно, представимъ себѣ такой случай. Генераль-губернаторъ издаетъ обязательное постановленіе и полиція привлекаетъ гражданина къ отвѣтственности за неисполненіе этого постановленія; въ концѣ концовъ кассационному суду предстоитъ рѣшить, законно или нѣтъ постановленіе? Едва ли можетъ возникнуть какое—либо сомнѣніе, что сенатъ въ такихъ случаяхъ является болѣе пригоднымъ органомъ, чѣмъ судебная палата, уже хотя бы потому, что онъ поставленъ выше генераль-губернатора. Конечно, и судебная палата, какъ независимое отъ генераль-губернатора судебное мѣсто, можетъ признать незаконными его дѣйствія, но несомнѣнно, что при особенностяхъ нашей провинціальной жизни для этого требуется нѣкоторое нравственное усиліе, между тѣмъ какъ для сената не только по отношенію къ генераль-губернаторамъ, но и къ министрамъ ни о какомъ подобномъ усиліи не можетъ быть и рѣчи. А вѣдь подобнаго

*) Приложение III къ 4 тому Об. Зап.

рода щекотливыя дѣла (напр. ст. 29 Уст. о нак.) на практикѣ встрѣчаются только у единоличныхъ судей *).

Не маловажнымъ обстоятельствомъ является и введеніе новаго уголовного кодекса. Какъ извѣстно, кодексъ этотъ во многихъ отношеніяхъ кореннымъ образомъ отличается отъ дѣйствующаго еще уложенія о наказаніяхъ. Такимъ образомъ судебной практикѣ предстоитъ новая трудная работа: провести въ жизнь новый кодексъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что разъясненія и указанія сената, сдѣланныя для уложенія о наказаніяхъ, не будутъ имѣть въ большинствѣ случаевъ никакого значенія для новаго кодекса: безъ основательнаго знакомства съ наукой уголовного права нельзя будетъ сдѣлать ни одного шага при кассационномъ разсмотрѣніи дѣлъ, рѣшенныхъ на основаніи новаго кодекса. Въ результатѣ получится полтора десятка самостоятельныхъ округовъ съ самостоятельнымъ уголовнымъ правомъ. Н. С. Таганцевъ вполне правъ, говоря въ своемъ особомъ мнѣніи, что раздробленіе кассационныхъ функцій „должно быть признано безусловно вреднымъ и несомнѣнно гибельнымъ для успѣшнаго дѣйствія новаго кодекса“ **).

Не смотря на все изложенное комиссія Н. В. Муравьева рѣшила нарушить одинъ изъ основныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ и ввести раздробленіе кассационныхъ функцій. Для такого шага должны, очевидно, имѣться чрезвычайно уважительныя причины, и поэтому представляется необходимымъ тщательно изучить аргументы, которыми комиссія оправдываетъ проектируемую реформу.

Аргументы эти могутъ быть раздѣлены на три группы: а) аргументы непринципiального характера, б) аргументы принципiальные и с) аргументы, коими большинство комиссіи старается опровергнуть доводы, специально направленные противъ проектируемой реформы. Разсмотримъ каждую группу отдѣльно.

*) Кстати, эта же практика представляетъ массу очень трудныхъ юридическихъ вопросовъ (напр. самоуправство, мошенничество, присвоеніе) благодаря которымъ „мелкія“ дѣла требуютъ для своего рѣшенія не меньше знаній, чѣмъ дѣла объ убійствахъ и поджогахъ

**) Приложение IV къ 4 тому Об. Зап

Первая группа. Она состоитъ изъ трехъ аргументовъ. 1) Прежде всего указывается на то, что въ нашей литературѣ приводились „серіозныя“ возраженія противъ сосредоточенія въ сенатѣ разсмотрѣнія кассационныхъ жалобъ на приговоры мировыхъ судебныхъ учреждений *).

Но напрасно изучающій Объяснительную Записку сталъ бы искать въ ней подтвержденія только что сказаннаго. Въмѣсто приведенія соотвѣтствующей литературы и всѣхъ ея доводовъ, мы видимъ лишь ссылку на одну статью К. Арсеньева въ „Журн. гражд. и угол. права“ за 1876 г. № 4.—Прежде всего, какъ увидимъ ниже, г. Арсеньевъ въ настоящее время держится противоположнаго воззрѣнія. А статья его, на которую ссылается Объясн. Записка, и въ особенности то мѣсто ея, которое приведено въ Запискѣ, представляетъ собою лишь выраженіе личнаго мнѣнія автора безъ всякой аргументаціи. Авторы Объяснит. Записки могли бы съ большимъ основаніемъ цитировать, напр., статью г. Закревскаго „Судъ присяжныхъ по новѣйшему германскому законодательству“ въ „Жур. гр. и угол. права“ за 1876 годъ, гдѣ авторъ выступаетъ противникомъ единства кассационнаго суда, приводя аргументы **).

2) Второй аргументъ. Указывается на то, что среди практиковъ раздавались голоса въ пользу раздробленія кассационныхъ функцій. Объяснит. Записка называетъ совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ въ 1894 году, гдѣ большинство предсѣдателей (6 противъ 1) высказалось за проектируемый порядокъ. Въ нѣкоторыхъ ревизіонныхъ отчетахъ обращено вниманіе на желательность раздробленія ***).

*) Об. Зап. IV, 29.

***) Аргументы г. Закревскаго не принципиальнаго свойства: онъ указываетъ на то, что при единомъ кассационномъ судѣ произойдетъ огромное накопленіе дѣлъ, а слѣдовательно—небрежность работы и медленность въ разрѣшеніи жалобъ. Кроме того авторъ ссылается на примѣръ Германіи, гдѣ дѣла, подсудныя низшимъ судамъ, не входятъ на разсмотрѣніе Reichsgericht'a. Эта ссылка не убѣдительна: необходимо имѣть въ виду политическій строй Германіи, и тогда мы увидимъ, что Oberlandgericht'ы, рѣшающіе въ кассационномъ порядкѣ дѣла низшихъ судовъ, являются высшими судами отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ—За раздробленіе кассационныхъ функцій высказался въ нашей литературѣ и проф. Даневскій въ своей работѣ „По поводу предстоящей реформы нашего судоустройства“. 1896. Стр. 61--64, но онъ требуетъ передачи дѣла въ сенатъ по представленіямъ судебныхъ палатъ въ случаяхъ затрудненій.

***) Об. Зап. IV, 32—34.

Не говоря уже о ничтожной убѣдительности этого аргумента, противъ него съ гораздо большимъ успѣхомъ можно привести такой же, а именно: въ названномъ выше совѣщаніи большинство прокуроровъ высказалось противъ (8 противъ 2), а въ ревизіонныхъ отчетахъ есть и противоположныя мнѣнія. Напр. на стр. 34 примѣч. 1 Объяснит. Записки (IV т.) приводятся слѣдующія слова одного изъ отчетовъ: „Въ дѣлѣ разъясненія истиннаго разума законовъ провинціальныя суды, какъ по личному составу своему, такъ и по условіямъ своей дѣятельности никогда не будутъ въ состояніи сравниться съ авторитетными толкованіями закона, исходящими отъ правительствующаго сената“.

Но если ужъ дѣло пошло на ариѳметическіе аргументы, то здѣсь мы имѣемъ такое импонирующее мнѣніе, какъ мнѣніе лицъ, казалось бы, наиболѣе компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ, а именно—сенаторовъ: въ особыхъ совѣщаніяхъ 34 сенатора высказались противъ и только двое—за *).

Далѣе, третій отдѣлъ комисіи, на который специально былъ возложенъ пересмотръ уст. уг. судопр. и въ который входили теоретики и практики по уголовному судопроизводству (К. Арсеньевъ, В. Володиміровъ, А. Вульфертъ, В. Дейтрихъ, М. Духовской, А. Кони, П. Макалинскій, В. Случевскій, И. Фойницкій, Н. Таганцевъ, И. Щегловитовъ, Н. Чаплинъ, А. Кичинъ, В. Лихачевъ, В. Семеновъ) единогласно высказался противъ раздробленія.

3) Третій аргументъ заключается въ томъ, что начало единства кассационнаго суда не было никогда у насъ строго выражено. По Судебнымъ Уставамъ жалобы на окончательныя рѣшенія мировыхъ судей разсматривались мировыми сѣздами; по закону 12 іюля 1889 г. кассационныя функціи по дѣламъ, подсуднымъ городскимъ судьямъ и земскимъ начальникамъ, принадлежатъ губернскимъ присутствіямъ; въ самомъ сенатѣ въ виду раздѣленія департаментовъ его на отдѣленія единство должно почитаться поколебленнымъ; наконецъ, дѣлается ссылка на передачу кассационныхъ функцій судебнымъ палатамъ въ Тифлисѣ, Сибири, Туркестанѣ и Степной области **).

Относительно Судебныхъ Уставовъ необходимо имѣть въ виду, что, какъ видно изъ соотвѣтствующихъ мотивовъ, передача ми-

*) Об. Зап. IV, 35

**) Об. Зап. IV 38—39.

ровымъ сѣздамъ нѣкоторыхъ кассационныхъ функцій вызвана была соображеніями отнюдь не принципиальнаго свойства и находилась въ противорѣчій съ основными принципами Уставовъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что окончательными приговорами мировыхъ судей обвиняемые могутъ быть подвергаемы лишь штрафу не свыше 15 рублей, между тѣмъ, какъ проектируется въ сѣ приговоры участковыхъ судей передать судебнымъ палатамъ въ кассационной инстанціи. Разница весьма и весьма ощутительная: не говоря уже о размѣрахъ наказанія (по новому уложенію участковые судьи могутъ приговаривать на нѣсколько лѣтъ къ тюремному заключенію), слѣдуетъ имѣть въ виду, что при порядкѣ Судебныхъ Уставовъ масса очень сложныхъ дѣлъ никогда не могла быть разрѣшаема сѣздами въ кассационномъ порядкѣ (самоуправство, мошенничество, присвоеніе, кража).

Ссылка на губернскія присутствія, какъ на кассационныя суды, не можетъ имѣть никакого значенія, кромѣ отрицательнаго: мы видѣли уже, что представляютъ собою и эти учрежденія и вообще весь законъ 12 іюля 1889 г.

Совершенно неубѣдительны и указанія на Тифлискую, Омскую, Иркутскую и Ташкентскую судебныя палаты. Прежде всего передача кассационныхъ функцій этимъ палатамъ была результатомъ того же порядка идей, который лежитъ и въ основѣ проектируемаго, т. е. отступленія отъ основныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ. Далѣе, нельзя не замѣтить, что нигдѣ въ округахъ означенныхъ палатъ кассационныя рѣшенія не пользуются одинаковымъ съ сенатскимъ авторитетомъ. Наконецъ, качество этихъ рѣшеній оставляетъ желать многого. Такъ напр., по удостовѣренію столь компетентнаго лица, какъ сенаторъ В. Желеховскій, въ рѣшеніяхъ Тифлисской судебной палаты (старѣйшей и поставленной въ сравнительно лучшія условія) очень часто встрѣчаются весьма крупныя нарушенія закона, такъ что этотъ опытъ передачи кассационныхъ функцій судебнымъ палатамъ оказался не изъ удачныхъ *).

Что же касается учрежденія отдѣленій департаментовъ сената и поколебанія „до нѣкоторой степени“ единства кассационнаго суда, то не надо забывать, что всѣ отдѣленія представляютъ собою единое цѣлое, и составляющіе ихъ сенаторы имѣютъ пол-

*) Приложение IV къ 4 тому Об. Зап.; особое мнѣніе В. Желеховскаго.

ную возможность самаго живаго, непосредственнаго и систематическаго обмѣна мыслей. Во всякомъ случаѣ неудобства, проистекающія изъ этого порядка, могутъ быть легко устранены, и если говорить о неудобствахъ, то они представляются идеаломъ въ сравненіи съ полнымъ уничтоженіемъ единаго кассационнаго суда и созданіемъ массы мѣстныхъ, совершенно самостоятельныхъ судовъ.

Вторая группа. Мы видимъ, что первая группа аргументовъ, помимо ея несостоятельности, во всякомъ случаѣ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Тѣмъ важнѣе подвергнуть анализу аргументы второй группы, аргументы принципиальные.

1) Признавая вполнѣ заслуги сената въ исторіи русскаго права, комиссія находитъ, „что въ настоящее время надлежитъ стремиться главнымъ образомъ къ тому, чтобы упрочить положеніе сената въ качествѣ авторитетнаго и единаго толкователя законовъ“*).

Мысль прекрасная и глубоко вѣрная, подъ которой охотно подпишется каждый почитатель Судебныхъ Уставовъ.

Но какъ понимаетъ комиссія эту мысль? Довольно оригинально: приведенное только что положеніе дополняется (въ мѣстѣ, отмѣченномъ многоточіемъ) слѣдующими словами: „въ смыслѣ отсутствія возможности въ его разъясненіяхъ противорѣчій“.

Прежде всего противорѣчія въ разъясненіяхъ сената не находятъ ни въ какой связи съ понятіемъ единаго толкователя законовъ. Далѣе сорокалѣтній опытъ доказалъ, что противорѣчія въ разъясненіяхъ сената, столь впрочемъ неизбѣжныя въ живомъ дѣлѣ правосудія, ни на волосъ не поколебали его авторитета. Скорѣе напротивъ: каждый безпристрастный человѣкъ проникается уваженіемъ къ верховному судилищу, облеченному такой огромною властью, которое, вмѣсто того, чтобы, опираясь на эту власть, требовать непрекословнаго исполненія разъ данныхъ указаній, измѣняетъ эти указанія, чутко прислушиваясь и къ голосу науки, и къ требованіямъ жизни.

Но предположимъ на минуту, что авторитетъ и единство кассационнаго суда обусловлены тѣмъ, что въ его рѣшеніяхъ никогда не будетъ противорѣчій. Средствомъ для этой цѣли

*) Об. Зап. IV, 39.

комиссія считаетъ уменьшеніе количество работы сенаторовъ, что дастъ возможность съ большимъ вниманіемъ сосредоточиваться на „трудѣ меньшемъ по количеству, но по качеству своему болѣе соответствующемъ высокому призванію этого верховнаго судилища“. Здѣсь опять логическій промахъ: единственной причиною противорѣчій въ сенатскихъ рѣшеніяхъ выставляется спѣшность работы. Но согласимся опять на минуту съ этимъ *post hoc ergo propter hoc*.

Казалось-бы, что вполнѣ естественнымъ выводомъ изъ этого положенія, выводомъ единственно согласнымъ съ „высокимъ призваніемъ“ сената, съ его „заслугами, оказанными въ дѣлѣ разъясненія истиннаго смысла дѣйствующихъ узаконеній“, съ желаніемъ „упрочить положеніе сената въ качествѣ авторитетнаго и единаго толкователя законовъ“, —будетъ прибавленіе къ составу сената еще нѣкотораго числа новыхъ сенаторовъ и увеличеніе такимъ образомъ его работоспособности. Но комиссія, дѣлая третью логическую ошибку, находитъ, что „для сего наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ должно быть признано предлагаемое раздробленіе кассационныхъ функций“. И далѣе—никакихъ доводовъ, никакого развитія столь неожиданнаго и императивно высказаннаго положенія! Вѣдь при этомъ забывается, что учрежденіемъ пятнадцати самостоятельныхъ кассационныхъ судовъ создается богатѣйшая почва для возникновенія противорѣчій въ кассационной практикѣ, и притомъ противорѣчій, гораздо болѣе опасныхъ, чѣмъ при существующемъ порядкѣ. А именно: при проектируемомъ порядкѣ противорѣчія будутъ происходить одновременно, т. ск. „въ пространствѣ“; одна палата сегодня даетъ извѣстное толкованіе, и сегодня же другія палаты посмотрятъ на дѣло совершенно иначе, окончательно сбивая съ толку правовую жизнь, которая должна будетъ считаться съ границами раіоновъ судебныхъ палатъ. При дѣйствующей же системѣ противорѣчія происходятъ „во времени“ и поэтому менѣе опасны *).

2) Переходимъ къ самому сильному аргументу. Необходимо, говоритъ комиссія, кассационную инстанцію приблизить къ насе-

*) Необходимость увеличенія состава Сената и предпочтительность такой мѣры даже съ финансовой стороны передъ неизбѣжнымъ увеличеніемъ штатовъ судебныхъ палатъ въ высшей степени убѣдительно доказана въ особыхъ мнѣніяхъ Н. Таганцева и В. Желеховскаго.

ленію и ускорить производство по охраненію законности въ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ*).

Къ этому добавляются разсужденія, имѣвшіяся въ виду при составленіи Судебныхъ Уставовъ, о необходимости предоставить обѣимъ сторонамъ полную возможность являться въ кассационный судъ и живымъ словомъ защищать свои права и интересы, чтобы тѣмъ дать возможность кассационному суду рѣшать дѣло не съ формальной только, но и со справедливой точки зрѣнія**).

При ближайшемъ разсмотрѣніи и эти аргументы оказываются не болѣе убѣдительными, чѣмъ всѣ предыдущіе. Единственно вѣрнымъ и безспорнымъ является требованіе объ ускореніи кассационнаго производства, но важнѣйшее средство для этого (увеличеніе числа сенаторовъ) указано въ предыдущемъ пунктѣ, и изъ этого требованія никоимъ образомъ не вытекаетъ необходимости нарушать принципъ единства кассационнаго суда.

Что же касается необходимости личныхъ объясненій сторонъ при кассационномъ производствѣ, то не надо особенно углубляться въ дѣло, чтобы сказать, что такой необходимости не существуетъ. Скажу больше. Сплошь и рядомъ личныя объясненія сторонъ могутъ имѣть своимъ результатомъ совершенно непроизводительное увеличеніе продолжительности судебныхъ засѣданій. Въ самомъ дѣлѣ, какую пользу могутъ имѣть для правильнаго разрѣшенія к а с с а ц и о н н о й задачи тѣ объясненія по существу, которыя даютъ въ засѣданіи стороны, не понимающія, да и не могущія понять отличія кассации отъ апелляціи? Пусть каждый изъ нашихъ практиковъ, кому приходилось принимать участіе въ засѣданіяхъ сѣздовъ въ качествѣ кассационной инстанціи, припомнитъ ту жалкую роль, которую приходится играть въ этихъ засѣданіяхъ сторонамъ: обыкновенно онѣ выходятъ изъ зала засѣданій съ чувствомъ полного разочарованія и неудовлетворенности, т. к. имъ или не даютъ возможности давать желаемыя ими объясненія по существу, или, если иногда и даютъ, то оставляютъ всѣ эти объясненія безъ разсмотрѣнія.

Конечно, помощь со стороны адвоката является въ кассационномъ судѣ ничѣмъ не замѣнимой. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ необходимость приглашенія адвоката для судового реченія? Развѣ

*) Об. Зап. IV, 34, 41.

**) *ib.*, 26—27.

изъ этого слѣдуетъ, что сторона или должна отказаться отъ защиты своихъ правъ въ кассационномъ судѣ, или должна нести огромные расходы по приглашенію петербургскаго или мѣстнаго адвоката выступить въ сенатѣ?

Отнюдь нѣтъ, и вотъ почему. Вообще не слѣдуетъ преувеличивать значеніе устной (нерѣдко смѣшиваемой съ непосредственностью) въ ущербъ письменности. Часто письменное изложеніе своихъ требованій и доводовъ (въ особенности въ гражданскомъ процессѣ) гораздо лучше гарантируетъ и интересы правосудія, и интересы стороны. Въ первомъ отношеніи судѣ дается полная возможность тщательнѣе и спокойнѣе изучить дѣло, обдумать всѣ доводы, сокращается возможность непроизводительной траты времени на выслушиваніе цвѣтовъ ораторскаго искусства; во второмъ—даются прочныя гарантіи опредѣленнаго и не возбуждающаго никакихъ сомнѣній закрѣпленія всѣхъ требованій, доводовъ, фактовъ, съ которыми судъ обязанъ считаться, оставляется въ дѣлѣ надежный слѣдъ для контроля въ противоположность отрывочному, неполному и субъективному изложенію судебного протокола, представляется возможность изложить свои доводы болѣе серьезно, обстоятельно и полно, устраняется возможность огорошенія противника неожиданными аргументами въ расчетѣ на ненаходчивость его*). Но если все это имѣетъ большое значеніе въ инстанціяхъ, гдѣ разбирается дѣло по существу, то въ кассационной инстанціи письменность играетъ преобладающую роль: здѣсь господствуетъ и долженъ господствовать принципъ—*quod non est in actis non est in mundo*. Письменная кассационная жалоба, письменное же объясненіе на

*) Къ сожалѣнію такіе случаи нерѣдко бываютъ, превращая процессъ въ недостойную правосудія игру. Великая, чистая идея правосудія оскорбляется такими порядками при которыхъ процессъ можетъ быть „выигранъ“ благодаря тому, что противникъ не имѣлъ возможности спокойно изучить представленные аргументы и приготовиться къ защитѣ. что онъ не сумѣлъ отпарировать немедленно совершенно новый, неожиданный ударъ, приберегаемый другою стороною до послѣдняго момента и тщательно скрываемый. Аналогичный порядокъ явленій наблюдается въ сохранившихся еще, хотя и потерявшихъ *raison d'être*, диспутахъ для полученія „ученыхъ степеней“: оппоненты тщательно скрываютъ отъ диспутанта свои возраженія и аргументы, и диспутантъ впервые знакомится съ ними въ публичномъ засѣданіи. Силошь и рядомъ бываетъ, что не привыкшій къ публичнымъ спорамъ и теряющійся ученый не можетъ ничего возразить противъ аргумента, а спокойно обсудивъ его у себя въ кабинетѣ, находитъ аргументъ построенный на пескѣ. Интересы науки не имѣютъ ничего общаго съ находчивостью, остроуміемъ, умѣніемъ вести публичный споръ, умѣніемъ быстро отпарировать ударъ и т. п.

нее (быть можетъ еще въ сложныхъ дѣлахъ дополнительный обмѣнъ письменными объясненіями) даютъ вполнѣ исчерпывающій и въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно достаточный матеріалъ для той чисто-теоретической, кабинетной работы, къ которой и призванъ кассационный судъ.

Ссылка на требованія справедливости въ противоположность формализму менѣе всего умѣстна по отношенію къ кассационному производству. Если поговорка *Juristen sind böse Christen* нерѣдко находить полное оправданіе въ первыхъ инстанціяхъ суда, то въ кассационной инстанціи, инстанціи строго формальной по самой своей природѣ, „холодные и безжалостные“ принципы права (т. е. другими словами строгая законность, для охраны которой и созданъ кассационный судъ) должны царствовать исключительно. А для того, чтобы охрана законности не выродилась бы въ формалистику, въ буквоѣдство, въ охрану рутинности, чтобы мелкимъ не существеннымъ формальностямъ не придавалось бы неподобающее имъ значеніе, чтобы кассационный судъ обладалъ широтою и прогрессивностью взглядовъ, необходимо сколь возможно болѣе глубокое знакомство кассационныхъ судей съ наукой права; знакомство же это болѣе обезпечено для сенаторовъ, чѣмъ для членовъ судебныхъ палатъ.

Наконецъ о выгодахъ удаленія кассационнаго суда и отъ судовъ, рѣшающихъ дѣло по существу, и отъ всѣхъ мѣстныхъ вліяній, уже было сказано раньше. Стремленіе комисіи приблизить кассационную инстанцію къ населенію должно быть признано вытекающимъ изъ неправильнаго воззрѣнія на значеніе этого приближенія.

Третья группа. Перехожу къ послѣдней части аргументаціи комисіи, къ той части, гдѣ большинство комисіи возражаетъ противъ доводовъ противниковъ проектируемаго раздробленія кассационныхъ функцій.

Признавая справедливымъ указаніе на то, что уголовныя дѣла не могутъ почитаться маловажными или серіозными единственно въ виду грозящаго обвиняемому наказанія, комисія выражаетъ, что однако важность наказанія вездѣ и всегда служить признакомъ, опредѣляющимъ подсудность дѣла суду съ болѣе или менѣе сложными судоустройственными и процессуальными порядками. Поэтому „вполнѣ послѣдовательнымъ представляется, чтобы

тѣ-же признаки рѣшали вопросъ и о подвѣдомственности дѣла въ кассационномъ порядкѣ сенату или палатамъ“.

Въ этомъ разсужденіи заключается логическій промахъ. Изъ теоріи процесса извѣстно, что подсудность т. наз. маловажныхъ дѣлъ судамъ съ упрощенной организаціей вызвана отнюдь не принципиальными соображеніями, а исключительно финансовыми. Сама комиссія соглашается, что важность дѣла зависитъ вовсе не отъ его внѣшней стороны, и тѣмъ не менѣе, упуская изъ виду огромную разницу между производствомъ по существу и производствомъ кассационнымъ, находитъ „вполнѣ естественнымъ“ охрану законности и надзоръ за правильнымъ и единообразнымъ пониманіемъ закона передать въ вѣдѣніе тѣхъ же судовъ, которые призваны разбирать дѣла по существу. Такимъ образомъ комиссія придаетъ принципиальное значеніе тому же самому внѣшнему признаку, второстепенное значеніе котораго она только что признавала.

Указаніе на то, что наиболѣе серіозные вопросы матеріальнаго и формальнаго права разработаны сенатомъ именно по дѣламъ мировой юстиціи, комиссія находитъ „едва-ли“ рѣшительнымъ аргументомъ противъ раздробленія кассационныхъ функцій. При этомъ комиссія говоритъ, что а) палаты будутъ руководствоваться тѣми разъясненіями сената, которыя уже сдѣланы и б) что необходимо и въ будущемъ наиболѣе спорные и сомнительные вопросы предоставлять разрѣшать сенату.

Но, не говоря уже о томъ, что съ изданіемъ новыхъ кодексовъ огромная масса разъясненій сената потеряетъ свое значеніе, не говоря уже о томъ, что юридическая жизнь развивается безостановочно и представляетъ постоянно новые случаи, не подходящіе подъ существующія сенатскія разъясненія,—гдѣ же гарантіи, что судебныя палаты будутъ непремѣнно руководствоваться прежними рѣшеніями сената?

Начать съ того, что сенатскія рѣшенія не суть законы и не могутъ поэтому имѣть обязательнаго значенія. Но и помимо этого, было бы крайне нелогично и противно природѣ вещей предоставлять палатамъ кассационныя функціи и думать, что въ дѣятельности палатъ не проявится творческой моментъ. Какого рода будетъ это творчество,—другой вопросъ, но во всякомъ случаѣ нельзя забывать одного изъ элементарныхъ началъ теоріи процесса, а именно, что судья не только имѣетъ право, но и обя-

занъ примѣнять и толковать законы только такъ, какъ онъ самъ лично считаетъ наиболѣе правильнымъ. Высшая инстанція можетъ отмѣнить рѣшеніе низшей, но приказать ей на будущее время понимать законъ въ опредѣленномъ смыслѣ не можетъ.

Что касается желанія комисіи, чтобы и въ будущемъ наиболѣе спорные вопросы рѣшались сенатомъ, то это желаніе такъ и осталось на стр. 40-й Объяснит. записки и не перешло въ текстъ проектируемаго закона. Когда меньшинство предлагало ввести въ видѣ корректива постановленіе, коимъ палатамъ предоставлялось бы право представлять въ сенатъ наиболѣе сомнительныя дѣла, большинство отвергло это предложеніе, опасаясь, что такой порядокъ давалъ бы возможность палатамъ уклоняться отъ разсмотрѣнія трудныхъ дѣлъ. А если лишить палаты возможности представлять дѣла въ сенатъ, то въ чемъ же можетъ выразиться указанное комисіей начало? Если будетъ принятъ порядокъ, подобный существующему нынѣ для губернскихъ присутствій, то, какъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ особомъ мнѣніи В. Желтеховскій, „сенатъ будетъ предаваться академическимъ разсужденіямъ, а палаты будутъ рѣшать дѣла по своему, страдать же отъ такого порядка вещей будутъ государственные интересы и населеніе *).

Кромѣ того, предоставленіе министру юстиціи права слѣдить за кассационною дѣятельностью палатъ и предлагать сенату на разсмотрѣніе замѣченныя неправильности слишкомъ расширяетъ участіе судебной администраціи въ чисто судебной дѣятельности и усиливаетъ вліяніе министерства на эту дѣятельность.

Опасенія гибельныхъ послѣдствій раздробленія кассационныхъ функцій при примѣненіи новаго уголовного уложенія комисіа считаетъ преувеличенными, „такъ какъ въ составленной къ этому уложенію подробной объяснительной запискѣ содержатся необходимые указанія, которыя безъ сомнѣнія облегчатъ правильное примѣненіе на практикѣ постановленій сего уложенія“.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду общепринятое въ наукѣ положеніе, что официальные законодательные мотивы вовсе не служатъ единственнымъ или даже лучшимъ пособіемъ при толкованіи законовъ, а нѣкоторые авторитетные ученые не безъ

*) Об. Зап. IV, приложение III.

основанія отрицають за этими мотивами какое бы то ни было значеніе *).

Нельзя также забывать, что объяснительной записки къ новому уголовному уложенію нѣтъ въ продажѣ, нѣтъ въ судахъ, и даже нѣкоторые университеты лишь съ большимъ трудомъ получили экземпляры этого цѣннаго труда.

Наконецъ, на указаніе, что въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ нѣтъ накопленія нерѣшенныхъ дѣлъ, комиссія возражаетъ, что накопленіе можетъ быть, и что поэтому необходимо принять мѣры противъ могущаго произойти неблагоприятнаго положенія вещей. Этой мѣрой и является проектируемое раздробленіе кассационныхъ функцій. Нелогичность такого разсужденій очевидна и не нуждается въ доказательствахъ.

Итакъ вся аргументація комиссіи оказалась не выдерживающей критики и проектируемое раздробленіе кассационныхъ функцій должно быть признано такимъ же нарушеніемъ основныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ, какъ и проектируемая уничтоженіе судейской независимости, расширеніе вліянія министерства на судей и институтъ участковыхъ судей.

Я рассмотрѣлъ важнѣйшіе недостатки Проекта. Если къ нимъ прибавить чрезвычайную пестроту и сложность судебныхъ мѣстъ**), полную необезпеченность неукоснительнаго исполненія администраціей законныхъ судебныхъ требованій, нѣкоторое расширеніе вліянія прокуратуры на судъ, отсутствіе постановленій, надлежащимъ

*) Binding. Handbuch. 1885, 454.

**) Если бы Проектъ получилъ силу закона, то въ уголовномъ порядкѣ напр. нашъ крестьянинъ могъ бы подлежать суду въ слѣдующихъ учрежденіяхъ: 1) Волостной судъ; 2) земскій начальникъ; 3) уѣздный сѣздъ; 4) губернскае присутствіе; 5) участковый судья; 6) уѣздный членъ окружнаго суда; 7) уѣздное отдѣленіе окружнаго суда; 8) городское отдѣленіе окружнаго суда; 9) Окружный судъ; 10) Судебная палата; 11) Уѣздный членъ суда, председательствующій на судѣ присяжныхъ общаго состава; 12) Предсѣдатель или тотъ же членъ суда съ присяжными засѣдателями особаго состава; 13) Окружный судъ въ составѣ 3-хъ членовъ съ присяжными засѣдателями общаго состава; 14) Тоже—съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей особаго состава; 15) Судебная палата съ присяжными засѣдателями особаго состава; 16) Судебная палата съ сословными представителями; 17) Судебный (угол.) департаментъ Сената; 18) Тоже—съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей особаго состава; 19) Особое Присутствіе Сената съ участіемъ сословныхъ представителей; 20) Общее собраніе судебныхъ департаментовъ Сената; 21) Верховный уголовный судъ; 22) Военно-окружный судъ; 23) Главный военный судъ.—Въ этомъ перечнѣ 8 судебныхъ мѣстъ создано Проектомъ.

образомъ гарантирующихъ наличность знаній у судебныхъ дѣятелей, то все это даетъ право вывести слѣдующее заключеніе: проектъ долженъ быть отвергнутъ, какъ заключающій въ себѣ значительное ухудшеніе нашего судебного строя даже по сравненію съ существующими порядками.

Еще разъ повторяю, что наиболѣе прогрессивнымъ актомъ въ настоящее время было бы возстановленіе Судебныхъ Уставовъ 1864 года во всей ихъ первоначальной чистотѣ и отмѣна почти всѣхъ измѣняющихся и дополняющихъ учрежденіе Судебныхъ Установленій законовъ.

Но само собою разумѣется, жизнь во многомъ опередила Судебные Уставы. Необходимо дальнѣйшее прогрессивное развитіе нашего судебного права и въ частности уголовного судоустройства. Это развитіе, какъ уже было сказано, должно происходить въ духѣ тѣхъ принциповъ, которые лежатъ въ основѣ Судебныхъ Уставовъ и которые вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ собою постулаты теоріи судоустройства.

Построеніе и обоснованіе системы судоустройства въ Россіи не входитъ въ мою задачу. Такая работа потребовала бы цѣлой книги. Здѣсь могутъ быть сдѣланы лишь нѣкоторыя руководящія указанія въ дополненіе къ тѣмъ, которыя сдѣланы попутно въ предыдущемъ изложеніи.

И прежде всего необходимо твердо помнить, что настоящія, не призрачныя гарантіи независимости суда, его авторитетности и довѣрія къ нему населенія возможны только въ правовомъ государствѣ. Только когда законодательная власть, организованная согласно указаннымъ въ первой части книги принципамъ, является единственнымъ источникомъ закона, когда правительство во всѣхъ деталяхъ своей дѣятельности подлежитъ общественному контролю и отвѣтственности передъ законодательною властью, можно быть увѣреннымъ, что судоустройственные законы будутъ непоколебимой твердыней, укрѣпившись на которой судъ будетъ спокойнымъ, разумнымъ, безпристрастнымъ и авторитетнымъ охранителемъ правопорядка и правъ личности. При полицейски-бюрократическомъ строѣ такое положеніе не-

мыслимо, ибо нѣтъ никакихъ гарантій въ устойчивости и непоколебимости закона, въ томъ, что распоряженія и приказанія агентовъ правительственной власти не окажутся выше закона.

Производить коренную ломку Учрежденія Судебныхъ Установленій 1864 года нѣтъ никакихъ основаній. Нужно только внести нѣкоторыя поправки и дополненія.

Необходимо усилить гарантїи независимости и несмѣняемости судей и возстановить принципъ Судебныхъ Уставовъ о служебномъ равенствѣ всѣхъ судей; необходимо тщательно уничтожить всѣ слѣды современнаго чиновническаго порядка; необходимо въ законѣ подчеркнуть какъ можно отчетливѣе различіе судьи и чиновника.

Необходимо обусловить получение судейскаго кресла обладаніемъ высшаго научнаго (юридическаго) образованія.

Великій принципъ единства и исключительности судебной власти надо провести строго-последовательно: 1) никто не можетъ быть подвергнутъ какой бы то ни было стѣсняющей его права мѣрѣ, имѣющей характеръ наказанія, иначе, какъ по постановленію суда; 2) за всѣ общія преступленія всѣ лица безъ всякихъ исключеній отвѣчаютъ передъ общими судами; 3) всякое административное распоряженіе, стѣсняющее чьи либо права можетъ быть обжаловано (путемъ административнаго иска) суду и 4) всякое должностное лицо, причинившее своими дѣйствіями вредъ и убытки частному лицу, можетъ быть привлечено къ суду общимъ для всѣхъ гражданъ порядкомъ (путемъ гражданскаго или уголовнаго иска).

Принятая Судебными Устами система двухъ параллельныхъ порядковъ—общей и мировой юстиціи—съ объединеніемъ обѣихъ въ сенатѣ, представляется по условіямъ русской жизни въ высшей степени разумной и цѣлесообразной.

Въ организацію мировой юстиціи надо внести слѣдующія поправки. Мировые судьи назначаются безсрочно Верховною Властью изъ числа лицъ, обладающихъ указаннымъ выше научнымъ цензомъ *и избранныхъ земскими собраніями*. При мировыхъ судьяхъ необходимо учредить должности штатныхъ секретарей (кромѣ штатныхъ писцовъ). Въ судебныхъ засѣданіяхъ мировые судьи должны разбирать дѣла при участіи двухъ (избранныхъ общимъ порядкомъ) присяжныхъ засѣдателей, образуя съ ними одну коллегію. По отношенію къ полиціи необходимо предоста-

вить мировымъ судьямъ нѣкоторую дисциплинарную власть въ развитіе принципа, выраженнаго въ ст. 58 уст. уг. суд. первоначальной редакціи.

Предсѣдатели мировыхъ сѣздовъ и непремѣнные члены избираются общимъ собраніемъ мировыхъ судей на сроки, и на время избранія освобождаются отъ исполненія обязанностей участковыхъ мировыхъ судей.

Существованіе волостныхъ судовъ ненормально. Этимъ подчеркивается неполноправіе крестьянъ. Дѣла, подвѣдомственныя волостнымъ судамъ, должны перейти къ мировымъ судьямъ.

Въ организациі окружныхъ судовъ едва ли нужны существенныя поправки, за исключеніемъ выборныхъ предсѣдателей и товарищей предсѣдателей (на сроки).

Что касается судебныхъ палатъ, то кромѣ функцій апелляціонныхъ и дисциплинарныхъ судовъ и камеръ преданія суду *), онѣ съ большой пользой могли бы явиться административными судами первой инстанціи. Само собою разумѣется, изъ подсудности судебныхъ палатъ должны быть изъяты всѣ дѣла, которыя онѣ вѣдаютъ нынѣ въ качествѣ суда первой инстанціи. Старшій предсѣдатель долженъ быть освобожденъ отъ всѣхъ функцій надзора надъ судами, кромѣ надзора за предсѣдательствуемой имъ палатой.

Наконецъ, единственной кассационной инстанціей долженъ быть сенатъ, въ рукахъ котораго долженъ объединяться верховный надзоръ за отправленіемъ правосудія и дѣятельностью судовъ. Къ уголовному и гражданскому департаменту надо прибавить административный, которому подвѣдомственны административные иски, разсматриваемые въ первой инстанціи судебными палатами. На ряду съ этими тремя департаментами цѣлесообразнымъ представляется удержаніе перваго департамента съ правительствующими функціями. Въ высшей степени разуменъ порядокъ, по которому сенатъ, какъ высшій хранитель законовъ, завѣдываетъ дѣломъ ихъ опубликованія, и по которому ни одинъ законъ или аналогичная общая норма не можетъ быть опубликована, не пройдя черезъ руки сената. Само собою разумѣется, необходимо

*) Ревизионный порядокъ долженъ быть замѣненъ порядкомъ обжалованія обвинительнаго акта,

уничтожить всякую тѣнь зависимости сената отъ правительства и въ частности отъ министра юстиціи.

Закончу книгу золотыми словами проф. Миттермайера: „Исторія Англія поучаетъ насъ, что народъ можетъ наслаждаться справедливымъ судомъ, обеспечивающимъ общественный порядокъ, силу законовъ и личную свободу гражданъ только въ такомъ случаѣ, когда правительство уважаетъ права народа и относится къ нимъ честно, добросовѣстно и безъ всякихъ заднихъ мыслей или своекорыстныхъ видовъ; когда оно твердо держится законовъ; когда всѣ должностныя лица проникнуты сознаниемъ своего долга и строго держатся законовъ, будучи твердо увѣрены, что всякое уклоненіе отъ нихъ повлечетъ за собою неминуемую тяжкую отвѣтственность; когда судьи столько же уважаютъ частное право, какъ и государственное; *когда они ничего не боятся и ни на что не надѣются, и убѣжденія ихъ не зависятъ отъ воли другихъ*; когда въ цѣломъ народѣ развиты чувства уваженія къ законамъ, сознанія своихъ правъ и гражданскаго мужества, необходимаго для ихъ защиты и, наконецъ, когда всякое оскорбленіе частныхъ правъ одного гражданина чувствуется всѣми, какъ явленіе, угрожающее общей безопасности“ *).

*) Угол. Судопр. въ Англіи, Шотл. и Сѣв.-Америкѣ. Стр. 2.—Лучшимъ дополненіемъ этой цитаты могутъ служить прекрасныя страницы изъ книги *Dicey Introduction to the study of the law of the constitution* (1902 г. стр. 180—199), гдѣ авторъ резюмируетъ сущность основнаго принципа англійской государственной жизни.

Приложеніе.

Положенія, резюмирующія сущность книги.

I.

1. Не смотря на многочисленныя бѣдствія, которыя причинены человѣчеству неправильнымъ осуществленіемъ идеи государства или злоупотребленіемъ этой идеей, государство должно быть признано необходимой формой общежитія, т. к. при наличности цѣлаго ряда сложныхъ историческихъ причинъ и темныхъ сторонъ природы человѣка только государство можетъ дать надежную охрану *праву* (основѣ общежитія), свести къ минимуму проявленія звѣря въ человѣкѣ и привести человѣчество къ идеальной цѣли—всеобщему братству свободныхъ, культурныхъ и гармонически развитыхъ индивидуумовъ.

2. Краеугольнымъ камнемъ всего общественнаго зданія является личность—движущая сила исторіи культуры. Поэтому въ основу государственной дѣятельности должно быть положено уваженіе къ личности и предоставленіе ей возможно большей автономіи; государство должно всегда помнить, что общее благо есть лишь сумма благъ составляющихъ государство личностей. На первомъ планѣ должны быть поставлены чисто-культурные интересы (обеспеченіе всѣмъ и каждому истинно-человѣческаго существованія), а не интересы могущества и власти.

3. Власть (причина всѣхъ нападений на государство) должна быть разсматриваема не какъ самоцѣль, а лишь какъ средство для осуществленія культурой миссіи государства. Но такъ какъ первородный грѣхъ всякой власти есть стремленіе къ деспотизму, то необходимо обставить осуществленіе власти надежной систе-

мой гарантїи. Въ особенноти эти гарантїи необходимы при осуществленїи *самыхъ опасныхъ* функцій власти—принудительныхъ, наиболѣе рѣзкой формой которыхъ является наказанїе (по своему существу оно есть необходимое зло).

4. Центральное мѣсто въ этой системѣ гарантїи занимаетъ судъ, какъ органъ власти, специально созданный для охраны правопорядка, *монополизирующій въ своихъ рукахъ распоряженіе принудительными функціями* и всѣ споры о правѣ, какъ между частными лицами, такъ и между гражданиномъ и государствомъ.

II.

5. Для выполненїя столь отвѣтственной и трудной задачи судъ долженъ быть организованъ такъ, чтобы онъ имѣлъ полную возможность быть *спокойнымъ, безпристрастнымъ, авторитетнымъ и разумнымъ* третьимъ въ каждомъ восходящемъ на его разсмотрѣніе спорѣ, и чтобы руководящимъ принципомъ его дѣятельности была правомѣрность, а не направленїе внутренней политики.

6. Въ основу организациіи суда должны быть положены слѣдующія начала: несомѣстимость понятїи судьи и чиновника, независимость судей какъ отъ общества, такъ и отъ правительства, ихъ несмѣняемость, высокое положенїе, матеріальная обеспеченность, возможно лучшія внѣшнія условія для работы.

7. Судъ долженъ отражать въ себѣ высшую степень культуры, достигнутой страной; поэтому судьи должны обладать самымъ широкимъ и солиднымъ научнымъ образованїемъ какъ общимъ, такъ и специальнымъ и возможно болѣшимъ богатствомъ духовной жизни. Кромѣ того судьи должны обладать значительнымъ опытомъ, какъ общежитейскимъ, такъ и специальнымъ.

8. Такъ какъ судебная власть есть власть подзаконная, то и верховная власть, и общество должны имѣть возможность контролировать дѣятельность суда для провѣрки согласїа ея съ существующимъ правопорядкомъ. Для успѣшности контроля необходимы: единый для всего государства кассационный судъ, публичность засѣданїи, свободная пресса и свободная, автономная адвокатура. Надзоръ ни въ чемъ не долженъ связывать свободы судейскаго убѣжденїа и самостоятельности судьи въ дѣлѣ толкованїа законовъ, а также не долженъ подрывать принципа независимости судьи.

9. Судъ долженъ быть организованъ на коллегіальномъ началѣ. Единоличныя судьи не могутъ быть рекомендованы теоріей; но если финансовая необходимость заставляетъ учреждать единоличныя суды, то во всякомъ случаѣ для судей этихъ судовъ рѣчь можетъ идти не о пониженіи, а о повышеніи гарантій независимости, авторитетности, знаній и опыта. Необходимыми факторами улучшенія единоличнаго суда надо признать организацію при судѣ штатной и отвѣтственной канцеляріи и исполнительныхъ органовъ, а также участіе въ судебныхъ засѣданіяхъ для рѣшенія дѣлъ по существу лицъ, избранныхъ обществомъ (современный германскій шеффенскій судъ).

10. Но и въ общихъ коллегіальныхъ судахъ необходимо участіе непрофессиональнаго, общественнаго элемента, т. к. это участіе создаетъ дополнительныя гарантіи независимости, авторитетности, знаній и опыта. Участіе это необходимо организовать такъ, чтобы оба элемента соединились бы гармонически и чтобы приговоръ явился результатомъ общей, совмѣстной работы, основанной на взаимномъ довѣрїи и пониманіи. Теоретически—такому принципу наиболѣе соответствуетъ соединеніе въ одну коллегію профессиональныхъ судей и общественныхъ представителей, но въ силу историческихъ и политическихъ причинъ это соединеніе не всегда и не вездѣ желательно; поэтому при отсутствіи необходимыхъ данныхъ должны быть сохранены существующіе суды присяжныхъ, реформированные согласно англійскому типу.

III.

11. Въ Россіи новая эра для суда начинается Судебными Уставами 1864 года. Въ основу судоустройства положены совершенно правильныя принципы, являющіеся отраженіемъ признанныхъ наукой и господствующихъ у всѣхъ культурныхъ народовъ началъ.

12. Подъ вліяніемъ реакціонныхъ теченій Судебныя Уставы подверглись цѣлому ряду измѣненій, принципиально несогласимыхъ съ основными началами. Руководящей идеей всѣхъ измѣненій являлось стремленіе къ бюрократизаціи судебного вѣдомства и къ превращенію судей въ зависимыхъ отъ правительства чиновниковъ. Въ результатъ получилось наблюдаемое нынѣ паденіе судебныхъ нравовъ и въ значительной степени превращеніе суда въ орудіе власти.

13. Законодательный проектъ комисіи Н. В. Муравьева не можетъ быть принятъ, т. к. представляетъ собою ухудшеніе судебныхъ порядковъ даже сравнительно съ существующими. Важнѣйшими недостатками проекта являются: а) проектъ ничего не сдѣлалъ для проведенія принципа единства и исключительности судебной власти, б) оставилъ нетронутыми судебныя функціи земскихъ начальниковъ, в) создалъ весьма неудачный институтъ участковыхъ судей съ соединеніемъ судейскихъ и слѣдовательскихъ функцій, д) раздробилъ кассационныя функціи, е) сдѣлалъ дальнѣйшіе и очень рѣшительные шаги для превращенія судей въ чиновниковъ.

14. Нормально функционировать судъ можетъ только въ правовомъ государствѣ. Необходимо уничтоженіе всѣхъ новеллъ, вышедшихъ послѣ 1864 года и дальнѣйшее развитіе законодательства въ духѣ началъ Судебныхъ Уставовъ первоначальной редакціи.

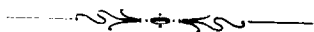
I. Малиновскій.

Вопросы права

въ сочиненіяхъ

А. П. Чехова.

Докладъ, читанный въ засѣданіяхъ Томскаго Юридическаго
Общества 9 и 30 октября 1904 года.

ТОМСКЪ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина. Благовѣщ. пер., собс. д.
1905.

Печатано по постановленію Совѣта Юридическаго факультета Императорскаго
Томскаго Университета. Деканъ *И. Базановъ*.

Высокочитимое собраніе!

Русская литература понесла крупную потерю: скончался одинъ изъ наиболѣ любимыхъ и талантливыхъ писателей Антонъ Павловичъ Чеховъ. Настоящее и слѣдующее засѣданія да будутъ скромнымъ вѣнкомъ отъ Томскаго Юридическаго Общества на могилу безвременно почившаго писателя. Въ этихъ засѣданіяхъ я предложу вашему просвѣщенному вниманію докладъ на тему: „Вопросы права въ сочиненіяхъ А. П. Чехова“. Я позволилъ себѣ выступить съ докладомъ на такую тему въ Юридическомъ Обществѣ, ибо полагаю, что рѣшеніе вопросовъ права въ произведеніяхъ художественной литературы представляетъ интересъ для юридической науки и что между художественной литературой и юридической наукой, правовѣдѣніемъ, существуетъ тѣсная связь. Но это мнѣніе отнюдь не считается общепризнаннымъ. А потому считаю необходимымъ остановиться на его выясненіи.

Что такое правовѣдѣніе? Какъ показываетъ буквальный филологическій смыслъ этого слова, правовѣдѣніе есть наука о правѣ. Въ новѣйшее время источникомъ права служитъ дѣйствующее законодательство. Нормы права—дѣйствующіе законы. Слѣдовательно, правовѣдѣніе—это наука о юридическихъ законахъ. Было время, когда правовѣдѣніе понималось въ этомъ простѣйшемъ смыслѣ, въ смыслѣ законовѣдѣнія. И въ наше время иногда смѣшиваютъ изученіе дѣйствующаго законодательства для той или иной практической цѣли съ научнымъ изученіемъ права. Въ наше время такіе взгляды являются переживаніемъ наивной старины. Но въ то время, когда такіе взгляды господствовали, единственнымъ матеріаломъ, надъ которымъ оперировала научная мысль юриста, были сборники дѣйствующихъ законовъ. До памятниковъ литературы научной, публицистической, художествен-

ной юристу не было дѣла; въ то время мысль о тѣсной связи между правовѣдѣніемъ и художественной литературой показалась бы по меньшей мѣрѣ странною.

Изученіе одного только дѣйствующаго законодательства недостаточно. Законъ—одна изъ формъ права, но не единственная. Рядомъ съ юридическими законами существуютъ юридическіе обычаи. И юридическіе законы и юридическіе обычаи имѣютъ свою исторію, изученіе которой безусловно необходимо для пониманія дѣйствующаго права. Матеріаломъ для историческаго изученія права служатъ памятники законодательства и памятники обычнаго права. Нормы обычнаго права хранятся въ народномъ правосознаніи; сборники нормъ обычнаго права составляютъ рѣдкое явленіе. Откуда же мы почерпаемъ наши свѣдѣнія объ обычномъ правѣ? Изъ самыхъ разнообразныхъ памятниковъ исторической жизни даннаго народа, а въ томъ числѣ и изъ памятниковъ литературы. Памятники литературы являются для историка юриста памятниками обычнаго права. Такъ, напримѣръ, при изученіи исторіи древнѣйшаго русскаго права историкъ юристъ пользуется и „Лѣтописью“, и „Поученіемъ Владиміра Мономаха“, и „Словомъ о полку Игоревѣ“, и „Словомъ Даниила Заточника“, и „Житіями святыхъ“ и т. п. Между правовѣдѣніемъ и литературой, вообще, и художественной литературой, въ частности, устанавливается связь: литература есть памятникъ обычнаго права, и при томъ иногда—памятникъ единственный. А слѣдовательно, юристъ, изучающій обычное право, долженъ обратиться къ памятникамъ литературы.

Литература можетъ быть и памятникомъ законодательства: на основаніи фактовъ, сообщаемыхъ въ литературномъ произведеніи, можно сдѣлать заключеніе о юридическихъ законахъ. Напримѣръ, на основаніи фактовъ, сообщаемыхъ въ „Мертвыхъ душахъ“ Гоголя, можно сдѣлать заключеніе о тѣхъ юридическихъ законахъ, которыми опредѣлялись отношенія между помѣщиками и крестьянами, которыми опредѣлялся порядокъ мѣстнаго управленія и т. п. Но нѣтъ надобности пользоваться художественной литературой для этой цѣли, ибо есть путь болѣе легкій: непосредственное знакомство съ сборниками дѣйствующихъ законовъ.

Таково первое значеніе художественной литературы для правовѣдѣнія.

Художественная литература имѣла и имѣетъ еще другое болѣе важное значеніе для правовѣдѣнія: художественная литература, изображая различныя явленія общественной жизни, даетъ оцѣнку дѣйствующаго положительнаго права и указываетъ идеалы въ области права. И если съ точки зрѣнія того новѣйшаго направленія научной юридической мысли, которое называется возрожденіемъ естественнаго права, задачей правовѣдѣнія является широкая и свободная идеологическая критика положительнаго права, критика съ точки зрѣнія соотвѣтствія положительнаго права правовымъ идеаламъ общества, то между правовѣдѣніемъ и художественной литературой существуетъ тѣсная и неразрывная связь. Художественная литература, насколько она касается вопросовъ права, союзникъ правовѣдѣнія и притомъ союзникъ весьма сильный. Сила ея заключается въ ея неотразимомъ вліяніи на общество.

Одни и тѣ же юридическія идеи проводятся въ научномъ юридическомъ сочиненіи и въ произведеніи художественной литературы. Но научное сочиненіе находитъ десятки или сотни читателей, произведеніе художественной литературы находитъ — тысячи, десятки и сотни тысячъ читателей. Недавно появилась на нашемъ книжномъ рынкѣ чрезвычайно интересная книга: „Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“. Въ этой книгѣ мы встрѣчаемъ оцѣнку современнаго юридическаго положенія крестьянъ и указаніе на идеалы будущаго. То же самое встрѣчаемъ мы въ разсказахъ Чехова — „Мужики“, „Моя жизнь“, „Новая дача“ и др. Но „Нужды деревни“ найдутъ сотни читателей, а разсказы Чехова — сотни тысячъ читателей. Таково обыкновенно сравнительное вліяніе науки и искусства. Наука доступна немногимъ, художественная литература и, вообще, искусство дѣйствуетъ на массы. Иллюстраціей этой мысли можетъ служить разсказъ Чехова „Дома.“

Прокуроръ Быковской вернулся изъ засѣданія суда домой. Губернантка должила ему, что Сережа (его сынъ, семилѣтній мальчикъ) курить, для чего беретъ у него на столѣ табакъ. Про

куроръ призываетъ Сережу и начинаетъ говорить о томъ, что онъ не имѣетъ права брать чужой табакъ и что курить не хорошо. Это нравоученіе никакого впечатлѣнія на мальчика не произвело. И прокурору „казалось страннымъ и смѣшнымъ, что онъ, опытный правовѣдъ, полжизни упражнявшійся во всякаго рода преступленіяхъ, предупрежденіяхъ и наказаніяхъ, рѣшительно терялся и не зналъ, что сказать мальчику.

Пробило десять часовъ.

— Ну, мальчикъ, спать пора, — сказалъ прокуроръ. — Прощайся и иди.

— Нѣтъ, папа, — поморщился Сережа, — я еще посижу. Расскажи мнѣ что ни будь! Расскажи сказку“.

И прокуроръ рассказалъ сказку. Это была импровизація, экспромптъ. Мораль сказки та же — нехорошо курить.

На Сережу сказка произвела сильное впечатлѣніе. Онъ поглядѣлъ на окно, „вздвогнулъ и сказалъ упавшимъ голосомъ:

— Не буду я больше курить“...

Когда Сережа ушелъ, прокуроръ началъ размышлять: „Почему мораль и истина должны подноситься не въ сыромъ видѣ, а съ примѣсами, непременно въ обсахаренномъ и позолоченномъ видѣ, какъ пилюли? Это ненормально... фальсификація, обманъ... фокусы“... Вспомнилъ онъ присяжныхъ засѣдателей, которымъ непременно нужно говорить рѣчь, публику, усваивающую исторію только по былинамъ и историческимъ романамъ, себя самого, почерпавшаго житейскій смыслъ не изъ проповѣдей и законовъ, а изъ басенъ, романовъ, стиховъ. „Лѣкарство должно быть сладкое, истина красивая... И эту блажь напустилъ на себя чловѣкъ со времянь Адама... Впрочемъ... быть можетъ, все это естественно и такъ и быть должно... Мало-ли въ природѣ цѣлесообразныхъ обмановъ, иллюзій“.

Талантливое произведеніе художественной литературы производитъ неотразимое впечатлѣніе на читателей, ибо талантъ, по словамъ Чехова, это — „стихійная сила, это ураганъ, способный обращать пыль въ камни... Человѣческой немощи бороться съ талантомъ такъ же трудно, какъ глядѣть, не мигая, на солнце, или остановить вѣтеръ. Одинъ простой смертный силою слова обращаетъ тысячи убѣжденныхъ дикарей въ христіанство; Одис-

сей былъ убѣжденнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, но спасоваль передъ сиренами, и т. д. Вся исторія состоитъ изъ подобныхъ примѣровъ, а въ жизни они встрѣчаются на каждомъ шагу“. (Сильныя ощущенія).

Юридическія идеи, которыя проводятся въ произведеніяхъ художественной литературы, постепенно переходятъ въ общественное сознаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ то, что представлялось раньше отдаленнымъ идеаломъ, становится дѣйствительнымъ фактомъ. Такимъ образомъ, художественная литература является однимъ изъ факторовъ, способствующихъ прогрессивному развитію права. И если съ точки зрѣнія соціологическаго направленія юридической мысли задача юридическихъ наукъ заключается въ изученіи права, какъ историческаго и соціальнаго явленія, въ связи со всѣми другими явленіями общественной жизни, то понятно важное значеніе художественной литературы для правовѣдѣнія и съ этой соціологической точки зрѣнія.

И такъ, связь художественной литературы съ правовѣдѣніемъ и значеніе художественной литературы для правовѣдѣнія состоитъ въ томъ, что 1) художественная литература есть памятникъ положительнаго права и 2) художественная литература даетъ оцѣнку положительнаго права, указываетъ идеалы права и, такимъ образомъ, способствуетъ прогрессивному развитію права.

Изученіе сочиненій А. П. Чехова съ этихъ точекъ зрѣнія представляетъ большой интересъ для юриста. Въ пьесѣ Чехова „Чайка“ писатель Тригоринъ говоритъ: „Я люблю вотъ эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждаетъ во мнѣ страсть, непреодолимое желаніе писать. Но вѣдь я не пейзажистъ только, я вѣдь еще гражданинъ, я люблю родину, народъ, я чувствую, что если я писатель, то я обязанъ говорить о народѣ, объ его страданіяхъ, объ его будущемъ, говорить о наукѣ, о правахъ человѣка и проч. и проч.; и я говорю обо всемъ“.

Писатель, какъ гражданинъ, обязанъ говорить о правахъ *человѣка*. И Чеховъ весьма часто въ своихъ сочиненіяхъ касается этого вопроса о правахъ *человѣка*.

Въ новой исторіи русскаго права кардинальнымъ вопросомъ является вопросъ о *крѣпостномъ правѣ*. Всѣ лучшіе русскіе писатели XVIII и XIX вв. касаются этого вопроса. Въ русской художественной литературѣ находимъ всестороннюю и вѣрную оцѣнку крѣпостнаго права, а вмѣстѣ съ этимъ находимъ согласное указаніе на идеаль будущаго, указаніе, формулированное въ извѣстныхъ стихахъ Пушкина:

Увижу-ль я, друзья, народъ освобожденный
И рабство, падшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря!

Идеаль этотъ достигнуть. Крѣпостное право пало. И въ этомъ паденіи крѣпостнаго права не послѣднюю роль играли тѣ эманципаторскія идеи, которыми проникнута была русская художественная литература.

То русское общество, которое изображено въ сочиненіяхъ Чехова, русское общество 80—90-хъ годовъ XIX вѣка и начала XX вѣка, уже не знаетъ крѣпостнаго права, какъ юридическаго института. Но среди этого общества еще доживали свои дни свидѣтели крѣпостнаго права, „послѣдніе могикане“ уходящей въ исторію дореформенной Россіи. Чеховъ изображаетъ этихъ „послѣднихъ могиканъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ оцѣнку крѣпостнаго права и выясняетъ его вліяніе на послѣдующую русскую жизнь.

Представитель эпохи крѣпостнаго права дѣдушка въ разсказѣ „Въ родномъ углу“.

„Неукротимый былъ человекъ..., характеризуетъ дѣдушку тетя Даша. Прежде, бывало, чуть прислуга не угодитъ или что, какъ вскочить и „Двадцать пять горячихъ! Розогъ!“ А теперь присмирѣлъ и не слышать его. И то сказать, не тѣ времена теперь, душечка, замѣчаетъ тетя Даша; бить нельзя“.

Впрочемъ, слова тети Даши — „присмирѣлъ и не слышать его“ не совсѣмъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Случалось, что за обѣдомъ вдругъ лицо у дѣдушки багровѣло, шея надувалась, онъ со злобой глядѣлъ на прислугу и спрашивалъ, стуча палкой: — почему хрѣну не подали? Лѣтомъ онъ иногда ѣздилъ въ поле и, вернувшись, говорилъ, что безъ него вездѣ беспорядки, и замахивался.

вался палкой. Дѣдушка, представитель крѣпостного режима, знаетъ уже, что бить нельзя, но еще не знаетъ, что нельзя стучать палкой и замахиваться палкой.

Представителями крѣпостного режима, съ другой стороны, являются старикъ Осипъ и его бабка въ разсказѣ „Мужики“. Они свыклись съ этимъ режимомъ, свыклись съ своей ролью объектовъ права, не могутъ справиться съ новой ролью субъектовъ права, и прошлое представляется для нихъ золотымъ вѣкомъ, потеряннымъ раемъ.

„При господахъ лучше было,—говоритъ старикъ Осипъ. И работаешь и ѣшь, и спишь, все своимъ чередомъ. Въ обѣдъ щи тебѣ и каша. Огурцовъ и капусты было вволю: ѣшь добровольно, сколько душа хочеть. И строгости было больше. Всякій себя помнилъ... Старикъ разсказывалъ, не спѣша, какъ жили до голи, какъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь живетъ такъ скучно и бѣдно, охотились съ гончими, съ борзыми, съ псковичами, и во время облавъ мужиковъ поили водкой; какъ въ Москву ходили цѣлые обозы съ битой птицей для молодыхъ господъ, какъ злыхъ наказывали розгами или ссылали въ Тверскую вотчину, а добрыхъ награждали. И бабка тоже разсказала кое-что. Она все помнила, рѣшительно все. Она разсказала про свою госпожу, добрую, богобоязненную женщину, у которой мужъ былъ кутила и развратникъ, и у которой всѣ дочери повыходили замужъ Богъ знаетъ какъ: одна вышла за пьяницу, другая— за мѣщанина, третью увезли тайно (сама бабка, которая была тогда дѣвушкой, помогала увозить), и всѣ онѣ скоро умерли съ горя, какъ и ихъ мать. И вспомнивъ объ этомъ, бабка даже всхлипнула“.

Неволя представляется раемъ и для Фирса въ пьесѣ „Вишневый садъ“. „Живу давно, говоритъ онъ Раневской. Меня женить собирались, а вашего папаши еще на свѣтѣ не было... А воля вышла, я уже старшимъ камердинеромъ былъ. Тогда я не согласился на волю, остался при господахъ. И помню всѣ рады, а чему рады и сами не знаютъ“. По мнѣнію Фирса, раньше лучше было: „мужики при господахъ, господа при мужикахъ, а теперь всѣ враздробъ, не поймешь ничего“. Въ другомъ мѣстѣ Фирсъ называетъ волю несчастіемъ. „Передъ несчастіемъ, говоритъ онъ, то же было: и сова кричала, и самоваръ гудѣлъ безперечь“. На

вопросъ Гаева—, передъ какимъ несчастіемъ“? онъ отвѣчаетъ: — „передъ волей“.

Представитель крѣпостнаго режима старый пастухъ въ разсказѣ „Свирѣль“ тоже скорбитъ о крѣпостной неволѣ, какъ о потерянномъ раѣ. „Лѣтъ сорокъ я примѣчаю, говоритъ онъ приказчику, Божьи дѣла... и такъ понимаю, что все къ одному клонится... къ худу. Надо думать къ гибели. Пришла пора Божьему міру погибать. Я, добрый человѣкъ, съ самой воли хожу съ общественнымъ стадомъ, до воли тоже былъ у господъ въ пастухахъ, пасъ на этомъ самомъ мѣстѣ и, покуда живу, не помню того лѣтнаго дня, чтобы меня тутъ не было. И все время я Божьи дѣла примѣчаю. Приглядѣлся я, братъ, за свой вѣкъ и такъ теперь понимаю, что всякія растенія на убыль пошли. Рожь ли взять, овощъ ли, цвѣтокъ ли какой, все къ одному клонится.

— За то народъ лучше сталъ, — замѣтилъ приказчикъ.

— Чѣмъ это лучше?

— Умнѣй.

— Умнѣй-то умнѣй, это вѣрно, да что съ того толку? На кой прахъ людямъ умъ передъ гибелью-то? Пропадать и безъ всякаго ума можно. Къ чему охотнику умъ, коли дичи нѣтъ? Я такъ разсуждаю, что Богъ человѣку умъ далъ, а силу взялъ. Слабъ народъ сталъ, до чрезвычайности слабъ. Къ примѣру меня взять... Грошъ мнѣ цѣна, во всей деревнѣ я самый пустѣйшій мужикъ а все таки сила есть. Ты вотъ гляди, мнѣ седьмой десятокъ, а я день деньской пасу, да еще ночное стерегу за двугривенный и спать не сплю, и не зябну; сынъ мой умнѣй меня, а поставь его замѣсто меня, такъ онъ завтра же прибавки запроситъ, или лѣчиться пойдетъ. Такъ-тось. Я, акромѣ хлѣбушка, ничего не потребляю, потому хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ, и отецъ мой, акромѣ хлѣба, ничего не ѣлъ, и дѣдъ, а нынѣшнему мужику и чаю давай, и волки, и булки, и чтобы спать ему отъ зари до зари, и лѣчиться и всякое баловство. А почему? Слабъ сталъ, силы въ немъ нѣтъ вытерпѣть“.

Наконецъ, есть еще одинъ защитникъ крѣпостнаго режима— регентъ соборной церкви Градусовъ въ разсказѣ „Изъ огня да въ полямя“. Градусовъ остался недоволенъ приговоромъ мирового судьи, коимъ онъ подвергнутъ наказанію за оскорбленіе

своего бывшего пѣвчаго Осипа Деревяшкина. Градусовъ говоритъ: „Меня оскорбили да я же еще и сидѣть долженъ... Удивленіе... Надо, господинъ мировой судья, по закону судить, а неумствую. Ваша покойная маменька, Варвара Сергѣевна, дай Богъ ей царство небесное, такихъ, какъ Осипъ, сѣчь приказывала, а вы имъ поблажку даете... Что-жь изъ этого выйдетъ?“

Для характеристики того рая, который былъ на русской землѣ во времена крѣпостного права, приведу еще два факта изъ рассказовъ Чехова.

Бродяга (въ рассказѣ „Мечты“) рассказываетъ о томъ, что его мать, крѣпостная женщина, была наложницей и отравила своего барина, когда впала въ немилость и уступила мѣсто другой наложницѣ.

Въ „Сосѣдяхъ“ помѣщикъ Власичъ рассказываетъ о томъ, какъ во времена крѣпостного права арендаторъ французъ заporоль до смерти одного бурсака: „сдѣлалъ ему допросъ, потомъ приказалъ бить... самъ сидитъ за столомъ, бордо пьетъ, а конюха бьютъ... къ утру бурсакъ умеръ отъ истязаній, и трупъ его спрятали куда-то“.

Самоуправство со стороны помѣщиковъ, наказаніе крестьянъ розгами, ссылка ихъ въ дальнюю вотчину, принудительные браки между крестьянами, обращеніе крѣпостныхъ женщинъ въ наложницъ, взглядъ на крестьянина, исключительно какъ на рабочую силу и крайняя эксплуатація этой рабочей силы—вотъ конкретныя черты крѣпостного права. Но людямъ, воспитаннымъ въ традиціяхъ крѣпостного права, оно казалось не только нормальнымъ порядкомъ, но и порядкомъ наилучшимъ. По мнѣнію старика пастуха въ рассказѣ „Свирѣль“, способность крѣпостного крестьянина безропотно подвергаться эксплуатаціи помѣщика есть признакъ силы; напротивъ порядокъ, наступившій послѣ объявленія воли, когда сыновья крѣпостныхъ заговорили о платѣ за работу, объ отдыхѣ послѣ работы, о достаточномъ питаніи, о лѣченіи, т.-е. заявили о человѣческихъ правахъ, указываетъ на слабость.

Представители крѣпостного режима доживаютъ послѣдніе дни. Старикъ Осипъ и его бабка, старикъ-пастухъ и Фирсъ—люди весьма дряхлые. Дѣдушка въ рассказѣ „Въ родномъ углу“

тоже разслабленный, дряхлый старикъ. И Елена Никифоровна Чепракова въ разсказѣ „Моя жизнь“ тоже дряхлая старуха: „она говорила, ѣла, но во всей ея фигурѣ было уже что то мертвенное и даже какъ будто чувствовался запахъ трупа“.

Послѣдніе представители крѣпостного режима доживаютъ послѣдніе дни, но они передали своимъ потомкамъ тѣ понятія, нравы и привычки, которые культивировались на почвѣ крѣпостного права. Въ томъ русскомъ обществѣ, которое изображено въ сочиненіяхъ Чехова, нѣтъ крѣпостного права, какъ юридическаго института, но крѣпостное право продолжаетъ жить въ понятіяхъ, взглядахъ, нравахъ и привычкахъ; крѣпостное право наложило неизгладимую печать на психическую организацію и потомковъ бывшихъ господъ и потомковъ бывшихъ рабовъ.

Въ разсказѣ Чехова „Три года“ встрѣчаемъ слѣдующее признаніе университетскаго человѣка Лаптева, предки котораго были крѣпостными: „Я робокъ, не увѣренъ въ себѣ, у меня трусливая совѣсть, я никакъ не могу приспособиться къ жизни, стать ея господиномъ. Иной говоритъ глупости или плутуетъ, и такъ жизнерадостно, я же, случается, сознательно дѣлаю добро и испытываю при этомъ безпокойство или полнѣйшее равнодушіе. Все это объясняю я тѣмъ, что я рабъ, внукъ крѣпостного. Прежде чѣмъ, мы, чумазые, выйдемъ на настоящую дорогу, много нашего брата ляжетъ костями“.

Въ другомъ мѣстѣ того же разсказа Лаптевъ говоритъ брату своему Θεодору, который написалъ статью о „русской душѣ“ и величаетъ себя представителемъ именитаго купеческаго рода: „Какой тамъ именитый родъ?.. Дѣда нашего помѣщики драли и каждый послѣдній чиновничиска билъ его въ морду. Отца дралъ дѣдъ, меня и тебя дралъ отецъ. Что намъ съ тобой даль этотъ твой именитый родъ? Какіе нервы и какую кровь мы получили въ наслѣдство? Ты вотъ уже почти три года разсуждаешь, какъ дьячокъ, говоришь всякій вздоръ и вотъ написалъ — вѣдь это холопскій бредъ! А я, а я? Посмотри на меня... Ни гибкости, ни смѣлости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шагъ, точно меня выпорютъ, я робѣю передъ ничтожествомъ, идіотами, скотами, стоящими неизмѣримо ниже меня умственно и нравственно, я боюсь дворниковъ, швейцаровъ, городовыхъ, жан-

дармовъ, я всёхъ боюсь, потому что я родился отъ затравленной матери, съ дѣтства я забить и замученъ“.

Лаптевъ — интеллигентный человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ. Онъ сознательно относится къ явленіямъ дѣйствительной жизни и вѣрно отгадываетъ въ отдаленномъ прошломъ причины настоящаго. То, что говоритъ Лаптевъ о себѣ, примѣнимо и къ другимъ русскимъ людямъ, потомкамъ бывшихъ господъ и потомкамъ бывшихъ рабовъ. И тѣмъ и другимъ предки передали богатое наслѣдство, въ видѣ понятій, взглядовъ, нравовъ и привычекъ, воспитанныхъ при крѣпостномъ режимѣ.

Не было ли въ русской жизни послѣ отмѣны крѣпостного права такихъ условій, которыя поддерживали эти понятія, взгляды, нравы и привычки? Такія условія были. Крѣпостное право тѣсно было связано со всёмъ строемъ общественной жизни дореформенной Россіи. Отмѣна крѣпостного права должна была повлечь за собою и дѣйствительно повлекла цѣлый рядъ другихъ реформъ, цѣль которыхъ заключалась въ раскрѣпощеніи Россіи. Таковы реформы: земская, городская, судебная, военная, университетская... Но скоро реформы были пріостановлены. Мало того, скоро наступилъ поворотъ назадъ, къ дореформенной старинѣ. Историческая жизнь человѣчества подчиняется закону неповторяемости явленій: то, что было, не можетъ быть возстановлено въ своемъ первоначальномъ видѣ. Нельзя было снова закрѣпостить крестьянъ помѣщикамъ нельзя было совершенно отказаться отъ идеи мѣстнаго самоуправленія, нельзя было совершенно отказаться отъ скорога, праваго, милостиваго и равнаго суда... Но освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной неволи не доведено до конца, осталось закрѣпощеніе крестьянъ общинѣ, закрѣпощеніе податное, паспортное...; производятся частичныя, но довольно существенныя измѣненія въ Земскомъ Положеніи и Городовомъ Положеніи; равнымъ образомъ, производятся частичныя измѣненія Судебныхъ Уставовъ; вводится институтъ земскихъ начальниковъ; сохраняется цензурный гнетъ; сохраняются тѣлесныя наказанія и т. д. Эти послѣднія условія общественной жизни способствуютъ поддержанію тѣхъ понятій, взглядовъ, привычекъ и нравовъ, которые образовались во времена крѣпостного права. Такимъ образомъ, на сценѣ русской общественной жизни мы видимъ два

теченія: молодая раскрѣпошенная Россія уже начала свое бытіе и сдѣлала первые нетвердые шаги; но еще доживаетъ послѣдніе дни старая крѣпостная Россія, она употребляетъ отчаянныя усилія, чтобы продлить свое существованіе, отсрочить свою кончину и, какъ подобаешь старости, ревниво оберегаетъ пріобрѣтенныя права.

Русское общество, изображенное въ сочиненіяхъ Чехова, живетъ именно въ эпоху борьбы этихъ теченій. Лучшіе представители этого общества съ горячей вѣрой въ свѣтлое будущее вступаютъ въ жизнь, но терпятъ неудачи и очень скоро превращаются въ нытиковъ, людей скучающихъ, тоскующихъ, надорванныхъ и надломленныхъ, усталыхъ тѣломъ и душой, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли. Я не буду останавливаться на общей характеристикѣ русскихъ людей по сочиненіямъ Чехова. Въ настоящую минуту меня интересуетъ юридическая жизнь русскихъ людей по сочиненіямъ Чехова. И на жизни юридической должна была отразиться борьба указанныхъ мною двухъ противоположныхъ теченій.

Ubi societas, ibi jus est. Въ каждомъ обществѣ существуетъ право. Предписанія права должны быть исполняемы. *Законность* — одинъ изъ основныхъ принциповъ общественной жизни.

Какую роль играетъ этотъ принципъ законности въ русской общественной жизни? Существуетъ ли уваженіе къ юридическому закону въ томъ русскомъ обществѣ, которое изображено въ сочиненіяхъ Чехова? — вотъ первый вопросъ права, который я постараюсь выяснитъ.

Земскій докторъ (въ разсказѣ „Непріятностъ“) ударилъ въ больницѣ пьяницу фельдшера. Этотъ дикій поступокъ мучитъ доктора. Послѣ долгихъ размышленій о выходѣ изъ этого мучительнаго положенія докторъ останавливается на такой мысли: „Я воспользовался правомъ сильнаго. Пусть онъ подастъ на меня въ судъ. Я безусловно виноватъ, оправдываться не стану, и мировой присудитъ меня къ аресту.“ Очевидно, докторъ — защитникъ принципа законности. Но онъ встрѣчаетъ неодолимыя препятствія для того, чтобы осуществить этотъ принципъ на практикѣ даже въ томъ дѣлѣ, которое касается лично его. Когда

наступилъ день разбора дѣла у мирового судьи, пріѣхалъ предсѣдатель земской управы и приказалъ фельдшеру до суда просить прощенія у доктора. Докторъ, не желавшій такого исхода, выбѣжалъ въ другую комнату. Тогда предсѣдатель взялъ съ фельдшера слово, что онъ будетъ вести трезвую жизнь и сказалъ: „вотъ и все и суда никакого не нужно.“ Когда докторъ, послѣ этого, „возвращался къ себѣ въ больницу, мысли его заволакивались туманомъ, какъ трава въ осеннее утро.— „Неужели,— думалъ онъ,— въ послѣднюю недѣлю было такъ много выстрадано, передумано и сказано только для того, чтобы все окончилось такъ нелѣпо и пошло! Какъ глупо! Какъ глупо!“

Нелѣпо, пошло и глупо окончилась попытка осуществить идею законности въ томъ обществѣ, которое не привыкло относиться съ уваженіемъ къ этой идеѣ.

Докторъ—представитель принциповъ раскрѣпощенной Россіи, онъ защищаетъ идею законности. Защитниками идеи законности являются также чины судебного вѣдомства. Только чины судебного вѣдомства не брали взятку, по словамъ Полознева въ рассказѣ „Моя жизнь“.

Въ рассказѣ „Изъ огня да въ полымя“ одинъ намекъ на то, что чины судебного вѣдомства берутъ взятки, является оскорбленіемъ суда.

Чины судебного вѣдомства—это представители новаго суда, созданнаго въ эпоху великихъ реформъ Судебными Уставами Императора Александра II, суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго. Понятно, что для нихъ дорога идея законности.

Подъ вліяніемъ отмѣны крѣпостнаго права и введенія новаго суда идея законности мало по мало проникаетъ и въ сознаніе массы населенія.

Въ рассказѣ „Хамелеонъ“ золотыхъ дѣлъ мастеръ Хрюминъ говоритъ: „а ежели я вру, такъ пушай мировой разсудить. У него въ законѣ сказано... Нынче всѣ равны“.

Въ рассказѣ „Новая дача“, крестьяне поймали на цотравѣ господскій скотъ. „Не имѣете никакого права обижать народъ, говорятъ они. Крѣпостныхъ теперь нѣтъ“.

Въ рассказѣ „Егеръ“, бывшій крѣпостной возмущается самодурствомъ барина, который женилъ его пьянаго. „Ты видала, го-

ворить онъ женѣ, что я пьяный, зачѣмъ выходила? Не крѣпостная вѣдь, могла супротивъ пойти?“.

Отдѣльные проявленія чувства законности—исключенія въ сочиненіяхъ Чехова. По общему правилу, въ русскомъ обществѣ, изображенномъ Чеховымъ, нѣтъ уваженія къ закону.

Нѣтъ уваженія къ закону у представителей государственной власти. Мѣсто законности тутъ заступаетъ взяточничество. Взятничество распространено чрезвычайно широко, оно считается вполне нормальнымъ явленіемъ, взятки берутся явно, открыто.

„Во всемъ городѣ, говоритъ Полозневъ (въ разсказѣ „Моя жизнь“), я не зналъ ни одного честнаго человѣка. Мой отецъ бралъ взятки и воображалъ, что даютъ ему изъ уваженія къ его душевнымъ качествамъ; гимназисты, чтобы переходить изъ класса въ классъ, поступаютъ на хлѣба къ своимъ учителямъ, и эти брали съ нихъ большія деньги. Жена воинскаго начальника во время набора брала съ рекрутовъ и даже позволяла угощать себя и разъ въ церкви никакъ не могла подняться съ колѣнъ, такъ какъ была пьяна; во время набора брали и врачи, а городской врачъ и ветеринаръ обложили налогомъ мясныя лавки и трактиры; въ уѣздномъ училищѣ торговали свидѣтельствами, дававшими льготу по третьему разряду; благочинные брали съ подчиненныхъ причтовъ и церковныхъ старостъ; въ городской, мѣщанской, во врачебной и во всѣхъ прочихъ управахъ каждому просителю кричали вслѣдъ:—„Благодарить надо!“ и проситель возвращался, чтобы дать 30—40 копѣекъ“.

Въ томъ же разсказѣ приведенъ одинъ частный случай взяточничества. „Вокзалъ строился въ пяти верстахъ отъ города. Говорили, что инженеры за то, чтобы дорога подходила къ самому городу, просили взятку въ пятьдесятъ тысячъ, а городское управленіе соглашалось дать только сорокъ, разошлись въ десяти тысячахъ, и теперь горожане раскаивались, такъ какъ предстояло проводить до вокзала шоссе, которое по смѣтѣ обходилось дороже“.

Взяточничество со стороны желѣзнодорожныхъ агентовъ описывается также въ разсказахъ—„Холодная кровь“ и „Хорошій конецъ“.

Грузоотправитель Малахинъ (разсказъ „Холодная кровь“) везетъ по желѣзной дорогѣ нѣсколько вагоновъ быковъ въ сто-

лицу. Товарный поѣздъ второй часъ уже стоитъ у полустанка. Малахинъ подходитъ къ оберъ-кондуктору и машинисту, убѣждаетъ ихъ поторопиться, жалуясь на постоянныя остановки. „За всю дорогу, говоритъ онъ, простояли мы лишннихъ тридцать четыре часа... Это не ѣзда, а чистое разоренье“. Грузоотправитель, по закону, имѣетъ право требовать, чтобы лишннихъ остановокъ не было, чтобы ѣзда не была чистымъ разореньемъ. Но и грузоотправителю Малахину, и машинисту, и оберъ-кондуктору чуждо уваженіе къ закону. Оберъ-кондукторъ и машинистъ молчатъ, выслушавъ жалобы грузоотправителя. „По лицамъ обоихъ видно, что у нихъ есть какая-то одна общая тайная мысль, которую они не высказываютъ не потому, что хотятъ скрыть ее, а потому, что подобныя мысли передаются молчаніемъ гораздо лучше, чѣмъ на словахъ. И старикъ (грузоотправитель) понимаетъ. Онъ лѣзетъ въ карманъ, достаетъ оттуда десятирублевку и безъ предисловія, не мѣняя ни тона голоса, ни выраженія лица, а съ увѣренностью и прямою, съ какими даютъ и берутъ взятки, вѣроятно, одни только русскіе люди, подаетъ бумажку оберъ кондуктору. Тотъ молча беретъ, складываетъ ее вчетверо и, не спѣша, кладетъ въ карманъ...“ Поѣздъ уходитъ. Но на одной изъ слѣдующихъ станцій снова остановка и снова повторяется та же сцена. Малахинъ подходитъ къ начальнику станціи и оберъ-кондуктору, выслушиваетъ длинное объясненіе о томъ, что такіе то номера ушли, а такіе то пойдутъ, а затѣмъ „вынимаетъ десятирублевку, подумавъ, прибавляетъ къ ней еще двѣ рублевныя бумажки и подаетъ ихъ начальнику станціи. Тотъ беретъ, дѣлаетъ подъ козырекъ и граціозно суетъ себѣ въ карманъ“. Послѣ этого поѣздъ уходитъ.

Въ разсказѣ „Хорошій конецъ“, оберъ-кондукторъ Стычкинъ провозитъ безбилетныхъ пассажировъ и считаетъ получаемый имъ отъ этой операціи доходъ совершенно нормальнымъ явленіемъ. Стычкинъ — „человѣкъ положительный, строгій, солидный, жизнь ведетъ основательную, обо всемъ благородно понимаетъ...“ И должность у него основательная. На вопросъ — какое онъ жалованье получаетъ? — Стычкинъ отвѣчаетъ:

— „Я—съ? Семьдесятъ пять рублей, помимо наградныхъ... Кромѣ того, мы имѣемъ доходъ отъ стеариновыхъ свѣчей и зайцевъ.“

— Охотой занимаетесь?

— Нѣтъ-съ, зайцами у насъ называются безбилетные пассажиры“.

Въ разказахъ „Въ оврагѣ“ и „Въ сараѣ“, взятки берутъ врачи и чины полиціи.

На краю села Уклеева (разказъ „Въ оврагѣ“) находились фабрики—три ситцевыхъ и одна кожевенная. „Отъ кожевенной фабрики вода въ рѣчкѣ часто становилась вонючей; отбросы заражали лугъ. крестьянскій скоть страдалъ отъ сибирской язвы, и фабрику приказано было закрыть. Она считалось закрытой, но работала тайно съ вѣдома становаго пристава и уѣзднаго врача, которымъ влалѣлецъ платилъ по десяти рублей въ мѣсяць“.

„У нашей барыни—генеральши, говоритъ старикъ (разказъ „Въ сараѣ“)… меньшей сынъ изъ пистолета себѣ въ ротъ выпалилъ. По закону выходитъ, надо хоронить такихъ безъ поповъ, безъ панихиды, за кладбищемъ, а барыня, значить, чтобъ сраму отъ людей не было, подмазала полицейскихъ и докторовъ, и такую бумагу ей дали, будто сынъ въ горячкѣ, это самое, въ бозпамятствѣ. За деньги все можно. Похоронили его, значить, съ попами, честь честью, музыка играла, и положили подъ церковью“.

Характерная сцена взяточничества нарисована въ разказѣ „Справки“.

Помѣщикъ Волдыревъ явился въ одно присутственное мѣсто навести справку. Чиновникъ, къ которому онъ обратился, совершенно его не замѣчалъ. Волдыревъ вынулъ изъ кормана рублевую бумажку и положилъ ее передъ чиновникомъ... потомъ другую. Но чиновникъ по прежнему не обращалъ вниманія на присутеля. Волдыревъ „отошелъ отъ стола и остановился среди комнаты. безнадежно опустивъ руки. Швейцаръ, проходившій со стаканомъ, замѣтилъ, вѣроятно, безпомощное выраженіе на его лицѣ, потому что подошелъ къ нему совѣмъ близко и спросилъ тихо:

— Ну, что? справлялись?

— Справлялся, но со мной говорить не хотятъ.

— А вы дайте ему три рубля,—шепнулъ швейцарь.

— Я уже далъ два.

— А вы еще дайте.

Волдыревъ вернулся къ столу и положилъ на раскрытую книгу зеленую бумажку“.

Справка немедленно была наведена.

Въ рассказѣ „Ораторъ“ одинъ чиновникъ говоритъ другому: „Ваша рѣчь, можетъ быть, годится для покойника, но въ отношеніи живого человѣка она—одна насмѣшка-съ! Помилуйте, что вы говорили? Безкорыстенъ, неподкупенъ, взятокъ не беретъ! Въдь про живого человѣка это можно говорить только въ насмѣшку-съ“!

Взятничество свидѣтельствуеть о неуваженіи къ закону и со стороны того, кто беретъ, и со стороны того, кто даетъ. Берутъ взятки—представители различныхъ государственныхъ учрежденій. Даютъ взятки—представители различныхъ классовъ общества. И тѣ и другіе убѣждены въ томъ, что „благодарить надо“ („Моя жизнь“) и что „за деньги все можно“ („Въ сараѣ“). Гдѣ господствуютъ такіа убѣжденія, тамъ не можетъ быть и рѣчи объ уваженіи къ закону.

Кромѣ взяточничества, объ отсутствіи уваженія къ закону свидѣтельствуютъ и другія явленія: самоуправство, произволь, насилія, обманы. Такія явленія замѣчаются прежде всего въ средѣ высшихъ руководящихъ классовъ русскаго общества. А это указываетъ на то, что даже у высшаго руководящаго класса общества нѣтъ уваженія къ закону.

Профессоръ Серебряковъ въ „Дядѣ Ванѣ“ предполагаетъ распорядиться имѣньемъ своей покойной жены, которое, по закону, принадлежитъ его дочери—Сонѣ.

Неуваженіе къ закону проявляетъ и Андрей Прозоровъ въ „Трехъ Сестрахъ“, тоже интеллигентный человѣкъ, мечтавшій о профессорской карьерѣ. Онъ самовольно заложилъ въ банкѣ домъ, принадлежащій, по закону, ему и его тремъ сестрамъ.

Въ рассказѣ „Моя жизнь“ благообразный господинъ въ золотыхъ очкахъ оказываетъ явное неуваженіе къ закону. Полозневъ рассказываетъ: „Осенью въ нашемъ клубѣ я оклеивалъ обоями читальню и двѣ комнаты; мнѣ заплатили по семи копѣекъ за кусокъ, но приказали расписаться—по двѣнадцати, и когда я отказался исполнить это, то благообразный господинъ въ золотыхъ очкахъ, должно быть одинъ изъ старшинъ клуба, сказалъ мнѣ:

— Если ты, мерзавецъ, будешь еще много разговаривать, то я тебѣ всю морду побую.

И когда лакей шепнулъ ему, что я сынъ архитектора Полознева, то онъ сконфузился, покраснѣлъ, но тотчасъ же оправился и сказалъ:

— А чортъ съ нимъ“.

Въ разсказѣ „Маска“ описанъ актъ самоуправства со стороны „милліонера фабриканта, потомственнаго почетнаго гражданина Пятигорова, извѣстнаго своими скандалами, благотворительностью и, какъ не разъ говорилось въ мѣстномъ вѣстникѣ, — любовью къ просвѣщенію“. Во время маскарада Пятигоровъ въ маскѣ явился въ читальню клуба. За нимъ вошли двѣ дамы въ маскахъ и лакей съ подносомъ. Пятигоровъ смахнулъ рукой со стола нѣсколько журналовъ и сказалъ лакею:

— „Становь сюда. А вы, господа читатели, обратился онъ къ находившимся въ читальнѣ интеллигентамъ, подвиньтесь, некогда тутъ съ газетами, да съ политикой... Бросайте“.

Интеллигенты начали протестовать.

— „Здѣсь читальня, а не буфетъ... Здѣсь не мѣсто пить...“

— Почему не мѣсто? сказалъ Пятигоровъ. Нешто столъ качается или потолокъ обвалиться можетъ? Чудно! Но... некогда разговаривать! Бросайте газеты... Почитали малость и будетъ съ васъ; и такъ ужъ умны очень, да и глаза попортишь, а главнѣе всего — я не желаю и все тутъ“.

Собственное желаніе — высшій законъ для Пятигорова; другихъ законовъ онъ не признаетъ.

Помѣшанная на своемъ аристократизмѣ барыня Федосья Васильевна Кушкина (въ разсказѣ „Переполохъ“) тоже не признаетъ другихъ законовъ, кромѣ своей воли. У барыни этой пропала брошка. Она сдѣлала обыскъ у прислуги. Всѣхъ обыскивали, всѣхъ раздѣвали до гола и обыскивали. На замѣчаніе мужа — „по закону ты не имѣешь никакого права дѣлать обыски“ — барыня отвѣтила: „Я не знаю всѣхъ законовъ. Я только знаю, что у меня пропала брошка, вотъ и все. И я найду эту брошку“.

Если нѣтъ уваженія къ закону наверху, въ средѣ руководящихъ классовъ общества, то его не можетъ быть внизу, въ средѣ низшихъ классовъ общества.

Нѣтъ и не можетъ быть уваженія къ закону у мужиковъ. Мужикъ не знаетъ и не понимаетъ предписаній закона.

Въ разсказѣ „Злоумышленникъ“ изображенъ мужикъ, нарушившій законъ. Денисъ Григорьевъ, „маленькій, чрезвычайно тощій мужичонко въ пестрядинной рубахѣ и заплатанныхъ портахъ“, былъ пойманъ желѣзнодорожнымъ сторожемъ за отвинчиваніемъ гайки, коей рельсы прикрѣпляются къ шпаламъ. Онъ обвиняется по 1081 ст. уложенія о наказаніяхъ, которая угрожаетъ ссылкой въ каторжныя работы за всякое съ умысломъ учиненное поврежденіе желѣзной дороги. „Ты не могъ не знать, къ чему ведетъ это отвинчиваніе“, говоритъ слѣдователь. — „Конечно, вы лучше знаете, отвѣчаетъ Денисъ Григорьевъ. Мы люди темные... нешто мы понимаемъ“. И, дѣйствительно, этотъ разсказъ Чехова краснорѣчиво свидѣтельствуеетъ о томъ, что мужики—люди темные, что судебный слѣдователь и мужикъ говорятъ на разныхъ языкахъ: то, что ясно и понятно слѣдователю, совершенно непонятно мужику Мужики—люди темные и вслѣдствіе этой темноты не знаютъ закона, не понимаютъ требованій закона, а потому не уважаютъ его.

Темнота—естественное слѣдствіе рабства, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій тяготѣвшаго надъ мужиками. Рабство не могло воспитать чувства законности; наоборотъ, оно воспитало въ мужикѣ твердую увѣренность въ томъ, что баринъ—начальникъ, что барину—все позволено, и что воля барина—законъ.

Въ разсказѣ „Темнота“ деревенскій парень приходитъ къ доктору и проситъ отпустить изъ больницы его брата. Изъ разговора доктора съ парнемъ оказывается, что братъ парня былъ судимъ окружнымъ судомъ съ присяжными засѣдателями, по обвиненію въ кражѣ со взломомъ, присужденъ къ арестантскимъ ротамъ на три года и, по случаю болѣзни, помѣщенъ въ больницу. Докторъ старается убѣдить парня, что, по закону, онъ не имѣетъ права отпустить арестанта, что, „разъ присяжные обвинили, то ужъ тутъ не могутъ ничего подѣлать ни губернаторъ, ни даже министръ“. Парень не вѣритъ доктору. Онъ убѣжденъ въ томъ, что всемогущее начальство все можетъ сдѣлать и что нужно дать взятку для того, чтобы склонить начальство на свою сторону. Онъ говоритъ доктору: „Въ больницѣ тутъ старшѣе тебя нѣтъ.

Что хочешь, ваше благородіе, то и дѣлаешь“. Когда докторъ, потерявъ терпѣніе, махнулъ рукой и ушелъ, парень началъ размышлять: „къ кому же идти? Чье жъ дѣло? Нѣтъ, вѣрно пока не подмажешь, ничего не подѣлаешь“. Парень направился въ городъ; по дорогѣ онъ разговорился съ однимъ старикомъ, отъ котораго узналъ, что „по крестьянскимъ дѣламъ самый главный и къ этому приставленъ непремѣнный членъ“. Былъ парень у непремѣннаго члена, но тотъ и разговаривать не сталъ, говорить—„пошелъ вонъ“. Дней черезъ пять парень, вмѣстѣ съ старикомъ—отцомъ, снова явился къ доктору. „Ваше благородіе, говоритъ отецъ, —будьте милостивы! Мы люди бѣдные, благодарить не можемъ вашу честь, но ежели угодно вашей милости, Кирюшка или Васька отработать могутъ. Пушай работаютъ“. „Отработаемъ“, — сказала парень, быстро взглянулъ на отца, дернулъ его за рукавъ и оба они, какъ по командѣ, повалились доктору въ ноги“.

Разсказъ носитъ названіе „Темнота“. Это темнота юридическая, заключающаяся въ полномъ отсутствіи чувства законности. Чувство законности замѣняется вѣрой въ всемогущество барина—начальника, котораго нужно благодарить, подмазать.

О той же вѣрѣ во всемогущество барина свидѣтельствуетъ слѣдующая сцена изъ деревенской жизни, нарисованная Чеховымъ въ разсказѣ „Новая дача“:

„На Воздвиженье, 14 сентября, былъ храмовой праздникъ. Лычковы, отецъ и сынъ, еще съ утра уѣхали на ту сторону и вернулись къ обѣду пьяные; они ходили долго по деревнѣ, то пѣли, то бранились нехорошими словами, потомъ подрались и пошли въ усадьбу жаловаться. Сначала вошелъ во дворъ Лычковъ отецъ, съ длинной осиновой палкой въ рукахъ; онъ нерѣшительно остановился и снялъ шапку. Какъ разъ въ это время на террасѣ сидѣлъ инженеръ съ семьей и пилъ чай.

— Что тебѣ?—крикнулъ инженеръ.

— Ваше высокородіе, баринъ...—началъ Лычковъ и заплакалъ... Явите Божескую милость, вступитесь... Житья нѣтъ отъ сына... Разорилъ сынъ, дерется.. ваше высокоблагородіе...

Вошелъ и Лычковъ сынъ, безъ шапки, тоже съ палкой; онъ остановился и вперилъ пьяный, безмысленный взглядъ на террасу.

— Не мое дѣло разбирать васъ,—сказалъ инженеръ. Ступай къ земскому или къ становому.

— Я вездѣ былъ... прошеніе подавалъ... —проговорилъ Лычковъ отецъ и зарыдалъ.—Куда мнѣ теперь идти? Значить онъ меня теперь убить можетъ? Онъ, значить, всё можетъ? Это отца-то? Отца?—Онъ поднялъ палку и ударилъ ею сына по головѣ“...

По мнѣнію мужиковъ, баринъ долженъ ихъ разсудить, ибо баринъ все можетъ.

Если баринъ все можетъ, если нѣтъ законовъ для барина, то зачѣмъ законы мужику? И мужикъ, подобно барину, не признаетъ законовъ. Нарушаютъ законы простые мужики, нарушаютъ законы мужики, облеченные общественнымъ довѣріемъ, нарушаютъ законы въ одиночку, нарушаютъ законы и цѣлыми обществами. Не можетъ быть и рѣчи объ уваженіи къ закону тамъ, гдѣ на каждомъ шагу господствуетъ нарушеніе закона, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаешься съ актами произвола, самоуправства, насилія.

„Въ нашемъ лѣсу и даже въ саду,—говоритъ Полозневъ (въ рассказѣ „Моя жизнь“), мужики пасли свой скотъ. угоняли къ себѣ въ деревню нашихъ коровъ и лошадей и потомъ приходили требовать за потраву. Приходили цѣлыми обществами къ намъ во дворъ и шумно заявляли, будто мы, когда косили, захватили край какой нибудь непринадлежащей намъ Бышеевки или Семенихи; а такъ какъ мы еще не знали точно границъ нашей земли, то вѣрили на слово и платили штрафъ; потомъ же оказывалось, что косили мы правильно. Въ нашемъ лѣсу драли липки. Одинъ дубеченскій мужикъ, кулакъ, торговавшій водкой безъ патента, подкупалъ нашихъ работниковъ и вмѣстѣ съ ними обманывалъ насъ самымъ предательскимъ образомъ: новыя колеса на телѣгахъ замѣнялъ старыми, бралъ наши пахотные хомуты и продавалъ ихъ намъ же и т. п. Но обиднѣе всего было то, что происходило въ Куриловкѣ на постройкѣ; тамъ бабы по ночамъ крали тесь, кирпичъ, изразцы, желѣзо; староста съ понятными дѣлалъ у нихъ обыскъ, сходъ штрафовалъ каждую по два рубля и потомъ эти штрафныя деньги пропивались всѣмъ міромъ“.

Въ другихъ рассказахъ Чехова встрѣчаемся съ такими же правонарушеніями со стороны мужиковъ.

Въ разсказѣ „Мужики“ читаемъ: „Кто растрчиваетъ и пропиваетъ мірскія, школьныя и церковныя деньги?—Мужикъ. Кто укралъ у сосѣда, поджегъ, ложно показалъ на судѣ за бутылку водки?—Мужикъ“.

Въ разсказѣ „Новая дача“ инженеръ жалуется на совершаемыя мужиками правонарушенія: „Съ самой ранней весны каждый день у меня въ саду и въ лѣсу бываетъ ваше стадо. Все вытоптано, свиньи изрыли лугъ, портятъ въ огородѣ, а въ лѣсу пропалъ весь молоднякъ. Сладу нѣтъ съ вашими пастухами; ихъ просишь, а они грубятъ. Каждый день у меня потрава... Недѣлю назадъ кто-то изъ вашихъ срубилъ у меня въ лѣсу два дубка“...

Въ разсказѣ „На подводѣ“ изображенъ мужикъ, облеченный общественнымъ довѣріемъ. Это—попечитель школы, хозяинъ кожевеннаго заведенія, неумный и грубый мужикъ. Ему совершенно чуждо чувство законности. Попечитель „кое-что наживалъ съ дровъ и за свое попечительство получалъ съ мужиковъ жалованье, тайно отъ начальства“.

Въ разсказѣ „Въ оврагѣ“ нарисованы типы волостного старшины и волостного писаря, которымъ тоже совершенно чуждо чувство законности. „Волостной старшина и волостной писарь, служившіе вмѣстѣ уже четырнадцать лѣтъ и за все это время не подписавшіе ни одной бумаги, не отпустившіе изъ волостного правленія ни одного человѣка безъ того, чтобы не обмануть и не обидѣть, сидѣли теперь рядомъ, оба толстые, сытые и казалось, что они уже до такой степени пропитались неправдой, что даже кожа на лицѣ у нихъ была какая-то особенная, мошенническая“.

Отсутствіе уваженія къ закону замѣчается и въ дѣйствіяхъ цѣлаго общества мужиковъ. Въ разсказѣ „Воры“ выведенъ конокрадъ Калашниковъ „безсердечный воръ, обижающій бѣдняковъ, который уже два раза сидѣлъ въ острогѣ, и общество уже составило приговоръ о томъ, чтобы сослать его въ Сибирь, да откупилась отецъ и дядя, такіе же воры и негодяи, какъ онъ самъ“.

Въ томъ же разсказѣ „Воры“, другой конокрадъ Мерикъ,—разсказываетъ объ одномъ случаѣ мужицкаго самоуправства.

Нѣтъ уваженія къ закону среди низшихъ и среднихъ слоевъ городского населенія. Насилія и обманы составляютъ обыденное явленіе.

Нравы низшихъ рабочихъ классовъ городского населенія описаны въ разсказѣ „Моя жизнь“.

„Кража хозяйской олифы и краски, говоритъ Полозневъ, была у маляровъ въ обычаѣ и не считалась кражей“...

Мясникъ Прокофій по словамъ того же Полознева, „обвѣшивалъ, обсчитывалъ, кухарки видѣли это но, оглушенный его крикомъ, не протестовали, а только обзывали его катомъ“.

Разсказъ „Въ оврагѣ“ посвященъ изображенію мѣщанской жизни. Въ лавкѣ мѣщанина Цыбукина „въ заговѣнье или въ престольный праздникъ, который продолжался три дня, сбывали мужикамъ протухлую солонину съ такимъ тяжкимъ запахомъ, что трудно было стоять около бочки, и принимали отъ пьяныхъ въ закладъ косы, шапки, женины платки. Около лавки въ грязи валялись фабричные, одурманенные плохой водкой“, тайная торговля которой шла въ лавкѣ Цыбукина. Жена Цыбукина такъ характеризуетъ жизнь въ ихъ домѣ: „Живемъ мы хорошо, всего у насъ много... только вотъ скучно у насъ. Ужъ очень народъ обижаемъ. Сердце мое болитъ, дружокъ, обижаемъ какъ—и Боже мой! Лошадь ли мѣняемъ, покупаемъ ли что, работника ли нанимаемъ—на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. Постное масло въ лавкѣ горькое, тухлое, у людей деготь лучше“.

Отсутствіе чувства законности—характерная черта всѣхъ классовъ русскаго общества. Предписанія закона нарушаются. Сильные безнаказанно совершаютъ эти нарушенія закона, слабыя удерживаетъ только страхъ наказанія. „Нарушай законъ, но умѣло, такъ, чтобы избѣжать ответственности“,—вотъ правило поведенія тамъ, гдѣ нѣтъ уваженія къ закону. „Украсть всякій можетъ,—говоритъ Анисимъ (въ разсказѣ „Въ оврагѣ“),—да вотъ какъ сберечь! Велика земля, а спрятать украденное негдѣ“. Если можно спрятать, то можно и украсть. Такого мнѣнія придерживается Невыразимовъ въ разсказѣ „Мелюзга“. Мелкій чиновникъ Невыразимовъ думаетъ о лучшей жизни. Но какъ достигнуть лучшаго? „Украсть нешто?“ подумалъ онъ.—Украсть-то, положимъ, не трудно, но вотъ спрятать-то мудрено... Донось написать что-ли?... Донести-то можно, да какъ его сочиниш! Надо со всѣми экивоками, съ подходцами... А куда мнѣ! Такое сочиню, что мнѣ же потомъ и влетитъ...“

Въ русскомъ обществѣ, изображенномъ въ сочиненіяхъ Чехова, нѣтъ чувства законности, нѣтъ уваженія къ закону. Мѣсто законности заступаютъ взяточничество, самоуправство, произволь, насилія, обманы. Встрѣчая на каждомъ шагу эти явленія, мы отчасти понимаемъ крикъ отчаянія чеховскихъ героевъ: „такъ больше жить нельзя!“ Если такъ жить нельзя, то какъ же жить иначе? Что дѣлать? Картины юридической жизни русскихъ людей, съ которыми мы познакомились по сочиненіямъ Чехова, даютъ частичный отвѣтъ на этотъ большой вопросъ: необходимо развитіе чувства законности, необходимо уваженіе къ юридическому закону. „Уважайте законъ“—этими двумя словами можно формулировать первый идеаль права, къ которому должны стремиться русскіе люди, изображенные въ сочиненіяхъ Чехова.

Здѣсь мнѣ необходимо сдѣлать оговорку. Уваженіе къ закону юридическому—идеаль для общества, которому чуждо чувство законности. Но это не значить, что уваженіе къ юридическому закону—единственный идеаль и что юридическій законъ—единственная норма, опредѣляющая отношенія людей въ общежитіи. Рядомъ съ предписаніями законовъ юридическихъ существуютъ велѣнія нравственности.

Бываютъ случаи, когда предписанія закона юридическаго и велѣнія нравственности совпадаютъ. Взятничество, напримѣръ, запрещается законами юридическими и законами нравственности. Въ такихъ случаяхъ уваженіе къ юридическому закону имѣетъ безусловное значеніе.

Но бываютъ случаи, когда до нашихъ поступковъ нѣтъ дѣла юридическому закону, когда наши поступки регулируются исключительно правилами нравственности. Случай подобнаго рода приведенъ, напримѣръ, Чеховымъ въ разсказѣ „Въ морѣ“. Объ уваженіи къ закону юридическому здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Наконецъ, бываютъ случаи, когда предписанія юридическаго закона противорѣчатъ велѣніямъ нравственности. Случай такого конфликта права и нравственности описанъ Чеховымъ въ пьесѣ „Ивановъ“.

„Будь у меня сейчасъ 2300 рублей,—говорилъ Боркинъ Иванову,—я бы черезъ двѣ недѣли имѣлъ 20 тысячъ. Не вѣрите? И это, по вашему, вздоръ? Нѣтъ, не вздоръ... Вотъ дайте мнѣ 2300 рублей, и я черезъ недѣлю доставлю вамъ 20 тысячъ. На томъ берегу Овсяновъ продаетъ полосу земли, какъ разъ противъ насъ, за 2300 рублей. Если мы купимъ эту полосу, то оба берега будутъ наши. А если оба берега будутъ наши, то, понимаете-ли, мы имѣемъ право запрудить рѣку. Вѣдь такъ? Мы мельницу будемъ строить, и, какъ только мы объявимъ, что хотимъ запруду сдѣлать, какъ всѣ, которые живутъ внизъ по рѣкѣ, поднимутъ гвалтъ, а мы сейчасъ: комменъ—зииръ,—если хотите, чтобы плотины не было, заплатите. Понимаете? Заревская фабрика дастъ пять тысячъ, Корольковъ три тысячи, монастырь дастъ пять тысячъ“...

То, что предлагаетъ Боркинъ,—представляется дѣяніемъ безукоризненнымъ съ точки зрѣнія юридическаго закона. И, однако, Ивановъ не принимаетъ этого предложенія. Почему? Потому что оно предосудительно съ точки зрѣнія нравственнаго закона.

Анна Акимовна („Бабье царство“) получила полторы тысячи рублей, которыя приказчикъ на лѣсной дачѣ „отсудилъ отъ кого-то, выигравъ дѣло во второй инстанціи“. „Анна Акимовна не любила и боялась такихъ словъ, какъ „отсудилъ“ и „выигралъ дѣло“. Она знала, что безъ правосудія нельзя, но почему-то, когда директоръ завода Назарычъ или приказчикъ на дачѣ, которые часто судились, выигрывали въ пользу ея какое нибудь дѣло, то ей всякій разъ становилось жутко и какъ будто совѣстно“.

Выиграть дѣло на судѣ отнюдь не предосудительно съ точки зрѣнія юридическаго закона. Мало того, обратиться къ суду для защиты своихъ правъ—это значитъ показать уваженіе къ юридическому закону, обнаружить чувство законности. Однако, Аннѣ Акимовнѣ почему то всякій разъ было жутко и совѣстно, когда ея уполномоченные выигрывали дѣло въ судѣ. Почему? Очевидно потому, что тѣ предписанія юридическаго закона, на основаніи которыхъ судъ постановляетъ приговоры, не всегда совпадаютъ съ велѣніями нравственнаго закона.

Конфликтъ права и нравственности изображенъ Чеховымъ и въ разсказѣ „Жена“. Въ голодный годъ у помѣщика Павла

Андреевича крестьяне украли 20 кулей ржи. Павелъ Андреевичъ возбуждаетъ уголовное преслѣдованіе противъ крестьянъ. Свои дѣйствія онъ оправдываетъ такими соображеніями: „на всякое дѣло я прежде всего смотрю съ принципиальной стороны Крадетъ ли сытый или голодный—для закона безразлично“.

На другой точкѣ зрѣнія стоитъ жена Павла Андреевича Наталья Гавриловна. Принципъ законности, строгимъ послѣдователемъ котораго является мужъ, вызываетъ въ ней чувство негодованія. Она говоритъ мужу: „Вы справедливы и всегда стоите на почвѣ законности, и потому вы постоянно судитесь съ мужиками и сосѣдями. У васъ украли 20 кулей ржи, и вы изъ любви къ порядку пожаловались на мужиковъ губернатору и всему начальству, а на здѣшнее начальство пожаловались въ Петербургъ... Вы превосходно знаете законы. очень честны и справедливы, уважаете бракъ и семейныя основы, а изъ всего этого вышло то, что за всю свою жизнь вы не сдѣлали ни одного добраго дѣла, всѣ васъ ненавидятъ, со всѣми вы въ ссорѣ“.

На такой же точкѣ зрѣнія стоитъ старикъ помѣщикъ Брагинъ. По поводу кражи муки голодными мужиками онъ высказываетъ свои соображенія о соотношеніи права и нравственности. „Съ голоду, говоритъ онъ, человѣкъ шалѣетъ, дурѣетъ, становится дикій. Голодъ не картошка. Голодный и грубости говоритъ, и воруетъ, и, можетъ, еще что похуже... Понимать надо“. Для подтвержденія этого Брагинъ разсказалъ объ одномъ случаѣ. Во время голода три мужика напали въ лѣсу на него и другого помѣщика Федора Федоровича. Нападавшихъ задержали и привели на кухню. „И зло на нихъ беретъ, и глядѣтъ стыдно: мужики-то знакомые и народъ хорошій, жалко. Совсѣмъ одурѣли съ перепугу. Одинъ плачетъ и прощенія просить, другой звѣремъ глядитъ и ругается, третій сталъ на колѣнки и Богу молится. Я и говорю Федѣ: не обижайся, отпусти ты ихъ, подлецовъ! Онъ накормилъ ихъ, далъ по пуду муки и отпустилъ: ступайте къ шуту! Такъ вотъ какъ... Царство небесное, вѣчный покой! Понималъ и не обижался, а были, которые обижались, и сколько народу перенортили“.

Законъ юридическій—одно изъ необходимыхъ условій общезжитія. Но, съ другой стороны, прямолинейное проведеніе принципа

законности въ такой же степени можетъ угрожать общественному прогрессу, какъ произволъ и самоуправство: *summum jus summa injuria!* Поэтому, формулируя идеаль права для русскихъ людей, изображенныхъ Чеховымъ, словами: „уважайте законъ юридическій“,—необходимо прибавить: „но не забывайте и велѣній закона нравственнаго“. Въ случаѣ конфликта между правомъ и нравственностью—„понимать надо“, по словамъ Брагина, какъ поступить, чтобы не нарушить ни предписаній закона юридическаго, ни велѣній закона нравственнаго.

Законъ—начало формальное. Форма эта наполняется опредѣленнымъ содержаніемъ. Содержаніе закона—права и обязанности людей. Всѣ люди созданы по образу и подобию Божьему всѣ люди обладаютъ человѣческимъ достоинствомъ, а потому всѣ люди обладаютъ правами и несутъ обязанности, или, употребляя техническіе термины, всѣ люди правоспособны, всѣ люди субъекты правъ и обязанностей, личности. Существуетъ ли въ русскомъ обществѣ, изображенномъ Чеховымъ, уваженіе къ человѣческому достоинству всякаго человѣка? Признаетъ ли русское общество всякаго человѣка личностью?

Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ прежде всего тѣ сочиненія Чехова, въ которыхъ изображены люди, именуемые „лишенными правъ“ на юридическомъ языкѣ и „несчастными“ на языкѣ народной мудрости. Они „лишенные правъ“, ибо, по закону, они теряютъ тѣ права, которыми обладали до вступленія въ силу судебного приговора. Но судебный приговоръ не можетъ отнять того человѣческаго достоинства, того образа и подобія Божьяго, которое служитъ основаніемъ правоспособности. И лишенный правъ остается человѣкомъ. На практикѣ, однако, на каждомъ шагу унижается человѣческое достоинство лишеннаго правъ; при чемъ законъ отчасти санкціонируетъ такую практику. Лишенные правъ—люди „несчастные“, и несчастіе заключается въ униженіи ихъ человѣческаго достоинства.

Въ разсказѣ „Печенѣгъ“ выведенъ помѣщикъ, который безнаказано издѣвается надъ бродягами. Отставной казачій офицеръ Жмухинъ рассказываетъ слѣдующее объ этомъ помѣщикѣ:

„У него шахты, знаете ли. Работаютъ у него безпаспортные, разные бродяги, которымъ дѣваться некуда. По субботамъ надо расчетъ давать рабочимъ, а платить не хочется. знаете ли, денегъ жалко. Вотъ онъ и нашелъ себѣ такого приказчика, тоже изъ бродягъ, хотя и въ шляпѣ ходитъ. Ты, говоритъ, имъ ничего не плати, ни копейки; они тебя будутъ бить и пускай, говоритъ, бьютъ, а ты терпи, я за это каждую субботу буду тебѣ по десяти рублей платить“. Вотъ вечеромъ въ субботу, порядкомъ, какъ водится, рабочіе приходятъ за расчетомъ; приказчикъ имъ: „Нѣту!“ Ну, слово за слово, начинается брань, потасовка.. Бьютъ, бьютъ его, и руками, и ногами, знаете ли, — народъ свѣрѣлый съ голоду то, — бьютъ до безчувствія, а потомъ и уходятъ, кто куда. Хозяинъ велитъ отливать приказчика водой, потомъ ему десять рублей въ зубы, а тотъ и беретъ, да еще радъ, потому въ сущности не то, что за десять, онъ и за трешницу согласится хоть въ петлю. Да... А въ понедѣльникъ приходитъ новая партія рабочихъ; приходитъ, дѣваться некуда... Въ субботу опять та же исторія“.

Бѣглый каторжникъ въ разсказѣ „Мечты“ говоритъ конвоирующимъ его сотскимъ: „Кому какая надобность мое имя знать?.. И какая мнѣ отъ этого польза? ежели бъ мнѣ дозволили идти, куда я хочу, а то вѣдь хуже теперешняго будетъ. Я, братцы православные, знаю законъ. Теперя я бродяга, непомнящій родства и самое большее, ежели меня въ Восточную Сибирь присудятъ и 30 не то 40 плетей дадутъ, а ежели я имъ свое настоящее имя и званіе скажу, то опять они меня въ каторжную работу пошлютъ“. Каторгу этотъ бродяга, бывшій каторжникъ, характеризуетъ слѣдующими словами: „Въ каторгѣ ты все равно, что ракъ въ лукошкѣ: тѣснота, давка, толчея, духу перевести негдѣ — сущій адъ, такой адъ, что и не приведи Царица Небесная! Разбойникъ ты и разбойничья тебѣ честь, хуже собаки всякой“.

Каторжнику хуже, чѣмъ собакѣ. Въ каторжникѣ не уважается человѣческое достоинство. Въ частности, каторжника можно подвергнуть унизительному тѣлесному наказанію. Яковъ Ивановичъ Тереховъ (разсказъ „Убійство“) былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на двадцать лѣтъ. „Мѣсяца черезъ три по прибытіи на каторгу, чувствуя сильную, непобѣдимую тоску по

родинѣ, онъ поддастся искушенію и бѣжалъ, а его скоро поймали, присудили къ безсрочной каторгѣ и дали ему сорокъ плетей; потомъ его еще два раза наказывали розгами за растрату казеннаго платья, хотя это платье въ оба раза было у него украдено“.

Яркая картина униженій человѣческаго достоинства каторжника нарисована въ „Островѣ Сахалинѣ“. Приведу нѣкоторыя характеристики быта каторжниковъ изъ этого сочиненія Чехова.

Въ разсказѣ о посѣщеніи Дуйскихъ копей Чеховъ описываетъ поселенческой баракъ. „Около рудничной конторы стоитъ баракъ для поселенцевъ, работающихъ въ копяхъ, небольшой старый сарай, кое какъ приспособленный для ночевки. Я былъ тутъ въ 5 часовъ утра, когда поселенцы только что встали. Какая вонь, темнота, давка! Головы разлохмаченныя. точно всю ночь у этихъ людей происходила драка, лица желто-сѣрыя и съ просонья, выраженія какъ у больныхъ или сумасшедшихъ. Видно, что они спали въ одеждѣ и въ сапогахъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, кто на нарѣ, а кто и подъ нарой, прямо на грязномъ земляномъ полу“.

Позже, въ разсказѣ о своемъ пребываніи въ селеніи Дербинскомъ, Чеховъ вспоминаетъ объ этомъ поселенческомъ баракѣ, какъ о такомъ мѣстѣ, гдѣ личность человѣка унижена до крайней степени.

Въ Дербинскомъ Чеховъ ночевалъ въ новомъ амбарѣ, который находился рядомъ съ тюрьмой.

„Было спокойно и въ амбарѣ, и у меня на душѣ, но едва я тушилъ свѣчку и ложился въ постель, какъ слышались шорохъ, шопотъ, стуки, плесканье, глубокіе вздохи... кто-то шепталъ въ отчаяніи: „Ахъ, Боже мой, Боже мой!“

Утромъ выхожу на крыльцо. Небо сѣрое, унылое, идетъ дождь, грязно. Отъ дверей къ дверямъ торопливо ходитъ смотритель съ ключами.

— Я тебѣ пропишу такую записку, что потомъ неплѣю чекаться будешь!—кричитъ онъ.—Я тебѣ покажу записку

Эти слова относятся къ толпѣ человѣкъ въ двадцать каторжныхъ, которые, какъ можно судить по немногимъ долетѣвшимъ до меня фразамъ, просятся въ больницу. Они оборваны, вымокли

на дождѣ, забрызганы грязью, дрожатъ; они хотятъ выразить мимикой, что имъ въ самомъ дѣлѣ больно, но на озябшихъ, застывшихъ лицахъ выходитъ что-то кривое, лживое, хотя, быть можетъ, они вовсе не лгутъ. Ахъ, Боже мой, Боже мой! — вздыхаетъ кто-то изъ нихъ, и мнѣ кажется, что мой ночной кошмаръ все еще продолжается. Приходитъ на умъ слово „паріи“, означающее въ обиходѣ состояніе человѣка, ниже котораго уже нельзя упасть. За все время, пока я былъ на Сахалинѣ, только въ поселенческомъ баракѣ около рудника, да здѣсь, въ Дербинскомъ, въ это дождливое, грязное утро, были моменты, когда мнѣ казалось, что я вижу крайнюю, предѣльную ступень униженія человѣка, дальше которой нельзя уже идти.“

Но кромѣ поселенческаго барака около рудника въ Дуйскихъ копяхъ и Дербинскаго, и въ другихъ мѣстахъ, почти на каждомъ шагу, Чеховъ встрѣчалъ на Сахалинѣ печальныя картины униженія человѣческаго достоинства каторжника.

Онъ рассказываетъ объ униженіи человѣческаго достоинства тѣхъ каторжниковъ, которые попадаютъ въ штатъ домашней прислуги сахалинскихъ чиновниковъ. „Каждый чиновникъ, даже состоящій въ чинѣ канцелярскаго служителя, можетъ брать себѣ неограниченное количество прислуги... Отдача каторжныхъ въ услуженіе частнымъ лицамъ находится въ полномъ противорѣчій со взглядомъ законодателя на наказаніе; это — не каторга, а крѣпостничество, такъ какъ каторжный служитъ не государству, а лицу, которому нѣтъ никакого дѣла до исправительныхъ цѣлей или до идеи равномерности наказанія; онъ — не ссыльно-каторжный, а рабъ, зависящій отъ воли барина и его семьи.“

Чеховъ свидѣтельствуетъ объ униженіи человѣческаго достоинства каторжной женщины. „Мѣстная практика выработала особенный взглядъ на каторжную женщину, существовавшій, вѣроятно, во всѣхъ ссыльныхъ колоніяхъ: не то она человѣкъ, хозяйка, не то существо, стоящее ниже домашняго животнаго. Поселенцы селенія Сиска подали окружному начальнику такое прошеніе: «Просимъ покорнѣйше, ваше высокоблагородіе, отпустить намъ рогатаго скота для млекопитанія въ вышеупомянутую мѣстность и женскаго пола для устройства внутренняго хозяйства.» Начальникъ острова, бесѣдуя въ моемъ присутствіи

съ поселенцами селенія Ускова и давая имъ разныя обѣщанія, сказалъ, между прочимъ:

— И насчетъ женщинъ васъ не оставлю.

— Не хорошо, что женщинъ присылаютъ сюда изъ Россіи не весной, а осенью.—говорилъ мнѣ одинъ чиновникъ.—Зимой бабѣ нечего дѣлать, она не помощница мужику, а только лишній ротъ. Поэтому-то хорошіе хозяева берутъ ихъ осенью неохотно.

Такъ разсуждаютъ осенью о рабочихъ лошадяхъ, когда предвидятся зимою дорогіе кормы. Человѣческое достоинство, а также женственность и стыдливость каторжной женщины не принимаются въ расчетъ ни въ какомъ случаѣ; какъ бы подразумевается, что все это выжжено въ ней ея позоромъ, или утрачено ею, пока она таскалась по тюрьмамъ и этапамъ. По крайней мѣрѣ, когда ее наказываютъ тѣлесно, то не стѣсняются соображеніемъ, что ей можетъ быть стыдно“.

Унижается человѣческое достоинство каторжнаго, когда его заставляютъ замѣнять вьючныхъ животныхъ. Случаи такой замѣны животныхъ людьми Чеховъ наблюдалъ неоднократно.

На Сахалинѣ „изслѣдователи, когда отправляются вглубь острова, въ тайгу, то берутъ съ собой американскіе консервы, красное вино, тарелки, вилки, подушки и все, что только можно взвалить на плечи каторжнымъ, замѣняющимъ на Сахалинѣ вьючныхъ животныхъ“.

На каторгѣ въ Александровскѣ „самыми тяжкими считаются плотницкія работы. Вся тягость работы не въ самой постройкѣ, а въ томъ, что каждое бревно, идущее въ дѣло, каторжный долженъ притащить изъ лѣса, а рубка въ настоящее время производится за 8 верстъ отъ поста. Лѣтомъ люди, запряженные въ бревно въ полъ аршина и толще, а въ длину въ нѣсколько сажень, производятъ тяжелое впечатлѣніе; выраженіе ихъ лицъ страдальческое“.

Въ Корсаковскѣ „смотритель тюрьмы больше всего любитъ показывать пріѣзжимъ пожарный обозъ“. Здѣсь каторжники замѣняютъ пожарныхъ лошадей.

Униженіе своего человѣческаго достоинства испытываютъ, по свидѣтельству Чехова, каторжные всякій разъ при встрѣчахъ и столкновеніяхъ съ администраціей и свободными людьми.

Чеховъ такими словами описываетъ свое посѣщеніе Александровской ссыльно-каторжной тюрьмы: „На Сахалинѣ свободные, при входѣ въ камеры, не снимаютъ шапокъ. Эта вѣжливость обязательна только для ссыльныхъ. Мы въ шапкахъ ходимъ около наръ, а арестанты стоятъ руки по швамъ и молча глядятъ на насъ. Мы тоже молчимъ и глядимъ на нихъ, и похоже на то, какъ будто мы пришли покупать ихъ“.

„На югѣ уцѣлѣлъ дурной обычай, введенный когда-то какимъ-то давно уже забытымъ полковникомъ, а именно - когда вамъ, свободному человѣку, встрѣчается на улицѣ или на берегу группа арестантовъ, то уже за 50 шаговъ вы слышите крикъ надзирателя: „Смир-р-рно! Шапки долой!“ И мимо васъ проходятъ угрюмые люди съ обнаженными головами и глядятъ на васъ исподлобья, точно если бы они сняли шапки не за 50, а за 20 – 30 шаговъ, то вы побили бы ихъ палкой, какъ г. Z или г. N“.

На полуостровѣ при впаденіи Такозъ въ Найбу, рассказываетъ Чеховъ, -- сторожемъ состоитъ „старикъ Савельевъ, каторжный, который, когда здѣсь ночуютъ чиновники, служить за лакея и повара. Какъ-то, прислуживая за обѣдомъ мнѣ и одному чиновнику, онъ подалъ что-то не такъ, какъ нужно, и чиновникъ крикнулъ на него строго: „Дуракъ!“ Я посмотрѣлъ тогда на этого безотвѣтнаго старика и, помнится, подумалъ, что русскій интеллигентъ до сихъ поръ только и сумѣлъ сдѣлать изъ каторги, что самымъ пошлымъ образомъ свелъ ее къ крѣпостному праву“.

„Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ сахалинская интеллигенція отличалась полнѣйшимъ нравственнымъ ничтожествомъ. При тогдашнихъ чиновникахъ тюрьмы обращались въ пріюты разврата, игорные дома, людей развращали, ожесточали, засѣкали до мертва“...

Такъ было раньше. Но „и теперь, говоритъ Чеховъ, встрѣчаются чиновники, которымъ ничего не стоитъ размахнуться и ударить по лицу ссыльнаго, даже привилегированнаго, или приказать человѣку который въ торопяхъ не снялъ шапки: „пойди къ смотрителю и скажи, чтобъ онъ далъ тебѣ тридцать розогъ“.

Тѣлесныя наказанія, которымъ часто подвергаются каторжники унижаютъ ихъ человѣческое достоинство.

„Наказанія, унижающія преступника, ожесточающія его и способствующія огрубѣнью нравовъ и давно уже признанныя вредными для свободнаго населенія, оставлены для поселенцевъ и каторжныхъ, какъ будто бы ссыльное населеніе подвержено меньшей опасности огрубѣть, ожесточиться и потерять человѣческое достоинство. Розги, плети, приковываніе къ тѣлѣжкѣ,—наказанія, позорящія личность преступника, причиняющія его тѣлу боль и мученія,—примѣняются здѣсь широко. Самое употребительное наказаніе—розги... Плети примѣняются гораздо рѣже, только вслѣдствіе приговоровъ окружныхъ судовъ... Это наказаніе изо всѣхъ употребляемыхъ на Сахалинѣ самое отвратительное по своей жестокости и обстановкѣ“. Чеховъ, какъ очевидецъ, рассказываетъ о наказаніи плетями каторжника на Сахалинѣ. Этотъ простой рассказъ писателя-художника, который я приведу цѣликомъ, является рѣзкимъ протестомъ противъ тѣлесныхъ наказаній.

„Какъ наказываютъ плетями я видѣлъ въ Дуэ. Бродяга Прохоровъ, онъ же Мыльниковъ, человѣкъ лѣтъ 35—40, бѣжалъ изъ Воеводской тюрьмы и, устроивши небольшой плотъ, поплылъ на немъ къ материку. На берегу, однако, замѣтили во время и послали за нимъ въ догонку катеръ. Началось дѣло о побѣгѣ, взглянули въ статейный списокъ и вдругъ сдѣлали открытіе: этотъ Прохоровъ, онъ же Мыльниковъ, въ прошломъ году за убійство казака и двухъ внучекъ былъ приговоренъ Хабаровскимъ окружнымъ судомъ къ 90 плетямъ и прикованію къ тачкѣ, наказаніе же это, по недосмотру, еще не было приведено въ исполненіе. Если бы Прохоровъ не вздумалъ бѣжать, то, быть можетъ, такъ бы и не замѣтили ошибки и дѣло обошлось бы безъ плетей и тачки, теперь же экзекуція была неизбѣжна. Въ назначенный день, 13 августа, утромъ, смотритель тюрьмы, врачъ и я подошли не спѣша къ канцеляріи; Прохоровъ, о приводѣ котораго было сдѣлано распоряженіе еще наканунѣ, сидѣлъ на крыльцѣ съ надзирателями. не зная еще, что ожидаетъ его. Увидавъ насъ, онъ всталъ и, вѣроятно, понялъ, въ чемъ дѣло, такъ какъ сильно поблѣднѣлъ.

— Въ канцелярію!—приказалъ смотритель.

Вошли въ канцелярію. Ввели Прохорова. Докторъ, молодой нѣмецъ, приказалъ ему раздѣться и выслушалъ сердце для того,

чтобъ опредѣлить, сколько ударовъ можетъ вынести этотъ арестантъ. Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ одну минуту и затѣмъ съ дѣловымъ видомъ садится писать актъ осмотра.

— Ахъ бѣдный!—говоритъ онъ жалобнымъ тономъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, макая перо въ чернильницу. Тебѣ, небось, тяжело въ кандалахъ! А ты попроси вотъ господина смотрителя, онъ велитъ снять.

Прохоровъ молчитъ; губы у него блѣдны и дрожатъ.

— Тебя вѣдь понапрасну,—не унимается докторъ. Всѣ вы понапрасну. Въ Россіи такіе подозрительные люди! Ахъ, бѣдный, бѣдный!

Актъ готовъ; его приобщаютъ къ слѣдственному дѣлу о побѣгѣ. Затѣмъ наступаетъ молчаніе. Писарь пишетъ, докторъ и смотритель пишутъ... Прохоровъ еще не знаетъ навѣрное, для чего его позвали сюда: только по одному побѣгу или же по старому дѣлу и побѣгу вмѣстѣ? Неизвѣстность томитъ его.

— Что тебѣ снилось въ эту ночь? спрашиваетъ, наконецъ смотритель.

— Забылъ, ваше высокоблагородіе.

— Такъ вотъ слушай,—говоритъ смотритель, глядя въ статейный списокъ.—Такого то числа и года Хабаровскимъ окружнымъ судомъ за убійство казака ты приговоренъ къ девяносто плетямъ... Такъ вотъ сегодня ты долженъ ихъ принять.

И, похлопавъ арестанта ладонью по лбу, смотритель говоритъ наставительно:

— А все отчего? Оттого, что хочешь быть умнѣ себя, голова. Все бѣгаете, думаете, лучше будетъ, а выходитъ хуже.

Идемъ всѣ въ „помѣщеніе для надзирателей“—старое сѣрое зданіе барачнаго типа. Военный фельдшеръ, стоящій у входа, проситъ умоляющимъ голосомъ, точно милостыни:

— Ваше высокоблагородіе, позвольте посмотреть, какъ наказываютъ!

Посреди надзирательской стоитъ покатая скамья съ отверстіями для привязыванія рукъ и ногъ. Палачъ Толстыхъ, высокій, плотный человѣкъ, имѣющій сложеніе силача-акробата, безъ сюртука, въ разстегнутой жилеткѣ, киваетъ головой Прохорову; тотъ молча ложится. Толстыхъ, не слѣша, тоже молча, спускаетъ ему

штаны до колѣнъ и начинаетъ медленно привязывать къ скамьѣ руки и ноги. Смотровель равнодушно поглядываетъ въ окно, докторъ прохаживается. Въ рукахъ у него какія то капли.

— Можетъ, дать тебѣ стаканъ воды? — спрашиваетъ онъ.

— Ради Бога, ваше высокоблагородіе.

Наконецъ, Прохоровъ привязанъ. Палачъ беретъ плеть съ тремя ременными хвостами и неспѣша расправляетъ ее.

— Поддержись! — говоритъ онъ не громко и, не размахиваясь, а какъ бы только примѣриваясь, наноситъ первый ударъ.

— Ра-азъ! — говоритъ надзиратель дьячковскимъ голосомъ.

Въ первое мгновеніе Прохоровъ молчитъ и даже выраженіе лица у него мѣняется, но вотъ по тѣлу пробѣгаетъ судорога отъ боли и раздается не крикъ, а визгъ.

— Два! — кричитъ надзиратель.

Палачъ стоитъ сбоку и бьетъ такъ, что плеть ложится поперекъ тѣла. Послѣ каждыхъ пяти ударовъ онъ медленно переходитъ на другую сторону и даетъ отдохнуть полминуты. У Прохорова волосы прилипли ко лбу, шея надулась; уже послѣ 5—10 ударовъ тѣло, покрытое рубцами еще отъ прежнихъ плетей, побагровѣло, посинѣло; кожаца лопається на тѣлѣ отъ каждаго удара.

— Ваше высокоблагородіе! — слышится сквозь визгъ и плачъ. Ваше высокоблагородіе! Пощадите, ваше высокоблагородіе!

И потомъ послѣ 20—30 ударовъ Прохоровъ причитываетъ, какъ пьяный или точно въ бреду:

— Я человѣкъ несчастный, я человѣкъ убитый... За что же это меня наказываютъ?

Вотъ уже какое то странное вытягиваніе шеи, звуки рвоты... Прохоровъ не произноситъ ни одного слова, а только мычитъ и храпитъ; кажется, что съ начала наказанія прошла цѣлая вѣчность, но надзиратель кричитъ только: „сорокъ два! сорокъ три!“ До девяносто далеко. Я выхожу наружу. Кругомъ на улицѣ тихо, и раздрающіе звуки изъ надзирательской, мнѣ кажется, проносятся по всѣму Дуэ. Вотъ прошелъ мимо каторжннй въ вольномъ платьѣ, мелькомъ взглянулъ на надзирательскую, и на лицѣ его и даже въ походкѣ выразился ужасъ. Вхожу опять въ надзирательскую, потомъ опять выхожу, а надзиратель все еще считаетъ.

Наконецъ девяносто. Прохорову быстро распутываютъ руки и ноги и помогаютъ ему подняться. Мѣсто, по которому били, синевато-багрово отъ кровоподтековъ и кровотоцинъ. Зубы стучать, лицо желтое, мокрое, глаза блуждаютъ. Когда ему даютъ капель, онъ судорожно кусаетъ стаканъ... Помочили ему голову и повели въ околосокъ.

— Это за убійство, а за побѣгъ еще будетъ особо, — поясняютъ мнѣ, когда мы возвращаемся домой.

— Люблю смотрѣть, какъ ихъ наказываютъ! — говоритъ радостно военный фельдшеръ, очень довольный, что насытился отвратительнымъ зрѣлищемъ. — Люблю! Это такіе негодяи, мерзавцы... вѣшать ихъ!

Отъ тѣлесныхъ наказаній грубѣютъ и ожесточаются не одни только арестанты, но и тѣ, которые наказываютъ и присутствуютъ при наказаніи. Исключенія не составляютъ даже образованные люди“.

Не смотря на постоянныя униженія человѣческаго достоинства, каторжный все таки остается человѣкомъ, созданнымъ по образу и подобию Божьему. Бываютъ случаи, когда ярко проявляются и въ каторжномъ лучшія человѣческія чувства. Чеховъ указываетъ на такое проявленіе лучшихъ человѣческихъ чувствъ въ отношеніяхъ каторжнаго къ дѣтямъ, сожительницѣ и къ церковнымъ обрядамъ.

„Самые полезные, самые нужные и самые пріятные люди на Сахалинѣ—это дѣти, и сами ссыльные хорошо понимаютъ это и дорого цѣнятъ ихъ. Въ огрубѣвшую, нравственно истасканную семью они вносятъ элементъ нѣжности, чистоты, кротости, радости.... Присутствіе дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку..., дѣти часто составляютъ то единственное, что привязываетъ еще ссыльныхъ мужчинъ и женщинъ къ жизни, спасаетъ отъ отчаянія, отъ окончательнаго паденія“.

Что касается отношеній къ женщинамъ, то, по словамъ Чехова, „ссыльные жалѣютъ своихъ сожительницъ и дорожатъ ими.... какъ ни просто складываются на Сахалинѣ незаконныя семьи, но и имъ бываетъ не чужда любовь въ самомъ ея чистомъ привлекательномъ видѣ“.

Чеховъ описываетъ вѣнчаніе каторжника-наборщика съ каторжной женщиной. „Когда священникъ возлагалъ на головы

жениха и невѣсты вѣнцы и просилъ Бога, чтобы онъ вѣнчалъ ихъ славою и честью, то лица присутствовавшихъ женщинъ выражали умиленіе и радость, и, казалось, было забыто, что дѣйствіе происходитъ въ тюремной церкви, на каторгѣ, далеко-далеко отъ родины“.

Не смотря на всѣ ужасы каторги, каторжники—все же люди, которымъ не чужды и лучшія свойства человѣческаго духа. И въ каторжникѣ не засыпаетъ сознание жизни, любовь къ родинѣ, стремленіе къ свободѣ, „присущее, по словамъ Чехова, человѣку и составляющее, при нормальныхъ условіяхъ, одно изъ благороднѣйшихъ свойствъ“. Этимъ объясняются побѣги каторжниковъ.

Для предупрежденія побѣговъ употребляются главнымъ образомъ репрессивныя мѣры. Эти мѣры, по мнѣнію Чехова, не имѣютъ и не могутъ имѣть будущности. „Онѣ сильно расходятся съ идеалами нашего законодательства, которое въ наказаніи видитъ прежде всего средство къ исправленію. Когда вся энергія и изобрѣтательность тюремщика изо дня въ день уходитъ только на то, чтобы поставить арестанта въ такія сложныя физическія условія, которыя сдѣлали бы невозможнымъ побѣгъ, то тутъ уже не до исправленія, и можетъ быть разговоръ только о превращеніи арестанта въ звѣря, а тюрьмы—въ звѣринецъ“. Дѣйствительное значеніе могутъ имѣть гуманныя мѣры, въ основѣ которыхъ лежитъ признаніе человѣческаго достоинства и въ преступникѣ. „Всякое улучшеніе въ жизни арестанта, будетъ ли то лишній кусокъ хлѣба арестанту или надежда на лучшее будущее... значительно понижаетъ число побѣговъ.... Чѣмъ легче живется арестанту, тѣмъ меньше опасности, что онъ убѣжитъ, и въ этомъ отношеніи можно признать очень надежными такія мѣры, какъ улучшеніе тюремныхъ порядковъ, постройка церквей, учрежденіе школъ и больницъ, обезпеченіе семействъ ссыльныхъ, заработки и т. п.“.

На точкѣ зрѣнія такого отношенія къ ссыльному, т. е. на точкѣ признанія за нимъ человѣка, созданнаго по образу и подобию Божьему, стоитъ, по свидѣтельству Чехова, духовенство на Сахалинѣ. „Сахалинскіе священники всегда держались въ сторонѣ отъ наказанія и относились къ ссыльнымъ не какъ къ преступникамъ, а какъ къ людямъ, и въ этомъ отношеніи проявили боль-

ше такта и пониманія своего долга, чѣмъ врачи или агрономы, которые часто вмѣшивались не въ свое дѣло“.

„Островъ Сахалинъ“ обыкновенно ставится въ сторонѣ отъ другихъ сочиненій Чехова. Критика почти не касается его; въ собраніяхъ сочиненій Чехова, изданныхъ Марксомъ, „Островъ Сахалинъ“ напечатанъ въ концѣ, какъ бы въ видѣ приложенія къ рассказамъ и пьесамъ. По моему мнѣнію, „Островъ Сахалинъ“ тѣсно связанъ съ другими произведеніями Чехова. Во-первыхъ, Чеховъ, какъ авторъ „Острова Сахалина“, — остается писателемъ художникомъ; многія страницы „Острова Сахалина“ прямо могутъ быть перенесены въ художественную литературу. Во-вторыхъ, одни и тѣ же мотивы литературнаго творчества встрѣчаются и въ „Островѣ Сахалинѣ“ и въ рассказахъ и пьесахъ Чехова. Въ частности, униженіе человѣческой личности, характеризующее жизнь каторжника въ „Островѣ Сахалинѣ“, является одной изъ характерныхъ чертъ русской жизни вообще въ рассказахъ и пьесахъ Чехова.

Въ галлерей выведенныхъ Чеховымъ типовъ лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія встрѣчаются люди, уважающіе человѣческое достоинство въ себѣ и въ другихъ. Есть люди, которымъ стыдно и мучительно дѣлается при видѣ того, какъ унижается достоинство человѣка. Таковъ, напримѣръ, докторъ Андрей Ефимычъ въ „Палатѣ № 6“, Полозневъ въ рассказѣ „Моя жизнь“, Вѣра въ рассказѣ „Въ родномъ углу“, Саша въ рассказѣ „Невѣста“, студентъ Трофимовъ въ пьесѣ „Вишневый садъ“ и др.

Типы русскихъ людей, уважающихъ человѣческое достоинство въ себѣ и другихъ, — исключенія. Въ большинствѣ случаевъ, въ русскомъ обществѣ, изображенномъ Чеховымъ, уважается не человѣческое достоинство, а сила, внѣшними показателями которой служатъ — благородное происхожденіе, чины, ордена, богатство...

Благородное происхожденіе пользуется особеннымъ уваженіемъ въ глазахъ, напримѣръ, помѣщицы Олимпіады Егоровны Хлыкиной. Хлыкина ѣдетъ къ предводителю дворянства жаловаться на своего мужа, обвиняя его въ томъ, что онъ „званіе свое забываетъ“. „Это хорошо, говоритъ она, ежели благородный человѣкъ со всякою шушвалью компанію водить? Да хоть бы съ купцомъ Гусевымъ. Я этого Гусева и къ порогу не допускаю, а онъ съ

нимъ въ шашки играетъ да закусывать къ нему ходить. Нешто прилично ему съ писаремъ на охоту ходить? О чемъ онъ можетъ съ писаремъ разговаривать? Писарь не только что разговаривать, пискнуть при немъ не смѣй... (Послѣдняя могикианша).

Свое мнѣніе о преимуществахъ благороднаго человѣка въ сравненіи съ людьми простыми („подлыми“, какъ говорили въ XVIII в.) помѣщица Хлыкина, очевидно, считаетъ безспорной, не требующей доказательствъ истиной.

Архитекторъ Полозневъ (въ разсказѣ „Моя жизнь“) приводитъ нѣкоторыя доказательства въ защиту этого мнѣнія. Онъ говоритъ своему сыну, который хотѣлъ заняться физическимъ трудомъ: „Пойми ты, глупый человѣкъ....., что у тебя, кромѣ грубой физической силы, есть еще духъ Божій, святой огонь, который въ высочайшей степени отличаетъ тебя отъ осла или отъ гада и приближаетъ къ божеству! Этотъ огонь добывался тысячи лѣтъ лучшими изъ людей. Твой прадѣдъ, Полозневъ, генералъ, сражался при Бородинѣ, дѣдъ твой былъ поэтъ, ораторъ и предводитель дворянства, дядя педагогъ, наконецъ, я, твой отецъ,—архитекторъ.. Всѣ Полозневы хранили святой огонь для того, чтобы ты погасилъ его“.

Павель Ильичъ Рашевичъ (разсказъ „Въ усадьбѣ“) излагаетъ уже цѣлую научную теорію о преимуществахъ благороднаго происхождения. Онъ говоритъ судебному слѣдователю Мейеру:

— „Какъ хотите-съ, съ точки зрѣнія братства, равенства и прочее, свинопасъ Митька, пожалуй, такой же человѣкъ, какъ Гёте или Фридрихъ Великій; но станьте вы на научную почву, имѣйте мужество заглянуть фактамъ прямо въ лицо, и для васъ станетъ очевиднымъ, что бѣлая кость—не предразсудокъ, не бабья выдумка. Бѣлая кость, дорогой мой, имѣетъ естественно-историческое оправданіе, и отрицать ее, по моему, такъ же странно, какъ отрицать рога у оленя. Надо считаться съ фактами. Вы—юристъ и не вкусили никакихъ другихъ наукъ, кромѣ гуманитарныхъ, и вы еще можете обольщать себя иллюзіями на счетъ равенства, братства и прочее; я же—неисправимый дарвинистъ, и для меня такія слова, какъ порода, аристократизмъ, благородная кровь,—не пустые звуки... Тѣмъ, что у человѣчества есть хорошаго, мы обязаны именно природѣ, правильному естественно-

историческому, цѣлесообразному ходу вещей, старательно, въ продолженіе вѣковъ обособлявшему бѣлую кость отъ черной. Да, батенька мой! не чумазый же, не кухаркинъ сынъ, далъ намъ литературу, науку, искусства, право, понятія о чести, долгѣ... Всѣмъ этимъ человѣчество исключительно обязано бѣлой кости, и въ этомъ смыслѣ, съ точки зрѣнія естественно-исторической, плохой Собакевичъ, только потому, что онъ,—бѣлая кость, полезнѣе и выше, чѣмъ самый лучший купецъ, хотя бы этотъ послѣдній построилъ пятнадцать музеевъ. Какъ хотите-съ! И если я чумазому или кухаркину сыну не подаю руки и не сажаю его съ собою за столъ, то этимъ самымъ я охраняю лучшее, что есть на землѣ, и исполняю одно изъ высшихъ предназначеній матери-природы, ведущей насъ къ совершенству“.

Съ точки зрѣнія Хлыкиной, Полознева-отца и Рашевича, очевидно, благородное происхожденіе („бѣлая кость“) заслуживаетъ особеннаго уваженія. А слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, люди простые не могутъ претендовать на равное человѣческое достоинство съ людьми благородными.

По мнѣнію другихъ, особеннаго уваженія заслуживаетъ чинъ и орденъ.

Въ разсказѣ „Упразднили“ чинъ и человѣческое достоинство — понятія тождественныя: нѣтъ чина, нѣтъ и человѣческаго достоинства. Прапорщикъ Вывертовъ узналъ, что чинъ прапорщика упраздненъ. „Ежели я теперь не прапорщикъ, говоритъ Вывертовъ, то кто же я такой? Никто? Нуль? Стало быть мнѣ можетъ теперь всякій сгрубить, можетъ на меня тыкнуть“... „Что же ты молчишь, харя?—набросился онъ внезапно на казачка Илюшку. Груби! Издѣвайся! Тыкай на уничтоженнаго! Торжествуй!“

Подобно чину, и орденъ отождествляется съ понятіемъ человѣческаго достоинства.

Коллежскій регистраторъ Пустяковъ, отправляясь на обѣдъ къ купцу Спичкину, проситъ поручика Леденцова одолжить ему орденъ Станислава. „Ты знаешь, говоритъ онъ, этого подлеца Спичкина: онъ страшно любитъ ордена и чуть ли не мерзавцами считаетъ тѣхъ, у кого не болтается что нибудь на шеѣ или въ петлицѣ“.

Та обаятельная сила, какую пользуются чины и ордена въ глазахъ русскаго человѣка, изображена Чеховымъ также въ разсказѣ „Толстый и тонкій“.

На вокзалѣ встрѣтились два пріятеля: одинъ толстый, другой тонкій. Въ толстомъ тонкій узналъ друга дѣтства, съ которымъ онъ вмѣстѣ учился въ гимназіи. Пріятели троекратно облобызались и устремили другъ на друга глаза, полные слезъ: Оба были пріятно ошеломлены. Начались воспоминанія о прошломъ и распросы о настоящемъ. „Въ гимназіи вмѣстѣ учились!“ вспоминалъ тонкій. „Помнишь, какъ тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратомъ за то, что ты казенную книжку папироской прожегъ, а меня Эфіальтомъ за то, что я ябедничать любилъ. Хо-хо... Дѣтьми были...“ „Ну какъ живешь другъ?—спросилъ толстый, восторженно глядя на друга.—Служишь гдѣ? Дослужился?“ Тонкій отвѣтилъ: „Служу, милый мой! Коллежскимъ ассесоромъ уже второй годъ и Станислава имѣю. Жалованье плохое... ну да Богъ съ нимъ!... Ну, а ты какъ? Небось уже статскій? А?“—„Нѣтъ, мой милый, поднимай повыше,—сказалъ толстый.—Я уже до тайнаго дослужился... Двѣ звѣзды имѣю“. Это сообщеніе о чинѣ тайнаго совѣтника и двухъ звѣздахъ произвело чудеса: „Тонкій вдругъ поблѣднѣлъ, окаменѣлъ, но скоро лицо его искривилось во всѣ стороны широчайшей улыбкой; казалось, что отъ лица и глазъ его посыпались искры. Самъ онъ съежился, сгорбился, сузился...“ Совершенно перемѣнивъ тонъ, тонкій захихикалъ: „Я, ваше превосходительство... Очень пріятно-съ. Другъ, можно сказать, дѣтства и вдругъ вышли въ такіе-съ вельможи! Хи-хи-съ“.

Наконецъ, въ глазахъ нѣкоторыхъ русскихъ людей особеннаго уваженія заслуживаетъ богатство.

Въ разсказѣ „Степь“ еврей Соломонъ, братъ содержателя постоялаго двора Моисея, на вопросъ проѣзжающихъ—„что подѣлываешь?“—отвѣтилъ:

— „То же, что и всѣ... Вы видите: я лакей. Я лакей у брата, братъ лакей у проѣзжающихъ, проѣзжающіе лакеи у Варламова (милліонера), а еслибъ я имѣлъ десять милліоновъ, то Варламовъ былъ бы у меня лакеемъ.“

— То есть почему же это онъ былъ бы у тебя лакеемъ?

— Почему? А потому, что нѣтъ такого барина или миллионера, который изъ за лишней копѣйки не сталъ бы лизать рукъ у жида пархатаго. Я теперь жидъ пархатый и нищій, всѣ на меня смотрятъ, какъ на собаку, а еслибъ у меня были деньги, то Варламовъ передо мною ломалъ бы такого дурака, какъ Моисей передъ вами“.

Тамъ, гдѣ уважается сила, не признается человѣческое достоинство въ слабомъ человѣкѣ, тамъ слабые—униженные и обиженные. Въ сочиненіяхъ Чехова выведенъ цѣлый рядъ общественныхъ группъ и отдѣльныхъ лицъ, человѣческое достоинство которыхъ унижается и оскорбляется.

Остановимся прежде всего на разсказѣ Чехова „Гусевъ“.

Дѣйствіе происходитъ на океанскомъ пароходѣ. Одинъ изъ пассажировъ Павелъ Ивановичъ говоритъ больнымъ солдатамъ, возвращающимся на родину со службы на Дальнемъ Востокѣ:

„Вы люди темные, слѣпые, забытые, ничего вы не видите, а что видите, того не понимаете... Вамъ говорятъ, что вѣтеръ съ цѣпи срывается, что вы скоты, печенѣги, вы и вѣрите; но шефъ васъ бьетъ, вы ручку цѣлуете; ограбить васъ какое нибудь животное въ енотовой шубѣ и потомъ швырнетъ вамъ пятиалтынный на чай, а вы: „пожалуйте, баринъ ручку“. Парни вы, жалкіе люди“.

И, дѣйствительно, то, что узналъ Павелъ Ивановичъ о прошломъ солдатъ, возвращающихся со службы, подтверждаетъ его инѣніе, что это—парни, жалкіе люди, люди темные, слѣпые, забытые.

„Мнѣ все казалось страннымъ, говоритъ Павелъ Ивановичъ, какъ это вы тяжело больные, вмѣсто того, чтобы находиться въ покоѣ, очутились на пароходѣ, гдѣ и духота, и жара, и качка, все, однимъ словомъ, угрожаетъ вамъ смертью, теперь же для меня все ясно... Да... ваши доктора сдали васъ на пароходъ, чтобы отвязаться отъ васъ. Надоѣло съ вами возиться, со скотами. Денегъ вы имъ не платите, возня съ вами, да и отчетность своими смертями портите, — стало быть, скоты! А отдѣлаться отъ васъ не трудно. Для этого нужно только, во первыхъ, не имѣть совѣсти и человѣколюбія и, во вторыхъ, обмануть пароходное начальство. Первое условіе можно хоть и не считать, въ этомъ отношеніи

мы артисты, а второе всегда удается при нѣкоторомъ навыкѣ. Въ толпѣ четырехсотъ здоровыхъ солдатъ и матросовъ пять больныхъ не бросаются въ глаза; ну, согнали васъ на пароходъ, смѣшались со здоровыми, наскоро сосчитали и въ суматохѣ ничего дурного не замѣтили, а когда пароходъ отошелъ, то и увидѣли: на палубѣ валяются параличные да чахоточные въ послѣднемъ градусѣ... Возмутительно... Главное, отлично вѣдь знаютъ, что вы не перенесете этого далекаго перехода, а все таки сажаютъ васъ сюда! Ну, положимъ, до Индѣйскаго Океана вы дойдете, а потомъ что? Страшно подумать.. И это благодарность за вѣрную безпорочную службу“.

Изъ разговора съ однимъ изъ больныхъ солдатъ безсрочно-отпускнымъ рядовымъ Гусевымъ Павелъ Ивановичъ узналъ, что онъ Гусевъ, служилъ въ денщикахъ.

— „Боже мой, Боже мой!—говоритъ Павелъ Ивановичъ и печально покачиваетъ головой.—Вырвать человѣка изъ роднаго гнѣзда, тащить пятнадцать тысячъ верстъ, потомъ вогнать въ чахотку и... и для чего все это, спрашивается? Для того, чтобъ сдѣлать изъ него денщика для какого нибудь капитана Копѣйкина или мичмана Дырки. Какъ много логики!

— Дѣло не трудное, Павелъ Иванычъ. Встанешь утромъ, сапоги почишишь, самоваръ поставишь, комнаты уберешь, а потомъ и дѣлать нечего. Поручикъ цѣлый день планты чертитъ, а ты—хочешь—Богу молишь, хочешь—книжки читай, хочешь—на улицу ступай. Дай Богъ всякому такой жизни.

— Да, очень хорошо! Поручикъ планты чертитъ, а ты весь день на кухнѣ сидишь и по родинѣ тоскуешь... Планты... Не въ плантахъ дѣло, а въ жизни человѣческой! Жизнь не повторяется, шадить ее нужно.

— Оно конечно, Павелъ Иванычъ, дурному человѣку нигдѣ пощады нѣтъ, ни дома, ни на службѣ, но ежели ты живешь правильно, слушаешься, то какая кому надобность тебя обижать? Господа образованные, понимаютъ.. За пять лѣтъ я ни разу въ карцерѣ не сидѣлъ, а битъ былъ, дай Богъ память, не больше одного раза...

— За что?

— За драку. У меня рука тяжелая, Павелъ Ивановичъ. Вошли къ намъ во дворъ четыре манзы; дрова носили, что ли—не помню. Ну, мнѣ скучно стало, я имъ того, бока помялъ, у одного проклятаго изъ носа кровь пошла... Поручикъ увидѣлъ въ окошко, осерчалъ и далъ мнѣ по уху.

— Глупый, жалкій ты человѣкъ... — шепчетъ Павелъ Ивановичъ. — Ничего ты не понимаешь“.

Павелъ Ивановичъ и солдатикъ—представители совершенно противоположныхъ воззрѣній. Павелъ Ивановичъ—защитникъ идеи личности, онъ протестуетъ противъ всякаго униженія личности. Солдатикъ—человѣкъ, котораго человѣческое достоинство унижается, онъ терпѣливо сноситъ это, считая слѣпое подчиненіе господамъ—долгомъ, а съ другой стороны при первомъ удобномъ случаѣ охотно оскорбляетъ другого слабѣйшаго.

Эти мотивы: униженіе человѣческаго достоинства слабого, потеря чувства собственнаго достоинства унижаемымъ, оскорбленіе униженнымъ другого слабѣйшаго—слышатся во многихъ произведеніяхъ Чехова.

Унижается человѣческое достоинство крестьянъ, или „мужиковъ“, по терминологіи Чехова.

Въ русскомъ обществѣ, изображенномъ Чеховымъ, нѣтъ признанія человѣческаго достоинства за мужиками. Такое отношеніе къ мужикамъ ведетъ начало со временъ крѣпостного права и отчасти поддерживается дѣйствующимъ законодательствомъ, которое не считаетъ мужиковъ такими же субъектами правъ и обязанностей, какъ другіе граждане.

Вѣра Ивановна Кардина (разсказъ „Въ родномъ углу“) дѣлаетъ такую характеристику интеллигентнаго русскаго человѣка доктора Нещапova: „Вотъ про доктора Нещапova говорятъ дамы, что онъ добрый, устроилъ при заводѣ школу. Да, школу построилъ изъ стараго заводскаго камня, рублей за восемьсотъ и „многая лѣта“ пѣли ему на основаніи школы, а вотъ небось пая своего не отдастъ, и небось въ голову ему не приходитъ, что мужики такіе же люди, какъ онъ, и что ихъ тоже нужно учить въ университетахъ, а не только въ этихъ жалкихъ заводскихъ школахъ“.

Этотъ взглядъ доктора Нещапova—наслѣдіе эпохи крѣпостного права. Но отчасти взглядъ этотъ поддерживается современ-

нымъ законодательствомъ. Вѣдь для поступленія въ университетъ сыну крестьянина необходимо увольнительное отъ общества свидѣтельство. По мысли законодателя, человѣкъ, поступившій въ университетъ, не можетъ оставаться членомъ крестьянскаго общества, онъ выписывается изъ состава крестьянскаго общества и теряетъ право на надѣлъ. Очевидно, принадлежность къ крестьянскому сословію, къ мужикамъ, считается обстоятельствомъ, унижающимъ достоинство университетскаго человѣка. И наоборотъ, мужики считаются недостойными университетскаго образованія: университеты для другихъ, для мужиковъ достаточно начальныхъ школъ, чтеній съ туманными картинами и т. п.

И во многихъ другихъ случаяхъ обнаруживается то же непризнаніе человѣческой личности въ мужикѣ

Егеръ Егоръ Власычъ говоритъ своей женѣ, что они „неволей вѣнчаны. Нешто забыла? Графа Сергѣя Павлыча благодари.. и себя. Графъ изъ зависти, что я лучше его стрѣляю, мѣсяць цѣлый виномъ меня спаивалъ, а пьянаго не только, что перевѣнчать, но и въ другую вѣру совратить можно. Взялъ и въ отместку пьянаго на тебѣ женилъ... Егеря на скотницѣ! Ты видала, что я пьяный, зачѣмъ выходила? не крѣпостная вѣдь, могла супротивъ пойти... Ну, вотъ теперѣ и мучайся, плачь. Графу смѣшки, а ты плачь... бейся объ стѣну“ (Егеръ).

Во времена крѣпостнаго права графъ-помѣщикъ могъ насильно женить своего крѣпостнаго егеря на крѣпостной скотницѣ. Крѣпостное право пало, но неуваженіе къ человѣческой личности бывшаго раба осталось у помѣщиковъ. Только крайнимъ неуваженіемъ къ человѣческой личности крестьянина можно объяснить эту дикую выходку графа.

Сынъ генеральши Иванъ Чепраковъ (въ разсказѣ „Моя жизнь“) служитъ кондукторомъ на желѣзной дорогѣ. „Жизнь у меня теперѣ подлѣйшая, говоритъ онъ Полозневу. Главное, всякій прапорщикъ можетъ кричать: „ты, кондукторъ! ты“!

Чепраковъ, сынъ генеральши, которая когда то владѣла крѣпостными крестьянами, считаетъ оскорбительнымъ для себя, когда ему говорятъ—ты. Но никому въ голову не приходитъ считать оскорбительнымъ, когда мужику говорятъ—ты. „Самый мелкій чиновникъ, читаемъ въ разсказѣ „Мужики“, или приказчикъ

обходится съ мужиками, какъ съ бродягами, и даже старшинамъ и церковнымъ старостамъ говорить—ты, и думаетъ, что имѣеть на это право“.

По словамъ студента Трофимова въ пьесѣ „Вишневый садъ“, „интеллегенція обходится съ мужиками какъ съ животными“.

Рѣзкимъ выраженіемъ неуваженія къ человѣческому достоинству мужика являются тѣлесныя наказанія. Почти за сто лѣтъ до паденія крѣпостного права тѣлесное наказаніе отмѣнено для благороднаго дворянства. „Тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго“,—читаемъ въ жалованной грамотѣ дворянству. Это изъятіе отъ позорящихъ человѣческое достоинство тѣлесныхъ наказаній постепенно распространялось на другіе классы русскаго общества, распространялось, въ видѣ исключенія, и на нѣкоторые разряды мужиковъ. Но, по общему правилу, до нашихъ дней мужиковъ подвергали тѣлесному наказанію.

Жена желѣзнодорожнаго стрѣлочника Агафья приходила, въ отсутствіе мужа, къ огороднику Савкѣ и провела у него ночь. Когда Агафья ушла, Савка сказалъ: „—Идетъ и хвостъ поджала... Шкодливы эти бабы,—какъ кошки, трусливы,—какъ зайцы... Не ушла, дура, вчера, когда говорили ей! Теперь ей достанется, да и меня въ волости... опять за бабъ драть будутъ“ (Агафья).

Мужикъ Савка совершенно равнодушно говоритъ объ угрожающемъ ему тѣлесномъ наказаніи, считая, очевидно, это—нормальнымъ порядкомъ.

Но не всѣ мужики считаютъ тѣлесное наказаніе нормальнымъ порядкомъ. Протестъ противъ розги замѣтенъ и среди мужиковъ. Въ разсказѣ „Мужики“ Ольга, покидая Жуково, „вспомнила, какой жалкій, приниженный видъ былъ у стариковъ, когда зимой водили Кирьяка наказывать розгами“.

Въ мужикѣ не признается человѣческое достоинство. Мужикъ низшее существо, а со стороны высшихъ, со стороны тѣхъ, кто богаче и сильнѣе, помощи нѣтъ. „Да и можетъ ли быть какаянибудь помощь или добрый примѣръ, говоритъ Чеховъ въ разсказѣ „Мужики“, отъ людей корыстолюбивыхъ, жадныхъ, развратныхъ, лѣнивыхъ, которые наѣзжаютъ въ деревню только затѣмъ, чтобы оскорбить, обобрать, напугать“.

Неуваженіе къ человѣческому достоинству мужика такъ велико, что всякій, кто пріѣзжаетъ въ деревню, считаетъ возможнымъ, „оскорбить, обобратъ, напугать“ и во всякомъ случаѣ считаетъ необходимымъ свысока относиться къ мужику. Таковъ, на примѣръ, новоиспеченный помѣщикъ Николай Ивановичъ въ разсказѣ „Крыжовникъ“.

„Николай Ивановичъ, который когда-то въ казенной палатѣ боялся даже для себя лично имѣть собственные взгляды, теперь говорилъ только одни истины, и такимъ тономъ, точно министръ. „Образованіе необходимо, но для народа оно преждевременно,“ „тѣлесныя наказанія вообще вредны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они полезны и необходимы“.

— Я знаю народъ и умѣю съ нимъ обращаться,— говорилъ онъ.— Меня народъ любитъ. Стоитъ мнѣ только пальцемъ шевельнуть, и для меня народъ сдѣлаетъ все, что захочу.

И все это, замѣтите, говорилось съ умной, доброю улыбкой. Онъ разъ двадцать повторилъ: „мы дворяне“, „я, какъ дворянинъ“...

Если свысока относится къ мужику новоиспеченный помѣщикъ, бывший мелкій чиновникъ казенной палаты, Николай Ивановичъ, то, повидимому, больше оснований свысока относиться къ мужику у стариннаго помѣщика Гаева. И дѣйствительно, этотъ „недотепа“, тоже твердитъ: „Не даромъ меня мужикъ любитъ. Мужика надо знать! Надо знать...“

Дворяне полагаютъ, что они знаютъ мужика, и что мужикъ ихъ любитъ. А такъ какъ мужикъ нуждается въ опекѣ, то естественнымъ опекуномъ долженъ быть дворянинъ. Въ обществѣ, въ которомъ существуютъ подобные взгляды, и долженъ былъ появиться такой законъ, какъ „Положеніе о земскихъ начальникахъ“, законъ, отдавшій мужика въ опеку дворянину.

Но не одни земскіе начальники являются опекунами мужиковъ. Опекуномъ является „міръ“, опекунами являются органы сельской и волостной администраціи.

„Міру“ принадлежитъ дисциплинарная власть надъ мужиками. Какъ осуществляетъ міръ эту дисциплинарную власть и къ какимъ стѣсненіямъ личной свободы мужика приводитъ эта дисциплинарная власть видно изъ разсказовъ „Воры“ и „Въ ссылкѣ“.

„Мірѣ“ составилъ приговоръ о томъ, чтобы сослать въ Сибирь Калашникова, безсердечнаго вора, обирающаго бѣдняковъ; но отецъ и дядя Калашникова, тоже воры, откупились и приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ разсказѣ „Въ ссылкѣ“ татаринъ „заплакалъ и сталъ увѣрять, что онъ ни въ чемъ не виноватъ и терпитъ напраслину. Его два брата и дядя увели у мужика лошадей и избили старика до полусмерти, а общество рассудило не по совѣсти и составило приговоръ, по которому пошли въ Сибирь все три брата, а дядя, богатый человекъ, остался дома“.

Дисциплинарная власть надъ мужиками принадлежитъ органамъ сельской и волостной администраціи. Какъ осуществляется эта власть видно изъ сдѣланной въ разсказѣ „Въ оврагѣ“ характеристики волостнаго писаря и волостнаго старшины, которые за время своей службы „не подписали ни одной бумаги и не отпустили изъ волостнаго правленія ни одного человека безъ того, чтобы не обмануть и не обидѣть“. Въ разсказѣ „Мужики“ сдѣлана характеристика сельскаго старосты, тоже надѣленнаго дисциплинарною властью. „Староста Антипъ Сѣдельниковъ, не смотря на молодость,—ему было только 30 лѣтъ съ небольшимъ, былъ строгъ и всегда держалъ сторону начальства, хотя самъ былъ бѣденъ и платилъ подати неисправно. Видимо, его забавляло, что онъ староста, и нравилось сознаніе власти, которую онъ иначе не умѣлъ проявлять, какъ строгостью. На сходѣ его боялись и слушались; случалось, на улицѣ или около трактира онъ вдругъ налеталъ на пьянаго, связывалъ ему руки назадъ и сажалъ въ арестантскую; разъ даже посадилъ въ арестантскую бабу за то, что она, придя на сходъ вмѣсто Осипа, стала браниться, и продержалъ ее тамъ цѣлые сутки“.

Остальные классы русскаго общества не представляютъ изъ себя однообразной массы: нѣтъ людей, обладающихъ равнымъ человѣческимъ достоинствомъ,—есть сильные и слабые; сильные не признаютъ человѣческаго достоинства въ слабыхъ.

Къ слабымъ относятся рабочіе люди. Весьма рѣзкими чертами изображено поправленіе человѣческаго достоинства рабочаго человека въ разсказѣ „Моя жизнь“. Полозневъ, отъ имени котораго ведется разсказъ, говорить:

„Быть можетъ, отъ того, что, ставши рабочимъ, я уже видѣлъ нашу городскую жизнь только съ ея изнанки, почти каждый день приходилось дѣлать открытія, приводившія меня просто въ отчаяніе. Тѣ мои сограждане, о которыхъ раньше я не былъ никакого мнѣнія, или которые съ внѣшней стороны представлялись вполне порядочными, теперь оказывались людьми низкими, жестокими, способными на всякую гадость. Насъ, простыхъ людей, обманывали, обсчитывали, заставляли по цѣлымъ часамъ дожидаться въ холодныхъ сѣняхъ или въ кухнѣ, насъ оскорбляли и обращались съ нами крайне грубо... Въ лавкахъ намъ, рабочимъ, сбывали тухлое мясо, гнилую муку и спитой чай; въ церкви насъ толкала полиція, въ больницахъ насъ обижали фельдшера и сидѣлки, и, если мы по бѣдности не давали имъ взятку, то насъ въ отместку кормили изъ грязной посуды; на почтѣ самый маленькій чиновникъ считалъ себя въ правѣ обращаться съ нами, какъ съ животными, и кричать грубо и нагло: „Обожди! куда лѣзешь?“ Даже дворовыя собаки—и тѣ относились къ намъ недружелюбно и бросались на насъ съ какою то особенною злобой. Но главное, что больше всего поражало меня въ моемъ новомъ положеніи, это совершенное отсутствіе справедливости, именно то самое, что у народа отпредѣляется словами: „Бога забыли“. Рѣдкій день обходился безъ мошенничества. Мошенничали и купцы, продававшіе намъ олифу, и подрядчики, и ребята, и сами заказчики. Само собою, ни о какихъ нашихъ правахъ не могло быть и рѣчи, и свои заработанныя деньги мы должны были всякій разъ запрашивать, какъ милостыню, стоя у чернаго крыльца безъ шапокъ“.

Въ разсказѣ „Сапожникъ и нечистая сила“ изображается оскорбленіе заказчикомъ чловѣческаго достоинства ремесленника.

Сапожникъ Ѳедоръ увидѣлъ во снѣ то, что бываетъ на яву, въ дѣйствительной жизни. Приснилось Ѳедору, что онъ сдѣлался богатымъ чловѣкомъ. Послѣ сытнаго обѣда, „чтобы развлечь себя, онъ сталъ осматривать сапогъ на своей лѣвой ногѣ.

— Какой это сапожникъ шил?—спросилъ онъ.

— Кузьма Лебединъ,—отвѣтилъ лакей.

— Позвать его, дурака!

Скоро явился Кузьма Лебединъ изъ Варшавы. Онъ остановился въ почтительной позѣ у двери и спросилъ:

— Что прикажете, ваше высокоблагородіе?

— Молчать!—крикнулъ Ѳедоръ и топнулъ ногой.—Не смѣй разсуждать и помни свое сапожничье званіе, какой ты чело-вѣкъ есть! Болванъ! Ты не умѣешь сапоговъ шить! Я тебѣ всю харю побью! Ты зачѣмъ пришелъ?

— За деньгами-съ.

— Какія тебѣ деньги? Вонъ! Въ субботу приходи! Человѣкъ, дай ему въ шею!

Но тотчасъ же онъ вспомнилъ, какъ надъ нимъ самимъ му-дрили заказчики, и у него стало тяжело на душѣ“.

Все это сапожникъ видѣлъ во снѣ, а когда проснулся, около него стоялъ заказчикъ и кричалъ:

— „Дуракъ! Болванъ! Оселъ! Я тебя проучу, мошенника! Взялъ заказъ двѣ недѣли тому назадъ, а сапоги до сихъ поръ не готовы! Ты думаешь, у меня есть время шляться къ тебѣ за сапогами по пяти разъ въ день? Мерзавецъ! Скотина!“

Подвергаясь оскорбленіямъ со стороны заказчиковъ, которые стоятъ выше ихъ, ремесленники-хозяева сами унижаютъ чело-вѣческое достоинство тѣхъ, кто стоитъ ниже ихъ и зависитъ отъ нихъ. Таковы ремесленные ученики.

Ванька Жуковъ, девятилѣтній мальчикъ, отданный три мѣся-ца тому назадъ въ ученіе къ сапожнику Аляхину, пишетъ пись-мо своему дѣдушкѣ въ деревню:

„А вчерась мнѣ была выволочка. Хозяинъ выволокъ меня за волосы на дворъ и отчесалъ шпандыремъ за то, что я качалъ ихняго ребятенка въ люлькѣ и по нечаянности заснулъ. А на недѣлѣ хозяйка велѣла мнѣ почистить селедку, а я началъ съ хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня въ харю тыкать. Подмастерья надо мной насмѣхаются, посылаютъ въ кабакъ за водкой и велятъ красть у хозяевъ огурцы, а хозяинъ бьетъ чѣмъ попадя. А ѣды нѣту никакой. Утромъ даютъ хлѣба, въ обѣдъ каши и къ вечеру тоже хлѣба, а чтобъ чаю или щей, то хозяева сами трескаютъ. А спать мнѣ велятъ въ сѣняхъ, а когда ребяенокъ ихній плачетъ, я вовсе не сплю, а качаю люль-ку... Меня всѣ колотятъ и кушать страсть хочется, а скука та-кая, что и сказать нельзя, все плачу. А наемни хозяинъ колод-

кой по головѣ ударилъ, такъ что упалъ и насилу очухался. Пропавшая моя жизнь, хуже собаки всякой“... (Ванька).

Подобно ремесленникамъ-хозяевамъ, и купцы-хозяева тоже не признаютъ человѣческаго достоинства въ подчиненныхъ имъ мальчикахъ и приказчикахъ. Отношенія купцовъ-хозяевъ къ мальчикамъ и приказчикамъ изображены Чеховымъ въ рассказѣ „Три года“.

„Для такой торговли, какъ ваша, говоритъ Лаптевъ своему брату, нужны приказчики обезличенные, обездоленные, и вы сами приготовляете себѣ такихъ, заставляя ихъ съ дѣтства кланяться вамъ въ ноги за кусокъ хлѣба, и съ дѣтства приучаете вы ихъ къ мысли, что вы — ихъ благодѣтели“... Лаптевъ „никакъ не могъ забыть, какъ лѣтъ пятнадцать назадъ одинъ приказчикъ, заболѣвшій психически, выбѣжалъ на улицу въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, босой и, грозя на хозяйскія окна кулакомъ, кричалъ, что его замучили; и надъ бѣднягой, когда онъ потомъ выздоровѣлъ, долго смѣялись и припоминали ему, какъ онъ кричалъ на хозяевъ: „плантаторы!“ — вмѣсто „эксплуататоры“. Вообще, служащимъ жилось у Лаптевыхъ очень плохо и объ этомъ давно уже говорили всѣ ряды. Хуже всего было то, что по отношенію къ нимъ старикъ Федоръ Степанычъ держался какой то азіатской политики... Ничто не запрещалось приказчикамъ прямо, и потому они не знали, что дозволяется и что — нѣтъ. Имъ не запрещалось жениться, но они не женились, боясь не угодить своей женитьбой хозяину и потерять мѣсто. Имъ позволялось имѣть знакомыхъ и бывать въ гостяхъ, но въ девять часовъ вечера уже запирались ворота и каждое утро хозяинъ подозрительно оглядывалъ всѣхъ служащихъ и испытывалъ, не пахнетъ ли отъ кого водкой: „А ну-ка дыхни!“ Каждый праздникъ служащіе обязаны были ходить къ ранней обѣднѣ и становиться въ церкви такъ, чтобы ихъ всѣхъ видѣлъ хозяинъ. Посты строго соблюдались. Въ торжественные дни, на примѣръ, въ именины хозяина или членовъ его семьи, приказчики должны были по подпискѣ подносить сладкій пирогъ отъ Флея или альбомъ. Жили они въ нижнемъ этажѣ дома на Пятницкой и во флигелѣ, помѣщаясь по трое и четверо въ одной комнатѣ, и за обѣдомъ ѣли изъ общей миски, хотя передъ каждымъ изъ нихъ стояла тарелка. Если кто изъ

хозяевъ входилъ къ нимъ во время обѣда, то всѣ они вставали“.

И вездѣ въ другихъ случаяхъ въ основѣ отношеній хозяина къ служащему лежитъ непризнание въ служащемъ человѣческаго достоинства.

Въ одномъ изъ раннихъ рассказовъ Чехова „На чужбинѣ“ помѣщикъ Камышловъ издѣвается надъ французомъ—губернеромъ.

Въ рассказѣ „Моя жизнь“ инженеръ Должиковъ „всѣхъ простыхъ людей называлъ почему-то Пантелѣями... вообще къ мелкимъ служащимъ онъ былъ жестокъ и штрафовалъ и гонялъ ихъ со службы холодно, безъ объясненій“

Регентъ соборной церкви Градусовъ, въ рассказѣ „Изъ огня да въ полымя“, оскорбляетъ своего бывшего пѣвчаго и сохраняетъ твердое убѣжденіе, что онъ имѣетъ право такъ поступать.

Докторъ говоритъ княгинѣ (рассказъ „Княгиня“): „А какъ вы обращаетесь со своими служащими! Вы ихъ и за людей не считаете и третируете, какъ послѣднихъ мошенниковъ. Напримѣръ, позвольте васъ спросить, за что вы меня уволили? Служилъ десять лѣтъ вашему отцу, потомъ вамъ, честно, не зная ни праздниковъ, ни отпусковъ, заслужилъ любовь всѣхъ на сто верстъ кругомъ, и вдругъ въ одинъ прекрасный день мнѣ объявляютъ, что я уже болѣе не служу! За что? До сихъ поръ не понимаю! Я докторъ медицины, дворянинъ, студентъ московскаго университета, отецъ семейства, такая мелкая и ничтожная сошка, что меня можно выгнать въ шею безъ объясненія причинъ! За чѣмъ со мной церемониться?“

Въ области государственной службы начальники не признаютъ человѣческаго достоинства въ подчиненныхъ чиновникахъ.

Въ рассказѣ „Торжество побѣдителя“ стставной коллежскій регистраторъ рассказываетъ о томъ, какъ онъ и его сослуживцы чиновники въ пятницу на масляной всѣ отправились ѣсть блины къ своему начальнику Алексѣю Иванычу Козулину. Въ числѣ приглашенныхъ былъ маленькій сгорбленный старичокъ Курицынъ, тоже подчиненный Козулина. Послѣ обѣда, во время бесѣды, Козулинъ рассказывалъ о прошломъ, о томъ, между прочимъ, какъ много онъ претерпѣлъ и поношеній вынесъ отъ Курицына, подѣ начальствомъ котораго началъ службу.

„Курицынъ“!! закричалъ онъ.

— „Чего извольте-ст?—спросилъ Курицынъ, вставая и вытягиваясь въ струнку.

— Трагедію представь!

— Слушаю!

Курицынъ вытянулся, нахмурился, поднялъ вверхъ руку, скорчилъ рожу и пропѣлъ силнымъ, дребезжащимъ голосомъ:

— Умри, вѣроломная! Кррови жажду!!

Мы покатались со смѣху.

— Курицынъ! Съѣшь этотъ самый кусокъ хлѣба съ перчикомъ!

Сытый Курицынъ взялъ большой кусокъ ржанаго хлѣба, посыпалъ его перцемъ и сжевалъ при громкомъ смѣхѣ.

— Всякія переѣны бываютъ, продолжалъ Козулинъ.— Сядь, Курицынъ! Когда встанешь, пропоешь что-нибудь... Тогда ты, а теперь я... Да... А ну-ка ты! ты! Тебѣ говорятъ, безусый!

И Козулинъ ткнулъ пальцемъ всторону папаша.— Бѣгай вокругъ стола и пой пѣтушкомъ!

Папаша мой улыбнулся, пріятно покраснѣлъ и засѣменилъ вокругъ стола. Я за нимъ.

— Ку-ку-реку!—заголосили мы оба и побѣжали быстрѣе.“

Подобно мелкимъ чиновникамъ, люди средніе, вообще, подвергаются постояннымъ униженіямъ и оскорбленіямъ со стороны тѣхъ, которые стоятъ выше ихъ.

Мировой судья (въ разсказѣ „Непріятность“) говоритъ о среднемъ челоѣкѣ: „мы его гонимъ, бранимъ, бьемъ по физиономіи.“

Купецъ Ѳедоръ Лаптевъ (разсказъ „Три года“), „когда къ нему приходитъ за жалованіемъ учитель изъ школы, гдѣ старикъ Лаптевъ попечителемъ, даже мѣняетъ голосъ и походку и держится съ учителемъ какъ начальникъ.

Директоръ завода Назарычъ („Бабые царство“) ненавидѣлъ и презиралъ заводскаго учителя. „Онъ обращался съ нимъ высокоомѣрно и грубо, задерживалъ жалованье и вмѣшивался въ преподаваніе и, чтобы окончательно выжить его, недѣли за двѣ до праздника опредѣлили въ школу сторожемъ дальняго родственника своей жены, пьянаго мужика, который не слушался учителя и при ученикахъ говорилъ ему дерзости“ (Бабые царство).

Въ одномъ изъ послѣднихъ разсказовъ — „Архіерей“, указывается на неуваженіе къ человѣческому достоинству низшаго духовенства со стороны духовнаго начальства: „Благочинные во всей епархіи ставили священникамъ, молодымъ и старымъ, даже ихъ женамъ и дѣтямъ, отмѣтки по поведенію, пятерки и четверки, а иногда и тройки.“

Весьма рѣзкими чертами выражается непризнаніе человѣческаго достоинства въ прислугѣ.

Довольно подробно останавливается Чеховъ на вопросѣ о положеніи прислуги, въ „Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка.“ Разсказъ ведется отъ имени интеллигентнаго человѣка, бывшаго морского офицера, который, вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, поступилъ въ лакеи къ одному петербургскому чиновнику, по фамиліи Орлову. Приведу изъ этого разсказа нѣкоторыя мѣста, характеризующія положеніе прислуги и отношеніе къ прислугѣ господъ.

„Когда я съ вычищеннымъ платьемъ и сапогами приходилъ въ спальню, Георгій Ивановичъ (Орловъ) неподвижно сидѣлъ въ постели, не заспанный, а скорѣе утомленный сномъ, и глядѣлъ въ одну точку, не выказывая по поводу своего пробужденія никакого удовольствія. Я помогаль ему одѣваться, а онъ неохотно подчинялся мнѣ, молча и не замѣчая моего присутствія, потомъ съ мокрою отъ умыванья головой и пахнуцій свѣжими духами, онъ шелъ въ столовую пить кофе. Онъ сидѣлъ за столомъ, пилъ кофе и перелистывалъ газеты, а я и горничная Поля почтительно стояли у двери и смотрѣли на него. Два взрослыхъ человѣка должны были съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ смотрѣть, какъ третій пьетъ кофе и грызетъ сухарики. Это, по всей вѣроятности, смѣшно и дико...“

Обыкновенно онъ (Орловъ) не замѣчалъ моего присутствія и когда говорилъ со мною, то на лицѣ у него не было обыкновеннаго ироническаго выраженія, — очевидно, не считалъ меня человѣкомъ.

По четвергамъ у насъ бывали гости... Гости обыкновенно сходились къ десяти часамъ. Они играли въ кабинетѣ Орлова въ карты, а я и Поля подавали имъ чай. Тутъ только я могъ, какъ слѣдуетъ, постигнуть всю сладость лакейства. Стоять

въ продолженіе четырехъ-пяти часовъ около двери, слѣдить за тѣмъ, чтобы не было пустыхъ стакановъ, перемѣнять пепельницы, подбѣгать къ столу, чтобы поднять оброненный мелокъ или карту, а, главное, стоять, ждать, быть внимательнымъ и не смѣть ни говорить, ни кашлять, ни улыбаться, это, увѣряю васъ, тяжелѣ всякаго тяжелаго крестьянскаго труда. Я когда-то стаивалъ на вахтѣ по четыре часа въ бурныя зимнія ночи и нахожу, что вахта несравненно легче“.

Барыня Зинаида Федоровна „относилась ко мнѣ, какъ къ лакею, существу низшему. Можно гладить собаку и въ то же время не замѣчать ея; мнѣ приказывали, задавали вопросы, но не замѣчали моего присутствія. Хозяева считали неприличнымъ говорить со мною больше, чѣмъ это принято; еслибъ я, прислуживая за обѣдомъ, вмѣшался въ разговоръ или засмѣялся, то меня навѣрное сочли бы сумасшедшимъ и дали бы мнѣ расчетъ.“

Останавливается Чеховъ на вопросѣ о положеніи прислуги также въ рассказѣ „Въ родномъ углу“, въ пьесѣ „Три сестры“ и въ другихъ произведеніяхъ.

Въ имѣніи Вѣры Ивановны Кардиной, которымъ управляла ея тетя (рассказъ „Въ родномъ углу“), „никакого сельскаго хозяйства не было; пахали и сѣяли немного, только по привычкѣ, и въ сущности ничего не дѣлали, жили праздно. Между тѣмъ, весь день ходили, считали, хлопотали; бѣготня въ домѣ начиналась съ пяти часовъ утра и постоянно слышалось „подай“, „принеси“, „сбѣгай“, и прислуга обыкновенно къ вечеру уже выбивалась изъ силъ. У тети каждую недѣлю мѣнялись кухарки и горничныя; то она рассчитывала ихъ за безнравственность, то онѣ сами уходили, говоря, что замучились. Изъ своихъ деревенскихъ никто не шелъ служить и приходилось нанимать дальнихъ. Изъ своихъ жила только дѣвушка Алена и не уходила потому, что на ея жалованье кормилась дома вся семья—старухи и дѣти. Эта Алена, маленькая, блѣдная, глуховатая, весь день убирала комнаты, служила за столомъ, топила печи, шила, стирала, но все казалось, что она возится, стучить сапогами и только мѣшаетъ въ домѣ; изъ страха, какъ бы ее не рассчитали и не услали домой, она роняла и часто била посуду, и у нея вычитали изъ жалованья, а потомъ ея

мать и бабушка приходили и кланялись тетѣ Дашѣ въ ноги.“ „Цѣлый день тетя въ саду варила вишневое варенье. Алена съ красными отъ жара щеками бѣгала то въ садъ, то въ домъ, то на погребъ. Когда тетя варила варенье, съ очень серьезнымъ лицомъ, точно священнодѣйствовала, и короткія рукава позволяли видѣть ея маленькія, крѣпкія, деспотическія руки, и, когда, не переставая, бѣгала прислуга, хлопоча около этого варенья, которое будетъ ѣсть не она, то всякій разъ чувствовалось мучительство“.

Въ „Трехъ сестрахъ“ одна сцена прекрасно рисуетъ отношеніе барыни къ прислугѣ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ этой пьесы есть Анфиса, нянька, старуха 80 лѣтъ. Анфиса была въ комнатѣ Ольги, когда туда вошла Наташа.

Наташа подходитъ къ зеркалу и говоритъ: Я должно быть растрепанная. Говорятъ, я пополнѣла... и не правда! Ничуть... (Анфисѣ холодно). При мнѣ не смѣй сидѣть! Встань! Ступай отсюда! (Анфиса уходитъ; пауза). И зачѣмъ ты держишь эту старуху не понимаю!

Олга (оторопѣвъ).— Извини, я тоже не понимаю...

Наташа.— Ни къ чему она тутъ. Она крестьянка, должна въ деревнѣ жить... Что за баловство! Я люблю въ домѣ порядокъ! Лишнихъ не должно быть въ домѣ (глядитъ ее по щекѣ и заводитъ разговоръ на другую тему. Черезъ нѣкоторое время Ольга начинаетъ снова говорить объ Анфисѣ).

Олга (пьетъ воду). Ты сейчасъ такъ грубо обошлась съ няней... Прости, я не въ состояніи переносить... въ глазахъ потемнѣло...

Наташа (взволнованно). Прости Оля, прости, я не хотѣла тебя огорчать.

Олга.— Прости, милая, мы воспитаны, быть можетъ, странно, но я не переношу этого. Подобное отношеніе угнетаетъ меня, я заболѣваю... я просто падаю духомъ..

Наташа.— Прости, прости... (цѣлуетъ ее).

Олга.— Всякая, даже малѣйшая грубость, неделикатно сказанное слово волнуетъ меня.

Наташа.— Я часто говорю лишнее, это правда, но согласись, моя милая, она могла бы жить въ деревнѣ.

Оля.—Она уже тридцать лѣтъ у насъ.

Наташа.—Но вѣдь теперь она не можетъ работать! Или я не понимаю, или ты не хочешь меня понять. Она не способна къ труду, она только спитъ или сидитъ.

Оля.—И пускай сидитъ.

Наташа (удивленно).—Какъ пускай сидитъ? Но вѣдь она же прислуга (сквозь слезы). Я тебя не понимаю, Оля. У меня нянька есть, кормилица есть, у насъ горничная, кухарка.. для чего же намъ вотъ эта старуха?—Для чего? ...Намъ нужно уговориться, Оля. Ты въ гимназіи, я—дома. у тебя ученіе, у меня хозяйство. И если я говорю что насчетъ прислуги, то знаю, что говорю; я знаю, что го-во-рю... И чтобъ завтра же не было здѣсь этой старой воровки, старой хрычевки.. (стучить ногами) этой вѣдьмы!.. Не смѣть меня раздражать! Не смѣть“!

Другая сцена рисуетъ то же барское отношеніе Наташи къ прислугѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ саду. Наташа говоритъ:

„Тутъ вездѣ я велю понасажать цвѣточковъ, цвѣточковъ, и будетъ запахъ... (строго) Зачѣмъ здѣсь на скамьѣ валяется вилка? (проходя въ домѣ, горничной) Зачѣмъ здѣсь на скамьѣ валяется вилка, я спрашиваю? (кричить) Молчать“!

Почмейстеръ Михаилъ Аверьянычъ (разсказъ „Палата № 6“), который когда то былъ богатымъ помѣщикомъ и служилъ въ кавалеріи, „изъ всего барскаго, которое у него когда то было, промоталъ все хорошее и оставилъ себѣ одно только дурное. Онъ любилъ, чтобъ ему услуживали, даже когда это было совершенно не нужно. Спички лежали передъ нимъ на столѣ, и онъ ихъ видѣлъ, но кричалъ человѣку, чтобы тотъ подалъ ему спички; при горничной онъ не стѣснялся ходить въ одномъ нижнемъ бѣльѣ; лакеямъ всѣмъ безъ разбора, даже старикамъ, говорилъ ты и, осердившись, звалъ ихъ болванами и дураками“.

Докторъ Старцевъ (разсказъ „Юнычъ“) провелъ вечеръ въ семьѣ Туркиныхъ, которая считалась самой образованной и талантливой семьей въ губернскомъ городѣ С. „Когда гости, сытые и довольные, толпились въ передней, разбирая свои пальто и трости, около нихъ суетился лакей Павлуша, или, какъ его

звали здѣсь, Пава, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, стриженный, съ полными щеками.

— А ну ка, Пава, изобрази!—сказалъ ему Иванъ Петровичъ (Туркинъ).

Пава сталъ въ позу, поднялъ вверхъ руку и проговорилъ трагическимъ тономъ:

— Уми, несчастная!

И всѣ захохотали“...

Прошло четыре года. Докторъ Старцевъ снова былъ у Туркиныхъ. Когда Старцевъ уходилъ домой, Иванъ Петровичъ провожалъ его. „А ну ка изобрази!“—сказалъ онъ обращаясь въ передней къ Павѣ.

Пава, уже не мальчикъ, а молодой человекъ съ усами, сталъ въ позу, поднялъ вверхъ руку и сказалъ трагическимъ голосомъ:

Уми, несчастная“!

Вопроса объ отношеніяхъ между господами и прислугой касается Чеховъ и въ наиболѣе раннихъ своихъ произведеніяхъ. Такъ, въ разсказѣ „Упразднили“ разсказывается о томъ, что прапорщикъ Вывертовъ заѣхалъ къ своему сосѣду маіору Ижицѣ и „когда его бричка въѣзжала въ маіорскій дворъ, онъ увидѣлъ картину. Ижица въ халатѣ и турецкой фескѣ стоялъ посреди двора, сердито топалъ ногами и размахивалъ руками. Мимо него взадъ и впередъ кучеръ Филька водилъ хромавшую лошадь.—Негодяй!—кипятился маіоръ.—Мошенникъ! Каналья! Повѣсите тебѣ мало, анаѹему! Афганецъ! Ахъ, мое вамъ почтеніе!—сказалъ онъ, увидѣвъ Вывертова.—Очень радъ васъ видѣть. Какъ вамъ это понравится? Недѣля ужъ, какъ ссадилъ лошади ногу, и молчать, мошенникъ! Ни слова! Не догляди я самъ, пропало бы къ чорту копыто! А? Каковъ народецъ? И его не бить по мордѣ? Не бить? Не бить, я васъ спрашиваю.“

Того же вопроса объ отношеніи господъ къ прислугѣ касается Чеховъ и въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ.

Въ разсказѣ „Невѣста“ Саша говоритъ Надѣ: „Ваша мама, по моему, конечно, и очень добрая и милая женщина, но... какъ вамъ сказать? Сегодня утромъ рано зашелъ я къ вамъ въ кухню, а тамъ четыре прислуги спятъ прямо на полу, кроватей нѣтъ, вмѣсто постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы... То же самое,

что было двадцать лѣтъ назадъ, ни какой перемѣны. Ну, бабушка, Богъ съ ней, на то она и бабушка; а вѣдь мама, небось, по французски говоритъ, въ спектакляхъ участвуетъ. Можно бы, кажется, понимать“.

Наконецъ, въ послѣднемъ предсмертномъ произведеніи Чехова, въ пьесѣ „Вишневый садъ“, студентъ Трофимовъ говоритъ о русской интеллигенціи: „называютъ себя интеллигенціей, а прислугѣ говорятъ ты“.

Нѣтъ уваженія къ человѣческому достоинству въ сферѣ семейныхъ отношеній.

Въ исторіи семейныхъ отношеній замѣчается одна черта: постепенное возвышеніе правъ женщинъ и дѣтей.

Право женщины постепенно возвышается, власть мужа и отца теряетъ свой строгій характеръ, и признаніе равной правоспособности за мужчиной и женщиной является идеаломъ права въ области супружескихъ отношеній. Этотъ идеалъ еще не достигнутъ русскимъ обществомъ.

Въ русскомъ обществѣ, изображенномъ въ сочиненіяхъ Чехова, человѣческое достоинство женщины унижается. Въ такомъ обществѣ не можетъ быть и рѣчи о признаніи за женщиной равной правоспособности съ мужчиной.

Въ ссылкѣ, по свидѣтельству Чехова, женщина приравнивается къ домашнему животному. Къ домашнему животному приравнивается женщина и въ средѣ мужиковъ. Здѣсь женщина терпѣливо подвергается побоямъ и разнымъ издѣвательствамъ со стороны мужа.

Въ разсказѣ „Мужики“ есть такая сцена, рисующая положеніе женщины въ деревнѣ:

„Въ домѣ были гости и по этому случаю поставили самоваръ. Но не успѣли выпить и по чашкѣ, какъ со двора донесся громкій, протяжный пьяный крикъ:

— Ма-арья!

Все притихли. И немного погодя, опять тотъ же крикъ, грубый и протяжный, точно изъ подъ земли:

— Ма-арья!

Марья поблѣднѣла, прижалась къ печи, и какъ то странно было видѣть на лицѣ у этой широкоплечей, сильной, некраси-

вой женщины выраженіе испуга. Ея дочь, та самая дѣвочка, которая сидѣла на печи и казалась равнодушною, вдругъ громко заплакала.

— Ма-арья!—раздался крикъ у самой двери.

— Вступитесь Христа-ради, родименькіе,—залепетала Марья, дыша такъ, точно ее опускали въ очень холодную воду,—вступитесь родименькіе...

Заплакали всѣ дѣти, сколько ихъ было въ избѣ... Послышался пьяный кашель, и въ избу вошелъ высокій, чернобородый мужикъ въ зимней шапкѣ и оттого, что при тускломъ свѣтѣ лампочки не было видно его лица,—страшный... Это былъ Кирьякъ. Подойдя къ женѣ, онъ размахнулся и ударилъ ее кулакомъ по лицу, она же не издала ни звука, ошеломленная ударомъ, и только присѣла, и тотчасъ же изъ носа у нея пошла кровь.

— Экой срамъ-то, срамъ,—бормоталъ старикъ, полѣзая на печь,—при гостяхъ то! Грѣхъ какой!

А старуха сидѣла молча, сгорбившись, и о чемъ то думала; Ѳекла качала люльку... Видимо сознавая себя страшнымъ и довольный этимъ, Кирьякъ схватилъ Марью за руку, потащилъ ее къ двери и зарычалъ звѣремъ, чтобы казаться еще страшнѣе, но въ это время вдругъ увидѣлъ гостей и остановился“.

Въ другомъ мѣстѣ того же разсказа читаемъ: „На Покровъ въ Жуковѣ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня... Кирьякъ всѣ три дня былъ страшно пьянъ, пропиль все, даже шапку и сапоги, и такъ билъ Марью, что ее отливали водой“.

И въ другихъ произведеніяхъ Чехова изображается то же униженіе человѣческаго достоинства женщины въ крестьянской средѣ.

Софью (разсказъ „Бабы“) мужъ прогналъ съ завода къ отцу, а себѣ другую завелъ; она работаетъ какъ лошадь и добраго слова не слышитъ.

Токарь Григорій Петровъ жилъ съ женою сорокъ лѣтъ, „но эти сорокъ лѣтъ прошли, словно въ туманѣ. За пьянствомъ, драками и нуждой не чувствовалась жизнь (Горе).

Харламовъ (Въ судѣ) жилъ, по показаніямъ свидѣтелей. „со своей старухой хорошо, какъ всѣ: билъ ее только тогда, когда напивался“.

Гробовщикъ Яковъ Ивановъ пятьдесятъ два года прожилъ съ своей женой Марфой. „но какъ то такъ вышло. что за все это время онъ ни разу не подумалъ о ней, не обратилъ вниманія, какъ будто она была кошка или собака“ (Скрипка Ротшильда).

Униженіе человѣческаго достоинства женщины замѣчается и въ среднемъ классѣ русскаго общества. Слѣдующія слова оберъ-кондуктора Стычкина въ рассказѣ „Хорошій конецъ“ характеризуютъ обыкновенныя супружескія отношенія въ среднемъ классѣ: „желаю, чтобы жена понимала, что я для нея благодѣтель и первый человѣкъ... чтобы она меня почитала и чувствовала, что я ее осчастливилъ“.

Сынъ купца Лаптевъ говоритъ о своихъ родителяхъ: „отецъ женился на моей матери, когда ему было 45 лѣтъ, а ей только 17. Она блѣднѣла и дрожала въ его присутствіи“ (Три года).

Жена отставнаго казачьяго офицера Жмухина—„это не жена не хозяйка, даже не прислуга, а скорѣе приживалка, бѣдная, никому не нужная родственница, ничтожество“. Самъ Жмухинъ рассказываетъ слѣдующее о своей женѣ. „Она изъ бѣднаго семейства, поповна, колокольнаго званія, такъ сказать; женился я на ней, когда ей было 17 лѣтъ, и ее выдали за меня больше изъ за того, что было ѣсть нечего, нужда, злыдни, а у меня все таки видите, земля, хозяйство, ну какъ ни какъ все таки офицеръ; лестно ей было за меня идти, знаете ли. Въ первый день, какъ поженились, она плакала и потомъ всѣ двадцать лѣтъ плакала—глаза на мокромъ мѣстѣ. И все она сидитъ и думаетъ, думаетъ. А о чемъ думаетъ, спрашивается? Что женщина можетъ думать? Ни о чемъ. Я женщину признаться не считаю за человѣка“ (Печенѣгъ).

Встрѣчаются и интеллигентныя, повидимому, семьи, въ которыхъ женщина занимаетъ подчиненное унижительное пониженіе.

Актеръ Феноменовъ бьетъ жену (Трагикъ).

Издѣвается надъ женой литераторъ Краснухинъ (Тссс!).

Щиряевъ и Жилинъ срываютъ на домашнихъ—женѣ и дѣтяхъ—свое дурное расположеніе духа (Тяжелые люди, Отецъ семейства).

Издѣвается надъ женой Шаликовъ, въ рассказѣ „Мужъ“. Акцизный Кирилль Петровичъ Шаликовъ имѣетъ основанія считать

себя интеллигентнымъ человѣкомъ: онъ когда то былъ въ университетѣ, читалъ Писарева и Добролюбова, пѣлъ пѣсни. По случаю остановки въ городѣ кавалерійскаго полка устроенъ былъ танцевальный вечеръ въ мѣстномъ клубѣ. Дамы, упоенныя танцами, музыкой, звономъ шпоръ, чувствовали себя на крыльяхъ и хоть на минуту забыли про дрязги и мелочи повседневной жизни. Жена Шаликова Анна Павловна „танцевала безъ передышки, до упада. Танцы утомили ее, но изнемогала она тѣломъ, а не душой... Вся ея фигура выражала восторгъ и наслажденіе. Грудь ея волновалась, на щекахъ играли красныя пятнышки, всѣ движенія были томны, плавны; видно было, что, танцуя, она вспоминала свое прошлое, то давнее прошлое, когда она танцевала въ институтѣ и мечтала о роскошной, веселой жизни и когда была увѣрена, что у нея будетъ мужемъ непременно баронъ или князь. Акцизный глядѣлъ на нее и морщился отъ злости... Во время мазурки лицо акцизнаго перекосило отъ злости... А Анна Павловна, блѣдная, трепещущая, согнувъ томно станъ и закатывая глаза, старалась дѣлать видъ, что она едва касается земли, и, повидимому, ей самой казалось, что она не на землѣ, не въ уѣздномъ клубѣ, а гдѣ-то далеко-далеко — на облакахъ! Не одно только лицо, но уже все тѣло выражало блаженство... Акцизному стало невыносимо; ему захотѣлось насмѣяться надъ этимъ блаженствомъ, дать почувствовать Аннѣ Павловнѣ, что она забылась, что жизнь вовсе не такъ прекрасна, какъ ей теперь кажется въ упоеніи... Мелкія чувства зависти, досады, оскорбленнаго самолюбія, маленькаго, уѣзнаго человѣконенавистничества, того самого, которое заводится въ маленькихъ чиновникахъ отъ водки и отъ сидячей жизни, закопошились въ немъ какъ мыши“. Дождавшись конца мазурки, акцизный потребовалъ, чтобы жена шла домой.

— „Зачѣмъ? Вѣдь еще рано!

— Я прошу тебя идти домой! — сказалъ акцизный съ разстановкой, дѣлая злое лицо.

— Зачѣмъ? Развѣ что случилось? — встревожилась Анна Павловна.

— Ничего не случилось, но я желаю, чтобъ ты сію минуту шла домой... Желаю, вотъ и все, и, пожалуйста, безъ разговоровъ“.

Анна Павловна умоляла позволить ей остаться хоть полчаса, только десять минутъ, только пять минутъ; но акцизный упрямо стоялъ на своемъ. Анна Павловна, сразу „осунулась, постарѣла, похудѣла; блѣдная, кусая губы и чуть не плача, она пошла въ переднюю стала одѣваться... Выйдя изъ клуба, супруги до самого дома шли молча. Акцизный шелъ сзади жены и, глядя на ея согнувшуюся, убитую горемъ и униженную фигурку, припоминалъ блаженство, которое такъ раздражало его въ клубѣ, и сознание, что блаженства уже нѣтъ, наполняло его душу побѣднымъ чувствомъ. Онъ былъ радъ и доволенъ“.

Рядомъ съ семьями Феноменовыхъ, Краснухиныхъ, Ширяевыхъ и Жилиныхъ, Чеховъ изображаетъ и другія интеллигентныя семьи, гдѣ нѣтъ издѣвательства надъ женщиной, а гдѣ есть противоположная крайность—издѣвательство надъ мужчиной.

Этотъ вопросъ объ униженіи человѣческаго достоинства интеллигентнаго мужчины, попавшаго подъ власть женщины, служить темой многихъ рассказовъ Чехова. Изъ болѣе раннихъ рассказовъ сюда относятся: „Женское счастье“, „Лишніе люди“, „Страдальцы“ и др. Большее художественное и общественное значеніе имѣютъ позднѣйшіе рассказы на ту же тему—„Попрыгунья“, „Супруга“ и др.

Въ рассказѣ „Попрыгунья“ выведена супружеская чета Дымовыхъ—Осипъ Степановичъ и Ольга Ивановна. Мужъ. „Осипъ Степановичъ Дымовъ, былъ врачомъ и имѣлъ чинъ титулярнаго совѣтника. Служилъ онъ въ двухъ больницахъ: въ одной сверхштатнымъ ординаторомъ, а въ другой—прозекторомъ. Ежедневно отъ 9 часовъ утра до полудня онъ принималъ больныхъ и занимался у себя въ палатѣ, а послѣ полудня ѣхалъ на конкѣ въ другую больницу, гдѣ вскрывалъ умершихъ больныхъ. Частная практика его была ничтожна—рублей на пятьсотъ въ годъ. Вотъ и все. Что еще про него можно сказать? А между тѣмъ Ольга Ивановна и ея друзья и добрые знакомые были не совсѣмъ обыкновенные люди. Каждый изъ нихъ былъ чѣмъ нибудь замѣчательнъ и немножко извѣстенъ.“ Ольга Ивановна очень весело проводитъ время со своими замѣчательными друзьями, очень умѣло тратитъ зарабатываемыя мужемъ деньги и, не задумываясь, измѣняетъ ему. Дымовъ догадывается объ измѣнѣ жены, но тер-

пѣливо несесть свой крестъ: по прежнему весь день занимается практикой, а все свободное время до поздней ночи посвящаетъ наукѣ. Занятія наукой увѣнчались успѣхомъ; онъ защитилъ диссертацию на степень доктора медицины и мечтаетъ о томъ, что получить приватъ-доцентуру по общей патологіи. Эти научные интересы и мечты мужа совершенно чужды Ольгѣ Ивановнѣ. Разсказъ оканчивается смертью Дымова. Дымовъ заразился и умеръ. Присутствовавшій при его кончинѣ товарищъ докторъ Коростелевъ говоритъ Ольгѣ Ивановнѣ: „Умираетъ, потому что пожертвовалъ собой... Работалъ какъ волъ, день и ночь, никто его не щадилъ, и молодой ученый, будущій профессоръ, долженъ былъ искать себѣ практику и по ночамъ заниматься переводами, чтобы платить вотъ за эти... подлыя тряпки. Коростелевъ поглядѣлъ съ ненавистью на Ольгу Ивановну“.

Дѣйствующія лица въ разсказѣ „Супруга“ — докторъ Николай Евграфовичъ и его жена Ольга Дмитриевна. Докторъ убѣдился, что жена невѣрна ему и находится въ связи съ молодымъ человекомъ по фамиліи Рись, который уѣхалъ за границу. Онъ едва не заплакалъ отъ обиды. „Въ немъ возмущилась его гордость, его плебейская брезгливость. Сжимая кулаки и морщась отъ отвращенія, онъ спрашивалъ себя, какъ это онъ, сынъ деревенскаго попа, бурсакъ по воспитанію, прямой, грубый человекъ, по профессіи хирургъ — какъ это онъ могъ отдаться въ рабство, такъ позорно подчинить себя этому слабому, ничтожному, продажному, низкому созданію?... Лучшіе годы жизни протекли, какъ въ аду, надежды на счастье разбиты и осмѣяны, здоровья нѣтъ, въ комнатахъ его пошлая, кокоточная обстановка, а изъ десяти тысячъ, которыя онъ зарабатываетъ ежегодно, онъ никакъ не соберется послать матери-попадѣ хотя бы десять рублей, и уже долженъ по векселямъ тысячъ пятнадцать. Казалось, если бы въ его квартирѣ жила шайка разбойниковъ, то и тогда бы жизнь его не была такъ безнадежно, непоправимо разрушена, какъ при этой женщинѣ.“ Докторъ рѣшилъ объясниться съ женой, принять вину на себя и дать ей разводъ, пусть уходитъ къ любимому человеку. Но жена на разводъ не согласилась, она просила дать ей заграничный паспортъ, а не разводъ. А когда мужъ началъ убѣждать, что единственный выходъ въ ея поло-

женіи—разводъ и, затѣмъ, новый бракъ съ любимымъ человѣкомъ то она сказала:

— „Благодарю васъ, я не такая дура, какъ вы думаете. Развода я не приму и отъ васъ не уйду, не уйду, не уйду! Во первыхъ, я не желаю терять общественнаго положенія... Во-вторыхъ, мнѣ уже 27 лѣтъ, а Рису 23; черезъ годъ я ему надоѣмъ и онъ меня броситъ. И, въ-третьихъ, если хотите знать, я не ручаюсь, что это мое увлеченіе можетъ продолжаться долго... Вотъ вамъ! Не уйду я отъ васъ“.

И не ушла. А докторъ „опять, съ недоумѣніемъ, спрашивалъ себя, какъ это онъ, сынъ деревенскаго попа, по воспитанію бурсакъ, простой, грубый и прямой человѣкъ, могъ такъ беспомощно отдаться въ руки этого ничтожнаго, лживаго, пошлаго, мелкаго, по натурѣ совершенно чуждаго ему существа.“

Таковы супружескія отношенія между мужчиной и женщиной. Въ сферѣ отношеній внѣбрачныхъ замѣчаются тѣ же явленія. На каждомъ шагу унижается человѣческое достоинство женщины легкаго поведенія—проститутки, хористки, содержанки, обитательницы домовъ терпимости.

Прелестнѣйшая Ванда (разказъ „Знакомый мужчина“), выпившись изъ больницы, очутилась безъ пріюта и безъ копѣйки денегъ; находясь въ такомъ положеніи, она начала думать о своей „нехорошей, тяжелой жизни, о тѣхъ оскорбленіяхъ, какія она переносила и еще будетъ переносить завтра, черезъ недѣлю черезъ годъ,—всю жизнь, до самой смерти“.

Студентъ-медикъ Клочковъ обращается со своей сожительницей Анютой, какъ съ вещью, и подъ вліяніемъ минутнаго настроенія прогоняетъ ее, какъ собаку (Анюта).

Хористку Пашу безвинно и безнаказанно оскорбляетъ барыня, жена ея обожателя Колпакова. А когда ушла барыня, Пашу началъ оскорблять Колпаковъ. Паша стала громко плакать отъ обиды. „Она вспомнила, что три года тому назадъ ее ни за что, ни про что побилъ одинъ купецъ, и еще громче заплакала“ (Хористка).

Студентъ Васильевъ приходитъ въ ужасъ отъ того, что онъ видѣлъ и слышалъ въ домахъ терпимости. „Порокъ есть, думалъ онъ, но нѣтъ ни признанія вины, ни надежды на спасеніе. Ихъ

продаютъ, покупаютъ, топятъ въ винѣ и въ мерзостяхъ, а онѣ, какъ овцы, тупы, равнодушны и не понимаютъ... Боже мой, Боже мой"!... Для него ясно было, что все то, что называется человѣческимъ достоинствомъ, личностью, образомъ и подобіемъ Божиимъ, осквернено тутъ до основанія, „въ дрызгъ“, какъ говорятъ пьяницы“ (Припадокъ).

И въ сферѣ внѣбрачныхъ отношеній бываютъ случаи, когда женщина унижаетъ человѣческое достоинство мужчины.

Экономка Вѣра Никитишна, простая, необразованная баба. командуетъ надъ всѣми въ домѣ генерала, а одинъ разъ самогъ генерала выругала и выгнала изъ комнаты (Женское счастье).

Прелестнѣйшая Ванда однажды за ужиномъ въ нѣмецкомъ клубѣ вылила зубному врачу Финкелю на голову стаканъ пива (Знакомый мужчина).

Любовь Ивановна наняла одинъ изъ флигелей помѣщика Бѣлокурова подъ дачу, но такъ и осталась жить у него. Она управляла имъ строго, такъ что, отлучаясь изъ дому, онъ долженъ былъ спрашивать у нея позволенія (Домъ съ мезониномъ).

Иванъ Ильичъ Шамохинъ, помѣщикъ, университетскій человѣкъ, скромный, съ идеальными порывами, очутился во власти своей любовницы, лживаго и лукаваго существа. На основаніи горькаго опыта личной жизни Шамохинъ приходитъ къ слѣдующимъ мыслямъ о взаимныхъ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной въ интеллигентной средѣ: „Пока только въ деревняхъ женщина не отстаётъ отъ мужчины, тамъ она такъ же мыслить, чувствуетъ и такъ же усердно борется съ природой, во имя культуры, какъ и мужчина. Городская же, буржуазная, интеллигентная женщина давно уже отстала и возвращается къ своему первобытному состоянію, наполовину она уже человѣкъ-звѣрь и, благодаря ей, очень многое, что было завоевано человѣческимъ геніемъ, уже потеряно; женщина мало-по-малу исчезаетъ, на ея мѣсто садится первобытная самка... Въ городахъ все воспитаніе и образованіе женщины въ своей главной сущности сводятся къ тому, чтобы выработать изъ нея человѣка-звѣря, т. е. чтобы она нравилась самцу и чтобы умѣла побѣдить этого самца... Нужно, чтобы дѣвочки воспитывались и учились вмѣстѣ съ мальчиками, чтобы тѣ и другіе были всегда вмѣстѣ. Надо воспитывать жен-

щину такъ, чтобы она умѣла, подобно мужчинѣ, сознавать свою неправоту, а то она, по ея мнѣнію, всегда права. Внушайте дѣвочкѣ съ пеленокъ, что мужчина, прежде всего, не кавалеръ и не женихъ, а ея ближній, равный ей во всемъ“ (Ариадна).

Итакъ, женщина—или приравнивается къ полезному домашнему животному, которое служитъ своему хозяину-мужчинѣ, или превращается въ самку, которая побѣждаетъ самца-мужчину и влѣвствуетъ надъ нимъ. Въ обоихъ случаяхъ унижается человѣческое достоинство женщины.

Исторія отношеній между родителями и дѣтьми напоминаетъ исторію отношеній между супругами: права дѣтей постепенно возрастаютъ, суровая власть родителей постепенно смягчается, и человѣчество постепенно приходитъ къ признанію равнаго человѣческаго достоинства за дѣтьми и взрослыми. Въ русскомъ обществѣ, изображенномъ Чеховымъ, не всегда и не вездѣ признается человѣческое достоинство за дѣтьми. Въ семьяхъ низшихъ, среднихъ и даже высшихъ классовъ еще сохранили полную силу принципы, сформулированные въ „Домостроѣ“ попа Сильвестра: „Казни сына своего отъ юности его, и покоить ты на старость твою и дасть ти красоту души твоей. И не ослабѣй бѣя младенца; аще бо жезломъ бѣиши, то не умретъ, но здравѣе будетъ: ты бо бѣя его по тѣлу, душу его избавляешь отъ смерти... наказуй его во младости, да радуешься о немъ въ мужествѣ“. И многіе русскіе люди, слѣдуя этому завѣту попа Сильвестра, побоями воспитываютъ дѣтей.

Бабка, въ разсказѣ „Мужики“, бьетъ своихъ внучекъ.

Купецъ Лаптевъ бьетъ своихъ дѣтей. Я помню, говоритъ Лаптевъ-сынъ, „отецъ началъ учить меня, или, по просту говоря, бить, когда мнѣ не было еще пяти лѣтъ. Онъ сѣкъ меня розгами, дралъ за уши, билъ по головѣ, и я, просыпаясь, каждое утро думалъ прежде всего: будутъ ли сегодня драть меня? Играть и шалить мнѣ и Ѳедору запрещалось; мы должны были ходить къ утренѣ и къ ранней обѣднѣ, цѣловать попамъ и монахамъ руки, читать дома акаѳисты... когда мнѣ было восемь лѣтъ, меня уже взяли въ амбаръ; я работалъ, какъ простой мальчикъ, и это было нездорово, потому что меня тутъ били почти каждый день“.

У сестры Лаптева Нины Федоровны Панауровой „дѣтство было длинное. скучное; отецъ обходился сурово, и даже раза три наказывалъ ее розгами“ (Три года).

Лопахинъ (въ „Вишневомъ саду“) говоритъ: „Мой папаша былъ мужикъ, идиотъ, ничего не понималъ. меня не училъ, а только билъ спяща и все палкой“. Въ другомъ мѣстѣ пьесы тотъ же Лопахинъ вспоминаетъ: „Помню, когда я былъ мальчикомъ лѣтъ пятнадцати, отецъ мой покойный,—онъ тогда здѣсь въ деревнѣ въ лавкѣ торговалъ,—ударилъ меня по лицу кулакомъ, кровь пошла изъ носу“.

Въ разсказѣ „Случай съ классикомъ“ жилецъ, по просьбѣ матери, наказываетъ ея сына, получившаго двойку на экзаменѣ.

— „Батюшка! обратилась къ жильцу мамаша, заливаясь слезами.—Будьте столь благородны, посѣдите моего... Сдѣлайте милость! Не выдержалъ, горе мое! Вѣрите ли, не выдержалъ! Не могу я наказывать, по слабости моего нездоровья... Посѣдите его замѣсто меня, будьте столь благородны и деликатны, Евтихій Кузьмичъ! Уважьте больную женщину!“

Евтихій Кузьмичъ исполнилъ просьбу матери и высѣкъ мальчика.

Въ разсказѣ „Не въ духѣ“ становой приставъ Прачкинъ срываетъ на сынѣ свое дурное расположеніе духа.

— „Ваня!—крикнулъ онъ (сыну-гимназисту).—Иди, я тебя высѣку за то, что ты вчера стекло разбилъ“.

Бьетъ своего сына интеллигентный человѣкъ—архитекторъ (въ разсказѣ „Моя жизнь“). Сынъ, отъ имени котораго ведется разсказъ, говоритъ, передавая одинъ свой разговоръ съ отцомъ:

„Почему-то совершенно неожиданно для меня, эти слова сильно оскорбили отца. Онъ весь побагровѣлъ.— Не смѣй такъ разговаривать со мною, глупецъ!— крикнулъ онъ тонкимъ, визгливымъ голосомъ.—Негодяй!—И быстро и ловко, привычнымъ движеніемъ ударилъ меня по щекѣ разъ и другой.— Ты сталъ забываться! Въ дѣтствѣ, когда меня билъ отецъ, я долженъ былъ стоять прямо, руки по швамъ, и глядѣть ему въ лицо. И теперь, когда онъ билъ меня, я совершенно терялся и, точно мое дѣтство все еще продолжалось, вытягивался и старался смотрѣть прямо въ глаза. Отецъ мой былъ старъ и очень худъ, но, должно быть, тонкія мышцы его были крѣпки, какъ ремни, потому что

дрался онъ очень больно. Я попытался назадъ въ переднюю, и тутъ онъ схватилъ свой зонтикъ и нѣсколько разъ ударилъ меня по головѣ и по плечамъ“.

Воспитаніе дѣтей при помощи побоевъ практикуется и въ школѣ.

Тюремный смотритель Яшкинъ въ бесѣдѣ съ штатнымъ смотрителемъ уѣздного училища Пимфовымъ высказываетъ мнѣніе о ненужности буквы ять.

„Да и сѣкли же меня за этотъ ять!—продолжаетъ Яшкинъ. —Помню это, вызываетъ меня разъ учитель къ черной доскѣ и диктуетъ: „лѣкаръ уѣхалъ въ городъ“... Я взялъ написалъ *лѣкаръ* съ *е*. Выпоролъ. Черезъ недѣлю опять къ доскѣ опять пиши: „лѣкаръ уѣхалъ въ городъ“. Пишу на этотъ разъ съ ятемъ. Опять пороть. За что-же, Иванъ Ѳомичъ? Помилуйте. сами же вы говорили. что тутъ ять нужно! „Тогда, говорить, я заблуждался; прочитавъ же вчера сочиненіе нѣкоего академика о ять въ словѣ лѣкаръ, соглашаюсь съ академіей наукъ. Порю же я тебя по долгу присяги“... Ну и поролъ. Да и у моего Васютки всегда ухо вспухши отъ этого ять“... (Мыслитель).

Гимназистъ Мамахинъ „терпѣть не могъ учителя французскаго языка. „Я, кричить, дворянинъ и не позволю, чтобъ французъ надо мною старшимъ былъ! Мы, кричить, въ двѣнадцатомъ году французовъ били!“ Ну, его, конечно, пороли... сильно пороли! А онъ бывало, какъ замѣтитъ, что его пороть хотять, прыгъ въ окно и былъ таковъ! Этакъ дней пять-шесть потомъ въ гимназію не показывается. Мать приходитъ къ директору, молить Христомъ-Богомъ: „Господинъ директоръ, будьте столь добры, найдите моего Мишку, посѣките его подлеца!“ (Наканунѣ поста).

Тѣ, человѣческое достоинство которыхъ оскорбляется болѣе сильными, съ своей стороны, не признаютъ человѣческаго достоинства въ другихъ людяхъ, которые въ силу какихъ нибудь обстоятельствъ становятся въ зависимое отъ нихъ положеніе или которыхъ они по какимъ нибудь соображеніямъ ставятъ ниже себя.

Мы видѣли, что ремесленникъ, котораго оскорбляетъ баринъ заказчикъ, самъ оскорбляетъ своихъ учениковъ.

Мы видѣли также, что мелкій чиновникъ, терпящій унижительное обращеніе со стороны начальника, самъ считаетъ себя въ правѣ оскорблять мужика или рабочаго челоѣка.

Приказчики, надъ которыми издѣвается купецъ-хозяинъ, не прочь поглумиться надъ всякимъ беззащитнымъ человѣкомъ. „Когда я возвращался съ работы домой, рассказываетъ Полозневъ (Моя жизнь), то всѣ эти, которые сидѣли у воротъ на лавочкахъ, всѣ приказчики, мальчики и ихъ хозяева пускали мнѣ вслѣдъ разныя замѣчанія, насмѣшливыя и злобныя, и это на первыхъ порахъ волновало меня и казалось просто чудовищнымъ.“

— Маленькая польза!—слышалось со всѣхъ сторонъ.—Малляръ! Охра!

И никто не относился ко мнѣ такъ немилостиво, какъ именно тѣ, которые такъ недавно сами были простыми людьми и добывали себѣ кусокъ хлѣба чернымъ трудомъ. Въ торговыхъ рядахъ, когда я проходилъ мимо желѣзной лавки, меня какъ бы нечаянно обливали водой, и разъ даже швырнули въ меня палкой“.

Каждый день въ амбаръ Лаптевыхъ „приходилъ спившійся дворянинъ, больной жалкій человѣкъ, который переводилъ въ конторѣ иностранную корреспонденцію; приказчики называли его фитюлькой и поили его чаемъ съ солью“.

Лаптевъ зналъ, что въ торговомъ заведеніи его отца, въ такъ называемомъ амбарѣ, „мальчиковъ сѣкутъ до крови, разбиваютъ имъ носы“, а „когда эти мальчики выростутъ, то сами тоже будутъ бить“. Таковъ былъ Початкинъ. Онъ „служилъ у Лаптевыхъ давно и поступилъ къ нимъ, когда ему было еще восемь лѣтъ. . Онъ былъ главнымъ... За жестокое обращеніе съ подчиненными приказчики и мальчики прозвали его Малютой Скуратовымъ“ (Три года).

Прислуга не признаетъ человѣческаго достоинства въ тѣхъ, кто не-баринъ.

Лакей Мишенька (въ рассказѣ „Бабье царство“) „богатыхъ и знатныхъ уважалъ и благоговѣлъ передъ ними, бѣдняковъ же и всякаго рода просителей презиралъ всею силою своей лакейски-чистоплотной души.“ „Бѣдные всегда должны почитать богатыхъ, говорилъ Мишенька. Сказано: Богъ шельму мѣтитъ. Въ острогахъ, въ ночлежныхъ домахъ и въ кабакахъ всегда только одни бѣдные; а порядочные люди, замѣтите, всегда богатые. Про богатыхъ сказано: бездна бездну призываетъ.“

Въ „Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка“ неизвѣстный, поступившій лакеемъ къ одному петербургскому барину Орлову, такъ характеризуетъ горничную Полю: „Я не ладилъ съ Полей. Это была хорошо упитанная, избалованная тварь, обожавшая Орлова за то, что онъ баринъ, и презиравшая меня за то, что я лакей... Оттого-ли, что я не воровалъ вмѣстѣ съ нею, или не изъяслялъ никакого желанія стать ея любовникомъ, что, вѣроятно, оскорбляло ее, или, быть можетъ, оттого, что она чужа во мнѣ чужого человѣка, она возненавидѣла меня съ перваго же дня... Она такъ искренно вѣрила, что я не человѣкъ, а нѣчто стоящее неизмѣримо ниже ея, что, подобно римскимъ матронамъ, которыя не стыдились купаться въ присутствіи рабовъ, при мнѣ иногда ходила въ одной сорочкѣ.“

Съ другой стороны тѣ, человѣческое достоинство которыхъ постоянно унижается, привыкають къ такому отношенію къ себѣ. Въ человѣкѣ унижаемомъ и оскорбляемомъ притупляется чувство собственнаго человѣческаго достоинства.

Притупилось чувство человѣческаго достоинства мужика. Одну изъ характерныхъ чертъ мужицкой жизни составляетъ попрошайничество.

„Моя жена строила школу, говорить Полозневъ... мы три раза собирали сходъ и убѣждали крестьянъ, что ихъ школа тѣсна и стара, и что необходимо строить новую. Пріѣзжали членъ земской управы и инспекторъ народныхъ училищъ и тоже убѣждали. Послѣ каждаго схода, насъ окружали и просили на ведро водки.“ Когда, наконецъ, приступили къ постройкѣ школы, то „конца не было недоразумѣніямъ, брани и попрошайству“ (Моя жизнь).

Въ „Мужикахъ“ разсказывается о пожарѣ въ деревнѣ. Тушить пожаръ пріѣхали изъ помѣщичьей усадьбы—студентъ, приказчики и рабочіе; двѣ барышни пришли смотрѣть на пожаръ. Когда пожаръ кончился, бывшая горничная Ольга вступила въ разговоръ съ „господами“. „Обѣ барышни сказали что-то по французски студенту, и тотъ подалъ Самѣ (дочкѣ Ольги) двугривенный. Старикъ Осипъ видѣлъ это, и на лицѣ у него вдругъ засвѣтилась надежда.—Благодарить Бога, ваше высокоблагородіе, вѣтра не было,—сказалъ онъ, обращаясь къ студенту,—а то-бы погорѣли въ одночасье. Ваше высокоблагородіе, господа хоро-

шіе,—добавилъ онъ конфузливо, тономъ ниже,—заря холодная, погрѣться-бы... на полбутылочки съ вашей милости.“

„Сегодня, говоритъ ветеринарный врачъ Иванъ Ивановичъ, въ разсказѣ „Крыжовникъ“, толстый помѣщикъ тащитъ мужиковъ къ земскому начальнику за потраву, а завтра, въ торжественный день, ставитъ имъ полведра, а они пьютъ и кричатъ ура, и пьяные кланяются ему въ ноги“.

Нѣтъ чувства собственнаго достоинства у рабочихъ людей. Полозневъ говоритъ о малярахъ: „Просить на чай не стыдились даже почтенные старики, имѣвшіе въ Макарихѣ собственные дома, и было досадно и стыдно, когда ребята гурьбой поздравляли какое нибудь ничтожество съ первоначатиємъ или окончаніемъ и, получивъ отъ него гривенникъ, униженно благодарили. Съ заказчиками они держали себя, какъ лукавые царедворцы, и мнѣ почти каждый денъ вспоминался шекспировскій Полоній.“

— А, должно быть, дождь будетъ,—говорилъ заказчикъ, глядя на небо

— Будетъ, безпремѣнно будетъ!—соглашались маляры.

— Впрочемъ, облака не дождевыя. Пожалуй, не будетъ дождя.

— Не будетъ, ваше высокородіе. Вѣрно, не будетъ“ (Моя жизнь).

На ту же тему объ отсутствіи чувства человѣческаго достоинства у рабочаго челоуѣка—ремесленника—написанъ разсказъ Чехова „Капитанскій мундиръ“.

Капитанъ заказалъ мундиръ. Когда мундиръ былъ готовъ, портной денегъ не получилъ. „Ну и дура! сказалъ онъ женѣ. Нешто настоящіе господа платятъ сразу? Это не купецъ какой нибудь—взялъ да тебѣ сразу и вывалилъ!“ На третій день онъ отправился за получкой. Долго пришлось ждать, такъ какъ капитанъ спалъ.—„Гони въ шею! скажи, что въ субботу!“—услышалъ портной послѣ долгаго ожиданія приказъ капитана деньщику. „То же самое услышалъ онъ въ субботу, въ одну, потомъ въ другую. Цѣлый мѣсяцъ ходилъ онъ къ капитану, высиживалъ долгіе часы въ передней, и вмѣсто денегъ получалъ приглашеніе убираться къ черту и придти въ субботу. Но онъ не унывалъ, не ропталъ, а напротивъ... Онъ даже пополнѣлъ. Ему нравилось долгое ожиданіе въ передней, „гони въ шею“

звучало въ ухахъ сладкой мелодіей. „Сейчасъ узнаешь благороднаго!“ восторгался онъ всякій разъ, возвращаясь отъ капитана домой“. Однажды портной на улицѣ заговорилъ съ капитаномъ о деньгахъ.—„Попшелъ вонъ!—отвѣтилъ ему капитанъ.— Ты мнѣ надоѣлъ!“ Но портной продолжалъ надоѣдать.—„Ааа... ты еще разговаривать Капитанъ размахнулся и—трахъ! Изъ глазъ портного посыпались искры, изъ рукъ выпала шапка“, но „на лицѣ плавала блаженная улыбка, на смѣющихся глазахъ блестѣли слезы.—Сейчасъ видать настоящихъ господъ!—бормоталъ онъ.—Люди деликатные, образованные... Точь въ точь бывало... по самому этому мѣсту, когда носилъ шубу къ барону Шпунцелю, Эдуарду Карлычу... Размахнулись и—трахъ! И господинъ подпоручикъ Зембулатовъ тоже... Пришелъ къ нимъ, а они вскочили и изъ всей мочи... Эхъ, прошло мое время!“

Нѣтъ чувства собственнаго достоинства у приказчиковъ. Приказчики въ амбарѣ Лаптева—люди обезличенные и обездоленные.

Нѣтъ чувства собственнаго достоинства у прислуги.

Кутящій въ загородномъ ресторанѣ фабрикантъ Фроловъ говоритъ адвокату Альмеру: „Взять хоть этихъ вотъ лакеевъ. Физиономи, какъ у профессоровъ, сѣдые, по двѣсти рублей въ мѣсяць добываютъ, своими домами живутъ, дочекъ въ гимназіяхъ обучаютъ, но ты можешь ругаться и тонъ задавать, сколько угодно... Честное слово, если бъ хоть одинъ обидѣлся, я бы ему тысячу рублей подарилъ“ (Пьяные).

Докторъ говоритъ княгинѣ (разсказъ „Княгиня“): „Все, что есть на десяткахъ тысячъ вашихъ десятинъ здороваго, сильнаго и красиваго, все взято вами и вашими прихлебателями въ гайдуки, лакеи, въ кучера. Все это двуногое живье воспиталось въ лакействѣ, объѣлось, огрубѣло, потеряло образъ и подобіе, однимъ словомъ“.

Крайнюю степень паденія человѣческаго достоинства въ прислугѣ рисуетъ Чеховъ въ „Разскаго неизвѣстнаго человѣка“. Здѣсь выведенъ типъ горничной Поли. Лице, отъ имени котораго ведется этотъ разсказъ, говоритъ:

„Однажды за обѣдомъ... я спросилъ:

— Поля, вы въ Бога вѣруете?

— А то какъ же!

— Стало быть вы вѣруете, — продолжалъ я, — что будетъ страшный судъ и что мы дадимъ отвѣтъ Богу за каждый свой дурной поступокъ?

Она ничего не отвѣтила и только сдѣлала презрительную гримасу и, глядя въ этотъ разъ на ея сытые, холодные глаза, я понималъ, что у этой цѣльной, вполне законченной натуры не было ни Бога, ни совѣсти, ни законовъ, и что если бы мнѣ понадобилось убить, поджечь или украсть, то за деньги я не могъ бы найти лучшаго сообщника“.

Нѣтъ чувства человѣческаго достоинства у мелкаго чиновника.

Маленькій чиновникъ экзекуторъ какого то учрежденія Иванъ Дмитричъ Червяковъ нечаянно чихнулъ въ театрѣ и обрызгалъ сидящаго впереди статскаго генерала Бризжалова.

„Я его обрызгалъ! — подумалъ Червяковъ. — Не мой начальникъ, чужой, но все таки не ловко. Извиниться надо“.

Червяковъ наклонился впередъ и извинился. Но его мучить безпокойство, что генеральскій оскорбленъ. Въ антрактѣ Червяковъ снова извинился. На другой день Червяковъ надѣлъ новый вицмундиръ, постригся и пошелъ къ Бризжалову на пріемъ объясниться и извиниться. Когда, на слѣдующій послѣ этого объясненія день, Червяковъ снова явился извиняться, Бризжаловъ посинѣлъ, затрясся, затопалъ ногами и гаркнулъ: „пошелъ вонъ!“ Придя машинально домой, не снимая вицмундира, Червяковъ легъ на диванъ и... померъ.

Этотъ разсказъ, озаглавленный „Смерть чиновника“, относится къ числу раннихъ разсказовъ Чехова; онъ написанъ въ то время, когда господствующимъ мотивомъ литературной дѣятельности Чехова былъ смѣхъ. Но въ данномъ случаѣ сквозь смѣхъ прорываются жгучія слезы. Передъ нами глубокая драма, основанная на своеобразной оцѣнкѣ человѣческой личности: маленькій чиновникъ слишкомъ высоко оцѣниваетъ достоинство лицъ съ генеральскимъ чиномъ и ни во что ставитъ собственное человѣческое достоинство: чихнулъ нечаянно маленькій чиновникъ, обрызгалъ генерала и... конецъ, умеръ человѣкъ.

Нѣтъ чувства собственнаго достоинства у средняго человѣка, вообще, котораго на каждомъ шагу унижаютъ.

Народная учительница, по признанію Марьи Васильевны, въ разсказѣ „На подводѣ“, „всего боится и въ присутствіи члена управы или попечителя школы она встаетъ, не осмѣливается сѣсть и, когда говоритъ про когонибудь изъ нихъ, то выражается почтительно „они“.

Нѣтъ чувства человѣческаго достоинства у презираемаго и оскорбляемаго еврея.

Помѣщикъ Камышевъ говоритъ французу—гувернеру, въ разсказѣ „На чужбинѣ“:

— „Ахъ, чудакъ! Если я французовъ ругаю, такъ вамъ то съ какой стати обижаться? Чудакъ, право! Берите примѣръ вотъ съ Лазаря Исаича, арендатора... Я его и такъ, и этакъ, и жидомъ, и пархомъ, и свинячье ухо изъ полы дѣлаю, и за пейсы хватаю... не обижается же“.

Теряетъ чувство собственнаго достоинства низшее духовенство, надъ которымъ издѣвается духовное начальство.

Викарный архіерей (въ разсказѣ „Архіерей“) „не могъ никакъ привыкнуть къ страху, какой онъ, самъ того не желая, возбуждалъ въ людяхъ, не смотря на свой тихій, скромный нравъ. Всѣ люди въ этой губерніи, когда онъ глядѣлъ на нихъ, казались ему маленькими, испуганными, виновными. Въ его присутствіи робѣли всѣ, даже старики протоіереи, всѣ „бухали“ ему въ ноги, а недавно одна просительница, старая деревенская попадья, не могла выговорить ни одного слова отъ страха, такъ и ушла ни съ чѣмъ“.

Унижаемые и оскорбляемые теряютъ чувство собственнаго человѣческаго достоинства. Но люди всегда остаются людьми, и паденіе человѣка не можетъ дойти до полной утраты образа и подобія Божьяго. Я уже указывалъ, что, по свидѣтельству Чехова, даже на которгѣ люди сохраняютъ черты образа и подобія Божьяго. А воля во всякомъ случаѣ лучше каторги.

Русская деревня—темное царство мрака, но безпристрастному наблюдателю ясно, что причины того мрака, который густой пеленой окружаетъ мужицкую жизнь, не въ мужикѣ, а внѣ мужика и что мужикъ—человѣкъ. Ольга (въ разсказѣ „Мужики“), проведя лѣто и зиму среди мужиковъ, приходитъ къ такому выводу:

Въ теченіе лѣта и зимы были такіе часы и дни, „когда казалось, что эти люди живутъ хуже скотовъ, жить съ ними было страшно; они грубы, не честны, грязны, не трезвы, живутъ не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважаютъ, боятся и подозрѣваютъ другъ друга... Да, жить съ ними было страшно, но все же они люди, они страдаютъ и плачутъ, какъ люди, и въ жизни ихъ нѣтъ ничего такого, чему нельзя было бы найти оправданія“.

Мало того. безпристрастному наблюдателю мужицкой жизни ясно, что есть лучи свѣта и въ этомъ темномъ царствѣ, и что за всѣми темными сторонами скрываются въ русскомъ мужикѣ черты образа и подобія Божьяго.

Къ такому выводу приходитъ Полозневъ (въ разсказѣ „Моя жизнь“). Онъ говоритъ:

„Я привыкалъ къ мужикамъ и меня все больше тянуло къ нимъ. Въ большинствѣ это были нервныя, раздраженныя, оскорбленныя люди; это были люди съ подавленнымъ воображеніемъ, невѣжественныя, съ бѣднымъ, тусклымъ кругозоромъ, все съ одними и тѣми же мыслями о сѣрой землѣ, о сѣрыхъ дняхъ, о черномъ хлѣбѣ... люди, которые хитрили, но, какъ птицы, прятали за дерево только одну голову, —которые не умѣли считать. Они не шли къ вамъ на сѣнокосъ за двадцать рублей, но шли за полведра водки, хотя за двадцать рублей могли бы купить четыре ведра. Въ самомъ дѣлѣ, были грязь и пьянство, и глупость, и обманы, но при всемъ томъ, однако чувствовалось, что жизнь мужицкая, въ общемъ, держится на какомъ то крѣпкомъ, здоровомъ стержнѣ. Какимъ бы неуклюжимъ звѣремъ ни казался мужикъ, идя за своею сохою, и какъ бы онъ ни дурманилъ себя водкой, все же, приглядываясь къ нему поближе, чувствуешь, что въ немъ есть то нужное и очень важное, чего нѣтъ, на примѣръ, въ Машѣ и въ докторѣ, а именно, онъ вѣритъ, что главное на землѣ — правда, и что спасеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ, и потому больше всего на свѣтѣ онъ любитъ справедливость“.

Въ разсказѣ Чехова попадаются типы мужиковъ, которые исповѣдуютъ эту непоколебимую вѣру въ правду. Таковъ сотскій Лошадинъ въ разсказѣ „По дѣламъ службы“. Дѣвица Юлія Лѣс-

ницкая, разсказалъ сотскій слѣдователю, „когда помирала. то все свое добро подѣлила; на монастырь записала сто десятинь, да намъ, обществу крестьянъ деревни Недошотовой, на поминъ души, двѣсти, а братецъ ейный. баринъ-то, бумагу спряталъ, сказываютъ, въ печкѣ сжегъ и всю землю себѣ забралъ. Думалъ, значить, себѣ на пользу, анъ—нѣтъ, погоди, на свѣтѣ неправдой не проживешь, братъ“... Познакомившись съ сотскимъ слѣдователь думалъ о томъ, „сколько еще въ жизни придется встрѣчать такихъ истрепанныхъ, давно нечесанныхъ, „не стоящихъ“ стариковъ, у которыхъ въ душѣ какимъ то образомъ крѣпко сжились пятиалтынничекъ, стаканчикъ и глубокая вѣра въ то, что на этомъ свѣтѣ „неправдой не проживешь“.

Отецъ ящика въ разсказѣ „Происшествіе“ на дѣлѣ показываетъ, что нужно жить по правдѣ: „Человѣкъ онъ были богобоязненный, говоритъ ящикъ, писаніе читали, и чтобы обсчитать кого, или обидѣть, или, скажемъ, не ровень часть, обжулить—это не дай Богъ, и мужики ихъ очень обожали, и когда нужно было кого въ геродъ послать—по начальству, или съ деньгами, то ихъ посылали. Были они выдѣляющее изъ обыкновеннаго“.

Отецъ ящика—„выдѣляющійся изъ обыкновенныхъ“. Выдѣляющіеся изъ обыкновенныхъ попадаютъ и въ другихъ классахъ общества среди людей унижаемыхъ и оскорбляемыхъ. Таковы: еврей Соломонъ въ разсказѣ „Степь“, горничная Ольга въ разсказѣ „Мужики“, плотникъ Костыль въ разсказѣ „Въ оврагѣ“, маляръ Рѣдька въ разсказѣ „Моя жизнь“ и другіе.

Проѣзжающіе, возмущенные отзывомъ еврея Соломона о миллионерѣ Варламовѣ, замѣтили:—„какъ же ты, дуракъ этакій, равняешь себя съ Варламовымъ“.—„Я еще не настолько дуракъ, чтобы равнять себя съ Варламовымъ,—отвѣтилъ Соломонъ, насмѣшливо оглядывая своихъ собесѣдниковъ.—Варламовъ хоть и русскій, но въ душѣ онъ жидъ пархатый; вся жизнь у него въ деньгахъ и въ наживѣ, а я свои деньги спалилъ въ печкѣ. Мнѣ не нужны ни деньги, ни земля, ни овцы, и не нужно, чтобъ меня боялись и снимали шапки, когда я ѣду. Значить, я умнѣй вашего Варламова и больше похожъ на человѣка“.

Бывшая горничная Ольга „каждый день читала Евангеліе... она вѣрила въ Бога, въ Божью матеръ, въ угодниковъ; вѣрила, что нельзя обижать никого на свѣтѣ,—ни простыхъ людей, ни нѣмцевъ, ни цыганъ, ни евреевъ, и что горе даже тѣмъ, кто не жалѣетъ животныхъ“...

Плотникъ Костыль рассказываетъ о своемъ разговорѣ съ фабрикантомъ Костюковымъ:

Фабрикантъ Костюковъ „осерчалъ на меня. „Много, говорить тесу пошло на карнизы“.— Какъ много? сколько надо было, Василий Данилычъ, столько, говорю, и пошло. Я его не съ кашей ѣмъ, тесь-то.— „Какъ говорить, ты можешь мнѣ такія слова? Болванъ, такой, сякой! Не забывайся! Я кричить, тебя подрядчикомъ сдѣлалъ!“— Эка, говорю, невидаль! Когда, говорю, не былъ въ подрядчикахъ, все равно каждый день чай пилъ. „Всѣ, говорить, вы жулики...“ Я смолчалъ. Мы на этомъ свѣтѣ жулики, думаю, а вы на томъ свѣтѣ будете жулики. Хо—хо—хо! На другой день отмякъ. „Ты, говорить, на меня не гнѣвайся, Макарычъ, за мои слова. Ежели я, говорить, что лишнее, такъ вѣдь и то сказать, я купецъ первой гильдіи, старше тебя, ты смолчать долженъ“.— Вы, говорю, купецъ первой гильдіи, а я плотникъ, это правильно. И святой Іосифъ, говорю, былъ плотникъ. Дѣло наше праведное, богоугодное, а ежели, говорю, вамъ угодно быть старше, то сдѣлайте милость, Василий Данилычъ. А потомъ этого, послѣ, значитъ, разговору, я и думаю: кто же старше? Купецъ первой гильдіи или плотникъ? Стало быть плотникъ, дѣточки!

Костыль подумалъ и прибавилъ:

— Оно такъ, дѣточки. Кто трудится, кто терпитъ, тотъ и старше“.

Маляръ Рѣдка говоритъ: „Душа у праведнаго бѣлая и гладкая, какъ мѣлъ, а у грѣшника, какъ пемза. Душа у праведнаго—олифа свѣтлая, а у грѣшника—смола газовая. Трудиться надо, скорбѣть надо, болѣзновать надо, а который чловѣкъ не трудится и не скорбитъ, тому не будетъ царства небеснаго. Горе, горе сытымъ, горе сильнымъ, горе богатымъ, горе заимодавцамъ! Не видать имъ царствія небеснаго. Тля ѣстъ траву, ржа желѣзо, а лжа душу“.

Всѣ эти типы—отдѣльные свѣтлые лучи въ томъ мрачѣ, кото-

рый окутываетъ жизнь людей униженныхъ и обиженныхъ. Но бываютъ моменты, когда вся жизнь униженныхъ и обиженныхъ озаряется лучами свѣта и когда очевиднымъ дѣлается, что всѣ —и тѣ, которые на каждомъ шагѣ оскорбляются и унижаются,— люди, т. е. существа, созданныя по образу и подобию Божьему. Такой моментъ изображенъ Чеховымъ въ „Островѣ“ Сахалинѣ въ рассказѣ о вѣнчаніи каторжника. Такіе моменты изображены также въ сказахъ „Мужики“ и „Художество“.

Въ рассказѣ „Художество“ изображено минутное забвеніе ужасовъ жизни ради удовлетворенія высшихъ потребностей духа. Рассказъ оканчивается — картиной крестнаго хода на Иордань.

„Изъ церкви одну за другой выносятъ хоругви, раздается бойкій, спѣшащій трезвонъ. . Боже милостивый, какъ хорошо!... трезвонъ дѣлается еще громче, день еще яснѣе. Хоругви колышатся и двигаются надъ толпой, точно по волнамъ. Крестный ходъ, сіяя ризами иконъ и духовенства, медленно сходитъ внизъ по дорогѣ и направляется къ Иордани. Машутъ колокольнѣ руками, чтобы тамъ перестали звонить, и водосвятіе начинается. Служать долго, медленно, видимо стараясь продлить торжество и радость общей народной молитвы.“

Въ рассказѣ „Мужики“, тоже изображается религіозное торжество.

„Въ Жуковѣ, въ этой Холуевкѣ, происходило разъ настоящее религіозное торжество. Это было въ августѣ, когда по всему уѣзду, изъ деревни въ деревню, носили Живоносную. Въ тотъ день, когда ее ожидали въ Жуковѣ, было тихо и пасмурно. Дѣвушки еще съ утра отправились навстрѣчу иконѣ въ своихъ яркихъ нарядныхъ платьяхъ и принесли ее подъ вечеръ, съ крестнымъ ходомъ, съ пѣніемъ, и въ это время за рѣкой трезвонили. Громадная толпа своихъ и чужихъ запрудила улицу; шумъ, пыль, давка... И старикъ, и бабка, и Кирьякъ— всѣ протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на нее и говорили, плача:

— Заступница, матушка! заступница!

Всѣ какъ будто вдругъ поняли, что между землей и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжкой, невыносимой нужды, отъ страшной водки“ (Мужики).

Люди и въ своемъ паденіи и униженіи сохраняютъ черты образа и подобія Божьяго. И нужно вѣрить людямъ, вѣрить, что человѣкъ не можетъ совершенно перестать быть человѣкомъ. „Надо всѣмъ вѣрить, иначе жить нельзя“, говоритъ Елена Андреевна, въ пьесѣ „Дядя Ваня“.

Этотъ вопросъ о необходимости вѣры въ человѣка разработанъ Чеховымъ въ одномъ изъ его позднѣйшихъ произведеній, озаглавленномъ „Разсказъ старшаго садовника“.

Въ оранжереѣ, во время распродажи цвѣтовъ, зашелъ разговоръ объ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ засѣдателей.

Садовникъ Михаилъ Карловичъ сказалъ:

— „Что касается меня, господа, то я всегда съ восторгомъ встрѣчаю оправдательные приговоры. Я не боюсь за нравственность и за справедливость, когда говорятъ „невиновенъ“, а, напротивъ, чувствую удовольствіе. Даже когда моя совѣсть говоритъ мнѣ, что, оправдавъ преступника, присяжные сдѣлали ошибку, то и тогда я торжествую. Судите сами, господа: если судьи и присяжные болѣе вѣрятъ *человѣку*, чѣмъ уликамъ, вещественнымъ доказательствамъ и рѣчамъ, то развѣ это *вѣра въ человѣка* сама по себѣ не выше всякихъ житейскихъ соображеній? Это вѣра доступна только немногимъ, кто понимаетъ и чувствуетъ Христа“.

Садовникъ разсказалъ одну старинную легенду о томъ, какъ судьи оправдали человѣка, уличеннаго въ убійствѣ. Свой разсказъ онъ закончилъ словами:

— „Убійцу отпустили на всѣ четыре стороны, и ни одна душа не упрекнула судей въ несправедливости. И Богъ, за такую вѣру въ человѣка, простилъ грѣхи всѣмъ жителямъ города. Онъ радуется, когда вѣруютъ, что человѣкъ Его образъ и подобіе, и скорбитъ, если, забывая о человѣческомъ достоинствѣ, о людяхъ судятъ хуже, чѣмъ о собакахъ. Пусть оправдательный приговоръ принесетъ жителямъ города вредъ, но зато, посудите, какое благотворное вліяніе имѣла на нихъ эта вѣра въ человѣка, вѣра, которая, вѣдь, не остается мертвой; она воспитываетъ въ насъ великодушныя чувства и всегда побуждаетъ любить и уважать каждаго человѣка. Каждаго. А это важно!“

Нужно любить и уважать каждаго челоѣка. Уваженіе челоѣческаго достоинства въ каждомъ челоѣкѣ есть необходимое предположеніе юридическаго равенства, одного изъ важнѣйшихъ принциповъ права. *Юридическое равенство* — второй идеаль права, завѣщанный почившимъ писателемъ русскому обществу.

Въ русскомъ обществѣ нѣтъ уваженія къ челоѣческому достоинству каждаго челоѣка, нѣтъ и юридическаго равенства.

Одного юридическаго равенства не достаточно. Гдѣ всѣ безправны, тамъ всѣ равны; значить, юридическое равенство существуетъ и среди рабовъ. Но рабство само по себѣ противорѣчить идеѣ челоѣческой личности. Челоѣкъ, созданный по образу и подобию Божьему, долженъ быть существомъ свободнымъ.

Челоѣку должна быть предоставлена свобода физическихъ дѣйствій и свобода въ выраженіи своихъ чувствъ и мыслей. Такая свобода есть необходимое предположеній тѣхъ *личныхъ правъ*, или *правъ гражданской свободы*, которыя являются вѣнцомъ долговременныхъ усилій исторіи права культурныхъ народовъ: неприкосновенности личности, неприкосновенности собственности, жилища, частной корреспонденціи, свободы передвиженій, труда и занятій, свободы общенія, свободы совѣсти, мысли и слова.

Существуетъ ли уваженіе къ свободѣ личности въ русскомъ обществѣ, изображенномъ Чеховымъ?

На этотъ вопросъ возможенъ такой отвѣтъ: русское общество не знаетъ свободы и не уважаетъ ее.

По словамъ Полознева въ разсказѣ „Моя жизнь“, русскіе люди „свободы боятся и ненавидятъ ее, какъ врага“.

Вопроса объ отдѣльныхъ видахъ свободы касается Чеховъ въ разныхъ произведеніяхъ. Таковъ одинъ изъ раннихъ его разсказовъ, озаглавленный „Броженіе умовъ“.

Два обывателя, проходившіе по базарной площади, посмотрѣли вверхъ, остановились и заспорили о томъ, гдѣ сѣли пролетѣвшіе скворцы. Другіе прохожіе, увидя спорящихъ, остановились и начали тоже глядѣть вверхъ. Вскорѣ на площади образовалась толпа. Появилась полиція.

— „Господа, разоидитесь! Васъ честью просятъ!“

— Честью просить а самъ руками тычегъ. Не махайте руками. Вы хоть и господинъ начальникъ, а не имѣете такого полного права рукамъ волю давать.

— Почему такая толпа? За какой надобностью?... Рразойдитесь. Господа, честью прошу! Честью просить тебя, дубина!

— Мужиковъ толкай, а благородныхъ не смѣй трогать! Не прикасайся!

— Нешто это люди? Нешто ихъ, чертей, проймешь добрымъ словомъ? Сидоровъ, сбѣгай-ка за Акимомъ Данилычемъ...

Показался Акимъ Данилычъ. Что-то жуя и вытирая губы, онъ взревѣлъ и врѣзался въ толпу.

— Пожарные, приготовьсь! Рразойдитесь!... Пожарные, лей!... Рразойдитесь! Сдай назадъ, чтобъ тебя черти взяли... Сидоровъ, запиши-ка его чорта..."

Когда въ трактирѣ заигралъ новый органъ, толпа ахнула и повалила къ трактиру, а черезъ часъ городъ былъ недвижимъ и тихъ. Вечеромъ того же дня Акимъ Данилычъ писалъ донесеніе начальству:

„Я же сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать слабый человекъ, кромѣ добра ближнему ничего не желающій, и, сидя теперь среди домашняго очага своего, благодарю со слезами Того, Кто не допустилъ до кровопролитія. Виновные, за недостаткомъ уликъ, сидятъ пока взаперти, но думаю ихъ выпустить черезъ недѣлку. Отъ невѣжества преступили заповѣдь“.

Этотъ небольшой рассказъ, рисующій картинку, знакомыя русскому обывателю, можетъ служить прекрасной иллюстраціей къ постановленіямъ нашего законодательства о личной свободѣ и о свободѣ собраній. Наше законодательство въ весьма слабой степени ограждаетъ подданныхъ отъ произвольныхъ ограниченій свободы. — „Виновные, за недостаткомъ уликъ, сидятъ пока взаперти“, — пишетъ Акимъ Даниловичъ. Классическая фраза, кратко и ясно характеризующая административный произволъ! Наше законодательство совершенно отрицаетъ свободу собраній. Достаточно нѣсколькимъ прохожимъ остановиться на улицѣ, и сейчасъ раздастся крикъ — „разойдитесь!“ А вслѣдъ за крикомъ — „разойдитесь!“ дается воля рукамъ.

Въ разсказѣ „Перекасти поле“ Чеховъ касается вопроса о свободѣ передвиженія, свободѣ труда и свободѣ вѣры.

Герой этого разсказа, выкрестъ Александръ Ивановичъ, убѣжалъ изъ родительскаго дома изъ Могилевской губерніи въ Смоленскъ и поступилъ въ подмастерья къ своему двоюродному брату, но полиція узнала, что онъ безъ паспорта и отправила его по этапу назадъ къ отцу. О бывшихъ своихъ единовѣрцахъ Александръ Ивановичъ говоритъ: „Вообще весь народъ тамъ бѣдный и суевѣрный, ученія не любитъ, потому что образованіе, понятно, отдаляетъ человѣка отъ религіи.. Фанатики страшные... Мои родители ни за что не хотѣли учить меня, а хотѣли, чтобы я тоже занимался торговлей и не зналъ ничего, кромѣ талмуда.“

То, что здѣсь говорится о евреяхъ, примѣнимо и къ русскимъ людямъ.

Паспортная система, стѣсняющая свободу передвиженія, обязательна и для русскихъ людей. И къ этой системѣ привыкли русскіе обыватели.

„Когда Старцевъ (разсказъ „Юнычъ“) пробовалъ заговорить даже съ либеральнымъ обывателемъ, напримѣръ, о томъ, что человѣчество, слава Богу, идетъ впередъ и что современемъ оно будетъ обходиться безъ паспортовъ и безъ смертной казни, то обыватель глядѣлъ на него искоса и недовѣрчиво спрашивалъ: „Значитъ, тогда всякій можетъ рѣзать на улицѣ кого угодно?“

Не привыкли русскіе обыватели уважать и свободу вѣры.

Въ разсказѣ „Степь“ есть такая картинка:

„Всѣ ѣли изъ котла, Пантелѣй же сидѣлъ въ сторонѣ особнякомъ и ѣлъ кашу изъ деревянной чашечки. Егорушка спросилъ тихо у Степки:

— Зачѣмъ это дѣдъ особо сидитъ?

— Онъ старой вѣры, — отвѣтили шопотомъ Степка и Вася, и при этомъ они такъ глядѣли, какъ будто говорили о слабости или тайномъ пороцѣ“.

„Якова Ивановича (въ разсказѣ „Убіиство“) не любили, потому что, когда ктонибудь вѣруеть не такъ, какъ всѣ, то это неприятно волнуетъ даже людей равнодушныхъ къ вѣрѣ“.

Не привыкъ русскій обыватель уважать свободу труда.

Сынъ архитектора Полозневъ (въ разсказѣ „Моя жизнь“) сдѣлался маляромъ. Это всѣмъ показалось неприличнымъ. Когда онъ возвращался съ работы домой, то всѣ приказчики, мальчишки и ихъ хозяева пускали вслѣдъ разныя замѣчанія, насмѣшливыя и злобныя. „А одинъ купецъ-рыбникъ, сѣдой старикъ, говоритъ Полозневъ, загородилъ мнѣ дорогу и сказалъ, глядя на меня со злобой:

— Не тебя, дурака, жалко! Отца твоего жалко!

А мои знакомые при встрѣчахъ со мной почему то конфузились. Одни смотрѣли на меня, какъ на чудака и шута, другимъ было жаль меня, третьи же не знали, какъ относиться ко мнѣ“...

Однажды къ Полозневу явился околоточный надзиратель и передалъ приказъ губернатора явиться къ нему.

— „Васъ у губернатора, должно наказывать будутъ, говорилъ мясникъ Прокопій, у котораго жилъ Полозневъ. — Есть губернаторская наука, есть архимандритская наука, есть офицерская наука, и для каждаго званія есть своя наука. А вы не держитесь своей науки, и этого вамъ нельзя дозволить“.

Полозневъ явился въ назначенный часъ къ губернатору.

— „Господинъ Полозневъ, я просилъ васъ явиться, — началъ губернаторъ, держа въ рукѣ какое то письмо и раскрывая ротъ широко и круто, какъ буква о, — я просилъ васъ явиться, чтобъ объявить вамъ слѣдующее: вашъ уважаемый батюшка письменно и устно обращался къ губернскому предводителю дворянства, прося его вызвать васъ и поставить вамъ на видъ все несоотвѣтствіе поведенія вашего со званіемъ дворянина, которое вы имѣете честь носить. Его превосходительство Александръ Павловичъ, справедливо полагая, что поведеніе ваше можетъ служить соблазномъ, и находя, что тутъ одного убѣжденія съ его стороны было бы недостаточно, а необходимо серьезное административное вмѣшательство, представилъ мнѣ вотъ въ этомъ письмѣ свои соображенія относительно васъ, которыя я раздѣляю.... Надѣюсь, что вы оцѣните деликатность почтеннаго Александра Павловича, который обратился ко мнѣ не официально, а частнымъ образомъ. Я также пригласилъ васъ не официально, и говорю съ вами не какъ губернаторъ, а какъ искренній почитатель вашего родителя. Итакъ, прошу васъ — или измѣнить ваше пове-

деніе и вернуться къ обязанностямъ, приличнымъ вашему званію или же, во избѣжаніе соблазна, переселиться въ другое мѣсто гдѣ васъ не знаютъ и гдѣ вы можете заниматься, чѣмъ вамъ угодно. Въ противномъ же случаѣ я долженъ буду принять крайнія мѣры“.

Наконецъ, не знаютъ и не уважаютъ русскіе люди свободы слова. Этого вопроса о свободѣ слова касается Чеховъ въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ своихъ рзказовъ „Въ банѣ“.

Цирульникъ Михайло въ банѣ ставитъ банки толстому бѣлому господину и ведетъ съ нимъ разговоръ о невѣстахъ...

— „Невѣста нынче пошла все непутящая, несмысленная... Прежняя невѣста желала выйтить за человѣка, который солидный, строгій, съ капиталомъ, который все обсудить можетъ, религію помнить, а нынѣшняя льстится на образованность. Подавай ей образованнаго, а господина чиновника, или кого изъ купечества и не показывай—осмѣетъ. Образованность разная бываетъ... Иной образованный, конечно, до высокаго чина дослужится, а другой весь вѣкъ въ писцахъ просидитъ, похоронитъ не на что. Мало ли ихъ нынче такихъ? Къ намъ сюда ходитъ одинъ... образованный. Изъ телеграфистовъ... Все превзошелъ, депеши выдумывать можетъ, а безъ мыла моется. Смотрѣть жалко!

— Бѣденъ, да честенъ! — донесся съ верхней полки хриплый басъ.—Такими людьми гордиться нужно. Образованность, соединенная съ бѣдностью, свидѣтельствуетъ о высокихъ качествахъ души. Невѣжа!

Михайло искоса поглядѣлъ на верхнюю полку. Тамъ сидѣлъ и билъ себя вѣникомъ тощій человѣкъ... Лица его не было видно, потому, что все оно было покрыто свѣсившимися внизъ длинными волосами. Видны были только два глаза, полные злобы и презрѣнія, устремленныя на Михайлу.

— Изъ этихъ... изъ длинноволосыхъ! — мигнулъ глазомъ Михайло.—Съ идеями... Страсть, сколько развелось нынче такого народу! Не переловишь всѣхъ“.

Дальнѣйшее поведеніе длинноволосаго окончательно убѣдило цирульника, что это человѣкъ вреднаго образа мыслей. Цирульникъ началъ рассказывать толстому господину про одного обра-

зованнаго жениха „изъ писателей“, который ходилъ въ трактиръ и все страдалъ въ газетѣ пропечатать.

— „Это клевета на печать! — слышался хриплый басъ съ той же полки. — Дрянь!

— Вы, стало быть, тоже изъ писателей? — спросилъ Михайло.

— Я хоть и не писатель, отвѣтилъ длинноволосый, но не смѣй говорить о томъ, чего не понимаешь. Писатели были въ Россіи многіе и пользу принесшіе. Они просвѣтили землю, и за это самое мы должны относиться къ нимъ не съ поруганьемъ, а съ честью. Говорю я о писателяхъ свѣтскихъ, такъ равно и духовныхъ.

— Духовныя особы не станутъ такими дѣлами заниматься.

— Тебѣ, невѣжѣ, не понять. Димитрій Ростовскій, Иннокентій Херсонскій, Филаретъ Московскій и прочіе другіе святители церкви своими твореніями достаточно способствовали просвѣщенію“.

Михайло покосился на своего противника, покрутилъ голову, крикнулъ и, затѣмъ, вышелъ въ предбанникъ.

— „Сейчасъ выйдетъ изъ бани длинноволосый, — обратился онъ къ малому, стоявшему за конторкой и продававшему мыло, — такъ ты тово... погляди за нимъ. Народъ смущаетъ... Съ идеями... За Назаромъ Захарычемъ сбѣгать бы...

— Ты скажи мальчикамъ.

— Сейчасъ выйдетъ сюда длинноволосый, — зашепталъ Михайло, обращаясь къ мальчикамъ, стоявшимъ около одежды. — Народъ смущаетъ. Поглядите за нимъ да сбѣгайте къ хозяйкѣ, чтобъ за Назаромъ Захарычемъ послали — протоколъ составить. Слова разныя произносить... Съ идеями...“.

Унтеръ Пришибеевъ въ рассказѣ того же названія придерживается взглядовъ циркульника Михайла.

На берегу найденъ былъ утопленникъ. Унтеръ Пришибеевъ требовалъ, чтобы урядникъ донесъ объ этомъ мировому судѣ. А урядникъ говорить: „мировому судѣ такіе дѣла неподсудны“. „Отъ этихъ самыхъ словъ, объясняетъ унтеръ Пришибеевъ на судѣ, меня даже въ жаръ бросило... Повтори, говорю, повтори, такой-сякой, что ты сказалъ! Онъ опять эти самыя слова... Я къ нему. Какъ же, говорю, ты можешь такъ объяснять про гос-

подина мирового судью? Ты, полицейскій урядникъ, да противъ власти? А? Да ты, говорю, знаешь, что господинъ мировой судья, ежели пожелаютъ, могутъ тебя за такія слова въ губернское жандармское управленіе по причинѣ твоего неблагонадежнаго поведенія? Да ты знаешь, говорю, куда за такія политическія слова тебя угнать можетъ господинъ мировой судья? А старшина говоритъ: „Мировой, говоритъ, дальше своихъ предѣловъ ничего обозначить не можетъ. Только мазья дѣла ему подсудны“. Такъ и сказалъ. всѣ слышали... Какъ же, говорю, ты смѣешь власть унижать? Ну, говорю, со мной не шути шутокъ, а то дѣло, братъ, плохо. Бывало, въ Варшавѣ, или когда въ швейцарахъ былъ въ мужской классической прогимназіи, то какъ заслышу какія неподходящія слова, то гляжу на улицу, не видать ли жандарма; „поди, говорю, сюда. кавалеръ“, — и все ему докладываю“...

Наконецъ, интеллигентный человѣкъ учитель гимназіи Бѣликовъ раздѣляетъ взгляды цирульника Михайла и унтера Пришибеева. Бѣликовъ пришелъ къ своему сослуживцу Коваленко съ цѣлью предостеречь его.

— „Вы ходите, сказалъ Бѣликовъ, въ вышитой сорочкѣ, постоянно на улицѣ съ какими то книгами, а теперь вотъ еще велосипедъ, узнаетъ директоръ, потомъ дойдетъ до попечителя... Что же хорошаго?“

— Что я и сестра катаемся на велосипедѣ, никому нѣтъ до этого никакого дѣла!—сказалъ Коваленко и побагровѣлъ.—А кто будетъ вмѣшиваться въ мои домашнія и семейныя дѣла. того я пошлю къ чертямъ собачьимъ.

Бѣликовъ поблѣднѣлъ и всталъ.

— Если вы говорите со мной такимъ тономъ, то я не могу продолжать,—сказалъ онъ.—И прошу васъ никогда такъ не выражаться въ моемъ присутствіи о начальникахъ. Вы должны съ уваженіемъ относиться къ властямъ.

— А развѣ я говорилъ что дурное про властей?—спросилъ Коваленко, глядя на него со злобой.—Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ. Я честный человѣкъ и съ такимъ господиномъ, какъ вы, не желаю и разговаривать. Я не люблю фискаловъ.

Бѣликовъ нервно засуетился и сталъ одѣваться быстро, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ...

— Можете говорить, что вамъ угодно,—сказалъ онъ, выходя изъ передней на площадку лѣстницы.—Я долженъ только предупредить васъ: быть можетъ, насъ слышалъ кто нибудь, и чтобы не перетолковали нашего разговора и чего нибудь не вышло, я долженъ буду доложить господину директору содержаніе нашего разговора... въ главныхъ чертахъ. Я обязанъ это сдѣлать“.

(Человѣкъ въ футлярѣ).

Гдѣ признается свобода личности, тамъ считается дозволеннымъ все, что прямо не запрещено закономъ. Въ русскомъ обществѣ встрѣчаемъ совершенно противоположный взглядъ: все запрещено, что прямо не разрѣшено.

Такого взгляда придерживается на примѣръ, извѣстный уже намъ унтеръ Пришибеевъ въ рассказѣ того же названія.

„Иду это я, говорить онъ на судѣ, третьяго числа съ женой Анфисой тихо, благородно, смотрю—стоитъ на берегу куча разнаго народа людей. По какому полному праву тутъ народъ собрался? спрашиваю. Зачѣмъ? Нешто въ законѣ сказано, чтобъ народъ табуномъ ходилъ? Кричу: разойдись! Сталъ расталкивать народъ, чтобъ расходились по домамъ...“ По показанію старосты, унтеръ Пришибеевъ „по избамъ ходилъ, приказывалъ, чтобы пѣсней не пѣли и чтобъ огней не жгли. Закона, говорить, такого нѣтъ, чтобъ пѣсни пѣть“.—„Нешто можно позволять, говорить дальше Пришибеевъ, чтобы народъ безобразилъ? Гдѣ это въ законѣ написано, чтобъ народу волю давать“.

Такихъ же взглядовъ придерживается и учитель Бѣликовъ (въ рассказѣ „Человѣкъ въ футлярѣ“). „Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что нибудь. Когда въ циркулярѣ запрещалось ученикамъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера, или въ какой нибудь статьѣ запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, опредѣленно; запрещено—и баста. Въ разрѣшеніи же и позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнительный, что то недосказанное и смутное“.

Взгляды унтера Пришибеева и учителя Бѣликова, осуществленныя по практикѣ, угнетаютъ общество. Односельчане жалуются, что отъ унтера Пришибеева житья нѣтъ. „Какъ пришелъ со службы, такъ съ той поры хоть изъ села бѣги. Замучилъ всѣхъ...“

Жить съ нимъ никакъ невозможно! Съ образами ли ходимъ, свадьба ли, или, положимъ, случай какой, вездѣ онъ кричить шумить, все порядки вводитъ. Ребятамъ уши деретъ, за бабами подглядываетъ, чтобъ чего не вышло...“.

И учитель Ббликовъ все наблюдаетъ за тѣмъ, какъ бы чего не вышло? Его сослуживецъ учитель Буркинъ рассказываетъ:

„Когда въ городѣ разрѣшали драматическій кружокъ, или читальню или чайную, то онъ покачивалъ головой и говорилъ тихо:

— Оно конечно, такъ то такъ, все это прекрасно, да какъ бы чего не вышло.

Всякаго рода нарушенія, уклоненія, отступленія отъ правилъ приводили его въ уныніе, хотя, казалось бы, какое ему дѣло? Если кто изъ товарищей опаздывалъ на молебень, или доходили слухи о какой либо проказѣ гимназистовъ, или видѣли классную даму погдно вечеромъ съ офицеромъ, то онъ очень волновался и все говорилъ, какъ бы чего не вышло. А на педагогическихъ совѣтахъ онъ просто угнеталъ насъ своею осторожностью, мнительностью и своими чисто-футлярными соображеніями на счетъ того, что вотъ де въ мужской и женской гимназіяхъ молодежь ведетъ себя дурно, очень шумить въ классахъ,—ахъ, какъ бы не дошло до начальства, ахъ, какъ бы чего не вышло,—и что если бы изъ второго класса исключить Петрова, а изъ четвертаго—Егорова, то было бы очень хорошо. И что же? Своими вздохами, нытьемъ, своими темными очками на блѣдномъ маленькомъ лицѣ,—знаете, маленькомъ лицѣ, какъ у хорька,—онъ давилъ насъ всѣхъ, и мы уступали, сбавляли Петрову и Егорову баллъ по поведенію, сажали ихъ подъ арестъ и въ концѣ концовъ исключили и Петрова, и Егорова... Мы, учителя, боялись его. И даже директоръ боялся. Вотъ подите же, наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ, однако же этотъ человѣкъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Да что гимназію? Весь городъ! Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подъ влияніемъ такихъ людей, какъ Ббликовъ, за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ въ на-

шемъ городѣ стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бѣднымъ, учить грамотѣ.

Свобода личности способствуетъ воспитанію въ гражданахъ тѣхъ качествъ, которыя служатъ источникомъ общественнаго прогресса,—широкаго личнаго почина, предприимчивости, энергіи, самостоятельности. Наоборотъ, стѣсненіе свободы ведетъ къ униженности, придавленности, робости и препятствуетъ развитію общественныхъ силъ.

Свободы личности нѣтъ въ русскомъ обществѣ. Русскіе люди на каждомъ шагу встрѣчаютъ разнообразныя стѣсненія, ограниченія, запрещенія; они привыкли къ этому порядку и боятся всего. При такихъ условіяхъ общественной жизни русскіе люди, „вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, къ 30—35 годамъ становятся уже полными банкротами“, они утомляются и въ бездѣльи проводятъ дни и ночи, дрожа отъ страха передъ завтрашнимъ днемъ, или же запираются „въ свою раковину, дѣлаютъ свое маленькое дѣло“ и мало по малу превращаются въ „людей въ футлярѣ“ (Разсказъ неизвѣстнаго человѣка, Ивановъ, Человѣкъ въ футлярѣ).

Если мы эту черту—крайнее стѣсненіе свободы—присоединимъ къ знакомымъ уже намъ чертамъ русской юридической жизни—самоуправству, произволу и униженію человѣческаго достоинства, то для насъ еще понятнѣе сдѣлается тотъ крикъ отчаянія, который невольно вырывается изъ устъ многихъ русскихъ людей въ сочиненіяхъ Чехова: такъ больше жить нельзя! И вслѣдъ за этимъ невольнымъ крикомъ невольно вырывается вопросъ: какъ же жить? что дѣлать? Частичные отвѣты на этотъ вопросъ намъ уже извѣстны: нужно уважать законъ, нужно уважать человѣческую личность въ каждомъ человѣкѣ. Сочиненія Чехова, въ которыхъ изображается крайнее стѣсненіе свободы русскаго человѣка, подсказываютъ еще одинъ частичный отвѣтъ на тотъ же большой вопросъ: нужно уважать свободу личности. Дайте свободу личности, не страшитесь свободы, стремитесь къ ней, она необходима человѣку, безъ нея жить нельзя,—вотъ тотъ выводъ, который должны сдѣлать читатели Чехова.

Въ одномъ изъ своихъ рассказовъ „Крыжовникъ“ Чеховъ прямо формулируетъ этотъ выводъ: „принято говорить, что человѣку нужно только три аршина земли. Но вѣдь три аршина нужны трупу, а не человѣку... Человѣку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободного духа“.

Полный просторъ для проявленія всѣхъ свойствъ и особенностей свободного человѣческаго духа въ области юридическихъ отношеній ведетъ къ признанію за людьми личныхъ правъ, или правъ гражданской свободы. *Гражданская свобода* — вотъ третій идеаль права, къ которому должны стремиться изображенные въ сочиненіяхъ Чехова русскіе люди.

Я привелъ изъ сочиненій А. П. Чехова рядъ фактовъ, характеризующихъ юридическую жизнь русскаго народа. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій — „Островъ Сахалинъ“ — Чеховъ, какъ публицистъ, прямо указываетъ связь между рассказываемыми имъ фактами и постановленіями нашего законодательства о ссыльныхъ. Въ рассказахъ и пьесахъ нѣтъ и не можетъ быть такихъ непосредственныхъ указаній со стороны автора. Писатель-художникъ изображаетъ жизнь такую, какая она есть, онъ не входитъ въ обсужденіе вопроса о томъ, какая связь между изображаемыми имъ картинами общественной жизни и положительнымъ правомъ. Юриста, читающаго произведенія художественной литературы, этотъ вопросъ интересуетъ прежде всего. Для его разрѣшенія необходимо сопоставить факты, характеризующіе юридическую жизнь, съ нормами положительнаго права.

Есть факты, противорѣчащіе современному русскому законодательству. Это факты неправомерные. Таковъ, на примѣръ, фактъ самоуправства барыни Кушкиной въ рассказѣ „Переполахъ“; таковъ фактъ оскорбленія регентомъ Градусовымъ своего бывшаго пѣвчаго въ рассказѣ „Изъ огня да въ полымя“ и др. Но Кушкина, совершивъ запрещенное закономъ дѣяніе, увѣрена въ своей правотѣ. Градусовъ, приговоренный мировымъ судьей къ наказанію, тоже увѣжденъ въ своей невинности. Понятія Кушки-

ной и Градусова о дозволенномъ и недозволенномъ совершенно расходятся съ постановленіями современнаго законодательства. Но эти понятія находятся въ полномъ согласіи съ юридическими нормами крѣпостной Россіи, въ которой существовало крѣпостное право, какъ юридической институтъ, населеніе дѣлилось на благородныхъ и подлый народъ, а суда равнаго не было.

Нѣкоторые изъ рассказанныхъ Чеховымъ фактовъ соотвѣтствуютъ современному русскому законодательству. Это факты правомѣрные. Въ полномъ соотвѣтствіи съ постановленіями современнаго русскаго законодательства находятся факты униженія чловѣческаго достоинства мужика, мелкаго чиновника, приказчика, ремесленнаго ученика, домашней прислуги, а равно факты стѣсненія свободы русскаго чловѣка. Въдъ современное законодательство о крестьянахъ покоится на началахъ административной опеки, современное русское законодательство допускаетъ въ довольно значительномъ объемѣ дисциплинарную власть начальника надъ подчиненными чиновниками, хозяина надъ служащими; современное русское законодательство почти совершенно не признаетъ правъ гражданской свободы. Это современное русское законодательство является переживаніемъ того прошлаго, когда крѣпостное право существовало, какъ юридическій институтъ.

Итакъ, факты, характеризующіе юридическую жизнь русскаго народа въ сочиненіяхъ Чехова, находятся въ соотвѣтствіи съ тѣми юридическими нормами—отмѣненными или дѣйствующими, которыя обозначаются терминомъ „крѣпостное право“. Юридическая жизнь, въ основѣ которой лежитъ крѣпостное право, — жизнь пошлая, грязная, бессмысленная. Лучшіе русскіе люди тяготятся ею и мечтаютъ о новой жизни—прекрасной, высокой, святой. Новая жизнь наступитъ тогда, когда окончательно падетъ крѣпостное право, когда крѣпостная Россія окончательно уступитъ мѣсто Россіи раскрѣпощенной, основными устоями которой будутъ—законность, юридическое равенство, гражданская свобода. Знаменательно, что Чеховъ въ своихъ послѣднихъ предсмертныхъ произведеніяхъ касается именно этого вопроса объ окончательномъ паденіи крѣпостнаго права.

Въ рассказѣ „Невѣста“ символомъ крѣпостнаго права является бабушкинъ домъ. Этотъ бабушкинъ домъ, какъ страшный кош-

марь, давить Сашу и Надю, людей, мечтающихъ о новой жизни. „Вѣдь будетъ же время, мечтаетъ Надя, когда отъ бабушкина дома, гдѣ все такъ устроено, что четыре прислуги иначе жить не могутъ, какъ только въ одной комнатѣ, въ подвальномъ этажѣ, въ нечистотѣ,—будетъ же время, когда отъ этого дома не останется и слѣда, и о немъ забудутъ, никто не будетъ помнить“.

Въ пьесѣ „Вишневый садъ“ о новой жизни мечтаютъ Аня и Трофимовъ, а вишневый садъ является символомъ крѣпостного права. „Подумайте Аня, говоритъ Трофимовъ: вашъ дѣдъ, пра-дѣдъ и всѣ ваши предки были крѣпостники, владѣвшіе живыми душами, и неужели съ каждой вишни въ саду, съ каждаго листка, съ каждаго ствола не глядятъ на васъ человѣческія существа, неужели вы не слышите голосовъ... О, это ужасно, садъ вашъ страшень, и когда вечеромъ или ночью проходишь по саду, то старая кора на деревьяхъ отсвѣчиваетъ тускло и, кажется, вишневые деревья видятъ во снѣ то, что было сто-двѣсти лѣтъ назадъ, и тяжелыя видѣнія томятъ ихъ“. Но настанетъ время, когда и слѣда не останется отъ вишневаго сада. Ермолай Лопахинъ уже купилъ вишневый садъ, то самое имѣніе, „гдѣ отецъ и дѣдъ его были рабами, гдѣ ихъ не пускали даже на кухню. Ермолай Лопахинъ хватить топоромъ по вишневому саду, упадутъ на землю деревья“. На мѣстѣ вишневаго сада будутъ выстроены дачи, а „внуки и правнуки увидятъ тутъ новую жизнь“.

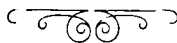
І. Малиновскій.

Университетъ

въ сочиненіяхъ

А. П. Чехова.

(Лекція, читанная студентамъ I курса юридическаго факультета
Томскаго Университета 7 сентября 1904 г.).

ТОМСКЪ.

Паровая типо-литогр. П. Н. Макушина. Благовѣщенск. пер. соб. домъ.

1905.

Милостивые Государи!

2 июля умеръ известныйъ русскій писатель Антонъ Павловичъ Чеховъ. Литературная дѣятельность покойнаго писателя будетъ предметомъ моей сегодняшней лекціи, первой лекціи въ наступившемъ академическомъ году. Но быть можетъ кому-нибудь изъ васъ покажется страннымъ, что профессоръ исторіи русскаго права читаетъ студентамъ юридическаго факультета лекцію, посвященную литературной дѣятельности писателя беллетриста? Въ самомъ дѣлѣ, какая связь между беллетристической литературой и юридическими науками? И какая, въ частности, связь между русской беллетристической литературой и исторіей русскаго права?

Чтобы разсѣять подобныя недоразумѣнія, считаю необходимымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

Между юридическими науками и беллетристической литературой связь существуетъ. Юридическія науки изучаютъ явленія юридическаго быта; беллетристическая литература изображаетъ разнообразныя явленія общественной жизни, а въ томъ числѣ и явленія юридическаго быта. Съ этой точки зрѣнія беллетристическая литература заключаетъ въ себѣ обильный и цѣнный матеріалъ для ученаго юриста. Съ этой точки зрѣнія историкъ русскаго права находитъ цѣнный матеріалъ въ произведеніяхъ русской беллетристики въ ея историческомъ развитіи. Рядомъ съ „Русской Правдой“, договорами, грамотами, судебниками, уложеніями, уставами, регламентами, указами и другими юридическими памятниками историкъ русскаго права изучаетъ народныя пѣсни, сказки и былины, „Слово о полку Игоревѣ“, сочиненія фонъ-Визина, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Островскаго, Толстого и др.

Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, въ настоящую минуту я читаю вамъ лекцію, не какъ профессоръ юридическаго факультета по каѳедрѣ исторіи русскаго права, а какъ профессоръ университета вообще; и на васъ я смотрю не какъ на студентовъ юридическаго факультета, а какъ на студентовъ университета вообще. Первую лекцію, читаемую въ началѣ академическаго года студентамъ 1 курса, я обыкновенно посвящаю общему вопросу объ университетскомъ образованіи. Слѣдуя этому обычаю и въ этомъ году и желая въ то же время почтить память недавно скончавшагося русскаго писателя, я прочитаю лекцію на тему—„Университетъ въ сочиненіяхъ А. П. Чехова“.

Сочиненія Чехова представляютъ изъ себя въ полномъ смыслѣ слова энциклопедію русской жизни. Въ его разсказахъ и пьесахъ читатель встрѣчаетъ русскихъ людей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній: тутъ есть крестьяне и помѣщики, мелкіе торговцы, ремесленники и мѣщане,

купцы и прикащики, фабриканты и рабочіе, военные и духовенство, чиновники различныхъ вѣдомствъ—полицейскіе, судейскіе, акцизные и др., представители городского, земскаго и сословнаго самоуправленія, представители различныхъ либеральныхъ профессій—врачи, адвокаты, инженеры, писатели, художники, артисты; тутъ есть русскія дѣвушки и русскія женщины, русскія дѣти, старики и старухи и т. п. Въ этой галлерей типовъ русскихъ людей довольно часто встрѣчаются люди университетскіе: студенты медицины, студенты юристы, студенты безъ обозначенія факультета, бывшіе студенты, профессоры и т. д.

Какъ живутъ русскіе люди, изображенные Чеховымъ? и какую роль въ русской жизни играютъ университетскіе люди?

Передъ нами русская деревня и ея коренные обитатели—крестьяне, или „мужики“, по терминологіи Чехова. Бѣдность и тѣмнота—вотъ наиболѣе характерныя черты мужицкой жизни. А за бѣдностью и темнотой слѣдомъ идутъ—голодь, грязь, вонь, болѣзни, брань, попрошайничество, пьянство и т. п. явленія (Мужики, Моя жизнь, Новая дача, Дядя Ваня, Жена...).

Подобными же непривлекательными чертами характеризуетъ Чеховъ и жизнь низшихъ слоевъ городского населенія—рабочихъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ (Моя жизнь, Бабье царство, Случай изъ практики...).

Поднявшись выше, мы встрѣтимъ средняго человѣка, которому, быть можетъ, въ меньшей степени, но тоже знакомы и пужда и темнота и все прочее (Непріятность, На подводѣ, Мелюзга...).

Нужды не знаетъ состоятельное мѣщанство и купечество; но здѣсь достатокъ покупается цѣною эксплуатаціи слабаго, постоянного обмана, мошенничества (Въ оврагѣ, Три года, Бабье царство, Случай изъ практики...).

Наконецъ, на самой вершинѣ общественной лѣстницы мы знакомимся съ высшимъ, управляющимъ классомъ русскаго общества. Приглядываясь къ жизни этого класса, мы замѣчаемъ вездѣ одно и то же—праздность, лицемеріе, карты, водку, сплетни...

Такова русская жизнь. Это жизнь—ношлая, грязная, бессмысленная. Можно ли мириться съ ней?

Есть люди, которые мирятся съ жизнью. Это прежде всего люди—хищники. Они стремятся только къ личному благополучію, берутъ у другихъ все, что можно взять, и ничего не даютъ въ замѣнъ. Таковы—Наташа (Три сестры), Аксинья (Въ оврагѣ), профессоръ Серебряковъ (Дядя Ваня), братъ Николай (Крыжовникъ), стряпчій Шапкинь (Старость) и др.

Мирятся съ жизнью люди, которые закалили себя несчастіями и страданіями до такой степени, что отказались отъ всякихъ надеждъ и желаній. Таковъ Семень Толковый (Въ ссылкѣ), разсуждающій такимъ образомъ: „ничего мнѣ не надо и никого я не боюсь, и такъ себя понимаю, что богаче и вольнѣ меня человѣка нѣтъ“. Таковъ и Петръ Сергѣевичъ въ „Разсказѣ госпожи NN“.

Мирятся съ жизнью люди пошлые, самодовольные. Таковъ старикъ Лаптевъ. Онъ „обожалъ себя; изъ его словъ выходило такъ, что свою покойную жену и ея родню онъ осчастливилъ, дѣтей наградилъ, приказчиковъ и служащихъ облагодѣтельствовалъ и всю улицу и всѣхъ знакомыхъ за-

ставилъ за себя, вѣчно Бога молить“. Таковы: княгиня въ разсказѣ того же названія, отставной солдатъ Егоръ въ разсказѣ „На святкахъ“, архитекторъ Полозновъ въ разсказѣ „Моя жизнь“ и др.

Мирятся съ жизнью люди съ холодной кровью. Таковъ петербургскій чиновникъ Орловъ, по миѣнію котораго „въ природѣ и въ человѣческой средѣ ничего не творится такъ себѣ, все обосновано и необходимо“. „А если такъ, что же намъ беспокоиться“, говоритъ онъ (Разсказъ неизвѣстнаго человѣка).

Мирятся съ жизнью люди въ футлярѣ, создающіе себѣ футляръ, который уединяетъ ихъ и защищаетъ отъ внѣшнихъ вліяній. Таковъ учитель Бѣликъ (Человѣкъ въ футлярѣ), учитель Ипполитъ Ипполитовичъ (Учитель словесности) и др.

Разновидностью людей въ футлярѣ являются люди съ правилами—Модестъ Алексѣевичъ (Анна на шеѣ), Павелъ Андреевичъ (Жена), докторъ Львовъ (Ивановъ) и др. и люди съ зацѣпкой—частный повѣренный („Печенбгъ“), Туркины (Юнычъ), Оленька (Душечка) и др. У всѣхъ этихъ людей есть футляръ, защищающій ихъ отъ внѣшнихъ вліяній: у Павла Андреевича—честивый образъ мыслей, у присяжнаго повѣреннаго—вегетаріанство, у Туркиныхъ—таланты и т. п.

Но рядомъ съ людьми—хищниками, стремящимися только къ личному благополучію, есть люди, по миѣнію которыхъ „счастья нѣтъ и не должно быть, а если въ жизни есть смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ то болѣе высокому и разумному“ (Крыжовникъ). Эти люди „изъ тѣснаго мірка личнаго счастья, гдѣ живетъ такъ спокойно и сладко, рвутся въ другой міръ, въ которомъ человѣкъ утомляется, страдаетъ и доходитъ до равнодушія къ личному счастью“ (Учитель словесности). Эти люди не могутъ мириться съ жизнью: они не могутъ мириться „съ тѣмъ, что другіе люди, покорные своему жребію взвалили на себя самое тяжелое и темное въ жизни“. Они не могутъ „мириться съ этимъ, а для себя желать свѣтлой, шумной жизни среди счастливыхъ довольныхъ людей и постоянно мечтать о такой жизни“ (По дѣламъ службы).

Рядомъ съ людьми, которымъ ничего не надо, есть люди, которымъ нужны и радость, и тоска, и горе. Таковъ татаринъ и баринъ въ разсказѣ „Въ есылкѣ“.

Рядомъ съ людьми холодной крови есть живые люди, которые не мирятся съ жизнью, ибо „живой человѣкъ не можетъ не волноваться и не отчаяваться, когда видитъ, какъ погибаетъ самъ и вокругъ гибнутъ другіе“ (Разсказъ неизвѣстнаго человѣка); живой человѣкъ „на боль отвѣчаетъ крикомъ и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость—отвращеніемъ“ (Шалата № 6).

Рядомъ съ людьми пошлыми, самодовольными есть люди, которые ищутъ оправданія своей жизни (Хорошіе люди, Моя жизнь, Три сестры и др.).

Рядомъ съ людьми въ футлярѣ есть люди, которыхъ давить футляръ, которымъ нуженъ просторъ для проявленія всѣхъ свойствъ свободнаго человѣческаго духа (Человѣкъ въ футлярѣ, Крыжовникъ).

Всѣ эти безпокойные русскіе люди не могутъ мириться съ печальной русской дѣйствительностью. Эта русская дѣйствительность наводитъ на нихъ тоску, скуку. Какъ скучно! какая скука! какая тоска! какъ скучно, вяло, безсодержательно течетъ жизнь!—говорятъ постоянно они (Степь, Хорошіе люди, Ивановъ, Дядя Ваня, Три сестры...).

Дѣло не ограничивается безплодными жалобами на скуку, тоску. Безпокойные русскіе люди, недовольные дѣйствительностью, стараются выяснить, почему, въ силу какихъ причинъ жизнь сложилась такъ, а не иначе? Этотъ вопросъ—почему? задаютъ многіе русскіе люди, изображенные Чеховымъ и въ раннихъ и въ болѣе позднихъ его произведеніяхъ (Сапожникъ и нечистая сила, Воры, Случай изъ практики, По дѣламъ службы и др.). Отвѣта нѣтъ, а мучительный вопросъ не покидаетъ человѣка, ибо человѣческія отношенія такъ осложнились, сдѣлались до такой степени непонятны, что жизнь представляется какой то странной загадкой.

Странны и непонятны отношенія между трудомъ и капиталомъ. Странно, напримѣръ, что владѣлица фабрики Аша Акимовна кормится и получаетъ сотни тысячъ отъ дѣла, котораго не понимаетъ и не любитъ (Бабье царство. См. также—Случай изъ практики). Странны и непонятны семейныя отношенія (Попрыгунья, Супругъ и др.), отношенія между мужчиной и женщиной (Володя маленькій и Володя большой, Три года, Ариадна), отношенія между господами и прислугой (Разсказъ неизвѣстнаго человѣка и др.) отношенія между интеллигенціей и народомъ (Моя жизнь, Мужики, Дача съ мезонинномъ и др.), странны взаимныя отношенія между интеллигентными людьми (Дуэль..). Странно и непонятно, что люди дѣлаютъ именно не то, что нужно, что люди мѣшаютъ другъ другу (Скрипка Ротшильда), что какой то туманъ застилаетъ отъ глазъ самое важное и видны только мелочи (Новая дача). Странно, что „въ нашей жизни все дурное и пошлое—правда, и, наоборотъ, всѣ честныя, благородныя и возвышенныя мечты—фальшивое мѣсто, натяжка“ (Бабье царство); „странно, что все то, что для человѣка важно, интересно, необходимо, въ чемъ онъ искрененъ и не обманываетъ себя, что составляетъ зерно его жизни, происходитъ тайно отъ другихъ, все же, что является ложью, оболочкой, въ которую человѣкъ прячется, чтобы скрыть правду,—все это происходитъ явно (Дама съ собачкой). Странно и непонятно, что слѣпой случай такъ властно распоряжается человѣческой судьбой (Дама съ собачкой, Чайка). Странно, что одни люди бываютъ счастливы и ничего не платятъ за свое счастье, а другіе платятъ рѣшительно за все ужасные проценты“ (Ивановъ). Странно, что „такъ много беретъ жизнь за тѣ ничтожныя или весьма обыкновенныя блага, какія она можетъ дать человѣку“ (Черный монахъ). Странно, что русскіе интеллигентные люди вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, къ 30—35 годамъ становятся уже полными банкротами (Разсказъ неизвѣстнаго человѣка, Ивановъ...).

Эта странность и непонятность жизни вызываетъ въ русскихъ людяхъ мучительную боль, стыдъ передъ совѣстью, страхъ жизни.

Мучительную боль испытываетъ интеллигентная дѣвушка Вѣра Ивановна Кардина, наблюдая отношенія своей тети къ прислугѣ (Въ родномъ

углу). Стыдно кутящему въ загородномъ ресторанѣ фабриканту Фролову (Пьяные). Стыдно и страшно Юліи Сергѣевнѣ, которая безъ любви вышла замужъ за богатаго человѣка (Три года). Страшно Аннѣ Акимовнѣ: „у меня на рукахъ, говоритъ она, громадное дѣло, двѣ тысячи рабочихъ, за которыхъ я должна отвѣтить передъ Богомъ. Люди, которые работаютъ на меня, слѣпнутъ и гложутъ. Миѣ страшно жить, страшно“ (Бабье дѣло). Подобно Аннѣ Акимовнѣ, страшно жить и Ляликовой—дочери, которая не вѣритъ въ свое право быть владѣлицей фабрики и богатой наслѣдницей (Случай изъ практики). Въ особенности рельефно изображено Чеховымъ это чувство страха жизни въ разсказѣ „Страхъ“.

Страшная и непонятная русская жизнь у однихъ русскихъ людей вызываетъ мучительную боль, стыдъ и страхъ. У другихъ эта жизнь вызываетъ протесты. Въ „Палатѣ № 6“ протестуетъ Иванъ Дмитріевичъ. Въ разсказѣ „Гусевъ“ изображенъ „воплощенный протестъ“—Павель Ивановичъ. „Я живу сознательно, говоритъ Павель Ивановичъ, я все вижу, какъ видитъ орелъ или ястребъ, когда летаетъ надъ землей, и все понимаю. Я воплощенный протестъ. Вижу произволь—протестую, вижу ханжу и лицемѣра—протестую, вижу торжествующую свинью—протестую“.

Если жизнь странна и непонятна, если она вызываетъ боль, стыдъ, страхъ и протесты, то, очевидно, такъ жить больше нельзя. Ветеринарный врачъ Иванъ Ивановичъ, выслушавъ разсказъ о „человѣкѣ въ фулярѣ“, говоритъ: „видѣть и слышать, какъ лгутъ и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносятся обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться, и все это изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплаго угла, изъ за какого нибудь чинишка, которому грошъ цѣна,—нѣтъ, больше жить такъ невозможно“. И многіе мыслящіе русскіе люди повторяютъ эти слова: больше жить такъ невозможно.

Но если больше жить такъ нельзя, то какъ же жить? Какъ жить? Что дѣлать?—вотъ новая загадка, разрѣшить которую тщетно стараются русскіе люди, выведенные въ сочиненіяхъ Чехова. Что дѣлать? куда дѣваться? спрашиваетъ Вѣра Ивановна Кардина въ разсказѣ „Въ родномъ углу“. „Что миѣ дѣлать?“—спрашиваетъ Катя стараго профессора въ разсказѣ „Скучная исторія“...

Но старый профессоръ безсиленъ: онъ не можетъ помочь Катѣ, посоветовать,—что дѣлать? ибо не знаетъ отвѣта на вопросъ,—зачѣмъ жить? Для него неясна конечная цѣль жизни, у него нѣтъ того, что называется общей идеей, или богомъ живого человѣка. Подобно старому профессору, многіе русскіе люди, изображенные Чеховымъ, не знаютъ отвѣта на вопросъ,—зачѣмъ жить? У нихъ нѣтъ руководящей идеи, цѣли, огонька впереди, своей полосы... (Ивановъ, Чайка, Дядя Ваня, Три сестры, Палата № 6, Дуэль, Разсказъ неизвѣстнаго человѣка, Новая дача, Архіерей...).

Такъ жить нельзя,—говорятъ русскіе люди. А значитъ, нужно жить иначе. Но какъ именно иначе жить, они не знаютъ, ибо не знаютъ, зачѣмъ жить? Иная жизнь рисуется передъ ними лишь въ общихъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ: это жизнь—святая, высокая, прекрасная, изящная. Рус-

скіе люди мечтають о такой жизни и вѣрятъ, что раньше или позже она наступитъ. Эта вѣра въ лучшее будущее и сознание того, что будущее подготавливается настоящимъ, хоть отчасти скрашиваютъ жизнь русскаго человѣка (Дядя Ваня, Три сестры, Вишневый садъ, Случай изъ практики и др.)

Вотъ, милостивые государи, основные мотивы русской жизни по сочиненіямъ А. П. Чехова. Какую же роль въ этой жизни играетъ университетъ, — университетская наука и университетскіе люди?

Я говорилъ, что многіе русскіе люди не знаютъ отвѣта на мучительные вопросы — что дѣлать, какъ жить, зачѣмъ жить? Въ одномъ изъ своихъ рассказовъ — „Домъ съ мезониномъ“ — Чеховъ даетъ опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы.

Живая, искренняя дѣвушка Лида Волчанина убѣждена въ томъ, что „самая высокая и святая задача культурнаго человѣка — это служить ближнему“. И Лида Волчанина служитъ ближнему, какъ умѣетъ, посвящая всѣ свои молодыя силы дѣлу просвѣщенія народа и оказанія медицинской помощи народу. Эта проповѣдь служенія ближнему путемъ устройства школъ, библиотекъ, чтеній съ туманными картинами, аптекъ и медицинскихъ пунктовъ встрѣчаетъ страстную отповѣдь со стороны художника, отъ имени котораго ведется этотъ рассказъ. Заходитъ разговоръ о проектѣ устройства земствомъ одного медицинскаго пункта. По мнѣнію Лиды Волчаниной, этотъ медицинскій пунктъ въ высшей степени необходимъ. „На прошлой недѣлѣ, говоритъ между прочимъ она, умерла отъ родовъ Анна, а если бы поблизости былъ медицинскій пунктъ, то она осталась бы жива“. „Не то важно, возразилъ художникъ, что Анна умерла отъ родовъ, а то, что всѣ эти Анны, Мавры, Пелагеи съ ранняго утра до потемокъ гнутъ спину, болѣютъ отъ непосильнаго труда, всю жизнь дрожатъ за голодныхъ и больныхъ дѣтей, всю жизнь боятся смерти и болѣзней, всю жизнь лѣчатся, рано блекнутъ, рано старятся и умираютъ въ грязи и въ вони; ихъ дѣти, подростая, начинаютъ ту же музыку, и такъ проходятъ сотни лѣтъ, и миллиарды людей живутъ хуже животныхъ — только ради куска хлѣба, испытывая постоянный страхъ. Весь ужасъ ихъ положенія въ томъ, что имъ некогда о душѣ подумать, некогда вспомнить о своемъ образѣ и подобіи; голодъ, холодъ, животный страхъ, точно снѣговые обвалы, загородили имъ всѣ пути къ духовной дѣятельности, именно къ тому самому, что отличаетъ человѣка отъ животнаго и составляетъ единственное, ради чего стоитъ жить... Нужно освободить людей отъ тяжкаго физическаго труда. Нужно облегчить ихъ ярмо, дать имъ передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корытъ и въ полѣ, но имѣли бы также время подумать о душѣ, о Богѣ, могли бы пошире проявить свои духовныя способности. Призваніе каждаго человѣка въ духовной дѣятельности — въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни... Разъ человѣкъ сознаетъ свое истинное призваніе, то удовлетворять его могутъ только религія, науки, искусства“.

Цѣль человѣческой жизни — духовная дѣятельность. Наука, подобно другимъ видамъ духовной дѣятельности — религіи, искусствамъ, составляетъ то важное и нужное въ жизни, что одно только можетъ удовлетворить человѣка, сознающаго свое истинное призваніе. Необходимо стремиться къ этому важ-

ному и нужному и обойти все мелкое и призрачное, что мѣшаетъ людямъ быть свободными и счастливыми; въ частности, необходимо учиться и всѣми силами помогать тѣмъ, кто учится, т. е. ищетъ истину (Вишневый садъ). Учиться, т. е. искать истину,—это значитъ заниматься науками. Средствами для достиженія этой цѣли не могутъ быть начальныя училища, библиотеки и чтенія съ туманными картинками. Дѣйствительное средство—это храмъ науки университетъ. Эту мысль высказываетъ Чеховъ въ томъ же уже цитированномъ мною разсказѣ „Домъ съ мезониномъ“: „Громотность, говоритъ художникъ въ этомъ разсказѣ, когда человѣкъ имѣетъ возможность читать только выѣски на кабакахъ да црѣдка книжки, которыхъ не понимаетъ,—такая грамотность держится у насъ со временъ Рюрика, гоголевскій Петрушка давно уже читаетъ, между тѣмъ деревня, какая была при Рюрикѣ, такая и осталась до сихъ поръ. Не грамотность нужна, а свобода для широкаго проявленія духовныхъ способностей. Нужны не школы, а университеты.“

Ту же мысль о необходимости университетскаго образованія для всѣхъ людей встрѣчаемъ и въ другомъ разсказѣ Чехова—„Въ родномъ углу“. Герония этого разсказа Вѣра Ивановна Кардина такъ характеризуетъ доктора Нещанова: „говорятъ дамы, что онъ добрый, устроилъ при заводѣ школу. Да школу построилъ изъ стараго заводскаго камня, рублей за восемьсотъ, и „многая лѣта“ пѣли ему на освященіи школы, а вотъ небось пая своего не отдастъ, и небось въ голову ему не приходитъ, что мужики такіе же люди какъ онъ, и что ихъ тоже нужно учить въ университетахъ, а не только въ этихъ жалкихъ заводскихъ школахъ.“

Идея широкаго университетскаго образованія, защитникомъ которой является Чеховъ, можетъ показаться странной, фантастической. Можно ли говорить о широкомъ университетскомъ образованіи тамъ, гдѣ громадное большинство населенія пребываетъ въ темнотѣ, гдѣ неизмѣримо болѣе скромная идея всеобщаго начальнаго образованія еще не осуществлена, гдѣ лишь незначительная часть населенія получаетъ среднее образованіе, а высшее университетское образованіе находится подъ подозрѣніемъ?

При такихъ условіяхъ не является ли идея всеобщности университетскаго образованія несбыточной мечтой? Да, это-несбыточная мечта при условіяхъ современной сѣрой, бѣдной, пошлой, безмысленной жизни. Но русскіе люди стремятся къ иной жизни—высокой, святой, прекрасной, изящной. Мечта о лучшемъ будущемъ тѣсно связана съ мечтой о широкомъ распространеніи научнаго, т. е. университетскаго, образованія. „Учиться намъ нужно, говоритъ докторъ Благово въ разсказѣ „Моя жизнь“, учиться и учиться... стараться накопить возможно больше знаній, потому что серьезныя общественныя теченія тамъ, гдѣ знанія, и счастье будущаго человѣчества только въ знаніи“. По мнѣнію Вершинина („Три сестры“), „нужны умные образованные люди; по мѣрѣ приближенія человѣчества къ лучшей жизни число этихъ людей будетъ увеличиваться, пока они не составятъ большинства. По этому нужно стремиться къ тому, чтобы каждый видѣлъ и зналъ больше, чѣмъ видѣли и знали его дѣдъ и отецъ“. Въ разсказѣ „Новѣста“ Саша убѣждая Надю ѣхать учиться, говоритъ ей „только просвѣщенные и святы“

люди интересны, только они и нужны. Вѣдь чѣмъ больше будетъ такихъ людей, тѣмъ скорѣе пастанетъ царствіе Божіе на землѣ“.

Мечта русскихъ людей о широкомъ распространеніи университетскаго образованія имѣетъ реальныя основанія. Ежегодное возростаніе числа лицъ, получающихъ высшее университетское образованіе, есть непреложный законъ соціальной жизни. Этотъ законъ подтверждается и исторіей русскаго просвѣщенія. До XVIII вѣка у насъ не было университетовъ. Учрежденный въ 1725 г. при академіи наукъ университетъ сначала совсѣмъ не имѣлъ русскихъ слушателей, а позже число слушателей было весьма незначительно (въ 1742 г. было 12 профессоровъ и 12 студентовъ). Въ началѣ второй половины XVIII в. учрежденъ былъ Московскій университетъ; число слушателей и здѣсь въ XVIII в. было незначительно (иногда было по 1 студенту на факультетъ). Въ XIX в. открываются новые университеты, и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно увеличивается число студентовъ. Въ первой половинѣ XIX столѣтія число студентовъ въ нѣкоторыхъ русскихъ университетахъ еще ограничивалось десятками. Но въ Московскомъ университетѣ уже въ 20-хъ годахъ XIX в. число студентовъ доходило до 700—900 человекъ. Въ 1880 году въ 8 русскихъ университетахъ общее число студентовъ превышало 8 т. человекъ (8193), а къ 1 января 1899 года въ 9 университетахъ было 16497 студентовъ и 1109 вольнослушателей.

Этотъ непреложный законъ соціальной жизни—возростаніе числа университетскихъ людей—проявляется въ исторіи русскаго просвѣщенія, не смотря на то, что принимались и принимаются разнообразныя мѣры съ цѣлью стѣснить распространеніе университетскаго образованія. Ходатайства о допущеніи женщинъ въ университеты не удовлетворяются, для женщинъ устроены въ столичныхъ городахъ курсы, соотвѣтствующіе отдѣльнымъ факультетамъ университета. По общему правилу, въ университеты принимаются только лица, окончившія классическую гимназію; и лишь въ видѣ исключенія семинаристамъ открытъ доступъ въ Томскій, Варшавскій и Юрьевскій университеты. Было время (1849 годъ), когда количество студентовъ для каждаго университета ограничено было одной опредѣленной цифрой—300 человекъ. Было время, когда принимались нѣкоторыя мѣры, чтобы не допускать въ университетъ лицъ низшихъ классовъ населенія. И въ наше время можно еще услышать такое мнѣніе, что университетъ не нуженъ кухаркшн сыну. И въ наше время даже среди интеллигентныхъ людей встрѣчаются Нещановы, которымъ въ голову не приходитъ, что мужчины такіе же люди, какъ они, и что ихъ нужно учить въ университетахъ, а не въ жалкихъ школахъ. Но не смотря на все это, число университетскихъ людей постепенно возростаетъ и высшее образованіе распространяется во всѣхъ классахъ русскаго общества: вѣдь архангельскій мужикъ М. В. Ломоносовъ является однимъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ, а въ наше время сынъ мужика А. П. Чеховъ получилъ университетское образованіе и сдѣлался знаменитымъ русскимъ писателемъ. Наступитъ время, когда высшее научное образованіе сдѣлается всеобщимъ. Тогда жизнь будетъ высокая, прекрасная, изящная.

Но и теперь тѣ немногіе русскіе люди, которымъ доступно высшее образованіе, хватаются за науку, какъ за якорь спасенія, ища въ ней освобожденія отъ пошлости и грязи окружающей ихъ жизни. „Милая, голубушка, поѣзжайте (учитесь), говоритъ Саша Надѣ (Невѣста). Покажите всѣмъ, что эта неподвижная, сѣрая, грѣшная жизнь надоѣла вамъ. Покажите это хоть себѣ самой“. Надя поѣхала учиться въ Петербургъ.—Андрей Прозоровъ въ „Трехъ сестрахъ“, которому тоже надоѣла пошлая, сѣрая жизнь, мечтаетъ объ университетской наукѣ. „Миѣ, говоритъ онъ, снится каждую ночь, что я профессоръ Московскаго университета, знаменитый ученый, которымъ гордится русская земля“.—Въ той же пьесѣ не получившій университетскаго образованія баронъ Тузенбахъ мечтаетъ о поступленіи въ университетъ.—Докторъ Андрей Ефимычъ въ „Палатѣ № 6“ сожалеетъ о томъ, что для него утеряна возможность сдѣлаться „членомъ какого-нибудь факультета и находиться въ самомъ центрѣ умственнаго движенія“.—Врачъ Дымовъ (Попрыгунья), семейная жизнь котораго приняла пошлый и грязный характеръ, погрузился въ научныя занятія, написалъ и защитилъ диссертацию и мечтаетъ о томъ, что быть можетъ ему предложить приватъ-доцентуру по общей патологій.

Наука, какъ отрасль духовной дѣятельности, состоитъ въ исканіи правды и смысла жизни. Никакихъ практическихъ цѣлей наука не должна преслѣдовать. Цѣль науки—истина. „Всѣ науки, говоритъ Лихаревъ въ разсказѣ „На пути“, сколько ихъ есть на свѣтѣ, имѣютъ одинъ и тотъ же паспортъ, безъ котораго они считаютъ себя невысказанными: стремленіе къ истинѣ! Каждая изъ нихъ даже какая нибудь фармакогнозія, имѣетъ свою цѣлью не пользу, не удобство въ жизни, а истину“. Ту же справедливую мысль приводитъ Чеховъ и въ знакомомъ уже намъ разсказѣ „Дача съ мезониномъ“. „Науки и искусства, говоритъ художникъ въ этомъ разсказѣ, когда они настоящія, стремятся не къ временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему.—они ищутъ правды и смысла жизни, ищутъ Бога, душу!“

Если мы съ этой точки зрѣнія посмотримъ на науки юридическія, которыя предстоить Вамъ изучать, то скажемъ такъ: юридическія науки не преслѣдуютъ практическихъ цѣлей, они не заключаютъ въ себѣ тѣхъ практическихъ знаній, какія необходимы практическому юристу—судьѣ, прокурору, адвокату; цѣль юридическихъ наукъ—выясненіе смысла и правды въ явленіяхъ юридической жизни людей; а слѣдовательно, задача юридическаго факультета заключается не въ томъ, чтобы готовить для жизни практическихъ юристовъ, а въ томъ, чтобы готовить образованныхъ юристовъ.

Университетъ есть храмъ науки вообще. Университетъ дѣлится на факультеты. На каждомъ факультетѣ изучаются не всѣ науки, а лишь извѣстный разрядъ наукъ. Такая специализація при современномъ развитіи науки неизбежна: всего знать нельзя. Но это не значитъ, что между отдѣльными факультетами стоитъ китайская стѣна, что, напримѣръ, юристу нѣтъ никакого дѣла до наукъ филологическихъ, медицинскихъ, математическихъ. Нѣтъ, всѣ науки составляютъ единое цѣлое. И университетъ есть

храмъ единой науки. Профессора и студенты отдѣльных факультетовъ прежде всего члены университета; интересы одного факультета не должны быть чужды студентамъ и профессорамъ другого факультета.

Мало того. Цѣль человѣческой жизни заключается въ духовной дѣятельности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Занимаясь науками, нельзя чуждаться другихъ отраслей духовной дѣятельности. Людямъ университетскимъ по должны быть чужды интересы религін, искусства, литературы, общественной жизни. Эту мысль Чеховъ приводитъ въ одномъ мѣстѣ разсказа „Скучная исторія“. Здѣсь въ лицѣ прозектора Петра Игнатьевича выведенъ типъ узкаго спеціалиста. Я приведу цѣликомъ его характеристику:

Петръ Игнатьевичъ—это „трудолюбивый, скромный, но безталанный человѣкъ, лѣтъ 35, уже плѣшивый и съ большимъ животомъ. Работаетъ онъ отъ утра до ночи, читаетъ массу, отлично помнитъ все прочитанное— и въ этомъ отношеніи онъ не человѣкъ, а золото; въ остальномъ же прочемъ—это ломовой конь, или, какъ иначе говорятъ, ученый тупица. Характерныя черты ломового коня, отличающія его отъ таланта, таковы: кругозоръ его тѣсенъ и рѣзко ограниченъ спеціальностью; внѣ своей спеціальности онъ наивенъ, какъ ребенокъ. Помнится, какъ-то утромъ я вошелъ въ кабинетъ и сказалъ:

— Представьте, какое несчастье! Говорятъ, Скобелевъ умеръ.

Николай (служитель) перекрестился, а Петръ Игнатьевичъ обернулся ко мнѣ и спросилъ:

— Какой это Скобелевъ?

Въ другой разъ—это было нѣсколько раньше—я объявилъ, что умеръ профессоръ Перовъ. Милѣйшій Петръ Игнатьевичъ спросилъ:

— А что онъ читалъ?

Кажется, запой у него подъ самымъ ухомъ Патти, напади на Россію полчища китайцевъ, случись землетрясеніе, онъ не пошевелинется ни однимъ членомъ и преспокойно будетъ смотрѣть прищуреннымъ глазомъ въ свой микроскопъ. Однимъ словомъ, до Гекубы ему нѣтъ никакого дѣла. Я бы дорого далъ, чтобы посмотрѣть, какъ этотъ сухарь спитъ со своей женой.

Другая черта: фанатическая вѣра въ непогрѣшимость науки и главнымъ образомъ всего того, что пишутъ нѣмцы. Онъ увѣренъ въ самомъ себѣ, въ своихъ препаратахъ, знаетъ цѣль жизни и совершенно незнакомъ съ сомнѣніями и разочарованіями, отъ которыхъ сѣдѣютъ таланты. Рабское поклоненіе авторитетамъ и отсутствіе потребности самостоятельно мыслить. Разубѣдить его въ чемъ-нибудь трудно, спорить съ нимъ невозможно. Извольте-ка поспорить съ человѣкомъ, который глубоко убѣжденъ, что самая лучшая наука—медицина, самые лучшіе люди—врачи, самыя лучшія традиціи—медицинскія. Отъ недобраго медицинскаго прошлаго уцѣлѣла только одна традиція—бѣлый галстухъ, который носятъ теперь доктора; для ученаго же и вообще образованнаго человѣка могутъ существовать только традиціи общеуниверситетскія, безъ всякаго дѣленія ихъ на медицинскія, юридическія и т. п., но Петру Игнатьевичу трудно согласиться съ этимъ и онъ готовъ спорить съ вами до страшнаго суда“.

Петръ Игнатьевичъ — человѣкъ въ футлярѣ. Медицина, и даже не медицина вообще, а та специальная медицинская наука, которую онъ изучаетъ, есть оболочка, футляръ, закрывающій его отъ соприкосновенія съ разнообразіемъ дѣйствительной жизни. Его специальность—это три аршина земли, которыми онъ совершенно удовлетворенъ. Но „человѣку нужно не три аршина земли, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободнаго духа“. Университетскому человѣку недостаточно одной какой-нибудь ученой специальности, ему должны быть близки духовные интересы вообще. Такихъ взглядовъ придерживается Ярцевъ въ разсказѣ „Три года“.

„Ярцевъ кончилъ на филологическомъ факультетѣ, потомъ поступилъ на естественный, и теперь былъ магистромъ химіи. Кромѣ химіи онъ занимался дома социологіей и русской исторіей“. „Я химикъ, мыслю химически и умру химикомъ, говоритъ онъ. Но я жажду, я боюсь, что умру не пассивный; и мнѣ мало одной химіи, я хватаюсь за русскую исторію, исторію искусства, педагогію, музыку“.

Итакъ, призваніе человѣка въ духовной дѣятельности, въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни. Наука, какъ отрасль духовной дѣятельности, ищетъ правды и смысла жизни. Университетъ—храмъ науки. А, слѣдовательно, университетскіе люди, т. е. тѣ, которые учатъ, учатся и учились въ университетѣ,—это апостолы и поборники правды и истины. Когда я говорю такъ, я, конечно, имѣю въ виду то, что должно быть. Соответствуетъ ли то, что есть, тому, что должно быть?

Въ сочиненіяхъ Чехова передъ читателемъ проходитъ длинная вереница университетскихъ людей. Остановимся прежде всего на нѣкоторыхъ типахъ студентовъ.

Противный толстый мальчишка студентъ Азарбековъ провожаетъ молодую дамочку изъ гостей домой (Супруги).

Черноглазый студентъ научилъ одну молодецкую дамочку пить лимонную воду съ коньякомъ (Страдальцы).

Студентъ Груздовъ мастеръ разсказывать въ обществѣ смѣшныя и удивительныя вещи. Однажды у знакомыхъ Груздовъ „послѣ чаю шалилъ съ пуделемъ Максимомъ и потомъ разсказалъ про одного очень умнаго пуделя, который погнался на дворъ за ворономъ, а воронъ оглянулся на него и сказалъ: ахъ, ты, мошенникъ! Пудель, не зная, что онъ имѣетъ дѣло съ ученымъ ворономъ, страшно сконфузился и отступилъ въ недоумѣніи, потомъ сталъ лаять“ (Послѣ театра).

Студентъ Кишъ (Три года), прозванный вѣчнымъ студентомъ, „три года былъ на медицинскомъ факультетѣ, потомъ порешелъ на математическій и сидѣлъ здѣсь на каждомъ курсѣ по два года. Отецъ его, провинціальный аптекарь, присылалъ ему по сорока рублей въ мѣсяцъ, и еще мать, тайно отъ отца, по десяти, и этихъ денегъ ему хватало на прожитіе и даже на такую роскошь, какъ шинель съ польскимъ бобромъ, перчатки, духи и фотографія (онъ часто снимался и раздавалъ свои портреты знакомымъ). Чистенькій, немного плѣшивый, съ золотистыми бачками около ушей, скромный, онъ всегда имѣлъ видъ человѣка, готоваго услужить. Онъ все хло-

поталь по чужимъ дѣламъ: то носился съ подписнымъ листомъ, то съ раннего утра мерзъ около театральной кассы, чтобы купить для знакомой дамы билетъ, то по чьему-нибудь порученію шелъ заказывать вѣнокъ или букетъ. Про него только и говорили: Кишъ сходить, Кишъ сдѣлаетъ, Кишъ купить. Порученія исполнялъ онъ большею частью дурно. На него сыпались попреки, часто забывали заплатить ему за покупки, но онъ всегда молчалъ и въ затруднительныхъ случаяхъ только вздыхалъ. Онъ вѣкогда особенно не радовался, не огорчался, рассказывалъ всегда длинно и скучно, и остроты его всякій разъ вызывали смѣхъ потому только, что онѣ были смѣшны. Такъ, однажды, съ намѣреніемъ пошутить, онъ сказалъ Петру: „Петръ, ты не осетръ“, и это вызвало общій смѣхъ, и самъ онъ долго смѣялся, довольный, что такъ удачно сострилъ. Когда хворили какого нибудь профессора, то онъ шелъ впередъ вмѣстѣ съ факельщиками“.

Студентъ медикъ Мейеръ наставляетъ своего пріятеля студента юриста Васильева: „водка дана, чтобы пить ее, осетрина—чтобы ѣсть, женщины—чтобы бывать у нихъ, снѣгъ—чтобы ходить по немъ“ (Припадокъ).

Володя маленькій „имѣлъ необыкновенный успѣхъ у женщинъ, чуть ли не съ четырнадцати лѣтъ, и дамы, которыя для него измѣняли своимъ мужьямъ, оправдывались тѣмъ, что Володя маленькій. Про него недавно кто то рассказывалъ, будто бы онъ, когда былъ студентомъ, жилъ въ номерахъ, поближе къ университету, и всякій разъ бывало, какъ постучишься къ нему, то слышались за дверью его шаги и затѣмъ извиненіе вполголоса: „Pardon, se ne suis pas seul“ (Володя маленькій и Володя большой).

Въ разсказѣ „Полюшка“ прикащикъ говоритъ модисткѣ: „Нешто мнѣ пріятно видѣть, какъ этотъ студентъ около васъ разыгрываетъ роль-съ? Вѣдь я все вижу и понимаю. Съ самой осени онъ за вами ухаживаетъ по настоящему и почти каждый день вы съ нимъ гуляете, а когда онъ у васъ въ гостяхъ сидитъ, такъ вы въ него ввинчиваете глазами словно въ ангела какого-нибудь. Вы въ него влюблены, для васъ лучше и человѣка нѣтъ, какъ онъ, ну и отлично, нечего и разговаривать... А къ чему вся эта исторія клонится, я рѣшительно не понимаю. Вы вотъ влюбившись, а чѣмъ это кончится?... Воображаете за него замужъ выйти, что ли? Ну на счетъ этого—оставьте ваше воображеніе. Студентамъ запрещается жениться, да и развѣ онъ къ вамъ за тѣмъ ходитъ, чтобы все честнымъ образомъ кончить? Какъ же! Вѣдь они, студентъ эти самые, насъ и за людей не считаютъ... Ходятъ они къ купцамъ да къ модисткамъ, чтобы надъ необразованностью посмѣяться и пошьянствовать. У себя дома да въ хорошихъ домахъ стыдно пить, ну а у такихъ простыхъ, необразованныхъ людей, какъ мы, некого имъ стыдиться, можно и вверху ногами ходить. Да-съ!... А ежели онъ за вами ухаживаетъ и въ любовь играетъ, то извѣстно зачѣмъ... Когда станетъ докторомъ или адвокатомъ, будетъ вспоминать: „Эхъ была у меня, скажетъ, когда то блондиночка одна! Гдѣ то она теперь?“ Небожь и теперь ужъ тамъ, у себя, среди студентовъ, хвалится, что у него модисточка есть на примѣтѣ... Броситъ онъ васъ, Пелагея Семеновна! А если женится когда нибудь, то не по любви, а съ голода, на деньги ваши полбетится. Сдѣлаетъ себѣ на приданое приличную обста-

новку, а потомъ стыдиться васъ будетъ. Отъ гостей и товарищей васъ будетъ прятать, потому что вы необразованная, такъ и будетъ говорить: моя кувалда. Развѣ вы можете держать себя въ докторскомъ или адвокатскомъ обществѣ? Вы для нихъ модистка, невѣжественное существо!”

Лавскій (въ разсказѣ „Дуэль“) самъ повѣствуетъ, что „будучи студентомъ перваго курса, онъ жилъ съ дамой, которая имѣла на него благотворное вліяніе и которой онъ обязанъ своимъ музыкальнымъ образованіемъ. Во второмъ курсѣ онъ выкупилъ изъ публичнаго дома проститутку и возвысилъ ее до себя, то есть взялъ въ содержанки, а она пожила съ нимъ полгода и убѣжала къ хозяйкѣ, и это бѣгство причинило ему не мало душевныхъ страданій. Увы, онъ такъ страдалъ, что долженъ былъ оставить университетъ и два года жить дома безъ дѣла. Но это къ лучшему. Дома онъ сошелся съ одной вдовой, которая посоветовала ему оставить юридическій факультетъ и поступить на филологическій. Онъ такъ и сдѣлалъ. Кончивъ курсъ, онъ страстно полюбилъ теперешнюю свою... замужнюю“...

Студентъ Клочковъ имѣетъ сожительницу Анюту. Анюта—„маленькая, худенькая брюнетка лѣтъ 25, очень блѣдная, съ кроткими сѣрыми глазами... Она говорила вообще очень мало, всегда молчала и все думала, думала... За всѣ шесть—семь лѣтъ ея шатанія по меблированнымъ комнатамъ, такихъ, какъ Клочковъ, знала она человѣкъ пять. Теперь всѣ они покончили курсы, вышли въ люди и, конечно, какъ порядочные люди, давно уже забыли ее. Одинъ изъ нихъ живетъ въ Парижѣ, два докторами, четвертый художникъ, а пятый даже говорятъ уже профессоръ. Клочковъ—шестой... Скоро уже и этотъ кончитъ курсъ, выйдетъ въ люди. Несомнѣнно, будущее прекрасно, и изъ Клочкова, вѣроятно, выйдетъ большой человѣкъ, но настоящее совсѣмъ плохо: у Клочкова нѣтъ табаку, нѣтъ чаю, и сахару осталось четыре кусочка. Нужно какъ можно скорѣе оканчивать вышиванье, нести къ заказчику и потомъ купить на полученный четвертакъ и чаю и табаку“... (Анюта).

Студенты ухаживаютъ за дамочками, учатъ ихъ пить лимонную воду съ коньякомъ, разсказываютъ въ обществѣ удивительныя и смѣшныя исторіи про умныхъ пуделей и ученыхъ вороновъ, исполняютъ всевозможныя порученія знакомыхъ, ходятъ къ женщинамъ, заводятъ любовныя интриги, имѣютъ временныхъ сожительницъ. Когда наступаютъ экзамены эти студенты зубрятъ, а послѣ экзамена выпрашиваютъ за неудовлетворительный отвѣтъ удовлетворительную отмѣтку. Сцена зубренія передъ экзаменами изображена въ разсказѣ „Анюта“.

„Въ самомъ дешевомъ номерѣ меблированныхъ комнатъ „Лисабонъ“ изъ угла въ уголъ ходилъ студентъ-медикъ 3-го курса Степанъ Клочковъ, и усердно зубрилъ свою медицину. Отъ неустанной, напряженной зубрячки у него пересохло во рту и выступилъ на лбу потъ... Правое легкое состоитъ изъ трехъ долей... зубрилъ Клочковъ.—Границы! Верхняя доля на передней стѣнкѣ груди достигаетъ до 4—5 реберъ, боковой поверхности до 4 ребра... назадъ до *spina scapulae*...“ На замѣчаніе художника Фетисова: „а вы все зубрите“, Клочковъ сказалъ: „медицина такая штука, что никакъ нельзя безъ зубрячки“.

Подобная же сцена изображена въ разсказѣ „Житейскія невзгоды“. „Студентъ-медикъ готовился къ экзамену. Онъ шагаль изъ угла въ уголь и зубрилъ густымъ семинарскимъ басомъ: Хроническій катарръ желудка наблюдается также у привычныхъ пьяницъ, обжоръ, вообще у людей, ведущихъ неумѣренный образъ жизни... Хроническій катарръ желудка наблюдается также у привычныхъ пьяницъ, обжоръ... Хроническій катарръ желудка наблюдается также при страданіяхъ печени... Хроническій катарръ желудка наблюдается и при страданіяхъ легкихъ... Хроническій катарръ желудка наблюдается и при страданіяхъ легкихъ... Часа три спустя... Студентъ медикъ быстрѣе зашагалъ, прокашлялся и загудѣлъ: Хроническій катарръ желудка наблюдается также у привычныхъ пьяницъ, обжоръ...“

Въ „Скучной исторіи“ профессоръ разсказываетъ о посѣщеніи его однимъ студентомъ послѣ экзаменовъ:

„Кто то входитъ въ переднюю, долго раздѣвается и кашляетъ. Егоръ (лакей) докладываетъ, что пришелъ студентъ. Я говорю: проси. Черезъ минуту входитъ ко мнѣ молодой человекъ пріятной наружности. Вотъ ужъ годъ, какъ мы съ нимъ находимся въ натянутыхъ отношеніяхъ: онъ отвратительно отвѣчаетъ мнѣ на экзаменахъ, а я ставлю ему единицы. Такихъ молодцовъ, которыхъ я, выражаясь на студенческомъ языкѣ, гоняю или проваливаю, у меня ежегодно набирается человекъ семь. Тѣ изъ нихъ, которые не выдерживаютъ экзамена по неспособности или по болѣзни, обыкновенно несутъ свой крестъ терпѣливо и не торгуются со мною; торгуются же и ходятъ ко мнѣ на домъ только сангвиники, широкія натуры, которымъ проволочка на экзаменахъ портитъ аппетитъ и мѣшаетъ посѣщать оперу. Первымъ я мирволлю, а вторыхъ гоняю по цѣлому году.“

— Садитесь, — говорю я гостю. — Что скажете?

— Извините, профессоръ, за беспокойство... — начинаеть онъ, заикаясь и не глядя мнѣ въ лицо. — Я бы не посмѣлъ беспокоить васъ, если бы не... и держалъ у васъ экзаменъ уже пять разъ и... и срѣзался. Прошу васъ, будьте добры, поставьте мнѣ удовлетворительно, потому что...

Аргументъ, который всѣ дѣтяи приводятъ въ свою пользу, всегда одинъ и тотъ же: они прекрасно выдержали по всѣмъ предметамъ и срѣзались только на моемъ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что по моему предмету они занимались всегда очень усердно и знаютъ его прекрасно, срѣзались же они, благодаря какому то непонятному недоразумѣнію.

— Извините, мой другъ, — говорю я гостю, — поставитъ вамъ удовлетворительно я не могу. Подите еще почитайте лекціи и приходите. Тогда увидимъ.

Пауза. Мнѣ приходитъ охота немножко помучить студента за то, что пиво и оперу онъ любитъ больше, чѣмъ науку, и я говорю со вздохомъ:

— По моему, самое лучшее, что вы можете теперь сдѣлать, это — совсѣмъ оставить медицинскій факультетъ. Если при вашихъ способностяхъ вамъ никакъ не удастся выдержать экзамена, то, очевидно, у васъ нѣтъ ни желанія, ни призванія быть врачомъ.

Лицо сангвиника вытягивается.

— Простите, профессоръ,—усмѣхается онъ,—но это было бы съ моей стороны, по меньшей мѣрѣ, странно. Прочитесь пять лѣтъ и вдругъ... уйти!

— Ну да! Лучше потерять даромъ пять лѣтъ, чѣмъ потомъ всю жизнь заниматься дѣломъ, котораго не любишь.

Но тотчасъ же мнѣ становится жаль его и я снѣшу сказать:

— Впрочемъ, какъ знаете. Итакъ, почитайте еще немножко и приходите.

— Когда?—глухо спрашиваетъ лѣнтяй.

— Когда хотите. Хоть завтра.

И въ его добрыхъ глазахъ я читаю: „Прійти то можно, но вѣдь ты, скотина, опять меня прогонишь!“

— Конечно, говорю я,—вы не станете ученѣе оттого, что будете у меня экзаменоваться еще пятнадцать разъ, но это воспитасть въ васъ характеръ. И на томъ спасибо.

Наступаетъ молчаніе. Я поднимаюсь и жду, когда уйдетъ гость, а онъ стоитъ, смотритъ на окно, теребитъ свою бородку и думаетъ. Становится скучно.

Голосъ у сангвиника пріятный, сочный, глаза умные, насмѣшливые, лицо благодушное, нѣсколько помятое отъ частаго употребленія пива и долгаго лежанія на диванѣ; повидимому, онъ могъ бы разсказать мнѣ много интереснаго про оперу, про свои любовныя похождения, про товарищей, которыхъ онъ любитъ, но, къ сожалѣнію, говорить объ этомъ непріинято. А я бы охотно послушалъ.

— Профессоръ! Даю вамъ честное слово, что если вы поставите мнѣ удовлетворительно, то я...

Какъ только дошло до „честнаго слова“, я махаю руками и сажусь за столъ. Студентъ думаетъ минуту и говорить ушло:

— Въ такомъ случаѣ прощайте... Извините.

— Прощайте, мой другъ. Добраго здоровья.

Онъ нерѣшительно идетъ въ переднюю, медленно одѣвается тамъ и, выйдя на улицу, вѣроятно, опять долге думаетъ; ничего не придумавъ, кромѣ „старого чорта“ по моему адресу, онъ идетъ въ плохой ресторанъ пить пиво и обѣдать, а потомъ къ себѣ домой спать. Миръ праху твоему, честный труженикъ!“

Перейдемъ къ бывшимъ студентамъ, изображеннымъ въ сочиненіяхъ Чехова.

Въ разсказѣ „Интриги“ врачъ Шелестовъ говоритъ, что „на консилиумахъ его всегда поражаетъ въ товарищахъ низкій уровень знаній. Въ городѣ врачей тридцать два, и большинство изъ нихъ знаетъ меньше чѣмъ любой студентъ перваго курса“. Кромѣ низкаго уровня знаній, поражаютъ Шелестова въ товарищахъ и погрѣшности этического свойства.

Въ разсказѣ „Въ оврагѣ“ врачъ беретъ взятки.

Въ разсказѣ „Гусевъ“ врачи, чтобы отвязаться отъ больныхъ солдатъ, сдаютъ ихъ на пароходъ, гдѣ „и духота, и жаръ, и качка, все, однимъ словомъ, угрожаетъ смертью“.

Чебутыкинъ въ „Трехъ сестрахъ“ говоритъ: „думаютъ, что я докторъ, умѣю лѣчить всякія болѣзни, а я не знаю рѣшительно ничего, все позабылъ, что зналъ, ничего не помню, рѣшительно ничего. Чортъ бы побралъ. Въ прошлую среду лѣчилъ на Засыши женщину—умерла, и я виноватъ, что она умерла. Да.. Кое что я зналъ лѣтъ двадцать пять назадъ, а теперь ничего не помню. Ничего... Третьяго дня разговоръ въ клубѣ; говорить, Шекспиръ, Вальтеръ... Я не читалъ, совсѣмъ не читалъ, а на лицѣ своемъ показалъ будто читалъ. И другіе тоже, какъ я. Пошлость! низость! И та женщина, что умерла въ среду, вспомнилась.. и все вспомнилось и стало на душѣ криво, гадко, мерзко... пошелъ записъ“... Въ другомъ мѣстѣ докторъ Чебутыкинъ говоритъ о себѣ: „А я въ самомъ дѣлѣ никогда ничего не дѣлалъ. Какъ вышелъ изъ университета, такъ не ударилъ пальцемъ о палецъ, даже ни одной книжки не прочелъ, а читалъ однѣ только газеты... Знаю по газетамъ, что былъ, положимъ, Добролюбовъ, а что онъ тамъ писалъ не знаю...“

Подобно доктору Чебутыкину, докторъ Нецаповъ (Въ родномъ углу) тоже ничего не читаетъ: „Когда говорили о литературѣ или рѣшали какой нибудь отвлеченный вопросъ, то по лицу Нецапова видно было, что это его висколько не интересуеъ и что уже давно, очень давно онъ не читалъ ничего и читать не хочетъ“.

Докторъ Сторцевъ (Юнычъ), на вопросъ—„какъ поживаете?“—отвѣчаетъ: „Какъ мы поживаемъ тутъ? Да никакъ. Старимся, полижемъ, опускаемся. День да ночь,—сутки прочь, жизнь проходитъ тускло, безъ впечатлѣній, безъ мыслей... Днемъ нажива, а вечеромъ клубъ, общество картежниковъ, алкоголиковъ, хриуновъ, которыхъ я терпѣть не могу. Что хорошаго?“ Но черезъ нѣсколько лѣтъ мало по малу Старцевъ самъ втянулся въ эту жизнь. Онъ расплодѣлъ, ожирѣлъ. У него громадная практика, и уже есть имѣніе и два дома въ городѣ. Онъ одинокъ, живется ему скучно, ничто его не интересуеъ. По вечерамъ онъ играетъ въ клубѣ въ винтъ, а потомъ сидитъ одинъ за большимъ столомъ и ужинаеъ.

Университетскіе люди — члены судебного вѣдомства, по словамъ Полознева (Моя жизнь), взятокъ не брали, но „были надменны, подавали два пальца, отличались холодностью и узостью сужденій, играли много въ карты, много пили, женились на богатыхъ и, несомнѣнно, имѣли на среду вредное, развращающее вліяніе“.

Кандидатъ правъ Кандуринъ—человѣкъ небогатый, но ловкій, прекрасно разыгрываетъ роль влюбленнаго въ богатую невѣсту, некрасивую Наденьку Шабельскую, и женится на ней (Пустой случай).

Судебный слѣдователь (Пустой случай) „получаетъ 250 въ мѣсяцъ, но дѣла почти никакого, только и знаетъ, что цѣлые дни въ одномъ шкапѣмъ бѣлѣ шагаетъ изъ угла въ уголъ“.

Университетскій человѣкъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Костя Кочевой, живетъ во флигелѣ. Противъ этого флигеля стоялъ другой, въ которомъ жило какое то французское семейство. Утромъ Костя беретъ бипокль и направляетъ его на окна, гдѣ жило французское семейство. Одинъ

разъ на вопросъ—„что вы сегодня видѣли въ бинокль?—Костя отвѣтилъ:—„сегодня ничего, а вчера самъ старикъ французъ ванну принималъ (Три года).

Адвокатъ Альмеръ, повѣренный фабриканта Фролова, по собственному признанію „пустилъ въ моду устрицами закусывать. Отъ водки пожжетъ, подеретъ тебѣ въ горлѣ, а какъ проглотишь устрицу, въ горлѣ чувствуешь сладострастіе.“ Фроловъ послѣ кутежа говоритъ Альмеру: „На то я и богатый, чтобъ меня грабили... Безъ паразитовъ нельзя. Ты у меня повѣренный... шесть тысячъ въ годъ берешь, а за что...“ (Пьяные).

Присяжный повѣренный Лысевичъ... „сытъ, чрезвычайно здоровъ и богатъ... Любитъ хорошо покушать, особенно сыры, трюфели, тертую рѣдьку съ коноплянымъ масломъ, а въ Парижѣ, по его словамъ, онъ ѣлъ жаренныя немытыя кишки... Во все то, что ему приходится говорить на судѣ, онъ уже давно не вѣритъ... Онъ вѣритъ въ одно только оригинальное и необыденное.“ Онъ считается повѣреннымъ по дѣламъ завода Анны Акимовны, получаетъ двѣнадцать тысячъ въ годъ, хотя на заводѣ ему дѣлать нечего (Бабе царство).

Присяжный повѣренный Пекарскій считается очень умнымъ человѣкомъ: онъ прекрасно знаетъ финансы, желѣзнодорожное дѣло, все, что касается администраціи, былъ искуснѣйшимъ адвокатомъ по гражданскимъ дѣламъ... но въ то же время, онъ рѣшительно не могъ понять, почему это люди скучаютъ, плачутъ, стрѣляются и даже другихъ убиваютъ, почему они волнуются по поводу вещей и событій, которыя ихъ лично не касаются, почему они смѣются, когда читаютъ Гоголя или Щедрина...“ (Разсказъ неизвѣстнаго человѣка).

Чиновникъ министерства финансовъ Лаевскій, бывший студентъ филологъ, служитъ въ захолустномъ городкѣ на Кавказѣ. Вотъ его характеристика, сдѣланная другимъ университетскимъ человѣкомъ зоологомъ фонъ-Кореномъ:

„Дѣятельность господина Лаевскаго откровенно развернута передъ вами, какъ длинная китайская грамота, и вы можете читать ее отъ начала до конца. Что онъ сдѣлалъ за эти два года, пока онъ живетъ здѣсь? Будемъ считать по пальцамъ. Во-первыхъ, онъ научилъ жителей города играть въ вѣнтъ; два года тому назадъ эта игра была здѣсь неизвѣстна, теперь же въ вѣнтъ играютъ отъ утра до поздней ночи всѣ, даже женщины и подростки; во-вторыхъ, онъ научилъ обывателей пить пиво, которое тоже здѣсь не было извѣстно; ему же обыватели обязаны свѣдѣніями по части разныхъ сортовъ водокъ, такъ что съ завязанными глазами они могутъ теперь отличить водку Кошелева отъ Смирнова № 21. Въ-третьихъ, прежде здѣсь жили съ чужими женами тайно, по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ воры воруютъ тайно, а не явно; прелюбодѣііе считалось чѣмъ то такимъ, что стыдились выставлять на общій показъ; Лаевскій же явился въ этомъ отношеніи пионеромъ: онъ живетъ съ чужой женой открыто... Лаевскій—довольно несложный организмъ. Вотъ его нравственный остоуъ: утромъ туфли, купанье и кофе, потомъ до обѣда туфли, моціонъ и разговоры, въ два часа туфли, обѣдъ и вино, въ пять часовъ купанье, чай и вино, затѣмъ вѣнтъ и лганье, въ десять часовъ ужинъ и вино, а послѣ полуночи сонъ и la femme. Су-

ществованіе его заключено въ эту тѣсную программу, какъ яйцо въ скорлупу. Идетъ ли онъ, сидитъ ли, сердится, пишетъ, радуется—все сводится къ вину, картамъ, туфлямъ и женщинѣ. Женщина играетъ въ его жизни роковую, подавляющую роль... Онъ служитъ. Но какъ служить? Развѣ оттого, что онъ явился сюда, порядки стали лучше, и чиновники исправнѣе, честиѣе и вѣжливѣе? Напротивъ, своимъ авторитетомъ интеллигентнаго университетскаго человѣка онъ только санкціонировалъ ихъ распущенность“ (Дуэль).

Другой чиновникъ министерства финансовъ акцизный Кирилль Петровичъ Шаликовъ—тоже университетскій человѣкъ. Это — „существо пьяное, узкое и злое, съ большой стриженной головой и съ жирными отвислыми губами. Когда то онъ былъ въ университетѣ, читалъ Писарева и Добролюбова, пѣлъ пѣсни, а теперь онъ говоритъ про себя, что онъ коллежскій ассесоръ и большо ничего“ (Мужъ).

Помѣщикъ Ивановичъ въ 28 лѣтъ уже „былъ толстъ, одѣвался по стариковски во все широкое и просторное и страдалъ одышкой. Въ немъ были уже веѣ задатки помѣщика стараго холостяка. Онъ не влюблялся, о женитьбѣ не думалъ и любилъ только мать, сестру, няню, садовника Васильича; любилъ хорошо поѣсть, поспать послѣ обѣда, поговорить о политикѣ и о возвышенныхъ матеріяхъ... Въ свое время онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, но теперь смотрѣлъ на это такъ, какъ будто отбылъ повинность, неизбѣжную для юношей въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ; по крайней мѣрѣ, мысли, которыя теперь каждый день бродили въ его головѣ, не имѣли ничего общаго съ университетомъ и съ тѣми науками, которыя онъ проходилъ“ (Сосѣди).

Университетскій человѣкъ Лубковъ говорилъ: „женщина есть женщина, мужчина есть мужчина... я уважаю женщинъ, но думаю, что извѣстныя отношенія не исключаютъ поэзіи. Поэзія сама по себѣ, а любовникъ самъ по себѣ. Все равно, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ: красота природы сама по себѣ, а доходъ съ лѣсовъ и полей самъ по себѣ“ (Ариадна).

Андрей Андреевичъ въ разсказѣ „Невѣста“ — „десять лѣтъ назадъ кончилъ въ университетѣ по филологическому факультету, но нигдѣ не служилъ, опредѣленнаго дѣла не имѣлъ и лишь изрѣдка принималъ участіе въ концертахъ съ благотворительною цѣлью; и въ городѣ его называли артистомъ.“ Онъ ничего не дѣлалъ, по собственному признанію: „Я ничего не дѣлаю и не могу дѣлать... Отчего это? Отчего мнѣ такъ противна даже мысль о томъ, что я когда нибудь нацѣплю на лобъ кокарду и пойду служить? Отчего мнѣ такъ не по себѣ, когда я вижу адвоката или учителя латинскаго языка или члена управы? О матушка Русь! о, матушка Русь, какъ еще много ты носишь на себѣ праздныхъ и бесполезныхъ! Какъ много на тебѣ такихъ, какъ я, многострадальная!“

Учитель греческаго языка Бѣликовъ—человѣкъ въ футилярѣ. „Онъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ былъ у него въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши и когда

вынималъ перочинный ножъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и когда садился на извозчика, то приказывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ вѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, отвращеніе къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было; и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ же калоши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни... И мысль свою Бѣликовъ также старался запрягать въ футляръ“ (Человѣкъ въ футлярѣ).

Кулыгинъ, учитель древнихъ языковъ, тоже человѣкъ въ футлярѣ. Когда зашелъ разговоръ объ участіи его жены въ концертѣ съ благотворительною цѣлью, то Кулыгинъ сказалъ: „но прилично ли ей участвовать въ концертѣ? Я вѣдь, господа, ничего не знаю. Можетъ быть, это и хорошо будетъ. Долженъ признаться, нашъ директоръ хорошей человѣкъ, даже очень хороший, умѣйшій, но у него такіе взгляды.. Конечно не его дѣло, но все таки, если хотите, то я, пожалуй, поговорю съ нимъ.“ Когда Кулыгина назначили инспекторомъ, онъ сбрилъ себѣ усы. „Что жъ! говоритъ онъ. Такъ принято, это *modus vivendi*. Директоръ у насъ съ выбритыми усами, и я тоже, какъ сталъ инспекторомъ, побрился. Никому не правится, а для меня все равно. Я доволенъ. Съ усами я, или безъ усовъ, а я одинаково доволенъ..“ (Три сестры).

Человѣкъ въ футлярѣ и еще одинъ педагогъ, очевидно, съ университетскимъ образованіемъ—учитель исторіи и географіи Ипполитъ Ипполитычъ: „самымъ нужнымъ и самымъ важнымъ считалось у него по географіи черченіе картъ, а по исторіи знаніе хронологіи; по цѣлымъ ночамъ сидѣлъ онъ и синимъ карандашемъ поправлялъ карты своихъ учениковъ и ученицъ, или же составлялъ хронологическія таблички... Ипполитъ Ипполитычъ былъ человѣкъ неразговорчивый; онъ или молчалъ, или же говорилъ только о томъ, что вѣкъ давно уже извѣстно... Теперь май, скоро будетъ настоящее лѣто. А лѣто не то, что зима. Зимой нужно печи топить, а лѣтомъ и безъ печей тепло... Спать надо въ постели, раздѣвшись...“ (Учитель словесности).

Профессоръ Серебряковъ въ пьесѣ „Дядя Ваня“, по характеристикѣ Вайницкаго, „старый сухарь, ученая вобла... Человѣкъ ровно двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ объ искусствѣ, ровно ничего не понимая въ искусствѣ. Двадцать пять лѣтъ онъ пережевываетъ чужія мысли о реализмѣ, натурализмѣ и всякомъ другомъ вздорѣ; двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ о томъ, что умнымъ давно уже извѣстно, а для глупыхъ неинтересно, —значить, двадцать пять лѣтъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее.“

Если эта характеристика профессора и заключаетъ въ себѣ извѣстную долю раздражанія, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что въ ней есть и

зерно истины. Точно также есть зерно истины и въ слѣдующихъ характеристикахъ профессоровъ, сдѣланныхъ тоже профессоромъ въ разсказѣ „Скучная исторія.“

Профессоръ NN—„старый идиотъ“. „Идетъ и, по обыкновенію, выставилъ впереди свой лошадиный подбородокъ и ищетъ, кому бы пожаловаться на свой мигрень, на жену и на студентовъ, которые не хотятъ посѣщать его лекцій“.

Профессоръ ZZ.—„патентованная тупица, европейскій дуракъ, другого такого по всей Европѣ днемъ съ огнемъ не сыщешь! Читаетъ (публичную лекцію), точно леденецъ сосетъ: сю-сю-сю... Струсилъ, плохо разбираетъ свою рукопись, мыслишки движутся еле-еле, со скоростью архимандрита. Ыдущаго на велосипедѣ, а главное, никакъ не разберешь, что онъ хотеть сказать. Скучища страшная, мухи мрутъ“.

Такъ живутъ многіе университетскіе люди. Жизнь сѣрая, грязная, пошлая, бессмысленная. Жизнь странная, непонятная, скучная. Страшно и стыдно такъ жить. Такъ жить нельзя. Университетскіе люди, которые такъ живутъ, ничѣмъ не отличаются отъ массы прочихъ обывателей, которые въ университетѣ не были. Одно изъ двухъ: или изъ университета они не вынесли того, что должны были вынести, или вліянія университетской науки заглушены были болѣе сильными вліяніями обывательской жизни. Для однихъ справедливо первое предположеніе: поступая въ университетъ, они искали не правды и смысла жизни, а дипломовъ; университетъ, какъ сознается одинъ изъ нихъ Лаевскій, былъ для нихъ обманомъ,—они учились плохо и забыли то, чему учились, пребываніе въ университетѣ было только неизбѣжной повинностью. Для другихъ справедливо второе предположеніе: университетскія наука заронила въ нихъ стремленіе къ правдѣ и истинѣ, но презрѣнная обывательская жизнь затянула ихъ, отравила и сдѣлала такими же пошляками, какъ всѣ.

Нищій въ разсказѣ того же названія выдаетъ себя за студента, котораго исключили изъ университета, и такимъ образомъ, по словамъ присяжнаго повѣреннаго Скворцова, эксплуатируетъ симпатіи общества къ студентамъ. Но почему симпатіи общества на сторонѣ студентовъ?

Въ разсказѣ „Дуэль“ фонъ-Корень говоритъ, что масса, особенно ея средній слой, вѣрять въ интеллигентность, въ университетскую образованность. Но чѣмъ объяснить этотъ авторитетъ университетскаго человѣка въ глазахъ общества?

На поставленные вопросы нельзя было бы дать отвѣта, если бы университетскіе люди—студенты и лица, получившія университетское образованіе,—ничѣмъ не отличались отъ массы остальныхъ обывателей, если бы они всѣ безъ исключенія вели такую же, какъ остальные обыватели, сѣрую, грязную, пошлую жизнь. Но есть университетскіе люди иного склада. Они берутъ отъ университета все то хорошее, что онъ можетъ дать, и не подчиняются вліяніямъ обывательской жизни. Это университетскіе люди въ истинномъ смыслѣ этого слова. Они пользуются симпатіями общества и авторитетомъ въ глазахъ общества, какъ предвѣстники той высокой, пре-

красной, лучшей жизни, которая должна замѣнить современную—безсмысленную, пошлую, грязную жизнь. Высокій идеалъ, къ которому должны стремиться эти университетскіе люди, нарисованъ въ слѣдующихъ словахъ одного изъ представителей университетской науки магистра философіи Коврина: „Быть избранникомъ, служить вѣчной правдѣ, стоять въ ряду тѣхъ, которые на нѣсколько тысячъ лѣтъ раньше сдѣлаютъ человѣчество достойнымъ царствія Божія, то есть избавятъ людей отъ нѣсколькихъ лишнихъ тысячъ лѣтъ борьбы, грѣха и страданій, отдать идеѣ все—молодость, силы, здоровье, быть готовымъ умереть для общаго блага,—какой высокой, какой счастливый удѣлъ!“ (Черный монахъ).

И безпристрастнымъ наблюдателямъ университетской жизни очевидно, что университетскіе люди стремятся къ этому идеалу. Такимъ безпристрастнымъ наблюдателемъ является, на примѣръ, старикъ швейцаръ—„хранитель университетскихъ традицій въ разсказѣ „Скучная исторія.“

„Отъ своихъ предшественниковъ—швейцаровъ онъ получилъ въ наслѣдство много легендъ изъ университетской жизни, прибавилъ къ этому богатству много своего добра, добытаго за время службы, и, если хотите, то онъ расскажетъ вамъ много длинныхъ и короткихъ исторій. Онъ можетъ рассказать о необыкновенныхъ мудрецахъ, знавшихъ все, о замѣчательныхъ труженикахъ, не спавшихъ по недѣлямъ, о многочисленныхъ мученикахъ и жертвахъ науки; добро торжествуетъ у него надъ зломъ; слабый всегда побѣждаетъ сильнаго, мудрый глупаго, скромный гордаго, молодой стараго... Нѣтъ надобности принимать все эти легенды и небылицы за чистую монету, но процѣдите ихъ и у васъ на фильтрѣ останется то, что нужно: наши хорошія традиціи и имена истинныхъ героевъ, признанныхъ всеми.“

Университетскіе люди,—это прежде всего мудрецы, труженики, мученики и жертвы науки. И въ сочиненіяхъ Чехова встрѣчаются типы университетскихъ людей, которые беззавѣтно, страстно любятъ науку.

Григорій Петровичъ Лихаревъ (На пути) такъ рассказываетъ о своихъ студенческихъ годахъ: „Серьезныя такъ сказать мужественныя увлеченія начались у меня съ университета.. я отдался наукамъ беззавѣтно, страстно, какъ любимой женщинѣ. Я былъ ихъ рабомъ и, кромѣ нихъ, не хотѣлъ знать никакого другого солнца. День и ночь, не разгибая спины, я зубрилъ, разорялся на книги, плакалъ, когда на моихъ глазахъ люди эксплуатировали науку ради личныхъ цѣлей...“

Студентъ Васильевъ то же любитъ науку. Онъ окончилъ естественный факультетъ, перешелъ на юридическій и здѣсь написалъ отличное сочиненіе (Принадокъ).

Беззавѣтно, страстно предавъ наукѣ старый профессоръ, герой разсказа „Скучная исторія.“ Онъ говоритъ: „Какъ 20—30 лѣтъ назадъ, такъ и теперь передъ смертію меня интересуетъ одна только наука. Испуская послѣдній вздохъ, я все таки буду вѣрить, что наука—самое важное, самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка, что она всегда была и будетъ высшимъ проявленіемъ любви, и что только ею одною человѣкъ побѣдитъ природу и себя...“

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же профессоръ говоритъ: „Хотѣлъ бы проснуться лѣтъ черезъ сто и хоть однимъ глазомъ взглянуть, что будетъ съ наукой.“

Беззавѣтно преданъ наукѣ—начинающій молодой ученыи врачъ Дымовъ въ разсказѣ „Попрыгунья.“ Онъ „умираетъ, потому что пожертвовалъ собой для науки... служилъ наукѣ и умеръ отъ науки.“

Не одна беззавѣтная преданность наукѣ должна отличать университетскихъ людей. Если наука заключаетъ въ себѣ исканіе правды и смысла жизни, то изученіе науки должно воспитывать въ человѣкѣ любовь къ правдѣ и отвращеніе къ неправдѣ. Эта воспитательная роль университета указывается въ приведенныхъ выше наблюденіяхъ надъ университетскою жизнью старика швейцара: въ университетѣ, по его мнѣнію, добро торжествуетъ надъ зломъ.

Разсказъ скитальца по русской землѣ Александра Ивановича то же свидѣтельствуетъ о воспитательной роли университета. „До 16 лѣтъ, разсказываетъ Александръ Ивановичъ, ходилъ я такъ безъ опредѣленнаго дѣла и безъ почвы, пока не попалъ въ Полтаву. Тутъ одинъ студентъ еврей узналъ, что я желаю учиться, и далъ мнѣ письмо къ харьковскимъ студентамъ. Конечно, я пошелъ въ Харьковъ. Студенты посоветовались и начали готовить меня въ техническое училище. И знаете, я вамъ скажу, студенты мнѣ попались такіе, что я не забуду ихъ до самой смерти. Не говорю уже про то, что они дали мнѣ квартиру и кусокъ хлѣба, они поставили меня на настоящую дорогу, заставили меня мыслить, указали цѣль жизни... Ну я много читалъ, участвовалъ въ студенческихъ кружкахъ, гдѣ не услышишь пошлостей.“ (Перекажи по).

На воспитательную роль университета указываютъ и слова Лаптева въ разсказѣ „Три года.“ Лаптевъ говоритъ брату Θεодору:

„Купецъ любитъ не торговать, а начальствовать, и вашъ амбаръ не торговое учрежденіе, а застѣнокъ! Да, для такой торговли какъ ваша, нужны приказчики обезличенные, обездоленные, и вы сами приготовляете такихъ, заставляете ихъ съ дѣтства кланяться вамъ въ ноги за кусокъ хлѣба, и съ дѣтства вы приучаете ихъ къ мысли, что вы—ихъ благодѣтели. Небось, вотъ университетскаго человѣка ты въ амбаръ къ себѣ не возьмешь.“ (VIII, 309.)

Въ этихъ словахъ Лаптева университетскій человѣкъ является представителемъ протеста противъ неправды—противъ произвола и безправія. Такою отзывъ объ университетскихъ людяхъ подтвердилъ собственнымъ примѣромъ Лаптевъ, сынъ купца, окончившій филологическій факультетъ. Сдѣлавшись главнымъ въ торговомъ заведеніи, такъ называемомъ „амбарѣ“, онъ „старался заводить новые порядки, запрещалъ сѣчь мальчиковъ и глумиться надъ покупателями, выходилъ изъ себя, когда приказчики съ веселымъ смѣхомъ отпускали куда нибудь въ провинцію залежалый и негодный товаръ подъ видомъ свѣжаго и самаго моднаго.“

Въ томъ же разсказѣ „Три года“ указанъ случай протеста университетскаго человѣка Ярцева противъ неправды и произвола въ семейной сферѣ. „Когда мнѣ было восемь лѣтъ, говоритъ Лаптевъ, меня уже взяли въ амбаръ; я работалъ, какъ простой мальчикъ, и это было нездорово, потому что меня

тутъ били почти каждый день. Потомъ, когда меня отдали въ гимназію, я до обѣда учился, а отъ обѣда до вечера долженъ былъ сидѣть все въ томъ же амбарѣ, и такъ до 22 лѣтъ, пока я не познакомился въ университетѣ съ Ярцевымъ, который убѣдилъ меня уйти изъ отцовскаго дома. Этотъ Ярцевъ сдѣлалъ мнѣ много добра.“

Другой случай протеста со стороны университетскаго человѣка противъ семейнаго произвола описанъ въ разсказѣ „Тяжелые люди.“ Студентъ Петръ Ширяевъ рѣшилъ, „во что бы то ни стало поговорить съ отцомъ, втолковать ему разъ и навсегда, что съ нимъ тяжело и страшно жить.“ И студентъ пришелъ къ отцу и сказалъ:

„Мнѣ нужно поговорить съ вами серьезно... Не проходитъ обѣда и чая, чтобы вы не поднимали шума. Вашъ хлѣбъ останавливается у всѣхъ поперекъ горла. Нѣтъ ничего оскорбительнѣе и унижительнонѣе, какъ попреки кускомъ хлѣба... Вы хоть и отецъ, но никто, ни Богъ, ни природа не дали вамъ права такъ тяжело оскорблять, унижать, срывать на слабыхъ свое дурное расположеніе. Вы замучили, обезличили мать, сестра безнадежно забита, а я... Надо мной можете издѣваться, сколько вамъ угодно, но мать оставьте въ покоѣ. Я не позволю вамъ мучить мать... Вы избалованы, потому что никто еще не рѣшался идти противъ васъ. Передъ вами нѣмѣли, трепетали, но теперь кончено! Грубый, невоспитанный человѣкъ...“

Университетскій человѣкъ учитель гимназіи Катавасовъ протестуетъ противъ неправды въ супружескихъ отношеніяхъ. Сдѣлавъ предложеніе любимой дѣвушкѣ, онъ даже не спросилъ про приданое; но, затѣмъ, взявъ свое слово назадъ, когда убѣдился, что по своему развитію невѣста его ему не пара (Въ банѣ).

Университетскій человѣкъ Шамохинъ протестуетъ противъ неправды въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной. Онъ не можетъ примириться съ тѣмъ взглядомъ, который проповѣдуютъ даже нѣкоторые университетскіе люди (Васильевъ, Лубковъ), что женщина—прежде всего самка. „Мнѣ хочется думать, говорить онъ, что борвшійся съ природой человѣческой геній боролся и съ физической природой, какъ съ врагомъ, и что если онъ и не побѣдилъ ее, то все же удалось ему опутать ее сѣтью иллюзій братства и любви; и для меня по крайней мѣрѣ это уже не просто отправленіе моего организма, какъ у собаки, или лягушки, а настоящая любовь и каждое объятіе бываетъ одухотворено порывомъ и уваженіемъ къ женщинѣ“ (Ариадна).

Учитель исторіи и географіи Коваленко (Человѣкъ въ футлярѣ“) протестуетъ противъ неправды въ русской школѣ. „Эхъ, господа, какъ вы можете тутъ жить!—говоритъ онъ своимъ сослуживцамъ по гимназіи. Атмосфера у васъ удушающая, поганая. Развѣ вы педагоги, учителя? Вы чиновники, у васъ не храмъ науки, а управа благочинія, и кислотной воняетъ, какъ въ полицейской будкѣ.“

Протестъ противъ соціальной неправды слышится въ мысляхъ судебного слѣдователя Лыжина. Въ его сознаніи широко и ясно развернулась давно затаенная мысль о томъ, что глубокой неправдой является фактъ одновременнаго существованія людей, на долю которыхъ приходится все самое

тяжелое и горькое, и людей, которымъ остается только легкое и радостное (По дѣламъ службы).

Протестъ противъ соціальной неправды слышится также въ мысляхъ доктора Королева въ разсказѣ „Случай изъ практики.“ Отношенія между сильными и слабыми представляются ему грубой ошибкой, логической несообразностью.

Съ особенной силой изображенъ Чеховымъ протестъ противъ соціальной неправды въ разсказѣ „Припадокъ.“ Герой этого разсказа—студентъ-юристъ Васильевъ, побывавъ первый разъ въ жизни въ публичномъ домѣ, пришелъ въ ужасъ отъ того, что онъ тамъ увидѣлъ и услышалъ. „Онъ многого не понялъ въ домахъ, души погибающихъ женщинъ остались для него попрежнему тайной, но для него ясно было, что дѣло гораздо хуже, чѣмъ можно было думать. „Порокъ есть,—думалъ онъ, но нѣтъ ни признанія вины, ни надежды на спасеніе. Ихъ продаютъ, покупаютъ, топятъ въ винѣ и въ мерзостяхъ, а онѣ, какъ овцы, тупы, равнодушны и не понимаютъ, Боже мой, Боже мой!“ Онъ обратился къ своимъ спутникамъ—студенту-медику и художнику со словами: „Послушайте вы! Зачѣмъ вы сюда ходите? Неужели, неужели вы не понимаете, какъ это ужасно? Ваша медицина говоритъ, что каждая изъ этихъ женщинъ умираетъ преждевременно отъ чахотки, или чего нибудь другого; искусства говорятъ, что морально она умираетъ еще раньше. Каждая изъ нихъ умираетъ оттого, что на своемъ вѣку принимаетъ среднимъ числомъ, допустимъ, пятьсотъ человѣкъ. Каждую убиваетъ пятьсотъ человѣкъ. Въ числѣ этихъ пятисотъ—вы! Теперь, если вы оба за всю жизнь побываете здѣсь и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ по двѣсти пятьдесятъ разъ, то значить на обоихъ васъ прійдется одна убитая женщина! Развѣ это не понятно? Развѣ не ужасно? Убить вдвоемъ; втроемъ, впятеромъ одну глупую, голодную женщину! Ахъ, да развѣ это не ужасно, Боже мой?“ И студентъ Васильевъ сталъ рѣшать вопросъ о томъ, какъ спасти погибающихъ женщинъ? и что дѣлать, чтобы падшія женщины не были нужны?

Наконецъ, въ послѣднемъ произведеніи Чехова,—пьесѣ „Вишневый садъ“, выведенъ типъ университетскаго человѣка, протестующаго противъ той неправды, которая внесла „грязь, пошлость и азіатчину“ въ жизнь русскихъ людей. Это студентъ Трофимовъ. Одинъ изъ критиковъ Чехова г. Волжскій въ статьѣ „Вишневый садъ въ Художественномъ театрѣ“ (Журналъ для всѣхъ, 1904, № 5) говоритъ, что артистъ художественнаго театра г. Качаловъ, игравшій Трофимова, далъ замѣчательно вѣрный типъ настоящаго русскаго студента; въ игрѣ г. Качалова было „все живое, заправское, ни одной фальшивой, дѣланной черты, все настоящее, точно вотъ онъ живьемъ выхваченъ съ Малою Брошней, изъ даровой Комитетской столовой; тамъ такіе есть, какъ двѣ капли воды похожіе“. И я думаю, что такое пониманіе роли Трофимова свидѣтельствуетъ о глубокомъ художественномъ и общественномъ чутьѣ артиста Качалова.

Бываютъ студенты, которые учатъ молоденькихъ дамочекъ пить лимонную воду съ коньякомъ, умѣютъ разсказывать удивительно смѣшныя исторіи, заводятъ любовныя интриги и т. п. Но типичный русскій студентъ—Трофи-

мовъ. Это—представитель того студенчества, которое пользуется симпатіями русскаго общества. Символь вѣры этого студенчества выраженъ въ словахъ Трофимова: „Обойти то мелкое и призрачное, что мѣшаетъ быть свободнымъ и счастливымъ, вотъ цѣль и смыслъ нашей жизни. Впередъ! Мы идемъ неудержимо къ яркой звѣздѣ, которая горитъ тамъ вдали! Впередъ! Не отставай, друзья!... Я свободный человѣкъ. И все, что такъ высоко и дорого цѣните вы вѣсь, богатые и нищіе, не имѣетъ надо мной ни малѣйшей власти, вотъ, какъ пухъ, который носится по воздуху. Я могу обходиться безъ васъ, я могу проходить мимо васъ, я силенъ, я гордъ. Человѣчество идетъ къ высшей правдѣ, къ высшему счастью, какое только возможно на землѣ, и я въ первыхъ рядахъ“.

„Вишневый садъ“—последнее предсмертное произведеніе А. П. Чехова, его лебединая пѣсня. Въ приведенныхъ словахъ студента Трофимова можно видѣть завѣтъ почившаго писателя. Закачивая мою первую лекцію, пожелаю, чтобы этотъ завѣтъ не оставлялъ васъ и на студенческой скамьѣ и по окончаніи университетскаго курса. пожелаю, чтобы пошлость и грязь жизни, все мелкое, что мѣшаетъ людямъ быть свободными и счастливыми, не коснулось васъ и чтобы вы были въ первыхъ рядахъ среди людей, ищущихъ высшей правды и высшаго счастья.

I. Малиновскій.

Общественное управленіе Минусинскихъ инородцевъ.

Д. Е. ЛАППО.

Предисловіе.

Кромѣ Свода Законовъ, главнымъ источникомъ для настоящей статьи послужили мои личныя наблюденія надъ жизнью Минусинскихъ инородцевъ во время частыхъ служебныхъ поѣздокъ по Абаканской и Аскизской Инороднымъ Управамъ. Установившіяся добрыя отношенія между мною и Качинцами¹⁾ помогли мнѣ уяснить себѣ въ ихъ управленіи многое изъ того, что было неизвѣстно и ихъ улуснымъ писарямъ, напр., выборы эсауловъ по себкамъ. Указанія на тотъ или другой институтъ, встрѣчающіяся въ литературѣ объ инородцахъ, я не оставлялъ безъ провѣрки. Представить же Инородческое Управленіе въ систематическомъ изложеніи, мнѣ казалось необходимымъ и потому, что изслѣдователи инородцевъ не рѣдко проводятъ аналогіи между крестьянскими и инородческими учрежденіями; и тутъ то замѣчается путаница въ понятіяхъ. То, что А. Якуцевичъ склоненъ отождествлять съ волостью, а именно Родовое Управленіе²⁾, — другой авторъ, А. Яриловъ, совершенно отождествляетъ съ сельскимъ управленіемъ³⁾. Кажется, изслѣдователи различныхъ сторонъ жизни сибирскихъ инородцевъ менѣе всего обращали свое вниманіе на ихъ управленіе, хотя въ различныхъ работахъ приведено не мало матеріала, относящагося къ нему. Можно думать, что отсутствіе въ литературѣ систематическаго изложенія правилъ объ инородческомъ управленіи способствовало тому, что у изслѣдователей сибирскихъ инородцевъ можно наблюдать оптимистическіе взгляды на „Положеніе объ Инородцахъ“. Отсюда ихъ восхищеніе, —напр. А. Ярилова и П. Кулакова, —сентиментальнымъ въ духѣ начала нынѣшняго вѣка, навѣяннымъ, можетъ быть, романами Купера наставленіемъ губернатора Степанова.

¹⁾ Сближенію моему съ Качинцами особенно способствовало участіе мое въ выдачи имъ пособій въ тяжелую для нихъ зиму 1901 и 1902 изъ суммъ, переданныхъ въ мое распоряженіе г-жей А. П. Кузнецовой.

²⁾ Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Пріамурскаго Отд. И. Р. Г. О. 1897 г. № 4 стр. 32.

³⁾ А. Яриловъ: Кызыльцы стр. 76. Также и Н. Астыревъ въ „Матеріалахъ по изслѣд. земл. и хозяйств. быта Иркутской Губ.“ вып. 2, стр. 31.

„По нынѣ ваши дѣла должны разбираться въ улусахъ родоначальника, и князцы кругомъ огня въ юртахъ своихъ подъ небомъ чистымъ судятъ на родномъ языкѣ по правамъ предковъ, какъ отцы, какъ старшіе братья своихъ родовичей. За такія милости царскія должны вы жить мирно, честно, вносить малыя подати и повинности ваши въ назначенные сроки бездомочно и повиноваться Окружному Исправнику“¹⁾.

Неудивительно послѣ того, что г. А. Яриловъ съ такою любовью приводитъ адреса инородческихъ управленій ихъ добрымъ начальникамъ: отъ Степного Управленія Кызыльской Татарской Орды тому же губернатору Степанову и Ачинскому Исправнику Готчину, по случаю оставленія ими службы²⁾. Беллетристическія упражненія начальниковъ не могли, конечно, не вызвать подражанія у подчиненныхъ, если даже допустить, что не было прямого внушенія.

„15 ноября 1833 года“... „Вѣдвінія Кызыльской Степной Думы 12 инородныхъ управъ, князцы, эсаулы и старшины... вслѣдствіе изъявленнаго имъ отзыва отъ подвѣдомственныхъ кочующихъ, въ коемъ они просятъ насъ изъяснить достодожную благодарность г. Ачинскому земскому исправнику, Мефодію Евсевичу Готчину, который нынѣ, какъ намъ извѣстно, по домашнимъ своимъ надобностямъ, оставляетъ здѣсь службу и на время отбываетъ въ Россію. Сіе болѣе чувствительно до сихъ (инородцевъ), что онъ, господинъ Готчинъ, въ теченіе 9-лѣтняго управленія ими, обращался съ ними совершенно отечески, исправлялъ дурные нравы, искоренялъ рѣшительно грабежи, убійства и прочіе законопротивныя проступки, умножая хлѣбопашество, лѣвнвыхъ и нерадивыхъ побудилъ къ трудолюбію: удерживалъ *отъ распутной и пьянственной жизни, столь свойственной* инородцамъ, и все сіе совершенствовалъ мѣрами кротости и снисхожденіемъ, такъ что нынѣ значительная часть народа, оставя лѣвность, ошутительно исправили свое состояніе“. Лестный отзывъ, правда,—онъ находитъ себѣ документальное опроверженіе у того же А. Ярилова. „Въ дѣлахъ 1826 года находимъ такое распоряженіе Исправника: еще разъ предписываю Думѣ наистрожайше, дабы ова усугубила стараніе къ приглашенію жителей къ пожертвованію денегъ на выкупъ Македонскаго жителя Ивана Сатырь“³⁾.

Если сборъ пожертвованій на выкупъ Македонскаго жителя Ивана Сатырь вызвалъ двукратное наистрожайшее предписаніе, то можно себѣ представить мѣры кротости и снисхожденія при рѣшительномъ искорененіи грабежей, убійствъ и прочихъ законопротивныхъ проступковъ, отнесенныхъ къ тому же закономъ, за исключеніемъ убійства съ намѣреніемъ и грабежа съ насиліемъ, къ исковымъ дѣламъ инородцевъ. Конечно, столь лестный отзывъ о Готчинѣ можно объяснить и тѣмъ, что писали его инородцы, коимъ, по ихъ же признанію, столь свойственна распутная и пьянственная жизнь.

1) Изъ наставленія Степанова, приведеннаго у различныхъ авторовъ: Кузнецова, Кулакова и Ярилова.

2) А. Яриловъ: Кызыльцы и ихъ хозяйство. Юрьевъ 99. стр. 50.

3) Кызыльцы. Стр. 98.

Авторы матеріаловъ по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Енисейской губерніи совершенно обошли вопросъ объ инородческомъ управленіи⁴⁾.

Насколько было необходимо для моей цѣли, я пользовался архивнымъ матеріаломъ и литературой о сибирскихъ инородцахъ; и очень жалѣю, что не могъ достать записки Крафта о преобразованіи управленія осѣдлыми(?) и кочевыми инородцами.

Если досугъ мнѣ дозволить, то я изложу и другія стороны обычно-правовой жизни Минусинскихъ Инородцевъ.

Хотя всѣ Сибирскіе Инородцы управляются на основаніи положенія о Сибирскихъ Инородцахъ, и одинаковыя условія создали у многихъ племень сходные институты, но я ограничиваю рамки моей статьи управленіемъ Минусинскихъ инородцевъ, чтобы не уклоняться отъ главнаго источника, которымъ я провѣрялъ всѣ другіе — личныхъ наблюденій. Ачинскіе, напр., Кизыльцы, живущіе чуть ни одной жизнью съ сосѣдними Минусинскими Качинцами, едва-ли чѣмъ отличаются отъ послѣднихъ въ отношеніи управленія; но я не имѣю возможности провѣрить личными наблюденіями ихъ общественный строй. Впрочемъ, когда я встрѣчаю въ литературѣ объ инородцахъ указанія на тождественные разныхъ племень институты, не установленные положеніемъ объ инородцахъ, я дѣлаю въ выносахъ ссылки на нихъ или отмѣчаю это въ текстѣ.

Что представляютъ собою Качинцы въ настоящемъ, многія инородческія племена, значительно утратившія или забывшія черты своего древняго быта, представляли въ недавнемъ прошедшемъ: не лишнее, поэтому, сохранить для памяти руину отъ совершеннаго забвенія, тѣмъ болѣе что мы, кажется, на канунѣ преобразованія инородческаго управленія.

Библіотека Минусинскаго мѣстнаго музея дала возможность воспользоваться сибирской инородческой литературой.

Цифры въ скобкахъ, помѣщенные въ текстѣ, означаютъ статьи положенія объ инородцахъ по изданію Свода 1892 года.

⁴⁾ Для Иркутской губерніи въ главѣ „Населеніе“ (II-вып. 2) Н. Астыревъ.

Права состоянія.

Сибирскіе инородцы, какъ и инородцы другихъ мѣстностей Россіи, по правамъ состоянія, занимаютъ особое положеніе сравнительно съ природными обывателями Русскаго Государства, составляющими городское и сельское населеніе¹⁾.

По положенію въ Русскомъ Государствѣ у инородцевъ замѣчается нѣкоторое сходство съ Римскими *Peregrini dedisicij*, не пользовавшимися всѣми правами римскихъ гражданъ; впрочемъ, такое положеніе занимаютъ не всѣ разряды инородцевъ.

Обитающія въ Сибири инородныя племена по степени ихъ гражданскаго образованія и образу жизни раздѣляются на три разряда: 1) осѣдлыхъ, 2) кочевыхъ и 3) бродячихъ (2). Отъ принадлежности къ тому или другому разряду зависитъ и порядокъ управленія, которому должны подчиняться инородцы. Въ Наказѣ Управленію инородцевъ приведены мотивы, чѣмъ вызывается необходимость особыхъ правилъ въ инородческомъ управленіи; это — особенности жизненныхъ условій кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ: 1) непостоянство ихъ жительства; 2) степень гражданскаго образованія; 3) простота нравовъ; 4) особые обычаи; 5) образъ пропитанія; 6) трудность взаимныхъ сообщеній; 7) недостатокъ монеты въ обращеніи; 8) недостатокъ способовъ къ сбыванію на мѣстѣ лова и произведеній (136).

Измѣненіе этихъ условій должно ввести къ измѣненію инородческаго управленія. Порядокъ управленія инородцевъ поставленъ въ зависимости отъ того, къ какому разряду они причислены, поэтому законъ установилъ и тотъ порядокъ, которому должно слѣдовать при перечисленіи инородцевъ изъ одного разряда въ другой. Въ какомъ именно разрядѣ должно считать каждое племя и родъ или семейство, къ вѣдомству одного и того же управленія низшей степени принадлежащія, какъ-то: улусъ, стойбище, наслегъ и тому подобное, что опредѣляется особннымъ росписаніемъ, составляемымъ при каждой общей переписи (ревизіи) (4). При составленіи росписанія запрещается включать въ разрядъ осѣдлыхъ тѣхъ инородцевъ, которые, хотя и живутъ въ постоянныхъ шалашахъ и землянкахъ, но по образу жизни и промысламъ суть болѣе кочевые (5). Не включаются также въ

¹⁾ Зак. о сост. ст. 1. Коркуновъ. Рус. Госуд. Пр. Изд. 2 т. I стр. 252. Градовскій. Начало Рус. Госуд. Пр. 1875. т. I стр. 398. Матеріалы по изслѣд. землевлад. и землепольз. въ Забайкальской области. вып. 5 стр. 80, и ст. Матер. по изслѣд. земл. и хозяйств. быта Иркутск. и Енисейской губ., т. II вып. 2.

число земледѣльцевъ тѣ племени, которыя только начинаютъ заниматься земледѣліемъ и не имѣютъ отъ него значительныхъ выгодъ (6).

Здѣсь уже забыты тѣ восемь причинъ, которыя вызываютъ необходимость особыхъ правилъ въ инородческомъ управленіи; здѣсь степень развитія среди инородцевъ земледѣлія и зависимость существованія отъ него служитъ показателемъ приближенія даннаго племени, рода или семейства къ разряду осѣдлыхъ, а общая перепись (ревизія) каждый разъ закрѣпляетъ принадлежность инородцевъ къ тому или другому разряду.

Послѣдняя перепись не имѣла такого значенія; но и признакъ, на основаніи котораго необходимо включать инородцевъ въ тотъ или другой разрядъ, — *земледѣліе*, какъ главный источникъ существованія, является въ высшей степени несовершеннымъ. Есть мѣстности, гдѣ по естественнымъ условіямъ земледѣліе не можетъ служить главнымъ источникомъ существованія; не говоря о крайнемъ сѣверѣ, мнѣ кажется къ такимъ мѣстностямъ принадлежать и Минусинскія степи; здѣсь и коренное русское населеніе въ силу естественныхъ условій имѣетъ главный прибытокъ отъ скотоводства, составляющаго здѣсь главное занятіе жителей; здѣсь не мало русскихъ семей кочуетъ: часть года живетъ въ деревняхъ, а другую на заимкахъ для того, чтобы держать скотъ на подножномъ корму. Но само собой разумѣется, государство не можетъ отказаться отъ своихъ задачъ и предоставить такому не земледѣльческому населенію управленіе по обычаю или же подчинить его правиламъ степного управленія т. е. положенія объ инородцахъ.

Независимо отъ переписи при поземельномъ устройствѣ, кочевые инородцы, при выдачѣ имъ отводныхъ записей, перечисляются въ разрядъ осѣдлыхъ¹⁾.

Зачисленіе инородцевъ въ разрядъ осѣдлыхъ равносильно управленію инородцевъ по правамъ состоянія съ природными обывателями Россіи, такъ какъ осѣдлые инородцы сравниваются съ русскими въ правахъ и обязанностяхъ по сословіямъ, въ которыя они вступаютъ и управляются на основаніи общихъ узаконеній и учрежденій. Но кочевые инородцы, съ умноженіемъ хлѣбопашества, не обращаются противъ ихъ воли въ сословіе сельскихъ обывателей и вообще, безъ собственнаго ихъ желанія, не включаются ни въ какое либо другое сословіе (26 прим.)²⁾.

Осѣдлые инородцы, живущіе особыми деревнями, избираютъ сельскихъ старостъ на общихъ правилахъ о старостахъ въ селеніяхъ: если число душъ въ селеніяхъ осѣдлыхъ инородцевъ достаточно, то они составляютъ особенную волость, составъ и обязанности волостнаго управленія которой также, что и въ волостяхъ русскихъ крестьянъ; въ противномъ случаѣ причисляются къ ближайшей русской волости, а разсѣянные между русскими осѣдлые инородцы причисляются къ русскимъ деревнямъ (41—45).

¹⁾ Выс. утвержд. Мн. Госуд. Совѣта по проекту правилъ о порядкѣ опредѣленія земельныхъ надѣловъ и прозвъ зем.—устр. работъ въ Сибири разд. II ст. 3

²⁾ Надо полагать, что зачисленіе инородцевъ во время переписи въ разрядъ осѣдлыхъ составляетъ исключеніе изъ этого правила.

Такимъ образомъ терминъ „осѣдлые инородцы“ не имѣетъ юридическаго значенія, какъ потеряло значеніе *Perigvini dedisicū* послѣ закона Ко-раколы 212 года, даровавшаго право Римскаго Гражданства всѣмъ жителямъ Римской Имперіи. И въ Минусинскомъ уѣздѣ терминъ „осѣдлые инородцы“ имѣетъ лишь этнографическое значеніе. Здѣсь осѣдлыми инородцами этнографы называютъ либо крестьянъ сель и деревень съ населеніемъ, происшедшимъ, по предположенію, отъ инородцевъ, напр.: селенія Усть-Ерба, Патрошилово и др., либо „кочевыхъ“ инородцевъ, ведущихъ осѣдлый образъ жизни, какъ напр., инородцы Солбано-Койбальскаго рода, или улусовъ Вершина-Бидзы и Толчеи, Абаканской Инородной Управы¹⁾.

Ассимилировавшись путемъ метизаціи съ „природными обывателями“ Россіи, осѣдлые инородцы въ большинствѣ случаевъ забыли о своемъ инородческомъ происхожденіи, такъ какъ послѣ метизаціи и въ отношеніи этнографическомъ перестали быть *инородцами*. Жители улусовъ Вершина-Бадзи, Толчеи, принадлежащіе по правамъ состоянія къ *кочевымъ* инородцамъ, въ теченіе ряда поколѣній брачившіеся съ крестьянами русскихъ селеній и не смѣшивавшіеся съ кочевниками, давно утратили инородческой Тюрско-монгольской обликъ, хотя и именуютъ себя „осѣдлыми инородцами“. Но такія обстоятельства не имѣютъ значенія для моей цѣли, такъ какъ предметы настоящей замѣтки не этнографическія изысканія.

Смѣсь тюрско-монгольскихъ инородцевъ²⁾ сжатыхъ русскимъ народомъ въ степяхъ между отрогами Кузнецкаго Алатау по лѣвую сторону р. Енисея, по рѣкамъ Абакану съ притоками и верховьями Чулыма съ притоками, и на правой сторонѣ р. Енисея между земель крестьянъ д. Большого Телеку и Спасо-Преображенскаго Идринской вол., и сложившихся нынѣ въ особые племена Сагайцевъ³⁾ и Качинцевъ, именуемыхъ Минусинскими Инородцами⁴⁾, по правамъ состоянія принадлежитъ къ *кочевымъ инородцамъ*.

Кочевые инородцы составляютъ особенное сословіе, равной степени съ крестьянскими, но отличающееся отъ него въ образѣ управленія (26). Такъ какъ инородцамъ предоставлено право отдавать своихъ дѣтей для обученія въ учрежденныя отъ правительства учебныя заведенія (30), то чрезъ достиженіе ученыхъ степеней инородцы могутъ приобрѣтать права и преимущества, предоставленныя учебнымъ заведеніямъ, и переходить въ высшія сословія. Будучи русскими подданными, кочевые инородцы на осн. 16 ст. полож. о губ. и зем. учр. и 24 ст. город. полож. имѣютъ право, при наличности другихъ условий, принимать участіе въ земскомъ и городскомъ общественномъ управленіи, что находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что законъ тамъ, гдѣ находитъ нужнымъ ограничить въ указанномъ отношеніи права инородцевъ, прямо указываетъ на это, что и сдѣлано въ отношеніи евреевъ.

¹⁾ Яковлевъ. Этногр. обзоръ инород. населенія долины Южнаго Енисея. Минус. 1900 г. стр. 9 и слѣд.

²⁾ Катановъ: Сагайскіе татары. Живая старина 1893 г. вып. IV.

³⁾ Нѣкоторые этнографы Минусинскими инородцами называютъ и Ачинскихъ Кызыльцевъ и Мелецкихъ инородцевъ.

⁴⁾ Н. О. Катановъ. Этнограф. обзоръ Турецко-Татарскихъ племенъ Каз. 1894 г. стр. 9. Е. К. Яковлевъ. Этногр. обзоръ инор. населенія р. Енисея. Минус. 1900 г. стр. 4.

Пользуясь, такимъ образомъ, всѣми государственными правами природныхъ русскихъ подданныхъ и отличаясь отъ нихъ особенностями въ управленіи, кочевые инородцы Сибири освобождены отъ отбыванія воинской повинности¹⁾.

Такъ какъ всѣ инородцы Минусинскаго уѣзда давно воспріяли Св. Крещеніе, то ст. 580 уст. о прям. нал. здѣсь не можетъ имѣть примѣненія.

Такъ какъ отъ порядка управленія находятся въ большой зависимости права и обязанности управляемыхъ, то, само собой разумѣется, что и кочевые инородцы настолько отличаются въ отношеніи правъ и обязанностей отъ *природныхъ* русскихъ подданныхъ, насколько оказали на то свое вліяніе особенности въ ихъ управленіи.

Принадлежность къ сибирскимъ кочевымъ инородцамъ создаетъ особые отношенія къ землямъ, отведеннымъ въ ихъ владѣніе²⁾.

Кочевые инородцы для каждаго *поколѣнія* имѣютъ назначенныя во владѣніе земли (34); имъ предоставлена свобода заниматься земледѣліемъ, скотоводствомъ и мѣстными промыслами на водахъ и земляхъ, каждому *роду* назначенныхъ (35); инородцы ограждаются отъ взаимныхъ стѣсненій, какія могутъ происходить отъ перехода однихъ племенъ на земли, другимъ *племенамъ* принадлежащія для производства промысловъ безъ обоюднаго на то согласія (36). Безъ письменныхъ условій *съ обществами* о взятіи промысловъ въ оброчное содержаніе, русскимъ строго воспрещается селиться на инородческихъ земляхъ (37).

Употребленныя здѣсь выраженія: *племя, родъ, поколѣніе и общество* въ состояніи вызвать путаницу въ понятіяхъ отношеній кочевыхъ инородцевъ къ землѣ. Если они употреблены здѣсь въ однозначномъ значеніи, то они совершенно не соотвѣтствуютъ инородческимъ обычно правовымъ понятіямъ о *племенѣ, родѣ, поколѣніи и обществѣ*, и въ то же время находящіяся въ противорѣчьи съ опредѣленіями ихъ въ другихъ мѣстахъ того же положенія объ инородцахъ. Если же, употребляя ихъ, законъ имѣлъ въ виду различныя понятія, то нельзя не замѣтить, что опредѣленія закона въ данномъ случаѣ далеки отъ дѣйствительности. „Въ Минусинскомъ Округѣ земли инородцевъ Степной Думы соединенныхъ племенъ всѣ были обойдены общою окружною межею³⁾ затѣмъ „пройдена была только граница между землями Сагайскихъ и Абаканскихъ Инородцевъ“⁴⁾; да еще „земли Инородцевъ Тубинскаго рода обойдены въ 1878 году общою окружною межею“⁵⁾. Но обмежеваніе земель Тубинскаго рода не имѣетъ никакого практическаго значенія. Инородческія земли въ Минусинскомъ уѣздѣ являются разграниченными лишь между обоими племенами Сагайскими и Качинскими. Земли же между родами и поколѣніями (*кость*) въ предѣлахъ земель каждаго племени не раздѣлены. Каждый кочевой инородецъ волею занимаетъ землю въ предѣлахъ земель своего племени, если она не занята кѣмъ

¹⁾ Уст. о воин. пов. изд. 97, ст. 40.

²⁾ Матеріалы для изслѣд. земельл. и землеп. въ Забайкальской области; вып. 5 стр. 103 и слѣд.

³⁾ Матеріалы по земл. IV, 3 стр. 17.

⁴⁾ *ibidem*.

⁵⁾ *ibidem*.

либо ранѣ въ исключительное пользованіе. Только Салбино-Кайбальскій родъ Абаканской Инородной Управы владѣтъ опредѣленнымъ участкомъ земли; но это потому, что земли, занятыя этимъ родомъ, находятся вдали отъ сплошныхъ инородческихъ земель и окружены крестьянскими землями Идринской волости; но тѣмъ не менѣ Салбино-Кайбальская земля составляетъ часть земель Качинскаго племени, съ которымъ Салбино-Кайбальскій родъ объединенъ въ административномъ отношеніи.

Законъ признаетъ права кочевыхъ инородцевъ Сибири на занятія или земли *владѣніемъ*¹⁾, предоставляя имъ широкія права по пользованію землями; но право собственности²⁾ на земли кочевыхъ инородцевъ принадлежитъ государству.

Минусинскимъ кочевымъ инородцамъ, какъ Сибирскимъ обывателямъ Восточной Сибири, предоставляется свободное употребленіе лѣсовъ на всѣ ихъ надобности и на построеніе судовъ; имъ дозволяется расчистка лѣсовъ подъ пашни и сѣнокосы на слѣдующихъ условіяхъ: 1) желающій произвести расчистку въ дачѣ, обществу принадлежащей, долженъ испросить отъ общества сего дозволеніе, которое должно быть утверждено мѣстной полицією, а для произведенія расчистки на полосахъ, впускъ лежащихъ и никому не отведенныхъ, обязанъ испросить дозволеніе отъ Казенной Палаты, 2) установленіе, давшее дозволеніе, наблюдаетъ, дабы расчистки производились не внутри, а съ краю лѣсовъ и преимущественно въ тѣхъ дачахъ, гдѣ деревья по роду и качеству своему не могутъ быть годны и благонадежны къ другимъ важнѣйшимъ употребленіямъ, и чтобы, подъ предлогомъ расчистки не было лѣсамъ напраснаго истребленія. 3) Кто по сему дозволенію приведетъ землю въ совершенное удобреніе, тотъ расчищеннымъ участкомъ пользуется сорокъ лѣтъ неотъемлемо. 4) По истеченіи сорокалѣтняго срока, участки, расчищенные на земляхъ общественныхъ, обращаются въ пользованіе общественное³⁾.

Впрочемъ эти правила, кажется, нигдѣ совершенно не примѣняются⁴⁾.

Производство горнаго промысла на государственныхъ земляхъ, находящихся въ безсрочномъ общественномъ пользованіи кочевыхъ сибирскихъ

¹⁾ И авторы матеріаловъ по изслѣд. земл. Енис. губ. признаютъ, что въ Восточной Сибири права сельскаго населенія на занятія ими земли исчерпываются правомъ владѣнія и пользованія. V. 3 стр. 135. Мнѣ кажется, это не вѣрно въ отношеніи сельскаго населенія осѣдлыхъ инородцевъ. По § 20 устава объ управленіи инородцевъ въ Сибири 1821 г. помѣщенному въ гл. IV: права осѣдлыхъ : емельдѣльцевъ, „*владѣльцы*“, *нѣтъ по древнимъ правамъ своимъ инородцами земли утверждаются за ними*“. Древнія права инородцевъ на землю, кажется, не могутъ быть иными какъ право собственности на нее цѣлаго племени по *his primis occupationis*; въ этомъ правѣ осѣдлые инородцы и должны быть утверждены на занимаемой земли. Такое право осѣдлыхъ инородцевъ на земли забыто при изданіи правилъ „о поземельномъ устройствѣ *подворшившихся* на казенныхъ земляхъ губерній Сибири крестьянъ и *инородцевъ*“, 23 мая 1896 г. и 4 іюня 1898 г. Тотъ же взглядъ въ статьѣ М—нъ Позем. устр. и инор. вопр. на Алтаѣ. Право. 1902, № 39.

²⁾ Въ древнихъ актахъ это право именуется помѣщичьимъ: оно не даровано инородцамъ.

³⁾ Уст. Лѣсн. изд. 1893 г. стр. 401 и 407.

⁴⁾ По мнѣнію А. Корнилова въ книгѣ: „О нуждахъ и вопросахъ крестьянскаго дѣла. Прк. 1900 г. стр. 190“ что 401 ст. уст. лѣсн. не отмѣнена законнымъ порядкомъ и потому крестьяне и инор. Восточной Сибири не ограничены въ пользованіяхъ сами въ ихъ дачахъ.

инородцевъ, за исключеніемъ участковъ воздѣлываемыхъ или занятыхъ ими подъ какія либо хозяйственныя надобности, допускается на общемъ для свободныхъ казенныхъ земель основаніи безъ всякаго вознагражденія упомянутыхъ инородцевъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаяхъ, когда въ отводы, предоставляемые на сихъ земляхъ, должны войти участки воздѣлываемыхъ для какихъ либо надобностей—земель, горнопромышленники обязывались до приступа къ работамъ на поверхности или могущихъ повредить поверхность сихъ участковъ вступать съ владѣльцами оныхъ въ добровольныя соглашенія о вознагражденіи за причиненные ими убытки. Такія соглашенія подлежатъ утвержденію Начальника губерніи¹⁾.

Представляетъ глубокой практической интересъ вопросъ объ эксплуатаціи соляныхъ источниковъ на земляхъ кочевыхъ инородцевъ, такъ какъ обиліе соляныхъ озеръ въ Минусинскихъ степяхъ не мало способствуетъ развитію въ краѣ скотоводства, не говоря уже, о томъ что изъ нихъ добываетъ себѣ соль и степное населеніе, живущее въ массѣ натуральнымъ хозяйствомъ. Такъ какъ органы Казеннаго Управленія въ отношеніи горнаго промысла считаютъ инородческія земли Казенными, то къ солянымъ источникамъ, находящимся или открываемымъ на этихъ земляхъ, вполне примѣняютъ правила „о“ порядкѣ отдачи Казенныхъ соляныхъ источниковъ въ „частное содержаніе“ т. е. соляные источники на земляхъ кочевыхъ инородцевъ отдаются желающимъ съ торговъ²⁾. Само собою разумѣется, что отдача съ торговъ соляныхъ источниковъ влечетъ за собою приливъ на инородческія земли русскаго населенія, какъ имѣетъ тѣже послѣдствія производство на инородческихъ земляхъ другого горнаго промысла.

Такимъ образомъ въ значительной степени ослабляется сила правила, воспреещающаго русскимъ самовольно безъ условій съ инородцами селиться на ихъ земляхъ. Неудивительно, что русскіе все болѣе и болѣе врѣзываются въ инородческія земли, захватывая послѣднія и все болѣе и болѣе служивая пастбища, покосы и воды инородцевъ.

Крестьяне дер. Бородиной распахиваютъ склоны мпюческой горы Оглахты. Сосновые и Тополевые острова на р. Енисей, признанные Указомъ Енисейской Казенной Палаты отъ 4 октября 1860 г. № 5218 принадлежащими къ инородческимъ землямъ, сдаются нынѣ, какъ оброчная статья крестьянамъ дер. Комарковой. Вокругъ Минеральнаго озера Шира выросъ поселокъ-курортъ. Сами инородцы не могутъ взять себѣ въ толкъ, какъ это на тѣхъ земляхъ, которыя они искони считаютъ своими, гдѣ гуляли ихъ табуны и пасся ихъ скоть, возникли сооруженія, казенныя и частныя, и явились пашни. Они видятъ свое угнетеніе; нельзя его не чувствовать; но они не знаютъ, какимъ образомъ имъ надо защищать свои права и интересы.

Дѣлается же все это просто. Бородинцы распахиваютъ Оглахты, потому что степные склоны ея не находятся ни въ чьемъ исключительномъ владѣніи, почему распашка ихъ, повидимому, не стѣсняетъ пастбищъ. Незави-

¹⁾ Уст. Горн. изд. 1893 г. ст. 203.

²⁾ Горн. Уст. 626 и 640 ст. ст.

симо отъ этого табуны и скоть Бородинцевъ-крестьянъ и Толчанцевъ— инородцевъ гуляютъ по одной и той же степи и свободно переходятъ грань, не возбуждая пока споровъ. Но пользованіе инородцевъ Бородинскою степью является случайнымъ и временнымъ, такъ какъ табуны и скоть не постоянно тамъ живутъ; распашка же Бородинцами склоновъ Оглахты носить характеръ болѣе прочнаго завладѣнія, все значеніе котораго совершенно не создается инородцами.

Сѣнокосные острова на р. Енисеѣ представляютъ новую цѣнность. Здѣсь „у природныхъ русскихъ обывателей иная споровка: дѣлается заявленіе въ подлежащее казенное управленіе объ открытой казенной оброчной статьѣ. Новая оброчная статья снимается на планѣ; назначаются затѣмъ на нее торги. И берутъ съ торговъ у казны крестьяне инородческой Сосновый или Тополевый Островъ; а на слѣдующій годъ являются съ косами, имѣя въ рукъ квитанцію Казеннаго Управленія объ уплатѣ оброка. А нынѣ эти острова отведены въ надѣль крестьянамъ.

Минеральное озеро Шира, служащее цѣлебнымъ источникомъ, находится въ завѣдываніи мѣстнаго Управленія Государственными Имуществами; здѣсь выросъ русскій поселокъ-курортъ. Юрты инородцевъ, отказавшихся платить посаженную плату за землю подъ юртами, были снесены.

Мѣстнымъ Управленіемъ Государственными Имуществами изданы „Курортныя правила на озерѣ Шира“, а также въ порядкѣ 421—424 ст.ст. Общ. Губ. Учр. изданы 28 апрѣля 1900 года „обязательныя санитарныя правила на лѣчебномъ озерѣ Шира“. Миѣ кажется, что изытіе озера Шира, какъ и другихъ минеральныхъ источниковъ, изъ владѣнія инородцевъ должно слѣдовать порядкомъ, указаннымъ 354 ст. Устава Врачебнаго, при чемъ правила и обязательныя постановленія для нихъ должны быть изданы въ порядкѣ 356 и 360 ст.ст. того же Устава, но не въ порядкѣ 421 — 424 ст.ст. Общ. Губ. Учр.

Кажется, по отношенію къ инородцамъ, никогда не умирали способы Московской Руси, посредствомъ которыхъ добывалась земля для Великаго Государя. Забывается, что нынѣшніе инородцы такіе же вѣтроподданные Русскаго Императора, какъ и „природные“ обыватели русскаго государства, что обѣднѣніе инородцевъ, сокращеніе или уничтоженіе ихъ скотоводства и коневодства вредно отражается на интересахъ самого Государства, такъ какъ и въ настоящее время они являются лучшими знатоками мѣстныхъ условій: русскіе крестьяне и мѣщане, занимающіеся скотоводствомъ, учатся у нихъ; лучшіе табунные пастухи инородцы; и едва-ли еще оцѣнены надлежащимъ образомъ качества степной лошади, отличающейся выносливостью при самыхъ малыхъ затратахъ на ея содержаніе и уход¹⁾.

Къ существеннымъ правамъ кочевыхъ инородцевъ, наложившимъ своеобразный отпечатокъ на всѣ ихъ установленія и должности, необходимо

¹⁾ Сокращеніе инородческихъ земель отмѣчено всѣми авторами, касавшимися этого вопроса, напр. А. Яриловъ: Кизыльцы стр. 21, Мелецкіе Инородцы стр. 55. Право 1902 № 39 Поземельное устройство и инородческой вопросъ на Алтаѣ.

отвести право ихъ руководствоваться во всёхъ дѣлахъ обычнымъ правомъ: Степные законы пріемлются присутственными мѣстами въ основаніе въ сужденіяхъ о дѣлахъ инородцевъ; недостатокъ въ степныхъ законахъ при рѣшеніи дѣлъ дополняется общими узаконеніями. (32).

II.

Управление.

Въ Административномъ отношеніи Минусинскіе кочевые инородцы подчинены власти двухъ Инородныхъ Управъ: Аскизской -- Сагайцы и Абаканской -- Качивцы.

Подраздѣленіями управъ служатъ Роды; Роды же дѣлятся на Себки (кость, поколѣніе), или же участки, и на улусы.

Положеніе о сибирскихъ инородцахъ устанавливаетъ для кочевыхъ инородцевъ *Частное Управление*: по каждому улусу, Стойбищу или Роду, и *Общее*: по соединеннымъ стойбищамъ, улусамъ или Родамъ. (8). *Частное управление* составляютъ *Староста* и одинъ или два его помощника, и называется оно *Родовымъ управленіемъ* (10). *Общее Управление* составляютъ *Голова*, два или болѣе *выборныхъ* и, при письменномъ производствѣ, *письмоводитель*, называется это управленіе *Инородной Управой* (11).

Всѣ перечисленныя здѣсь должности выборныя; избраніе происходитъ на *общемъ собраніи родовичей* (12, 59).

Кромѣ письменоводителя Инородной управы, всѣ должностныя лица утверждаются въ должностяхъ губернаторомъ (12), и кромѣ письменоводителя всѣ отправляютъ должности безвозмездно и даже разъѣзды должны дѣлать по дѣламъ службы на своихъ лошадяхъ (114 и 193).

Допускаются выборы въ должности на опредѣленное или неопредѣленное время, пожизненно и наследственно (49, 58, 59); но при составленіи новой инородной управы изъ стойбищъ, не бывшихъ ранѣе въ общей зависимости, голова можетъ быть избранъ пожизненно или на срокъ, наследственный же выборъ не имѣетъ мѣста (60). Давая инородцамъ такое широкое право при опредѣленіи срока службы ихъ должностныхъ лицъ, законъ предоставилъ имъ руководствоваться степными обычаями, свойственными каждому племени.

Кромѣ перечисленныхъ установленій и должностныхъ лицъ въ Положеніи о Сибирскихъ инородцахъ изложены правила объ учрежденіи Степныхъ Думъ и Ярмочныхъ Старостъ. Степная Дума образуется чрезъ соединеніе многихъ родовъ въ одну общую зависимость (67). Степная Дума состоитъ изъ главнаго родоначальника и избранныхъ засѣдателей, число которыхъ зависитъ отъ принятаго обычая или признаваемой родовичами надобности. (68). Головы Инородныхъ Управъ по должности входятъ въ составъ Думы, какъ засѣдатели. (69). Обязанности Степной Думы состоятъ: 1) въ народосчисленіи; 2) въ раскладкѣ сборовъ; 3) въ правильномъ учетѣ всѣхъ суммъ и общественного имущества; 4) въ распространеніи земледѣлія и народной промышленности; 5) въ ходатайствѣ у высшаго начальства о пользахъ родовичей (72).

Письменное производство обязательно для Степныхъ Думъ (79).

Для облегченія инородцамъ вносить подати, при ихъ зимовьяхъ и вообще въ мѣстахъ извѣстныхъ окрестнымъ жителямъ могутъ быть учреждаемы ярмарки (106). Въ мѣстахъ, куда не предвидится возможности привлечь торгующихъ для составленія ярмарки, но гдѣ она была бы необходима для взиманія податей, — назначаются въ опредѣленное время.

Сугланы (107). Сугланъ есть ничто иное какъ *мирское собраніе инородцевъ*. Оно обращается въ ярмарку, если явятся торгующіе. (109). По прибытіи на ярмарку, инородцы избираютъ изъ своей среды старосту, который во время ярмарки наблюдаетъ за порядкомъ, разбираетъ *словесно* по степнымъ обычаямъ взаимныя инородцевъ жалобы и прибѣгаетъ къ правительству съ просьбами овсемъ, въ чемъ будетъ имѣть нужду (111). 1)

Въ Минусинскомъ уѣздѣ нѣтъ Степныхъ Думъ, какъ не учреждается ярмарокъ для сбора податей и не назначается для той же цѣли *суглановъ*. Самое слово „сугланъ“ минусинскимъ инородцамъ неизвѣстно. *Степныя Думы* были учреждены для забайкальскихъ бурятъ, но были введены и въ другихъ мѣстахъ, *Степныя Думы* замѣнили собою существовавшія до Устава объ управленіи сибирскихъ инородцевъ конторы. 1) Можно думать, что условія бурятской степной жизни и ихъ установленія въ началѣ прошлаго вѣка имѣли большое вліяніе на творца Устава объ управленіи инородцевъ въ Сибири; отъ нихъ позаимствованы и термины, неизвѣстные другимъ сибирскимъ инородцамъ, 2) какъ шуленга, тайша.

Хотя законъ устанавливаетъ для управленія *кочевыми* инородцами опредѣленные органы: Инородную управу и Родовое управленіе и не признаетъ такого значенія за сходами родовичей и за почетными инородцами, не исправляющими никакой службы (184), но податные интересы заставили отступитъ отъ строгаго проведенія этого начала; и не только податные интересы, — интересы самихъ кочевниковъ побудили допустить участіе мирскихъ сходовъ въ инородческомъ управленіи; отсюда: мирскіе сходы инородцевъ для выбора должностныхъ лицъ, для опредѣленія сборовъ на внутреннія повинности (201), для распределенія повинностей по Уставу о земскихъ повинностяхъ (129), для сбора податей (107), для удаленія порочныхъ членовъ изъ своей среды, для денежныхъ займовъ общественныхъ, (38), частныя складки и платежи за покупаемыя цѣлыми родами предметы продовольствія изъ казенныхъ запасовъ (197), для отдачи въ оброчное содержаніе промысловъ (38), для раздѣленія инородческихъ родовъ, для перечисленія инородцевъ изъ одного общества въ другое. (62) и по дѣламъ, касающимся поземельнаго устройства. 1)

1) Уст. о прям. нал. ст. 594 и слѣд.

1) Уст. объ Упр. Инор. въ Сибири 22 года § 114.

2) Ср. Полож. о Сиб. Инород. съ обычаями бурятъ въ Сборникъ Обычнаго Права Сибирскихъ Инородцевъ изд. Самоквасова. 1876 г., также Матер. по изслѣд. землеп. Иркут. Губ. т. II. вып. 2 стр. 30 и слѣд.

1) Выс. утвѣр. 4 іюня 1898 г. Мнѣніе Госуд. Совѣта по проекту правилъ о порядкѣ опредѣленія земельныхъ надѣловъ, разд. II ст. 3.

Тѣмъ не менѣе, признавая инородцевъ стоящими на низкой степени гражданского образованія, Положеніе о сибирскихъ инородцахъ не вводитъ мірскихъ сходовъ ихъ въ число органовъ управленія, какъ это признано 46 ст. Общ. Пол. о кр. за сельскими сходами, а 69 ст. того же Пол. за волостными сходами. Лишь лучшіе, признанные таковыми большинствомъ схода (121) или управляющіе инородцами по наслѣдству, призываются къ управленію, только богатые въ состояніи вынести безмездную службу, требующую значительныхъ расходовъ на разъѣзды и отвлекающую отъ собственныхъ дѣлъ.

Само собой разумѣется, что правительству удобнѣе вести дѣла съ болѣе культурными, привыкшими къ управленію богатыми родовичами, чѣмъ со сходомъ кочевниковъ, стоящихъ на болѣе низкой степени гражданского образованія и совершенно не понимающихъ условій и требованій культурнаго государства.

Такой взглядъ на инородцевъ привелъ къ необходимости оградить этихъ дѣтей степей отъ эксплуатаціи болѣе культурныхъ русскихъ обывателей. По этому продажа крѣпкихъ напитковъ въ стойбищахъ и на ярмаркахъ Сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ строжайше воспрещается; ¹⁾ отсюда воспрещеніе русскимъ селиться на инородческихъ земляхъ безъ письменнаго условія съ обществомъ, запрещеніе служащимъ чиновникамъ входить въ посредничество по торговлѣ съ кочевыми инородцами и ручаться за нихъ (104); а также вступать въ должныя обязательства съ ними (ст. 4 прилож. къ № 38 р. зд. II). На правительственные органы возложено наблюденіе, чтобъ торгующіе не брали подводу у инородцевъ, иначе, какъ по ихъ согласію и за условленную плату (185); чиновникамъ вмѣнено въ обязанность стараться дѣлать разъѣзды по дѣламъ службы по стойбищамъ инородцевъ, какъ можно рѣже (187—190), Конечно, все такія правила носятъ слѣды глубокаго архаизма, какъ и воспрещеніе производить съ нихъ сборы на содержаніе канцелярій полицейскихъ управленій (117).

Любопытны взгляды на инородческое управленіе, выраженные въ книгѣ: *„О нуждахъ и вопросахъ крестьянскаго дѣла, обнаруженныхъ при ревизіи крестьянскихъ учрежденій Иркутской и Енисейской губерній осенью 1899 года.“* Тогда были *„встрѣчены слѣдующіе спорные вопросы и недоразумѣнія, касающіеся управленія инородцевъ.“*

„По отношенію къ инородческимъ сугланамъ въ законѣ хотя и сказано что „сугланъ есть ничто иное, какъ мірское собраніе инородцевъ“ (ст. 108 пол. объ инор.) по совершенно не выяснено ни отношеніе суглановъ къ родовымъ управленіямъ и инороднымъ управамъ, ни отношеніе къ сугланамъ и ихъ приговорамъ или постановленіямъ крестьянскихъ начальниковъ и даже губернаторовъ, въ непосредственную зависимость отъ которыхъ поставлено, по закону, какъ утвержденіе выбранныхъ инородцами начальствъ, такъ и вообще принятіе тѣхъ или иныхъ мѣръ, касающихся управленія инородцевъ (ст. 118, 125, 222—224 Пол. объ инор.) Въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ практика въ управленіи инородцами и прежде значительно расходилась, и теперь расходится съ букввальнымъ смысломъ дѣйствующаго закона, быть можетъ, именно вслѣдствіе неопредѣленности и не-

полноты послѣдняго.

„Въ прежнее время до конца 80-тыхъ годовъ большею частью кочевыхъ инородцевъ Иркутской и Енисейской губерній завѣдывали Степныя Думы, составъ коихъ примѣнялся къ ст. 68 Учреж. объ инор., но предметы ихъ вѣдомства далеко выходили за предѣлы, указанные въ ст. 72 того же закона. Не ограничиваясь дѣлами *хозяйственными*, эти думы вѣдали всѣми частями инороднаго управленія и суда; имъ непосредственно подчинялись родовые старосты и улусные старшины, (изъ которыхъ послѣдніе вовсе не упоминаются въ законѣ), а Инородныя Управы, власть коихъ по закону соответствуетъ дореформеннымъ волостнымъ Управамъ, не существовали вовсе; онѣ были поглощены Стенными Думами.

„Порядокъ этотъ совершенно не соответствовалъ Полож. о Сиб. Инородцахъ, тѣмъ болѣе, что сами Стенныя Думы по закону были установлены лишь для забайкальскихъ бурятъ, не говоря уже о совершенно иной ихъ компетенціи (ст. 67—74 пол. объ инор.), а на практикѣ такимъ путемъ давался лишь большой просторъ произволу главныхъ родоначальниковъ и угнетеніи ими простыхъ инородцевъ. Поэтому Степныя Думы были упразднены распоряженіемъ Генералъ-Губернатора въ концѣ 80-тыхъ и началѣ 90-тыхъ годовъ въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ, а взамѣнъ ихъ были учреждены Инородныя Управы примѣнительно къ 55—63 ст. Пол. объ инор. При этомъ былъ возбужденъ общій вопросъ о реорганизациіи инородческаго управленія; при Иркутскомъ Губернскомъ управленіи была образована особая коммисія подъ предѣтельствомъ Управляющаго Иркутской губерніей статскаго совѣтника Петрова, въ составѣ: дѣйствительнаго статскаго совѣтника Измайлова, коллежскаго совѣтника Загоскина, коллежскаго совѣтника Бубякина, миссіонера о. Суханова и пшемоводителя Верхолонской Стеной Думы Лаушкина.

„Въ этой коммисіи, по мысли г. Загоскина, было предположено издать для инородческихъ управъ и родовыхъ управленій особую инструкцію, которая и была составлена той же коммисіей и одобрена Иркутскимъ Губернскимъ Управленіемъ, но не получила дальнѣйшаго движенія, вслѣдствіе введенія въ нее такихъ постановленій, которыя, не вытекая изъ дѣйствующаго полож. объ инородцахъ, требовали законодательнаго утвержденія.

„Отличительной чертой этой инструкціи было стремленіе дать преобладаніе надъ родовымъ управленіемъ и инородной управой родовому и инородному сходамъ—сугланамъ, при чемъ этимъ послѣднимъ давалось такое же значеніе, какое по положенію 19 февраля 1861 г. имѣютъ сельскій и волостной сходы. Между тѣмъ, въ положеніи о сибирскихъ инородцахъ сугланамъ *не дано никакого опредѣленнаго значенія въ административныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ инородцевъ. Онѣ лишь выбираютъ голову, членовъ инородныхъ управъ и родовыхъ старостъ*, при чемъ и эта обязанность суглановъ *точно не формулирована въ законѣ. Въ остальномъ роль суглановъ при инородной управѣ сводится скорѣе къ роли совѣщательнаго учрежденія безъ опредѣленныхъ правъ и обязанностей.* Изъ положенія объ инородцахъ не видно да-

же, могутъ ли сугланы производить учетъ избираемымъ ими должностнымъ лицамъ и на какой срокъ таковыя должны избираться. По положенію объ инородцахъ имъ не предоставлено самостоятельнаго права самообложенія на внутреннія повинности и нужды. Изъ сопоставленія статей 61, 108, 115, 116, 149, 150, 155, 196, 201 и 202 пол. объ инородцахъ и статей 12 (отд. III п. 1) и 35 (п. 2) учрежденія Сибирскаго можно заключить, что смѣты и раскладки инородческихъ повинностей должны составляться на основаніи ходатайствъ инородческихъ суглановъ (гдѣ нѣтъ степныхъ думъ)—въ Губернскихъ Управленіяхъ и затѣмъ разсматриваться и утверждаться Генераль-Губернаторомъ, который въ настоящее время передалъ это право, на основаніи закона 1 іюля 1895 г., въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ Губернаторамъ. „Не смотря однако на то, что проектъ инструкціи, выработанный въ 1886 г., предполагавшій дать сугланамъ опредѣленные права и значеніе, присущее сельскимъ и волостнымъ сходамъ, стался неутвержденнымъ и никакого дальнѣйшаго движенія не получилъ, — тѣмъ не менѣе на практикѣ сугланы и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пріобрѣли отчасти значеніеи даже организацію волостныхъ сходовъ. Такъ, наприм., въ Капсальской и Кудинской Инородныхъ управахъ сугланы собираются почти для тѣхъ же цѣлей, что и волостные и сельскіе сходы въ русскихъ селеніяхъ, и на нихъ составляются и провѣряются смѣты и раскладки повинностей, при чемъ составляются приговоры по той же формѣ, какъ и приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ, даже отмѣчается обыкновенно, что присутствовало не менѣе 2—3 лицъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, хотя, кто именно и почему считается имѣющимъ такое право.—установить безъ ближайшаго изученія дѣйствующихъ обычаевъ инородцевъ, невозможно. Сугланы бываютъ большіе и малые, при чемъ въ Кудинской управѣ первые составляются путемъ приглашенія одного выборнаго отъ каждыхъ 10 дворовъ, а вторые составляются изъ выборныхъ по одному отъ каждыхъ 100 дворовъ; созывъ же того или иного суглана зависитъ, повидимому, отъ произвола головы или Инородной Управы.

„Нѣкоторые крестьянскіе начальники запрещаютъ собраніе даже родовыхъ суглановъ безъ предварительнаго ихъ на то разрѣшенія, но такія распоряженія также не имѣютъ законнаго основанія.

„Во многихъ мѣстахъ возникли еще вопросы: 1) при какихъ условіяхъ приговоръ суглана можно считать законно состоявшимся и 2) кто можетъ отмѣнить неправильный или незаконный приговоръ. На первый вопросъ законъ не даетъ никакого отвѣта и даже никакихъ наводящихъ указаній. Въ настоящее время, при нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ, вопросъ этотъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могъ бы быть разрѣшонъ, быть можетъ, на основаніи существующихъ обычаевъ, которые одни могутъ теперь регулировать дѣятельность суглановъ. Въ виду сего приговоры суглановъ едва ли могутъ быть къмъ либо отмѣняемы по формальнымъ причинамъ. По существу же, въ 118, 202 и 222 статей пол. объ инородцахъ, каждый приговоръ можетъ быть отмѣненъ властью губернатора; но ни въ какомъ случаѣ къ приговорамъ инородческихъ суглановъ не могутъ быть примѣнены постановленія, изложенныя въ стат. 22—27, 61 и 69 времен.

пол. 2 июня 1899 г. Въ виду такого смысла приведенныхъ законоположеній, которыя однако не вполне усвоены многими изъ крестьянскихъ начальниковъ, я полагалъ бы полезнымъ разъяснить въ инструкціонномъ порядкѣ что впредь до пересмотра и измѣненія законовъ объ инородцахъ, приговоры суглановъ могутъ быть отмѣняемы лишь властью губернаторовъ по силѣ 222 ст. Пол. объ ивород.“¹⁾

Если бы приведенный взглядъ не имѣлъ практическаго значенія, если бы въ этой выдержкѣ не было обрисовано то положеніе, въ которомъ находится нынѣ управленіе сибирскими инородцами, то на немъ не слѣдовало бы совершенно останавливаться. Прежде всего здѣсь бросаются въ глаза явные недосмотры, отмѣченные мною курсивомъ. Самыя „недоразумѣнія“, мнѣ кажется, явились результатомъ того, что при разсмотрѣніи *let lata* примѣненъ методъ, который примѣняется обыкновенно при критикѣ *lex ferenda*.

Хотя сибирскіе инородцы и сохраняютъ особое управленіе, хотя, по выраженію Н. Коркунова, „можно только родиться инородцемъ, но нельзя имъ сдѣлаться“,²⁾ но существо и предѣлы власти, различнымъ установленіямъ въ губерніяхъ, областяхъ и уѣздахъ сибирскихъ присвоенной, вообще сохраняютъ свое значеніе и относительно инородцевъ, но образъ дѣйствій сей власти въ отношеніи къ инородцамъ имѣетъ особенныя примѣненія (134).

Этотъ *образъ дѣйствій* и изложенъ въ положеніи объ инородцахъ; власть правительственныхъ органовъ не можетъ быть расширена за предѣлы, очерченные закономъ. Законъ же опредѣленно говоритъ, по какимъ предметамъ требуется приговоръ общества, при чемъ эти приговоры безъ ревизіи и утвержденія правительственныхъ органовъ не могутъ быть приведены въ исполненіе. Инородныя племена потому поставлены въ обособленное юридическое положеніе, что рѣзко отличаются степенью культуры отъ общей массы подданныхъ. Здѣсь кроется причина того, что законъ не всегда регламентируетъ составъ инородческихъ мірскихъ сходовъ, не опредѣляетъ порядка ихъ дѣйствій и вообще не признаетъ его органомъ управленія подобно сельскому или волостному сходу. Нельзя забывать и того, что Сибирское положеніе, какъ и положеніе объ инородцахъ согласованы съ системой Свода, нарушенной по реформеннымъ законодательствамъ, къ которымъ принадлежатъ и общее Положеніе о крестьянахъ.³⁾

222 статья Полож. объ инор. изложена такъ: Губернаторъ обязанъ самъ лично, или чрезъ довѣреннаго чиновника по его выбору, одинъ разъ въ два года, посѣщать, стойбища инородцевъ или мѣста, съ которыми удобнѣе они могутъ имѣть сообщеніе, подробно входить въ дѣла ихъ, внимать ихъ жалобамъ и нуждамъ, доставлять удовлетвореніе, прекращать безпорядки, отсылать виновныхъ къ суду за злоупотребленія, или о чемъ нужно представлять высшему начальству.

¹⁾ Стр. 69—73. Курсивъ вездѣ мой.

²⁾ Н. Коркуновъ. Рус. Госуд. Право по 1 изд. 1893 г. ст. 253.

³⁾ Учрежд. для Управленія Сибир. губ. часть I § 307, часть II § 382 ч. III и ср. Полож. объ инор. съ прил. къ ст. 70 (прим.) учр. Сиб.

Вдѣя ли эта архаическая статья даетъ праву Губернатору отмѣнять мірскіе приговоры инородцевъ, касающіеся ихъ обычно правовыхъ интересовъ; казалось бы, правительственные органы, коимъ ввѣренъ надзоръ за инородческимъ управленіемъ, могутъ касаться только тѣхъ предметовъ, которые прямо указаны въ законѣ. Выборы и замѣщеніе должностныхъ лицъ (118), удаленіе ихъ (126), подати и повинности (196—204), казенныя продажи (206 и слѣд.), займы и наймы инородцевъ (38 прил.) подробно регламентированы закономъ, какъ регламентированы закономъ приговоры родовыхъ сходовъ объ отдахъ промысловъ въ оброчное содержаніе русскимъ промышленникамъ (38 прил. III.). Я не буду перечислять другихъ предметовъ, по коимъ законъ требуетъ общественныхъ приговоровъ инородцевъ, подлежащихъ ревизіи и санкціи того или другого правительственнаго органа власти, такъ какъ мнѣ пришлось бы много разъ повторяться. 222 ст. Пол. объ инор. помѣщена въ Наказъ Управленію Инородцевъ; она опредѣляетъ не нормальный порядокъ теченія дѣлъ, который установленъ 128—133 ст.ст., а исключительный—ревизионный; она имѣетъ въ виду не область обычно-правовыхъ интересовъ инородцевъ, а ихъ жалобы, ихъ нужды, злоупотребленія и преступленія должностныхъ лицъ и прежде всего чиновниковъ, отношеніе которыхъ къ инородцамъ такъ подробно регламентируетъ Наказъ, вмѣняя имъ въ обязанность дѣлать разъѣзды по стойбищамъ возможно рѣже: не болѣе раза въ два мѣсяца и никогда не требовать большого числа подводъ (188—190), и запрещая служащимъ чиновникамъ вступать въ торговое посредничество съ кочующими (104).

Если законъ стремился оградить инородцевъ отъ эксплуатаціи болѣе культурныхъ сословій, то въ то же время онъ не преминулъ установить строгую іерархическую подчиненность инородческихъ управленій правительственнымъ органамъ и обезпечить финансовые интересы Государства; отсюда непосредственное подчиненіе Инородныхъ Управъ Полиціи, замѣненной нынѣ Крестыянскими начальниками въ отношеніи *общаго наблюденія* за инородческимъ управленіемъ; отсюда учрежденіе ярмарокъ и мірскихъ собраній инородцевъ для сбора податей независимо отъ нормальныхъ органовъ общественной ихъ власти; отсюда право инородческихъ старшинъ на ежегодную награду отъ правительства за исправный платежъ подати, воспрещеніе инородческимъ должностнымъ лицамъ получать какое-либо вознагражденіе отъ родовой (114), и взысканіе податей не непосредственно съ инородцевъ, а съ родовыхъ управленій за весь родъ, какъ съ одного нераздѣльнаго лица. (143).

Такія начала Положенія объ инородцахъ не только опредѣлили характеръ дѣятельности общественныхъ инородческихъ органовъ власти, но повлияли на созданіе должностей, совершенно не предусмотрѣнныхъ закономъ. Ограждая инородцевъ отъ вмѣшательства правительственныхъ органовъ власти въ ихъ внутреннія дѣла, прямо не подчиненныя администраціи, ставя преграды для эксплуатаціи инородцевъ болѣе культурными сословіями, законъ въ то же время отдалъ инородческую массу полному произволу могущественныхъ ихъ богатѣй, изъ которыхъ выбираются и только могутъ выбираться ихъ выборныя власти.

Отвѣтственность, податная, одного за всѣхъ и заботы объ исправномъ поступленіи податей, въ связи съ отсутствіемъ указаній въ законѣ о способѣ ихъ взиманія, повели у Минусинскихъ Инородцевъ къ организациі должностей для взиманія сборовъ и къ раздѣленію нѣкоторыхъ *родовъ* на *участки*, съ *эсаулами* или *албазы* во главѣ, и къ сохраненію въ другихъ *родахъ* древнихъ родовыхъ дѣленій на *Сеѣки* или поколѣнія, кости, выбирающія для сбора податей своихъ эсауловъ, отвѣтственныхъ за свой сеѣкъ передъ *Родовымъ Старостой*, какъ послѣдній является отвѣтственнымъ за свой *родъ* передъ казной.

Отнеся проступки и преступленія, кромѣ возмущенія, намѣреннаго убійства, разбоя и насилія, дѣланія фальшивой монеты, похищенія казеннаго и общественнаго имущества и корчемства, къ исковымъ дѣламъ кочевыхъ инородцевъ, подлежащимъ разбирательству родовыхъ управленій, — законъ тѣмъ самымъ возложилъ на самихъ инородцевъ заботу объ огражденіи ихъ безопасности и поддержаніи благочинія и порядка. Отдаленность отъ населенія родовыхъ управленій и Инородныхъ Управъ повела къ созданію должностей *Улусныхъ старшинъ* и *десятниковъ*, на подобіе русскихъ сельскихъ старостъ и десятскихъ, и вызвала къ жизни *улусный міръ* и *улусный сходъ*, охраняющій безопасность своихъ членовъ и регулирующій экономическіе и правовые интересы ихъ членовъ, подобно сельскому міру и сходу.

Ограждая степное обычное право, законъ или совершенно устраняетъ письменность изъ производства Инородческихъ установленій, или же предоставляетъ вводить ее въ зависимости отъ возможности. Родовое Управленіе производитъ всѣ дѣла словесно (53); разбирательство въ родовыхъ управленіяхъ есть словесное и до письменныхъ просьбъ имъ дѣла нѣтъ (76). Инородная Управа состоитъ... и, ежели возможно завести письменоводство, дзъ письменоводителя (56).

Жизнь сдѣлала свое дѣло; отношенія степняковъ усложнились; они вышли изъ замкнутаго міра ихъ взаимныхъ и тѣсныхъ обычно-правовыхъ отношеній; сложный и разнообразный міръ переплетающихся отношеній нельзя фиксировать безъ письменной формы; и нынѣ всѣ дѣла въ установленныхъ закономъ общественныхъ учрежденіяхъ кочевыхъ инородцевъ производятся на письмѣ. Эта необходимость въ письменномъ производствѣ создала при Инородныхъ Управахъ цѣлый штатъ *помощниковъ письменоводителя* и писцовъ подобно тому, какъ это заведено въ Волостныхъ Правленіяхъ, а при *Родовыхъ Старостахъ, Родовыхъ или улусныхъ писарей*.

Такъ обычно-правовая жизнь кочевыхъ инородцевъ приспосабливается къ современнымъ условіямъ и требованіямъ культурнаго государства.

Такое приспособленіе Минусинскихъ кочевыхъ инородцевъ въ сферѣ общественнаго управленія въ современной стадіи его развитія составитъ предметъ дальнѣйшаго изложенія.

III.

Инородная Управа и Управскій сходъ.

Инородная Управа,—подобно волости, территориальное дѣленіе уѣзда сибирскихъ губерній; ¹⁾ территорию Инородной Управы составляютъ земли, находящіяся во владѣніи кочевыхъ инородцевъ.

Инородная Управа въ то же время, подобно Волостному Правленію крестьянъ, общественно-присутственное мѣсто кочевыхъ инородцевъ.

Аскизская и Абаканская Инородныя Управы состоятъ каждая изъ Головы, двухъ выборныхъ и письмоводителя; кромѣ письмоводителя въ канцеляріяхъ служатъ по нѣскольку писцовъ, подъ именемъ Помощниковъ Письмоводителя. При управахъ состоятъ по найму десятскіе.

Должности Головы и выборнаго замѣняются по выборамъ изъ лицъ „не моложе 21 года, имѣющихъ собственное хозяйство, не опороченныхъ судомъ, не оглашенныхъ въ дурномъ поведеніи, и не состоящихъ подъ судомъ“, (какъ это установлено 124 ст. Выборы происходятъ на Управскомъ Сходѣ, по выраженію закона: на общемъ сходѣ родовичей (118). Избранные утверждаются въ должности Губернаторомъ. Срокъ службы обыкновенно не опредѣляется (59); избранные служатъ до собственнаго заявленія о невозможности продолжать службу; отзывъ признается сходомъ уважительнымъ и взаимнъ отказавшагося избирается новое лицо. Напр. „Выборный Аскизской Инородной Управы Назаръ Орѣшниковъ проситъ уволить его отъ службы, такъ какъ таковую онъ далѣе относить не можетъ въ виду того, что когда его избирали въ эту службу, онъ жилъ въ семьѣ своего отца и одновременно съ утвержденіемъ въ должности, отдѣлился отъ отца, но наследства еще не получилъ, которое ему можетъ быть выдѣлено по инородческому обычаю чрезъ три года. Сознвая просьбу выборнаго Орѣшкова, мы единогласно постановили: Орѣшкова отъ службы уволить, а вмѣсто него избираемъ въ должность выборнаго Инородца Сагайскаго 2-й половины рода Крисена Федора Иванова Тодикова 45 л., неграмотнаго, знающаго русскій языкъ, который поведенія хорошаго, состоятельный, подъ судомъ не былъ и не состоитъ, и возложенную на него службу отнесетъ вполне исправно, въ томъ и подпишемся.“

По закону, письмоводителей принимаютъ и отставляютъ сами Степныя Управленія (127). Казалось бы, этотъ вопросъ не долженъ возбуждать сомнѣнія въ виду ясной и точной редакціи закона: только Инородныя Управы, какъ органы Степного Управленія, имѣютъ право принимать и увольнять управскихъ писарей, но административные правительственные органы не преминули вмѣшаться въ эту область. Голова и выборные отправляютъ свою службу безмездно. (114).

Уставъ объ управленіи инородцевъ былъ далекъ отъ того, чтобы создавать корпоративное устройство кочевыхъ инородцевъ; но онъ призналъ ихъ обычно-правовой строй—результатъ ихъ обособленной культуры и особыхъ условій степной жизни; а этотъ строй сохранилъ въ себѣ живые слѣды родового быта, при чемъ совмѣстная жизнь многихъ родовъ объединила ихъ интересы въ племенную корпорацію. Независимо отъ этого, съ одной

стороны интересы фиска, а съ другой—необходимость согласовать инородческое управление съ управлениемъ природныхъ обывателей Россіи привело къ тому, что въ настоящее время и юридически, и фактически Минусинскіе кочевые инородцы пользуются корпоративнымъ устройствомъ.

Управскій сходъ или общее собраніе родовичей Инородной Управы представляетъ собою все инородное племя: Аскизскій—Сагайцевъ и Абаканскій—Качинцевъ.

Законъ не опредѣляетъ состава, порядка дѣйствій и сроковъ созыва общаго собранія родовичей Инородной Управы. По грамматическому смыслу подъ *общимъ собраніемъ родовичей* надо понимать непосредственное участіе родовичей въ сходѣ. Но условія, въ которыя поставлено Инородческое Управление въ Минусинскомъ уѣздѣ, способствовали измѣненію такого порядка, и въ настоящее время *Аскизскій и Абаканскій Инородные сходы* *составляются изъ представителей родовъ и членовъ Управъ.*¹⁾

Село Усть-Абаканское, гдѣ находится Инородная Управа Качинцевъ, отстоитъ, напр., на 250 верстѣ отъ р. Стараго Юса, гдѣ кочуетъ Староюскій родъ; верстѣ 40 надо ѣхать русскими селеніями Новоселовской и Абаканской волостей. При такихъ условіяхъ, только наиболѣе богатымъ инородцамъ по силамъ участіе въ Управскомъ сходѣ.

Неудивительно, что степные обычаи Минусинскихъ инородцевъ превратили *общія собранія родовичей ихъ Управъ въ представительныя установленія, именуемыя управскими сходами.*

Въ нихъ участвуютъ, подъ предѣдательствомъ головы, выборные, родовые старосты всѣхъ родовъ управы и по два довѣренныхъ отъ каждаго рода родовича, удовлетворяющіе требованіямъ 124 ст. Пол. объ инор.

Такъ какъ въ Аскизской Управѣ 12 родовъ, а въ Абаканской—8, то Аскизскій управскій сходъ состоитъ изъ 39 родовичей, а Абаканскій—изъ 27, включая въ эти числа членовъ Управы и родовыхъ старостъ.

На Управскихъ сходахъ присутствуютъ и богатые родовичи; они принимаютъ участіе въ рѣшеніяхъ сходовъ; но ихъ подписей подъ приговорами не бываетъ; и въ самыхъ приговорахъ ихъ присутствіе на сходѣ не обозначается.

Составъ схода обозначается въ началѣ приговора послѣ обозначенія времени его засѣданія: „1900 года марта 15 дня. Мы, нижеподписавшіеся, Енисейской губерніи, Минусинскаго уѣзда, Аскизской Инородной Управы, Голова, двое выборныхъ, родовые старосты всѣхъ 12 родовъ и довѣренные отъ инородческихъ обществъ, бывъ сего числа въ общемъ собраніи въ нашей инородной Управѣ“ или: „1902 года января 23 дня. Мы, нижеподписавшіеся, Енисейской губерніи, Минусинскаго уѣзда, Абаканской Инородной Управы, Члены, Родовые Старосты и довѣренные отъ родовыхъ обществъ, бывъ сего числа въ нашей Управѣ на общественномъ Управскомъ сходѣ, гдѣ имѣли сужденіе о томъ...“

Можно думать, что на образованіе такого состава Управскихъ сходовъ

¹⁾ Также и у бурятъ. Мат. по изсл. земель. и хов. быт. сельск. нас. Иркут. губ. т. II вып. 2. стр. 32.

оказали вліяніе 48 ст. Полож. объ инор., гдѣ опредѣленъ составъ родовыхъ управленій. (Такъ какъ *родовое управленіе* состоитъ изъ старосты и одного или двухъ помощниковъ его изъ почетныхъ и лучшихъ родовичей, а Управскій сходъ долженъ представлять собою общее собраніе родовичей Управы, то отсюда недалеко до практики, установившей составъ этого общаго собранія родовичей, какъ съѣздъ родовыхъ управленій т. е. родовыхъ старостъ и его двухъ помощниковъ изъ лучшихъ родовичей. Практика эта сначала установилась въ Абаканской Инородной Управѣ, гдѣ помощникамъ родовыхъ старостъ нечего дѣлать; въ эту должность выборовъ не производится; довѣренныя же отъ родовыхъ обществъ являются лишь помощниками старосты на Управскихъ сходахъ, гдѣ имъ приходится поддерживать или отстаивать все, относящееся до интересовъ ихъ рода.

Нынѣ Крестьянскіе начальники измѣняютъ эту практику, предписывая родовымъ сходамъ производить выборы представителей въ управскіе сходы отъ богатыхъ, среднихъ и бѣдныхъ родовичей по 2. При отсутствіи въ законѣ указаній, кого считать богатымъ, кого среднимъ и бѣднымъ,—можно вообразить, какая происходитъ путаница въ степныхъ отношеніяхъ.

Управскіе сходы созываются Инородными Уравами, посылающими предписанія родовымъ старостамъ съ обозначеніемъ времени, на которое созывается сходъ.

Предсѣдателемъ Управскихъ сходовъ является *Голова*. Всѣ дѣла рѣшаются единогласно, и приговоры сходовъ записываются въ *книгу приговоровъ*.

Едва-ли нужно отмѣчать здѣсь, что часто письмоводитель Управы является душою собранія, его фактическимъ предсѣдателемъ и рѣшителемъ дѣлъ схода.

Слабость кочевыхъ инородцевъ къ спиртнымъ напиткамъ привела къ тому, что во время Управскихъ сходовъ вино льется рѣкой, и письмоводитель нерѣдко добивается одного, чтобы состоялось какое либо рѣшеніе, чтобы можно было написать приговоръ. Приговора пишутся въ формѣ крестьянскихъ мірскихъ приговоровъ.

Кругъ дѣлъ и степень власти Управскихъ сходовъ. При разсмотрѣніи предметовъ вѣдѣнія органовъ общественнаго управленія кочевыхъ инородцевъ необходимо всегда имѣть въ виду, что многія стороны степной жизни регулируются степными обычаями въ то время, какъ тѣ же стороны жизни „природныхъ русскихъ обывателей“ регламентируются закономъ, поэтому, кромѣ дѣлъ, ввѣренныхъ общему сходу родовичей Управы на основаніи различныхъ уставовъ и положеній, въ вѣдѣніи этого схода находится большая область предметовъ, отведенныхъ Положеніемъ о сиб. инородцахъ степному управленію по его обычаю.

Важнѣйшіе жизненные интересы кочевого населенія связаны съ *землей*; наиболѣе существенныя отношенія кочевыхъ инородцевъ къ правительственной власти связаны съ *отправленіемъ повинностей*; нечего и говорить о всей важности для населенія правильнаго отправленія *Суда*. И въ каждой изъ перечисленныхъ областей многія отношенія опредѣляются обычаями или обыкновениями кочевыхъ инородцевъ. Само собой разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ предоставилъ извѣстныя дѣла степнымъ обычаямъ, а по

степеннымъ обычаямъ тѣ дѣла ввѣрены *самостоятельному распоряженію Управскаго схода*, Упрвскій сходъ является со всѣми признаками распорядительнаго органа инородческаго управленія, осуществляющаго свои распоряженія чрезъ посредство исполнительныхъ органовъ Степного Управленія, какими являются по отношенію къ нему Инородная Управа и Родовой Староста.

Неудивительно, что Управскій сходъ подобно непреобразованному крестьянскому міру, представляется двуликимъ Янусомъ; съ одной стороны, законъ не причисляетъ его къ органамъ управленія; считаетъ таковыми лишь Инородную Управу и Родовое Управление; всѣ дѣла, по которымъ законъ требуетъ приговора Управскаго Схода, приводятся въ исполненіе лишь съ согласія правительственныхъ органовъ; съ другой стороны, благодаря тому, что законъ отказался регулировать многія стороны степной жизни, предоставивъ ихъ степному обычаю, Управскій сходъ въ силу этого обычая является въ глазахъ населенія распорядительнымъ органомъ власти, представляющимъ собою интересы всего племени.

Нельзя, конечно, проводить параллели между распорядительными органами Городскихъ и земскихъ учреждений, съ одной стороны, и управскимъ сходомъ, съ другой, въ виду глубокаго различія въ самой природѣ ихъ; но то обстоятельство, что приведеніе въ исполненіе многихъ постановленій Городскихъ Думъ и земскихъ собраний законъ поставилъ въ зависимость отъ утвержденія Правительственныхъ органовъ, не лишаетъ Думъ и Земскихъ Собраний значенія распорядительныхъ органовъ Городскихъ и Земскихъ общественныхъ учреждений. Точно также и то обстоятельство, что для кочевыхъ инородцевъ не сдѣлано закономъ исключенія по завѣдыванію земскими повинностями изъ правилъ, установленныхъ для Сибири 255—259 и 358—400 ст.ст. Уст. о зем. пов., не лишаетъ Управскихъ сходовъ значенія распорядительныхъ органовъ, такъ какъ есть область общественнаго управленія, въ которой Управскій Сходъ распоряжается вполне самостоятельно.

Сборы на внутреннія повинности для каждаго племени опредѣляются Степною Думою или, гдѣ нѣтъ оной, *общественнымъ приговоромъ Инородцевъ*. Прибавка къ сему исчисленію допускается не иначе, какъ по новому положенію Степной Думы, или *по новымъ общественнымъ приговорамъ*, съ утвержденія мѣстнаго Главнаго Управленія, т. е. Генераль-Губернатора (201, 202). Суммы, собираемыя на частныя повинности инородцевъ, хранятся въ Управахъ Инородцевъ и отпускаются на опредѣленные расходы родовымъ управленіемъ по третямъ.¹⁾

Исправленіе возведенныхъ уже общественныхъ зданій, или постройки новыхъ, *если инородцы сего пожелаютъ*, отопленіе и освѣщеніе ихъ, содержаніе школъ и покупка канцелярскихъ принадлежностей для Управъ возлагается на родовичей (116), а въ мѣстахъ, гдѣ введено письменное производство, и жалованіе письмоводителю, по точному опредѣленію со стороны Губернскаго начальства для каждаго мѣста, составляется раскладкою на родовичей (115).

¹⁾ Уст. о зем. пов. прилож. къ ст. 9 (прим.) II. ст. 4.

Такъ какъ введеніе письмоводства въ управахъ поставлено въ зависимость отъ возможности (56) и такъ какъ сборы на внутреннія повинности для каждаго племени зависятъ отъ инородческаго общественнаго приговора, то выраженіе закона „точное опредѣленіе со стороны губернскаго начальства жалованія письмоводителю“ долженъ имѣть, какъ мнѣ кажется, тотъ смыслъ, что приговоръ схода о размѣрахъ жалованія письмоводителю подлежитъ утвержденію Губернатора.

Участіе Управскаго Схода въ подушномъ земскомъ сборѣ выражалось въ правѣ схода распредѣлять раскладку этого сбора по родамъ, такъ какъ на основаніи 6 ст. Прилож. къ ст. 370 (прим.) Уст. о зем. пов. (Правила о раскладкѣ подушнаго земскаго сбора) раскладка уѣздная (окружная) распредѣляется по селовіямъ, по волостямъ и по *Инороднымъ Управамъ*; но не раздробляется по деревнямъ, по родамъ и наслегамъ, а тѣмъ менѣе по лицамъ; сіе раздробительное распредѣленіе предоставляется внутреннему мѣстному распорядку Городовому, волостному и *инородному самимъ обществъ*. Съ замѣной подушнаго земскаго сбора Губернскимъ земскимъ сборомъ съ земель участіе Управскаго схода въ раскладкѣ сбора съ земель между родами должно было бы удержаться въ силу того, что земли между *родами* въ обѣихъ Управахъ Минусинскаго уѣзда не подѣлены.

Однако вкладные листы на взиманіе съ кочевыхъ инородцевъ Государственной оброчной подати, введенной закономъ 19 января 1898 года взаменъ душевыхъ сборовъ, и Губернскаго земскаго сбора съ исчисленіемъ этихъ налоговъ по *каждому роду* отдѣльно, высылаются Казенною Палатою чрезъ Казначейство въ Инородныя Управы.

Управы немедленно созываютъ Управскіе сходы для новой раскладки между родами подлежащей взысканію суммы, которая сходомъ разверстывается для каждаго рода по числу бойцовъ или паличныхъ работниковъ въ каждомъ родѣ, руководствуясь свѣдѣніями о числѣ бойцовъ, сообщаемыми родовыми старостами и довѣренными родовыхъ обществъ.

Если при своихъ исчисленіяхъ раскладочныя коммисіи и Губернскія установленія могли пользоваться лишь фантастическими цифрами количества земли, находящейся во владѣніи каждаго рода, и потому произведенныя ими раскладки едва-ли могутъ претендовать на какую либо уравнительность, то и раскладки, производимыя Управскими сходами, страдаютъ другимъ недостаткомъ: число бойцовъ, показываемое старостами по каждому роду, является совершенно произвольнымъ.

Обыкновенно, одновременно съ раскладкою казенныхъ сборовъ производится и раскладка *между родами* мірскихъ повинностей, частныхъ, и расходовъ на наймы для отбыванія натуральныхъ земскихъ повинностей въ тѣхъ, конечно, случаяхъ, гдѣ эти повинности переложены въ денежные, какъ напр. на наемъ ямщиковъ взаменъ поставки обывательскихъ подводъ ¹⁾, содержаніе переправъ и наемъ земскихъ квартиръ.

Участіе Управскихъ Сходовъ въ отпращиваніи кочевымъ инородческимъ

¹⁾ 393 ст. Уст. о зем. пов.

населеніемъ подводной и дорожной повинностей объясняется, конечно, отда-ленностью мѣстныхъ Губернскихъ учреждений, многосложностью ихъ обязан-ностей и отсутствіемъ на мѣстѣ подчиненныхъ органовъ, освѣдомленныхъ въ до-статочной степени объ условіяхъ мѣстной жизни, о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ.¹⁾

По закону 4 июня 1898 года по проекту правилъ о порядкѣ опредѣле-нія земельныхъ надѣловъ и произв. позем. устр. раб. въ Сибири, кочевымъ инородцамъ по дѣламъ, касающимся поземельнаго устройства, предоставлено составлять сходы и постановлять на нихъ приговоры на одинаковыхъ усло-віяхъ съ осѣдлыми инородцами, которые наравнѣ съ крестьянами могутъ составлять сходы по каждому селенію особо. Дѣла, относящіяся до угодій, принадлежащихъ двумъ или нѣсколькимъ селеніямъ крестьянъ и инородцевъ, разрѣшаются по соединеннымъ сходамъ сихъ селеній.

Инородческія земли въ Минусинскомъ уѣздѣ отведены во владѣніе цѣ-лыхъ племенъ Качинцевъ и Сагайцевъ; земли между родами и селеніями не подѣлены. Поэтому о земляхъ, отведенныхъ во владѣніе цѣлаго племени, могутъ составлять приговоры общія собранія родовичей цѣлаго племени, ка-кими являются управскіе сходы.

Такъ какъ подробное раздѣленіе участковъ земель зависитъ отъ самихъ кочующихъ (34), и для перехода однихъ племенъ на земли, другимъ пле-менамъ принадлежащія, требуется взаимное согласіе племенъ (36), а всѣ исковыя дѣла инородцевъ подлежатъ разбирательству ихъ собственныхъ су-довъ (75), то отсюда понятно, почему Управскій Сходъ является распо-рядителемъ всѣхъ земель Инородной Управы.

Къ исковымъ дѣламъ инородцевъ отнесены и кражи на всякую сумму, грабежи безъ насилія, убійства ненамѣренныя; въ этой области инородцы предоставлены самимъ себѣ. Неудивительно, что, распорядясь инородчески-ми землями, Управскіе Сходы въ то время составляютъ опредѣленія и о мѣрахъ безопасности на этихъ земляхъ, отъ управскаго же схода зависитъ заключеніе условій съ русскими объ отдачѣ промысловъ въ оброчное содер-жаніе. Всѣ насущнѣйшіе интересы инородческой жизни находятъ свое отра-женіе въ приговорахъ Управскихъ сходовъ.

Въ Аскизской Инородной Управѣ—Управскій Сходъ утверждаетъ Ро-довые приговора о неимѣнныя препятствій со стороны инородческаго общества производить развѣдку и добычу ископаемыхъ на инородческихъ земляхъ; въ Абаканской Инородной Управѣ такіе приговора составляются родовыми схо-дами.

Приговоромъ 17 февраля 1901 г. Аскизскій Управскій сходъ принялъ слѣдующую мѣру борьбы съ конокрадствомъ: обязать инородцевъ, живущихъ по р. Базѣ, переселиться къ улусамъ Таштыпъ и Тардока, жителей Неми-ра къ селу Снявинскому, а инородцевъ, живущихъ на разныхъ заимкахъ,— переселиться въ пункты, болѣе заселенные жителями.

Надо знать мѣстныя условія, надо знать, какихъ гомерическихъ размѣ-ровъ достигло конокрадство и кража скота среди минусинскихъ инородцевъ,

¹⁾ Матеріалы по землепол. Енис. Губ. т. IV, вып. 5 стр. 160, 218, 288. О нужд. и вопр. крест. дѣла Иркутск. стр. 112. и слѣд.

надо знать ту безнаказанность, которую влечетъ за собою это преступленіе, благодаря тому, что законъ признаетъ всякую кражу между инородцами ихъ исковымъ дѣломъ, надо знать ту безнаказанную эксплуатацію русскими инородцевъ и ихъ земель,—чтобы понять все жизненное значеніе подобныхъ приговоровъ, не выходящихъ изъ предѣловъ власти Управскихъ сходовъ.

27 Мая 1901 г. Аскизскій Управскій сходъ поручетъ *Головъ Астъ-длакову въ присутствіи двухъ родовыхъ старостъ* произвести раздѣлъ покосовъ между инородцами управы („нами“) по р. Усть-Текъ въ мѣстности занятой инородцами улуса Бочигова. Тотъ же сходъ обязываетъ крестьянина д. Гудиной Бейской вол. Елисея Шишлянникова убрать всѣ постройки на инородческой землѣ къ 1-му октября 1901 г.

27—28 Сентября 1901 г. тотъ же сходъ возбуждаетъ ходатайство о возвращеніи инородцамъ неправильно перешедшихъ во владѣніе органовъ казеннаго управленія четырехъ сѣнокосныхъ участковъ.

При отдачѣ промысловъ въ оброчное содержаніе инородцами должны соблюдаться правила, приложенныя къ 38 ст. Пол. объ инородцахъ. Рыбныя ловли и сѣнокосныя луга могутъ отдаваться по согласію родового общества каждаго отдѣльнаго улуса, издревле ими владѣющаго. Это правило въ значительной степени ограждаетъ земельные интересы каждаго улуса. Земельные и промысловые интересы каждаго рода и въ родѣ каждаго улуса Управскими сходами свято соблюдаются; по крайней мѣрѣ въ книгахъ приговоровъ нельзя встрѣтить рѣзкихъ нарушеній интересовъ отдѣльныхъ улусовъ. Разселеніе инородцевъ, живущихъ по Базѣ и Непиру, приведенное выше, было принято, какъ крайняя мѣра въ борьбѣ съ величайшимъ бѣдствіемъ инородческой жизни—конокрадствомъ.

Въ предѣлахъ Инородныхъ Управъ Минусинскаго уѣзда мнѣ не пришлось встрѣтить примѣненія правилъ объ отдачѣ промысловъ въ оброчное содержаніе русскимъ, какъ они изложены въ приложеніи III къ ст. 38 Полож. о Сиб. Инор. а на основаніи примѣн. къ 9 ст. этихъ правилъ въ 171—187 ст.ст. Уст. о каз. сел. по своду 1857.

Такъ какъ измѣненіе 171 ст. Уст. казен. сел. вызвано необходимостью согласованія этого устава съ преобразованнымъ Общественнымъ Управленіемъ Государственныхъ крестьянъ въ Сибири (По продолж. Св. зак. 1890 г.) на основаніи общаго Полож. о крестьянахъ, между тѣмъ означенныя преобразования не коснулись Общественнаго Управленія Кочевыхъ Инородцевъ, то для послѣднихъ не могутъ быть признаны утратившими силу правила Устава о благ. въ каз. сел. объ отводѣ общественныхъ земель подъ разныя заведенія до сельскаго хозяйства и промышленности относящіяся и о мирскихъ оброчныхъ статьяхъ (ст.ст. 171—190, 197—207 изд. 1857).

Я не стану останавливаться на этихъ правилахъ, которыя, кажется, ни разу не были примѣнены въ Абаканской и Аскизской Инородной Управѣ. ¹⁾

¹⁾ Въ Матер. по изслѣд. земл. Енис. Губ. т. IV вып. 5 также не приведено случая отдачи кочевыми инородцами промысловъ въ оброчное содержаніе. Также у Ярилова: Кызыльцы стр. 101 в слѣд. нѣтъ указавій, чтобы Правила о каз. сел. объ отдачѣ общест. земель инор. находили себѣ примѣненіе.

Полож. объ инор. предусматриваетъ еще участіе мірскаго общества Управы въ общественныхъ займахъ и поручательствахъ. Члены Инородной Управы могутъ вступать въ поручительство по займамъ Инородцевъ или по собственной волѣ или по приговору всего мірскаго общества; въ послѣднемъ случаѣ отвѣтственность обращается на общество (ст. 7 разд. II прилож. къ ст. 38).

Всѣ займы общественные кочевыхъ инородцевъ, сдѣланные безъ дозволенія Губернскаго Начальства у частныхъ людей, признаются по общимъ законамъ ничтожными; иска по нимъ нѣтъ, и взысканіе нигдѣ не производится. (ст. 31, прав. о займахъ у Сиб. Инор.) само собой разумѣется, что такіе займы носятъ всѣ признаки римскихъ *poturales obligaciones*, и добровольная уплата по нимъ не можетъ влечь за собой возвращенія уплоченнаго. Займы общественные на взносъ податей и повинностей могутъ быть совершаемы не иначе, какъ по приговору цѣлаго общества и съ дозволенія Губернскаго начальства, обязаннаго принять во вниманіе: предметъ издержки, причины, побуждающія къ займу и состоятельность въ платежѣ. Гдѣ учреждены Стенныя Думы, тамъ только онѣ и имѣютъ право дѣлать общественныя займы для одного рода, нѣсколькихъ родовъ или для всѣхъ совокупно.

Такъ какъ въ Минусинскомъ уѣздѣ Степныхъ Думъ не учреждено, то такое право ея дѣлать займы должно принадлежать Управскому Сходу.

Круговое ручательство при общественныхъ обязательствахъ, должно быть утверждено подписью половины, или по крайней мѣрѣ третьей части жителей, состоящихъ въ обществѣ на лицо (о займахъ у Сиб. Инород. ст.ст. 18, 19, 27 и 28). При такихъ условіяхъ заключеніе условія представляется невозможнымъ, для племени, разбросаннаго рѣдкими поселками на пространствахъ сотенъ верствъ.

Неудивительно, что правила о займахъ у Минусинскихъ инородцевъ остались безъ примѣненія; но мнѣ кажется, никогда не оставалось податныхъ недоимокъ.

На основаніи 278 ст. Уст. о пор. прод. въ Аскизской Инородной Управѣ учреждены Утанскій, Большесейскій и Усть-Чульскій хлѣбозапасныя магазины; эти магазины служатъ не для одного опредѣленнаго улуса или селенія и устроены они не на средства одного или нѣсколькихъ улусовъ (10 и 29 ст. Уст. о пор. Прод.); они построены на общія средства всей управы; пополняются же они лишь инородцами хлѣбопашцами.

Аскизскій Управскій сходъ участвуетъ въ устройствѣ, поддержаніи и завѣдываніи этими магазинами, по правиламъ, установленныхъ Уставомъ Народнаго Продовольствія (10, 28, 38, 278—281).

Для примѣра приведу приговоръ 16 февраля 1899 года: объ осуществленіи вновь устроеннаго на Большой-Сеѣ общественнаго хлѣбнаго экономическаго магазина. Сходъ постановилъ: взять изъ Усть-Есинскаго магазина хлѣбъ сейскихъ жителей и перевести въ Сейскій, избрать для управленія магазиномъ вахтера, который долженъ принять 300 четвертей изъ Усть-Есинскаго магазина. Староста, жительствующій на Сеѣ, обязывается составить именной списокъ хлѣбопашцевъ, *желающихъ принять участіе въ засыткѣ* хлѣба въ свой новый сейскій магазинъ и обложить ихъ окладомъ

хлѣба по 6 гарнцевъ съ каждой души въ годъ, который собирать ежегодно осенью по уборкѣ съ поля хлѣба; принимать хлѣбъ въ магазины озимый: рожь, пшеницу, яровой: овесъ и ячмень, стараясь не допускать никакихъ недоимокъ.

Само собой разумѣется, такой порядокъ завѣдыванія хлѣбозапасными магазинами вызванъ тѣмъ, что законъ совершенно не регламентируетъ *улуспаго управленія* кочевыхъ инородцевъ, а *родовое управленіе* основано на личномъ подчиненіи, но *не территориальномъ*, болѣе отвѣчающемъ современнымъ условіямъ общежитія.

Минусинскіе инородцы—православные христіане; христіанство у нихъ было насаждено съ значительнымъ участіемъ общаго схода родовичей, принимавшаго на себя тѣ или иныя заботы по благоустройству и содержанію храмовъ и по содержанію причтовъ; и нынѣ Аскизскій и Абаканскій Инородные сходы принимаютъ участіе въ содержаніи церквей и причтовъ, находящихся въ предѣлахъ управъ, относя эти расходы къ мірскимъ повинностямъ.

Такимъ образомъ, Управскіе сходы касаются всѣхъ сторонъ инородческой жизни; въ глазахъ самихъ инородцевъ Управскій сходъ является высшимъ распорядительнымъ органомъ инородцевъ по всѣмъ дѣламъ ихъ внутренняго управленія.

Кромѣ должностныхъ лицъ съ признаками правительственной власти, членовъ Инородной Управы, утверждаемыхъ въ должности Губернаторомъ, Управскіе сходы избираютъ довѣренныхъ для веденія судебныхъ дѣлъ и ходатайствъ въ административныхъ учрежденіяхъ по всѣмъ имущественнымъ дѣламъ цѣлаго племени; они избираютъ повятыхъ для присутствованія при разсмотрѣніяхъ, уполномоченныхъ въ сѣздѣ и собранія, гдѣ могутъ быть затронуты инородческіе интересы, смотрителей хлѣбозапасныхъ магазиновъ, членовъ ревизіонныхъ комиссій для учета мірскихъ суммъ.

Всѣ приговора родовыхъ и улусныхъ сходовъ, требующіе расходовъ или затрогивающіе интересы племени, разсматриваются управскимъ сходомъ. Управскій сходъ возбуждаетъ ходатайства предъ правительственными властями о нуждахъ цѣлаго племени и отдѣльнаго рода; онъ же даетъ свое заключеніе по различнымъ запросамъ объ инородческихъ дѣлахъ со стороны высшаго правительства и отдѣльныхъ вѣдомствъ.

Уже одно то обстоятельство, что отъ Управскаго схода зависятъ выборы и увольненіе членовъ Управы и опредѣленіе размѣра содержанія ея письмоводителю, придаетъ ему большую силу, потому что при безмездномъ отправленіи инородческихъ выборныхъ должностей, при полномъ невѣжествѣ инородцевъ въ служебныхъ обязанностяхъ, выборная служба для каждого изъ нихъ является тягчайшей повинностью, отъ которой каждый стремится отдѣлаться какъ можно скорѣе.

Неудивительно, что по дѣламъ, рѣшаемымъ Управскимъ сходомъ, Инородная Управа является лишь его исполнительнымъ органомъ, хотя законодатель и не имѣлъ въ виду придавать Управскому сходу такого значенія. Государственная власть по закону не имѣетъ дѣла съ племенемъ и его представителями, а лишь съ должностными лицами, замѣщаемыми по выборамъ.

Законодатель лишь терпитъ общіе сходы родовичей въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ безъ нихъ нельзя совершенно обойтись, всѣ же права и обязанности правительственнаго органа онъ предоставляетъ Инородной Управѣ.

На ней лежить: 1) обнаруженіе и исполненіе всѣхъ предписаній высшаго начальства. 2) мѣры предупрежденія противъ повальныхъ болѣзней, скотскихъ падежей, пожара лѣсовъ и такъ называемыхъ паловъ или пожаровъ, происходящихъ отъ сожженія луговъ и полей. 3) свѣдѣнія о происшествіяхъ. По хозяйству: 1) Раскладка податей и повинностей, сборъ и взносъ ихъ въ казначейство, сборъ недоимокъ. 2) размноженіе хлѣбопашества. 3) Хлѣбные магазины. 4) Попеченіе о продовольствіи хлѣбомъ и солью. 5) Составленіе вѣдомостей по даннымъ формамъ. По суду: 1) Исполненіе опредѣленій высшихъ мѣстъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ и 2) Судъ по исковымъ дѣламъ инородцевъ въ качествѣ второй степени расправы словесной. (61).

Власть инородной Управы состоитъ въ надзорѣ за родовыми управленіями и въ мѣстныхъ распоряженіяхъ (153). Управа наблюдаетъ, 1) чтобы заковъ, обычай и обрядъ, правительствомъ утвержденные, исполнялись непремѣнно; 2) чтобы родовое управленіе дѣйствовало не иначе, какъ къ общей пользѣ и ни подъ какимъ видомъ не стѣсняло вѣранныхъ ему людей; 3) чтобы оно не упускало изъ вида нуждъ народныхъ, но и не увеличивало бы напрасно показанія о нихъ. (154). Она утверждаетъ показаніе о родовыхъ нуждахъ или же дѣластъ на нихъ свои возраженія, которыя и принимаются за основаніе съ отвѣтственностью Управы за всякій вредъ, происшедшій по ея винѣ (155). Она разсматриваетъ жалобы большаго числа родовичей на несправедливость родового управленія и со своимъ мнѣніемъ, подъ отвѣтственностью за справедливость, представляетъ по порядку (156). Она повѣряетъ счетъ людей и ведетъ общее народосчисленіе по вѣраннымъ ей родамъ (157).

Мѣстныя распоряженія Управы состоятъ: 1) въ точномъ исполненіи всѣхъ предписаній начальства; 2) въ понужденіи къ сбору податей; 3) въ сохраненіи благочивія и порядка; 4) въ охраненіи правъ инородцевъ отъ всякаго посторонняго стѣсненія и 5) въ розысканіяхъ, по особеннымъ случаямъ нужныхъ (158); такъ она должна изслѣдовать причины пожаровъ, событія убійства; и если заявлено подозрѣніе въ поджогѣ, а также въ случаѣ насильственной смерти, самоубійства и въ случаѣ смерти отъ недостатка продовольствія, управа должна доносить для дальнѣйшаго изслѣдованія мѣстной полиціи (160, 161).

До введенія въ Сибири Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II и Положенія о Крестьянскихъ Начальникахъ, Инородныя Управы по всѣмъ дѣламъ непосредственно подчинялись Окружному Полицейскому Управленію, съ которымъ должны были имѣть прямое и непосредственное сношеніе, и всѣ предписанія котораго должны были исполнять (128, 159). Обязанности Полиціи *по общему наблюденію* за инородческимъ управленіемъ и попеченіемъ о нуждахъ Инородцевъ перешли къ крестьянскимъ начальникамъ; на нихъ же возложено лежавшее на полиціи разрѣшеніе, въ качествѣ третьей степени словесной расправы, судебныхъ дѣлъ инородцевъ, подвѣдом-

ственныхъ ихъ родовымъ управленіемъ. ¹⁾

Если принять во вниманіе сложныя обязанности Инородной Управы, возложенную на нее отвѣтственность за всѣхъ и за вся, беспрекословное ея подчиненіе правительственнымъ органамъ, то вельзя удивляться тому, что положеніе ея по отношенію къ подчиненнымъ ей инородцамъ въ высшей степени щекотливое, такъ какъ по существу она является нисшимъ административнымъ органомъ, исполняющимъ предписанія высшаго начальства, а съ другой—она, связанная интересами со своими выборщиками—кочевниками, должна заботиться о пользахъ и нуждахъ послѣднихъ, совершенно неукладывающихся въ рамки созданнаго Сибирскимъ учрежденіемъ бюрократическаго строя, столь чуждаго всякому зародышу самоуправленія, и связанной съ послѣднимъ гарантіи личности.

Собственно говоря, Инородная Управа и Общее собраніе родовичей, какъ они опредѣлены въ Положеніи о Сибирскихъ Инородцахъ, не являются оригинальными учрежденіями, вызванными къ жизни условіями степной жизни; они вполнѣ были согласованы съ аналогичными крестьянскими установленіями Сибири. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить компетенцію Инородной Управы и мірскаго схода родовичей съ предметами и порядкомъ дѣйствій Волостного Управленія и мірскаго схода по „Сельскому Управленію тамъ, гдѣ не введено преобразованія общественнаго Управленія крестьянъ“. (Прилож. къ ст. 70 (прим.) Учрежд. Сиб. ст. 3 и 8).

Подобно Волостнымъ Правленіямъ, Инородная Управа являются Присутственными мѣстами и имѣютъ свою печать. Оригинальность Инородческаго схода обнаруживается не въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ закона, а тогда, когда подъ вліяніемъ степной жизни, ему приходится разсматривать и рѣшать дѣла, прямо не предусмотрѣнныя положеніемъ о сиб. инородцахъ, когда инородцамъ собственными средствами приходится бороться со злой волей человѣка и стихійными силами природы, гдѣ степняки предоставлены самимъ себѣ, и гдѣ только авторитетъ Управскаго схода бываетъ достаточно силенъ, чтобы принять ту или другую мѣру на пространствѣ всѣхъ земель Инородной Управы, мѣру, обязательную для каждаго инородца цѣлаго племени.

¹⁾ Врем. Полож. о крестъ. нач. ст. 35.

IV.

Родъ и родовое Управление.

Аскизская Инородная Управа, Сагайское племя, состоитъ изъ Родовъ: Белтирскаго, Кивинскаго, Кизильскаго, Ближне-Каргинскаго или Каргинскаго 1-й половины, Дальне-Каргинскаго или Каргинскаго 2-й половины, Койбальскаго, Карачерскаго, Кійскаго, Казановскаго, Изушерскаго, Сагайскаго 1-й половины и Сагайскаго 2-й половины.

Абаканская Инородная Управа, Качинское племя, состоитъ изъ Родовъ: Шалошина 1-й половины, Шалошина 2-й половины, Тубинскаго, Тинскаго, Староюсскаго, Бѣлюсскаго и Солбино-Койбальскаго.

Родъ и родовое управление кочевыхъ сибирскихъ инородцевъ представляются оригинальными установленіями въ ряду другихъ общественныхъ установленій русскаго Государства.

Каждый Родъ составляетъ самоуправляющееся общество Кочевыхъ Инородцевъ, объединенное податными и земельными интересами и обычно-правовой формой суда. Каждый родъ занимаетъ большинствомъ своего населенія опредѣленную хотя и неотграниченную отъ другихъ родовъ территорию въ предѣлахъ своей Управы. 1) Исключеніе составляетъ Солбино-Койбальскій родъ, земли котораго отграничены отъ земель крестьянъ дер. Большаго Телеку, Спасо-Преображенской, Галактіоновой и Большой-Салбы Идринской вол. (Всего длиннику 8 верстъ и поперечнику 3 версты 180 саж.) Это дѣленіе на Роды Минусинскихъ Инородцевъ имѣетъ въ настоящее время мало общаго съ *родовыми* бытомъ, какъ его понимаютъ историки Права.

Уже Палласъ въ 18 столѣтіи изображаетъ управление Качинцевъ, составляющихъ нынѣ Абаканскую управу и занимавшихъ тогда тѣ же земли, которыя они занимаютъ и нынѣ, слѣдующими чертами: „Кашинская орда занимаетъ самыя лучшія мѣста Красноярскаго Вѣдомства, то есть всѣ между Юсомъ и Енисеемъ, даже до Уйбату и Абакаву лежащія мѣста. Она раздѣлена на шесть волостей или аймаковъ, Шулошь, Татаръ, Кубанъ, Тубинъ, Мунчеть и Ястынь-Аймакъ, изъ коихъ въ каждой имѣется свой князецъ, поставленный отъ Красноярской канцеляріи, который, такъ какъ у всѣхъ татаръ собираетъ каждый въ своей волости ясакъ, учреждаетъ нѣкоторыя торжища, смотритъ за порядкомъ, впрочемъ изъ казны ничего за то не получаетъ, но самъ еще такъ, какъ и простой, съ себя ясакъ платитъ. Настоящихъ Кашинцевъ считаютъ нынѣ 1185 головъ, ясаку собираютъ 2196 рублей. Но на ихъ землѣ живутъ еще другія поколѣнія, числомъ 222 души, и собственно къ Кашинцамъ не принадлежатъ.“ 2)

Въ другомъ мѣстѣ своего путешествія Палласъ замѣчаетъ, что „Качинцы раздѣлены на извѣстные улусы, надъ коими поставляютъ главныхъ на-

1) Родъ однако не является территоріальной единицей, какъ думаетъ Е. К. Яковлевъ: Этногр. обоз. инород. населенія долины Юж. Енисея 1900. стр. 5.

2) Палласа Путешествіе Ч. I. пол. 1 стр. 565.

чальниковъ, коихъ называютъ они князьями, и коимъ они даютъ жалованіе. ¹⁾

130 лѣтъ тому назадъ Палласъ посѣтилъ Качинскихъ татаръ, кочующихъ и нынѣ въ тѣхъ же степяхъ съ лѣвой стороны Енисея по нижнему теченію Абакана, по ея притокамъ Камыштѣ и Уйбату, по Ташебѣ и по Бѣлому Юсу. И нынѣ Инородцы исполуютъ князьями своихъ родовыхъ старостъ; нѣкоторыя изъ названій, которыя при Палласѣ служили для обозначенія волостей, нынѣ служатъ обозначеніемъ родовъ Абаканской Инородной Управы, названія же другихъ родовъ, нынѣшнихъ, произошли отъ именъ народцевъ, вошедшихъ въ составъ современныхъ Сагайцевъ и Качинцевъ, какъ Койбалы, Сагаи, Кизылы, Белтары;

Терминъ „Родъ“ въ данномъ случаѣ внесъ только путаницу въ понятія, затемнивъ истинныя отношенія. Подъ прикрытіемъ этого термина, необозначающаго совершенно кровнаго родства или общности происхожденія отъ одного родоначальника, создалось то безправное положеніе, въ которомъ пребываютъ инородцы подъ властью своихъ князей—родовыхъ старостъ и родовичей—богатырей, въ зависимости отъ которыхъ находятся и сами князья.

Правда, Положеніе о инородцахъ признаетъ существующій родовой бытъ; оно, во первыхъ, признаетъ право наслѣдства должностей для тѣхъ лицъ, которыя по законамъ или обычаямъ каждаго племени должны почитаться ближайшими родственниками (122), во вторыхъ, управляющій родомъ пріемлется въ значеніи старшаго лица, какъ бы родъ составлялъ одно семейство. (139) Подобно Патріарху-родоначальнику родовой Староста обязанъ заботиться о благосостояніи, спокойствіи, довольствѣ и безопасности вѣрннхъ ему людей; онъ уже имѣетъ право взыскивать за маловажные проступки по обычаямъ каждаго племени и въ качествѣ домашняго исправленія (140).

Но круговороту современной жизни съ переплетающимися интересами государствъ и отдѣльных лицъ, съ правопорядкомъ, устанавливаемымъ въ предѣлахъ каждаго государства государственною властью, воздающею и охраняющею права физическихъ и юридическихъ лицъ, совершенно чужда идиллическая библейская и гомеровская власть домовладыкъ-патріарховъ и домовладыкъ-царей надъ ихъ родовичами, какъ ей чуждо и родство, являющееся послѣдствіемъ патріархальнаго родового строя, гдѣ только за единоплеменниками признавались права гражданъ, а чужаки могли быть лишь рабами гражданъ. Такъ какъ кочевые инородцы составляютъ въ Россійской Имперіи сословіе равной степени съ крестьянскимъ, то каждый кочевой иноходецъ въ своихъ правахъ состоянія ограждается государственною властью; уже это одно въ состояніи подорвать патріархальную идиллію родового строя, основанную на безусловномъ политическомъ и экономическомъ авторитетѣ родоначальника; къ тому же родоначальникъ, родовой староста, Минусинскихъ инородцевъ является съ ограничекою властью подчиненнаго и при томъ нисшаго органа управленія; и самая власть его основана не на освященныхъ

¹⁾ Палласа Пут. Часть II кн. 2 стр. 462.

вѣками обычаяхъ, а на Положеніи о Сибирскихъ инородцахъ, изданномъ Государственною властью, которая, конечно, менѣе всего имѣла въ виду закрѣпить навсегда обычно-правовой строй инородцевъ, замкнувъ ихъ въ степяхъ, и отказаться отъ своихъ задачъ управленія и охраны личности.

По Положенію объ инородцахъ, Родъ и родовое управленіе организуются не на началахъ кровнаго родства, а по числу семействъ, составляющихъ стойбище или улусъ. Каждое стойбище или улусъ, въ которомъ считается не менѣе пятнадцати семействъ, имѣетъ собственное свое родовое управленіе (46); а стойбище или улусъ, менѣе пятнадцати семействъ имѣющей, причисляется къ другимъ ближайшимъ (47).

Раздѣленіе инородческихъ родовъ допускается по отдаленности кочевьевъ и другимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, въ видахъ пользы инородцевъ или облегченія управленія ими, при чемъ отбираются чрезъ родовыя управленія подписки: отъ отдѣляющихся въ особый родъ инородцевъ въ томъ, что они отрекаются отъ всякаго домогательства на земли, остающіяся въ томъ родѣ, отъ котораго они отдѣляются, и отъ остающихся въ прежнемъ родѣ въ томъ, что они не будутъ протѣнзирь на земли, которыя отойдутъ въ пользованіе отдѣляющихся въ особый родъ. Въ такихъ обоюдныхъ подпискахъ должно быть означено: какія именно земли отходятъ къ отдѣляющимся инородцамъ, и какія остаются въ прежнемъ родѣ, а также ясно и подробно указаны мѣста, которыя будутъ составлять границы между этими двумя родами. Раздѣленіе Инородческихъ родовъ разрѣшается Генераль-Губернаторомъ (62).

Земли между родами не подѣлены до сего времени, поэтому упоминаемая здѣсь подписки имѣютъ лишь то значеніе, что ограждаютъ отдѣльныхъ инородцевъ въ пользованіи тѣми угодьями, которыя находятся въ ихъ исключительномъ владѣніи, какъ то мочагами, пашнями и покосами; тогда какъ степи и горы, не находясь въ чьемъ либо исключительномъ владѣніи, ничѣмъ не ограждены, и скотъ всего племени свободно бродитъ по сухимъ степямъ, покрытымъ кипрецомъ и полынью. Въ сухіе годы изъ отдаленныхъ родовъ сгоняютъ скотъ и табуны на зимовьи въ подтаежныя мѣста или мѣста, защищенные горами, гдѣ, благодаря природнымъ условіямъ, сохраняется на зиму въ трудныя для инородцевъ годы подножный кормъ для скота.

Частныя перечисленія кочевыхъ инородцевъ изъ одного рода въ другой разрѣшаются казенными палатами, вслѣдствіе просьбы инородцевъ, по увольнительнымъ и пріемнымъ свидѣтельствамъ, но не иначе, какъ въ составѣ цѣлыхъ семействъ, съ тѣмъ, 1) чтобы увольняемое семейство пополнило всѣ числящіяся на немъ по прежнему роду недоимки въ податяхъ и другихъ сборахъ; 2) чтобы слѣдующій съ перечисляющагося окладъ подати переносился въ новый родъ и взыскивался по тому числу душъ или работниковъ, какое въ перечисляемомъ семействѣ записано было въ прежнемъ родѣ при ревизіи; и 3) чтобы чрезъ родовыя управленія отбирались подписки отъ переходящихъ въ другой родъ инородцевъ въ томъ, что они не будутъ имѣть протѣнзирь на земли, которыми владѣли въ оставленномъ родѣ, а отъ инородцевъ, принимающихъ къ себѣ переселенцевъ, въ томъ, что они имѣютъ въ своемъ родѣ землю для надѣленія принимаемаго (62).

Если въ основу нынѣшнихъ родовъ Минусинскихъ инородцевъ и легли болѣе древнія организациі родового быта, то во всякомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что порядокъ раздѣленія родовъ и перечисленія инородцевъ изъ одного рода въ другой, установленный Положеніемъ объ инородцахъ, давно разрушилъ въ управленіи начала кровнаго родства, создавъ на мѣстѣ разрушенныхъ древнихъ родовъ административныя единицы, ничего общаго съ ними по самой своей природѣ не имѣющія, такъ какъ прочность родового строя зависѣла отъ кровной связи между членами рода и святости обычаевъ, а не отъ санкціи Государственной власти, установившей для образованія нынѣшнихъ родовъ опредѣленныя требованія и обряды и формы при раздѣленіи родовъ или при перечисленіи инородцевъ изъ одного рода въ другой.

Въ настоящее время у Минусинскихъ инородцевъ не семейство служитъ единицею при исчисленіи членовъ рода, а *бойцы, платящіе подати души*; въ томъ сказались фискальныя начала положенія объ инородцахъ. Съ другой стороны, роды ихъ далеки отъ всякой равномерности, которая такъ важна въ интересахъ управленія, и которую, надо думать, преслѣдовалъ законъ, установивъ родовое управленіе не менѣе какъ изъ 15 семействъ.

Въ Белтирскомъ родѣ 910 платящихъ душъ, а въ Кизыльскомъ 45. Въ Шалошиномъ 1-й половины родѣ 465 бойцовъ, а въ Солбино-Койбальскомъ родѣ—6. Я взялъ въ каждой Управѣ по самому многочисленному и самому малочисленному роду, чтобы яснѣе была видна неравномерность родовъ. Эти цифры приведены по даннымъ Управъ за вторую половину 1899 года; они могли немного измѣниться, но измѣненія не имѣютъ существеннаго значенія для дѣла, такъ какъ число бойцовъ, т. е. платящихъ душъ произвольно мѣняется каждую половину года, какъ увидимъ ниже; но тѣмъ не менѣе инородцы совершенно не исчисляють свои роды по семействамъ.

Еще служитъ единицей исчисленія отдѣльное хозяйство, но не при исчисленіи рода, а отдѣльнаго улуса, гдѣ родовичи различныхъ родовъ перемѣшались съ родовичами рода, занявшаго главную массу своего населенія землю, на которой расположенъ улусъ. Правда, употребляютъ иногда и слово „семейство“, на вопросъ: „сколько васъ?“, но обыкновенно смѣшиваютъ это понятіе съ понятіемъ отдѣльнаго хозяйства. По свѣдѣніямъ Абаканской Инородной Управы за 1899 годъ въ Солбино-Койбальскомъ улусѣ показано: 27 ревизскихъ душъ, 16 платящихъ душъ и 21 хозяйство или дворъ. Со словъ родового старосты Солбино-Койбальскаго рода Романа Кичигеева мною занесено въ мою записную книжку въ настоящемъ 1902 году, что въ Солбино-Койбальскомъ улусѣ, кромѣ инородцевъ Солбино-Койбальскаго рода, состоящаго изъ 7 бойцовъ, проживаетъ 9 семей Бирскаго рода; съ нихъ за землю ничего не берутъ, такъ какъ это члены той-же Абаканской Управы, къ которой принадлежатъ и Солбино-Койбалы; кромѣ нихъ здѣсь же проживаетъ 10 семей Сагайскихъ родовъ, съ которыхъ взимають по 50 коп. со двора. Солбино-Койбальскій родовой староста можетъ имѣть подобныя свѣдѣнія, такъ какъ весь его родъ живетъ въ одномъ улусѣ, особнякомъ отъ другихъ родовъ, на земляхъ, окруженныхъ со всѣхъ

сторонъ крестьянскими землями; нельзя не отмѣтить и того, что населеніе Солбино-Койбальскаго улуса по образу жизни и жизненнымъ условіямъ не отличаются отъ окружающихъ ихъ крестьянъ. Если же мы возьмемъ, напр., Шалошня 1-й или 2-й половины родъ, то увидимъ, что члены его расселились по всей Абаканской Управѣ въ 20 улусахъ, смѣшавшись съ членами другихъ родовъ; родовичи Бирскаго рода живутъ въ 22 улусахъ и т. д. Нужно еще имѣть въ виду, что не мало кочевыхъ инородцевъ проживаетъ среди крестьянъ. Такъ какъ родовое управленіе основано на *принципѣ личнаго подчиненія*, то родовому старостѣ приходится имѣть дѣло со всѣми инородцами своего рода, разсѣянными по всей управѣ и среди крестьянъ. ¹⁾

Надо принять во вниманіе, что инородцы легко и свободно перемѣняютъ мѣста своихъ кочевьевъ. Неурожай травъ, упадокъ промысла, напр., на Абаканѣ гонитъ другого на Иткуль, на Юсь. Конечно, онъ тамъ не получить сразу покосовъ, потому что они заняты ранѣе; но онъ свободно занимается тамъ рыболовствомъ, охотой, занимается въ пастухи, заводитъ скотъ, лошадей; и если ему удастся разбогатѣть, то онъ съумѣетъ сдѣлаться участникомъ и тѣхъ природныхъ благъ, которыя уже перестали быть предметомъ общаго пользованія, какимъ остается основное инородческое богатство—*стень*.

Эти свѣдѣнія мною приведены для того, чтобы можно было судить о томъ, при какихъ условіяхъ приходится отправлять свою службу наиболѣе близкой къ инородческому населенію власти—родовому управленію.

Родовое управленіе состоитъ изъ старосты и одного или двухъ помощниковъ его изъ почетныхъ и лучшихъ родовичей (48). Староста избирается или же наследуетъ это званіе по обычаямъ. Между своими родовичами онъ можетъ носить именованіе князья, зайсанга и проч., но въ сношеніяхъ съ правительствомъ во всѣхъ племенахъ онъ называется старостою (49). Въ помощники старостѣ назначаются инородцы всегда по выбору родовичей на опредѣленное или неопредѣленное время.

Кромѣ общаго правила,—что въ должности, замѣщаемыя по выборамъ Сибирскихъ инородцевъ, дозволяется избирать инородцевъ не моложе двадцати одного года, имѣющихъ собственное хозяйство, и не только не опороченныхъ судомъ и неоглашенныхъ въ дурномъ поведеніи, но и несостоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ (124),—кромѣ этого правила, законъ не даетъ другихъ указаній для опредѣленія пассивнаго избирательнаго права въ родовые старосты; онъ не даетъ также никакихъ указаній для опредѣленія активнаго избирательнаго права для участія въ собраніи для выбора старосты.

Само собой разумѣется, что выборы родового старосты должны производиться *общимъ собраніемъ* родовичей даннаго рода; для утвержденія старосты въ должности должны быть соблюдены тѣ же требованія, что и при утвержденіи членовъ Инородной Управы; между этими требованіями, конеч-

¹⁾ Приложение А. 2

но, должно быть соблюдено и то, чтобы онъ былъ избранъ по согласію болѣе, нежели половины родовичей (121).

Въ правилахъ объ отдачѣ разныхъ промысловъ въ оброчное содержаніе отъ сибирскихъ инородцевъ выражено требованіе, какъ уже изложено выше, отдавать рыбныя ловли или сѣнокосные дуга русскимъ промышленникамъ по согласію родового общества каждаго отдѣльнаго улуса за подписью не менѣе двухъ третей лицъ, платящихъ подати и повинности. Но это правило, какъ установленное для даннаго случая, не можетъ быть обязательнымъ для другихъ дѣлъ, разсматриваемымъ сходомъ, тѣмъ болѣе, что и это правило подлежитъ значительному ограниченію. Подати и повинности взимаются съ *бойца*; бойцомъ признается каждый инородецъ въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ; допустить, поэтому, участіе въ сходѣ лицъ, платящихъ подати и повинности въ возрастѣ отъ 18 до 21 года т. е. несовершеннолѣтнихъ, къ тому же въ массѣ неимѣющихъ никакого имущества и подчиненныхъ родительской власти, находилось бы въ совершенномъ противорѣчій съ духомъ закона, стремившимся допустить къ участію въ сходѣ, рѣшающемъ дѣла, затрагивающія существеннѣйшіе интересы инородцевъ, лицъ вполне сознающихъ и понимающихъ свои матеріальные интересы и все значеніе для инородцевъ промысловъ и покосовъ, къ тому же вполне самостоятельныхъ и независимыхъ

Въ родовыхъ сходахъ можетъ участвовать каждый самостоятельный инородецъ; инородческіе обычаи не знаютъ какихъ либо другихъ ограниченій, кромѣ ограниченія для лицъ, подчиненныхъ отеческой власти.

Подчиненные отеческой власти бойцы могутъ участвовать въ сходѣ лишь по порученію отца или за его отсутствіемъ, или же когда по его дряхлости веденіе всего хозяйства лежитъ на сынѣ или другомъ членѣ семейства.

Родовые сходы созываются Родовымъ Старостой; для схода выбирается наиболѣе населенный улусъ, занимающій центральное положеніе среди другихъ улусовъ рода. Особые нарочные посылаются старостой по улусамъ съ оповѣщеніемъ родовичей о мѣстѣ и днѣ родового схода. На сходъ ѣдутъ всѣ, кто только хочетъ или у кого есть свободное время; Родовой Сходъ это своего рода праздникъ для родовичей; вино обычный спутникъ сходовъ.

Родовой Староста, улусные старшины и эсаулы (сборщики податей) обязательно являются на сходѣ; ѣдутъ богатые, потому что они-то и являются рѣшителями родовыхъ дѣлъ; они же менѣе всего платятъ и податей и повинностей, потому что многіе изъ нихъ, какъ служившіе въ должностяхъ головы, выборнаго или Родового старосты, освобождены отъ всякихъ сборовъ. Бѣднякъ является на сходѣ съ затаенною мыслию перехватить стакавъ, другой винишка.

Онъ держится робко и въ сторовкѣ. Его часъ придетъ, когда пріѣдутъ къ нему взыскивать албанъ: подати и повинности. Составъ схода въ тѣхъ приговорахъ, которые подлежатъ представленію въ высшія учрежденія обозначается въ началѣ приговора; приговоры составляются по формѣ крестьянскихъ мірскихъ приговоровъ: „1902 года марта 12 дня. Мы, нижеподписавшіеся, Инородцы Енисейской губерніи, Минусинскаго уѣзда, Абаканской

Инородной Управы Бирскаго рода, бывъ собраны сего числа по распоряженію нашего родового старосты на родовой сходъ по разнымъ общественнымъ дѣламъ, явились на оный въ числѣ 72 человекъ домохозяевъ, имѣющихъ право участвовать на сходахъ, что составляетъ болѣе двухъ третей домохозяевъ нашего общества“. Если принять во вниманіе, что Минусинскіе инородцы совершенно не придають значенія возрасту, и вопросъ о количествѣ лѣтъ является для каждаго изъ нихъ въ большинствѣ случаевъ совершенно неразрѣшимымъ, то подъ „имѣющими право участвовать на сходахъ“ надо разумѣть родовичей-домохозяевъ, вѣрнѣе домовладыкъ, живущихъ самостоятельнымъ хозяйствомъ и имѣющихъ отеческую власть, аналогичную съ patria potestas древнихъ римлянъ, надъ своими домочадцами.

Въ законѣ нѣтъ указаній, при какомъ числѣ родовичей родовой сходъ долженъ считаться состоявшимся. Само собой разумѣется, при выборѣ родового старосты въ немъ не можетъ быть менѣе половины, а должно быть *болѣе половины* родовичей (121), какъ при отдачѣ промысловъ въ оброчное содержаніе должно быть *не менѣе двухъ третей родовичей*, платящихъ подати повинности (1 ст. правилъ объ отдачѣ промысловъ въ оброчное сод.) Но въ нужныхъ случаяхъ такія требованія закона обходятся объѣздомъ улусовъ Родовымъ Старостой, который въ мѣстахъ жительства отбираетъ голоса и подниси родовичей.

Вообще же родовые сходы считаются состоявшимися, сколько бы родовичей на него ни прибыло.

Сами родовичи заинтересованы въ томъ, чтобы на сходы являлось возможно болѣе инородцевъ, такъ какъ на родовыхъ сходахъ рѣшаются въ наиболѣе близкіе, наиболѣе кровные для нихъ вопросы; на этихъ сходахъ родовичами непосредственно обсуждаются всѣ стороны инородческой кочевой жизни.

Время созыва родовыхъ сходовъ приурочивается ко времени раскладки податей и повинностей и къ ихъ сбору, такъ что обыкновенно родовыхъ сходовъ бываетъ по четыре въ годъ: два весною и два осенью. Въ исключительныхъ случаяхъ, они созываются и въ другое время.

При разсмотрѣннн предметовъ вѣдомства родовыхъ сходовъ, какъ и при разсмотрѣннн предметовъ вѣдомства управскихъ сходовъ, необходимо имѣть въ виду, что одни изъ дѣлъ поручены разсмотрѣннн родового схода непосредственно самимъ закономъ; всѣ приговора родового схода по такимъ дѣламъ приводятся въ исполненіе или съ утвержденія высшихъ властей, или по соглашенію съ различными вѣдомствами; въ такихъ дѣлахъ словесному производству нѣтъ мѣста.

Прочія же дѣла, предоставленныя инородцамъ рѣшать по степнымъ обычаямъ, родовые сходы рѣшаютъ самостоятельно; здѣсь не соблюдается письменная форма, приговора не составляются, а родовой староста приводитъ рѣшенія схода въ исполненіе или непосредственно самъ или чрезъ другіе исполнительные органы, ему подчиненные: улусныхъ старшинъ, эсауловъ и проч.

Внутренняя жизнь инородческихъ обществъ мало доступна постороннему наблюденію: привыкли видѣть въ русскихъ постоянныхъ себѣ обидчиковъ,

инородцы воспитали въ себѣ большую неоткровенность относительно всего, что касается ихъ общественной обычно-правовой жизни; на чиновниковъ они смотрятъ, какъ на необходимое зло, и откровенны предъ ними бываютъ лишь тогда, когда со стороны міра послѣдуетъ на то санкція, а санкція эта послѣдуетъ тогда, когда общество убѣдится въ благопріятственномъ къ нему отношеніи.

1). Кромѣ родового старосты, Родовые сходы избираютъ ему помощниковъ, какъ въ Аскизской Управѣ—тяжёловъ, довѣренныхъ на управскіе сходы, уполномоченныхъ для веденія судебныхъ дѣлъ, понятыхъ для присутствованія при межеваніяхъ; во время же родовыхъ сходовъ избираются эсаулы, особые сборщики податей, и улусные старшины.

Объ избраніи помощниковъ родового старосты (тяжёловъ), довѣренныхъ на управскіе сходы, приговоровъ не составляется; какъ не составляются приговоры въ тѣхъ случаяхъ, когда избраніе лицъ производится для отпращиванія обязанностей въ предѣлахъ обычно-правовой жизни инородцевъ, когда избраннымъ лицамъ не предстоитъ имѣть дѣла съ органами правительственной власти.

2). Родовые сходы составляютъ приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ его, на основаніи прим. 3 къ ст. 205 Уст. о пред. и прес. прест.

3). Законъ требуетъ участіе родовыхъ обществъ при раздѣленіи Инородческихъ родовъ и при частныхъ перечисленіяхъ инородцевъ изъ одного рода въ другой, какъ уже изложено выше (62).

4). Участіе родового схода въ раскладкѣ податей и повинностей. Представляется не лишнимъ привести здѣсь, какъ сами инородческія установленія изображаютъ участіе сходовъ родовичей въ раскладкѣ податей и въ отпращиваніи Губернскихъ и мірскихъ повинностей.

По сообщенію Абаканской Инородной Управы крестьянскому начальнику 1 уч. Минусинскаго уѣзда отъ 20 ноября 1899 г. № 4837 ¹⁾ „Собираемая деньга съ инородцевъ въ казенные сборы сдаются управой въ Минусинское уѣздное казначейство два раза въ годъ за 1-ю половину въ мартѣ, и за 2 половину въ ноябрѣ мѣсяцѣ подъ установленныя квитанціи. Раскладка податей и повинностей производится такимъ порядкомъ: въ управу вызываются всѣ родовые старосты съ довѣренными отъ каждаго рода по два человека; а затѣмъ, въ присутствіи членовъ управы предъявляются имъ окладные листы Енисейской Казенной Палаты и смѣта о сборѣ денегъ на внутреннія повинности, согласно которыхъ и дѣлается раскладка на число наличныхъ работниковъ съ 18 до 50 лѣтняго возраста. Затѣмъ Управою выдаются каждому родовому старостѣ отдѣльныя предписанія съ поясненіемъ въ нихъ, *со сколькихъ душъ, сколько съ каждой души и сколько всего слѣдуетъ взыскать* и представить въ Управу. Родовые Старосты, получивъ эти предписанія, собираютъ въ одномъ изъ подвѣдомственныхъ имъ улусовъ Родовой Сходъ и, согласно предписанія Управы, съ добавленіемъ

¹⁾ Приложение А.

суммы означенной въ немъ денегъ на гоньбу и другія общественныя надобности, дѣлають свою раскладку; а затѣмъ *отъ себя пишутъ приказы на имя эсауловъ (сборщиковъ)*, которые и собирають подати и по сборѣ сдаютъ старостамъ, а старосты, за исключеніемъ денегъ, собираемыхъ на гоньбу и другіе улусныя расходы, сдаютъ въ Управу. Это дѣлается два раза въ годъ. Собранныя деньги на внутреннія повинности расходуются согласно смѣты, утвержденной Губернскимъ Правленіемъ, по которой собираются; но бываютъ случаи, когда отъ этихъ денегъ остаются деньги неизрасходованныя на нѣкоторыя надобности, означенныя въ смѣтѣ; тогда эти деньги зачисляются въ мірскія суммы, а затѣмъ расходуются на крупныя, непредвидѣнныя надобности общества по приговорамъ общества, ¹⁾ а на мелкія Управой.“

Мнѣ кажется, что смыслъ этой басни тотъ, что смѣты и раскладки, составляемыя или утверждаемыя, по принадлежности, правительственными органами сами по себѣ, а смѣты и раскладки, составляемыя затѣмъ Управскими и родовыми сходами—сами по себѣ. *Управа выдаетъ каждому родовому старостѣ отдѣльныя предписанія съ поясненіемъ въ тѣхъ, со сколькихъ душъ, сколько съ каждой души и сколько всего слѣдуетъ взыскать*; казалось, что управскій сходъ предусмотрѣлъ всѣ повинностныя нужды племени; онъ принялъ во вниманіе число душъ каждаго рода; онъ имѣлъ полную возможность соблюсти уравнительность въ раскладкѣ; если составленныя и утвержденныя правительственнымъ органомъ смѣты и раскладки были неуравнительны, то добавивъ къ нимъ суммы на внутреннія повинности, и разложивъ ихъ между родами съ такимъ расчетомъ, чтобы исправить допущенную правительственными органами неуравнительность, управскій сходъ могъ достигнуть большей правильности въ обложеніи. Между тѣмъ Родовой сходъ *добавляетъ суммы на гоньбу и другія общественныя надобности и дѣлаетъ свою раскладку*. Здѣсь въ этой раскладкѣ и смѣтѣ забывается предписаніе со сколькихъ душъ, сколько съ каждой души и сколько всего слѣдуетъ взыскать; впрочемъ нѣтъ, родовой староста знаетъ и помнитъ, сколько всего слѣдуетъ взыскать по управской смѣтѣ, потому что въ этой смѣтѣ онъ долженъ дать отчетъ Управѣ; требуемую для взноса въ казначейство сумму на казенные сборы онъ долженъ представить въ срокъ; слишкомъ рачительный надзоръ со стороны многихъ правительственныхъ органовъ за исполненіемъ требованія, выраженнаго въ 590 ст. Уст. о прям. нал., опредѣляющей обязанности родового старосты по взносу ясака. (Обязанность эта состоитъ въ томъ, чтобы предъ наступленіемъ назначеннаго къ платежу податей времени имѣть въ сборѣ деньгами полное количество сбора по положенію).

Какъ ранѣе инородцы въ каждомъ родѣ имѣли право расчисленный по числу работниковъ ясакъ уравнивать между собою по сословіямъ, ²⁾ такъ нынѣ и родовому сходу принадлежитъ право распределенія между членами

¹⁾ Управскій сходъ.

²⁾ Ст. 587 Уст. о прям. нал.

рода государственную оброчную и поземельную подати, замѣнившими по силѣ IV отд. правилъ 19 января 1898 года о замѣнѣ подушныхъ сборовъ госуд. оброчн. и позем. податями ясака и другіе душевые сборы.

Распорядку родового схода принадлежитъ на основаніи 6 ст. правилъ о раскладкѣ подушнаго земскаго сбора распределеніе этого сбора между родовичами.

Такъ какъ внутреннія повинности установлены 201 ст. Пол. объ инор. для всего племени, то добавленія со стороны родовыхъ сходовъ на гоньбу и другія повинности не находятъ себѣ основанія въ законѣ.

Родовому сходу принадлежитъ еще производить складки и платежи за покупаемые цѣлыми родами предметы продовольствія изъ казенныхъ запасовъ (197).

Въ матеріалахъ по изслѣд. землепользованія и хозяйственнаго быта сельск. населенія Енисейской губ. слѣдующимъ образомъ описанъ разсматриваемый мною распорядокъ у инородцевъ: 1) „раскладка сборовъ у инородцевъ производится по родамъ: казенной палатой нечисляются платежи на каждый родъ особо; также между родами разверстывается сборъ на содержаніе управы; въ большинствѣ родовъ къ этому присоединяются еще и родовые сборы. Исключеній изъ общаго правила особой разверстки для каждаго рода встрѣчаются два: въ Мелецкомъ вѣдомствѣ 2) оба рода, Мелецкій и Кизильскій, раскладываютъ всѣ сборы сообща; наоборотъ, въ одной, 2-й, половинѣ Сагайскаго рода дѣлается двѣ особыхъ разверстки: для живущихъ вблизи Думы 3) соединенныхъ племенъ и для живущихъ въ отдаленіи. Во всѣхъ случаяхъ платящей душой является дѣльный работникъ, обыкновенно, возраста 18—50 лѣтъ; такой дѣльный работникъ относитъ всѣ сборы и натуральныя повинности. Только въ Дальнекаргинскомъ родѣ Сагайской Степной Думы, имѣются полубойцовыя души, подростки на 18 году, относящіе половинный окладъ всѣхъ податей, да въ Бирскомъ и Бѣлоусскомъ родахъ, Абаканской Управы, есть категорія „отставныхъ“ душъ, куда зачисляются вдовы и старики, ведущіе самостоятельное хозяйство; отставныя души уплачиваютъ только накладку—по 1 р. каждая.

Исчисленіе наличныхъ работниковъ, подлежащихъ обложенію, въ нѣкоторыхъ родахъ не можетъ быть сдѣлано точно, вслѣдствіе раскиданности населенія. Приходится, поэтому, вмѣсто раскладки по наличнымъ душамъ, разверстывать сборы по числу ревизскихъ (Соединенная Дума разнородныхъ племенъ). Исчисленная такимъ образомъ норма собирается, однако, съ наличныхъ работниковъ, и такъ какъ число послѣднихъ больше числа ревизскихъ, то въ результатѣ естественно образуется нѣкоторый переборъ, поступающій, вѣроятно, въ доходъ сборщиковъ и родовыхъ властей. Бываетъ такое превышеніе числа платящихъ надъ числомъ раскладочныхъ—наличныхъ

1) т. IV, вып. 5 стр. 288 и 289.

2) Сосѣдняго Ачинскаго уѣзда.

3) Когда производились изслѣдованія (1890—1892 г.) еще не была упразднена Сагайская Степная Дума соединенныхъ разнородныхъ племенъ, замѣнъ которой затѣмъ была учреждена Аскизская Инородная Управа.

душъ и въ тѣхъ родахъ, гдѣ учетъ послѣднихъ дѣлается довольно точно: излишнее поступленіе въ этомъ случаѣ идетъ на мірскія надобности. (Староусскій родъ, Абаканской Инородной Управы).

„Самая разверстка податей и другихъ сборовъ дѣлается или сугланомъ родовичей, или только сборщиками-эсаулами. На сугланъ съѣзжаются кто хочетъ: изъ ближнихъ улусовъ почти каждый взрослый и изъ дальнихъ по 1, по 2 человека (Мелецкая Управа); реестры душъ ведутся въ этомъ случаѣ родовымъ управленіемъ, и сугланъ только исправляетъ ихъ. Если же сборъ производится чрезъ эсауловъ, то и въ учетѣ душъ—главной работѣ при раскладкѣ—естественно, они только и принимаютъ участіе. Такой порядокъ, повидимому, практикуется въ Абаканской инородной Управѣ, гдѣ встрѣчаются расходы (Шалопинъ родъ 2-я половина) на содержаніе эсауловъ во время раскладки. Учетъ того или другого эсаула дѣло трудное, такъ какъ плательщики одного эсаула раскиданы на всемъ пространствѣ инородческихъ кочевьевъ, иногда за сто и болѣе верстъ отъ мѣста его жительства. По объясненію инородцевъ (Бирскій родъ, Абаканской Управы), каждый эсаулъ собираетъ въ одномъ „колѣнѣ“ своего рода; связь между входящими въ данное колѣно наследственная, а не территориальная.“

Уже выше было замѣчено, что общественная служба для каждого инородца является тягчайшей повинностью, отъ которой каждый стремится отдѣлаться, какъ можно скорѣе. Привыкшіи имѣть дѣло со своими стадами, упростившіи до безконечности свои отношенія къ людямъ, ограничивающій свои сношенія съ людьми крайнею необходимостью.—степнякъ, избранный въ отвѣтственные должности Головы, выборнаго Управы или родового старосты, становится вдругъ въ круговоротъ непонятныхъ ему, часто совершенно чуждыхъ отношеній, разобраться въ которыхъ ему не подъ силу и благодаря низкому развитію, и благодаря глубокому невѣжеству, а еще въ большей степени, благодаря своимъ культурнымъ особенностямъ, воспитаннымъ степною жизнью и историческимъ прошлымъ.

Въ награду за безмездную службу въ общественныхъ должностяхъ бывшіе головы, выборные, старосты, эсаулы, тязелы и др. освобождаются отъ податей и повинностей: кто на полгода, кто на годъ, а кто и на весь остальной періодъ его жизни. Нерѣдко хитроумный 40 лѣтній Улиссъ приводитъ на сходъ своего 13—15 лѣтняго сына и предлагаетъ обществу самого его по старости освободить отъ податей, а такую взимать съ сына. Общество соглашается; въ выгоду остается хитроумный Улиссъ; подать съ его сына будетъ сходить не болѣе 5 лишнихъ лѣтъ, а то двухъ-трехъ, а онъ самъ освобождается на 10 и часто болѣе лѣтъ.

Освобожденіе отъ податей и повинностей не лишаетъ освобожденныхъ права участвовать на сходахъ. Само собой разумѣется, что бывшія должностныя лица, какъ болѣе опытные въ дѣлѣ управленія, являются на сходахъ рѣшителями всѣхъ дѣлъ въ ущербъ интересамъ всей инородческой бѣдной массы.

Родовымъ сходомъ въ смѣты вносятся всѣ тѣ расходы, которые вызываются интересами рода и не только интересами рода...

Въ приведенной изъ „Матеріаловъ по изсл. земл. въ Енис. губ.“ выпискѣ сообщается, что во 2-й половинѣ Сагайскаго рода дѣлается двѣ особыхъ развертки: для живущихъ вблизи и для живущихъ въ отдаленіи; эти „двѣ особыхъ развертки“ вызываются тѣмъ обстоятельствомъ, что для взиманія сборовъ съ живущихъ въ отдаленіи необходимы къ нимъ поѣздки, вотъ расходы на поѣздки и накладываются на *живущихъ въ отдаленіи и разверстываются между ними.*

По словамъ автора статьи: Современный сборъ податей (албанъ) у Минусинскихъ инородцевъ²⁾, на родовыхъ сходахъ къ сборамъ съ инородцевъ причисляются сборы за порохъ, пріобрѣтенный чрезъ родовыхъ старостъ отдѣльными охотниками, страховые сборы за имущества отдѣльныхъ инородцевъ, застрахованныя по обязательному страхованію, и за магазинный хлѣбъ, пріобрѣтенный родовыми старостами взаменъ хлѣба, который должны внести въ магазинъ приписанные къ нему занимающіеся хлѣбопашествомъ инородцы. Сообщенныя въ этой статьѣ свѣдѣнія относятся исключительно къ Аскизской Инородной Управѣ, гдѣ авторъ служилъ письмоводителемъ. Въ родахъ Абаканской Инородной Управы не встрѣчается нынѣ такихъ „частныхъ“ повинностей; можетъ быть потому, что здѣсь нѣтъ хлѣбозапасныхъ общественныхъ магазиновъ и не развитъ охотничій промыселъ.

Впрочемъ, ручаться за все нельзя, такъ какъ родовыя смѣты не облекаются въ письменную форму, улусные писаря не знаютъ инородческаго языка, и не такъ-то легко постигнуть и выяснить тѣ соображенія, на основаніи которыхъ родовые сходы приходятъ къ тѣмъ выводамъ, которые затѣмъ облекаются родовыми старостами въ форму приказовъ на имя эсауловъ или старшинъ: „приказываю тебѣ собрать съ подчиненныхъ тебѣ инородцевъ моего рода къ подачѣ за такую то половину такого-то года по столько-то рублей съ cadaго, которые и привези мнѣ къ такому-то числу“.

Каждой платящей душѣ—„бойцу“—приходится уплачивать денежныхъ сборовъ отъ 5 до 7 рублей въ годъ.

При составленіи Управской смѣты и раскладки число бойцовъ въ каждомъ родѣ принимается на основаніи показаній родового старосты и довѣренныхъ отъ родовъ. Такъ какъ старосты являются особенно заинтересованными во всемъ, что касается сбора податей и повинностей, въ виду лежащей на нихъ отвѣтственности за несправный сборъ, то обыкновенно Родовые Старосты не показываютъ истиннаго даже приблизительнаго числа бойцовъ въ своихъ родахъ, а уменьшаютъ это число въ зависимости отъ условій, въ которыхъ находится родъ въ данное время, условій, влияющихъ на успѣшный сборъ податей: неурожай травъ, низкія цѣны на скотъ, проживание большаго числа бойцовъ внѣ мѣстъ поселенія своего рода, по русскимъ селеніямъ и т. д.

На родовыхъ сходахъ число „бойцовъ“ принимается на основаніи показаній эсауловъ и старшинъ, при чемъ принимаются во вниманіе также

1) Восточ. Обзор. 1902 г. № 133, 134 и 137.

всѣ условія, вліяющія на успѣшный сборъ податей, и расходы, вызываемые ихъ взиманіемъ, какъ то поѣздками по русскимъ селеніямъ, по отдаленнымъ кочевьямъ и проч.

Блестящій результатъ всѣхъ выкладокъ и соображеній степныхъ родовичей скажется впослѣдствіи въ рапортахъ и представленіяхъ чивовъ различныхъ вѣдомствъ своему начальству: „на инородцахъ недоимокъ нѣтъ!“

Въ большихъ родахъ замалчивается для этой цѣли по сту и болѣе „бойцовъ“; по это не значитъ, что съ нихъ не будутъ взысканы сборы; съ нихъ взыщутъ также, какъ и со всѣхъ, неосвобожденныхъ сходомъ родовичей; можетъ быть, съ нихъ взыщутъ позже, уже послѣ того, какъ начальство получитъ рапорты: „на инородцахъ недоимокъ нѣтъ!“; но съ нихъ непременно взыщутъ и въ томъ размѣрѣ, какой опредѣленъ на родовомъ сходѣ, да еще съ прибавками за промедленіе и за хлопоты по взысканію...

5) На Управскомъ сходѣ производится учетъ родового старосты, улусныхъ старшинъ и эсауловъ.

6) Хотя земли между родами не подѣлены, но каждый родъ считаетъ себя вправѣ распоряжаться землями, занятыми главною массою его членовъ, и составляетъ въ случаѣ надобности о такихъ земляхъ приговора, представляемые въ Инородную Управу. Право родовъ на занятія ими земли признано закономъ, а именно правилами объ отдачѣ разныхъ промысловъ въ оброчное содержаніе стѣ Сибирскихъ инородцевъ. Родовые сходы составляютъ приговоры объ уступкѣ мѣстностей для горныхъ развѣдокъ и добычи цѣнныхъ ископаемыхъ.

На основаніи правилъ о порядкѣ опредѣленія земельныхъ надѣловъ и производства поземельно-устроительныхъ работъ родовымъ сходамъ предоставлено составлять приговоры по дѣламъ, относящимся до угодій, отвѣденныхъ цѣлому роду.

По силѣ 34 и 36 ст.ст. Полож. объ инор. Родовые сходы могутъ составлять приговоры по всѣмъ ихъ земельнымъ дѣламъ, касающимся цѣлаго рода или отдѣльныхъ его членовъ въ сферѣ ихъ обычно-правовыхъ отношеній.

7) Цѣлые роды имѣютъ право въ учрежденныхъ мѣстахъ приносить жалобы на стѣпенія и обиды (31), при чемъ жалобы большаго числа родовичей на несправедливость родового управленія должны представляться въ Инородную Управу (156).

8) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири на основаніи 281 ст. Уст. о безви. нар. прод. учреждены для продажи казенные склады соли, пороха и свинца и хлѣбные запасные магазины. Складки платежи за покупаемые цѣлыми родами предметы продовольствія изъ казенныхъ запасовъ производится кочевыми инородцами домашнимъ распорядкомъ по стойбищамъ (197). Въ Минусинскомъ уѣздѣ при полицейскомъ управленіи есть склады пороха; но цѣна пороха здѣсь дороже, чѣмъ у частныхъ торговцевъ.

Вообще правила, относящіяся до казенныхъ складовъ соли, хлѣба, пороха и свинца, въ Минусинскомъ уѣздѣ не имѣютъ примѣненія.

Затѣмъ, на родовыхъ сходахъ обсуждаются всѣ стороны Инородческой обычно-правовой жизни.

Родовой сходъ и родовой староста являются самой близкой къ населенію властью; родовой сходъ наиболѣе освѣдомленъ о нуждахъ и интересахъ кочевниковъ, чѣмъ управскій сходъ. Правда, инородческая жизнь такъ сложилась, что и на родовыхъ сходахъ силу и власть имѣютъ лишь имущественно—сильные, но здѣсь есть хоть какая-либо возможность заявить о себѣ и другимъ интересамъ. На такое положеніе оказываетъ свое вліяніе разстояніе. Родъ занимаетъ обыкновенно территорію въ среднемъ около 2000 верстъ квадр., состоя изъ улусовъ, деревень и селъ, отстоящихъ иногда верстъ на 60 одинъ отъ другого и часто живущихъ въ совершенно различныхъ условіяхъ, какъ природныхъ, такъ и социальныхъ.

Само собой разумѣется, что бѣднымъ родовичамъ совершенно не под силу являться на сходъ, назначенный верстъ за 60 отъ ихъ кочевьевъ. Да въ большинствѣ случаевъ бѣдные родовичи не бываютъ и освѣдомлены о мѣстѣ, времени и предметахъ занятій родового схода. Родовой староста имѣетъ возможность оповѣстить о времени и мѣстѣ родового схода лишь населеніе улусовъ, составляющихъ болѣе или менѣе сплошную массу его рода. Онъ не имѣетъ возможности оповѣстить каждаго родовича, такъ какъ часто ему самому неизвѣстно мѣстожителство подчиненныхъ ему инородцевъ: при свободѣ передвиженій и занятія земель въ предѣлахъ Инородныхъ Управъ родовичи различныхъ родовъ перемѣшались между собой и населеніе многихъ улусовъ представляетъ смѣсь различныхъ родовъ. Взять напр., с. Аскизское, занимающее территорію Сагайскаго 1-й пол. рода; въ немъ домохозяевъ инородцевъ Сагайскаго 1-й пол. рода 12, а домохозяевъ Белтирскаго рода 14, Сагайскаго 2-й половины 10, Койбальскаго и Кивинскаго по 4, Ближнекаргинскаго и Казановскаго по 2, Кійскаго и Изушерскаго по одному. Такимъ образомъ, представителей того рода, Сагайскаго 1-й пол., къ которому принадлежитъ село Аскизское, въ немъ менѣе четвертой части.

Въ письменную форму облакаются тѣ приговоры родовыхъ сходовъ, которые подлежатъ представленію въ Инородную Управу или другія учрежденія; такіе приговоры пишутся по формѣ крестьянскихъ сельскихъ приговоровъ и записываютъ въ книгу приговоровъ Инородной Управы.

Рѣшенія, принимаемая родовыми сходами въ сферѣ обычно-правовыхъ отношеній кочевниковъ, не облакаются въ письменную форму; эта область наименѣе доступна постороннему наблюденію и надзору органовъ правительственной власти; но родовой староста не предприниметъ никакихъ дѣйствій, несогласныхъ съ мнѣніями родового схода.

По вопросамъ, затрагивающимъ интересы двухъ или нѣсколькихъ родовъ, созываются соединенные сходы родовъ. Необходимость созыва такихъ сходовъ вызывается, хотя и рѣдко, земельными недоразумѣніями, напр. споры о покосахъ, улусовъ различныхъ родовъ. Объединенные церковнымъ приходомъ два или нѣсколько родовъ, составляютъ приговора объ удовлетвореніи причтовъ ружнымъ хлѣбомъ или взаменъ его деньгами.

Приговоры родовыхъ сходовъ составляются родовыми или улусными писарями; улусными они называются потому, что развѣзжаютъ съ родовыми старостами по улусамъ; они записываютъ дознанія, собираютъ свѣдѣнія, вообще ведутъ всю письменную часть родовыхъ старостъ; обыкновенно, улусные писаря состоятъ въ штатѣ управской канцелярїи, числясь помощниками письмоводителя. Они являются какъ бы откомандированными для занятій къ родовому старостѣ, который также въ свою очередь является чиновникомъ особыхъ порученій при Инородной Управѣ. При обширности территорій, входящихъ въ вѣдомство Инородныхъ Управъ, голова и выборные управы являются мало освѣдомленными въ мѣстныхъ инородческихъ дѣлахъ; они знаютъ каждый лишь свой родъ и его интересы.

Нерѣдко управа не знаетъ, существуетъ-ли или гдѣ находится тотъ или другой улусъ, затерявшійся гдѣ-либо въ степи среди другихъ инородческихъ поселеній и не напоминавшій о себѣ много лѣтъ крупными происшествїями и важными въ жизни кочевниковъ событіями.

Законъ придаетъ особое значеніе родовому управленію, учреждая его изъ старосты и одного или двухъ помощниковъ (148)—тязѣловъ у минусинскихъ инородцевъ—законъ вручаетъ ему „ближайшій надзоръ за порядкомъ во ввѣренномъ ему родѣ.“ (138). Управляющій родомъ прїемлется въ значеніи старшаго лица, какъ будто бы родъ составляетъ одно семейство; благосостояніе ввѣренныхъ ему людей, ихъ спокойствіе, довольство и безопасность составляетъ важнѣйшую обязанность родового управленія (139). Родовое Управленіе имѣетъ право взыскивать за маловажные проступки по обычаямъ каждаго племени и въ качествѣ домашняго исправленія (140).

Важность такого права родового старосты явится очевиднѣе, если принять во вниманіе, что „всѣ кочевые сибирскіе инородцы за преступленія и проступки менѣе важныя, совершенныя въ предѣлахъ кочевьевъ, судятся по ихъ обычаямъ, но за важныя именно: возмущеніе, убійство съ намѣреніемъ, разбой, насиліе, дѣланіе фальшивой монеты, похищеніе казеннаго и общественнаго имущества и корчемство, они подвергаются наказаніямъ на основаніи общихъ законовъ имперїи“ (75 ст. Пол. объ Инор., ст. 1 прилож. V къ ст. 168 Улож. о нак.), при чемъ всѣ дѣла, подсудныя инородческимъ судамъ, признаются закопомъ нековыми и подлежатъ разбирательству въ ихъ родовыхъ управленіяхъ.

На родовомъ управленіи лежатъ всѣ обязанности по охраненію безопасности, благочинія и порядка: всякаго преступника, бѣглеца или нарушителя порядка въ родѣ оно имѣетъ право представить по начальству (144) и дать знать своему начальству т. е. Управѣ сколь возможно скорѣе о важныхъ и необыкновенныхъ случаяхъ (145).

Родовое управленіе является въ качествѣ исполнительнаго органа посредствующимъ звеномъ между правительственными органами и подвѣдомственными ему инородцами, такъ какъ всѣ распоряженія высшаго правительства по отношенію къ инородцамъ приводятся въ исполненіе чрезъ родовыя управленія (142). Оно же собираетъ подати и отвѣчаетъ за нихъ, такъ что оныя взыскиваются съ сего управленія за весь родъ, какъ съ одного нераздѣльнаго лица (143).

Понуужденіе со стороны мѣстнаго начальства о взносѣ недоимокъ должно обращаться къ родовымъ старостамъ; если мѣстное начальство усмотритъ, что по обилію промысловъ и по безбѣдному продовольствію недоимки могутъ быть взысканы безъ большаго отягченія инородцевъ, то имѣть право побуждать ихъ къ платежу: 1) настоятельнымъ убѣжденіемъ, 2) задержаніемъ старосты, его сына или ближняго родственника, 3) задержаніемъ части звѣриныхъ шкуръ, въ продажу привезенныхъ. Двѣ послѣднихъ мѣры позволяются тогда только, когда на какомъ нибудь родѣ считается недоимка болѣе третьей части всего количества годоваго сбора. ¹⁾ Мнѣ кажется, что въ этихъ опредѣленіяхъ закона надо искать ключъ къ объясненію рапортовъ и донесеній по начальству: „на инородцахъ недоимокъ нѣтъ!“

Родовому Старостѣ ввѣрены заботы объ обезпеченіи продовольствія инородцевъ; онъ долженъ заботиться, чтобы родовичи его старались имѣть, въ случаѣ обильнаго лова или промысловъ, достаточный запасъ для своего продовольствія. (149). Если представится необходимость въ пособіяхъ отъ правительства по продовольствію, то родовой староста обязанъ немедленно давать о томъ знать ближайшему своему начальству. (150). Всѣ выдачи предметовъ продовольствія должны производиться и на имя, и на отвѣтственность управляющаго родомъ. (151).

Надо полагать, что, чтобы обезпечить родовому старостѣ исправное вниманіе всѣхъ сборовъ съ кочующихъ, законъ поставилъ въ зависимость отъ родовой старосты наймы инородцевъ на частныя работы (38) прилож. 1 ст. 4 и 191. Эти наймы должны производиться съ его вѣдома и съ разрѣшенія полицейскаго начальства.

Родовой же староста имѣетъ право безъ особенныхъ отъ родовичей довѣренностей и письменныхъ приговоровъ приносить жалобы на притѣсенія и несправедливость, роду оказанныя. (145).

Вообще всѣ функціи власти правительственной и общественной соединены въ лицѣ родовой старосты. Можно бы привести много примѣровъ тому, что родовыя управленія не осуществили ни одной изъ задачъ, которыя на нихъ возложены въ интересахъ населенія, что они являются лишь высшими исполнительными органами различныхъ правительственныхъ должностныхъ лицъ и мѣсть.

Въ безкормицу прошлаго 1901 года чуть ни весь скотъ вывалился по Абакаву, Уйбату и Камыштѣ; Родовые старосты, какъ и каждый инородецъ все это заранѣе предвидѣли, но никто палецъ объ палецъ не ударилъ, чтобы поддержать своихъ родовичей, своевременно возбудивъ ходатайство о выдачѣ ссуды или пособія; затѣмъ, когда ссуда была разрѣшена, ею воспользовались лишь богатые. Съ весны 1902 года въ предѣлахъ Абаканской Инородной Управы совершается рядъ звѣрскихъ убійствъ; убійцы остались необнаруженными.

¹⁾ Уст. о прам. пал. ст. 618 и 620.

Бѣгле, бѣжавшіе изъ ссылки инородцы, проживаютъ въ улусахъ, изъ которыхъ были высланы; ихъ всѣ знаютъ, имѣютъ съ ними открытое общеніе, но задержать ихъ никто не осмѣливается. Конокрады на глазахъ угоняютъ табуны; ихъ не смѣютъ преслѣдовать; открыто происходитъ выкупъ и выдача покраденныхъ лошадей и скота.

Расхищаются инородческія земли; некому вчать иска въ защиту обиравемыхъ инородцевъ. Въ Бѣломъ и Старомъ Юсахъ казаками Солевоозерной станицы вылавливается рыба—важное подспорье примитивной инородческой жизни; некому принять мѣры къ огражденію интересовъ Бѣлоюскаго и Староюскаго родовъ.

Безпатентная торговля виномъ въ видѣ промысла ведется чуть ни открыто въ каждомъ домѣ Усть Абаканскаго и Аскизскаго селеній, на глазахъ членовъ Инородныхъ Управъ и родовыхъ старостъ, не смотря на то, что Инородныя Управы непосредственно отвѣчаютъ за ввозъ и продажу инородцами крѣпкихъ напитковъ въ ихъ стойбищахъ. 1)

Мартирологъ кочевой инородческой жизни не входитъ въ цѣль настоящей замѣтки, но указанныя явленія рѣзко бросаются въ глаза при первомъ знакомствѣ съ обычно-правовыми условіями этой жизни; и нельзя не отмѣтить здѣсь этихъ столь печальныхъ явленій—результатъ правового неустройства.

Если принять во вниманіе, что на пространствѣ тысячи или двухъ квадратныхъ верстъ съ населеніемъ около 2 тысячъ душъ въ 30 поселенійхъ одно лицо, родовой староста, совершенно неподготовленный по своему низкому культурному уровню къ пониманію современныхъ правовыхъ и этическихъ велѣній государства, долженъ творить судъ по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, бороться съ преступностью, насаждать добрыя нравы, вести исчисленіе людей, исполнять всѣ требованія начальства, отвѣчать за все и за всѣхъ; если принять во вниманіе, что такое лицо смотритъ на свою должность, какъ на тягчайшую повинность, отъ которой стремится скорѣе освободиться, почему нерѣдки случаи переменны родовой старосты въ теченіе полугода службы; если принять во вниманіе затѣмъ, что законъ не далъ родовому старостѣ никакихъ средствъ для осуществленія возложенныхъ на него задачъ, а предоставилъ все обычно-правовому распорядку, то должно невольно явиться удивленіе предъ миролюбіемъ степняковъ, устраивающихъ свою жизнь при такихъ установленіяхъ.

Но еще больше проникнешься уваженіемъ и симпатіями къ мирнымъ скотоводамъ, еще больше удивишься ихъ способности къ гражданскому мирному устройству, когда узнаешь, что они по возможности восполнили недостатки законовъ, несоотвѣтствующихъ совершенно требованіямъ современной жизни: они создали непредусмотрѣнныя закономъ должности въ помощь родовымъ старостамъ 1) по сбору податей и повинностей и 2) по огражденію безопасности и по суду.

1) Уст. объ акц. сб. изд. 93 ст. 432.

V.

Сѣйки или кости, участки; тязёлы, эсаулы, старшины.

Что касается родового быта, то его приходится признать на столько распатавшимся, что замѣна родовыхъ дѣлений территоріальными не только не приведетъ къ какой либо ломкѣ, но въ значительной степени закрѣпитъ уже существующее положеніе вещей. (Мнѣніе *совѣщанія* по вопросу о примѣненіи къ инородцамъ Минусинскаго уѣзда правилъ объ управленіи крестьянскимъ населеніемъ 22—25 ноября 1899 года).

По объясненію инородцевъ (Бирскій родъ Абакаевской Управы) каждый эсауль собираетъ подати въ одномъ „колѣнѣ“ своего рода; связь между входящими въ данное колѣно наследственная, а не территоріальная. (Матер. по изслѣд. землев. и хоз. быта Енис. губ. т. IV, вып. 5 стр. 289).

Можно думать, что и въ прошломъ Минусинскіе инородцы были вѣчными данниками, что для нихъ всегда стоялъ вопросъ лишь въ томъ, кому платить; и нынѣ они всё свои заботы направляютъ къ тому, чтобы не имѣть за собою податныхъ недоимокъ. Преслѣдуя фискальныя цѣли, законъ облекъ родовыхъ старостъ столь значительною дискреціонною властью, сдѣлавъ ихъ отвѣтственными за уплату податей всего рода.

Подать всегда служить признакомъ власти для взимающаго ее и признакомъ подчиненія для платящаго, и не только признакомъ подчиненія, но и его средствомъ. Система налоговъ и способъ ихъ взиманія всегда характеризуютъ общественно административный строй.

При натуральномъ хозяйствѣ налоги вносятся натурою; посредниками между фискомъ и народомъ являются землевладѣльцы; крѣпостной строй; дворянство.

При промышленно-капиталистическомъ хозяйствѣ—косвенныя налоги; посредникомъ между фискомъ и народомъ является торгово-промышленный классъ; юридическая свобода лица; буржуазія; капиталисты.

При строго бюрократическомъ режимѣ взимаютъ подати и налоги администрація; она и всеильна.

У Минусинскихъ инородцевъ взиманіе налоговъ и податей возложено на выборную должность, которая является и отвѣтственною за ихъ бездонмочность; родовой староста отвѣчаетъ за родъ; управа за племя; сводится, конечно, все къ тому, что родъ долженъ отвѣчать за своихъ членовъ. Но самъ инородческий родъ, какъ можно было видѣть изъ предъидущаго изложенія, являясь административнымъ дѣленіемъ, состоитъ изъ фрагментовъ различныхъ древнихъ родовъ, сѣекъ, по выраженію инородцевъ, или колѣнъ, поколѣній или костей. ¹⁾

¹⁾ Е. Яковлевъ. Этн. обзоръ инор. нас. дол. южн. Енисея стр. 6.

Сами Минусинскіе инородцы сѣекъ передаютъ русскимъ словомъ: „отродье“, „кость.“ Уг. Катапова (отчетъ о поѣздкѣ 1896 г. въ Минусинскій округъ стр. 95) при-

Правительственныя мѣропріятія лишь разбили и перемѣшали древнія родовыя дѣленія; но они еще живы въ сознаніи населенія; обычно-правовой строй его проникнуть родовыми началами. Какъ древніе роды отвѣчали за своихъ членовъ, такъ и нынѣ сеѣки, кости, отродія или колѣна заботятся во многихъ родахъ, чтобы подати и налоги были внесены ихъ членами бездонмочно.

Родовой староста не въ состояніи имѣть непосредственное сношеніе съ каждой платящей душой, съ каждымъ бойцомъ каждой кости, поэтому каждая *кость* (сеѣкъ) избираетъ для сбора податей тязѣла или эсаула; какъ родовой староста отвѣчаетъ за весь родъ, и съ него подати взыскиваютъ за весь родъ, какъ съ одного человѣка, такъ тязѣль или эсаулъ отвѣчаетъ за свой сеѣкъ; и родовой староста взыскиваетъ съ него подати за весь сеѣкъ, какъ съ одного нераздѣльнаго лица. Эти органы инородческой власти и дѣйствія ихъ, подчиненныя родовому старостѣ, закономъ не предусмотрѣны; они не доступны надзору и контролю правительственныхъ органовъ; они созданы обычаями инородцевъ, самую необходимостью. Неудивительно, поэтому, что въ организаціи ихъ замѣчается значительное разнообразіе по родамъ.

Въ Абаканской Инородной Управѣ эсаулы *) (тязѣлы) избираются по костямъ (сеѣкомъ) въ слѣдующихъ родахъ: Шалошиномъ 1-й половины, Бирскомъ, Бѣлоюсскомъ и Староюсскомъ. Въ Салбино-Кайбальскомъ родѣ, состоящемъ всего изъ 7 бойцовъ, живущихъ въ одномъ поселеніи, не вызывается необходимости въ созданіи этой должности, а въ родахъ Тинскомъ, Туаннескомъ и Шалошиномъ 2-ой половины кости (сеѣки), по выраженію инородцевъ „смѣшались“. Здѣсь выборы эсауловъ производятся по участкамъ. Другими словами, въ однихъ родахъ главная масса населенія данной кости занимаетъ опредѣленную территорію, и поэтому избраніе эсаула производится сходомъ кости, въ другихъ родахъ представители костей такъ между собой перемѣшались, что нѣсколько улусовъ съ населеніемъ, смѣшаннымъ изъ разныхъ костей, составляетъ участокъ и избираетъ себѣ особаго эсаула.

Въ Аскизской Инородной Управѣ, какъ мнѣ передавали представители Сагайскаго 1-й половины рода и авторъ упомянутой выше статьи: „современный сборъ податей (албакъ) у Минусинскихъ инородцевъ“, эсауловъ не избираютъ ни по костямъ, ни по участкамъ, а сборомъ податей занимаются въ каждомъ родѣ помощники родового старосты (то же тязѣлы); въ помощь имъ избираются десятники. Непосредственными же сборщиками податей являются улусные старшины; на нихъ же лежитъ и охрана безопасности.

ведены слѣдующія *кости* Качинскаго племени: Пюрють, Каска, Ызырь, Ара, Сарычъ и Соккы. Недостааетъ Кыргызъ и Азахчастыхъ. Кромѣ Салбино-Кайбаловъ, эти 8 сеоковъ являются остатками древнихъ дѣленій Качинскаго племени. Нынѣ сеоки раздробились; ихъ подраздѣленія частію стали обозначаться въ отличіе отъ другихъ при помощи приставокъ, напр. Ахъ-Каска, Бѣлый-Каска, потомки родового, принесшаго первымъ повинную Бѣлому царю и поднесшаго въ подарокъ горностаевыя шкурки. Въ настоящее время названія сеоковъ подверглось руссификаціи, почему многіе изъ нихъ обозначаются словами съ русскими окончаніями: Кубановъ, Татаровъ, Шалошинъ и т. д.

*) Должность эсауловъ встрѣчается у Мелецкихъ инородцевъ [А. Яриловъ стр. 46] и у Кызыльцевъ (А. Яриловъ 51).

Эти функціи въ Абаканской Инородной Управѣ раздѣлены между различными органами.

Въ Аскизской же улусовой старшина является и съ обязанностями участкового эсаула.

Бѣлоюескій родъ состоитъ изъ 7 костей (себковъ), избирающихъ эсауловъ: 1) Шалошиной 2-й половины (каска), 2) Кубановой, 3) Мунгатовой (Бзырь), 4) Татышетовой (Пюрють), 5) Тубинской, 6) Ара и 7) Азах-частыхъ.

Бирскій родъ—изъ 8: 1) Шалошиной, 2) Кубановой, 3) Мунгатовой, 4) Татаровой, 5) Тубинской, 6) Усть-Коксинской, 7) Татаровой и 8) Азах-частыхъ.

Староюескій родъ—изъ 10 костей: 1) Шалошиной 1 половины (каска), 2) Шалошиной 2-й половины (каска), 3) Тубинской (кыргызъ), 4) Кубановой (Сокзы), 5) Мунгатовой (Бзырь), 6) Татаровой (Пюрють), 7) Астинской (Частыхъ), 8) Татышевой (Ара), 9) Тинской (Ара) и 10) Абалаковой (Ара).

Шалошинъ 1-й половины родъ состоитъ изъ 8 костей: Каска, Соккы, Пюрють, Каска, Пюрють, Каска, Каска и Пюрють.

До 1855 года на мѣстѣ нынѣшней Абаканской Инородной Управы существовала Качинская Степная Дума; послѣ упраздненія въ 1855 году Думы, было учреждено двѣ Инородныя Управы: Абаканская и Юсская. Абаканская Инородная Управа состояла изъ Шалошина 1 половины, Шалошина 2-й половины, Тубинскаго, Татышова и Тинскаго родовъ, а Юсская изъ Кубанова, Мунгатова, Салбино-Койбальскаго, Татышова, Абалакова, и Астынскаго рода. Въ 1864 году, обѣ управы были соединены въ одну Абаканскую.

Если сопоставить названія нынѣшнихъ себковъ съ названіями волостей Палласа и названіями родовъ при прежнемъ дѣленіи Абаканской Управы на Юсскую и Абаканскую *), то, мнѣ кажется, можно придти къ тому несомнѣнному выводу, что нынѣшнія кости или колѣна являются дѣйствительно фрагментами бывшихъ административныхъ дѣленій и волостей Палласа, родовыхъ дѣленій русскаго владычества и еще болѣе древней родовой и племенной организаціи (Каска, Пюрють, Кыргызъ, Туба), **) когда каждое племя или родъ уплачивалъ подати, какъ одно лицо, когда достоинство племени или рода опредѣлялось его податной способностью, отраженіе чего и нынѣ сохранилось, напр., въ народной пословицѣ о себкѣ: Азах-Частыхъ Азах-частыхъ аймахъ чабалъ — Азахчастыхъ самыя послѣдніе люди.

Въ древности это былъ самый бѣдный родъ и въ состояніи былъ платить лишь половину подати.

Эсаулы избираются, обыкновенно, на годъ, при замѣщеніи должности наблюдается очередь, но, конечно, избираются лишь состоятельные инородцы.

*) Древнія дѣленія Минусинскихъ инородцевъ приведены княземъ г. Костровымъ въ его замѣткахъ и Пестовымъ въ земскихъ объ Енисейской губ. Москва 1833 г.

**) У Ачинскихъ кызыльцевъ, какъ мнѣ передавалъ Алексѣй Годокъ Катюшовъ, Бѣлоюескаго рода, выборы родовыхъ старостъ и повинѣ производятъ по сеокамъ. Сообщение это требуетъ тщательной повѣрки на мѣстѣ.

Выборы происходят, обыкновенно, на родовыхъ сходахъ; здѣсь и каждый себѣ рѣшаетъ свои податныя дѣла: но бывають выборы или перемѣны эсаула и въ другое время, когда собираются лишь члены данного себѣка.

Послѣ выбора эсаула, родовой староста пишетъ ему приказъ: „приказываю тебѣ съ подчиненныхъ тебѣ инородцевъ моего рода собрать къ подачѣ за такую-то половину, такого-то года по столько то рублей съ каждого, которые и привези мнѣ къ такому то числу“. Подпись. Печать.

Обыкновенно, къ приказу прилагается и списокъ плательщиковъ.

Въ помощь эсауламъ избираются десятники, что является необходимымъ въ виду значительныхъ разстояній между поселеніями родовичей одной и той-же кости (себѣка); иногда и верстъ за сто. Кромѣ того, необходимы дальнія поѣздки въ русскія деревни и села, гдѣ осѣли кочевые инородцы въ качествѣ ли хлѣбопашцевъ, ремесленниковъ или просто живущихъ тамъ въ работникахъ у крестьянъ.

Кажется, что и въ тѣхъ родахъ, гдѣ избраніе эсауловъ и десятниковъ для сбора податей и новинностей производятся по колѣнамъ (себѣкамъ) инородцы различныхъ себѣковъ такъ перемѣшались, что, можно думать, удержался лишь принципъ дѣленія на себѣки.

Для примѣра, приведу Тазьминныхъ Бирскаго рода на р. Бирѣ. Тазьминцы, по ихъ словамъ *), каска, а между тѣмъ въ податномъ отношеніи отнесены къ Татарову; возможно, что Татаровъ есть „отродье“ Каска. Эсауль живетъ въ 1902 году въ Татарской орбѣ или улусѣ Татаровомъ верстахъ въ 20 отъ Тазьминскаго улуса; родовой же староста Точеевъ живетъ въ 70 верстахъ отъ Тазьминныхъ. Въ Тазьминскихъ улусахъ собирають подати два десятника, сдаютъ ихъ эсаулу, а эсауль родовому старостѣ. Никто изъ Тазьминныхъ на Бирекомъ родовомъ сходѣ не бываетъ: далеко дѣль иѣтъ; и сами не знаютъ, что они Татарова себѣка по уплатѣ податей. Это еще объясняется и тѣмъ, что по географическому положенію Тазьминскіе улусы ближе къ Тубинскому роду, занявшему долину р. Уйбата; съ населеніемъ улусовъ Тубинскаго рода: Икижековскихъ, Чарковскихъ, на Усть-Сайгачахъ и на Усть-Бирѣ населеніе двухъ Тазьминскихъ улусовъ находится въ постоянномъ общеніи и въ одинаковыхъ условіяхъ; отъ главной же массы инородцевъ Бирскаго рода Тазьминцы отдалены и, отдѣленные горами, не имѣють съ ними постояннаго общенія. Тазьминцы связаны со своимъ родомъ лишь подчиненіемъ одному родовому старостѣ.

Вообще, нужно замѣтить, тамъ, гдѣ населеніе одного рода соприкасается или смѣшалось съ населеніемъ другого сосѣдняго рода, бываетъ особенная путаница въ отношеніяхъ, благодаря принципу личнаго подчиненія; но съ одной стороны смѣшеніе себѣковъ, а съ другой, какъ увидимъ ниже, интересы безопасности влекутъ за собою замѣну личнаго принципа подчиненія принципамъ территориальнымъ.

Участки для выбора эсауловъ и десятниковъ для сбора податей

*) Каждый инородецъ знаетъ какого онъ себѣка, прежде не спрашивали „какъ фамилія?“, а спрашивали: „какого себѣка?“. Минусинскіе инородцы по фамиліямъ начали именовать другъ друга лѣтъ 15—20. Конечно, замѣна произошла постепенно, нынѣ только обрусѣлые не знаютъ своего себѣка.

образовались естественнымъ путемъ; это группа ближайшихъ улусовъ одного рода. *Участковому эсаулу или десятнику* дается такой же приказъ для сбора податей отъ родового старосты, какъ и эсаулу, избранному себѣкомъ. Какъ уже замѣчено, въ Аскизской Инородной Управѣ, сборомъ податей занимаются и улусные старшины, но, обыкновенно, они являются лишь помощниками специальныхъ сборщиковъ, облегчая имъ розыскивать плательщиковъ и примѣнять къ недоимщикамъ мѣры взысканія.

Количество бойцовъ или платящихъ душъ, поручаемыхъ одному эсаулу, колеблется отъ 20 до 80, въ зависимости отъ числа плательщиковъ въ себѣкѣ (кості) или участкѣ и отдаленности ихъ мѣстожителства отъ главной массы членовъ даннаго себѣка или участка.

Для взысканія податей съ инородцевъ, не проживающихъ въ мѣстахъ своихъ кочевыхъ, т. е. живущихъ внѣ земель своего племени, посылается, обыкновенно десятникъ.

Въ Тинскомъ родѣ, напр., 4 тязела или эсаула и 3 десятника, у каждаго эсаула отъ 60 до 80 платящихъ душъ! По свѣдѣніямъ Абаканской Инородной Управы всего въ Тинскомъ родѣ 272 бойцовъ.

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вмѣстѣ съ окладомъ налога, указаннымъ въ приказѣ родового старосты, взыскиваются издержки по его взысканію, т. е. расходы за поѣздки; размѣръ ихъ опредѣляется личнымъ усмотрѣніемъ самого взыскателя.

Предъ родовымъ старостой каждый взыскатель отвѣчаетъ за бездомочность членовъ своего себѣка или участка, какъ самъ родовый староста отвѣчаетъ предъ вышнимъ начальствомъ. Не удивительно, поэтому, что подати съ инородцевъ взыскиваются съ неумолимой жестокостью; за то „недомокъ на инородцахъ не числится“; въ глазахъ администраціи они самые исправные граждане, они благоденствуютъ, довольствуясь малыми потребностями; за деревомъ, стоящимъ предъ начальствомъ, въ видѣ родового старосты, оно не видитъ лѣса, состоящаго изъ стонущихъ инородцевъ, какъ стонеть лѣсъ во время бури.

Туда, въ самую глубь стѣнной инородческой жизни, не проникаетъ ни чей контролирующій взоръ, а тамъ личность совершенно безправна, безпомощна и беззащитна. Обратимся къ цитированному уже мною автору статьи: „современный сборъ податей у Минусинскихъ инородцевъ“, ему въ качествѣ управскаго писемоводителя были доступны обычно правовыя картины инородческой жизни. При взысканіи податей, „какъ, обыкновенно, случается, у плательщиковъ денегъ на лицо не оказывается; и десятникъ начинаетъ неуплатившаго таскать немилосердно за волосы и бить по щекамъ, а тотъ, въ свою очередь, только кланяется, и просить подождать день, два. Наконецъ, появляется на столѣ водка, и начинается угощеніе десятника или старшины.“ „Во время попойки нѣсколько разъ начинается въ полномъ смыслѣ истязаніе неуплатившихъ подати. Потомъ начинается раздобываніе денегъ на подати: продается за безцѣнокъ хлѣбъ, у кого онъ есть, скоть, сѣно и прочее. Берутъ деньги подъ работу, при чемъ самая плата за работу кладется ничтожная. Напр., татаринъ, взявшій 4 руб., обязывается выжать у давшаго ему деньги богача двѣ десятины хлѣба или выкосить ко-

пень 200 сѣна, да еще, предварительно, напоить его водкой“. Въ русскихъ деревняхъ, когда являются инородческіе сборщики для взысканія податей со своихъ плательщиковъ, происходитъ такая же расправа, если плательщикъ не уплатитъ немедленно требуемой суммы. При неимѣніи у плательщика никакой возможности уплатить подать, его отдають въ заработки за самую ничтожную плату. Интересы его семьи совершенно не принимаются во вниманіе; вся семья должна въ такомъ случаѣ обратиться къ нищенству, если не къ худшему промыслу, пока кормилецъ ея не получитъ возможность содержать ее своимъ трудомъ. При взысканіи податей не допускается частичная уплата, а подавай разомъ всю подать безъ недоимки.

Какіе приемы употребляютъ эсаулы, старшины и десятники при выколачиваніи податей со своихъ плательщиковъ, тѣми же приемами широко пользуются родовые старосты при полученіи податей съ нихъ самихъ.

„Въ назначенный для сдачи день всѣ старшины и ихъ десятники, каждый непременно съ флягой водки, отправляются къ родовому старостѣ; начинается приемъ денегъ, и горе тому старшинѣ, который не взыскалъ съ одной души: онъ будетъ до тѣхъ поръ, пока староста не побѣдетъ въ управу, — нестяжеть“. Если у эсаула или старшины случается недоборъ въ податяхъ, то онъ продаетъ свой скотъ, занимаетъ, продаетъ покосы, вообще, лишь въ крайности, исчерпавъ всѣ средства добыть деньги, онъ допускаетъ за собою недоимку. Выше уже замѣчено, что родовой староста, эсаулы, старшины и десятники избираются изъ людей зажиточныхъ.

И во время сдачи податей родовому старостѣ, вино льется рѣкой: много пьютъ вина! здѣсь же происходитъ и распредѣленіе собранныхъ суммъ. Прежде всего отчисляются суммы, подлежащія взносу въ Инородную Управу, затѣмъ суммы на уплату разныхъ срочныхъ платежей по договорамъ, напр., за гоньбу и проч., суммы, слѣдующія старостѣ на удовлетвореніе различныхъ родовыхъ нуждъ, предусмотрѣнныхъ и не предусмотрѣнныхъ смѣтою и раскладкою, а остатки... полученные отъ утаенныхъ душъ-бойцовъ (это не мертвыя души Чичикова), идутъ въ карманъ старостѣ... И опять вино!

Впрочемъ, не всегда и не вездѣ остатки, этотъ переборъ въ податяхъ, идутъ въ карманъ старосты или другихъ сборщиковъ, не всегда и не вездѣ распредѣленіе податей дѣлается однимъ старостой съ эсаулами. Обыкновенно, взносъ сборщиками податей происходитъ на родовыхъ сходахъ, или собирается сходъ сеѣка или участка; переборъ въ податяхъ родовыми сходами назначается на мірекія потребности; но здѣсь необходимо оговориться: сходами родоичей приходится имѣть дѣло съ тою суммою всѣхъ сборовъ, которую имъ представляютъ родовые старосты; у эсауловъ и десятниковъ никакихъ записей и книгъ не ведется; улусный же писарь можетъ записать лишь тѣ суммы, которыя ему скажетъ родовой староста. Такимъ образомъ, сходамъ приходится распредѣлять лишь тѣ суммы, которыя сообщаютъ родовые старосты. Родовые же старосты совершенно не сообщаютъ о тѣхъ суммахъ, которыя взысканы съ плательщиковъ за побѣдки къ нимъ о каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Кромѣ того, расчеты и учеты сходовъ не записываются, поэтому точность ихъ исчисленій подвержена большому сомнѣнію.

Родовой староста представляетъ въ Иностранную Управу тѣ суммы, которыя подлежатъ внесенію въ Казначейство или назначены въ непосредственное распоряженіе Управы; его сопровождаютъ два или болѣе довѣренныхъ рода или эсаулы.

При сдачѣ денегъ, въ Управѣ опять льется вино. Здѣсь староста прежде всего справляется: не присланы ли непосредственно въ Управу подати кѣмъ-либо изъ иностранцевъ, живущихъ по паспортамъ внѣ ихъ кочевьевъ. Такія поступленія нисколько не увеличиваютъ мірскихъ капиталовъ и не служатъ къ облегченію иностранческой тяготы: родовой староста просто уменьшаетъ привезенную для сдачи сумму на количество денегъ, принятыхъ непосредственно Управой. Въ дѣйствительности родовой староста является распорядителемъ всѣхъ собранныхъ съ его рода суммъ; онъ удовлетворяетъ всѣ мірскія потребности, и къ нему всѣ обращаются со своими требованіями, удовлетвореніе которыхъ должно относиться на счетъ рода. При такихъ условіяхъ правильный учетъ родовой старосты и подвѣдомственныхъ ему эсауловъ и десятниковъ представляется совершенно невозможнымъ.

VI. Улусъ; улусный сходъ; улусный старшина и десятники.

Поселенія Минусинскихъ инородцевъ, ихъ улусы, представляютъ собою или раскиданныя въ безпорядкѣ по степи, стоящія въ значительномъ отдаленіи другъ отъ друга, юрты и избы, или безпорядочныя группы юртъ и избъ, или же, подобно крестьянскимъ деревнямъ, представляютъ собою улицы изъ избъ, среди которыхъ встрѣчаются и юрты; около юртъ, какъ и позади избъ, на далекое пространство тянутся загоны для скота и дворовыя постройки. Кочеваніе Минусинскихъ инородцевъ заключается въ переѣздѣ или переходѣ изъ зимняго постоянного помѣщенія, изъ избы, въ постоянное же лѣтнее помѣщеніе—въ юрту, которая часто помѣщается во дворѣ, окружающемъ избу. Жители улусовъ—деревень, обыкновенно, не кочуютъ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, жилища Минусинскихъ инородцевъ соединены съ землей и представляютъ собою недвижимость, какъ сами инородцы имѣютъ въ своихъ улусахъ постоянное мѣстожителство, т. е. осѣдность. Каждый Минусинскій инородецъ остается жителемъ опредѣленнаго улуса. Перекочевки изъ зимника въ лѣтникъ и обратно не измѣняютъ мѣстожителства инородца, какъ потому, что лѣтникъ считается принадлежностью зимника, такъ и потому, что перекочевки совершаются самое большее верстъ за 10; а это при условіяхъ степной жизни не имѣетъ значенія.

Юридическая принадлежность каждаго Минусинскаго инородца къ опредѣленному улусу не возбуждаетъ сомнѣнія; безъ указанія улуса, въ которомъ считается на жительство тотъ или другой кочевникъ, Инородная Управа и родовой староста часто не въ состояніи исполнить, по отношенію къ этому кочевнику, требованіе должностныхъ и частныхъ лицъ.

Законъ не установилъ никакихъ органовъ управленія въ улусѣ; произошло это потому, что 46 и 47 ст. Пол. объ инор. имѣла въ виду учредить родовое управленіе въ среднемъ надъ пятнадцатью инородческими семействами. Законъ предписываетъ во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается до какого-либо стойбища или улуса, относиться къ родовому старостѣ (52).

Опредѣленіе закона совершенно не соответствуетъ дѣйствительности: родовой староста, у котораго 30—40 улусовъ раскиданы на 1000 квадр. верстъ, не въ состояніи явиться органомъ управленія каждаго изъ нихъ. Каждый улусъ предоставленъ самому себѣ, и инородцы каждаго улуса составляютъ улусное общество, которое собственными средствами поддерживаетъ въ улусѣ и его земляхъ миръ и ограждаетъ безопасность своихъ членовъ.

¹⁾ Е. К. Яковлевъ. Этногр. обзоръ инородч. населенія долины южнаго Енисея 1900. Стр. 39.

Распорядительнымъ органомъ улуснаго міра является улусный сходъ, а исполнительными его органами—улусные старшина и десятичники¹⁾.

Улусный сходъ составляютъ всё взрослые инородцы улуса, къ какому бы роду они не принадлежали; женщины устраниаютъ себя отъ мірскихъ дѣлъ, но если интересы того требуютъ, то на сходъ является и женщина.

Каждое лицо, встрѣчающее надобность въ улусномъ сходѣ, обращается къ улусному старшинѣ, который немедленно или самъ или чрезъ десятиниковъ и собираетъ стариковъ, г. е. улусный сходъ.

Само собой разумѣется, что улусный сходъ не облакаетъ своихъ приговоровъ въ письменную форму и не рѣшаетъ тѣхъ дѣлъ, которыя закономъ и практикой ввѣрены органамъ родового управления, хотя послѣднее положеніе требуетъ большой оговорки, какъ можно видѣть изъ послѣдующаго изложенія; во всякомъ случаѣ есть кругъ дѣлъ, въ которыхъ улусный сходъ является полнымъ хозяиномъ. Къ такимъ дѣламъ принадлежатъ дѣла, относящіеся, въ тѣсномъ смыслѣ, къ интересамъ даннаго улуса и связанныхъ съ ними интересовъ его жителей. Хотя улусный сходъ не имѣетъ основанной на законѣ принудительной власти, но такъ какъ никто изъ „хорошихъ людей“ не захочетъ дѣлаться противникомъ общества, то всё его приговора, обыкновенно, исполняются добровольно. И на улусныхъ сходахъ большимъ вліяніемъ пользуются богатые.

А. Улусный сходъ выбираетъ улусныхъ старшинъ и улусныхъ десятиниковъ.

Обыкновенно, лица, избранныя въ этой должности, служатъ по году, а затѣмъ замѣняются другими. Если населеніе улуса состоитъ изъ представителей разныхъ родовъ, то всегда улуснаго старшину избираютъ изъ инородцевъ того рода, представителей котораго въ улусѣ большинство. Это большинство считаетъ себя хозяевами улуса и избираетъ „своего“ старшину, т. е. изъ своего рода, напр., въ улусѣ Толчея, Тинскаго рода, Абаканской Инородной Управы.

Но такъ какъ разсматриваемая область общественныхъ отношеній совершенно не регулируется закономъ, то въ ней можно встрѣтить въ высшей степени своеобразныя явленія, особенно на границахъ территорий, занятыхъ разными племенами или родами, гдѣ представители различныхъ племенъ и родовъ перемѣшались, и гдѣ не разграниченная территория является объектомъ пользованія и владѣнія представителей разныхъ племенъ и родовъ. Взять, для примѣра, мѣстность на устьѣ р. Бурѣ, притокъ Уйбата; здѣсь граница земель Качинцевъ, т. е. вѣдомства Абаканской Инородной

¹⁾ Институтъ улусныхъ старшинъ почти повсемѣстенъ у кочевыхъ сибирскихъ инородцевъ: Н. Добромисловъ: инородцы Баргузинскаго округа (протоколъ общ. собр. Троицко-Савско-Кяхтинскаго отд. Приамурскаго отдѣла И. Р. Г. О. № 4, 1897 г.). М. А. Сафонниковъ: Инородцы Читинскаго округа. Труды того-же отдѣла, 1898 г. т. I вып. I. У Бурятъ у Кызыльцевъ у мелецкихъ инородцевъ повсемѣстно улусные старшины. Указаніе Е. К. Яковлева въ „Этногр. общ. инор. пос. дол. юж. Евисея“ на ст. 6 о томъ, что при улусныхъ старшинахъ имѣются канцеляріи д. б. отнесено къ области вымысла.

Управы и Сагайцевъ, т. е. вѣдомства Аскизской Инородной Управы. Въ этой мѣстности, именуемой На-Усть-Бире скучилось нѣсколько небольшихъ улусовъ: Качинскихъ—Тубинскаго и Бирскаго родовъ, и Сагайскихъ—Сагайскаго 1 пол. и Сагайскаго 2 пол. родовъ; здѣсь улусныхъ старшинъ выбираютъ по родамъ; инородцы каждаго рода всѣхъ улусовъ избираютъ себѣ отдѣльнаго улуснаго старшину, такъ что всѣхъ улусныхъ старшинъ четыре, и каждый изъ нихъ вѣдаетъ во всѣхъ улусахъ инородцевъ своего рода. Происходитъ это отчасти и отъ того, что у различныхъ родовъ кругъ дѣлъ, возложенныхъ на старшину не одинаковъ: въ Сагайскихъ родахъ на улусныхъ старшинъ возложенъ и сборъ податей, какъ указано выше.

Если На-Усть-Бирѣ въ какомъ либо улусѣ случится происшествіе, вызывающее необходимость вмѣшательства общественной или правительственной власти, то сбѣгаются всѣ четыре улусныхъ старшины и сначала рѣшаютъ вопросъ, которому изъ нихъ приступать къ розыскамъ, собирать улусный сходъ и дѣлать сообщеніе родовому старостѣ.

В. *Улусный сходъ присутствуетъ при раздѣлахъ наслѣдствъ, при выдѣлахъ доли взрослымъ сыновьямъ, при разводахъ, когда браки не были совершены по церковнымъ правиламъ, и сопряженныхъ съ такими разводами раздѣлахъ имущества, а также при вновь совершаемыхъ такихъ бракахъ.* Улусный сходъ обсуждаетъ и принимаетъ мѣры къ устройству сиротъ своего улуса. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ улусный сходъ проявляетъ нравственное воздѣйствіе чрезъ стариковъ, чтобы устранить недоразумѣнія и споры, и побудить родственниковъ взять на себя заботу о вскармленіи сиротъ.

В. *Улусный сходъ производитъ между членами улуса раздѣлы покосовъ, мочаговъ и, вообще, всѣхъ тѣхъ земель, которыя фактически находятся въ общемъ владѣніи улуса.* Хотя земли между родами и въ родахъ между улусами не подѣлены, но фактически каждый улусъ или его члены имѣютъ въ своемъ исключительномъ владѣніи пашни, покосы и мочаги. Гдѣ мочажная система вызываетъ общее угодіе въ проведеніи мочаговъ, тамъ покосы также раздѣляются между членами улуса; въ другихъ случаяхъ покосы по островамъ и заливные луга находятся въ общинномъ владѣніи улуса и потому раздѣляются и передѣляются между его членами. Всѣ дѣла, относящіяся къ пользованію такою мірскою улусною землею, рѣшаютъ съ улуснымъ сходомъ.

Г. *Улусный сходъ совѣщается обо всѣхъ мірскихъ улусныхъ нуждахъ и возбуждаетъ о нихъ ходатайство предъ родовымъ старостой и Инородной Управой.* На практикѣ, тамъ дѣла относятся всегда къ спорамъ съ другими улусами или отдѣльнымъ лицомъ изъ за покосовъ, мочаговъ и пашень.

Д. *Улусный сходъ собирается по поводу всякаго происшествія въ улусѣ, и самъ мѣръ полнымъ сходомъ, съ участіемъ улуснаго старшины, производитъ розыскъ и разслѣдованіе всякаго преступленія и дѣлаетъ распоряженіе о поимкѣ и преслѣдованіи преступниковъ и бѣглыхъ до прибытія родового старосты, выборнаго Управы или становаго пристава.*

Е. Улусный сходъ разбираетъ все споры между жителями улуса; все дѣла, возникающія въ улусѣ, улусный сходъ старается окончить такимъ образомъ, чтобы оно не дошло до высшаго начальства, что сопряжено большею частію съ пріѣздомъ на мѣсто должностныхъ лицъ общественнаго управленія или правительственныхъ чиновъ и съ необходимымъ разгономъ обывательскихъ лошадей, съ работами міра о квартирѣ и пріемѣ. Въ большинствѣ случаевъ, міру удастся примирить враждующихъ, и дѣло кончается на мѣстѣ. Само собой разумѣется, что нерѣдки случаи, когда авторитетомъ улуснаго міра прикрываются на мѣстѣ и не доходятъ до подлежащихъ органовъ власти и дѣла, которыя и для инородцевъ въ ихъ кочевьяхъ признаются закономъ уголовными.

Со введеніемъ Судебныхъ Уставовъ въ Сибирь, когда мировые судьи стали проникать въ такія области отношеній, которыхъ дореформенные заседатели совершенно не касались, когда каждое возникающее дѣло стало получать быстрое движеніе и не остается погребеннымъ въ судебной волоките, когда судъ сталъ доступнѣе для населенія, — и улусные сходы стали осторожнѣе, о всякомъ происшествіи, оканчивающемся смертію иныхъ, сообщается Инородной Управѣ.

Осторожность въ уголовныхъ дѣлахъ со стороны улусныхъ сходовъ вызывается и тѣмъ, что со введеніемъ въ Сибирь Судебныхъ Уставовъ нерѣдки случаи, когда потерпѣвшая сторона, по совѣту какого-либо непризнаннаго адвоката, послѣ примиренія — по настоянію схода — съ обидчикомъ, подаетъ жалобу Мировому Судьѣ. Если дѣло подеудно судебнымъ мѣстамъ, то оно и получаетъ подлежащее движеніе; пострадавшимъ въ такихъ случаяхъ оказывается обидчикъ, несущій двойное наказаніе: уплатившій, по настоянію схода, за примиреніе потерпѣвшему, онъ привлекается къ суду и несетъ все послѣдствія уголовного процесса.

Слабость улуснаго міра, какъ послѣдствіе нелегальнаго положенія, особенно обнаруживается въ борьбѣ съ бѣглыми и конокрадами. Страхъ передъ местию конокрада заставляетъ цѣлые улусы терпѣть въ своей средѣ бѣглыхъ разныхъ воровъ, знать ихъ воровскія дѣла, присутствовать при ихъ сдѣлкахъ съ обворованными ими лицами, покорно являющимися въ улусы для выкупа похищеннаго табуна. Скрывая въ своей средѣ конокрада, улусъ или гарантируетъ своихъ членовъ отъ его посягательствъ на ихъ скотъ и лошадей, бродящихъ по степи „вольна, пехранимо“. Для стезняка мечь конокрада опаснѣе пожара.

Зато нерѣдки случаи ужасной мести.

По приговору Шалопина 1-й пол. рода, былъ сосланъ изъ улуса Болганова на р. Камыштѣ въ Кежемскую волость Топай Болгановъ. Убѣжавши скоро изъ мѣста ссылки, Топай Болгановъ вернулся въ свою семью въ Болгановъ улусъ, здѣсь онъ не скрывался не только отъ жителей Болгановскихъ улусовъ, но и отъ постороннихъ инородцевъ, входившихъ въ сношеніе съ Болгановыми. 12 апрѣля настоящаго года, утромъ въ Страстную Пяницу, онъ отправился изъ дому на Доможаковскую заимку, въ 8 верстахъ отъ ул. Болганова, за коровой, отданной имъ въ пастбу, и дамой уже не вернулся. Прождавъ его до вторника Пасхи, т. е. до 16 апрѣля, жена

его заявила объ исчезновеніи Тоная улускому старостѣ, двоюродному брату исчезнуваго конокрада. Міромъ, какъ водится, производили розыски; на заимкѣ никого не оказалось; недалеко отъ нея, около полверсты, въ разныхъ мѣстахъ, нашли деревяшку отъ его сѣдла, одну его рукавицу. Въ четвергъ, 18 апрѣля. тоже недалеко отъ заимки, въ логу, одинъ инородецъ случайно увидаль ноги чловѣка, виднѣвшіяся изъ-подъ груды каменныхъ плитъ. Разворочали плиты, и подъ плитами былъ обнаруженъ трупъ исчезнуваго Болганова. Черепныя кости его головы были раздроблены; все лицо сплющено. Вскрытіемъ установлено, что смерть его послѣдовала отъ надавленія камнями на голову, отъ чего произошелъ разрывъ печени. Другими словами, Тонай Болгановъ былъ раздавленъ, какъ давятъ гадовъ, наступая имъ на голову.

Тутъ несомнѣнна месть степняковъ, которые не могли справиться съ конокрадомъ законными средствами; вѣдь, конокрадство между инородцами отнесено къ нековымъ дѣламъ инородцевъ; а что съ конокрада возьмешь! Неудивительно, что важную должность въ инородческомъ быту табунаго пастуха у богатыхъ инородцевъ занимаютъ всегда извѣстные конокрады, пользующіеся покровительствомъ своихъ патроновъ, ввѣрившихъ имъ цѣлость своихъ табуновъ, т. е. все свое благосостояніе.

Улусные старшины не признаны закономъ, поэтому они и не облечены никакою властью; они несутъ лишь обязанности. Главнѣйшая ихъ обязанность собрать улусный сходъ по требованію каждаго лица, имѣющаго пужду въ содѣйствіи улуснаго міра или же въ константированіи какого-либо событія, отъ котораго лицо пострадало. Улусный старшина является исполнителемъ приказаній должностныхъ лицъ, прибывающихъ въ улусъ по дѣламъ службы: гдѣ нѣтъ станка,—онъ наряжаетъ отъ общества лошадей; въ крайнемъ случаѣ, найметъ ихъ, чтобы только не задержать чиновника. Онъ принимаетъ для прѣзжающихъ въ улусъ квартиры, указываетъ мѣстожительство инородцевъ его улуса, напр., при врученіи повѣстокъ, при вызовахъ къ слѣдствію и проч. Ему же первому сообщаютъ о происшествіи, и онъ же, посоветовавшись съ міромъ, доноситъ о случившемся Родовому Старостѣ или въ Инородную Управу; онъ же прекращаетъ маловажные проступки: возникшую въ улусѣ ссору, драку, вообще, все то, что можно прекратить не доводя до безпокойства всего общества.

Такъ какъ должность улуснаго старшины является вполне повинностью, и для общества безразлично, кто ее относитъ, то наблюдается нерѣдко явленіе, что вмѣсто избраннаго сына обязанности старшины исполняетъ его дряхлый отецъ, давнымъ давно ушедшій изъ платежныхъ душъ, или малолѣтокъ сынъ. Впрочемъ, такое же явленіе выражается и въ крестьянскомъ общественномъ строѣ, но тамъ такія замѣны бываютъ лишь десятекихъ, чисто исполнительныхъ должностныхъ лицъ.

Въ большихъ улусахъ въ помощь улусному старшинѣ избираются десятники; они являются дѣйствительно его помощниками, а при отсутствіи его изъ улуса, и замѣстителями.

VII. Станки и ящики.

Станки и ящики имѣютъ не послѣднее значеніе въ управленіи кочевыхъ инородцевъ, такъ какъ они являются главнѣйшими органами сношенія.

Въ тѣхъ улусахъ, гдѣ помѣщаются станки, дѣятельность улусныхъ старшинъ въ значительной степени сѣуживается, многія ихъ обязанности отправляютъ ящики или содержатели ящины. Снабженіе лошадьми должностныхъ лицъ, снабженіе временной квартирой, отправленіе и пересылка пакетовъ, даже пересылки заарестованныхъ—все эти обязанности, столь важныя въ дѣлѣ управленія, отправляются ящиками. Такимъ образомъ и они являются должностными лицами, несущими полицейскія обязанности. Какъ и у улусныхъ старшинъ, на станкахъ нѣтъ письменнаго производства, хотя они снабжены книгами для записи отпускаемыхъ лошадей.

Отъ станка до станка слѣдуетъ пакетъ, часто съ арестантомъ; въ пріемѣ и сдачѣ его никто не расписывается. Если нужно, чтобы пакетъ слѣдовалъ безъ замедленія, то вмѣстѣ съ сургучною печатью припечатываютъ коіонецъ пера. Такой пакетъ не будетъ валиться по станкамъ: его повезутъ немедленно.

Станки и ящики самое дорогое изъ инородческихъ установленій. Значительные расходы на подводную повинность вызываются большимъ протяженіемъ инородческихъ земель и отсутствіемъ контроля за правильностью требованій. Въ Абаканской Инородной Управы за 1898 годъ выгнали 21226 лошадей, и занято было гоньбой 52 человекъ; въ Аскизской Инородной Управѣ въ тотъ-же годъ было 20 станковъ при 80 лошадяхъ¹⁾.

Я склоненъ думать, что свѣдѣнія эти не представляютъ дѣйствительнаго положенія дѣла; требованія и отпускъ лошадей не записываются и на станкахъ, а между тѣмъ не рѣдки случаи требованія и отпусковъ лошадей для должностныхъ лицъ по дѣламъ службы, для отправленія пакетовъ, нарочныхъ и арестантовъ изъ тѣхъ улусовъ, гдѣ станки не учреждены.

¹⁾ Дѣло Уѣзднаго съѣзда 1899 г. № 1105.

VIII. Печать (Тамга).

Миусенискіе инородцы строго различают общественныя должности, замѣщаемыя на основаніи закона, отъ должностей, замѣщаемыхъ самими инородцами въ силу крайней необходимости, такъ какъ или законъ не регулируетъ многихъ сторонъ степной жизни, или учрежденныя, на основаніи положенія объ инородцахъ, должностныя лица не въ состояніи проявить свою власть и удовлетворить потребности подчиненнаго населенія въ защитѣ власти.

Въ глазахъ инородцевъ, должностныя лица, избираемая въ силу закона, какъ родовой староста—князь, голова и выборные управы—тѣ же правительственные чиновники, облеченные государственною властью; органы государственной правительственной власти и утверждаютъ ихъ въ должностяхъ. Составляя поэтому присутственныя мѣста, Инородныя управы и родовые старосты имѣютъ свои печати¹⁾.

Прочія должностныя лица: разныхъ наименованій сборщики, улусные старшины, десятники назначаются самими инородческими обществами въ своихъ интересахъ только потому, что безъ нихъ никакъ обойтись нельзя. Печать такимъ должностямъ не присвоена; органы правительственной власти ихъ не знаютъ; повинуются или въ силу авторитета міра, поставившаго ихъ, и въ силу того, что за спиною ихъ стоитъ безконтрольная власть князя—родового старосты.

Печать въ глазахъ инородцевъ—символь государственной власти; родовой староста не разстается съ печатью; все акты, исходящія отъ него, скрѣпляются печатью; точно также и акты Инородной управы.

Передача родовымъ старостой или выборнымъ Управы печати—равносильна отказу отъ должности и передачѣ своихъ полномочій. Сдача должности вновь назначенному лицу начинается передачею печати. Въ тѣхъ случаяхъ, когда родовой староста посылаетъ вмѣсто себя своего тязела, онъ передаетъ послѣднему печать родового старосты; на время отправления тязеломъ возложенной на него обязанности, пока у него печать, самъ родовой староста является какъ бы лишеннымъ власти: онъ лишенъ возможности совершить актъ правительственнаго характера, такъ какъ не имѣетъ возможности приложить къ нему свою „тамга“.

¹⁾ 144 ст. Общ. Губ. Учр.

IX. Надзоръ за инородческимъ управленіемъ.

Одинъ изслѣдователь Минусинскихъ инородцевъ приводитъ упомянутое мною въ предисловіи наставленіе губернатора Степанова для того, чтобы показать, какова была политика высшей администраціи*). Какой бы политики ни держалась губернская администрація, по отношенію къ тому или иному вопросу, во всякомъ случаѣ, политика ея не должна выходить изъ предѣловъ закона, такъ какъ вся дѣятельность администраціи является подзаконною.

Учрежденіе Управленія Сибирскихъ инородцевъ не знаетъ надзора за закономѣрностью инородческихъ общественныхъ учреждений,—оно знаетъ лишь порядокъ подчиненія степного управленія, или связь его съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ (отдѣленіе первое. IX ст. ст. 128—133): всѣ Инородныя управы или, гдѣ нѣтъ оныхъ, управленія родовыя *непосредственно* подчиняются Полицейскимъ управленіямъ или отдѣльнымъ засѣдателямъ, гдѣ сіи послѣдніе находятся, а *посредствомъ* Окружныхъ Полицейскихъ управленій всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ, надъ Окружными полицейскими управленіями власть имѣющими. При такомъ подчиненіи, въ то доброе старое время можно было давать какія угодно наставленія, проводить какія угодно государственныя теоріи и держаться какой угодно политики въ дѣлѣ улучшенія быта инородцевъ. Удивительнымъ, поэтому, представляется лишь то, что современные изслѣдователи, въ родѣ г. Кулакова придаютъ значеніе мѣропріятіямъ въ родѣ, напр.: „о соблюденіи начальствующими лицами правилъ о благосостояніи народа, о сохраненіи уваженія и довѣрія къ начальникамъ, о содержаніи въ чистотѣ улицъ и дворовъ, о засадкѣ деревьями промежутковъ усадебъ и о поимкѣ бѣглыхъ арестантовъ“, а въ наставленіи Степанова свидѣтельство о самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ власти, о значительномъ пониженіи характера инородческой жизни и объ умѣнши тогдашней власти приспособить свое изложеніе къ пониманію *первобытныхъ* людей“**).

„Когда звѣри рыщутъ по тайгамъ, имъ ничего не нужно болѣе, какъ ноги, чтобы избѣгать ловца, когти, чтобы обороняться, и зубы, чтобы утолить свой голодь. Человѣку одному также ничего не нужно болѣе, какъ стрѣлы и лукъ, чтобы достать пищу для самого себя и оборониться отъ звѣря. Но, когда человѣкъ имѣетъ у себя жену, дѣтей, внучать,—тогда нужно ему думать, какъ достать пищу не только для себя, но и для всего семейства—ему больше трудовъ и заботы.

*) П. Кулаковъ къ повѣишей исторіи Минус. и Ачинск. инор. стр. 8, въ книгѣ Минусинскіе и Ачинскіе инородцы. Статьи А. Кузнецовой и П. Кулакова. Красн. 1898 г.

***) Свѣдѣнія стр. 8 и 9.

„Когда нѣсколько семействъ соединятся въ одинъ улусъ, то помогаютъ другъ другу въ трудахъ своихъ: бѣдные трудятся для богатыхъ, богатые питаютъ ихъ и снабжаютъ всѣмъ, что нужно“. Это мѣсто изъ того-же наставленія губернатора Степанова. Едва ли здѣсь можно усмотрѣть „пониманіе инородческой жизни“. Почему эти бѣдные должны трудиться для богатыхъ: неужели такова цѣль соединенія нѣсколькихъ семействъ въ одинъ улусъ, или же въ томъ надо видѣть проведеніе началъ высшей культуры въ среду „первобытныхъ людей“.

Далѣе наставленіе, указывая на обязанность инородческихъ управленій относиться съ донесеніями къ исправнику и чрезъ него ходатайствовать о пользѣ родовичей, разъясняетъ: „не воспрещается также писать въ Красноярскъ, прямо на имя Губернатора или въ Губернскій Совѣтъ“. Это уже прямой призывъ къ нарушенію установленнаго закономъ порядка дѣйствій такъ какъ по 129 ст. Пол. объ инор. Инородческія управленія подчинены губернскимъ органамъ чрезъ посредство Полицейскихъ Управленій.

„Добрый и мудрый нашъ Государь и отецъ есть хозяинъ величайшаго на свѣтѣ государства. Богъ благословилъ его землями, какихъ не было ни у Чингисъ-Хана, ни у Батыхъ, ни у Кучума“.

Едва-ли умѣстно напоминать азіатскимъ племенамъ о бывшихъ азіатскихъ владыкахъ, о которыхъ къ тому же Минусинскіе инородцы ничего не помнятъ, какъ не знаютъ и другихъ монгольскихъ автократовъ; если же и упоминаютъ въ своихъ сказкахъ какое-либо имя въ родѣ Алтынъ-Хана или Чингисъ-Хана, то такое упоминаніе носитъ лишь легендарный характеръ. Едва-ли умѣстно въ такомъ—актѣ упоминать о Чингисъ-Ханахъ и Батыхъ тѣмъ племенамъ, которыя отбѣгли потомковъ родовича, первымъ принявшимъ подданство Бѣлаго Царя,—названіемъ Ахъ-Каска—Бѣлый Каска.

Я остановился на наставленіи Степанова, чтобы показать, что уже первый актъ высшей губернской администраціи, послѣ изданія Устава объ управленіи инородцевъ, является несогласнымъ съ закономъ.

Можно было бы привести много случаевъ, если позволительно такъ выразиться, проявленіе губернскаго и уѣзднаго просвѣщеннаго деспотизма по отношенію къ Минускимъ инородцамъ, надъ которыми уѣздные исправники, засѣдатели и даже губернскія власти производили свои культуртраерскіе опыты, не стѣняясь предѣлами своей власти и установленными закономъ порядкомъ дѣйствій; происходило это отъ того, что „существо и предѣловъ власти различнымъ установленіямъ губернійхъ, областейхъ и округахъ Сибирскихъ присвоенной, вообще сохраняетъ свое значеніе и относительно къ инородцамъ (134), при чемъ на губернатора возложенъ дѣятельный надзоръ за исполненіемъ правилъ по инородческому управленію, а также и главная отвѣтственность за общее благосостояніе инородцевъ (137).

Если „главная отвѣтственность за общее благосостояніе инородцевъ“ является ничѣмъ инымъ, какъ пустымъ звукомъ, словами безъ содержанія, то упоминаніе въ законѣ о дѣятельномъ надзорѣ въ связи съ главною от-

вѣтвенностью не могло не повести ни къ чему иному, какъ ко вмѣшательству всѣхъ и каждаго въ дѣла инородцевъ*).

По Высочайшему утвержденію, 2 іюня 1898 года врем. полож. о крестьянскихъ начальникахъ, Крестьянскому Начальнику принадлежить: 1) исполненіе лежащихъ на полиціи, согласно положенія объ инородцахъ, обязанностей *по общему наблюденію* за инородческимъ управленіемъ и попеченіе о нуждахъ инородцевъ, и 2) разрѣшеніе въ качествѣ 3-й степени словесной расправы судебныхъ дѣлъ инородцевъ, подвѣдомственныхъ ихъ родовымъ управленіямъ (35 ст. полож. о крест. начальн.).

Нынѣ крестьянскіе начальники переименованы въ крестьянскіе инородческіе начальники.

Въ данномъ случаѣ, законъ правильно опредѣляетъ участіе крестьянскихъ начальниковъ въ управленіи инородцами, какъ общее наблюденіе за инородческимъ управленіемъ и попеченіе объ ихъ нуждахъ. Правда, возлагая на крестьянскихъ начальниковъ попеченіе о нуждахъ инородцевъ, законъ значительно расширяетъ предѣлы „общаго наблюденія“. Но въ то же время, и этотъ надзоръ, и это попеченіе болѣе того опредѣлены въ положеніи объ инородцахъ. Какъ прежде на полицію, такъ и нынѣ на крестьянскихъ начальниковъ возлагается надзоръ за Инородными Управленіями и родовыми управленіями (183).

Подъ надзоромъ, казалось бы, слѣдовало понимать надзоръ за законностью дѣйствій уставовленныхъ органовъ инородческаго управленія.

Признавая инородцевъ стоящими на низкой „степени гражданскаго образованія“, не понимающими всего значенія правопорядка, не способными защищать свои интересы, законъ возлагаетъ на органы надзора „не допускать у почетныхъ инородцевъ, не исправляющихъ никакой службы, вмѣшиваться въ управленіе (184) и наблюдать, чтобы торгующіе не брали подводу у инородцевъ иначе, какъ по ихъ согласію и за условленную плату“. (185).

Попеченіе о нуждахъ инородцевъ заключается въ неупустительномъ донесеніи начальству, ежели будетъ предвидимъ недостатокъ въ народномъ продовольствіи (180). Въ случаѣ скотскаго наежа, заразительныхъ болѣзней и другихъ подобныхъ дѣйствій должны приняты неупустительныя мѣры, необходимо доносить о томъ по начальству и представлять ему о необходимыхъ пособіяхъ (181); къ особенному попеченію отнесено прививаніе инородцамъ предохранительной оспы (182).

Положеніе объ инородцахъ предоставляло полиціи, по дѣламъ благочинія и порядка, дѣйствовать не иначе, какъ по правиламъ, постановленномъ въ самомъ положеніи (179), которое знаетъ немного случаевъ, гдѣ полиція могла вмѣшиваться въ дѣла инородцевъ въ виду дискреціонной власти родового старосты при взысканіяхъ за маловажныя проступки (140) и въ виду подсудности родовымъ управленіямъ исковыхъ дѣлъ, къ которымъ

*) Примѣры вмѣшательства правительственныхъ органовъ въ дѣла инородцевъ приводятся многими авторами; вмѣшательства, обыкновенно, именуется „настояніями“. По настоянію Окружнаго Исправника учреждены въ 50 г Устьесанскій и Ушинскій хлѣбные запасные магазины (Матер. по изслѣд. земл. Енис. губ. т. IV, вып. 5 стр. 84.), существовавшій безъ разрѣшенія губернскаго начальства, и только въ 1888 году магазины были подчинены установленнымъ правиламъ. Также при-
виденныя у Кулакова дѣла: о мѣрахъ противъ пьянства и др.

отнесены и уголовныя дѣла, кромѣ возмущенія, намѣреннаго убійства, разбоя, насилія, дѣланія фальшивой монеты, похищенія кореннаго и общественнаго имущества и кражества (75).

Положеніе объ инородцахъ стремилось оградить независимость инородческихъ общественныхъ должностныхъ лицъ. Право удалять отъ должностей, въ степномъ управленіи занимаемыхъ, предоставлено Губернаторамъ, кромѣ главныхъ родоначальниковъ, коихъ удаленіе зависитъ отъ мѣстнаго Генераль-Губернатора (125). Причинами удаленія должны быть единственно: 1) уголовное преступленіе, 2) доказанное судомъ злоупотребленіе власти, 3) просьба подвѣдомственныхъ родовичей и 4) долги, если должникъ не имѣетъ другихъ средствъ къ уплатѣ оныхъ, кромѣ поступленія въ срочную работу (126).

Ясно, что каждой изъ перечисленныхъ причинъ случиться трудно въ степномъ управленіи, гдѣ уголовными преступленіями считаются лишь важнѣйшія преступленія, и гдѣ управляющій родомъ пріемлется въ значеніи старшаго лица. Затѣмъ, на основаніи 89, 306 и 307 ст. ст. Учрежд. Сибир. и 134 ст. Пол. объ инор., на должностныхъ лицъ инородческаго управления могли быть налагаемы слѣдующія взысканія въ дисциплинарномъ порядкѣ: замѣчаніе, выговоръ и пеня. Задержаніе или арестъ и секвестръ имущества могли быть примѣняемы въ случаѣ, указанномъ 620 ст. Уст. о прям. пол. т. е. при взысканіи недоимокъ.

Законъ 2 Іюня 1898 года внесъ значительныя измѣненія въ самое существо отношенія кочевыхъ инородцевъ и ихъ органовъ общественнаго управления къ органамъ надзора т. е. къ крестьянскимъ начальникамъ.

По 41 ст. Полож. о крест. нач., въ случаѣ непосредственно усмотрѣннаго самимъ крестьянскимъ начальникомъ совершена лицами, подвѣдомственными инородческому управленію, нижеслѣдующихъ проступковъ: 1) неисполненія законныхъ требованій или постановленій другихъ правительственныхъ властей; 2) нарушенія общественной тишины (по средствомъ ссоры, драки или иного буйства) и 3) грубости ко властямъ,—крестьянскому начальнику предоставляется: или распорядиться привлеченіемъ виновныхъ къ ответственности въ общеустановленномъ порядкѣ или подвергнуть ихъ собственной властію, безъ формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей. Означенныя наказанія могутъ быть опредѣлены крестьянскимъ начальникомъ за неисполненіе законныхъ требованій или постановленій правительственныхъ властей въ томъ лишь случаѣ, если виновные не были привлечены къ ответственности въ порядкѣ судебномъ.

Нарушеніе общественной тишины посредствомъ ссоры, драки или иного буйства не могутъ быть по существу отнесены къ исковымъ инородческимъ дѣламъ, хотя и могутъ влечь за собою исковыя требованія, напр., при причиненіи ранъ, увѣчья. По силѣ 140 ст. Пол. объ инор., родовой староста за эти дѣянія можетъ лишь взыскивать по обычаямъ своего племени и въ качествѣ домашняго исправленія; нынѣ рядомъ съ такою властью родовой старосты установлена и власть крестьянскаго начальника (49 ст. Полож. о кр. нач.) подвергать аресту и денежному взысканію. Можетъ, конечно, вызвать недоумѣніе, что конокрадство или грабежъ, безъ насилія, между инород-

цами отнесены къ ихъ исковымъ дѣламъ, а драки, ссора и буйство между ними составляютъ проступки, караемые штрафомъ или арестомъ.

По 42 ст. Полож. о кр. нач., крестьянскій начальникъ, вслѣдствіе рассмотрѣнія жалобъ, принесенныхъ ему на дѣйствія должностныхъ лицъ инородческаго управленія, а также въ случаѣ непосредственно усмотрѣнныхъ имъ самимъ маловажныхъ проступковъ означенныхъ лицъ по должности, имѣютъ право подвергать ихъ, безъ формальнаго производства, одному изъ слѣдующихъ взысканій: замѣчанію, выговору, денежному взысканію не свыше пяти рублей или аресту не свыше семи дней. За болѣе важныя нарушенія крестьянскому начальнику предоставляется временно устранять означенныхъ должностныхъ лицъ отъ должностей и входить съ представленіями въ уѣздный сѣздъ крестьянскихъ начальниковъ о совершенномъ увольненіи должностныхъ лицъ Инородческаго Управленія отъ службы или о преданіи ихъ суду.

Изъ сопоставленія 42 ст. Полож. о кр. нач., т. 5 ст. 26 Учреж. Сиб., и 118, 125 и 126 ст. ст. Полож. объ инор., видно, что уѣздный сѣздъ крестьянскихъ начальниковъ не можетъ собственною властію устранять отъ должности должностныхъ лицъ Инородческаго Управленія. На основаніи 42, 61 и 71 ст. ст. Полож. о кр. нач. постановленія сѣзда объ окончательномъ удаленіи должностныхъ лицъ Инородческаго Управленія отъ должностей и о преданіи ихъ суду приводятся въ исполненіе не иначе, какъ съ утвержденія Губернатора, отъ котораго зависить и утвержденіе ихъ въ должностяхъ. Точно также, по 63 ст. Полож. о кр. нач., Уѣздный сѣздъ вноситъ по предложеніямъ Губернатора въ общее присутствіе Губернскаго Управленія представленія объ окончательномъ удаленіи должностныхъ лицъ Инородческаго Управленія отъ должностей и о преданіи ихъ суду.

Особое положеніе занимаютъ въ степномъ управленіи письмоводители Инородныхъ Управъ. Ихъ принимаютъ и отставляютъ сами степныя управленія (127).

Можно думать, что творецъ устава объ управленіи инородцевъ стремился дать инородческимъ письмоводителямъ независимое отъ администраціи положеніе для того, чтобы они могли явиться сознательными защитниками инородческихъ интересовъ, такъ какъ сами инородцы, вслѣдствіе ихъ низкаго культурнаго уровня, совершенно безпомощны съ болѣе культурными русскими; письмоводитель, по вѣдому, долженъ былъ явиться сознательнымъ руководителемъ инородцевъ въ сложныхъ общественно-правовыхъ отношеніяхъ Инородческихъ управленій къ ихъ начальству.

Дѣйствительность не могла оправдать такихъ надеждъ, потому что весь административный строй Сибири былъ противъ всякой мѣстной самостоятельности и тѣмъ болѣе противъ самостоятельности и независимости отъ администраціи письмоводителей Инородныхъ Управъ, которые по своему составу не способны были занять подобающее имъ мѣсто въ инородческомъ управленіи, а приниженные Инородческія Управленія, подчиненныя во всемъ Полицейскимъ управленіямъ и засѣдателямъ, не могли оказать какой-либо поддержки тому изъ нихъ, который явился бы полезнымъ для нихъ дѣятелемъ, да едва-ли инородцы въ состояніи и оцѣнить качества письмоводителя,

такъ какъ слишкомъ слабо у нихъ сознаніе правомѣрности въ управленіи. „Немногіе, сравнительно, лучшіе письмоводители, попадавшіе въ Думу, говоритъ А. Ясловъ*): задерживались въ ней, обыкновенно, очень недолго. Само Окружное начальство смотрѣло на службу въ Думѣ, какъ на своего рода ссылку, и время отъ времени переводило сюда изъ волостей провинившихся тамъ писарей, а письмоводителей Думы, въ награду за усердіе и знаніе дѣла, назначали волостными писарями. Такъ удаленный въ 1872 году изъ Ужура волостной писарь перешелъ въ Думу письмоводителемъ, письмоводитель же Думы назначенъ Ужурскимъ волостнымъ писаремъ. Въ 1876 году Ачинское Окружное Полицейское Управленіе предписываетъ Думѣ „велѣдствію избранія письмоводителя Думы, мѣщанина Патюкова Назаровскимъ волостнымъ писаремъ нынѣ же уволить Патюкова...“ и сдать всѣ дѣла „командированному вмѣстѣ съ симъ, впредь до избранія обществомъ другого письмоводителя... Максимову“. Черезъ мѣсяцъ этотъ Максимовъ былъ, конечно, избранъ письмоводителемъ. Какъ велось у Кызыльцевъ, такъ велось же и у сосѣднихъ имъ Качинцевъ и Сагайцевъ.

28 Іюня 1900 года Аскизскимъ управскимъ сходомъ былъ утвержденъ въ должности письмоводителя Управы крестьянинъ Василевскій, на допущеніе котораго къ службѣ предшествовало разрѣшеніе Крестьянскаго Начальника.

Должность письмоводителя Инородной Управы осталась не затронутой закономъ 2 іюля 1898. Въ немъ вездѣ должности инородческаго управленія поставлены на ряду съ должностями сельскаго и волостного крестьянскаго управленія, напр., 42, 63, 71 и др. статьи Вр. Полож. о кр. начал.; въ статьѣ же 20 Крестьянскому Начальнику предоставлено удалять отъ должности неблагонадежныхъ волостныхъ писарей, ихъ помощниковъ и сельскихъ писарей; о письмоводителяхъ же Инородныхъ Управъ положеніе о крестьянскихъ начальникахъ совершенно умалчивается. Такимъ образомъ, кромѣ удаленія ихъ стѣнными управленіями, они могутъ быть устранены порядкомъ, указаннымъ въ 71 ст. Полож. о кр. нач.

Возникаетъ болѣе серьезный вопросъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ инородческаго управленія, не установленныхъ положеніемъ объ инородцахъ, но созданныхъ условіями стѣнной жизни и въ интересахъ управленія, какъ улусные старшины, эсаулы и др.

Само собой разумѣется, „общее наблюденіе за инородческимъ управленіемъ и поощреніе о нуждахъ инородцевъ“, ввѣренныя Крестьянскому Начальнику, должны распространяться на всѣ стороны инородческаго управленія; разъ обычаемъ созданы должности, и онѣ необходимы, то изъ этого положенія одинъ выходъ: не исключать ихъ изъ установленнаго закономъ надзора за управленіемъ. Если Инородныя Управы и родовые старосты являются во многихъ случаяхъ распорядительными органами общественнаго управленія,—то разнаго наименованія сборщики, улусные старшины, десятники, ямщики—являются ихъ исполнительными органами. Отвѣтственность ихъ за преступленія и проступки должности должна слѣдовать общему порядку,

*) Кызыльцы и ихъ хозяйство. Юрьевъ 1899. Стр. 70.

установленному за должностныя преступленія въ зависимости отъ состава преступленія.

Поэтому совершенно неправильнымъ представляется мнѣніе М. А. Софьянникова въ статьѣ „Инородцы Читинскаго округа“: „такъ какъ должность улуснаго старшины не только не положена по закону, но даже не санкціонирована никакимъ распоряженіемъ высшаго начальства, то крайне затруднительно обращаться къ этимъ старшинамъ съ какимъ-либо порученіемъ, такъ какъ въ случаѣ неисполненія нѣтъ законнаго основанія взыскивать съ нихъ за это.“*)

Едва-ли можетъ быть указанъ случай, что улусный старшина отказался исполнить какое—либо порученіе правительственныхъ должностныхъ лицъ, если тому не препятствовала абсолютная невозможность. Принимая должность улуснаго старшины, каждый инородецъ заранѣе знаетъ, за какими услугами могутъ къ нему обратиться, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и въ своихъ интересахъ, и въ интересахъ своего улуса онъ старается скоро и точно выполнить возложенныя на него порученія заѣхавшаго чиновника, не выходящія, обыкновенно, изъ предѣловъ мелкихъ услугъ, въ которыхъ встрѣчается нужда, при исполненіи своихъ обязанностей, то или другое должностное лицо: найти переводчика, отыскать мѣстнаго жителя, распорядиться подачей лошадей и проч.

Должностныя злоупотребленія по своему объекту тождественны съ общими преступленіями противъ порядка управленія, отъ которыхъ они отличаются лишь способомъ преступнаго противодѣйствія правительственной власти и порядку государственнаго управленія, поэтому и нѣтъ необходимости въ распространительномъ толкованіи должности; въ степномъ управленіи, гдѣ многія стороны правовой жизни регулируются обычнымъ правомъ, немного можно указать случаевъ, гдѣ должностными лицами инородческаго управленія, не установленными закономъ, могутъ быть совершены именно должностныя преступленія, но они могутъ быть, напр.: освобожденіе улуснымъ старшиной принятаго для доставленія арестанта, взятка за такое освобожденіе.

Здѣсь и преданіе суду улуснаго старшины должно слѣдовать въ особомъ должностномъ порядкѣ въ виду самаго свойства преступнаго дѣянія.

Слабая сторона инородческаго управленія, однако, заключается въ другомъ, а именно: органы степнаго управленія, въ сферѣ осуществленія задачъ, касающихся круга интересовъ самихъ инородцевъ и регулируемыхъ степными обычаями, не обладаютъ необходимой силой для приведенія въ исполненіе своихъ рѣшеній.

Въ этой сферѣ отношеній степное управленіе носитъ вполне *частно-правный характеръ*, не является государственнымъ управленіемъ. Въ то время, какъ органы общественнаго управленія: земскаго, городского, крестьянскаго, для осуществленія своихъ законныхъ требованій могутъ обращаться или къ суду, или къ правительственной власти—и въ томъ, и другомъ случаѣ они, изъ необходимости, могутъ осуществить свои законныя требова-

*) Труды Троицко-Савско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отд. Имп. Р. Г. Об. т. I вып. 1. 1898, стр. 17.

нія государственными силами,—инородческія управления въ указанной сферѣ лишены этой возможности: они предоставлены самимъ себѣ.

И въ томъ отношеніи положеніе кочевыхъ инородцевъ сходно съ положеніемъ *Perigrini deditici*; надо только помнить различіе условий и задачъ Римскаго и современныхъ государствъ.

Подобно тому, какъ *Perigrini deditici* не имѣли никакихъ правъ *ei jure civile*, кочевые инородцы лишены всякой защиты отъ преступныхъ посягательствъ со стороны инородцевъ же въ предѣлахъ кочевьевъ на ихъ свободу, жизнь и имущество (за исключеніемъ случаевъ намѣренного убійства, разбоя и грабежа съ насиліемъ), такъ какъ все такія преступленія отнесены къ исковымъ дѣламъ инородцевъ, подлежащимъ разсмотрѣнію ихъ словесной расправы, а главная обязанность словесной расправы состоитъ въ прекращеніи частныхъ между инородцами несогласій и въ примиреніи спорящихъ на основаніи степныхъ законовъ и обычаевъ. Что можетъ значить примиреніе обварованнаго или ограбленнаго съ грабителемъ или воровъ, у которыхъ, обыкновенно, ничего нѣтъ, и поэтому имъ нечѣмъ вознаградить причиненный ущербъ. Съ другой стороны у родового старосты нѣтъ средствъ и силъ привести въ исполненіе свое рѣшеніе, состоявшееся противъ богатаго или сильнаго инородца, если онъ откажется добровольно исполнить предъявленное къ нему родовымъ старостой требованіе. Не удивительно, что бѣднѣйшій классъ инородцевъ находится какъ-бы внѣ закона, существуетъ благодаря милости болѣе богатыхъ родовичей, у которыхъ взаимныхъ споровъ почти не бываетъ, благодаря отдаленности ихъ—другъ отъ друга—кочевьевъ. Потому въ инородческомъ степномъ юридическомъ быту наблюдается любопытное явленіе, какъ сдѣлка нашихъ *perigrinik'ovъ*, совершенная *ex jure naturali*, т. е. мировое соглашеніе на основаніи степныхъ законовъ и обычаевъ становится подъ защиту общихъ законовъ имперіи, т. е. превращается въ сдѣлку *ex jure civili*. Для того мировое соглашеніе, составляется при участіи родового старосты на осн. 86 ст. полож. объ инор., облечается въ письменную форму и свидѣтельствуется установленнымъ порядкомъ. По наступленіи срока для исполненія по сдѣлкѣ, и если не последовало добровольнаго исполненія со стороны обязаннаго, то сдѣлка представляется для взысканія Мировому Судьѣ. Послѣ состоявшагося рѣшенія Мирового Судьи, тотъ же самый родовый староста, который былъ безсиленъ произвести взысканіе по степнымъ законамъ и обычаямъ, по предъявленіи ему взыскателемъ неполнительнаго листа пользуется способами взысканія по уставу Гражданскаго Судопроизводства.

Законъ не даетъ органамъ общественнаго управленія инородцевъ никакихъ указаній даже о способахъ взысканія податей, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ сдѣлать отвѣтственнымъ родовое управленіе за весь родъ и взыскивать подати съ него за весь родъ, какъ съ одного нераздѣльнаго лица, а преступленія: кражу, разбой, грабежъ отнесъ къ исковымъ инородческимъ дѣламъ. Хороши исковыя дѣла, при производствѣ которыхъ, для раскрытія истины, употребляются пытки!

Послѣ этого звучитъ злой проніей возложенная закономъ на родовое управленіе обязанность: *въ особенностяхъ родовое управленіе обязано*

прилагать стараніе, дабы постановленія объ инородцахъ, ему въвѣренныхъ, были ему извѣстны. (152).

Если жалобы на юридическое невѣжество массы нашихъ крестьянъ сдѣлались общимъ мѣстомъ, то что же можно сказать о сибирскихъ инородцахъ, многіе изъ которыхъ и теперь не говорятъ по русски.

Вѣдь никто палець о палець не ударилъ для распространенія среди нихъ юридическихъ знаній, если не считать цитированнаго выше наставленія губернатора Степанова, да приведенной 152 ст. пол. объ Инор., обязывающей родовыхъ старостъ знать постановленія объ инородцахъ. Между тѣмъ для проведенія въ крестьянскую массу юридическихъ свѣдѣній сдѣлано немало; надъ толкованіемъ крестьянскихъ законовъ трудилась блестящія умы русской юридической мысли; для руководства крестьянъ, говорящихъ отъ рожденія на русскомъ языкѣ, изданы многотомные сборники законовъ въ родѣ Горемыкина, Данилова и друг., для нихъ составлены и изданы многочисленныя популярныя изложенія законовъ, какъ отца Блинова, Иванова и др.; для руководства крестьянъ имѣются ясныя, по изложенію, отвѣчающія, по точности, научнымъ требованіямъ Институціи для волостныхъ судовъ, руководство В. Муравьева; ежедневная пресса не оставляетъ своимъ вниманіемъ cadaго явленія правовой жизни крестьянъ.

Сибирскіе инородцы стоятъ въ сторонѣ отъ большого свѣта, ими больше интересуются этнографы, да и то въ большинствѣ случаевъ любители, открывающіе иногда удивительныя вещи, какъ, напр.: супружеская любовь у инородцевъ едва-ли существуетъ. Мужъ и жена обращаются другъ съ другомъ, какъ чужіе, ласкъ и любезностей нѣтъ въ поминѣ, и чувство ревности имъ неизвѣстно. *) Куда ужъ тутъ до правовой жизни, когда у Качинцевъ отрицаются элементарныя человѣческія чувства и ихъ проявленія!

*) Качинскіе татары Минусинскаго округа съ предисловіемъ Потанина. Изв. Имп. Рус. Г. Об. т. XX. стр. 11.

Расколъ въ Сибири и въ Томскѣ за XVII вѣкъ.

Первое появленіе раскола въ Сибири.—Ссылные расколоучители: протопопъ Аввакумъ, монахъ Іосифъ Истомино и др. и ихъ совратительная проповѣдь.—Раскольники между ссылными вообще.—Вольные переселенцы (бѣглецы) въ Сибирь и послѣдователи раскола въ ихъ большой массѣ.—Первоначальный расколъ въ западныхъ при-уральскихъ частяхъ Сибири и первыя саможигательства тамъ.—Расколъ въ Енисейскѣ, Дауріи и Якутскѣ.—Появленіе раскола въ Томскѣ.—Расколоучитель Василій Шапочниковъ.—Первыя саможигательства около Томска.

Расколъ, послѣ его возникновенія въ центральной Россіи, появился въ Сибири весьма рано. Его распространяли здѣсь невольные пришельцы, умножали и укореняли переселенцы добровольные. Тѣ и другіе дѣйствовали съ успѣхомъ, свидѣтельствующимъ, что русское населеніе въ Сибири и само не было склонно къ принятію церковныхъ „новшества“.

Среди ссылныхъ людей второй половины XVII столѣтія мы встрѣчаемъ такого яраго представителя раскола и такого сильнаго расколоучителя, какимъ былъ протопопъ Аввакумъ. За личное сопротивленіе начатому патріархомъ Никономъ дѣлу церковныхъ исправленій и настойчивое подстрекательство къ тому-же сопротивленію другихъ людей, Аввакумъ отправился въ Сибирь въ концѣ 1653 года ¹⁾. Мѣстомъ ссылки назначенъ былъ г. Тобольскъ, куда протопопъ прибылъ въ 1654 г. и гдѣ сибирскій архіепископъ Симеонъ принималъ ссылнаго радушно и даже нашелъ возможнымъ опредѣлить его на священническое мѣсто при одной изъ городскихъ тобольскихъ церквей ²⁾.

Богатырская, кипучая натура протопопа ингдѣ не могла ужиться спокойно. По разнымъ поводамъ сильно шумѣлъ Аввакумъ и въ Тобольскѣ и особенно шумно заявлялъ себя въ томъ, что открыто „отъ писанія бранилъ и укорялъ Никона—еретика“. Шумство, тѣмъ болѣе по послѣднему поводу, не прошло даромъ. Изъ Москвы пришло приказаніе увести ссылнаго въ глубь Сибири—на Лену, а когда довели до Енисейска, присланъ былъ (въ 1656 г.) другой указъ отправить его въ Даурскую землю и для препровожденія туда присоединить къ экспедиціи воеводы Афанасія Пашкова. ³⁾ И долженъ былъ отправиться безпокойный, неугомонный протопопъ въ Дауры — „тысячъ съ двадцать и больше будетъ отъ Москвы“, писалъ онъ впоследствии, ⁴⁾—поплылъ по пустыннымъ рѣкамъ и озерамъ вышней Восточной Сибири подъ присмотромъ свирѣпаго воеводы, отъ жестокости и озорничества котораго потерпѣлъ множество мукъ.

Даурское тяжкое скитаніе Аввакума продолжалось до іюня 1662 го-

¹⁾ А. Б. Бороздинъ.—Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкъ. С.П.Б. 1898 г. стр. 66.

²⁾ Житіе Протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное. Изд. Кожанчикова Спб. 1862. стр. 26. См. то же житіе, напечатанное по рукописи Казанской Духовной Академіи, въ приложеніи къ сочин. Бороздина—Протопопъ Аввакумъ, стр. 96.

³⁾ Бороздинъ. Прот. Аввакумъ. Приложеніе, стр. 98.

⁴⁾ Тамъ-же. См. житіе протоп. Аввакума, имъ самимъ написанное. Изд. Кожанчикова, стр. 30.

да, ¹⁾ когда, по удаленіи патріарха Никона изъ Москвы и по усиленнымъ хлопотамъ друзей протопопа, участь его круто измѣнилась. Царскою милостию ссыльному разрѣшено было снова быть въ Москвѣ.

Обратный путь продолжался, по словамъ Аввакума, три года. На этомъ пути онъ продолжительно останавливался въ Енисейскѣ и цѣлую зиму провелъ въ Тобольскѣ и вездѣ „по градамъ, по селамъ и въ пустынныхъ мѣстахъ“ слышалось его энергичное слово, въ которомъ „не обинуясь“ обличалъ никоніанскую ересь, свидѣтельствуя истину и правую вѣру о Христѣ Ісусѣ“. ²⁾

Оставшись на зиму въ Тобольскѣ, Аввакумъ, въ интересахъ своей правой вѣры, часто ходилъ въ „большую“ (соборную) церковь наблюдать, какъ отправляютъ службу по новонаправленнымъ книгамъ, какъ дѣйствуютъ въ алтарѣ, какъ просфиры вынимаютъ— „что тараканы просфиру ищиплуть“. Все это раздражало протопопа, задѣвало его заживое и заставляло обличать соборныхъ священниковъ отъ писанія, „ругаться ихъ бездѣлю“ ³⁾. Частое хожденіе въ православный храмъ повело, однако, къ тому, что протопопъ сталъ постепенно сживаться съ нововведеніями, мириться съ ними и затихъ. Послѣдовало видѣніе и прежняя обличительная ревность Аввакума приобрѣла еще больше въ своей неудержимости и настойчивости. Расскажемъ объ этомъ его собственными словами. „А егда привыкъ ходить“ въ большую церковь, „такъ и говорить пересталъ, что жаломъ ужалило; молчать было захотѣлъ. Въ царевнины имянины отъ заутрени пришедъ, взвалился (спать). Во снѣ мнѣ сказано: „али ты въ толкигъхъ бѣдахъ и напастяхъ единяешься съ ними? Блюди, да не полма растесанъ будеши. Я вскочилъ въ ужасѣ велицѣ и палъ предъ иконою. Говорю: Господи, не стану ходить, гдѣ поновому поють. Да и не пошелъ къ обѣдни къ той церкви. Къ инымъ ходилъ цервамъ, гдѣ православное пѣніе и народы училъ, обличая злобѣсовское и прелестное мудрованіе“. ⁴⁾

Едвали нужно распространяться, что непрестанная, непреодолимая ревность самого авторитетнаго изъ расколоучителей имѣла огромное значеніе въ дѣлѣ распространенія и утвержденія раскола въ Сибири. Въ Тобольскѣ, Енисейскѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ Аввакумъ „народы училъ“, вездѣ онъ находилъ ревностныхъ и горячихъ учениковъ и послѣдователей. ⁵⁾

Въ то время, когда Аввакумъ жилъ и училъ казаковъ въ далекой Дауріи, въ Сибирь прибылъ еще одинъ изъ видныхъ вождей первоначальнаго раскола—монахъ Іосифъ Истомино, сосланный за упорство въ сопротивленіи церковнымъ исправленіямъ изъ Казани. ⁶⁾

Уже на пути въ Сибирь—въ Верхотурь, Туринскѣ и Тюмени Іосифъ не пропускалъ случая указывать народу на крайнюю пагубу никоновыхъ церковныхъ

¹⁾ Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ, стр. 83.

²⁾ Тамъ-же, стр. 62 и въ приложеніи, стр. 109.

³⁾ Бороздинъ, въ приложеніи, стр. 109.

⁴⁾ Житіе протопопа Аввакума въ приложеніи у Бороздина, стр. 109—110. Ср. Изд. Божанчикова, стр. 65.

⁵⁾ Протопопъ Аввакумъ въ Сибири. Статья Ив. Сырцова. Тоб. Епар. Вѣдомости. 1885 г. № 18, стр. 410—412.

⁶⁾ Посланія Игнатія, митроп. Тобольскаго. Казань. 1857, стр. 107.

новшество¹⁾), а когда проживалъ въ Енисейскѣ, мѣстѣ, назначенномъ для его заточенія, внушенія его не умолкали въ продолженіе подрядъ многихъ лѣтъ. ²⁾ Внушенія состояли въ томъ, чтобы въ церковь не ходить, у поповъ, вѣрныхъ никоніанству, благословенія не принимать, у нихъ не исповѣдываться и отъ нихъ не причащаться; крестъ на себѣ двумя персты творить, а троеперстного сложенія никако же не принимать: се убо есть антихристова печать.“ ³⁾

„Вельми возмущавшій стадо Христово“⁴⁾, Истоминъ изъ Енисейска вызванъ былъ въ 1784 году для увѣщаній въ Тобольскъ. Послѣ увѣщаній, сопряженныхъ съ пыткой, онъ принесъ раскаяніе за свои убѣжденія и проповѣдь этихъ убѣждений, но раскаяніе притворное, вынужденное. Сибирскій митрополитъ Павелъ указалъ жить покаившемуся въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ подъ присмотромъ архимандрита Герасима. Но, и состоя подъ надзоромъ, Іосифъ не переставалъ „изрыгать ядъ“ своей ереси предъ тѣми, съ кѣмъ изъ монастырскихъ богомольцевъ успѣвалъ завести свою потаенную бесѣду. ⁵⁾

„Кто изречетъ оныя хулы, яже сіи, Аввакумъ и Астамень (Истоминъ), изрыгаша, восклицаетъ митроп. Игнагій по поводу совратительной дѣятельности этихъ расколоучителей, „и какова чадѣнія, спрѣчь угару, прежде въ Россіи, потомъ въ сибирской сей страпѣ не исполниша!“ ⁶⁾

Въ одномъ изъ письменныхъ памятниконъ Иркутской старины, именно въ Иркутской „расходной книгѣ хлѣбнымъ запасамъ“ за 1673 г. значится такая помѣта: „по Енисейской указной памяти дано ссыльнымъ людямъ — соловецкаго монастыря старцамъ и бѣльцамъ—Іонѣ съ братією на кормѣ 4 чети съ осминою ржи и муки ржаной.“ ⁷⁾ Несомнѣнно, что эти ссыльные принадлежали къ числу тѣхъ ратоборцевъ за старые книги и обряды, которые подняли извѣстный соловецкій бунтъ. И, повятно, какъ на пути въ ссылку, такъ и на мѣстѣ ея Іона и его товарищи не хотѣли быть молчаливыми относительно мнимаго отступленія Руси вслѣдствіе исправленій, введенныхъ Никономъ.

Въ 1679 году, по указу государей, были посланы въ Сибирь церковные раскольщики и мятежники бывший пономарь Сенька Алексѣевъ и Васька Новгородцевъ. Въ Тобольскѣ, въ присутствіи боярина и воеводы Петра Васильевича Шереметева, ихъ спрашивалъ и увѣщевалъ сибирскій митроп. Корнилій. На вопросахъ „раскольщики“ говорили, что въ церковь не ходятъ и ходить не будутъ, не исповѣдываются и не причащаются и впредь исповѣдываться и причащаться не хотятъ. Изъ Тобольска ихъ отправили чрезъ Енисейскъ въ Илимскій острогъ, а отсюда препроводили въ Якутскъ съ повелѣніемъ содержать „мятежниковъ“ скованными за крѣпкимъ карауломъ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 108.

²⁾ Тамъ-же, стр. 161.

³⁾ Тамъ-же, стр. 111.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 153.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 154—156.

⁶⁾ Тамъ же стр. 108—109.

⁷⁾ П. Головачевъ. Первое столѣтіе г. Иркутска. Спб. 1902, стр. 49.

въ земляной тюрьмѣ, чтобы „никто къ нимъ не приходилъ и злого ихъ ученія не принималъ.“ Но за всю бытность въ Якутскѣ воеводою Ив. Приклонскаго, данное повелѣніе исполнялось не точно и не строго. Раскольники содержались безъ оковъ и не въ земляной, а въ обычной тюрьмѣ, при чемъ и сами могли выходить изъ заключенія и принимать къ себѣ входящихъ. Смѣнившій Приклонскаго воевода Матвѣй Кровковъ настоялъ на томъ строгомъ заточеніи Алексѣева и Новгородцева, какое было предписано изъ Москвы. ¹⁾

Вслѣдъ за исчисленными видными представителями раскола неволью шли въ Сибирь, хотя и не всегда по расколу, а чаще, по другимъ гражданскимъ преступленіямъ раскольники обычнаго ранга. Ихъ было много среди ссыльныхъ стрѣльцовъ ²⁾ и еще больше между ссыльными вообще, тѣми ссыльными, которыми къ концу XVII вѣка „сибирскіе города, слободы и деревни вездѣ наполнились.“ ³⁾

Одновременно съ ссыльными шли въ отдаленную сторону раскольники и добровольно. Прежде всего они брели въ массѣ тѣхъ переселенцевъ, которые уходили изъ родныхъ мѣстъ, понуждаемые разными тягостями гражданскаго состоянія. Въ Сибирь такіе переселенцы текли по преимуществу изъ сѣверныхъ областей Россіи. Въ 1670 году воеводы изъ Соли-Камской и Устюга писали въ Москву вел. государю, что въ недавнихъ прошлыхъ и въ этомъ, 1670 году, многіе пахотные крестьяне изъ Устюжскаго и Усольскаго уѣздовъ, покиня свои тяглые жеребья впускъ, выѣхали и выѣзжаютъ въ уѣзды сибирскихъ городовъ въ такомъ множествѣ, что въ Устюжскомъ и Усольскомъ уѣздахъ учинилась великая пустота. Въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ одного 1670 года проѣхало близъ Верхотурья бѣглыхъ тяглыхъ людей съ женами и дѣтьми 2051 человекъ и изъ этого числа прошло къ Тюмени 518 человекъ. ⁴⁾

Въ большихъ количествахъ переселенцы изъ сѣверныхъ частей Россіи прошли въ Сибирь въ 1676, ⁵⁾ 1680, 1681, 1682 и 1683 ⁶⁾ годахъ. Дѣло дошло наконецъ до того, что на пути слѣдованія бѣглецовъ велѣно было устроить заставы. Но въ 1687 году снова вѣдомо учинило съ государямъ, что изъ поморскихъ городовъ бѣгутъ въ Сибирь разныхъ чиновъ люди—уѣздные и нашенные крестьяне. ⁷⁾

Въ самомъ концѣ XVII в. приливъ самовольныхъ пришельцевъ въ сибирскія слободы и деревни происходилъ тѣмъ усиленнѣе, что въ російскихъ поморскихъ и иныхъ многихъ городахъ и уѣздахъ былъ за это время хлѣба недородъ. ⁸⁾

Что въ большой массѣ вольныхъ переселенцевъ изъ Россіи въ Сибирь было много раскольниковъ, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Сѣверная окраина

¹⁾ Дополн. къ Акт. истор. т. VII, № 6. См. т. XI, № 39

²⁾ Тамъ-же. т. VII, № 6.

³⁾ Тамъ-же. т. XII, № 91.

⁴⁾ Акты истор. IV, № 220.

⁵⁾ Тамъ-же. V, 8—11.

⁶⁾ Тамъ-же. V, 109.

⁷⁾ Тамъ-же. V, № 159.

⁸⁾ Тамъ-же. V, № 286

Россіи была преимущественнымъ мѣстомъ распространенія раскола вскорѣ послѣ его возникновенія особенно она усилилась расколомъ послѣ усмиренія Соловецкаго бунта, когда бунтовавшіе иноки разбрелись по всѣмъ частямъ Сѣвернаго пространства, всюду проповѣдуя о пагубѣ, шедшей отъ Никона и никоніанъ. Въ частности на великое множество раскольниковъ въ Устюжскомъ и Усольскомъ уѣздахъ, въ 1683 году, указывалъ Устюжскій архіепископъ Геласій. ¹⁾

Но были среди переселенцевъ пришельцы, являвшіеся въ Сибирь спеціально по мотивамъ, связаннымъ съ расколомъ. Они тянулись сюда, считывая въ отдаленной и малонаселенной странѣ свободнѣе жить по расколу и удобнѣе укрывать его здѣсь. Въ числѣ такихъ пришельцевъ встрѣчались очень фанатическіе представители раскола въ родѣ старцевъ-пустынниковъ Авраама Жидовина и какого-то Иванища, о которыхъ въ своихъ посланіяхъ упоминаетъ митроп. Игнатій. ²⁾

Съ тѣхъ поръ, какъ изданы были извѣстныя строжайшія противъ раскола постановленія царевны Софьи, раскольники усиленно побѣжали изъ центральной Россіи во всѣ окраины и, въ частности, толпами шли къ Уралу и за Уралъ, ³⁾ какъ мѣста относительно безопасныя отъ преслѣдованій и удобныя для жизни въ укрывательствахъ.

При обиліи невольныхъ и вольныхъ пришельцевъ изъ раскола съ такими расколовождами во главѣ, какими были Аввакумъ и Гіосифъ Истоминъ, расколъ началъ заявлять себя въ Сибири не только быстро, но и очень сильно.

Въ 1677 году сынъ тюменскаго калмыцкаго толмача Ѳедора Елизарьева Никита говорилъ про сгорѣвшія въ Тобольскѣ церкви: „тѣ не церкви были, а костелы“, а священниковъ называлъ псами. За эти рѣчи пригнаны были къ отвѣту не только сынъ, но и отецъ, и оба на отвѣтѣ показывали, что троеперетнымъ сложеніемъ не крестятся и четвероконечнаго креста, которымъ просфиры печатаютъ, не принимаютъ, потому что печатаютъ не крестомъ, а антихристовою печатью. Обоихъ били на козлѣ кнутомъ нещадно, но отъ своихъ рѣчей они не отреклись. Почти тоже самое, что Елизарьевы, открыто говорилъ и тюменскій оброчный крестьянинъ Михайло Медвѣдєвыхъ. Въ Тюмени-же, въ томъ-же 1677 году, въ соборной церкви, во время херувимской пѣсни, откуда-то пришедшіе трое мужчинъ и одна монахиня кричали: „православные христіане, не кланяйтесь, несутъ мертвое тѣло и на просфирахъ печатаютъ крѣжемъ—антихристовою печатью!“ ⁴⁾

Подъ руководствомъ сосланныхъ и захожихъ расколоучителей явились въ Сибири и свои собственные наставники, проповѣдавшіе расколъ съ неустрашимою ревностью неопитовъ. Сюда относятся: попъ Дометіанъ изъ Тюмени, бывшій казачій атаманъ Яковъ Лепехинъ изъ Верхотурья, Тарасій изъ Березова, Антоній Чупаловъ изъ Тобольска и др. Лепехинъ, искусный въ иконописаніи, нарисовалъ на листѣ и вездѣ простымъ людямъ показывалъ картину, изо-

¹⁾ Доп. къ акт. истор. т. X, № 101.

²⁾ Посланія митроп. Игнатія, стр. 12.

³⁾ Мельниковъ „Историческіе очерки поповщины.“ Москва, 1864, стр. 59--60.

⁴⁾ Допол. къ акт. истор. т. VIII, № 50. См. у С. М. Соловьева „Исторія Россіи“ т. XIII, гл. 2. Компактное изд. Товарищества Общ. Пользы. Спб. кн. III, стр. 869.

бражавшую церковь (въ видѣ храма), обитою гигантскимъ зміемъ, осквернявшимъ своимъ ядомъ тайну Тѣла и Крови Христовой. При посредствѣ этого листа Лепехинъ, по свидѣтельству преосвящ. Игнатія, соблазнилъ и совратилъ множество простецовъ изъ жителей разныхъ селъ и деревень. ¹⁾

Вѣрные внушенія Аввакума и Юсіафа Истомина, всѣ названные наставники, проповѣдуя объ антихристѣ и его несомнѣнномъ воцареніи въ мірѣ, указывали самое надежное и самое спасительное средство борьбы съ антихристомъ во „второмъ, неоскверняемомъ крещеніи“ т. е. крещеніи огнемъ.

Самосожигательства въ Сибири открылись почти одновременно съ расколомъ и ихъ длинный рядъ тянется съ удивительно частымъ повтореніемъ.

Бывшій Тюменскій попъ Дометіанъ, удалившись изъ Тюмени, завелъ пустыню выше Ялуторовской слободы по рѣчкѣ Березовкѣ, куда созвалъ многихъ изъ своихъ послѣдователей и единомышленниковъ. Въ пустыни поставлены были кельи и среди нихъ часовня, гдѣ читали часы, пѣли заутрени и вечерни. На богослуженіи „въ многолѣтій святѣйшаго Іоакима, патріарха Московскаго и всея Россіи и Павла, митрополита Тобольскаго и Сибирскаго не поминали“, называя ихъ, какъ и всѣхъ принадлежащихъ православію, еретиками. „Да у него-же старца Даніила въ пустыни, наученіемъ сатанинскимъ, старицы и дѣвки бились о землю и говорили въ то время, какъ бились, что видятъ пресвятую Богородицу и небо отверсто, ангелы вѣнцы, держатъ тѣмъ людямъ, которые въ той пустыни постригаются“... „И такую прелесть слыша“, въ пустынь потекли изъ Тюмени, изъ Тарска (Тары) и иныхъ городовъ и уѣздовъ всякихъ чиновъ люди, оставя дома свои, животы и скоть, и многіе тамъ постригались. Даніиль настойчиво говорилъ своей пустынной паствѣ о необходимости принятія огненнаго крещенія. Внимая словамъ учителя, паства, чернцы и бѣльцы, въ виду пагубныхъ послѣднихъ дней, на такое крещеніе соглашалась охотно. Слишкомъ большое количественное умноженіе паствы, готовой на самоистребленіе, смутило фанатика —настыря, но только на время. Прослышавъ, что къ пустыни близится посланная изъ Тобольска военная команда, Даніиль рѣшился: — пустышники зажглились. ²⁾

Въ томъ-же году собрались для горѣнія крестьяне и драгуны Мехонской слободы. По уговорамъ прикащика слободы Гавріила Буткѣва собравшіеся было разошлись. Но дѣлу своими неразумными застрашиваніями повредилъ дьячекъ Ив. Ѳедоровъ. Раскольники снова для самосожженія начали стекаться во дворъ драгуна Абрамова и на этотъ разъ уже никто не могъ удержать ихъ отъ исполненія страшнаго намѣренія. ³⁾

Раскольничье собраніе, для той-же цѣли самосожженія, въ дер. Мостовой, около Исетскаго острога, устроили пришельцы изъ внутренней Россіи

¹⁾ Посланія митр. Игнатія, стр. 15, 16.

²⁾ Доп. къ Акт. истор. т. VIII, № 50. Показанія о количествѣ погибшихъ при этомъ горѣніи разнообразны: по Запискамъ къ Сибирской исторіи (Древ. Русск. Вивліоенка. Издан. второе, 1788 г. Ч. III, стр. 234) сгорѣло 2700 челов.; по сообщенію пресвящ. Макарія, — 1700 чел. (Преосвящ. Макарій. Истор. Раскола, стр. 248. Въ Доп. къ Акт. истор. количество сожегшихся определено въ 300 человекъ.

³⁾ Доп. къ Акт. истор. т. VIII, № 50. Оставшіеся въ живыхъ жители Мехонской слободы жаловались на „изгонн“ и со стороны самого прикащика Буткѣва.

Ив. Бархатовъ и Ив. Казанецъ. По обычаю, для того, чтобы разогнать собраніе, выслана была команда. Бархатовъ просилъ ея начальника на время ихъ, раскольниковъ, не тревожить и „мы изъ запору выйдемъ, и будемъ жить по-прежнему.“ Драгуны и казаки временно отъ Мостовой ушли и вскорѣ Бархатовъ съ товарищами приелалъ въ Исетскій острогъ сказку, замѣчательную по изложенію тѣхъ основаній, по которымъ раскольники предавались и на этотъ разъ предались самосожженію. ¹⁾

Въ послѣдующіе годы самосоженія произошли въ Утяцкой слободѣ (1682 г.), ²⁾ на р. Тегенкѣ близъ селенія Липкинскаго въ 50 верстахъ отъ Тюмени (1687 г.), ³⁾ въ Верхотурскомъ уѣздѣ около Киргизской слободы, на р. Пышмѣ въ дер. Бородовиковой и въ дер. Юмачѣ Коркиной слободы Тобольскаго уѣзда (1688 г.).

Въ Утяцкой слободѣ погибло 104 человѣка во главѣ съ говорщикомъ къ самосожженію, Ѳеодоромъ Иноземцевымъ, на р. Тегенкѣ—300 чел. съ какими—то двумя старцами—Пиномомъ и Ефремомъ и нѣкоторыми другими пришельцами изъ російскихъ городовъ, около Киргизской слободы—100 ч., въ дер. Бородовиковой до 150 и Юмачѣ до 50 человѣкъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. ⁴⁾

Такъ заявилъ себя за XVII вѣкъ расколъ въ западныхъ частяхъ Сибири, ближайшихъ къ восточному склону Уральскаго хребта.

Рѣзко онъ обозначилъ себя въ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ обширной страны.

Митрополитъ Сибирскій Корнилій въ 1673 году писалъ Енисейскому воеводѣ Кириллу Яковлеву. „Извѣстно намъ, смиреннымъ, учинилось, что въ Енисейскомъ острогѣ многіе всякихъ чиновъ люди церковные расколы и мятежи чинятъ великіе и игумену и протопопу и священникомъ претятъ, по новоизданнымъ служебникамъ божественныя службы служить не велятъ. И тебѣ, господине, Кирилло Аристарховичъ, пожаловать—въ церковной службѣ способствовать игумену, протопопу и священникамъ. Вели, господине, церковныхъ раскольщиковъ унять, чтобы они впредь церковь Божию не мучили и отъ своихъ злокозненныхъ умысловъ престоли. Вѣдаешь ты, Кирилло Аристарховичъ, какъ въ Московскомъ государствѣ о церковныхъ раскольникахъ указъ чинятъ. Да вѣдомо, господине, про тѣхъ Енисейскаго острогу церковныхъ раскольникахъ и Великому Государю. Пожалуй, Кирилло Аристарховичъ, не дай въ церквахъ Божіихъ возмущенія“. ⁵⁾

Отсюда видно, что присылка въ Енисейскъ новоисправленныхъ книгъ вызвала здѣсь возстаніе настолько серьезное, большое, что съ нимъ не въ состояніи были сладить ни игумень, ни протопопъ, ни всѣ священники вмѣстѣ, что оно встревожило митрополита и о немъ нужно было извѣстить

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Доп. къ Акт. истор. X, № 57.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Записки къ Сибирской исторіи, напечат. въ Древней Россійской Вивлюэикѣ. Часть III стр. 264, 268, 269—См. еще статью Ив. Сырова. Самосожигательство Сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII вв. Тоб. Епар. Вѣд. 1887. № 15—16, стр. 295.

⁵⁾ Доп. въ Акт. истор., VI, № 69.

самого Великаго Государя. Проживавшій затѣмъ въ Енисейскѣ монахъ Иосифъ Истоминонъ поддерживалъ Енисейское раскольническое сопротивленіе долго и потомъ.

Рано проникъ расколъ и далѣе на востокъ вплоть до самого отдаленнаго Якутска.

Объ умноженіи церковныхъ раскольниковъ въ Дауріи въ 1683 г. упоминаетъ Сибирскій митрополитъ Павелъ въ грамотѣ Селенгинскому игумену Θεодосію. ¹⁾

Возникновеніе раскола въ Якутскѣ, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ было связано съ пребываніемъ въ отдаленный ссылькѣ Семена Алексѣева и Василія Новгородцева—нераскалявшихъ раскольниковъ, жившихъ, какъ мы видѣли, въ Якутскомъ острогѣ очень льготно и свободно. Подъ вліяніемъ сношеній съ этими заточниками на сторону раскола рьяно всталъ крестовый священникъ воеводы Приклонскаго по имени Алексѣй. За то, что „въ соборную и апостольскую церковь“ пошъ Алексѣй пересталъ ходить, его взяли въ монастырь для содержанія подъ началомъ. Смѣнившій Приклонскаго воевода Кровковъ, возобновивъ дѣло объ Алексѣѣ, велѣлъ стронтелю Якутскаго Спасскаго монастыря Юсифу да черному попу Еввимию обстоятельно допросить отступника: „для чего онъ къ церкви Божіей не ходитъ и на исповѣдь ходитъ и причащаться будетъ-ли?“ Алексѣй отвѣтилъ, что ходитъ въ церковь онъ недостойнъ, исповѣдываться и причащаться не будетъ. Послѣ того Кровковъ распорядился посадить попа, на чень..., заковавъ въ желѣзо и колоду. Средство, примѣненное воеводой, подѣйствовало на раскольника такъ, что вскорѣ онъ прислалъ въ приказную избу за своей рукой челобитную, въ которой писалъ: „по новожденію вражю онъ, Алексѣй, предъ Господомъ Богомъ согрѣшилъ и предъ Великими Государя виноватъ. Въ церковь ходитъ и на исповѣдь къ отцамъ духовнымъ отсель общается и церковному правилу во всемъ повинуется и проситъ, чтобы Великіе Государя его, Алексѣя, пожаловали, велѣли простить и вмѣсто смерти животь дать.“ ²⁾ Видимо, людей, подобныхъ попу Алексѣю, въ Якутскѣ было немало, чѣмъ вызвано было подозрительное отношеніе властей на счетъ спокойствія въ Якутскомъ населеніи съ церковной стороны. По указу Государей Іоанна и Петра Алексѣевичей, данному въ 1684 году, велѣно было въ Якутскомъ чернымъ и бѣлымъ попамъ переписать имянно: „кто изъ якутскихъ жителей на исповѣди не бываетъ и расколъ церковный кто чинитъ?“ ³⁾.

Московскій духовный Соборъ 1681 года долженъ былъ засвидѣтельствовать, что „въ Сибирской пространной странѣ развратники св. церкви умножаются“. ⁴⁾

Быстро распространившійся по всей Сибири расколъ не могъ не проникнуть въ Томскъ и примыкающій къ нему край.

Не безъ значенія для возникновенія его здѣсь было то, что сѣверной частью Томской страны прошли Авакумъ и Истоминонъ—первый въ Даурію и обратно,

¹⁾ Древнія церковныя грамоты Восточно-Сибирскаго края (1653—1726), собранныя архимандритомъ Мелетіемъ. Казань, 1875. стр. 12.

²⁾ Доп. къ Акт. истор. XI, № 39.

³⁾ Тамъ же № 39.

⁴⁾ Акты Истор. т. V, стр. 109—110.

второй въ Енисейскъ. Но самымъ настойчивымъ проповѣдникомъ раскола въ Томскѣ и около него былъ нѣкто Василій Шапочниковъ, неизвѣстно изъ мѣстныхъ жителей или изъ пришельцевъ, во всякомъ случаѣ, побывавшій у Тюменскаго Дометіана и бывший ревностнымъ его послѣдователемъ. Смущая томичей, Шапочниковъ училъ ихъ: „да отступать отъ св. церкви и да не ходять молитвы ради въ церковь Божию. Свисташе имъ, яко змій, и глаголаше, яко всякъ, входяй въ нынѣшнія церкви, осквернится и антихристу будетъ рабъ“. Проповѣдь среди жителей, которые и сами по себѣ къ церковнымъ исправленіямъ, шедшимъ изъ Москвы, относились съ нѣкоторой боязнью, имѣла богатый для раскола результатъ.

Томскій заказчикъ архимандритъ Варлаамъ и архіерейскій десятильникъ—мирянинъ распорядились взять проповѣдника для строгого заключенія въ томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ. Но, по словамъ монаха этой обители Гурія, Шапочниковъ далъ архимандриту „нѣкій отъ сребреницъ подарокъ“ и былъ отпущенъ на волю. На этотъ разъ онъ воспользовался свободой для того, чтобы уговорить многихъ изъ своихъ единомышленниковъ къ принятію огненного, неоскверняемаго крещенія и уйти съ ними въ мѣсто пустое и лѣсное, гдѣ наскоро были срублены избы со всѣми приспособленіями для быстрого горѣнія. Смущенный большимъ раскольническимъ собраніемъ въ пустомъ мѣстѣ томскій воевода спрашивалъ сибирскаго митрополита—что предпринять? Преосвященный указалъ „томскому освященному чину“ усиленно увѣщевать собравшихся къ горѣнію, дабы разошлись. вмѣстѣ съ духовными увѣщателями воевода отправилъ къ собранію и нѣкоторое количество военныхъ людей. Не подѣйствовали ни увѣщатели, ни воины. Собраніе самосожглось. ¹⁾ Сколько погибло людей въ этомъ актѣ раскольническаго самоистребленія мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Равно не имѣемъ свѣдѣній, гдѣ именно около Томска, ояъ печально совершился.

Въ историческихъ материалахъ XVII столѣтія, собранныхъ и изданныхъ Ин. Кузнецовымъ, имѣется указаніе, что въ Томскихъ предѣлахъ раскольническое самосожженіе произошло близъ доселѣ существующей деревни Поламошной. ²⁾ Но, очень можетъ быть, что въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемъ другое происшествіе горѣнія, устроеннаго уже послѣ самосожженія Шапочникова съ его фанатичными учениками.

¹⁾ Посланія Игнатія, митрополита Сибир. стр. 129—133.

²⁾ Историческіе акты, собранные Иннок. Кузнецовымъ. Томскъ, Вып. I, ст. 15.

Расколъ въ предѣлахъ Томскаго края за время императора Петра I.

Тягости для населенія великой реформы Петра I.—Бѣгство населенія, какъ послѣдствіе тягостей и въ частности бѣгства по направленію къ Уралу и за Ураль.—Бѣглецы, достигшіе Томскихъ предѣловъ и раскольники между ними.—Самовольные пришельцы къ Томску изъ западныхъ частей Сибири.—Умноженіе раскола въ Сибири и усиленіе его въ Томскомъ краѣ.—Тарскій розыскъ и его послѣдствія для томскаго раскола.—Свидѣтельства о расколѣ въ г.Томскѣ и прилегающей къ нему области.

Тяжесть времени Петра Вел. для массы русскаго населенія составляетъ фактъ настолько извѣстный, что устраняетъ нужду подробныхъ историческихъ разъясненій. За время великой реформы, предпринятой гигантомъ—царемъ и совершаемой имъ круто и неумолимо все русскіе люди, привлечены были къ гражданскому служенію. Все обязаны были жертвовать въ пользу государства или личной работой или имуществомъ,—или трудомъ и податями вмѣстѣ. Реформа всехъ держала въ напряженномъ состояніи, всемъ жилось тяжело, а раскольникамъ—еще тяжелѣе. Они должны были платить двойной подушной окладъ и, кромѣ того, носить позорящее платье. Не говоримъ уже о моральной тягости ревнителей и послѣдователей раскола вслѣдствіе ихъ мрачнаго взгляда на все предпріятія реформы, какъ противорелигіозныя дѣйствія, шедшія отъ антихриста, все болѣе и болѣе охватывающаго міръ своимъ губительнымъ вліяніемъ и властію. Бѣгство населенія изъ всехъ областей Европейской Россіи было выдающимся по своей силѣ печальнымъ спутникомъ и послѣдствіемъ реформы. Крестьяне бѣжали отъ податей, отъ многочисленныхъ тяжелыхъ казенныхъ работъ, отъ солдатства, отъ ревизіи, прекрѣплавшей къ мѣсту и помѣщику, а раскольники, сверхъ того, еще отъ антихриста. Въ дѣлѣ заселенія Сибири это колоссальное бѣгство имѣло огромное значеніе. Что бѣглецы, въ большихъ количествахъ стремились къ Уралу и во многихъ случаяхъ переваливавшіе его, доходили до пространствъ, входящихъ въ границы Томскаго края, и осѣдали въ нихъ, это можемъ подтвердить цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ, частныхъ примѣровъ, открывшихся при производствѣ въ Сибири второй генеральной ревизіи.

За это время оказалось, что—

Алексѣй Исаевъ пришелъ въ Томскіе предѣлы изъ Устюга еще до I ревизіи. Явившись самовольно въ новый край, остановился близъ Бердскаго острога. Въ I ревизію не записался потому, что былъ на „звѣрномъ промыслѣ“.

Василій Степановъ изъ Устюга-же. Пришелъ въ Сибирь съ родителями, съ коими сначала скитался около Томска „межъ дворовъ“, потомъ одиночно проживалъ въ степи, почему с I-ой ревизіи не зналъ и въ нее не записался ¹⁾.

¹⁾ Архивъ Концеляріи Колывано-Воскресенскаго Горнаго Начальства (въ г. Барнауль), Столбъ дѣлъ по описи № 35, 1748. г.

Василій Емельяновъ Вдовинъ—прибыль въ Сибирь съ отцомъ изъ деревни Шляпкиной Нижегородской губерніи. Пришедъ въ отдаленную сторону, остановился для жительства въ деревни Кособоковой на р. Чарышѣ¹⁾.

Василій Казанцевъ, Даниль Богдановъ, Оома Колотовъ—изъ Казанской,—Зотѣй Исаевъ Бородухинъ, Ив. Плотниковъ—изъ Архангелогородской. Сидоръ Антипинъ изъ Московской и Василій Пискуновъ—изъ Нижегородской губерній.—Всѣ пришли на томскія мѣста до 1-ой переписи и отъ нея укрылись.

Игнатій Брутовъ при второй ревизіи показаль: отъ матери знаетъ, что пришелъ къ Томску изъ „россійскихъ предѣловъ“ безъ пачпорта. Родители поселились съ нимъ въ Бѣлоярской слободѣ еще до переписи Солнцева, т. е. до 1 переписи и т. д. т. д.²⁾

Многіе изъ такихъ бѣглецовъ прежде достиженія центральныхъ частей Сибири останавливались на Уралѣ и временно проживали въ его разныхъ мѣстностяхъ и селеніяхъ. Въ одномъ изъ столповъ дѣлъ, принадлежащихъ архиву Колывано-Воскресенскаго Горнаго Начальства, мы видѣли длинный списокъ крестьянъ, прибывшихъ съ Урала въ южныя части нынѣшней Томской губерніи и здѣсь къ разнымъ деревнямъ причисленныхъ отъ 1724 по 1735 годъ. Все это были самовольные пришельцы изъ Архангелогородской, Казанской и Нижегородской губерній, изъ Вятскаго и Устюжскаго края, но всего больше изъ Нижегородской губерніи Балахнинскаго уѣзда.³⁾

Рядомъ и одновременно съ указанными утеклцами изъ Европейской Россіи являлись въ границы томскихъ мѣстностей и селились въ нихъ прихожіе люди изъ западныхъ частей Сибири, — тѣхъ частей, которыя нынѣ входятъ въ составъ Тобольской губерніи. Желаніе найти болѣе обильныя и удобныя земли для поселенія не было единственнымъ и даже преимущественнымъ мотивомъ для ихъ передвиженія. И здѣсь основныя побужденія мы должны усматривать въ стремленіяхъ укрыться отъ тягости многочисленныхъ поборовъ и обрѣсти болѣе спокойное житѣ въ мѣстностяхъ малодоступныхъ для начальственнаго распоряженія и надзора. Въ данныхъ нашего архивнаго матеріала, имѣющихъ отношеніе къ дѣду колонизаціи Томскаго края, постоянно встрѣчаются за время до I ревизіи и непосредственно послѣ нея выходцы изъ селеній около Тары, Кургана, Ишима, Ялутуровска, Тюмени и др.⁴⁾

Само собою понятно, что съ приливомъ въ Сибирь новой громадной волны пришельцевъ количество раскола въ этой странѣ должно было сильно подняться. Въ этомъ приливѣ раскольническій бѣглець былъ зауряднымъ или даже преобладающимъ явленіемъ. Въ одномъ изъ именныхъ указовъ самъ Импе-

¹⁾ Столпъ д. Канцеляріи Колывано-Воскр. Горн. Начальства, по оп. № 259.

²⁾ Столпъ д. Канц. Колыв.—Воскр. Горн. Начальства „о пришлыхъ, присланныхъ къ Колыванскимъ заводамъ Кузнецкою и Томскою воеводскими канцеляріями“. 1749 г.—Первую ревизію производилъ въ Сибири полковникъ князь Солнцевъ—Засѣкинъ.

³⁾ Столпъ дѣлъ въ арх. Колывано-Воскр. Горн. Начальства, по оп. № 35. 1748 г.

⁴⁾ См. выше цитованные столпы дѣлъ архива Колыв.—Воскр. канцеляріи и всѣ особенности столпъ д. по оп. № 35.

раторъ, въ 1722 году, написалъ, что въ Сибирь бѣгутъ многіе раскольники „описные и неописные и въ сибирскихъ городахъ селятся“. Велѣдствіе этого государь велѣлъ вернуть обратно большую партію раскольниковъ, которую для каторжныхъ работъ въ Сибири велѣ капитанъ Сверчковъ. Партія эта должна была отбывать наказаніе на гавани въ Рогервикѣ, ибо „въ Сибири и безъ того раскольниковъ много“¹⁾.

Эти многіе раскольники увеличили въ предѣлахъ западной Сибири количество пустынь и скитовъ, гдѣ и откуда шла самая фанатическая проповѣдь объ антихристѣ и его всецѣломъ воцареніи въ Россіи и гдѣ для спасенія отъ антихриста саможигательства повторялись то и дѣло.²⁾

Въ частности, увеличился расколъ и въ нашемъ Томскомъ краѣ. Правда, потаенные пришельцы къ Томску, если были задерживаемы, на дознаніяхъ отвѣчали, что ушли съ родныхъ мѣстъ или „отъ голода“, или потому, что „въ Томскомъ землями довольно и мѣсто хлѣбородное“ но уже то, что имъ ставился вопросъ: „не ушли-ли отъ церковнаго раскола?“³⁾ — показываетъ и доказываетъ, какъ часто бѣглецы проникали въ томскую сторону по этому послѣднему поводу. Изъ пришлыхъ, перечисленныхъ нами выше, Василій Вдовинъ самъ показалъ, что онъ раскольникъ. Захваченный въ 1746 г. близъ дер. Калманки (Барнаульскаго окр.) раскольниковскій чернецъ Никодимъ Ивановъ объявилъ, что „прежде имѣлъ жительство на Керженѣ и оттоль вышелъ отъ погроменія такого, какъ (Нижегородскій) архіерей Питиримъ собралъ (при Петрѣ I) керженцевъ, крестящихся двухперстымъ сложеніемъ креста“.⁴⁾ Нельзя сомнѣваться въ раскольниковствѣ большинства дру-

¹⁾ Полное собраніе зак. т. 6 № 4109.

²⁾ О пустыняхъ въ предѣлахъ нынѣшней Тобольской губ. см. Описание документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Прав. Синода т. II, ч. I, стр. 174—примѣчаніе. См. тамъ-же приложение № XXXII и т. II ч. 2, стр. 455—456. № 441—388. Изъ пустыни на р. Ишимѣ предстоятель ея, Ив. Смирновъ, въ письмѣ, поданномъ приланнымъ къ пустыни увѣщателямъ, писалъ:— „Того ради мы не пишемъ (въ ревизію) въ нынѣшнія времена, боимся ереси (3 въ книгѣ Кирилла Герусалимскаго листъ 342 на оборотѣ, та же книга листъ 333. та же книга листъ 334, та же книга листъ 347, кн. Апокалипсисъ, гл. 13: да далъ имъ начертаніе на деснѣй рудѣ ихъ или на челѣхъ ихъ, да никто же возможетъ ни купити, ни продати, токмо кто имать начертаніе или имя звѣря или число имени его).—Того ради мы дани не даемъ въ нынѣшнія времена, что у насъ годы и времена премѣнены. А у насъ (въ пустыни) люди безпомощны. старый да малый, слѣпой да хромой. А мы живемъ Бога ради, хмѣлю не беремъ, и не промышляемъ Мы сполу страды сѣдимъ въ запорѣ и не смѣемъ якуда выѣхать. Аще вы насъ погоните, и мы живы въ руки вамъ не дадимъ: береста и смолье, дрова и солома и пороху съ пудъ приготовапо. И вы творите, что вамъ повелѣно“.—Описан. докум. и дѣлъ, хранящихся въ арх. св. Синода т. II, ч. I—прилож. № XXXII.

Раскольники, собравшіеся для сгорѣнія въ пустыни на Вышнѣмъ рѣкѣ (Тюменскаго уѣзда) въ числѣ болѣе 200 человекъ, въ свою очередь писали: сего ради оставляемъ дома и все имѣніе свое и идемъ на вольную смерть: за старопечатныя седми соборовъ книги. Святые насъ научили и изложили не едину черту премѣнати, а кто премѣнитъ или предвигнетъ, на того положена отъ св. отцовъ клятва. А мы, грѣшныя, общались Христу и во св. крещеніи отрицались сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и мы, по общанію святого крещенія, желаемъ въ томъ умерети—за старопечатныя книги, за Иисусову молитву, за крестъ Господень, за святое аллилуія, за все церковное пѣніе, и за вѣру христіанскую.“—Описан. докум. и дѣлъ арх. св. Синода т. II, ч. II. № 441—388 стр. 455—456.

³⁾ П. Головачевъ—Ближайшія задачи историческаго изученія Сибири. Журналъ Мин. Народ. Просвѣщенія. 1902 г. № 9, отд. 2, стр. 60.

⁴⁾ Матеріалы для исторіи Сибири. Чтен. въ Импер. Обществѣ истор. и древ. Россіи. 1867. кн. 2, стр. 231.

гихъ бѣглецовъ, зашедшихъ изъ Нижегородской и Архангелогородской губерній бывшихъ въ самой сильной мѣрѣ зараженными расколомъ. Пришельцы отъ Тюмени, Ялуторовска, Ишима, Тары также весьма часто оказывались принадлежащими расколу. Выходцы изъ Тюменской раскольнической деревни Гилевой въ южной части Томскаго района основали деревню, названную такъ-же Гилевой и бывшую всегда не только раскольническою, но и притономъ раскола.

Въ концѣ царствованія Петра Вел. изъ района, входившаго въ Тарское вѣдомство, бѣгство было особенно усиленнымъ. Таряне бѣжали, наруганные страшнымъ розыскомъ, который былъ вызванъ ихъ отказомъ присягнуть императрицѣ Екатеринѣ послѣ ея коронованія въ 1722 г. Къ этому огромному розыску было привлечено болѣе 1000 человекъ. При немъ главные изъ виновныхъ полковникъ Нѣмчиновъ и Бочаговъ съ товарищами рѣшили взорвать себя порохомъ и хотя не вполне удачно, но исполнили свое отчаянное рѣшеніе. Розыскомъ было найдено, что главнѣйшимъ подстрекателемъ къ возмущенію противъ присяги былъ злой раскольникъ и „толковщикъ“ старецъ Сергій. Пришедшій изъ Устюга Вел. и вскорѣ въ Сибири изобличенный въ расколъ, Сергій въ 1719 году былъ взятъ въ Тобольскъ, но отсюда изъ Софійскаго (мигрополичьяго) дома изъ—за караула бѣжалъ къ Тарѣ и поселился въ пустынныхъ мѣстахъ. Пустыня Серія получила большую извѣстность. Въ нее стали стекаться съ разныхъ и во многихъ случаяхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ крестьяне и бѣгле рекруты съ женами и дѣтьми. Сергій училъ приходящихъ, „отвращая ихъ отъ св. церкви и отъ присяги, разглашая между ними непристойныя слова и прочее злословіе“. Мало того, что училъ въ самой пустыни, онъ посылалъ „раскольниковъ и толковщиковъ и въ города съ письмами и самъ въ города ѣздилъ“. По окончаніи розыска пустынь была разорена, а большая часть крестьянъ и разночинцевъ, имѣвшихъ отношеніе къ пустыни и вообще соприкосновенныхъ къ дѣлу о присягѣ, разбрелась и въ бѣгствѣ направилась, между прочимъ, къ Томску и Кузнецку. 1) Въ Томскомъ уѣздѣ сыщики продолжали искать бѣжавшихъ тарянь вплоть до 1735 г. 2)

Имѣется указаніе, что при увеличеніи раскола въ самомъ городѣ Томскѣ, томскіе граждане къ таинствамъ исповѣдн и св. Причастія, за рѣдкими исключеніями, не приходили. Они уклонялись отъ таинствъ подъ вліяніемъ „соблазна“, шедшаго со стороны раскола. Въ 1722 году знаменитый сибирскій митрополитъ Филосей, въ схимѣ Феодоръ, прислалъ въ Томскъ повелѣніе поимянно переписать всѣхъ людей, которые „въ церковь не ходятъ, не исповѣдуются и Божественныхъ Христовыхъ Таинъ не пречащаются“. Заказчикъ, архимандритъ Василідъ, получившій повелѣніе, пережилъ по его поводу большое смущеніе. Не желая огорчить митрополита количествомъ церковныхъ противниковъ, онъ призывалъ къ себѣ всѣхъ томскихъ городскихъ священниковъ „и заповѣдалъ имъ таковыхъ людей поучати и отвра-

1) Памятники Сибирской исторіи, кн. II, № 110. См. Описаніе документовъ и дѣлъ арх. св. Синода т. II, ч. I, № 360—365, стр. 356—365 Соловцевъ Историческое обозр. Сибири 1, 266. Соловьевъ. Истор. Россіи т. XVIII, стр. 238. изд. 1868 г.

2) Д. Бѣликовъ. Насельники Томскаго края. Томскъ. 1898, стр. 31.

щати *отъ соблазна ихъ*“. Священники векорѣ донесли, что небывавшіе у исповѣди и причастія своей православно-христіанскій долгъ всё исполнили... И Томскаго Алексѣевскаго монастыря „убогій архимандритъ Василидъ, слышавъ отъ священниковъ о послѣднихъ людяхъ, *обратившихся* отъ сомнѣнія своего, зѣло возвradoвался. И ради сея радости архіерейскую печать къ сему (акту) приложилъ.“¹⁾

То, что обращеніе произошло слишкомъ быстро, свидѣтельствуеетъ, что оно не могло быть надежнымъ, если только не было фактивнымъ. Изъ другихъ показаній, хотя нѣсколько позднѣйшей даты, видно, что дѣло послѣ радостнаго приложенія печати дѣйствительно оставалось безъ измѣненій. Мало этого, показанія рисуютъ, что и само градо-томское духовенство въ нѣкоторой мѣрѣ не было чуждо сочувствія къ старообрядью. Въ челобитныхъ, поданныхъ митрополиту Автонію I (Стаховскому) на томскаго заказчика, архимандрита Порфирія (прибыль въ Томскъ для управленія заказомъ въ 1723 г.), челобитчики священники Андрей Завадовскій и Никита Бурцевъ писали, что духовенство въ Томскѣ крестится двуперстно. Кромѣ того, „священницы, когда, при вѣчаніи свадебъ, поется Исаіе ликуй, водятъ жениха и невѣсту пораскольниковски, по солнцу, а не такъ, яко надлежитъ“. Равнымъ образомъ, когда они-же, „священницы, крестятъ младонцевъ, кума и куму водятъ такъ-же по солнцу, а не такъ, яко надлежитъ. Наипаче (такъ поступаютъ) священницы Богоявленскіе. Димитрій—попъ (старшій священникъ Богоявленской церкви) предводитель такого дѣла“. Что касается томичей—мирянъ, то, по указанію челобитчиковъ, „взираючи на своихъ священниковъ, всё они осѣняютъ себя крестомъ, преклоняя два послѣднихъ пальца къ большому (двуперстно),—въ церковь Божию не ходятъ, а нѣкоторые не знаютъ, что въ церкви и дѣтается“, и если въ духовныхъ росписяхъ пишутся бывшими у таинствъ исповѣди и причастія, то пишутся ложно, „а архимандритъ тому потворщикъ“²⁾.

Такъ за первые десятки лѣтъ XVIII вѣка обстоило дѣло въ самомъ г. Томскѣ. Въ обширной области, прилегающей къ Томску, въ лѣсныхъ мѣстахъ по р. Чумышу основался цѣлый рядъ маленькихъ деревень съ населеніемъ, какъ оказалось потомъ, почти сплошь раскольниковскимъ. Множество раскольниковъ укрывалось въ потаенныхъ жилищахъ, разсѣянныхъ въ таежныхъ, степныхъ и горныхъ мѣстностяхъ, въ особенности въ черневыхъ (дремучихъ) лѣсахъ около деревень Элуниной, Шадриной и Фунтиковой.³⁾

¹⁾ Архивъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря. Связка бумагъ времени импер. Петра I. См. наше изслѣдованіе: Старинные монастыри Томскаго края. Томскъ, 1898. Примѣчаніе на стр. 27.

²⁾ Челобитныя „великому господину, преосвященному Автонію, митроп. Tobольскому и Сибирскому отскихъ священниковъ Андр. Завадовскаго отъ 1731 г. и Никиты Бурцева отъ 1733 г. См. въ монастыр. архивѣ. Связка 15-я.

³⁾ Это свѣдѣніе мы заимствовали изъ рукописи по исторіи Алтайскаго края, принадлежавшей покойному изслѣдователю Алтая Ст. Ив. Гуляеву.

Все взятое вмѣстѣ, доставило основанія, по которымъ указанный сибирскій митрополитъ Автоній смотрѣлъ на Томскъ и его область, какъ на одно изъ самыхъ зараженныхъ въ его огромной по размѣрамъ епархіи, какъ на такое мѣсто, гдѣ, по его словамъ „дно раскольниковъ обрѣтается¹⁾).

¹⁾ Архіерейскій указъ Томскому архимандриту Порфирію отъ 1 авг. 1732 г. Монастыр. архивъ; связка 15.

Томскій расколъ послѣ Петра I до времени воцаренія Екатерины II.

Постепенное возрастание раскола.— Открытіе въ Томскихъ предѣлахъ горно-заводской дѣятельности.—Заводы Демидова и ихъ переходъ въ вѣдомство императорскаго Кабинета.—Рабочіе на Сибирскихъ заводахъ, взятые съ Урала и преобладающій среди нихъ раскольническій элементъ.—Расколоводжи въ лицѣ заводскихъ прикащиковъ: Набатова, Сидорова и Кудрявцева и ихъ значеніе въ Томскомъ расколѣ.—Раскольники, переведенные къ Томскимъ заводамъ изъ Уральской Невьянской богадѣльни.—Расколуучители—самовольные пришельцы въ Томскій край.—Обиліе раскола въ г. Томскѣ и томскихъ селеніяхъ.—Наклонность къ расколу въ некоторыхъ представителей томскаго духовенства.—Уходъ въ расколъ священника Сулова и искренность его совращенія.

Послѣ времени Петра В. расколъ въ населеніи Томскаго края не переставалъ умножаться. Онъ увеличивался съ одной стороны путемъ естественнаго прироста отъ раскольниковъ, осѣвшихъ здѣсь въ прежнюю пору, съ другой— вслѣдствіе притока новыхъ пришельцевъ изъ послѣдователей старообрядья.

Съ конца 1720-хъ годовъ въ южныхъ частяхъ обозрѣваемаго края началъ развиваться свою горнопромышленную дѣятельность извѣстный именитый человекъ Акинфій Демидовъ, построившій близъ Синея сопки, на р. Локтевкѣ, мѣдно-плавильный Колывано-Воскресенскій заводъ, чрезъ 10 лѣтъ заводъ Барнаульскій и затѣмъ, въ 1744 г., Шульбинскій. Для работъ на этихъ заводахъ къ нимъ, по просьбѣ владѣльца, было приписано до 400 дворовъ изъ крестьянъ Томскаго и Кузнецкаго уѣздовъ. ¹⁾

По именному, Высочайшему указу отъ 12 мая 1747 года заводы Демидова взяты были въ собственность кабинета Ея Императорскаго Величества, въ его вѣдѣніе и распоряженіе, причемъ, сверхъ прежнихъ крестьянъ, къ заводамъ были причислены казенныя слободы Кузнецкаго вѣдомства: Бѣлоярская, Малышевская, Бикатунская крѣпость и Бердскій острогъ и велѣно было причислять пришлыхъ въ Сибирь людей, чьи-бъ они ни были. ²⁾ Съ 1759 и особенно съ 1761 года количество заводскаго населенія въ сильной степени увеличилось припискою къ старымъ и вновь построеннымъ заводамъ всѣхъ селеній и деревень Кузнецкаго и Томскаго уѣздовъ. ³⁾

Образовался обширный горно-заводскій районъ, ближайшимъ образомъ подчиненный канцеляріи Колывано—Восресенскаго Горнаго Начальства и ею управляемый.

¹⁾ Краткій историческій очеркъ Алтайскаго округа Спб 1897. Стр. 4—6.

²⁾ Полное собр. Законовъ т. XII, № 9403.

³⁾ Тамъ-же, т. XV. 1759 г., № 10976. См. Краткій истор. очеркъ Алтайскаго округа, стр. 10—11.

Въ то время, когда сибирскими заводами владѣлъ самъ Демидовъ, данныхъ для заводскихъ работъ крестьянъ ему не доставало. Поэтому онъ отправлялъ въ Сибирь цѣлыми партиями рабочихъ и мастеровыхъ съ своихъ Уральскихъ и въ частности Невьянскихъ заводовъ, а эти рабочіе и мастеровые, набранные изъ бѣглыхъ, состояли изъ раскольниковъ чуть не поголовно. ¹⁾

Всѣ прикащики на Уральскихъ Демидовскихъ заводахъ принадлежали расколу, ²⁾ а прикащики, присланные съ Урала въ Сибирь: Набатовъ, Сидоровъ и Кудрявцевъ были не просто раскольниками, но и яркими руководителями раскола.

Родионъ Набатовъ, управляя Колывано-Воскресенскимъ заводомъ, имѣлъ въ своемъ начальственномъ завѣдываніи до 3000 душъ мастеровыхъ, рабочихъ и крестьянъ. Въ этой массѣ множество людей было перекрещено по его вліянію и часто при его личномъ участіи. Будучи опорой раскола въ отдаленной при-Алтайской окраинѣ, Набатовъ велъ оживленную переписку съ расколуучителями въ центральной Россіи и между прочимъ съ „знатнымъ“ раскольникомъ Степаномъ Гордѣвскимъ — прикащикомъ на мѣдноплавильномъ заводѣ Осокина (Вятскаго вѣдомства), дававшего ему наставленія по вопросу о перекрещиваніи чрезъ непосвященныхъ лицъ. Расколуучители изъ Европейской Россіи, похваляя Набатова за его ревность по старой до-никоновской вѣрѣ, называли его „распространителемъ правой вѣры“, „усердѣйшимъ рачителемъ и поборникомъ ея“ и даже „столиомъ и утвержденіемъ церкви“. ³⁾

Григорій Сидоровъ, въ качествѣ старшаго прикащика, стоялъ во главѣ всѣхъ сибирскихъ заводовъ Демидова. Ему довелось сдавать эти заводы генераль-маіору Бегеру, когда, по смерти Акинфія Демидова, они перешли въ достояніе императорскаго Двора. Родился онъ отъ православныхъ родителей и въ расколъ перешелъ, будучи уже взрослымъ, гдѣ-то на Уралѣ. Вѣнчался Сидоровъ у раскольниковъ въ простой избѣ; дѣтей своихъ крестилъ и жену похоронилъ раскольниковскими бѣглыми попами. Когда жилъ въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ, имѣлъ при своемъ домѣ часовню, въ которую для молитвы собирались раскольники въ очень большихъ количествахъ. Бѣглые на Уралѣ попы находили у него пріютъ, укрывательство и защиту. Все относившееся къ интересамъ раскола и главнымъ образомъ къ его распространенію Сидоровъ со всею энергіею поддерживалъ и за то время, когда проживалъ въ Барнаульскомъ заводѣ, т. е. въ нынѣшнемъ городѣ Барнаулѣ. ⁴⁾

О Кудрявцевѣ упоминаетъ ученый путешественникъ Гмелинъ. Указывая въ немъ властнаго покровителя раскола, Гмелинъ рассказываетъ, что Кудряв-

¹⁾ Указаніе множества бѣглыхъ на Уральскихъ заводахъ см. Пол. собр. зак. т. VII, № 4699, 1725 г. и огромнаго обилія раскольниковъ на Уральскихъ Демидовскихъ заводахъ. Тамъ-же, т. IX, № 6835.

²⁾ Тамъ-же, т. X, № 7662, 1736 г. — Доношеніе Татищева.

³⁾ Свѣдѣнія о Набатовѣ мы извлекли изъ указа Тобольской Консисторіи, даннаго въ Барнаульское Дух. Правленіе. Сентябрь 1752 г. — Архивъ Барнаульскаго Дух. Прав. въ г. Барнаулѣ.

⁴⁾ Промеморія Тобольской консисторіи въ канцелярію Колывано-Воскресенск. Горнаго Начальства 23 октября 1750 г. — Арх. Колывано-Воскр. Горнаго Начальства столпъ дѣлъ № 94.

цевъ, устроилъ на берегу р. Чарыша важное раскольническое убѣжище въ видѣ раскольническаго женскаго монастыря. ¹⁾

По временамъ рабочіе съ Урала забирались къ сибирскимъ заводамъ и послѣ Демидовскаго владѣнія этими послѣдними. Въ этихъ случаяхъ Колывано-Воскресенское Горное Начальство опиралось на свое право привлекать къ заводамъ „пришлыхъ“ въ Сибирь, т. е. бѣглыхъ, а бѣглыхъ на Уралѣ всегда было не только достаточно, но и изобильно и раскольники между ними встрѣчались постоянно. Въ 1750-хъ годахъ Колывано-Воскресенская канцелярія сдѣлала распоряженіе о переведеніи къ Алтаю населенія Демидовской Невьянской богадѣльни и отправила за нимъ сержанта съ солдатами. Богадѣльщики состояли сплошь изъ бѣглыхъ раскольниковъ и были неудержимыми пропагандаторами раскола. Изъ нихъ на этотъ разъ взято было въ Колывано-Воскресенское вѣдомство 53 годныхъ къ работѣ человѣка. ²⁾

По-прежнему шли въ центральныя части Сибири и самовольные пришельцы изъ раскола, привлекаемые относительной уютностью разныхъ степныхъ и лѣсныхъ мѣстъ на отдаленномъ обширномъ просторѣ. Причты сельскихъ церквей изъ разныхъ угловъ нашего края и въ особенности изъ Барнаульской его части то и дѣло доносили въ Духовныя Правленія о появленіи пришлыхъ потаенныхъ раскольниковъ въ доселѣ пустыхъ и мало доступныхъ мѣстахъ. Въ 1746 г. поручику Волкову удалось захватить бѣглыхъ опасныхъ расколуучителей, Терентія Быкова и Данила Семенова. ³⁾

Въ 1754 г. въ Томскую воеводскую канцелярію привели взятаго въ лѣсахъ раскольника Афанасія Лакина, который сказалъ о себѣ, что пришелъ въ Сибирь бѣглецомъ изъ Смоленской губерніи. ⁴⁾

Въ 1750-хъ же годахъ по р. Берди въ черни (глухомъ лѣсу), разстояніемъ отъ жилыхъ мѣстъ на 60 верстъ, проживали въ кельяхъ старецъ—раскольникъ Исаакъ Пашинъ и его сестра Евдокія Терентьева съ прочими. Они пришли сюда съ р. Ишиму, куда въ свою очередь потаенно зашли изъ Европейской Россіи. ⁵⁾

На р. Берди-же, близъ дор. Бѣловой, пустынно жилъ вліятельный расколуучитель по имени Каллистратъ, къ которому для молитвы и за наученіемъ собирались раскольники изъ многочисленныхъ дальнихъ и ближнихъ деревень. Назидая старшихъ, Каллистратъ не отказывался брать къ себѣ дѣтей для обученія ихъ грамотѣ. Откуда онъ пришелъ къ Бѣловой осталось неизвѣстнымъ. ⁶⁾

Почти одновременно, гдѣ-то около Барнаульск. завода, проживалъ пришлецъ и „лжеучитель“ Никита Михайловъ Сидѣльдииковъ⁷⁾, о которомъ Барнаульск. Дух.

¹⁾ J. G. Gmelins Reise durch Sibirien. Erst. Th. S. 257.

²⁾ Арх. Колыв.-Воскр. Гор. Нач. Столпъ дѣль по оп. № 30.

³⁾ Матеріалы для исторіи Сибири. Чт. въ Импер. Общ. исторіи и древн. Россіи 1867, кн. 2 стр. 231.

⁴⁾ Указъ Tobольской Консист. въ Томское Дух. Правл. 1754 г.—въ арх. Томск. Дух. Консисторіи.

⁵⁾ Промеморія изъ Колыв.-Воскресен. Горной Канцеляріи въ Барн. Дух. Правл. 8 окт. 1758 г.—въ архивѣ Барн. Дух. Правленія.

⁶⁾ Архивъ канцеляріи Колывано-Воскр. Горн. Начальства; столпъ д. по оп. № 811.

⁷⁾ См. Журналь Барн. Дух. Правл. за 1750—51 гг.—въ арх. Барн. Дух. Правл.

Правленіе провѣдало изъ доношенія, поданнаго заводскимъ крестьяниномъ Хромцевымъ.

Другіе доносители, разночинецъ Михайло Андреевъ и обратившійся изъ раскола казакъ Аѳанасій Сѣровъ, объявили, что въ вѣдомствѣ Колывано-Воскресенскаго Горнаго Начальства, по р. Чумышу и въ лѣсу на усть-Чарышѣ, укрывались невѣдомо откуда пришедшіе расколотители, которыхъ доносители называли попами, Ефимъ Ив. Гоньба и Иванъ Закурдаевъ, неудержимо перекрещивавшіе всѣхъ входящихъ къ нимъ людей. ¹⁾

Мы опускаемъ обыкновенныхъ, заурядныхъ пришельцевъ изъ раскола, останавливаясь только на расколотителяхъ, вліяніе которыхъ было тѣмъ сильнѣе, что не встрѣчало никакого духовнаго противодѣйствія.

Въ обширной странѣ православныя храмы были чрезвычайно рѣдки. Въ 1750-хъ годахъ на всемъ Томскомъ пространствѣ сельскихъ церквей насчитывалось до 40 и въ частности въ нынѣшнихъ уѣздахъ Кузнецкомъ, Барнаульскомъ, Бійскомъ и Змѣиногорскомъ ихъ было не болѣе 12-ти. ²⁾ Поэтому приходы, по разстоянію, были огромны и жители множества деревень, отстоявшихъ отъ церквей на 60, 80, 100 и болѣе верстъ, у богослуженія не бывали, священника видѣли разъ или два въ годъ тогда, когда онъ заглядывалъ въ деревню для исполненія накопившихся требъ крещенія. Не говоримъ уже о тѣхъ насельникахъ края, которые, зашедъ сюда самовольно и здѣсь укрываясь, проживали по нѣскольку лѣтъ въ пустынныхъ мѣстахъ одиночными семьями безъ всякаго отношенія къ церкви и православному духовенству. ³⁾

Понятно, насколько такія условія были выгодны для представителей раскола, всегда и вездѣ заявлявшихъ себя пропагандаторскимъ рвеніемъ. Достаточно было какому—нибудь немудрому раскольниковскому наставнику чуть-чуть прикоснуться религиознымъ потребностямъ жителя, доселѣ оставшимся безъ всякаго удовлетворенія, какъ послѣдній переходитъ на его сторону, отдавая его руководителю всецѣло. Отсюда духовная атмосфера края была наполнена расколомъ, его воззрѣніями и его вліяніями.

Гмелинъ, при своемъ путешествіи по Сибири, посѣтившій Томскъ въ 1734 году, нашель, что большинство его жителей принадлежало расколу, что среди жителей встрѣчались настолько неразумные, по отзыву нѣмца, люди, которые соглашались платить по 50 руб. за право пошеніе бороды. ⁴⁾

¹⁾ Ук. Тоб. Копсис. Барн. заказчику протопопу Семену Мееодиѣву отъ 7 Сент. 1750 г.—въ томъ же архивѣ.

²⁾ Въ 1750 году на пространствѣ всей южной половины нынѣшней Томской губерніи существовали церкви въ Барнаульскомъ заводѣ—Петропавловская, въ г. Кузнецкѣ—Преображенская и Богородицкая и въ селеніяхъ: Красноярскомъ (Кузнецкаго окр).—Колывано-Воскресенскомъ, Бѣлоярскомъ, Малышевскомъ, Вердскомъ острогѣ и Викатульской крѣпости. См. Опись дѣлъ Барнаульскаго Дух. Прав. за 1750 г. въ Барнул. архивѣ—Отъ 1751 по 1754 г. строились вновь церкви въ Барнаульскомъ заводѣ—Захарѣвская и въ селеніяхъ; Кособоковскомъ, Легостаевскомъ и Чингизскомъ.—Изъ документовъ того-же архива.

³⁾ Примѣры крестьянъ, зашедшихъ въ Томскій край и здѣсь долгое время въ разныхъ мѣстностяхъ жившихъ одиночными семьями, „см. нашу книжку“. Первые русскіе крестьяне—насельники Томск. края—Томскъ, 1898 стр. 61—62. Такихъ примѣровъ по нашимъ архивнымъ документамъ можно было-бы привести множество.

⁴⁾ Ein grosser Theil der Einwohner dieser Stadt (Tomsk) sind altgläubige oder abtrünnige (Starawierzi)—J. G. Gmelins Reise durch Sibirien. Th.I, 3.10—312

Храмы въ Томскѣ молящимися пустовали даже въ великіе праздники. ¹⁾ Въ 1752 г. въ Томскій Алексѣевскій монастырь былъ присланъ раскольнической старецъ Иванъ Ивановъ, котораго велѣно было содержать подъ строжайшимъ карауломъ и крѣпко наблюдать, чтобы не могъ „разсѣвать своего плевосѣятельства“. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ присылки, монастырскій настоятель архимандритъ Исаія писалъ въ Тобольскъ къ тамошнимъ властямъ, что содержать Иванова въ Томскомъ монастырѣ небезопасно, такъ какъ въ Томскомъ городѣ раскольниковъ множество и опасный старецъ можетъ быть выкраденъ и затѣмъ укрытъ гдѣ нибудь въ лѣсахъ. ²⁾

Полнился расколомъ томскія села и деревни. Тотъ-же Гмелинъ отмѣтилъ сильное укоренѣніе раскола въ южныхъ частяхъ нынѣшней Томской губерніи. ³⁾

Въ 1747 г. Томская воеводская канцелярія по одному поводу писала въ Тобольскъ къ митрополиту: „въ томскомъ вѣдомствѣ неисправности такія, что всякаго чина люди крестятся двуперстно, исповѣди святой не исполняютъ и прочихъ должностей, приличествующихъ христіанскому благочестію, удаляются, а духовные не токмо къ исполненію оныхъ должностей ихъ не приуждають, но и сами суть *нѣкоторые крестящіеся двуперстно*.“ ⁴⁾

Для опредѣленія силы раскола въ краѣ за обозрѣваемый періодъ времени чрезвычайно выразительнымъ является именно то, что само томское духовенство въ своихъ отдѣльныхъ представителяхъ доселѣ еще было склонно сочувствіемъ въ раскольническую сторону. Можетъ быть это странное обстоятельство слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что въ Томской сторонѣ неисправленныя старопечатныя книги держались въ церковномъ употребленіи вполнѣ до половины XVIII вѣка. Канцелярія Генеральной ревизіи Сибирской губерніи въ 1744 году увѣдомила тобольскаго преосвященнаго, что въ Тюменскомъ и Томскомъ уѣздахъ до сихъ поръ во множествѣ имѣются книги старопечатныя и службы отправляются по нимъ, причемъ причты указываютъ, что другихъ новыхъ книгъ, за скудностію церковныхъ средствъ, покупать не на что. Преосвященный, получившій важное увѣдомленіе, приказалъ разослать по всемъ духовнымъ правленіямъ указъ съ предписаніемъ, чтобы при церквахъ вездѣ книгъ было довольно, а книгъ старопечатныхъ не употреблять подъ страхомъ неумолимаго, безпощаднаго штрафованія ⁵⁾. Но въ глухихъ отдаленныхъ мѣстахъ запрещенныя книги держались долго и потомъ. Страхъ безпощаднаго штрафованія для такихъ мѣстъ не заключалъ въ себѣ особенной внушительности. Митрополитъ Сильверстъ указывалъ на продолжающееся въ его епархіи употребленіе старыхъ, неисправленныхъ книгъ и въ 1751 году. ⁶⁾

¹⁾ Это видно изъ доходныхъ записей разныхъ томскихъ церквей. Записи сохранились въ арх. Томскаго монастыря.

²⁾ Старинные монастыри Томск. края, стр. 45—46

³⁾ G. Gmelins Reise durch Sibirien. Th 1. s. 256—258.

⁴⁾ Это доношеніе томской воеводской канцеляріи Тобольскому митроп. Автолюію II. Норожницкому прописано въ промеморіи Томскаго воеводы Вобрищева—Пушкина томскому монастырскому настоятелю іеромон. Герасиму отъ 11 марта 1748 г.—Монастыр. арх.; св. 16.

⁵⁾ Указъ Тоб. Консисторіи въ Томск. Дух. Правл. 30 Ноября 1745 г. въ арх. Томск. Консисторіи.

⁶⁾ Указъ Барнаульск. заказчику протопопу Семену Менодіеву отъ 8 января 1751 г.

Требы, какъ въ самомъ Томскѣ, такъ и въ селеніяхъ, заурядъ исполнялись по раскольническимъ обрядамъ и въ этомъ случаѣ просьбы мірянъ далеко не всегда расходились съ воззрѣніями требоисправителей. Объ этомъ знали въ Тобольскѣ, вѣлѣдствіе чего тамошнія власти довольно подозрительно относились къ духовенству томской части сибирской епархіи.

Когда въ Тобольскѣ становилось извѣстнымъ, что кто-либо изъ томскихъ священно-церковно-служителей не побывалъ въ посты у исповѣди, отсюда немедленно посылались заказчикамъ предписанія—прослѣдить тщательно: не имѣется-ли за виновнымъ раскольнической прелести? Съ этой стороны вѣдно было наблюдать, наприм., за священниками—г. Томска Прокопіемъ Петровымъ, ¹⁾ с. Логостаева Мих. Мухинимъ, ²⁾ Верхотомскаго острога Семномъ Сусловымъ ³⁾. Наконецъ, бывали случаи, что лица изъ томскаго духовенства совершенно уходили въ расколъ не изъ какихъ-либо корыстныхъ побужденій, а по глубоко-искреннему убѣжденію въ его правотѣ.

Томскій городской дьячекъ Бубновъ со всѣми своими домашними молился двуперстнымъ крестомъ и иначе молиться не хотѣлъ ⁴⁾.

Бѣжавшій причетникъ изъ с. Сосновскаго Матвѣй Жуковъ управлялъ многолюднымъ раскольническимъ скитомъ въ пустыни, укрывавшейся въ лѣсахъ около с. Логостаева. ⁵⁾

Въ 1756 году десятоначальникъ священникъ Сосновскаго острога Александръ Замараевъ донесъ въ Томское Духовное Правленіе, что священникъ Верхотомскаго острога Ив. Сусловъ, „оставя свою церковь, прихожанъ и семью, бѣжалъ и скрылся“. ⁶⁾

Вѣроятно, уже тогда догадывались, куда удалился о. Иванъ, такъ какъ духовныя лица съ его фамиліей и изъ его родства заранѣе были заподозрѣны въ наклонности къ расколу. Тѣмъ не менѣе розыски не привели ни къ чему. Только по прошествіи 25-ти лѣтъ бѣглець открылся, добровольно объявившись свѣтскому начальству въ Барнаулѣ. На допросѣ у правителя Колыванской области, генерала Меллера Сусловъ разсказалъ, что бѣжалъ изъ прихода, ища уединенія и ради спасенія души. Находясь въ уединеніи, проживалъ въ черни, раскинувшейся недалеко отъ Томска. Жизнь въ бѣгствѣ и укрывательствѣ, наконецъ, ему стала въ тягость. Услыша о Всемилостивѣйшемъ указѣ 5 мая 1779 г., коимъ вызывались бѣглецы въ свое отечество съ прощеніемъ вины ихъ бѣгства, рѣшилъ выдти изъ пустыни и теперь „просить отнестись къ нему милостиво съ разрѣшеніемъ проживанія для пропитанія на старости

¹⁾ Ук. Tob. Консисторіи въ Томск. Дух. Правл. 12 Ноября 1743.—въ арх. Томск. Консисторіи.

²⁾ Мухинъ даже приведенъ былъ къ присягѣ по чину „о подозрительныхъ въ расколѣ“. Рапортъ Варн. Дух. Правленія митроп. Сильвестру. отъ 1753 г.—въ арх. Варн. Дух. Правл.

³⁾ Ук. Tob. Консисторіи въ Томск. Дух. Прав. 18 февр. 1752.—Арх. Томск. Консист.

⁴⁾ Матер. для исторіи Сибири. Чт общ. исторіи и древн. російскихъ. 1867 г., кн. II, стр. 310.

⁵⁾ Промеморія Варн. Дух. Прав. въ канцелярію Колыв.-Воскресен. Горн. Нач. отъ 21 окт. 1758 г., — Ар. канц. Колыв.-Воскр. Гор. Нач. Солпъ д, по оп. № 511. л. 192.

⁶⁾ Указъ Tob. Консист. въ Томск. Дух. Прав. Октябрь 1756 г.—въ арх. Томск. Консисторіи.

лѣтъ“ у родственниковъ въ дер. Шипициной. Дали знать консисторіи, откуда послѣдовало распоряженіе строжайше наблюдать: не держится ли бѣглець раскола и доселѣ и требовать отъ него, чтобы причащался, по чину причащенія мірянъ, ежегодно. Вскорѣ Барнаульское Дух. Правленіе сообщило Консисторіи, что Сусловъ отъ раскола не отстаетъ и отъ присоединенія къ церкви отказывается, что въ сказкѣ, представленной Правленію, онъ собственноручно написалъ: „привыкши къ уединенію, въ обществѣ жить не желаетъ, ходить въ церковь и молиться вкупѣ съ прочими отрицается, исповѣдываться и св. Христовыхъ Таинъ причащаться не помышляетъ, перемѣнъ въ двуперстномъ сложеніи, чтеніи Иисусовой молитвы, количествѣ для литургіи просфоръ допустить не желаетъ, такъ какъ такія измѣненія ему кажутся сумнительными“. — „Что Его Преосвященство печется о спасеніи души его, за то онъ приноситъ благодареніе. Однако, проситъ оставить его въ (деревенскомъ) уединеніи безъ присоединенія къ церкви, которую, впрочемъ, не осуждаетъ“. Преосвященный опредѣлилъ послать Суслова въ Енисейскій монастырь, гдѣ братія должна увѣщевать его къ послушанію церкви и соединенію съ нею. Если же окажется упорнымъ, лишитъ сана и отослать въ распоряженіе свѣтской команды.

Дальнѣйшая судьба Суслова намъ неизвѣстна. ¹⁾

¹⁾ Указъ Tob. Консист. въ Барн. Дух. Прав. 7 окт. 1781. Въ арх. Барн. Дух. Правл.— См. Варадиновъ. Истор. Министерствна Вн. Д. кн. 8, стр. 35. Спб. 1863.

Состояніе Томскаго раскола отъ времени Екатерины II до царствованія Николая I.

Раскольники, переведенные къ Алтаю изъ Польши — „поляки“. — Начало сношеній томскихъ раскольниковъ съ обитателями Иргизскихъ монастырей и выходцы къ Томску изъ этихъ послѣднихъ. — Наставники съ Поморья и изъ другихъ мѣстъ Европейской Россіи. — Расколоучители изъ мѣстныхъ послѣдователей раскола — Типичный расколоучитель — фанатикъ — Сила распространенія раскола въ краѣ. — Ослабленіе раскола въ городѣ Томскѣ къ концу разсматриваемаго періода и причины этого обстоятельства.

Въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II въ предѣлы нынѣшней Томской губерніи пришла новая масса раскольниковскаго населенія.

Еще съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы Петровны правительство начало усиленно вызывать раскольниковъ изъ-за рубежа, убѣгшихъ туда отъ жестокаго въ отечествѣ преслѣдованія раскола въ концѣ XVII и въ первыя десятилѣтія XVIII вѣковъ. ¹⁾ Бѣглецамъ, въ случаѣ ихъ добровольнаго возвращенія, было обѣщано полное прощеніе и поселеніе на льготныхъ условіяхъ въ разныхъ малонаселенныхъ частяхъ Европейской Россіи и Сибири и, между прочимъ, въ Томской окраинѣ — на Кольванской линіи — по рр. Убѣ, Ульбѣ, Березовкѣ и прочимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ эти послѣднія и въ р. Иртышъ²⁾.

На эту послѣднюю при-Алтайскую территорію раскольники изъ польскихъ владѣній прибыли въ 1766 году и здѣсь частію пристали уже къ заведеннымъ деревнямъ (Шемананха, Екатерининская), но больше осѣли на пустопорожнихъ мѣстахъ, основавши деревни Секисовскую, Бобровку, Верхъ-Убинскую, которыя въ свою очередь выдѣлили отъ себя Большую Рѣчку, Быстрыху, Малую Убинку и др. Разными особенностями быта и костюма новые пришельцы рѣзко отличались отъ прежнихъ насельниковъ Барнауло-Бійской стороны и такъ какъ вышли изъ Польши, то среди старожиловъ, получили названіе „поляковъ“. Въ своей приверженности къ расколу „поляки“ были и остаются яркими до фанатизма, не допуская ни малѣйшей уступки по отношенію къ какому-бы ни было посягательству на ихъ исконное достоинствіе старой непорушенной, до-иконовской вѣры.

Спустя 17 лѣтъ послѣ поселенія выходцевъ изъ Польши въ названной мѣстности, къ нимъ, съ цѣлью ознакомленія съ ихъ вѣрованіями и обрядами, проникъ священникъ Усть-Каменогорской крѣпости Арефьевъ, добившійся, послѣ усиленныхъ просьбъ, побывать въ ихъ молельняхъ. Въ рапортѣ Омскому Дух. Правленію Арефьевъ такъ охарактеризовалъ поляковъ со стороны ихъ вѣры.

¹⁾ Полн. Собр. Зак. т. XIV, № 10491. 4 Сентября 1755 года.

²⁾ Тамъ-же, т. XV, №№ 11420, 11456 и т. XV, № 11725.

Въ недавнихъ годахъ на Ново-Колыванской линіи заселены многолюдныя деревни Бобровская, Секисовская, Верхне-Убинская, въ конхъ живутъ російскіе люди, выведенные изъ Польскаго владѣнія. Одни изъ нихъ держатся поповщины, другіе безпоповщины. И тѣ и другіе трепь отъ нашихъ священниковъ не принимаютъ и подѣ благословеніе къ нимъ не подходятъ. Они имѣютъ въ своихъ своихъ дворахъ моленныя, называя ихъ часовнями. Въ нихъ воздвигнуты иконостасы съ мѣдными и оловянными образами. Клиросы устроены по обѣ стороны. Поютъ за богослуженіемъ на обоихъ клиросахъ, а иногда поющіе сходятся посреди часовни вмѣстѣ. Вмѣсто колоколовъ бьютъ въ желѣзныя или деревянныя доски молотками, преобразуя благовѣсть. Они хвалятся своими часовнями, говоря, что сіяютъ лучше нашихъ церквей. Въ часовняхъ исправляются и всѣ требы. Тамъ крестятъ, отпѣваютъ, поютъ молебны, панихиды. Съ образами для молебновъ ходятъ и по домамъ. Не пріемля къ себѣ православныхъ священниковъ для требоисправленій, они не хотятъ слышать и священническихъ увѣщаній и въ православіи быть никакъ не соглашаются. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, можетъ статься, были-бы и створчивѣе къ православію, но не рѣшаются оставить своего сонма изъ боязни родителей и наставниковъ-дьяковъ, которые находятся у насъ въ великомъ почтеніи“. ¹⁾

Въ то-же царствованіе Екатерины II правительству объявились тайныя обитатели Алтайскихъ горныхъ вершинъ Листьявжнаго, Холзуна и Катунскихъ бѣлковъ, извѣстные подъ именемъ „каменьщиковъ“. Всѣ они были бѣглецы или потомки бѣглыхъ—преимущественно, тѣхъ бѣглыхъ, которые не могли помириться съ тяжестью обязательныхъ работъ на рудникахъ и заводахъ Колывано-Воскресенскаго вѣдомства и жестокостію практиковавшихся въ этомъ вѣдомствѣ наказаній. Но были среди нихъ бѣглецы по расколу изъ Европейской Россіи и нѣсколько бѣглецовъ съ каторги. Общее количество каменьщиковъ за то время, какъ объявились начальству, далеко заходило за цифру 300 человекъ и всѣ поголовно принадлежали расколу. Это послѣднее обстоятельство является яркимъ свидѣтельствомъ, что жившіе между каменьщиками раскольники дѣйствовали, въ смыслѣ пропаганды, очень энергично. Они поддерживали отрицаніе къ православію съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, что многіе изъ каменьщиковъ пришли въ затаенныя горы и дебри, будучи уже предубѣждены въ сторону раскола на прежнихъ явныхъ мѣстахъ своего обитанія. Послѣ того, какъ объявившимся каменьщикамъ даровано было Высочайшее „прощеніе и благоволеніе“ и даже предоставлены разныя льготы гражданскаго существованія, они образовали деревни по р. Бухтармѣ: Сѣнную, Карабихинскую, Верхъ-Бухтарминскую, Огневу, Богатыреву и др. ²⁾ Изъ этихъ постепенно увеличившихся населеніемъ деревень впоследствии произошло массовое раскольническое движеніе въ мюн-

¹⁾ Рапортъ сваящ. Арефьева въ Омское Дух. Правл. 1783 года—въ арх. Барн-Дух. Правленія. Полный текстъ рапорта см. въ приложеніи къ настоящему труду.

²⁾ О Каменьщикахъ см. статью Принтца въ Запискахъ Императорскаго Рус. Географ. Общ. по общей Географіи, 1867 г. т. 1 стр. 543—581, См. Шегловъ Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири. Иркутскъ, 1883 стр. 324 и дал.

ческую сторону блаженнаго Вѣловодья, которую хотѣли обрѣсти въ пустыняхъ восточнаго Китая ¹⁾.

Отдѣльные раскольническіе пришельцы не переставали появляться въ нашемъ краѣ одинъ за другимъ. Точно нельзя обозначить, когда томскіе раскольники вошли въ сношеніе съ Иргизскими монастырями, но положительно извѣстно, что въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка эти сношенія велись самымъ дѣятельнымъ образомъ. Съ Иргиза приходили къ томичамъ агенты и многіе изъ нихъ, оставшіеся въ томской сторонѣ на постоянное жительство, образовали что-то въ родѣ монастырской братіи, жившей въ кельяхъ по р. Инѣ въ Малышевской волости нынѣшняго Барнаульскаго округа. ²⁾

Олонецкіе поморскіе скиты, организованные дѣятельностью извѣстныхъ бр. Денисовыхъ, въ свою очередь, посылали къ отдаленному населенію нашего края делегатовъ и для сбора подацій и для расколоучительства.

Въ 1785 году въ одной изъ многочисленныхъ деревень Вѣлоярскаго прихода былъ задержанъ бродяга, оказавшійся крестьяниномъ Тимофеемъ Трофимовымъ изъ Повѣнецкаго уѣзда Олонецкаго намѣстничества. Онъ „собиралъ на неизвѣстную братію съ легковѣрныхъ христіанъ“ деньги, указывая, что тѣ деньги пойдутъ для поминовенія умершихъ, на панихиды, на свѣчи, а также на платежъ (за братію) двойного, подушнаго оклада. При немъ нашлись „записки, рукописи и книги.“ ³⁾ Излишне пояснять, что подъ „неизвѣстную“ братію здѣсь нужно разумѣть многочисленныхъ обитателей Выгорѣцкихъ скитовъ, центральныхъ для всѣхъ безноповцевъ поморскаго согласія.

Въ самомъ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вв. въ деревняхъ около Змѣиногорска усиленно заявлялъ себя въ совратительной дѣятельности нѣкто Сисой Герасимовъ. Это то-же былъ выходецъ съ Поморья, научившій поморской вѣрѣ и сразу-же нашедшій себѣ горячихъ поборниковъ въ лицѣ Змѣиногорскаго горнаго рабочаго (бергайера) Ильи Демидова и крестьянина Космалнической волости дер. Вороники Ѳирса Ѳедорова. Расколоучительство наставника-пришельца и его мѣстныхъ сотрудниковъ сопровождалось большимъ успѣхомъ. Въ Змѣиногорскѣ Демидовъ привлекъ на свою сторону множество рабочихъ—мужчинъ и женщинъ, сходявшихся къ нему на квартиру для слушанія старообрядческихъ книгъ и раскольническихъ поученій. Тѣхъ, кто переходилъ въ поморской расколъ, Демидовъ отсылалъ къ самому Сисою, а этотъ перекрещивалъ ихъ въ р. Алеѣ близъ деревни Гилевой, гдѣ имѣлъ свое главное пристанище. Впослѣдствіи, съ благословенія Сисоя, перекрещиваніемъ здѣсь занимались наставники Хоринъ и Состіевъ. Въ Воронихѣ и окрестныхъ селеніяхъ и деревняхъ Ѳирсъ Ѳедоровъ пере-

¹⁾ О путешествіяхъ Бухтарминскихъ раскольниковъ на Вѣловодье см. наше изслѣдованіе „Томскій расколъ.“ Томскъ 1901, стр. 139—155.

²⁾ Въ библіотекѣ томскаго архіерейскаго дома сохраняется старообрядческая рукопись, что-то въ родѣ лицевого апокалипсиса, съ обличительными, по отношенію къ православной церкви, картинами. На первомъ листѣ рукописи кѣмъ-то сдѣлана помѣта, что она, рукопись, принадлежала инокамъ Иргизскаго Средне-Никольскаго монастыря, въ концѣ „прошлаго“ (XVIII) вѣка, проживавшимъ въ кельяхъ вверхъ по р. Инѣ, Малышевской волости, Барнаульскаго округа.

³⁾ Указъ Тобольской Консисторіи въ Барн. Дух. Правл. отъ 19 марта 1785 г. въ архивѣ Барнаульскаго Дух. Правл.

крещивалъ самостоятельно, не отсылая совращенныхъ къ главному учителю.¹⁾

Почти въ то же время и въ тѣхъ-же южныхъ мѣстахъ томской области, именно въ деревняхъ вѣдѣнія Красноярской (на Иртышѣ) земской избы, велъ расколоучительство и исправлялъ требы у раскольниковъ самовольный выходецъ старикъ Ѳеодоръ Дорофеевъ.²⁾ Въ нѣкоторой мѣрѣ съ нимъ сотрудничалъ бродяга, Іосифъ Семеновъ, оказавшійся посельщикомъ изъ разстриженныхъ іеродіаконовъ.³⁾

Энергично вели пропаганду заходіе расколоучители и въ разныхъ другихъ пунктахъ края.

Пришедшій въ Сибирь, по однимъ указаніямъ изъ Саратова, по другимъ—изъ Пензы, раскольниковскій инокъ, по мірскому имени, Иванъ Кирѣевъ сначала прибылъ съ своими книгами и тетрадами въ Сузунскій заводъ, потомъ, перешедъ въ дер. Суэнгу, долго жилъ здѣсь и, наконецъ, надежно укрылся гдѣ-то въ предѣлахъ горной Крутоберезовской волости.⁴⁾

Два перекрещивавшіе расколоучителя, оставшіеся по именамъ неизвѣстными, проживая въ дер. Средне-Алеусской, отсюда распространили свое вліяніе на Ординскую и сосѣднія волости.⁵⁾

Захваченный въ Ирменскомъ приходѣ (на Оби) расколоучитель, прибывшій изъ Москвы, возилъ съ собой не только книги, но и подложные царскіе указы, составленные въ пользу раскола.⁶⁾

По указанію Барнаульскаго Духовнаго Правленія за 1830 годъ, „волочащіяся“ расколоучители, т. е. расколоучители изъ пришельцевъ и среди нихъ переселенецъ Тимофей Макенмовъ, совсѣмъ овладѣли обширнымъ Бѣлоярскимъ приходомъ.⁷⁾

Тѣмъ чаще такіе проповѣдники появлялись въ укромныхъ селеніяхъ, разбросанныхъ въ мѣстностяхъ на югъ и юго-востокъ отъ Бійска. Далекое закинувшіяся въ горы деревни Катанда, Уймонъ доставляли имъ самое гостеприимное и укромное убѣжище.

Понятно, что заходіе и заѣзжіе учителя не хотѣли оставить своего дѣла безъ того, чтобы не приготовить и не нафанатизировать ратоборцевъ за расколъ изъ мѣстныхъ жителей. Посадскій человекъ дер. Атамановой Звѣревъ, онъ же Атамановъ, для расколоучительства переходилъ съ своими книгами и тетрадами изъ селенія въ селеніе до тѣхъ поръ, пока въ 1763 г. не былъ задержанъ въ дер. Колбихѣ въ домѣ совращеннаго въ расколъ монастырскаго крестьянина Григорія Ильиныхъ⁸⁾.

Жившій прежде въ лѣсной пустыни, а затѣмъ въ дер. Ново-Кытмановой наставникъ Герасимъ Шеринъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX сто-

1) Слѣдственное дѣло за 1807 годъ. Въ арх. Барн. Дух. Правл. См. указъ. Тобольск. Консисторіи отъ 23 іюня 1809 г. въ Барн. Дух. Правл. въ его архивѣ.

2) Архивъ канцеляріи Колывано-Воскр. Горн. Начальства, столпъ дѣлъ, по оп. № 976.

3) Дѣло объ Іосифѣ Семеновѣ въ связкѣ дѣлъ Барн. Дух. Правл. за 1790 годъ.

4) Изъ переписки канцеляріи Колывано-Воскр. Горнаго Начальства съ Барн. Дух. Правленіемъ за 1809 г.—въ арх. Барн. Дух. Правленія

5) Ук. Тоб. Консисторіи въ Барн. Дух. Пр. отъ 28 сентября 1891 г.—въ арх. Барн. Дух. Правленія.

6) Доношеніе свящ. Окорокова въ Барн. Дух. Правл. отъ 4 ноября 1830 г.

7) Ук. Тоб. Консист. въ Барн. Дух. Правл. отъ 8 окт. 1830 г.

8) Слѣдственное дѣло о Звѣревѣ въ арх. Томск. монастыря за 1763 г.

лѣтій состоялъ въ качествѣ главнаго руководителя раскола чуть не всей Чумышской волости ¹⁾. Въ 1820-хъ годахъ въ селеніяхъ и деревняхъ около Барнаула съ большою ревностію дѣйствовалъ въ пользу раскола поморскій учитель и требноисправитель отставной служитель Барнаульскаго завода Никита Комаровъ. ²⁾ Къ виднымъ мѣстнымъ расколовождямъ мы еще должны причислить Ивана Осипова Казанцева, Сергѣя Борисова, Потапа Шмакова, Якова Печеркина, въ тѣхъ-же, 1820-хъ, годахъ, дѣйствовавшихъ и учившихъ въ деревняхъ Бѣлоярскаго прихода: Казанцевой, Мироновой, Калиновкѣ и Залѣсовой. ³⁾

Безпоповщинскіе наставники, жившіе временно въ Змѣиногорскѣ: унтеръ-кунстъ-штейгеръ Черепановъ, бергайеры—Болохнинъ, Жарковъ, Прѣзжевъ и рудокопъ Уртамовъ отличались какою-то особенной фанатической настроенностью. ⁴⁾ Но и ихъ, по силѣ фанатическихъ заявленій, далеко превзошелъ бергайеръ Никулинъ. Въ то время, когда за свои убѣжденія и ихъ распространеніе Никулинъ содержался въ Барнаульской тюрьмѣ, онъ говорилъ духовному увѣщателю свящ. Васильеву, что „церковь не только отвергаетъ, но и порицаетъ. Таинства признаетъ скверной. Въ таинствѣ муропомазанія посаживается помазуемому на чело и прочіе члены самъ сатана.“ Священниковъ фанатикъ называлъ волками, псами, святителейъ Дмитрія Ростовскаго и Иннокентія Иркутскаго—антихристу служителями. По его словамъ, на Всероссійскомъ престолѣ нынѣ не царь, а антихристъ, мучащій христіанъ копаніемъ рудъ, выплавливаніемъ оныхъ и другими тяжкими повинностями. Себя Никулинъ именовалъ мученикомъ, призваннымъ обличать Перуна (императора). „Каждому свидѣтельству священнаго писанія онъ придастъ, писалъ о. Васильевъ, кривое значеніе и иногда, исполняясь злобою, буйно кричитъ: не хочу повиноваться. Кровь свою пролью, но жизнь спасу, чтобы по выходѣ изъ тюрьмы, напштать братію ученіемъ.“ ⁵⁾

Естественно, что при описанныхъ условіяхъ все большаго и большаго наполненія края расколomъ—расколъ здѣсь усиливался и крѣпчалъ. Въ Томскомъ уѣздѣ русское селеніе безъ значительной доли старообрядцевъ или людей, сильно наклонныхъ къ старообрядью, было рѣдкимъ, а селенія и деревни по р. Томи къ югу отъ Томска—Батурина, Яръ, Косогорова, Пачинское состояли почти сплошь изъ раскольниковъ. Ближе къ Барнаулу и за нимъ такими-же деревнями были: Суэнга, Миронова, Казанцева, Копылова, Глушинская, Шипицина, Красилова, Калиновка, Запльвина, Шмакова, Залѣсова, Печерка, Гилева на Алеѣ и мн. др. Вообще „весь Барнаульскій край отъ Кузнецка до Семипалатинска преисполненъ раскольниками и полураскольниками“—писали въ 1828 г. тобольскій архіепископъ и консисторія ⁶⁾.

¹⁾ Указъ Tob. Консисторіи въ Барн. Дух. Правл. 1788 г. іюля 11 дня. См. доношеніе о Шеринѣ въ то же Правленіе за 1806 г.—Барн. архивъ.

²⁾ Указъ Tob. Консист. въ Барн. Дух. Правл. отъ 13 октября 1827 г. въ арх. Барн. Дух. Правл.

³⁾ Ук. Tob. Консист. въ Барн. Дух. Правл. отъ 8 октября 1830 года.

⁴⁾ Отношеніе Кольвано-Воскресенской канцеляріи въ Барн. Дух. Правл. отъ 2 января 1806 г.

⁵⁾ Рапортъ Барнаульскаго свящ. Васильева отъ 27 сентября 1830 г. въ арх. Барн. Дух. Правл.

⁶⁾ Указъ Tobольской Консисторіи въ Барнаульское Духовное Правленіе отъ 7 октября 1828 г. въ Барнаульск. архивъ.

Между жителями самаго города Томска, по свидѣтельству Палласа, посѣтившаго при своемъ ученomъ путешествіи Томскъ въ 1770 году, раскольниковъ было великое множество“¹⁾

О томъ-же писалъ по одному поводу въ 1783 г. томской области Верхней Расправы прокуроръ Ив. Синельниковъ, ставя томское раскольническое множество на видъ томскаго игумена Иннокентія.²⁾ Тѣмъ еще чаще на обиліе въ Томскѣ раскола жаловались сами властные представители томскаго духовенства. Въ раскольническомъ суевѣрїи томичей духовныя власти указывали причину, по которой томичи совѣмъ не являлись къ исповѣди и св. Причастію Великимъ постомъ.³⁾ Въ 1805 году Томское Дух. Правленіе, въ самой сильной мѣрѣ сѣтуя на преданность „коренныхъ жителей г. Томска раскольническимъ „предразсудкамъ“, связывало съ этимъ то обстоятельство, что все городскіе храмы внѣшнимъ благолѣпіемъ и утварью церковною „крайне скудны“ и, застроенные каменными еще 1780-хъ годахъ, эти храмы доселѣ, не смотря на постоянныя понужденія, остаются недостроенными.⁴⁾

Впрочемъ, къ концу обозрѣваемаго періода расколь въ городѣ Томскѣ сталъ нѣсколько ослабѣвать. Онъ началъ терять здѣсь свою силу влѣдствіе новыхъ бытовыхъ условий, открывшихся съ возведеніемъ Томска въ достоинство и положеніе губернскаго города (1804). Въ 1815 году Сибирскій генераль-губернаторъ представилъ въ Синодъ обширную записку о разныхъ духовныхъ нуждахъ сибирскаго населенія и между прочимъ писалъ въ ней: „представляется нужнымъ учредить епархію въ г. Томскѣ подъ управленіемъ особаго преосвященнаго. Ибо если умноженіе тамъ, съ открытіемъ губерніи, однихъ чиновниковъ сдѣлало нѣкоторое обращеніе городскихъ жителей къ церкви и уменьшило успѣхи старообрядцевъ и раскольниковъ, то колыми паче появленіе въ городѣ архипастыря съ его штатомъ и церковнымъ благолѣпіемъ имѣло-бы бесомѣнное вліяніе на умы народа“.⁵⁾

1) Палласъ. Путешествіе. СПб. 1786. Кн. II. ч. 2. Стр. 429.

2) Отношеніе Синельникова къ игумену Иннокентію отъ 4 августа 1783 г.-- въ арх. Томскаго монастыря.

3) См. на этотъ счетъ очень выразительную жалобу игумена Палладія въ отношеніи, посланномъ коменданту Томасу Девиленеву отъ 1792 г.-- Монастырскій арх. св. 17.

4) Изъ дѣлъ Томскаго Дух. Правл. за 1805 г.— въ арх. Томской Д. Консисторіи.

5) Полное собраніе зак. т. XXXIII. № 25830.-- Общія цифры томскихъ раскольниковъ въ официальныхъ показаніяхъ являются, по сравненію съ дѣйствительностію, весьма незначительными.

По донесенію въ Сибирскую Губернскую Канцелярію посланнаго для перенесенія сибирскихъ раскольниковъ подполковника Никифора Шишкова въ Кузнецкомъ уѣздѣ за 1743 г., состояло раскольниковъ отъ рожденія 13 душъ муж. и 13 женскаго пола. Сверхъ того, въ Барнаульскомъ заводѣ—4 муж. и 1 жен. пола и заводѣ Колыванскомъ съ приписными къ нему деревнямъ Усть-Чарынской, Кабановой и Касмалинской—43 муж. и 38 жен. пола. Всего во всемъ южномъ районѣ Томскаго края Шишковъ насчиталъ въ расколѣ 112 душъ обоюго пола (Архивъ Канцеляріи Колывано-Воскр. Горнаго начальства, столпъ дѣлъ по оп. № 255).

По спискамъ 1749 г., среди жителей всѣхъ селеній и деревень горно-заводскаго вѣдомства Колывано-Воскресенская канцелярія насчитывала послѣдователей раскола 194 души муж. и 181 жен. пола и, кромѣ того, среди разночинцевъ Бикатунской крѣпости—30 муж. и 32 женск. пола, - всего 437 душъ. (Тамъ-же).

Въ г. Томскѣ и его уѣздѣ за 1752 годъ раскольниковъ, по показанію Томской воеводской канцеляріи, было 173 души обоюго пола. (Къ исторіи Сибирскаго старообрядчества въ XVIII вѣкѣ. Статя Ив. Тыжнова въ Сибирскомъ Сборникѣ за 1902 г., стр. 62).

За 1766 г. въ Колывано-Воскресенскомъ вѣдомствѣ, въ то время обнимавшемъ разамбръ почти всей нынѣшней Томской губерніи, раскольниковъ значилось 587 муж. 719 жен. пола—всего 1306 душъ. (Арх. Колывано-Воскресенскаго Начальства, Столпъ д. по оп. № 511, листъ 220).

У Варадинова численность Томскаго старообрядческаго раскола за 1826 года выражена въ цифрахъ:—пріемлющихъ священство 7499 муж. и 7736 жен. пола,—не пріемлющихъ священства 4305 м. и 7834 ж. пола. Общее количество томскихъ раскольниковъ, за указанный годъ, по Варадинову, 27374 человекъ. (Варадиновъ. Исторія Мин. Внутр. Дѣлъ. Кн. 8, стр. 167).

Къ внутренней жизни томскаго раскола.

Поповщина и безпоповщина въ томскомъ расколѣ и смѣшанность этихъ сектъ въ ихъ пространственномъ распредѣленіи.—Бѣглые попы въ Томской поповщинѣ.—Тяготѣніе томскихъ старообрядцевъ къ Иргизскимъ монастырямъ.—Нужда въ попахъ, породившая въ поповщинѣ особый толкъ стариковщины.—Поморство, какъ преобладающее согласіе въ томской безпоповщинѣ.—Прочіе безпоповщинскіе толки.—Раскольниковскіе центры: часовни, молитвенные дома, пустыни и скиты.—Проявленіе раскольниковскаго фанатизма.—Самосожительства группами и частыя самоубійства.—Большое самосожженіе въ дер. Мальцевой.

Въ Томской окраинѣ нашли огромное распространеніе какъ поповщина, такъ и безпоповщина. Оба крупныхъ вида раскола угнѣздились и распространились здѣсь такъ, что нельзя указать мѣстности, гдѣ поповцы или безпоповцы были бы исключительнымъ явленіемъ. Все зависѣло отъ того, въ какомъ селеніи какой расколоучитель агитировалъ, подчиняя жителей своему руководству, своимъ указаніемъ. Въ заводскомъ населеніи нынѣшнихъ Барнаульскаго, Бійскаго и Змѣиногорскаго уѣздовъ въ однихъ селеніяхъ Набатовъ насаждали безпоповство, въ другихъ—Сидоровъ поддерживалъ поповщину. Пришедшіе изъ Польши раскольники въ свою очередь дѣлились на поповцевъ и безпоповцевъ, хотя съ численнымъ преимуществомъ на сторонѣ первыхъ. Преобладаніе поповщины можно еще указать въ мѣстностяхъ по р. Чумышу, въ селеніяхъ Барабинской (Каинскаго уѣзда) и Кулундинскихъ степей.

Изъ бѣглыхъ поповъ, укрывавшихся и дѣйствовавшихъ среди поповщинскаго населенія по рр. Чумышу и Берди, мы, по своимъ документамъ, знаемъ Спиридона Наумова, по прозвищу Воронко,—пзъ іеромонаховъ Енисейскаго монастыря. Убѣгши къ раскольникамъ и отправляя для нихъ требы, онъ, чтобы не быть пойманнымъ, проживалъ съ однимъ изъ своихъ раскольниковскихъ пасомыхъ въ самомъ большомъ секретѣ—въ избушкѣ, построенной въ лѣсу (въ предѣлахъ Бѣлоярскаго прихода). Не смотря на строгій секретъ обитанія, всетаки попъ въ 1757 г. былъ захваченъ и доставленъ въ Барнаульское Дух. Правленіе.

Отсюда Наумова повезли въ Енисейскъ, но при остановкѣ въ Томскѣ, пойманный, не смотря на то, что былъ въ крѣпкихъ оковахъ, сумѣлъ бѣжать. На этотъ разъ попъ долгое время укрывался въ лѣсахъ за Бердскимъ острогомъ недалеко отъ деревни Дятловой. Кромѣ этой Дятловой, онъ изъ уединенія выѣзжалъ и во многія другія деревни, по его собственному признанію, для совершенія богослуженія и „для расколоучительства между заводскими крестьянами“ и при этихъ поѣздкахъ входилъ въ частыя сношенія съ учителемъ Каллистратомъ, жившимъ въ пустынной избѣ близъ дер. Бѣловой. Вторично бѣлаго іеромонаха взяли въ 1774 г. при его проѣздѣ чрезъ Сузунскій заводъ. Теперь его отправили въ Тобольскъ, гдѣ, обвиненный

не только въ побѣгахъ, но и въ его нечистой жизни за время этихъ побѣговъ, Воронко былъ лишенъ сана и отдавъ въ распоряженіе сибирскаго губернатора Чичерина¹⁾.

Вышеупомянутый священникъ Ив. Сусловъ, хотя, оставивъ свой православный приходъ, бѣжалъ къ раскольникамъ, но, намъ думается, что онъ жилъ между ними на другомъ положеніи, чѣмъ живутъ въ поповщинѣ потаенные бѣглые попы. Трудно допустить, чтобы въ своемъ побѣгѣ и укрывательствѣ онъ рѣшался на исполненіе священническихъ требъ, такъ какъ по своимъ убѣжденіямъ сочувствовалъ не поповщинѣ, а безпоповщинѣ. Вышедъ изъ укрывательства, Сусловъ просилъ дозволенія жить въ деревнѣ Шипициной (нынѣш. Барнаульскаго уѣзда), которая состояла изъ безпоповцевъ поголовно.

Въ при—Алтайскихъ частяхъ края долгое время между поповцами священнодѣйствовали попъ Никита Ивановъ по прозванію Стародубскій, данному ему, несомнѣнно, потому, что пришелъ въ Сибирь изъ Стародубья вмѣстѣ съ раскольниками изъ Польши или вскорѣ послѣ ихъ переселенія къ Иртышу. Главнымъ пунктомъ его дѣятельности была часовня въ деревнѣ Старо-Алейской²⁾.

Стародубскаго смѣнили попы Егоръ Алексѣевъ, Иванъ Ивановъ и Трофимъ Соколовъ, распространившіе районъ своего завѣдыванія отъ Алтая до рѣки Чумыша и даже нѣсколько сѣвернѣе теченія этого послѣдняго. Все трое были присланы въ Сибирь изъ Иргизскихъ монастырей.³⁾

Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ сибирскіе старообрядцы провѣдали о монастыряхъ на Иргизѣ, они примкнули къ нимъ тѣсно и энергично, какъ къ своему поповщинскому центру. Въ 1823 году старообрядцы Чумышской и Верхъ-Чумышской волостей имѣли случай заявить начальству, что они поддерживаютъ сношенія съ Иргизскими монастырями и хотятъ поддерживать ихъ на будущее время.⁴⁾ Такое же указаніе на свои отношенія къ тѣмъ-же монастырямъ представили жители многихъ деревень Бердскаго и Легостаевского приходовъ.⁵⁾ Въ 1823 году старообрядцы Усть-Каменогорской, Убинской и Кольванской волостей усиленно добивались права свободного и безпрепятственнаго отправленія требъ для всѣхъ пріѣзжающимъ къ нимъ съ Иргиза священникамъ. Свое ходатайство они повторили въ 1831 году, но, какъ и прежде, безуспѣшно.⁶⁾

Счастливѣе въ этомъ отношеніи были раскольники—поповцы, жившіе въ Томскѣ и около него. Какимъ-то образомъ имъ удалось добиться у губернской власти дозволенія на свободное и даже открытое служеніе явив-

¹⁾ Ук. Консistoriи въ Барнаульское Духовное Правленіе отъ 1757 г. Марта 5 дня. См. еще въ столпѣ дѣлъ канцеляріи Колыв.-Воскр. Горнаго Начальства по оп. № 811 и указъ Консistoriи въ Бар. Дух. Пр. отъ 30 іюля 1774 г.

²⁾ Ук. Tob. Консист. въ Бар. Дух. Пр. отъ 1787 г. 31 мая. Въ арх. Барнаул. Дух. Правл.

³⁾ Ук. Tob. Консист. въ Барн. Дух. Пр. отъ 20 мая 1812 г. см. дѣло Барн. Дух. Правл. за 1821 г. (о попѣ Иванѣ Ивановѣ) и ук. Консistoriи въ Барнаул. Дух. Правл. 1824 г.—въ арх. Барн. Дух. Правл.

⁴⁾ Дѣло 1823 г. Томск. Дух. Правл. о побужденіи старообрядцевъ къ жертвамъ на постройку храма въ Бѣлоярской слободѣ.—Въ арх. Томской Духовной Консistoriи.

⁵⁾ Ук. Tob. Консист. въ Барн. Дух. отъ 23 іюня 1819 г.

⁶⁾ Указы Tob. Консistoriи въ Барн. Дух. Прав. отъ 16 іюля 1823 г.

шемуся съ Иргиза попу Ивану Михайлову Грузинскому. Послѣдній служилъ и исправлялъ требы въ часовнѣ, устроенной богатымъ купцомъ Мыльниковымъ при его собственномъ домѣ въ г. Томскѣ. Изъ Томска Грузинскій раздвинулъ свой приходъ до Барнаула и до Кузнецка. Разѣзжая по многочисленнымъ деревнямъ обширнаго прихода, Грузинскій вездѣ заявлялъ себя смѣло, безъ всякаго смущенія и стѣсненія. Онъ не затруднялся вѣнчать браки при стеченіи народа, хоронить съ религіозной процессіей и то и дѣло сталкивался съ православными священниками, вторгаясь въ ихъ дѣло и въ ихъ интересы. Большое количество незаконно-вѣнчанныхъ браковъ положило конецъ его дѣятельности. Послѣ суда и лишенія сана (въ 1840-хъ годахъ) онъ удалился въ Европейскую Россію, гдѣ приписался къ Тульскому мѣщанскому обществу.¹⁾

Въ общемъ томскіе послѣдователи поповщинской секты по отдаленности отъ Россіи и вслѣдствіе раскиданности деревень на огромномъ пространствѣ всегда чувствовали въ полахъ большую нужду. Канскіе старообрядцы для брако-вѣнчаній иногда были вынуждаемы предпринимать трудное и далекое путешествіе въ Екатеринбург²⁾. У раскольниковъ изъ польскихъ выходцевъ— „поляковъ“ требы, не исключая вѣнчанія, исповѣди и причастія заурядно совершали дьяки, изъ которыхъ нѣкоторые достигали такого авторитета, что къ нимъ подходили подъ благословеніе, какъ подходятъ къ священникамъ. У раскольниковъ въ другихъ мѣстностяхъ края весьма часто поповъ замѣняли старики—начетчики, крестившіе, отпѣвавшіе умершихъ, принимавшіе на исповѣдь и даже причащавшіе. Наставникъ Шеринъ показывалъ начальству, что для одновѣрцевъ не только совершаетъ службы по имѣющимся у него тетрадамъ, но исповѣдуетъ и причащаетъ ихъ хлѣбомъ, даннымъ ему бѣглымъ старцемъ³⁾.

Необходимость обращенія въ духовныхъ нуждахъ къ старикамъ породила у многихъ старообрядцевъ привычку обходиться только ими, что въ свою очередь обусловило возникновеніе новаго толка въ поповщинскомъ расколѣ, извѣстнаго подъ именемъ стариковщины.

Въ огромной массѣ, томскихъ безпоповцевъ послѣдователи поморщины численностію занимали первое мѣсто, что является совершенно понятнымъ, если примемъ во вниманіе, какъ часто насадителями раскола въ Сибири были пришельцы съ сѣвера Россіи—отъ Поморья и какъ энергично агитировали здѣсь же въ Сибири въ пользу своего согласія поморскіе Выговскіе скиты. Среди безпоповцевъ, вышедшихъ изъ Польши, были не только поморцы, но и вѣдосѣвцы. Послѣдователи нѣтовщины часто встрѣчались въ юго-восточной части Алтая особенно въ дер. Солонечной, гдѣ, напримѣръ, раскольникъ Земировъ мрачно говорили, что нынѣ, въ печальный вѣкъ все опустошившаго антихриста, не стало уже ничего: ни церкви, ни таинствъ, ни благодати. Въ той-же части Алтая встрѣчалось что-то въ родѣ странническаго толка. Ученіе того-же толка готовъ былъ всячески распространять упомянутый бергайеръ Нику-

¹⁾ О раскольнич. попѣ Ив. Михайловѣ Грузинскомъ см. наше изслѣдованіе „Томскій расколъ“ Стр. 29—32. См. въ приложеніи къ настоящему труду.

²⁾ Дѣло Тобольской Дух. Консист. въ архивѣ Томск. Консист. по Оп. № 1231.

³⁾ Ук. Тоб. Консист. въ Барн. Дух. Прав. 11 Іюля 1788 г. въ арх. Бар. Дух. Правл.

линь. Къ сожалѣнiю, болѣе подробныхъ указанiй относительно безпоповщинскихъ толковъ и ихъ территориальнаго распредѣленiя въ краѣ мы не въ состоянiи сдѣлать. Свѣдѣнiя, почерпаемая изъ нашихъ документовъ, на этотъ счетъ крайне скудны. Церковные причты въ своихъ обозначенiяхъ раскольниковъ и донесенiяхъ о нихъ обыкновенно отдѣлывались ничего не говорящимъ показанiемъ: „неизвѣстной секты“.

Центрами, около которыхъ группировались раскольники, къ которымъ они внѣшне и духовно примыкали, служили раскольничьи часовни, молитвенные дома и скиты. Изъ многочисленныхъ часовень мы должны отмѣтить пользовавшiяся особеннымъ уваженiемъ часовни: въ дер. Секисовой, построенную въ память Покровскаго храма на Вѣткѣ,—Большой Рѣчкѣ, Старо-Алейской¹⁾, Уймонѣ, Шишицкой (поморская), Суэнгѣ, Устьянцевой (нынѣшн. Канискаго окр.);—молельни: въ дер. Шемананхѣ (при домѣ кр. Коробова), Змѣиногорскѣ, дер. Казанцевой (при домѣ кр. Казанцева), Мирновой (при домѣ кр. Сергѣя Борисова), въ Томскѣ (при домахъ купца Мыльникова и мѣщанина Филиппа Колобова).

Изъ несомнѣннаго множества въ глухихъ и лѣсныхъ углахъ края раскольническихъ скитовъ и пустынь мы можемъ перечислить только тѣ, которые потому или другому случаю занесены въ наши документы. Къ нимъ принадлежали:

а) Небольшая пустынь въ Томскомъ уѣздѣ, Чаусскаго вѣдомства, въ лѣсу близъ дер. Маньковой. Въ 1740 году въ ней между прочими потаенно проживали сынъ боярскiй Ив. Ярмаковъ съ дочерью дѣвицею Прасковьею и крестьяне Дементiй Лазаревъ и Михаильт Тимофеевыхъ²⁾.

б) Скитъ, устроенный на рч. Лепкѣ, въ предѣлахъ Верхо-томскаго прихода. Въ немъ, за 1740-ые годы, проживало до 40 пустынниковъ подъ настоятельствомъ раскольника изъ пашенныхъ крестьянъ Алексѣя Червева³⁾.

в—г) Скиты или монастыри, укрывавшiяся съ одной стороны въ лѣсахъ по Чумышу, съ другой—въ глубокомъ уединенiи при устьяхъ Чарыша. И тамъ и тутъ проживали „многiе жеучители, старцы и старицы“⁴⁾.

д) Пустынь Суслова въ лѣсу Курчиковой волости Томскаго уѣзда. Въ то время, когда она была найдена отрядомъ томскихъ казаковъ, ею управлялъ кр. Григорiй Сусловъ⁵⁾.

е) Скитъ на рч. Крохалевкѣ приблизительно въ 15 верстахъ отъ с. Легостаева⁶⁾.

ж) Пустынь въ лѣсу вверхъ по р. Томи, на рѣчкѣ Кожухѣ, близъ Мунгатскаго острога. Ее указалъ отставной дьячекъ с. Пачинскаго Григорiй

¹⁾ При этой часовнѣ въ 1770-хъ годахъ состояли и постоянно проживали вышедшiе изъ Польши четыре старца-монаха. Ук. Консист. въ Варн. Дух. Прав. 24 Авг. 1772 г.

²⁾ Материалы для исторiи Сибири. Чт. Общ. истор. и древн. Россiи 1867 г. кн. II, стр. 313.

³⁾ Домошенiе Верхо-томскаго свящ. Ив. Дулепова въ Томск. Дух. Прав. Сентябрь 1745 г. Въ арх. томскаго Алексѣев. монастыря: св. 16.

⁴⁾ Указъ Tob. Консист. Барнаульскому заказчику протопопу Мееодиѣву. 7 Сент. 1760 г. Въ арх. Варн. Дух. Правленiя.

⁵⁾ Ук. Tob. Консист. въ Томское Дух. Прав. 1752 г. февр. 18.—Арх. Томской Консисторiи.

⁶⁾ Сообщенiе Варн. Дух. Прав. въ канцелярiю Кольвано-Воскр. Горн. Нач. 14 сентября 1755 г.—въ арх. Варн. Дух. Правл.

Пырниковъ, самъ жившій въ пустыни одну зиму (1757 г.) и вынесшій изъ нея разныя рукописныя тетради съ раскольниковскими сказаніями и стихами¹⁾.

з) Большая пустынь по р. Берди за селомъ Легостаевымъ. Въ ней въ 1758 г. проживало, подъ управленіемъ бѣжавшаго дьячка Матвѣя Петрова Жукова, до 80 человекъ мужчинъ и женщинъ²⁾.

и) Скитъ старца Исаака Терентьева Пашина по рч. Берди-же въ черни приблизительно въ 60-ти верстахъ отъ ближайшаго жилья.

і) Небольшой скитокъ на Обскомъ Черемоховомъ островѣ близъ с. Малышева³⁾.

к) Кельи старцевъ, пришедшихъ съ Иргиза, устроенныя по р. Инѣ⁴⁾.

л) Лѣсная пустынька, основанная въ 1764 г. крестьяниномъ Петромъ Балахнинымъ въ предѣлахъ Сосновскаго прихода (Томскаго уѣзда), куда на болѣе или менѣе продолжительное время приходили нѣкоторые раскольники изъ ближайшихъ мѣстъ для слушанія книжнаго чтенія и участія въ общей молитвѣ. Балахнинъ не выдержалъ всей строгости пустыннаго житія. Онъ вступилъ въ связь съ мѣщанской дѣвицей Пелагеей Шубиной, отъ каковой связи у нихъ родились дѣти—сыновья и дочери. Замѣчательно, что дѣти отъ родителей, жившихъ пустынно,—выросшія въ лѣсной глуши до лѣтъ уже зрѣлыхъ, почти совершенно одичали. Они страшились постороннихъ людей, боялись выходить или выѣзжать изъ лѣсу въ открытыя мѣста и пережили ужасное, долго непокидавшее ихъ смущеніе, когда пустынь была открыта и всѣ Балахнины были переведены въ селеніе⁵⁾.

Въ своемъ „Путешествіи“ Палласъ разсказываетъ, что Колывано-Воскресенская Горная канцелярія часто снаряжала военныя команды для отысканія рудокоповъ, бѣгавшихъ съ заводовъ и съ рудниковъ или отъ тяжести работъ или отъ страха наказаній за учиненныя „шалости“. Такія команды, преслѣдуя свою ближайшую цѣль, перѣдко, среди алтайскихъ вершинъ, наталкивались на пустынниковъ, кои уходили изъ деревень въ неприступныя мѣста „отъ суевѣрной (раскольниковской) ревности“⁶⁾.

Въ 1792 г. убѣжалъ для пустыннаго жительства „къ старцамъ“ кр. дер. Батуринной Смокотинъ. Находясь среди старцевъ, онъ, будучи уже взрослымъ, научился грамотѣ и послѣ того изъ пустыни вышелъ. Но гдѣ она укрывалась, Смокотинъ не сказалъ и это осталось неизвѣстнымъ⁷⁾.

Равнымъ образомъ неизвѣстно, въ какомъ уединеніи и съ кѣмъ его сораздѣляя, прожилъ болѣе 20-ти лѣтъ расколоучитель Герасимъ Шеринъ⁸⁾.

¹⁾ Дѣло о возмущеніи крестьянъ Томск. Алексѣевского монастыря 1761 г.—Монастыр. арх., св. 5.

²⁾ Промеморія Барн. Дух. Прав. въ канцелярію Колывано-Воскр. Горн. Нач. 21 окт. 1758 г. Столпъ д. № 511.

³⁾ Донесеніе священника Малышевской слабоды отъ 30 марта 1755 г. въ арх. Барн. Дух. Правл.

⁴⁾ См. выше на стр. 25. Примѣчаніе 2-ое.

⁵⁾ Дѣло Tob. Дух. Консист. въ арх. Томской Консисторіи по оп. № 298. Сп. ук. Tob. Консист. въ Томск. Дух. Правл. отъ 13 дек. 1807 г. за № 2894-мъ.

⁶⁾ Палласъ. Путешествіе. Кн. II, ч. 2, стр. 297—298.

⁷⁾ Дѣло о допросѣ кр. Смокотина. Апрѣль 1792 г. см. въ арх. Барн. Дух. Правл.

⁸⁾ Ук. Tob. Консист. въ Барн. Дух. Правл. отъ 11 іюля 1788 г.—въ арх. Барн. Дух. Правл.

Какъ вездѣ, такъ и въ Томской области расколъ заявилъ себя цѣлымъ рядомъ фанатическихъ вспышекъ, которыя выражались съ особою силою, когда раскольники бывали затрогиваемы въ ихъ жизни и ихъ интересахъ.

Томскій пасадекскій человекъ Яковъ Майговъ попалъ подъ судъ за то, что по какому-то поводу публично произнесъ страшное ругательство на церковь¹⁾.

Раскольники дер. Косогоровой не только ругали православнаго священника, но и грозили ему непремѣннымъ убійствомъ, если не прекратитъ своихъ пощещеній ихъ деревни²⁾. Случаи подобныхъ, озлобленныхъ заявленій особенно часто повторялись среди раскольниковъ—„поляковъ“, которыми духовно руководили дышавшіе ненавистію къ никоніанству и никоніанамъ дяки³⁾. Подстрекаемые послѣдними, „поляки“ произвели не малый бунтъ съ оружіемъ въ рукахъ, защищая въ 1783 г. захваченнаго военною стражей бѣлаго попа⁴⁾.

Трагически выразился раскольническій фанатизмъ въ цѣломъ рядѣ самосожигательствъ и самоубійствъ. Первое изъ самосожженій за XVIII в., извѣстныхъ по нашимъ документамъ, относится къ 1743 году. Оно произошло близъ деревни Лепехиной, подчиненной вѣдѣнію Бѣлоирской судной избы. Сомосожглись раскольники Ѳедоръ Лепехинъ съ матерью, дѣтьми и другими одновѣрцами всего въ количествѣ 18 человекъ. Намѣревалось сгорѣть гораздо большее число людей, но изъ собранія, составившагося съ самонстребительною цѣлю, сами собою вышли кузнецкіе жители Ѳедоръ и Иванъ Годлевскіе, крестьянинъ кузнецкой подгородной деревни Матвѣй Пушкаревъ, дер. Костенковой Степанъ и Матвѣй Дуплянскіе, крестьянская жена д. Титовой Афимья Алексѣева съ маленькимъ сыномъ и др. Кромѣ того, оставили собраніе, послушавшись увѣщаній присланнаго къ нему офицера, Ефимъ и Иванъ Лепехины и крестьянская жена Пелагея Алексѣева. Сгорѣвшіе прежде чѣмъ поджечь избу, въ которую собрались для горѣнія, объявили увѣщателю—офицеру, что рѣшили умереть за вѣру и потому еще, что ихъ приписали къ Колывапо-Воскресенскимъ заводамъ „въ работу, а въ заводахъ работать имъ весьма натужно“⁵⁾.

Въ 1746 году сгорѣли жившіе гдѣ-то невдалекѣ отъ Колыванскаго завода заводскіе крестьяне Ив. Шелегинъ, Ив. Закурдаевъ съ женой Маремьяпой, Андрей Миляновъ, Софья Артемьева Земирова, Прасковья Вас. Земирова и др.⁶⁾ Въ нашемъ рукописномъ источникѣ свѣдѣнія объ этомъ случаѣ раскольническаго горѣнія слишкомъ кратки. Но мы ихъ можемъ восполнить на основаніи печатнаго документа въ увѣренности, что сообщеніе, данное въ этомъ послѣднемъ, относится къ одному и тому-же печальному факту. Сгорѣніе произошло въ дер. Усть-Чарышской, состоявшей изъ 18 дворовъ. Заранѣе провѣдавъ о

1) Ук. Тоб. Консист. въ Томск. Дух. Правл. 15 дек. 1776 г. — въ арх. Томск. Консисторіи.

2) Дѣло Тобольск. Консисторіи за 1802 годъ. Въ арх. Томской Консисторіи по описи № 291.

3) Усть-Каменогорскій свящ. Арефьевъ писалъ о раскольникахъ „полякахъ“: „насъ православныхъ они, „поляки“, называютъ еретиками, злословя съ великимъ поношеніемъ и посяганіемъ“. Рапортъ свящ. Арефьева отъ 1783 г. въ арх. Барн. Дух. Правл.

4) Изъ бумаги, приложенной къ тому-же рапорту.

5) Арх. канцеляріи Колыв.-Воскр. Горн. Начальства, столпъ д. по оп. № 94.

6) Тамъ-же, столпъ дѣлъ № 255.

пагубномъ раскольническомъ намѣреніи, кузнецкая воеводская канцелярія отправила въ Усть-Чарышскую команду подъ начальствомъ подпоручика Мартынова. Подпоручикъ успѣлъ выманить изъ собранія нѣсколькихъ человекъ, которыхъ немедленно отправилъ въ Бикатунскую крѣпость. Остальные сгорѣли спустя три дня послѣ прибытія команды. Изъ 18-ти дворовъ Усть-Чарышской деревни въ 3-хъ осталось по три человекъ, „остальные дворы стали пусты и скотъ рогатый и овцы ходили безъ хозяевъ“¹⁾.

Въ томъ-же 1746 г. самосожженіе, въ количествѣ 50 человекъ, готово было состояться въ дер. Тугозвоновой (она-же Быкова). Катастрофу предупредилъ командированный изъ Кузнецка поручикъ Волковъ. Послѣдній, пришедъ въ деревню и до времени скрывъ свою команду, объявилъ собравшимся въ одной избѣ раскольникамъ, что ему „до нихъ дѣла нѣтъ“, что ѣдетъ въ дер. Кабанову учить драгунъ. Раскольники повѣрили, избу открыли и стали изъ нея выходить къ своимъ домамъ. Этимъ поручикъ воспользовался для того, чтобы ночью съ солдатами переловить зачинщиковъ дѣла—расколуучителей Терягтя Быкова и червца, съ Керженца, Никодима съ нѣкоторыми изъ ихъ послѣдователей. Изба, приготовленная къ заженію, была захвачена и, несомнѣнно, разорена, а она, по донесенію Волкова, представляла большое строеніе, сдѣланное съ перерубомъ, дѣлившимъ его на двѣ половины. Одна половина назначена была для мужчинъ, другая—для женщинъ. Лишившіеся предводителей и товарищей раскольники присмирѣли и успокоились²⁾.

Слѣдующее собраніе къ горѣнію составилось по р. Чумышу въ деревнѣ Шипициной (въ 60-ти верстахъ отъ Барнаула). Въ собраніе вошло болѣе 50 человекъ со включеніемъ лжеучителей и „къ душегубительству подговорщиковъ“ Макенма Аврамова, Семена Кнутова и Никифора Соколова. Сгорѣніе, какъ и въ Тугозвоновой, не состоялось, но почему?—на этотъ разъ осталось неизвѣстнымъ. Раскольники благополучно разошлись по домамъ за исключеніемъ двухъ старыхъ дѣвицъ Молоковой и Некрасовой, добровольно потонувшихъ въ Чумышѣ³⁾.

Черезъ годъ, во исполненіе указа, даннаго тобольскимъ митрополитомъ Сильвестромъ, нужно было взять и доставить въ Барнаульское Дух. Правленіе для увѣщаній названныхъ учителей Аврамова, Кнутова и Соколова. Для ихъ смекы и взятія былъ командированъ геодезіи прапорщикъ Старцевъ съ „пристойною командою.“ Послѣдній захватилъ только Соколова. О Кнутовѣ, проживавшемъ въ дер. Езовой, обыватели показали, что уже три дня, какъ онъ скрылся невѣдомо гдѣ. Очередь осталась за Аврамовымъ, имѣвшимъ жительство въ самой деревнѣ Шипициной. Въ ожиданіи прибытія прапорщика, Аврамовъ съ семейными крѣпко въ своемъ домѣ заперся. Долго Старцевъ уговаривалъ его открыть дверь и выдти. Изъ дома слышныя одинъ отвѣтъ:—„не выйдемъ,“ а на случай захвата силою фанатикъ громко указывалъ, что онъ и его семейные вооружены. Изъ оконъ дома можно было усмотрѣть, что самъ Аврамовъ взялъ ружье—„турку“, жену

1) Матеріалы для исторіи Сибири. Чт. Общества исторіи и древ. Россіи. 1867 кн. 2, стр. 231.

2) Тамъ-же, стр. 231—232.

3) Указъ митрополита Сильвестра Барнаульскому заказчику Василию Иванову отъ 17 февраля 1754 г. за № 320. Въ арх. Барн. Дух. Правл. См. въ приложеніи.

вооружилъ винтовкой, дочь—пистолетами, и сына копьемъ. Всѣ кричали, что живыми не отдатутся, а жить намѣрены только до вечера. Среди криковъ, обращенныхъ къ стражѣ, слышались трогательныя слова прощанія то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ односельчанъ. Къ вечеру домъ вспыхнулъ. На пожарницѣ нашли шесть обгорѣлыхъ труповъ. ¹⁾

Въ началѣ сентября 1759 года въ Барнаульскомъ Духовномъ Правленіи допрашивали взятаго изъ деревни Максоровой старика крестьянина (изъ пришеельцевъ Яренскаго уѣзда) Степана Ив. Максорова: почему уклоняется отъ исповѣди и причастія? Степанъ Максоровъ отвѣтилъ; не исповѣдается и не причащается отъ того, что нынѣ въ церкви все перемѣнилось поновому,—„аллилюю поютъ трижды, а не дважды.“ Не желаетъ онъ бывать у таинствъ самъ, запрещалъ это и семейнымъ. Выслушавъ отвѣтъ, Барнаульское Духовное Правленіе постановило: отослать допрошеннаго въ канцелярію Горнаго Начальства съ требованіемъ „ежели оный, Максоровъ, раскается, то для присоединенія прислать его въ Дух. Правленіе. Буде-же не обратится и душевспасительнаго дозвѣтвенія конечно отречется, чинить съ нимъ по силѣ указовъ. Дѣтей его, Степана:—Ѳедора съ женой Матронею Григорьевой, Егора съ женой Марьей Семеновою для увѣщаній, обращенія и утвержденія въ правовѣрнн канцелярія благоволилъ прислать въ Правленіе.“ ²⁾ Горная канцелярія не замедлила сдѣлать соотвѣтствующее для высылки означенныхъ лицъ распоряженіе. Вскорѣ Ѳедоръ Максоровъ былъ взятъ и 18 сентября въ Барнаульской Петропавловской церкви исповѣданъ и причащенъ. Что касается Егора, то посланные за нимъ сотники Бѣлоярской судной избы донесли, что онъ, Егоръ, узнавъ о присылкѣ за нимъ, собралъ жену и малолѣтнихъ дѣтей—четырехъ, трехъ лѣтъ и полу-года—въ амбаръ, заперся тамъ и всю семью перерѣзалъ. Когда дверь въ амбаръ выломали, Егоръ выбѣжалъ съ пожемы въ рукахъ и, крича собравшемуся народу „не подходите“, кинулся въ Чумышъ. Изъ воды его вынули, но уже послѣ того, какъ успѣлъ прорѣзать себѣ бокъ. Спустя нѣсколько дней, Егоръ умеръ. Предъ смертію онъ признался односельчанамъ, что къ кровавой развязкѣ со своимъ ево побудила уговорами и настояніемъ жена—покойная Марья. ³⁾

Почти одновременно, по тѣмъ-же дѣламъ раскола, велѣно было взять изъ деревни Филипповой (на Чумышѣ-же) кр. Григорія Филиппова Борисова и его брата Прокопія (давнне выходцы изъ Соли—Вычегодской). Посланные не нашли ихъ дома и успѣли узнать, что оба выбѣжали съ семьями въ чернь. Григорія съ женою Ѳеодосеею настигли въ лѣсной избушкѣ, построенной въ глухомъ болотистомъ мѣстѣ въ 20-ти верстахъ отъ Филипповой. Когда ихъ хотѣли взять, Григорій „чинилъ отбой ножемъ“, однако „черезъ усильство“ былъ схваченъ и доставленъ сначала въ Бѣлоярскую судную избы, а затѣмъ въ канцелярію Горнаго Начальства. А жена его, Ѳеодосья, чтобы не быть забранной „въ той избушкѣ рѣзалась ножемъ душевредно“, сдѣлавъ три

¹⁾ Отношеніе канцелярія Колывано-Воскресен. Горн. Начальства въ Барн. Дух. Пр. отъ 15 апр. 1754 г. въ арх. Барн. Дух. Правл. См. въ приложеніи.

²⁾ Архивъ Колывано-Воскресенской Горной Канцелярія. Столпъ д. по оп. № 511, листы 651—653.

³⁾ Тамъ-же, листы 620—623. См. въ приложеніи.

глубокія раны, отъ которыхъ и умерла¹⁾). Прокошій скрылся въ другой лѣсной избушкѣ. Избушку, въ 45-ти верстахъ отъ жилья, съ большимъ трудомъ розыскали. Въ ней устроена была новая глинобитная печь и сложены въ немаломъ количествѣ жизненные припасы, но ея обитателя уже не оказалось. Онъ исчезъ безслѣдно. „Мнится, писали сыщики, что ушелъ въ невѣдомое уединеніе“²⁾).

Самое крупное самоистребленіе въ нашемъ краю произошло въ 1756 году.

Въ Маѣ этого года раскольники, жившіе близъ Чаускаго острога (на р. Оби), кр. Иванъ Носковъ и казаки—братья Степанъ и Ѳедоръ Мальцевы провозгласили, что жить на свѣтѣ стало нельзя, потому нельзя, что „за многими нынѣ народными тягостями никакой человѣкъ въ мірѣ спастись никакъ не можетъ“. Приобрѣтеніе спасенія возможно единственно путемъ добровольнаго сожженія. Съ такимъ фанатически-мрачнымъ провозглашеніемъ Носковъ и Мальцевы стали развѣзжать по всеѣмъ деревнямъ, примыкавшимъ къ названному острогу и входившимъ въ его административное вѣдѣніе. Призывомъ къ „огненному неоскверняемому крещенію“ проповѣдники всколыхнули все населеніе этихъ деревень.

На призывъ умереть откликнулось до 200 человѣкъ и постепенно все это множество людей начало стекаться къ дер. Мальцевой. Нужно было найти „благочестныхъ старцевъ“, которые приготовили, бы народъ къ „спасительной кончинѣ“,—благословили-бы самосожженіе. Носковъ и Степанъ Мальцевъ отправились въ Барабинскую степь и оттуда привезли съ собой старцевъ—расколочителей Семена Шадрина (въ расколъ святой отецъ Яковъ Степановичъ) и Ѳедора Нѣмчинова (сынъ тарскаго казачьяго головы).

Старцы указали мѣсто горѣнія. Они благословили его за деревней Мальцевой, въ лѣсу, среди топей и болотъ. Здѣсь построено было девять избъ, изъ которыхъ двѣ, поставленныя тѣсно одна къ другой безъ внутренней между ними перегородки, представляли что-то въ родѣ моленной. Подъ избами, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, были сложены смолье и солома. Въ обереженіе отъ ожидаемой военной команды избы были обнесены заплотомъ и, кромѣ того, стоячимъ тыпомъ вышиною въ три съ половиной аршина. Окна въ каждой избѣ были защищены желѣзными рѣшетками. Когда избы наполнились народомъ—мужчинами, женщинами и дѣтьми, старцы Шадринъ и Нѣмчиновъ ежедневно устраивали общее моленіе, послѣ котораго читали собранію книги о горестныхъ временахъ антихриста. Кромѣ того, для поддержанія бодрости въ средѣ собравшихся въ виду предстоящей огненной смерти они безпрестанно и сильно внушали, что по нынѣшнимъ временамъ, когда каждому грозитъ оскверненіе антихристовой печатью (троеперстіемъ), горѣніе—необходимый и неизбѣжный исходъ.

Внутри собранія молились, поучали и слушали поученія, между тѣмъ на крышахъ домовъ денно и ночью стояли караульные съ ружьями въ рукахъ. Они обязаны были наблюдать за всеѣми посторонними, которые хотѣли-бы приблизиться къ собранію, и не допускать ихъ до него. „Приходили иногда“,

¹⁾ Сообщеніе Горной канцеляріи въ Барн. Дух. Правл. отъ 25 сентября 1759 г. См. въ приложеніи.

²⁾ Доношеніе той—же канцеляріи въ Барн. Дух. Прав. отъ 20 окт. 1759 г.

впослѣдствіи рассказывалъ спасшійся отъ сожженія кр. Кубышевъ, „родственники нѣкоторыхъ изъ сидѣвшихъ въ избахъ образумить близкихъ своему сердцу, но ихъ отъ избъ караульные оттоняли“.

„Сидѣніе“ въ лѣсу за дер. Мальцевой продолжалось болѣе полутора мѣсяца. Въ самомъ его началѣ раскольники отправили въ Чаусскую судную избу письменное „Извѣстіе“ о причинахъ своей рѣшимости на добровольную смерть. „Извѣстіе“ является чрезвычайно характернымъ документомъ, заслуживающимъ подробной передачи его содержанія.

Причины прежде всего указаны въ тяжкихъ несправедливостяхъ по отношенію къ крестьянамъ со стороны гражданскихъ властей. Указанія подтверждены слѣдующими впослѣдствіи провѣренными и найденными вполнѣ правдивыми фактами:

Въ 1747 году жители чаусскихъ деревень обязаны были доставить казенный провіантъ до Ямышевской крѣпости. Они доставили его исправно, за что, по распоряженію Тобольской губернской канцеляріи, должны были получить по 12 руб. за возъ. Деньги раздавали посадскіе Прокошій Титовъ и Ѳедоръ Устюжанинъ. Но вмѣсто 12-ти они выдали только по 5 и 6 руб. за возъ. Крестьяне пожаловались комиссару Соболевскому, который приказалъ имъ „досмотрѣть пожитки Титова и Устюжанина“. Пожитковъ нашлось на 44 руб., о чемъ и было заявлено въ судной избѣ. Въ свою очередь Титовъ принесъ жалобу въ Томскую воеводскую канцелярію на то, что крестьяне его обобрали. Канцелярія безъ всякаго изслѣдованія и разбирательства дѣла выдала Титову указъ на право взысканія съ ямщиковъ 540 рублей, которые и были взысканы безпощадно.

Въ 1753 году тѣ-же обыватели чаусскихъ деревень получили приказъ о снаряженіи для доставки провіанта въ Колывано-Воскресенскій заводъ 285-ти подводъ. Подводы были поставлены аккуратно и вовремя. Но высланный изъ Барнаульскаго завода пріемщикъ Басовъ велъ ихъ забраковать, — нанялъ другія подводы, и крестьянамъ довелось уплатить изъ своихъ скудныхъ средствъ по 5 руб. съ полтиною за каждый нанятый возъ.

Совершенно такое-же стѣсненіе и въ томъ-же году Басовъ произвелъ второй разъ, при чемъ, съ разрѣшенія томскаго воеводы, бралъ съ обывателей по 7, 8 и 10 руб. за подводу, а кто не отдавалъ денегъ, тѣхъ садилъ въ баню и душилъ дымомъ.

Въ 1755 г. томскій воевода Микулинъ назначилъ чаусскимъ крестьянамъ поставить для доставки казеннаго провіанта въ г. Кузнецкъ 300 подводъ. Признавая такое требованіе непосильной для себя тяготой, крестьяне умоляли Микулина убавить означенное количество варяда и къ мольбѣ присоединили взятку въ 150 руб. Воевода взятку взялъ и, повидимому, уступилъ. Онъ велѣлъ сварядить только половинное число возовъ, которые и были отправлены по назначенію. Но затѣмъ Микулинъ снова отдалъ приказъ отправить въ названный городъ и остальные 150 подводъ. Жители вынуждены были ѣхать въ Кузнецкъ на лошадяхъ, только лишь оттуда пришедшихъ.

Притѣсненіе подводами произошло и въ 1756 году.

Помимо этого, писали раскольники въ „Извѣстіи“, начальство мучить насъ и зиму и лѣто на работахъ при Чаусскомъ острогѣ около казенныхъ

судовъ, не позволяя намъ отлучаться отъ домовъ на заработки и не давая времени обрабатывать наши поля. Весной и лѣтомъ мы починаемъ, конопатимъ и смолимъ суда, а зимой одалбиваемъ около нихъ ледъ, рубимъ лѣсъ, возимъ его къ судамъ, деремъ бересту и варимъ для судовъ смолу. Платы за такіе труды намъ никакой не даютъ.

Что касается православной церкви, то, писали чаусцы—раскольники, она превратилась нынѣ „въ вертепъ разбойный“. „Какъ во времена Спасителя въ храмъ Божіемъ продавали и покупали, такъ и нынѣ поставляютъ (въ) епископы, священники и прочіе духовные чины злата ради, а не по избранію св. Духа“... Церковь нынѣ проповѣдуетъ не истиннаго Христа—Спасителя, не *Исуса*, а *Иисуса*. „А той *Иисусъ* въ древнихъ временахъ эллинскій мудрецъ былъ“; — учитъ кланяться не истинному троедревнему (осмиконечному) кресту, а латинскому крыжу, который, будучи внесенъ на церковный престолъ, означаетъ царя—антихриста. Она-же, церковь, „повелѣваетъ знаменоватися троеперстнымъ крестомъ—антихрисловою печатію, въ таинствѣ крещенія присоединила лишнее амниъ и тѣмъ приложила къ Троицѣ четвертое лице и сіе именуется ересь аріева¹⁾. Аллилуйю поютъ нынѣ также въ четыре, а не въ три Лица“ (св. Троицы) и т. д.

Православные пастыри, по воззрѣнію чаусцевъ,—„врата адава“, старающіеся всѣми силами одолѣть истинную церковь (раскольническую). Старые кресты, иконы, св. книги они сожигаютъ и вѣрующихъ въ тѣ книги мучать и смерти предають. Нынѣшніе епископы, пресвитеры и прочіе духовные чины собирають злато и коней и волю,—стада и села похищаютъ, вино и масло берутъ, волну и копропиму, сирѣчь шерсть и куделю, а о иномъ не радятъ прилежно... Ученія отъ нихъ не бываетъ, развѣ къ погибели. О тѣлѣ своемъ радятъ, о душахъ не радятъ.

Вообще, нынѣшнія власти духовныя и „земскія“ не поизбранію св. Духа поставляются „Того ради онѣ жестоки гвѣвливы, наглы, люты, яры, нестройны, страшны, ненавистны, морзки, лукавы; своими ересями и прельщеніемъ отставляютъ челоувѣковъ отъ пути праваго и сводятъ на путь погибельный“.

То, что говорилось о пастыряхъ въ „Извѣстіи“, чаусцы словесно комментировали указаніемъ на примѣръ духовенства чаусской Ильинской церкви. Священники Іоаннъ Понамаревъ и Стефанъ Курбаковскій съ діакономъ и причетниками постоянно причиняють крестьянамъ обиды и притѣсненія. За свадьбы они требуютъ уплаты не только большими деньгами по 6 и по 10 рублей, но и хлѣбомъ и скотомъ. Дьяконъ Евонимій Курбаковскій и дьячекъ Мих. Дулеповъ, встрѣтивъ на дорогѣ крестьянина Кубышева, связали его, требуя немедленной уплаты денегъ за какую-то молитву. Кубышевъ отдалъ имъ топоръ съ тѣмъ, чтобы предъявили его женѣ и взяли отъ нея 2 рубля.

Возвратимся къ разсказу о самосожженіи. Къ собранію прибыли сначала изъ Чаусскаго острога управитель Копьевъ, а затѣмъ изъ Томска

¹⁾ „По благословеннымъ потребникамъ, писали раскольники, при крещеніи говорили: крещается рабъ Божій, имя—рекъ, во имя Отца—аминь, и Сына—аминь и св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ—аминь. И то именуется Троица—въ три погруженія. А нынѣ при крещеніи говорятъ: крещается рабъ Божій во имя Отца—аминь и Сына аминь и св. Духа—аминь, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь“.

воевода Бушневъ съ солдатами, казаками и понятыми—крестьянами. Собраніе было оцѣлѣно, что повело къ тому, что раскольники въ числѣ 15 вооруженныхъ ружьями и саблями сдѣлали ночную вылазку противъ „непріятеля“, избили двухъ казаковъ Черепанова и Долгакова и увлекли избитыхъ въ свои избы, гдѣ, въ самосожженіи, сгубили вмѣстѣ съ собою. Изъ опасенія повредить дѣлу Копьевъ и Бушневъ старались дѣйствовать не столько насиліемъ, сколько мирными уговорами.

— „Расходитесь, васъ нестанутъ притѣснять ни чиновники, ни священники. Всѣ, кто притѣснялъ васъ раньше, будутъ уволены отъ службы и преданы суду. Губернская канцелярія уже повелѣла произвести слѣдствіе“.

Такъ говорилъ Копьевъ показавшемуся на крышѣ избы наставнику Нѣмчинову.

— „Выведите прежде ереси изъ церкви“, отвѣтилъ Нѣмчиновъ. „Да и не можетъ этого быть, чтобы слуги антихриста перестали насъ тѣснить, не стали исполнять его велѣнія“.

Нѣмчиновъ скрылся. На его мѣстѣ выступили 20 человекъ съ ружьями и издали кричали Копьеву:

— „Если-бы насъ перестали гнать, мы разошлись-бы по домамъ и стали бы жить, пока Богъ не пошлетъ смерть. Но нельзя ожидать, чтобы насъ не преслѣдовали и мы умремъ немедленно, какъ только станите нападать“.

Бесѣда въ такомъ родѣ происходила не разъ. При одной изъ нихъ Шадринъ съ крыши кричалъ толпѣ, окружавшей Копьева.

— „Въ церкви ереси:—служать на пяти просфорахъ, просфоры печатають крыжомъ, бороды брѣютъ, пьютъ табакъ, а священники этого и въ грѣхъ не ставятъ. Что стоите и слушаете слугъ антихристовыхъ? Не вѣрьте имъ, всѣхъ благочестивыхъ предадутъ казни, посадятъ на колѣе. Идите къ намъ“...

Съ особою силою увѣщевалъ раскольниковъ воевода Бушневъ. Онъ увѣрялъ ихъ, что губернская канцелярія уже назначила слѣдствіе о ихъ притѣснителяхъ, что нѣкоторые притѣснители уже оштрафованы, что губернская власть обѣщаетъ раскольникамъ покровительство и защиту, лишь-бы только разошлись по домамъ и жили попрежнему.

Раскольники отвѣтили: — „мы собрались страдать за вѣру и за крестъ Христовъ и своего намѣренія не отбѣнимъ“.

Впрочемъ, нѣсколько отдѣльныхъ лицъ украдкой изъ собранія вышло. Ихъ убывъ отчасти возполнилась тѣмъ, что къ сидѣвшимъ въ избахъ добровольно примкнули два казака изъ числа пришедшихъ съ управителемъ Копьевымъ—Гавріиль Кандышевъ и Семень Ждановъ. Въ собраніи они были приняты съ восторженной радостію.

Въ концѣ іюня избы вдругъ вспыхнули. Солдаты и казаки кинулись спасать горѣвшихъ, но спасли всего только пять человекъ и среди нихъ сняли съ заплота кр. Ив. Кубашева—всего обгорѣлаго, вспухшаго. Сгорѣло вмѣстѣ съ „злоучителями“ 175 человекъ.

Бушневъ, извѣстившій о происшествіи Сибирскую губернскую канцелярію, получилъ оттуда приказаніе: оставшееся отъ сгорѣвшихъ имущество и

скоть продать съ публичнаго торга, а хлѣбъ отправить на довольство военныхъ командъ, поселенныхъ на (Ново-Колыванской?) линіи. ¹⁾

Послѣ катастрофы въ Мальцевой раскольническія самоубійства въ нашемъ краѣ прекратились, хотя существовало опасеніе на счетъ ихъ повторенія и притомъ повторенія даже усиленнаго. Опасеніе навѣяно было тѣмъ, что въ Сибири появился учитель самоистребленія, видѣвшій въ самоистребленіи чуть не исключительное средство для пріобрѣтенія спасенія. Такимъ учителемъ былъ крестьянинъ Ялуторовскаго дистрикта Суерской слободы Михаилъ Мензелинъ. По его наученію, въ 1782 году утопились „ради Бога“ десять человѣкъ изъ крестьянъ Песчаннаго зимовья и слѣдующаго года—16 (въ слѣдующемъ 1783 году сгорѣли раскольники Ишимской округи деревень Кабановой и Уваровой. Въ первой сожглось 10, во второй—16 человѣкъ ²⁾).

Встревоженные свѣтскія и духовныя власти поспѣшили распорядиться мѣрами предупрежденія подобныхъ происшествій. Предупрежденія были посланы въ Томское и Барнаульское Духовныя Правленія. Къ счастью, сильное вліяніе Мензелина, за взятіемъ его подъ стражу, томскаго населенія достигъ не успѣло.

Особенность самоубійствъ въ расколѣ нашего края нельзя не усмотрѣть въ томъ, что они мотивировались столько же мрачными религиозными воззрѣніями, сколько и естественными условіями гражданскаго состоянія.

¹⁾ О самоожженіи въ дер. Мальцевой см. П. С. Зак. т. XIV, № 10644 и въ архивѣ Барн. Дух. Прав. указъ Tob. Дух. Консисторіи 4 авг. 1757 г. № 1215. Многія подробности этого горѣнія мы почерпнули изъ статьи Ив. Як. Сырцова: „Самосожигательство сибирскихъ старообрядцевъ“, гдѣ о мальцевскихъ раскольникахъ и ихъ „сидѣніи“ рассказано на основаніи обширнаго архивнаго дѣла Tob. Консисторіи. Tob. Епар. Вѣд. 1887 г., стр. 324—326, 365—368, 406—408. Часть неофициальная.

²⁾ О Мензелинѣ и его вліяніи см. указы Tob. Дух. Консисторіи въ Барн. Дух. Правл. отъ 2 ноября 1783 г. за № 1333 и отъ 20 августа 1784 за № 1083. См. „Перечень извѣстныхъ религиозныхъ раскольническихъ убійствъ и самоубійствъ въ Россіи и Сибири“ И. Я. Сырцова—Tob. Еп. Вѣд. за 1888 г. № 9—10, стр. 207. Часть неофициальная.

VI.

Духовное и гражданское воздѣйствіе на томскій расколъ.

Суровое отношеніе къ расколу тобольскихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей и въ особенности крутое для раскольниковъ время въ періодъ управленія тобольской епархіей митрополита Сильвестра (Гловацкаго) — Приложеніе суровыхъ и крутыхъ мѣръ къ раскольникамъ нашего края. — Тягости для раскольниковъ въ уплатѣ двойного подушнаго оклада, увеличенныя безошадною строгостію взысканія со стороны канцеляріи Кольвано-Воскресенскаго Горнаго Начальства. — Порядокъ духовныхъ увѣщаній по отношенію къ томскимъ раскольникамъ. — Каторжныя работы на рудникахъ и заводахъ для упорныхъ раскольниковъ. — Строгости въ разыскваніи и взятіи укрывающихся раскольниковъ — Неумолимость въ отбираніи старопечатныхъ книгъ. — Смягченіе мѣропріятій по отношенію къ расколу въ царствованіе Екатерины II и послѣдующее время. — Распоряженія генералъ-губернатора Кашкина и тобольскаго архіепископа Варлаама. — Послѣдующія распоряженія. — Слабое воздѣйствіе на расколъ со стороны сибирскаго и въ частности томскаго приходскаго духовенства. — Вынужденныя обращенія раскольниковъ и притворство такихъ обращеній. — Тягость для мнимообращенныхъ обязательства въ принятіи православныхъ таинствъ. — Связанныя съ этою тягостію походы крестыянъ. Дубягина. — Неудачное миссіонерство свѣтскихъ, полицейскихъ начальниковъ. — Рѣдкіе случаи искреннихъ обращеній. — Важное обращеніе томскаго купца Рыбникова.

Въ Tobольскѣ, центральномъ мѣстѣ сибирскаго духовнаго и свѣтскаго управленія, въ продолженіе XVIII вѣка вплоть до 1770-хъ годовъ, къ расколу относились весьма сурово. На сторонѣ сильныхъ по отношенію къ нему мѣръ стояли сами сибирскіе митрополиты, не исключая великаго сибирскаго миссіонера, кроткаго Филовея Лещинскаго. Въ своей челобитной о разныхъ нуждахъ церковнаго устройства въ Сибири, представленной Петру Великому, въ примѣненіи къ раскольникамъ преосвященный Филовей проэктировалъ: „церковныхъ раскольниковъ, отступившихъ отъ св. церкви и въ упрямствѣ необратно стоящихъ истребляти, а прочихъ церковныхъ же раскольниковъ, гдѣ явятся, всякими наставленіями приводить до соединенія св. церкви, а непокоряющихся, дома ихъ разграбляти на Великаго Государя, а ихъ смерти предавати.“ Петръ, согласившись съ митрополитомъ, повелѣлъ: „которые церковные раскольники, тѣхъ митрополиту разговаривать всякими мѣрами накрѣпко, чтобы они отъ такого дѣла престоали. Буде тѣ раскольники придуть въ повиновеніе соборной церкви, ихъ, для исправленія, посылать въ монастыри подначаль. А которые раскольники въ покаяніе не придуть, тѣхъ съ митрополю двора отсылать къ розыску въ Приказную Палату и чинить имъ указъ по прежнимъ государевымъ указамъ, а иныхъ казнить смертію.“¹⁾

¹⁾ Чтенія въ Импер. обществѣ исторіи и древн. Россійскихъ. 1863 г., кн. 4. Челобитная митрополита Сибирскаго Филовея, стр. 34 — 35.

Бывали-ли въ Сибири случаи преданія раскольниковъ смерти—намъ неизвѣстно, но что въ Тобольскѣ и прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ расколъ „искоренялся жестоко“, объ этомъ свидѣтельствовалъ самъ преемникъ преосвящ. Филоея, митрополитъ Антоній I Стаховскій. ¹⁾ Искорененіе съ тою же строгостію поддерживалъ своими распоряженіями и Антоній II Порожницкій. Вскорѣ послѣ вступленія на Сибирскую кафедру (1749 г.), митрополитъ Сильверствъ Гловацкій разослалъ по всеѣмъ приказамъ указы съ повелѣніемъ заказчикамъ обращать къ православію записныхъ и незаписныхъ раскольниковъ всеѣми мѣрами. Сдѣлавъ распоряженіе по своему вѣдомству, митрополитъ потребовалъ, чтобы и сибирская губернская канцелярія, въ силу прежнихъ Высочайшихъ и сенатскихъ указовъ, не замедлила предписаніемъ подвѣдомымъ мѣстнымъ властямъ и учрежденіямъ оказывать духовнымъ заказчикамъ въ отысканіи, забираиіи и приведеніи раскольниковъ къ церкви всяческое содѣйствіе. По сравненію съ суровымъ предшествующимъ временемъ для раскольниковъ наступила крутая пора²⁾.

Раскольниковъ отыскивали, забирали, привозили большею частью въ кандалахъ въ Дух. Правленія, гдѣ, въ условіяхъ всяческаго стѣсненія и принужденія, держали до тѣхъ поръ, пока не изъявятъ согласія на присоединеніе къ церкви, не подтвердятъ присоединенія подпиской и присягой и не завершатъ его публичнымъ принятіемъ таинствъ исповѣди и причастія.

Въ случаяхъ отказа отъ присоединенія, упорныхъ отсылали подъ карауломъ въ Тобольскъ, какъ-бы далеко отъ той или другой мѣстности онъ

¹⁾ Указъ митрополита Антонія I томскому заказчику архимандриту Порфирию отъ 1730 года. Арх. томскаго монастыря: св. 16

²⁾ Для характеристики взглядовъ и отношеній къ раскольниковъ со стороны тобольскихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей за первую половину XVIII вѣка чрезвычайно выразительными являются подробности слѣдующаго тобольскаго дѣла о погребеніи раскольниковъ.

Въ 1750 году въ Тобольскую губернскую канцелярію поступило „требованіе“ Дух. Консисторіи на тотъ счетъ, чтобы канцелярія съ своей стороны обязала полицеймейстерскую колторю предать землѣ безъ христіанскаго обряда тѣла двухъ раскольниковъ, умершихъ на пути при слѣдованіи на судъ консисторіи изъ Невьянскаго завода. Въ отвѣтъ на требованіе губернская канцелярія распорядилась: „погибельныхъ раскольниковъ дѣвокъ Марфы и Дарьи Бархатовыхъ мертвыя *нечестивыя трупища* чрезъ полицейскихъ служителей при посланномъ отъ Консисторіи разсыльщикѣ выволочь за городъ и вринуть въ ровъ города въ ровъ или въ какое-либо отдаленное *безчестное* мѣсто, гдѣ полицеймейстерскою колторою разсудится, безъ всякаго погребенія“. Такое распоряженіе губернской канцелярії полицеймейстеръ Бобановскій нашелъ незаконнымъ и промеморіей разъяснилъ высшему губернскому административному учрежденію, что „въ военномъ артикулѣ въ девятой надесяти главѣ въ 164-мъ артикулѣ напечатано: ежели кто самъ себя убьетъ, то надлежитъ палачу тѣло его въ безчестное мѣсто отволочь и закопать, волоча прежде по улицамъ. А раскольницы Бархтовы признаются наигорше самоубійць“. почему необходимо „для выволочки ихъ *нечестивыхъ мертвыхъ трупищъ* прислать палачей и профоссовъ“. Разъясненіе полицеймейстера губернская канцелярія признала основательнымъ. Палачи и профоссы были командированы и похороны раскольниковъ закончились слѣдующимъ донесеніемъ полицеймейстера въ ту-же канцелярію: „Мертвыя *нечестивыя трупища* дѣвокъ Марфы и Дарьи Бархатовыхъ изъ дому Демидовскаго дворяника Боровицкаго взяты и вышеписанными профоссами и палачами отъ того двора Демидовскаго волочены за ноги черезъ городъ и брошены въ верхнемъ посадѣ за городомъ, въ отдаленіи отъ убогаго дома, въ ровъ, называемый Глубокой боеракъ. при посланномъ отъ консисторіи Его Преосвященства, Сильвестра, митрополита Тобольскаго и Сибирскаго, разсыльщикѣ. (Е. В. Кузнецовъ. Бытовые очерки тоболяковъ XVI[1] вѣка).

ни былъ. „Въ Tobольскѣ раскольниковъ ожидали увѣщанія и допросы „съ пристрастіемъ“ и непосильныя безконечныя работы въ архіерейскихъ владѣніяхъ. ¹⁾

Такой же порядокъ въ дѣлѣ обращенія и присоединенія раскольниковъ продолжался и въ первые годы архіерейскаго служенія преемника Сивестра, митрополита Павла II Конюскавича, прибывшаго въ Tobольскъ въ 1758 году. Новый митрополитъ обратилъ особенное вниманіе на потаенныхъ или, иначе, на незаписныхъ раскольниковъ. Для ихъ отысканія и забирая въ 1760 г. учреждена была Екатеринбургская слѣдственная коммиссія, состоявшая изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Члены коммиссіи ловили тайныхъ раскольниковъ вездѣ, гдѣ было можно, гдѣ надѣялись изловить, заключали въ ручныя и ножныя желѣза и, если пойманныхъ не могли обратить на мѣстѣ, отсылали ихъ въ Tobольскъ для томленія еще худшаго, чѣмъ въ духовныхъ правленіяхъ. Коммиссія не встрѣтила одобренія со стороны св. Синода и поддержки на сторонѣ свѣтскаго правительства. Она должна была прекратить свою недолголѣтнюю печальную дѣятельность (1762 г.), оставивъ по себѣ самую недобрую память. ²⁾

Понятно, что суровыя мѣропріятія, практиковавшіяся по отношенію къ расколу на всемъ пространствѣ tobольской епархіи, должны были имѣть примѣненіе и къ раскольникамъ насъ занимающаго края.

Какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, томскіе явные, записные раскольники должны были платить двойной подушной окладъ. Сама по себѣ большая тяжесть удвоенной платы страшно увеличивалась отъ того, что, при излишнемъ усердіи мѣстной администраціи, она взыскивалась иногда сразу за многіе предшествовавшіе годы. Съ 112 душъ записныхъ раскольниковъ Кузнецкаго уѣзда и заводскаго вѣдомства за 1745-й и прежніе годы взыскивалось податей 813 р. 50 к. Для бездомочнаго взысканія этой суммы нарочно былъ командированъ поручикъ Ачкосовъ ³⁾ и, понятно, при такой разовой уплатѣ раскольники были поставлены почти не въ моготу.

Мало того, начальство требовало, чтобы раскольники данной мѣстности уплачивали двойной окладъ не только за себя, но и за умершихъ братій впродъ до выключенія послѣднихъ изъ списковъ при новой ревизіи. Въ 1750 г. Колывано-Воскресенская канцелярія неумолимо настанвала, чтобы раскольники изъ деревень ближайшихъ къ Колыванскому заводу выплатили двойныя подати за годовѣрцевъ, самосожгшихся въ 1746 году. ⁴⁾ Приходилось платить не только за себя, но за другихъ и притомъ сразу за четыре года и, такъ образомъ, для старообрядца создавалось положеніе, при которомъ онъ невольно задумывался бѣжать-ли ему въ горы или идти въ собраніе къ горѣнью. Оставался еще выходъ: разъ уплативъ требуемое, на послѣдующее время выписаться изъ двойного оклада. При выключеніи изъ него начальство, въ силу 6 пун. Высочайшаго указа отъ 16 іюля 1722 г. требовало, чтобы выключаемый далъ пись-

¹⁾ И. Сырцовъ. Самосожигательство сибир. старообрядцевъ. Tob.Еп. Вѣд. 1887 г. стр. 355. Часть неофициальная.

²⁾ Объ Екатеринбургской коммиссіи см. у И. Сырцова въ той же статьѣ. Tob.Еп. Вѣд. 1888 №№ 7—8, стр. 140—165.

³⁾ Арх. Колывано-Воскр. Горн. Канцеляріи. столпъ д. по оп. № 255.

⁴⁾ Тамъ-же.

менное обязательство впредь раскола не содержать, раскольниковскихъ учителей къ себѣ не принимать, съ раскольниками согласія и даже разговору не имѣть и т. д., т. е. онъ долженъ былъ обратиться въ православіе и съ бывшими собратьями по вѣрѣ не имѣть болѣе рѣшительно никакого сношенія. ¹⁾

И съ выключаемыми изъ раскольниковской записи иногда могли произойти слѣдующія вещи. Въ 1750 году крестьяне деревень, приписанныхъ къ вѣдомству Бійской крѣпости: Соколовой—Тимофей Плѣшковъ, Оминской—Дометій Старинковъ, Комаровой—Федоръ Софроновъ и Оксень Куксинъ, Шипициной—Константинъ Безпаловъ и проч. всего 18 человекъ мужскаго и 19 женскаго пола, заявивъ Колывано-Воскресенской канцеляріи, что при второй ревизіи они записались въ раскольниковскій окладъ, просили отсѣсть изъ него ихъ выписать. Канцелярія сдѣлала соответствующее для удовлетворенія просителей распоряженіе и Бійскому священнику Андроникову было предписано привести присоединяющихся въ православіе къ присягѣ съ немедленной отсылкой подписанныхъ присяжныхъ листовъ въ Барнаульскій заводъ. Листы были присланы. А затѣмъ оказалось, что просителей, въ числѣ 6 человекъ, „въ наличіи“ давно уже не существовало. Одни бѣжали невѣдомо куда, другіе умерли. Ихъ помѣстили въ списокъ обратившихся изъ раскола изъ боязни, что за нихъ заставятъ платить двойныя подати впредь до будущей ревизіи. Послѣдовала расплата за обманъ. Зачинщики были нещадно наказаны кнутомъ, прочіе, за исключеніемъ жевщницъ,—плетьюми. О подлогѣ, допущенномъ подкупленнымъ свящ. Андрониковымъ, консисторія предписала произвести слѣдствіе Барнаульскому протопопу Меоводіеву. ²⁾

Въ духовномъ воздѣйствіи на расколъ нашего края мы встрѣчаемъ „увѣщанія“, производившіяся въ томъ-же видѣ и порядкѣ, какъ и въ другихъ частяхъ обширной тобольской епархіи. Увѣщанія производились за-кащиками въ дух. Правленіяхъ, а, въ случаѣ неусибиности здѣсь, увѣщаваемыхъ пересылали въ Tobольскъ въ Дух. Консисторію. Такъ, въ 1744 году на консисторскія увѣщанія были отосланы 19 человекъ изъ раскольниковъ разныхъ деревень Кузнецкаго уѣзда. Изъ нихъ трое и въ ихъ числѣ пустынникъ Березовниковъ согласились обратиться въ православію, прочіе остались нераскаянными³⁾. Впрочемъ, въ 1750-хъ и 1760-хъ годахъ дѣло увѣщаній, вѣроятно, по настоянію Колывано-Воскресенской канцеляріи, часто ограничивалось только дух. Правленіями безъ отсылки упорныхъ въ слѣдующемъ далекій Tobольскъ.

На увѣщанія велѣно было брать по возможности секретнымъ образомъ и „съ бережливостію“, чтобы забираемые не могли „надъ собой какой погубели учинить и пересылать ихъ со старостами и выборными“. Во исполненіе этого распоряженія Колывано-Воскресенская канцелярія, по требованіямъ изъ Барнаульскаго Духовнаго Правленія, обыкновенно отправляла за раскольниками сотскихъ той или иной судной избы, причемъ съ забранымъ сотскію поступали какъ съ арестованнымъ: чаще всего они везли его въ оковахъ. „Скованнымъ подъ карауломъ“ предписано было доставить изъ Барнаула въ Tobольскъ и самого главнаго прикащика Демидовскихъ заводовъ Григорія

¹⁾ Арх. Колывано-Воскр. Канцеляріи, ст. д. по оп. № 39.

²⁾ Тотъ-же архивъ, столбъ д. № 255.

³⁾ Тамъ-же, ст. д. № 39.

Сидорова послѣ того, какъ онъ окончитъ сложное дѣло сдачи заводовъ въ Кабинетское вѣдомство подѣ управленіе генераль-маіора Бегера ¹⁾).

Къ увѣщаніямъ привлекались преимущественно расколоучители и незаписные раскольники, выдавшіе свой расколъ по тому или другому поводу. Но иногда на увѣщанія вызывали и раскольниковъ записныхъ. Въ 1749 году Консисторія потребовала, чтобы Колывано-Воскресенская канцелярія выслала къ увѣщаніямъ въ Барнаульскій заводъ всѣхъ взрослыхъ, записавшихся въ расколъ при второй ревизіи. На этотъ разъ горное начальство нашло нужнымъ въ нѣкоторой мѣрѣ заступиться за подвѣдомыхъ крестьянъ. Оно писало въ консисторію, что „нѣкоторые изъ раскольниковъ находятся въ Колыванскомъ заводѣ у ремесль, а другіе, около заводовъ, въ ближайшихъ деревняхъ упражняются въ заводскихъ работахъ за подушный окладъ и ежели ихъ оптомъ для увѣщанія въ Барнаулъ взять, то можетъ послѣдовать въ расплавкѣ серебра и заготовленіи къ тому потребныхъ матеріаловъ остановка и имъ за дальнимъ проѣздомъ убытокъ и въ Барнаулѣ излишняя прожнва“. Горное начальство просило консисторію о распоряженіи, чтобы Барнаульскій заказчикъ, протопопъ Меодіевъ самъ для увѣщаній ѣздилъ въ Колыванскій заводъ за прогоны, взимаемые изъ раскольниковскаго кошту. Консисторія уступила представленію и просьбѣ горной канцелярії, но только для тѣхъ случаевъ, когда увѣщевать требовалось раскольниковъ, взятыхъ въ массѣ. ²⁾

Оставшіеся послѣ увѣщаній непреклонными отсылались въ заводскую „каторжную“ работу. Начальникъ колыванскихъ заводовъ генераль Бегеръ остался очень недоволенъ, когда въ 1748 году изъ 19 раскольниковъ, взятыхъ на увѣщаніе въ Тобольскъ изъ Кузнецкаго вѣдомства, въ „тяжкую каторжную работу“ при Барнаульскомъ заводѣ было прислано только 10 человекъ. Относительно остальныхъ 9-ти консисторія отписала, что имъ „въ заводской работѣ быть не слѣдуетъ“. Почему—„не слѣдуетъ“, Консисторія не разъяснила, хотя Бегеръ зналъ, что изъ всѣхъ увѣщиваемыхъ присоединено къ церкви только трое³⁾. Въ 1756 году на увѣщаніи при Барнаульскомъ Дух. Правленіи одновременно состояло 15 человекъ. Изъ нихъ 13 обратился къ церкви, двое—Бѣлюжскій крестьянинъ Як. Бушмаковъ и Колыванскій обыватель Ѳедоръ Елисеевъ—оказались упорными. Постановленіемъ горнаго Начальства ихъ велѣно было „подѣ карауломъ послать въ Колыванскую заводскую контору и изъ той конторы одного отправить на Змиевскій—, другого на Чарышскій рудникъ и содержать тамъ, пока не обратятся, скованными, употребляя въ горной верхней работѣ на каждый день неослабно“⁴⁾.

Отъ каторжной при заводахъ работы не освобождались и упорныя въ расколѣ женщины, хотя-бы были въ очень преклонномъ возрастѣ. 17 Марта 1761 года члены канцелярії Горнаго Начальства Улихъ и Христіани (оба нѣмцы—лютеранскаго исповѣданія) слушали дѣло о содержащихся подѣ ка-

¹⁾ Архивъ Колыв.-Воскр. Гор. Нач.; ст. д. по оп. № 94.

²⁾ Тотъ же архивъ, ст. д. №155.

³⁾ Тотъ же арх.; ст. д. № 39.

⁴⁾ Указъ Горной канцел. въ Колыванскую контору отъ 10 Апр. 1757. Ст. д. № 255.

рауломъ раскольникахъ Даріи Петровой, Маріи Ѳедосѣевой и Анисіи Ѳоминой, неотступно просившихъ выпустить ихъ изъ подъ караула въ Колыванскомъ заводѣ, такъ какъ „работу работать за старостию не въ силахъ“. По справкамъ оказалось, что первой въ то время было 81 годъ, второй 97 и третьей самой младшей 75 лѣтъ и что всѣ три старухи состояли при Колыванскомъ заводѣ на работахъ по указу 1752 г. съ тѣмъ, чтобы на работѣ находились подъ карауломъ, пока изъ раскола не обратятся. Изъ раскола онѣ не обратились, тѣмъ не менѣе Улихъ и Христіани *нашли возможнымъ* отпустить ихъ къ мѣстамъ жительства въ дер. Созонову, Кособокову и Поразику. Обыватели этихъ деревень должны были взять ихъ на поруки и ежегодно доносить Колыванской конторѣ, что ничего „вреднаго“ онѣ не допускаютъ¹⁾.

Когда раскольниковъ, подлежащихъ увѣщанію, и тѣмъ болѣе расколочителей приводилось отыскивать въ ихъ укрывательствѣ, начальники не стѣснялись никакими мѣрами для усгѣшнаго нахождения. Прослышавъ о проживавшихъ въ лѣсу пустынникахъ Исаакъ Терентьевъ Пашинъ съ товарищами, Колывано-Воскресенская канцелярія дала приказъ Бердскому управителю лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка ротному обозному Молчанову отыскать старцевъ всенепрѣменно и взять ихъ для доставленія въ Барнаульское Духовное Правленіе „въ живыхъ, чтобы они себя повредить не могли и не могли по *здѣшнему* обычаю сгорѣть“. Отправившійся съ понятными на поиски, Молчановъ на пути провѣдалъ, что мѣсто укрывательства пустынниковъ доподлинно знаетъ кр. Петръ Мих. Солдаткинъ. Онъ немедленно захватилъ его съ собой и, допрашивая—гдѣ старцы?—три раза подвергалъ его пыткѣ въ видѣ нещаднаго битья плетью. Но Солдаткинъ и подъ плетью „о старцахъ ничего не объявилъ“. Молчановъ вернулся изъ экспедиціи съ пустыми руками²⁾.

Раскольники, у которыхъ по тому или другому случаю были находимы раскольническія рукописи или даже старопечатныя книги, привлекались въ духовныя Правленія, не только для увѣщаній, но и для разслѣдованія: дерзали-ли разсѣвать „замерзѣлую раскольническую прелесть“ между другими людьми. Для такого разслѣдованія, напримѣръ, доставлены были, въ Барнаульское Дух. Правленіе въ 1751 году раскольницы—дѣвѣны изъ д. Шадриной—Чулкова и Лукина. Первая, увѣривъ, что никого не совращала, присоединилась къ церкви, вторая не захотѣла быть присоединенной и потому отослана была въ распоряженіе Колывано—Воскресенской канцеляріи³⁾, несомнѣнно, для тяжелыхъ заводскихъ работъ. Въ Апрѣлѣ того-же 1751 г. Барнаульской протопопъ Меѳодіевъ, зашедъ въ домъ Барнаульскаго обывателя записнаго раскольника Ивана Плѣшкова, нашелъ у него въ горницѣ, на полкѣ за иконами, старопечатную псалтырь. Протопопъ псалтырь немедленно отобралъ и въ качествѣ барнаульскаго заказчика промеморіею въ

1) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Канц., ст. д. № 397.

2) Донесеніе Колывано-Воскресенской канц. въ Барнаульск. Дух. Правл. отъ 20 октября 1759 г. — въ арх. Барн. Дух. Правленія.

3) Дѣло Бар. Д. Прав. за 1751 г. — въ арх. Бар. Дух. Прав.

Горную канцелярію потребовалъ присылки владѣльца старой книги въ Дух. Правленіе „для изслѣдованія: не имѣется-ли за онымъ, Плѣшковымъ, разсѣванія въ народѣ раскольнической прелести“ и нѣтъ-ли „въ его содержаніи и другихъ раскольническихъ книгъ“?. „По тому промеморному требованію и по неоднократному словесному отъ протопопа предложенію“ канцелярія высылкою Плѣшкова почему-то медлила. Меодіевъ пожаловался Консисторіи и оттуда Колывано-Воскресенской канцеляріи указали, что въ своемъ требованіи Меодіевъ основывался на указахъ императора Петра I и вмѣстѣ напомнили, что „въ указѣ-же нынѣ благополучно государствующей, всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой государыни, императрицы Елизаветы Петровны, состоявшемся 1741 г. Декабря 12 дня, между прочимъ, напечатано: всеъ Его (Петра I) Императорскаго Величества указы и регламенты наикрѣпчайше содержать и по нихъ неотмѣнно поступать во всехъ правительствахъ всероссійскаго государства, во всехъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ, конторахъ“ и проч. Послѣ внушительнаго напомнанія Плѣшковъ былъ высланъ¹⁾.

Многочисленные въ предѣлахъ западной Сибири случаи самоожигательства и самоубійствъ, вызываемые, по объясненію тогдашняго времени, чаще всего „безразсудными и пребезумными, приходящими со стороны, подговорщиками“, побудили сибирское свѣтское и духовное начальство къ изданію слѣдующаго распоряженія: „всюду чинить прилежнѣйшее смотрѣніе и наблюдательство, чтобы собраній (къ горбнію) не было и для того въ раскольническихъ и правовѣрныхъ селеніяхъ, малыхъ и большихъ, достовѣрные люди должны смотрѣть денно и нощно за пробѣжающими и отбѣжающими и особливо усматривать воровъ и лстецовъ и ихъ богоненавистныя къ сожигательству приуготовленія.“ Старшины, сотскіе съ товарищами „частовременно обязаны ѣздить для досмотра въ подозрительныя мѣста и безъ ихъ спроса изъ селенія никуда и никто не долженъ отлучаться“. ²⁾

Изъ распоряженій, изданныхъ по отношенію къ расколу сибирскими властями за время царствованія Екатерины II и ближайшихъ ей преемниковъ съ характеромъ нѣсколько суровой мѣры мы встрѣтили только одно. Это распоряженіе отъ 1773 года, изданное сибирскимъ губернаторомъ Ден. Ив. Чичеринымъ противъ бѣглыхъ, скрывающихся въ расколѣ, поповъ. Ихъ приказано было ловить и доставлять по начальству, такъ какъ потаеннымъ вѣнчаніемъ браковъ бѣгле поповъ, по заключенію Чичерина, производили въ общественной жизни большіе безпорядки³⁾.

Все прочіе распоряженія не расходились съ духомъ широкой терпимости, какимъ запечатлѣны были за только лишь указанное время интересующія насъ мѣропріятія, исходившія отъ высшаго Правительства. Въ 1780-хъ годахъ сибирскій генералъ-губернаторъ Евгений Петровичъ Кашкинъ и тобольскій архіеписковъ Варлаамъ одинаково настаивали, чтобы свѣткіе и духовные чины обходились съ раскольниками снисходительно, „не чиня ни-

¹⁾ Сообщеніе Колывано-Воскресенской канцеляріи въ Барн. Дух. Правленіе отъ 9 Февр. 1753 г. въ арх. Барн. Дух. Прав.

²⁾ Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Канцеляріи; ст. д. № 94.

³⁾ Ук. Тоб. Консист. въ Томск. Дух. Прав. 20 августа 1784 года. Арх. Томск. Консисторіи.

каго притѣсненія, озлобленія и угроженія, не наказуя и истязуя, ибо болѣзнь ума человѣческаго требуетъ совсѣмъ другихъ правилъ къ врачеванію, нежели припадки тѣлннаго тѣла“. Они оба единодушно указывали и требовали, чтобы заказчики, десятоначальники и приходскіе священники старались приводить заблудшихъ на путь истины „апостольскимъ ученіемъ и увѣщаніемъ и усерднымъ настояніемъ со всякою кротостію, терпѣніемъ, человѣколюбіемъ и пастырскою любовію.“¹⁾

Самоубійства, происшедшія въ Ишимской округѣ по наущенію Михаила Мензеліна, вызвали синодскіе указы съ предписаніями и подтвержденіями объ усиленныхъ со стороны духовенства увѣщаніяхъ. Сообщая синодскія распоряженія подвѣдомому духовенству, преосвященный Варлаамъ отъ себя внушалъ: „чинить увѣщанія по данному предписанію безъ опущенія со всякимъ усердіемъ и прилежностію и имѣть теплыя къ Богу молитвы, дабы умъ и сердце увѣщываемыхъ изъ заблужденій къ правой вѣрѣ христіанской и къ соединенію съ православною церковію обратилъ“, — преподавать ученіе „съ тихостію“, посѣщая и дома заблудшихъ. Когда заблудшіе „узнають, что заказчики, ихъ товарищи и приходскіе священники посѣщаютъ дома ихъ не для пьянства и не для взятокъ, а единственно для ихъ спасенія и обереженія отъ лжеучителей, то мало-помалу съ охотою ихъ будутъ принимать и слушать, а не укрываться и бѣгать отъ нихъ. Да и малыя дѣти при ласковомъ съ ними обхожденіи не будутъ отвращаться ученія священниковъ и привыкнуть къ нему“. А гдѣ увѣщателей не будутъ принимать и слушать, тамъ не гнѣваться, не вступать въ ссоры, брани, „кольми паче драки и угрозы не чинить, но сносить упорство съ кротостію и терпѣніемъ“²⁾.

Тѣмъ не менѣе епархіальное духовенство въ своихъ отношеніяхъ къ расколу было далеко ниже того образа дѣйствій, который такъ усиленно ему внушали высшіе представители сибирской власти. Это возбуждало сильное негодованіе Кашкина. Негодованіе выразилось между прочимъ въ такомъ указаніи и распоряженіи: „Довольно извѣстно, что суровые поступки ко пресѣченію въ духовномъ чинѣ злоупотребленій съ природною кротостію Его Преосвященства (тобольскаго архіепископа Варлаама) несовмѣстны. Однакожь на случай оказывающагося въ малопросвѣщенныхъ людяхъ упрямства и противности, тѣ суровыя мѣры нужны, какъ нужно лѣкарство, хотя и весьма вкусу природному противное, но необходимое для сохраненія повредившагося отъ болѣзни тѣла.“ Поэтому, съ дозволенія Его Преосвященства, онъ, генераль-поручикъ Кашкинъ, находилъ-бы неотложно нужнымъ предписать нижнимъ земскимъ судамъ, если гдѣ за священно-служителями замѣчены будутъ въ отношеніяхъ „къ отрицающимся ходить въ церковь“ притѣсненія и „примѣтки“, то, изболочивъ виновныхъ, отсылать ихъ въ Tobольскъ, въ Консисторію. Уже самая поѣздка въ дальній городъ явится для нихъ наказаніемъ, не говоря о другихъ взысканіяхъ, которыя можетъ наложить духовное начальство.“³⁾

1) Варадиновъ. Исторія Мин. Внутр. Дѣлъ, кн. 8, стр. 38, 46.

2) Ук. Tob. Д. Консисторіи въ Барн. Дух. Прав. отъ 2 ноября 1783 № 1333.

3) Ук. Tob. Консист. въ Барн. Д. Правл. 20 Авг. 1784. г.

Проеосвященный, одобрявъ мѣру, проэктированную генераль-губернаторомъ, съ своей стороны приказалъ распубликовать по епархіи резолюцію, по которой духовные обязаны были прочитывать синодскіе и епархіальные указы о кроткихъ дѣйствіяхъ съ раскольниками „частовременно“. А если и за всѣмъ тѣмъ кто-либо дозволить къ раскольникамъ „примѣтки“, такихъ земскіе суды съ депутатомъ отъ духовной стороны, по изслѣдованіи дѣла, должны отправлять въ Тобольскъ для учиненія съ ними по законамъ¹⁾.— На мѣрахъ кротости въ обращеніи съ раскольниками настанвалъ тобольскій губернаторъ Кошелевъ въ 1799-мъ году²⁾. Въ послѣдующіе годы тѣ-же мѣры были подтверждаемы не разъ и, между прочимъ, подтверждены общесинархіальнымъ указомъ отъ 1819 года.

Какъ вездѣ въ обширной тобольской епархіи, такъ и въ нашемъ краѣ увѣщателями въ Дух. Правленіяхъ были заказчики и ихъ товарищи. Ихъ сухія, формальныя, канцелярскія увѣщанія не затрогивали у заблудшихъ ни ума, ни сердца. Что касается воздѣйствія на расколъ со стороны томскаго приходскаго духовенства, то оно сводилось почти ни къ чему. За болѣе старинныя годы нашего обозрѣнія въ нѣкоторыхъ случаяхъ духовенство само сочувствовало старообрядческимъ воззрѣніямъ. Кромѣ того, оно было слишкомъ малообразовано, чтобы быть въ состояніи вести борьбу съ расколомъ ему свойственнымъ мечемъ духовнымъ. Раскольникъ поморской секты Абрамовъ указывалъ, что онъ и его одновѣрцы не могутъ не оставаться въ расколѣ, такъ какъ иному, сравнительно съ тѣмъ, что внушаютъ старообрядческіе наставники, ихъ научить некому. „Православные священники не внушаютъ отъ писанія ни о крещеніи, ни о самой церкви.“³⁾

Въ 1751 году Тобольская консисторія озаботилась присылкою въ Духовныя Правленія—Томское и Барнаульское экземпляровъ „Розыска“ Димитрія, митр. Ростовскаго.⁴⁾ Въ 1786 году присылка была повторена, причемъ къ „Розыску“ были присоединены экземпляры „Працицы“ Нижегородскаго епископа Питирима и составленнаго суподомъ „Обличенія на раскольниковъ“⁵⁾. Эти руководственныя для собесѣдованія съ раскольниками книги вѣдѣно было хранить при Дух. Правленіяхъ и отсюда выдавать для временнаго пользованія каждому изъ приходскихъ священниковъ въ случаѣ нужды при увѣщаніи заблудшихъ или сомнѣвающихся прихожанъ. Но ни откуда не видно, чтобы за тѣми пособіями приходскіе пастыри когда-либо въ Правленія обращались и ими дѣйствительно пользовались. Единственное со стороны приходскаго духовенства донесеніе объ увѣщаніи раскольниковъ мы встрѣтили отъ выдававшагося пастырской ревностію священника села Чингизскаго Слопцова и то донесеніе съ указаніемъ печальнаго результата. Въ 1810-мъ году о. Слопцовъ рапортомъ въ Барнальское Дух. Правленіе, между прочимъ, доносилъ: „удаляющихся отъ церкви увѣщаваю, но увѣщанія не дѣйствуютъ. Расколъ-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Указъ тоб. Консист. въ Барн. дух. Прав. отъ 10 ноября 1799 г.

³⁾ Ук. тоб. Консисторіи въ Барн. Дух. Правл. 13 октября 1824 г.

⁴⁾ Ук. Консист. въ Барн. Дух. Прав. отъ 15 авг. 1751 г.

⁵⁾ Ук. Консисторіи въ то-же правл. отъ 14 марта 1786 года.

ники стоять въ своемъ упрямствѣ, утверждаемые тайными учителями, коихъ они покрываютъ“¹⁾).

При отсутствіи учительнаго воздѣйствія на расколъ духовенство томской окраины тѣмъ ревностиѣ хотѣло держаться воздѣйствія полицейскаго. Причѣты доносили о тайныхъ раскольниковскихъ убѣжищахъ, захватывали лжеучитой, представляли ихъ по начальству, отбирали у раскольниковъ книги и другія церковныя вещи. Въ 1755 году при сыскѣ раскольниковъ, жившихъ въ потаенныхъ избахъ на р. Крохалевкѣ, во главѣ свѣтскихъ сыщиковъ, назначенныхъ Колывано Воскресенскою канцелярією, состоялъ священникъ села Легостаева. А сыщикамъ было предписано: когда раскольниковъ найдутъ, ихъ переслать въ Барнаулъ, „закрѣпивъ въ ручныя и ножныя (кандалныя) смычки“²⁾).

Вмѣшательство пастыря въ полицейскія мѣры за только-лишь указанное время порицанія ни откуда не встрѣчало. Но въ 1785 г. священникъ с. Вѣлюярскаго Пономаревъ подвергся отъ консисторіи строгому замѣчанію съ отобраніемъ отъ него подписки, чтобы самъ собою у „судѣйцевъ“ вещей не отбиралъ.³⁾

Въ бумагахъ, составляющихъ достояніе томскихъ духовныхъ архивовъ, сплошь и рядомъ встрѣчаются документы съ жалобами томскихъ крестьянъ на непомерно высокія платы, которыя вынуждены были уплачивать церковнымъ причтамъ за браковѣчанія. Колывано-Воскресенская Горная Канцелярія была склонна усматривать въ этихъ тяжкихъ для крестьянина платахъ одно изъ условій для поддержанія и увеличенія въ краѣ раскола. Иными словами, Колывано-Воскресенская Канцелярія была готова видѣть въ воздѣйствіи духовенства на расколъ не положительную, а, наоборотъ, отрицательную сторону. „Можетъ быть, писала она въ 1767 году, большая часть крестьянъ отъ того и въ расколъ записывается, чтобы миновать при бракахъ священническихъ примѣтокъ, какъ сіе по нѣкоторымъ дѣламъ канцеляріи явствуеть“⁴⁾).

Съ великимъ прискорбіемъ сами духовныя власти должны были признать, что въ дѣлѣ огромнаго по тобольской епархіи распространения раскола и его упорства имѣло немалое значеніе нерѣдко слишкомъ соблазнительное поведеніе духовенства. Священно-церковно-служители „поведеніемъ своимъ“, читаемъ мы въ одномъ изъ архіерейскихъ указовъ, „въ народѣ чинятъ немалое смущеніе и соблазнъ раскольникамъ, изъ коихъ хотя-бы нѣкоторые къ церкви святой отъ раскольниковскаго злопагубнаго заблужденія и обратиться желали, но видя, какъ часто священно-церковно-причетники безмѣрно упиваются и въ пьянствѣ своемъ многія чинятъ между собою и въ церквахъ сквернословныя ругательства и драки и тому подобныя безчинія и тѣмъ претыкаясь, отъ того своего проклятаго раскола не отступаютъ. Такимъ поведеніемъ священники отъ нихъ, раскольниковъ, не малое предосуж-

¹⁾ Рапортъ свящ. Слопцова отъ 1810 года—въ арх. Барн. Дух. Правл.

²⁾ Сообщеніе Барн. Дух. Правл. въ канцелярію Горн. Нач. отъ 24 сентября 1755 г.—въ арх. Барн. Д. Правл.

³⁾ Ук. Консист. въ Барн. Д. Правл. отъ 19 марта 1785 г.

⁴⁾ Ук. Консисторіи въ то-же Правл. отъ 25 Іюля 1767 г.

денію и укориженное посмѣяніе на себя и всему духовному чину поношеніе наводятъ....“¹⁾

То, что было примѣнимо къ духовенству всей Тобольской епархіи, имѣло, пожалуй, особенное приложеніе къ поведенію священно-церковно-служителей Томскаго края. Въ Дух. Правленіяхъ нашей окраины дѣла, подававшія поводъ къ тяжкимъ нареканіямъ на духовенство, возникали, какъ открывается изъ архивныхъ даныхъ, въ великомъ множествѣ. Можно себѣ представить насколько глубокое въ отрицательномъ смыслѣ впечатлѣніе производило на прихожанъ вообще, а на раскольниковъ преимуществу, наприм., священникъ зараженного расколомъ обширнаго Бѣлоярскаго (близъ г. Барнаула) прихода З—баловъ. Въ жалобѣ, поданной въ Колывано-Воскресенскую Канцелярію, прихожане описывали служеніе и поведеніе З—балова въ такихъ чертахъ: поученій христіанскому закону, разъясненій молитвъ и св. заповѣдей никогда отъ него не слыхивали, но постоянно видимъ съ его стороны шалости и соблазнъ. Пьянствуетъ такъ, что доходить до животнаго образа, ползая по землѣ, распустивши волосы и.... Изъ познобленной ноги имѣеть гнойное, смрадное теченіе, при которомъ служить въ храмѣ и отправляетъ требы. Разъ въ церкви ѣ оградѣ, при народномъ собраніи, травилъ зайца сабаками, крича и гикая такъ, какъ кричатъ въ полѣ охотники“²⁾.

Тѣмъ не менѣе, если разсматривать дѣло съ количественной стороны, обращенія изъ раскола бывали нерѣдки, но почти всегда неискренни. Раскольники, забранные для увѣщаній въ Дух. Правленія, въ большинствѣ случаевъ изъявляли согласіе на присоединеніе къ православію, но только для того, чтобы по возвращеніи въ свои деревни, снова быть въ общеніи съ одновѣрцами и держаться своихъ прежнихъ наставниковъ. Присоединимый, кромѣ присяги и подписки на предметъ своей послѣдующей вѣрности православію, обязывался къ говнію съ исповѣдію и причастіемъ. Послѣднее обязательство страшно тяготило раскольниковъ, почему иной разъ они готовы были на самыя крайнія мѣры лишь-бы избавится отъ него. Яркій примѣръ представляетъ раскольникъ изъ дер. Бобровской Максимъ Лубягинъ.

Въ числѣ 15-ти челоѣкъ родственниковъ и сосѣдей Лубягинъ былъ вызванъ для увѣщаній въ Барнаульское Дух. Правленіе. Изъ Правленія всѣхъ увѣщаваемыхъ отправили въ церковь къ вечерни, а послѣ вечерни заперли подъ караулъ въ земской избѣ. Приставленные для караула солдаты будто-бы говорили запертымъ, что ихъ будутъ „немилосердно и всякими случаями мучать. Наступило утро, и раскольниковъ всей партіей повели къ заутрени. Послѣ заутрени „я, внослѣдствіи рассказывалъ Лубягинъ, упробилъ священника Комарова отпустить меня на квартиру дать корму лошадямъ, а самъ задумалъ бѣжать и бѣжалъ. Вышедъ изъ Барнаула, встрѣтилъ знакомаго крестьянина (раскольника) изъ дер. Санниковой Усольцева. Разговорились. Въ разговорѣ я открылся Усольцеву, что бѣжалъ. Усольцевъ выслушалъ меня съ сочувствіемъ и, для сокрытія побѣга, посоветовалъ мнѣ притвориться добровольно утонувшимъ: Я такъ и сдѣлалъ. Снялъ съ себя пимы и баранью шубу и, оставивъ это около проруби (на р. Оби), накинулъ одежду,

¹⁾ Ук. Консисторія въ то-же Правл. отъ 7 мая 1767 г. № 1035.

²⁾ Ук. Консисторія въ Бари. д. Правл. отъ 9 Августа 1774 г.

данную мнѣ Усолецевымъ, и пошелъ внизъ по р. Оби чрезъ Гоньбу и другія деревни до деревни Книшкиной близъ Малышевой слободы. На пути питался Христовымъ именемъ и говорилъ, что иду на заработки. Отъ Книшкиной направился въ Кулундинскую степь. На пути встрѣтился мнѣ невѣдомо какой человѣкъ, кормившій въ полѣ лошадей. На собранныя милостынею деньги, 63 коп., я купилъ у него топоръ, ножикъ и огниво. Шель затѣмъ степью три дня и набрелъ на озерныя мѣста. На берегу одного озера, въ колѣ, сдѣлалъ я земляную избушку и прожилъ въ ней три года,—питался рыбою, которую ловилъ изобильно, а хлѣбъ доставалъ мѣною на рыбу у проезжающихъ людей. Отсюда захотѣлъ, наконецъ, выдти. Пошелъ по направленію къ Космалинской и Алейской степямъ. Былъ въ пути подрядъ 5 дней и нашелъ опять большое озеро, около котораго прожилъ еще три года, кормясь, какъ и прежде, отъ рыбной ловли и отъ обмѣна рыбы на хлѣбъ. Но хлѣба доставалъ здѣсь мало, почему рѣшилъ идти по направленію къ г. Кузнецку. Объ переплылъ на плоту, который устроилъ самъ. Побывалъ въ черни по р. Чумышу и отсюда по Бочатской дорогѣ дошелъ до Мунгатской вершины, гдѣ жилъ, въ 18-ти верстахъ отъ дороги, четыре года и 2 мѣсяца. Наконецъ, укрывательство и одиночество наскучили мнѣ и я рѣшилъ явиться.“ Явился въ 1773 г. въ Бѣлоярской земской избѣ, откуда былъ посланъ на заводскія работы зарабатывать пропущенныя подати.¹⁾

Такъ скитался раскольникъ, въ скитаніи покинувъ семью и перенося всякія невзгоды для того, чтобы избѣжать принудительнаго говѣнія, исповѣди и причащенія въ православномъ храмѣ. о

Когда отъ необходимости приступить къ причащенію уклониться были никакъ нельзя, раскольники рѣшались избѣгать его тѣмъ, что, принявъ не потребивъ Дары, выбрасывали ихъ въ платокъ. Такое поруганіе святыхъ, повторявшееся въ епархіи много разъ, вызвало особое распоряженіе епархіальной власти относительно соблюденія предосторожностей въ преподаваніи Тѣла и Крови Христовой и наблюденія, чтобы причащающіеся, послѣ принятія Таинъ, немедленно запивали ихъ теплотой и заѣдали просфирой²⁾. Въ Барнаулѣ въ Петропавловской и затѣмъ въ Одигитріевской церквахъ, гдѣ были приводимы къ причащенію притворно обратившіеся изъ раскола, для наблюденія за причастниками, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ было много, священники приставляли учениковъ духовной латинской школы. Наблюденіе было зоркое, тѣмъ не менѣе въ Дух. Правленіе не одинъ разъ поступали донесенія въ видѣ слѣдующаго. Священникъ Барнаульской Одигитріевской церкви Дометій Комаровъ и діаконъ Омскій рапортомъ доложили Правленію, что 1761 г. 7 апрѣля за литургіей во время приобщенія св. Таинъ крестьянка деревни Бобровка Ощепкова, по принятіи св. Даровъ, отошла за лѣвый клиросъ, гдѣ обыкновенно ставовятся женщины, и св. Таины выплюнула въ платокъ, что увидѣли ученики латинской школы, нарочно приставленные къ тому смотрѣнію“.³⁾

¹⁾ Архивъ Кольев.-Воскресенской канцеляріи. столбъ двѣ № 718.

²⁾ Ук. Консистеріи въ Барн. Дух. Правл. 5 сентября 1758 г. за № 2009.

³⁾ Ук. Tob. Консист. отъ 1761 г. іюня 11 дня—въ Барн. арх.

Одинаково былъ усмотрѣнъ обманъ раскольника Григорія Борисова, причастившагося „подъ видомъ“, т. е. послѣ принятія причастія, тайно выплюннвшаго его въ платокъ, который заложилъ въ пазуху.¹⁾

Чаще, чѣмъ въ вѣдствіе увѣщаній, раскольническія присоединенія происходили при бракахъ. За браковѣчаніями раскольники нашего края должны были поневолѣ относиться къ православной церкви, такъ какъ браки, заключенные въ самомъ расколѣ, въ горномъ вѣдомствѣ не признавались или признавались только у записныхъ раскольниковъ и то съ величайшимъ трудомъ. Присоединяемые по случаю браковъ чрезвычайно дорожили тѣми священниками, которые, ограничиваясь взятіемъ подписокъ о присоединеніи, требованія о непремѣнномъ говѣніи не предъявляли.

Чрезвычайно странно, что при отсутствіи миссіонерской дѣятельности, которая должна была идти отъ духовенства, за нее брались свѣтскія лица, притомъ изъ состава полицейскихъ чиновниковъ. Даже Синоду стало извѣстнымъ, что къ сибирскимъ раскольниковъ посылались для увѣщаній люди свѣтскіе да еще „иной, не православной вѣры.“²⁾ Несомнѣнно, разумѣлись губернскіе чиновники католическаго или лютеранскаго исповѣданія.

Въ 1826 году священникъ с. Мунгатскаго Георгій Курбаковскій донесъ въ Кузнецкое Дух. Правленіе, что многіе крестьяне его приходскихъ деревень Салтымаковой, Печерской и Межугорной не хотятъ отдавать дѣтей своихъ крестить въ православной церкви, отговариваясь, что у нихъ есть кому крестить и помимо причта,—у нихъ для того имѣются „старикѣ“. До означеннаго 1826 года многочисленные крестьяне этихъ деревень состояли, по официалънымъ спискамъ, въ числѣ православныхъ. Объ отпаденіи дано было знать томскому губернатору. Послѣдній распорядился произвести дознаніе чрезъ кузнецкаго исправника. Исправникъ затѣмъ письменно доложилъ губернатору, что крестьяне отпали отъ православія „по собственному произволу и въ зависимости отъ проживавшаго въ г. Томскѣ старообрядческаго священника Михайлова. Нынѣ-же по сдѣланному имъ мною и священникомъ Наборежныхъ (членъ кузнецкаго Дух. Правленія) убѣжденію и сильнѣйшему внушенію они раскаялись, обратившись къ православной греко-россійской церкви.“ О всемъ, прописанномъ кузнецкимъ исправникомъ, губернаторъ извѣтилъ тобольскаго преосвященнаго, архіепископа Евгенія. Преосвященный усомнился въ дѣйствительномъ успѣхѣ исправническаго „сильнѣйшаго“ внушенія, хотя и произведеннаго при содѣйствіи члена Дух. Правленія, и резолюціей предписалъ: „поручить другому члену Правленія свящ. Хавову удостовѣриться на мѣстѣ въ искренности обращенія, посѣщая каждое семейство, испытуя и разрѣшая умнѣнія, отводившія крестьянъ отъ православной церкви. Но Хавову дѣйствовать снри этомъ со всею кротостію и не доходя до спора, ибо споръ добра не производитъ“³⁾. Отпаденіе снова стали числиться въ православныхъ спискахъ.

Другой Барнаульскій исправникъ Цитовичъ въ 1830-хъ годахъ писалъ губернатору, что раскольниковъ по Барнаульскому округу „великое множество“

¹⁾ См въ приложеніи.—Допросъ Борисова.

²⁾ Ук. Консисторіи въ Бар. дух. Правл. отъ 2 ноября 1873 г. за № 1333.

³⁾ Дѣло Тобольской консисторіи за 1828—1830 г.—въ арх. Томской консисторіи (безъ описи).

и онъ, исправникъ, ознакомившись съ барнаульскимъ старообрядчествомъ, пришелъ къ убѣжденію, что „старообрядцы сіи при благоразуміи мѣстнаго начальства легко могутъ быть обращены къ православной грѣко-россійской вѣрѣ, и потому, отправляясь въ округъ и пригласивъ съ собою депутата со стороны горнаго вѣдомства унтеръ—шхтмейстера Усова, я открылъ послѣдному свое желаніе обратить старообрядцевъ на путь истины.... Дѣйствительно, по моему внушенію обратились на путь правый даже тѣ изъ старообрядцевъ, которые придерживались раскола втайнѣ“... „Обращенные,“ крестьяне четырехъ деревень, представили приговоръ о причисленіи ихъ къ приходу церкви села Малышевской слободы съ тѣмъ, чтобы священники этого селенія наѣзжали къ нимъ для требосправленій каждую третью года, при чемъ могли собирать и причтовую ругу. Губернаторъ переслалъ приговоры преосвященному съ просьбою отъ себя объ особомъ распоряженіи на тотъ счетъ, чтобы, изъ опасенія новаго совращенія, присоединенные имъ въ чемъ, со стороны приходскаго духовенства, стѣсняемы не были. Въ Консисторіи навели справки и по нимъ оказалось, что крестьяне тѣхъ деревень издавна были приписаны къ Малышевскому приходу, что среди присоединенныхъ только 26 человекъ записаны были въ расколъ, а все остальные значились православными и нѣкоторые изъ нихъ, судя по духовнымъ росписямъ, даже ежегодно бывали у исповѣди¹⁾. Въ результатѣ дѣло осталось безъ измѣненія: подписавшіе приговоры, какъ были до исправническаго обращенія тайными раскольниками, такъ и остались ими.

Вообще обращеній, невынужденныхъ обстоятельствами, — присоединеній дѣйствительныхъ мы по своимъ архивнымъ документамъ встрѣтили весьма мало. Въ 1773 году обратились къ православію 53 человека изъ деревни Старо-Алейской²⁾. Къ сожалѣнію, архивное сообщеніе объ этомъ событіи такъ кратко, что мы лишены возможности судить по какимъ побужденіямъ оно совершилось, въ какой мѣрѣ обращеніе было искренне. Но рѣшительно не имѣмъ никакихъ основаній для сомнѣнія въ искренности присоединенія къ церкви томскаго богатаго купца Рыбникова и съ нимъ десяти семействъ изъ томскихъ горожанъ. Впечатленіе этого обращенія получило очень большое не только въ сибирскомъ, но и въ расколѣ центральной Россіи. О дѣйствительности событія обращенія спрашивали Тобольскаго преосвященнаго московскіе купцы. Тѣмъ-же дѣломъ былъ заинтересованъ московскій архіепископъ Платонъ, письменно обратившійся къ архіепископу тобольскому съ своимъ особымъ вопросомъ о Рыбниковѣ³⁾. Очень можетъ быть, что обращеніе послѣдняго имѣло значеніе для дѣла впоследствии возникшаго еднновѣрія. Бывали, разумѣется, случаи искренняго присоединенія и со стороны другихъ отдѣльныхъ лицъ и семействъ, но такіе одиночные случаи общей силы укоренившася въ край раскола поколебать не могли.

Впрочемъ, мы уже сказали, что въ самомъ городѣ Томскѣ за первые десятки лѣтъ XIX столѣтія расколъ началъ ослабѣвать самъ—собою. По

¹⁾ Ук. Тобольской консисторіи въ Барн. дух. Правл. отъ 1 Дек. 1832.

²⁾ Промеморія Усть-Каменогорской камендантской канцеляріи въ Барн. дух. Правл. отъ 28 Февр. 1773 г.

³⁾ Ук. Тоб. консисторіи въ Томск. дух. правл. отъ 11 Юля 1776 г.

свидѣтельству выше процитованнаго официальнаго акта, это ослабленіе произошло въ зависимости отъ измѣненія бытовыхъ условій городской жизни съ того времени, какъ Томскъ сдѣлался губернскимъ городомъ¹⁾.

Томскіе граждане начали охладѣвать въ своей давней наклонности къ расколу, но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы возгарались въ приверженности къ православію. Въ новомъ губернскомъ городѣ расколъ надолго смѣнился религіознымъ равнодушіемъ, на которое часто жаловалось городское духовенство, подтверждая жалобы указаніями на недостаточное количество храмовъ въ городѣ, ихъ бѣдное внѣшнее и внутреннее устройство и на ихъ малую посѣщаемость въ праздничные дни.

¹⁾ См. на 28-ой страницѣ этого труда.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

I.

Къ дѣлу о раскольническомъ собраніи для самосожженія въ деревнѣ Шипициной и о самосожженіи крестьянина той-же деревни Максима Аврамова съ его семейными (см. 36—37 стр. предшествующаго текста).

А) Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія изъ Консисторіи преосвященнаго Сильвестра, митрополита Tobольскаго и Сибирскаго Барнаульскому заказчику, протопопу Василию Иванову.

Барнаульскаго заказу священникъ Ѳеодоръ Знаменской доношевіемъ объявилъ: прошлаго 1752 г. въ разныхъ мѣсяцѣхъ и числѣхъ Бѣлоярской крѣпости, надъ рѣкою Чюмышемъ, въ Шипициной деревнѣ было раскольническое, къ самовольному по ихъ злобному умышленію сгорѣнію, собранію—человѣкъ до пятьдесятъ и болѣе. Въ томъ числѣ лжеучители Максимъ Аврамовъ, Семень Кнутовъ и Никифоръ Соколовъ. И побывъ, въ томъ собраніи, разошлись и живутъ въ домѣхъ. Также и означенные по именамъ лжеучители и душегубительству подговорщики находятся въ домѣхъ-же своихъ. А разстояніемъ оныя жительство имѣютъ отъ Барнаула въ шестидесяти верстахъ. Изъ коихъ раскольниковъ уже и потонули двѣ—Молокова да Некрасова дѣвки. А понеже по состоявшимся Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно собирающихся въ пустыни и тѣмъ подобныхъ (мѣстахъ) раскольниковъ, какъ невозможнымъ образомъ, ловить, паче же всѣми мѣрами къ сгорѣнію собраній не допускать, но, перелова, отсылать оныхъ въ духовныя правительствва ко увѣщанію и церковному соединенію. Того ради опредѣлено: послать къ тебѣ, протопопу Иванову, указъ, какъ въ сей и посланъ, съ таковымъ повелѣніемъ, чтобы ты показанныхъ раскольниковъ и ихъ раскольническихъ лжеучителей отъ тамошней Кольвано-Воскресенской горнаго начальства канцеляріи истребовалъ секретною къ себѣ присылкою и, по присылкѣ, дабы они отъ того ихъ душепагубнаго раскольническаго заблужденія отстали и впредь расколу не содержали, увѣщавать съ кротостію, духовно, безъ озлобленія и которые по тому увѣщанію отъ раскола къ церкви святой обратятся, тѣхъ привести о подозрительныхъ къ расколу къ присягѣ и удостойть исповѣди и святыхъ таинъ причастія и, обязавъ ихъ, дабы имъ поаеннаго за собою раскола впредь не содержать и во оный не совращаться, со взятіемъ по нимъ вѣрныхъ порукъ подписками, отпустить въ дома свои безъ удержанія. А которые на предлагаемое имъ увѣщаніе отъ раскольническаго заблужденія къ церкви святой не обратятся и останутся въ той замерзѣлой раскольни-

ческой прелести упорствены, о таковыхъ, съ яснымъ показаніемъ, репортовать къ Его Преосвященству въ скорости и до воспослѣдованія резолюціи, для содержанія подъ карауломъ, отослать таковыхъ упорствующихъ въ тамошнюю заводскую команду при письменномъ сообщеніи. А взяткамъ, подъ лишеніемъ не только протопопства, но и священства, отнюдь ни подъ какимъ видомъ тебѣ не касаться. И закащику, протопопу Иванову, о вышеннсанномъ чинить по сему Ея Императорскаго Величества указу. А объ отсылкѣ означенныхъ раскольниковскихъ лжеучителей въ духовное правленіе къ слѣдствію въ канцелярію Колывано-Воскресенскаго Горнаго Начальства изъ консисторіи Его Преосвященства сообщено. 1754 года Февраля 17 дня.

№ 320. (Подписали:) Семинаріи префектъ, архимандритъ Михайль.

Протопопъ Василій Русановичъ.

За протоколиста Филиппъ Кокориновъ.

Канцеляристъ Емельянъ Кожевниковъ.

Указъ въ Барнауль изъ Тобольска полученъ 8 Апрѣля 1754 года.

В) Изъ канцеляріи Колывано-Воскресенскаго Горнаго Начальства въ Барнаульское заказное духовное Правленіе.

Сего Апрѣля 11 дня сообщеніемъ оное заказное духовное правленіе, съ прописаніемъ указа изъ консисторіи Его Преосвященства, требовало раскольниковскихъ лжеучителей Максима Аврамова, Семѣна Кнutowa и Никифора Соколова сыскать для увѣщанія ихъ и прислать къ оному правленію. И потому сообщенію и по опредѣленію канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства для сыску и привозу сюда (въ Барнаулъ) оныхъ раскольниковскихъ лжеучителей посланъ былъ геодезин прапорщикъ Пименъ Старцевъ съ пристойною командою. И онъ ѣздилъ и, по возвратѣ, объявилъ только онаго Никифора Соколова, а о прочихъ въ рапортѣ написалъ: о Кнutowѣ—, что его въ деревнѣ Езовой (въ коей онъ жительствоуетъ) въ его и прочихъ домѣхъ, также прибывъ въ деревню Шиницину, гдѣ онъ, Кнutowъ, прежде приближише имѣлъ, обыскивалъ, но обыскать не могъ и, сверхъ того, тутошнихъ жителей спрашивалъ, на что они объявили, что до пріѣзду его, прапорщика, дня за три въ той Езовой деревнѣ онъ, Кнutowъ, былъ и потомъ-де куда онъ скрылся или уѣхалъ, про то они не знаютъ. Объ Аврамовѣ:—по пріѣздѣ-де въ деревню Шиницину уличилъ его, Аврамова, при домѣ его на крыльцѣ. И какъ онъ, увидя тотъ его прапорщика пріѣздъ, то того самаго времени бросился въ сѣни и заперся. Онъ, прапорщикъ, его сколько могъ увѣщевалъ и объявлялъ, чтобъ онъ вышелъ безъ всякаго опасенія, но онъ-де сказалъ, что выдти не хочетъ и взялъ себѣ ружье-турку, жена его винтовку, дочь—нистолетовъ пару, а сынъ два конья. А сверхъ того объявляли лежащія на столѣ три топора и четыре ножа и при томъ онъ, Аврамовъ, говорилъ, что живъ не дастся и своихъ домашнихъ не дастъ, а жить намѣренъ только до вечера и при томъ чинилъ прощаніе. Во опасеніе того оказуемаго ими оружія никакого приступу къ нимъ учинить было никакъ нельзя. А послѣ-де того, онъ, Аврамовъ, зажгясь, со всемъ своимъ домомъ сгорѣлъ и, по сгорѣніи, труповъ видимо было только шесть.—На оное по Ея Импе-

раторскаго Величества указу въ канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства опредѣлено:—1) Объявленнаго раскольниковскаго лжеучителя Никифора Соколова для увѣщанія отъ злопагубнаго раскольниковскаго заблужденіюкъ церкви святой отослать и посланъ при семь къ реченному заказномъ духовному правленію, гдѣ-бы благоволено было его, Соколова, хотя онъ отъ раскола и обратится, не отпуская въ домъ, прислать въ здѣшнюю канцелярію. 2) Не сысканнаго такового-же лжеучителя Семена Кнута велѣть и велѣно во всемъ здѣшнемъ заводскомъ вѣдомствѣ накрѣпко секретнымъ образомъ сыскивать и гдѣ въ сыску явится, онаго, поймавъ, подъ крѣпкимъ карауломъ прислать въ здѣшнюю канцелярію. И Барнаульское заказное духовное Правленіе о вышеписанномъ да благовольтъ вѣдать и учинить по Ея Императорскаго Величества указу. А о томъ-же въ Консисторію Его Преосвященства изъ Канцеляріи сообщено будетъ. Апрѣля 15 дня 1754 года.

№ 881. (Подписаль) Іоаннъ Самуэль Христіани.

Бухгалтеръ Василій Пастуховъ.

II.

Допросъ раскольника крестьянина Степана Максорова (къ 37 страницѣ).

1759 году Сентября 2 дня въ Барнаульскомъ духовномъ Правленіи Бѣлоярской слободы деревни Максоровой крестьянинъ Степанъ Ивановъ—сынъ Максоровъ, онъ-же Бочкаревъ, допрашиванъ и въ допросѣ показалъ:

Родиною Яранскаго уѣзда, Князева погоста. Отроду ему 98 лѣтъ. Сошелъ съ родины своей въ Сибирь назадъ тому годовъ съ восемьдесятъ и поселился наперво со отцомъ своимъ города Кунгура въ деревни Мечкиной, въ коей и жилъ три года. У исповѣди и св. Причастія, за немѣнїемъ тамъ священника, ни гдѣ не бывалъ. Оттуда сошли и жили Сибирской губерніи по Исети рѣкѣ въ Бешкильской (?) слободѣ, гдѣ въ то время исповѣдывался и св. Христовыхъ Тайнъ причащался въ тамошней церкви святой у священника Ѳедора Андреева повсягодно. Оттуда сбредли сюда въ Кузнецкое вѣдомство и поселились на рѣкѣ Берди, гдѣ и жили лѣтъ съ пять. Потомъ переселились на рѣчку Лосиху. И тогда поблизости священниковъ нигдѣ не было, (посему) не исповѣдывался и св. Христовыхъ Таинъ не приобщался. Въ Лосихѣ отецъ его потонулъ и имъ, Степаномъ, найденъ и загребенъ просто. А оттуда, паки собрався, вседомовиѣ поселился Бѣлоярской слободы по Чюмышу рѣкѣ и тутъ съ домашними своими у исповѣди и св. Причастія, хотя и были священники, ни у кого по нынѣ не бывали за упрямствомъ. А заказчикъ протопопъ Василій Ивановъ и священники о немъ знали подлинно и въ домѣ его неоднократно бывали. О упорствѣ къ церкви святой признавался или не признавался, того не знаетъ; раскольниковскаго душепагубнаго собранія и лжеучителей нигдѣ не знаетъ же и не видалъ. На церковь святую хулы никакой не полагаетъ, а сообщиться съ ней не желаетъ для того случаю, что все перемѣнилось поновому,—аллилуйю по трижды

говорять, а не подважды, а больше того сказать не знаетъ. Домашнихъ своихъ напредъ сего до церкви святой ходить не допускалъ и не благословлялъ-же. А нынѣ оставляетъ быть по волѣ ихъ.

III.

Ораскольникахъ Григоріѣ и Ѳедосѣѣ Борисовыхъ (къ 37--38 страницамъ).

а) Изъ Канцеляріи Колывано-Воскресенскаго Горнаго Начальства въ Барнаульское Духовное Правленіе.

По сообщенію изъ онаго духовнаго Правленія отъ 28 числа Іюля сего года подъ № 128-мъ Бѣлоярской слободы деревни Филипповой крестьянинъ Григорій Филипповъ Борисовъ отъ деревни Филипповой на пустомъ мѣстѣ, возлѣ рѣчки Худою, въ лѣсу, въ приболотномъ мѣстѣ, въ рубленой избушкѣ разстояніемъ, напримѣръ, въ двадцати верстахъ чрезъ посланныхъ отъ Бѣлоярской судной избы сотниковъ сысканъ и въ здѣшнюю канцелярію при рапортѣ присланъ и при семъ въ оное духовное Правленіе посланъ. Въ томъ присланномъ изъ Бѣлоярской судной избы рапортѣ объявлено: когда-де сотники къ той избушкѣ, гдѣ оный Борисовъ найденъ, пріѣхали, то-де оный Борисовъ чинилъ имъ отбой ножемъ и онаго тѣ сотники чрезъ усильство взяли, а жена его, Ѳедосья, въ той избушкѣ рѣзалась ножемъ и дала себѣ три раны душевердно, кою взяли тѣ сотники и привезли въ деревню Филиппову въ домъ ея. А до судной избы за тѣми ранами вестъ никакъ не возможно. Приставленъ (къ ней) караулъ и Барнаульское Духовное Правленіе объ ономъ имѣетъ вѣдать. Сентября 25 дня 1759 года.

(Подписалъ) І. С. Христіанинъ.

№ 3056.

б) Допросъ крестьянина Григорія Филиппова Борисова.

1759 года Октября 8 дня въ Барнаульскомъ духовномъ Правленіи Бѣлоярской слободы деревни Борисовой¹⁾ крестьянинъ Григорій Борисовъ распрашиванъ и сказалъ:

Родиной онъ города Соли—Вычегодской;—отъ роду шестьдесятъ лѣтъ. Назадъ тому сколько лѣтъ съ отцомъ Филиппомъ Васильевымъ сошли въ Сибирь, за молодѣтствомъ, сказать не упомянуть. Токмо жительство имѣли Ишимскаго вѣдомства Никуловой слободы въ деревни Серебрянкѣ лѣтъ съ двадцать. Во исповѣди и у святаго причастія нигдѣ не бывалъ. А оттуда паки переселился вѣдомства Бѣлоярской слободы, по Чюмышу рѣкѣ, въ деревню Запльвину, гдѣ и жилъ съ двадцать-же лѣтъ. Во исповѣди и св. причастія нигдѣ не бывалъ-же. Нынѣ жительство имѣетъ вверхъ по Чюмышу въ деревнѣ Борисовой назадъ тому близъ двадцати-же лѣтъ. Во исповѣди какъ у прежнихъ, такъ и нынѣшнихъ священниковъ никогда не бывалъ и св. Христовыхъ Таинъ съ домашними своими не пріобщался. А прошедшаго года, по показанію приходскаго ихъ священника Ивана Серебренникова, опредѣленіемъ здѣшняго духовнаго Правленія, къ присягѣ приведенъ и, по исповѣди, св. Христовыхъ Таинъ пріобщенъ здѣсь въ Барнаульскомъ заводѣ

¹⁾ Она-же Филиппова.

Захаріевской церкви священникомъ Иваномъ Алексѣевымъ съ прочими ихъ Бѣлоярскаго приходу жителями. Токмо онъ тогда пріобщился нечисто-сердечно, но подъ видомъ, полеже напредь сего незадолго времени увѣдомился слухомъ, что живеть и спасается по Берди рѣкѣ въ черни, разстояніемъ отъ жилья въ шестидесяти верстахъ, въ лѣсу старецъ Исаакъ Терентьевъ Пашинъ съ прочими, который исповѣдуетъ. Почему, пришедъ въ размышленіе и сговорясь съ братомъ своимъ большимъ да съ женою своею вмѣстѣ ѣхать искать онаго старца, отбыли и, будучи, по Берди рѣкѣ, въ деревни Дятлѣвой у обывателя Петра Михайлова сына Солдаткина—онъ-же Горяевъ, свое намѣреніе объявили. Почему онъ намъ до него (Исаака) путь показалъ по тропинкѣ въ черни. Были при немъ, Исаакъ, два дня и онъ поучалъ насъ отъ какой-то книги, называемой Григорія видѣнія и по велѣлъ намъ исповѣдываться, а отъ св. причастія какъ можно отбывать и не принимать, якобы намъ непотребнаго. А между разговорами о себѣ объявлялъ, что онъ сошелъ съ Ишиму-же, откуда и онъ Борисовъ. Жительство же съ нимъ въ другой кельѣ старца, сестра ему родная Евдокея Терентьева да другая дѣвка непостриженная, зовуть ее Ѳедосьей, а чья прозваніемъ и изъ которой деревни—сказать не знаетъ, а больше никого при томъ старцѣ тогда при немъ, Борисовѣ, не было. По исполненіи отъ него исповѣди и наставленія въ домъ отбыли и (потомъ) отъ домашнихъ своихъ въ пустое мѣсто съ женою своею для житья отлучился... А что нынѣ, по исповѣди, священникомъ Александромъ Меодіевымъ св. Христовыхъ Таинъ пріобщенъ, которія по наученію вышеозначеннаго прелестника—старца не удержалъ, выплюнувъ въ платъ и положи за пазуху, что за нимъ присмотрѣно и найдено, въ томъ онъ вину свою приноситъ и при томъ-же сердечно просить принять въ правовѣріе. А поминутаго лжеучителя—старца съ говарищи путь показавшій Солдаткинъ подлинно сыскать можетъ и знаетъ, гдѣ они нынѣ живутъ, тутъ или куда переселились. А больше вышеозначенныхъ въ семь своемъ допросѣ показать другихъ никого не знаетъ, въ чемъ и утвердился.

IV.

О томскихъ раскольникахъ, выходцахъ изъ Польскихъ владѣній (см. 23—24 страницы):

Копія съ рапорта въ Омское Духовное Правленіе Усть-Каменогорской крѣпости Іоаннобогословской церкви священника Ѳеодора Арефьева.

Понеже по духовному Регламенту и по Ея Императорскаго Величества указомъ велѣно наблюдать слѣдующее:

1-ое) не дѣлаются-ли гдѣ какія суевѣрія; 2-ое) не проявляются-ли для скверноприбыточества какихъ при иконахъ святыхъ, при кладезяхъ и источникахъ ложныхъ чудосъ и мертвыхъ несвидѣтельствованныхъ тѣлесъ къ почитанію за мощи истинныхъ святыхъ; 3-іе) не проявляются-ли гдѣ какія кликуши и притворно юродцы и босые, также съ колтунами и прочее.

На основаніи онаго духовнаго Регламента и Ея Императорскаго Величества указовъ симъ объявляется.

Въ здѣшнемъ Усть-Каменогорскомъ вѣдомствѣ, въ приходѣ Іоаннобogosловской церкви, имѣются суевѣрія, а именно: не въ давнихъ годахъ на Ново-Кольванской линіи многочисленныя поселены деревни—Бобровская, коя нынѣ именуется слободою, Секисовская и Верхъ-Убинская, въ коихъ живутъ російскіе люди, выведенные изъ Польскаго владѣнія. Ихъ ереси именуются одна поповщина, другая безпоповщина. Оныя жители называются старовѣрами. Духовныхъ, церковныхъ никакихъ требъ не приѣмлютъ и подъ благословіе священническое не входятъ... Они имѣютъ въ тѣхъ деревняхъ—Бобровской, Секисовской и Верхъ-Убинской нарочно устроенныя въ потаенныхъ мѣстахъ, то есть во дворахъ назадъ, чтобы народу было не видно, особенныя большія съ колодными окошками избы и вазываютъ ихъ часовнями. Прошлого 1782 года въ деревняхъ Верхъ-Убинской и Секисовской трафилось миѣ быть на воскресные дни въ разное время и у нихъ отправлялась вечерняя служба. А я, низайшій, изъ любопытства желалъ въ оныя часовни взойти и посмотриѣть, что у нихъ какъ служба отправляется и съ спросу ихъ наставниковъ, называемыхъ дяки, по многимъ моимъ просьбамъ, туда пущенъ. Внутри оныхъ видѣлъ сдѣланныя небольшіе иконостасы и въ оныхъ поставленные мѣдныя образа и оловячныя съ подвѣшанными пеленами и налобныя образа. По обѣ стороны клиросы, яко-же и въ церкви. Чтеніе и пѣніе производятъ поклиросно и насходъ выходятъ—на средину, какъ и у насъ въ церквахъ бываетъ. И выходъ на литійныя стихирны дѣлаютъ-же и всю службу отправляютъ по старопечатнымъ книгамъ. Вмѣсто колоколовъ бьютъ въ желѣзныя и деревянныя доски молотками, преобразуя благовѣсть и званіе. Дерзаютъ раскольники называть свои часовни, яко лучше нашей церкви снѣютъ. И въ тѣхъ часовняхъ и мертвыхъ сами собою отпѣвають и служатъ по тѣмъ мертвымъ панихиды и молебны поютъ и для пѣнія молебновъ ходятъ въ дома съ образами. Младенцевъ крестятъ и больныхъ исповѣдуютъ сами собою, почему, все христіанскія должности оставя, церковь святую и догматы во всемъ осуждаютъ. А наше чтеніе и пѣніе умышленно берутъ на кощунъ и, кромѣ своей ереси, называемой по ихъ старой вѣрой, лучше не почитаютъ.

Имѣется въ ихъ деревняхъ множество дѣтей, которыя родились въ пути, а другія на поселеніи на мѣстѣ. Черезъ семнадцать лѣтъ своего здѣсь жительства (дѣти) пришли въ совершенный возрастъ и желаютъ вступить въ законныя браки. А хотя въ состоявшемся Ея Императорскаго Величества изъ Омекаго Духовнаго правленія указу 1781 г. ноября 12 дня съ прописаніемъ (указа) изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода тогоже 1781 г. іюля 2 дня промежду прочимъ изъяснено—браки раскольниковъ, чтобы они чрезъ удаленіе ихъ отъ церкви въ вѣщнее развращеніе и беззаконіе впасть не могли, по довольномъ для ихъ обращенія отъ расколу увѣщаніи, въ церквахъ приходскими священниками вѣнчать.... Но (сін.) раскольники не довольно того, что священниковъ не приѣмлютъ къ себѣ съ требами, ниже какія священническія увѣщанія слушаютъ и въ православіи быть не соглашаются, а

о обращеніи и слышать не хотять, а иные, можетъ статья, изъ молодыхъ людей и пожелали бы, но стыдятся оставить своего сонма, особливо боясь своихъ родителей и наставниковъ ихъ—дьяковъ, а дьяки у нихъ находятся въ великомъ почтеніи... (Они) взяли большую силу льстивымъ своимъ ученіемъ утверждать и вкоренять (людей) въ своемъ зловѣріи.

Присемъ и то, въ преданности моей донести имѣю, что у нихъ, у польскихъ раскольниковъ, поютъ на св. пасху тропарь тако: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ; смертію на смерть наступи и гробнымъ животь дарова“. Тако-же и тропарь честному кресту Господню (поютъ): „Спаси, Господи, люди своя и благослови достояніе свое, побѣды православнымъ христіаномъ на сопротивныя даруй и свое сохраняя крестомъ люди.“ Изъ сего видится, что они суемудреннымъ своимъ умствованіемъ и упрямствомъ не хотять возносить имени и титулу благовѣрія благовѣрной Императрицы нашей Екатерины Алексѣевны, а на мѣсто того возносятъ „православнымъ христіанамъ“.

Только они, раскольники, однихъ себя почитаютъ и называютъ православными, яко-де мы, т. е. они, раскольники, правой и старой вѣры держимся. А насъ, настоящихъ христіанъ, называютъ еретиками, съ немалымъ поношеніемъ и посмѣяніемъ злословяще. Они гнушаются нами и съ нами изъ одной посуды не пьютъ, не ѣдятъ и вмѣстѣ Богу не поклоняются, яко-де съ таковыми не подобаетъ намъ православнымъ христіанамъ сообщаться и будто мы потеряли правую вѣру и законъ, что по старопечатнымъ книгамъ не служимъ и держимъ-де Никоновскія преданія. И сіе все зависитъ отъ ихъ наставниковъ—дьяковъ, которые простой народъ научаютъ и утверждаютъ. А единственно тѣ учителя только для одного своего обогащенія и почтенія стараются утверждать свои плевелы и пустыя выдумки, чѣмъ простой народъ обманываютъ, а онъ по простотѣ своей вѣритъ... И мнѣ, нижекакому, случалось съ ними, раскольниками, говорить и увѣщавать. Болѣе никакого оправданія ни приносятъ, какъ ссылаются на наставниковъ своего ученія и утвержденія и при томъ говоря, что не отъ насъ-де то зачалось и наши-де родители въ томъ состояли и были, и насъ также быть благословили..... 1783 года іюня 25 дня. Подлинный подписалъ священникъ Федоръ Арефьевъ.

V.

Къ дѣлу о расколыническомъ поцѣ Иванѣ Михайловѣ Грузинскомъ (см. 31—32 страницы).

Рапортъ въ Барнаульское Духовное Правленіе причта Бѣлоярской слободы, Петропавловской церкви.

Прихода Бѣлоярскаго Чумышской волости деревни Калиновки крестьянинъ Потапъ Титовъ Шмаковъ, яко первѣйшій раскольникъ и возмутитель въ обществѣ прихожанъ Бѣлоярскихъ, послѣ добровольнаго и съ ихъ желаніемъ учиненнаго постановленія всѣми прихожанами Бѣлоярскими, въ 10 день сентября 1819 года, вмѣсто ветхой деревянной церкви построить въ Бѣло-

ярской слободѣ каменную собственнымъ своимъ иждивеніемъ, различными хитростными оболоченіями и пронырствомъ съ первѣйшими своими сообщниками деревень Казанцевой—Карпомъ Артемьевымъ и Иваномъ Казанцевымъ, Мироновой—Сергѣемъ Борисовымъ, Тундрихи—Василіемъ Санинымъ, Моношкиной—Андреемъ Таловскимъ, Дмитріево-Титовой—Мартыномъ Зарѣчнымъ, Залѣсовой—Яковымъ Печеркинымъ, многихъ, и не бывшихъ нимало причастными раскольному, отвратилъ отъ православной церкви и уклонилъ въ оное.

Сего-же года, будучи въ городѣ Томскѣ, якобы исходатайствовалъ отъ томскаго губернскаго правительства копію съ указа, учиненнаго въ ономъ, о совершенномъ отдѣленіи называющихся старообрядцами отъ православной греко-россійской церкви и отъ приходскихъ священниковъ съ обращеніемъ въ полное завѣдываніе старообрядческому попу Михайлову, находящемуся нынѣ въ городѣ Томскѣ, а потомъ выѣхать имѣющему для всегдашняго нахождения при часовнѣ Легостаевского прихода въ деревнѣ Суэгинской. А посему случаю онъ, Шамаковъ, во всѣхъ деревняхъ, въ которыхъ находятся раскольники, прочитывая имъ оную копію, внушалъ: 1) чтобъ не давать приходскимъ священникамъ крестить раждающихся младенцевъ; 2) не допускать приходскихъ священниковъ записывать въ духовныя росписи ихъ семейства; 3) не давать имъ руги и 4) не давать подводъ, за какимъ-бы то дѣломъ они не ѣхали.

А сверхъ того въ первыхъ числахъ сего мѣсяца марта г. Барнаульскій земскій исправникъ Нагурскій, будучи въ Чумышской волости, гдѣ собраны были люди по два и по три человѣка изъ всѣхъ раскольническихъ деревень, якобы объявилъ онымъ при г. окружномъ депутатѣ Алексѣѣ Симахинѣ, что и онъ получилъ изъ томскаго губернскаго правленія указъ о дѣйствительномъ отрѣшеніи всѣхъ называющихся старообрядцами отъ православной греко-россійской церкви и отъ приходскихъ священниковъ съ порученіемъ въ завѣдываніе старообрядческому попу Михайлову и что о томъ чрезъ недѣлю въ Чумышское Волостное Правленіе изъ Барнаульскаго земскаго Суда къ исполненію пришлетъ указъ и приказалъ онымъ людямъ: 1) приходскихъ священниковъ не допускать въ дома свои ни для крещенія младенцевъ, ни для записыванія семействъ въ духовныя росписи; 2) не давать всѣмъ священно-церковно-служителямъ хлѣбной руги; 3) не давать подводъ для проѣздовъ по селеніямъ для исправленія требъ. Въ деревнѣ Мироновой крестьянина Сергѣя Борисова домъ предназначилъ (быть) молитвеннымъ, въ которомъ минувшаго 1825 г. старообрядческимъ попомъ Михайловымъ крестьянскій бракъ уже свѣчанъ, а нѣкоторые изъ оныхъ раскольниковъ сказывали, что и колокола къ оному дому приказалъ повѣсить. По поводу сему въ дер. Казанцевой крестьяне Карпъ, Артемій, Иванъ Осиповы Казанцевы и Алексѣй Казанцевъ не допустили благочиннаго священника Вавилова записывать семейства въ духовныя росписи, не дали ему руги и подводъ выѣхать изъ той деревни въ другую. Въ деревнѣ Копыловой кр. Сергѣй Романовъ Ретивыхъ, не допуская записывать семейство въ духовныя росписи, кричалъ противъ благочиннаго священника Вавилова съ большимъ азартомъ

при случившимся въ томъ-же дому шихмейстера Ретивыхъ дельщикъ, говоря, что г. земскій исправникъ не приказаль допускать записывать семейства старообрядцевъ въ духовныя росписи. Кромѣ сихъ деревень, въ д. Танковой, Глушинской и въ Красиловой никто не приходилъ въ квартиру благочиннаго Вавилова, по повѣсткѣ десятникъ, дать свѣдѣніе о семействахъ своихъ для записыванія въ росписи. Въ деревняхъ Зырянской, Филатской, Калиновкѣ, Запльвиной, Устькаменской, Шмаковой, Залъсовой, Татаркѣ, Печеркѣ и Тундрихъ жительствовающе то-же священника Лепехина записывать семейства свои въ духовныя росписи не допустили и руги не дали.

А какъ мы отъ своего начальства не имѣемъ предписанія, что называющіеся старообрядцами отъ приходскихъ священниковъ вовсе отрѣшены и поручены въ полное завѣдываніе старообрядческому попу Михайлову, и какъ копію, представленную кр. Потаномъ Шмаковымъ, которую священникъ Лепехинъ въ домѣ его читаль, не признаемъ справедливою, такъ и слова, будто-бы земскимъ исправникомъ Нагурскимъ говоренныя, что изъ Томскаго губернскаго Правленія полученъ указъ объ отрѣшеніи старообрядцевъ отъ приходскихъ священниковъ, истинными не почитаемъ.

Усматривая изъ дѣйствій крестьянина Шмакова съ сообщниками его, сколько много онъ вреда учинилъ прихожанамъ Бѣлоярскимъ, — вреда не только противъ вѣры, но и противъ церкви святой, ибо не одну тысячу людей лукавствами и ложными обѣщаніями своими отторгъ отъ нея и не престаеетъ прельщать другихъ еще въ расколыничество, мы, по обязанности своей, при всякомъ случаѣ старались удерживать прихожанъ своихъ, чтобы они не отторгались отъ святой церкви и пребыли въ православной церкви во все дни живота своего. Внимая нашимъ увѣщаніямъ, многіе остановились, чтобы не обращаться въ расколыничество. Но какъ услышали изъ нихъ нѣкоторые отъ г. земскаго исправника Нагурскаго, какъ отъ начальника своего, что называющіеся старообрядцами все отрѣшены отъ приходскихъ священниковъ съ тѣмъ, чтобы не давать имъ руги и подводу, то мгновенно это разлилось во всехъ прихожанахъ Бѣлоярскихъ и такое сильное дѣйствіе произвелось въ умахъ ихъ, что вдругъ многіе обратились, по своему легковѣрію, въ расколыничество.

Мы по обязанности себѣ поставляемъ донести о семъ Барнаульскому Духовному Правленію въ благоразсмотрѣніе съ тѣмъ, чтобы крестьянина Потапа Шмакова удержать, дабы онъ пересталъ отвращать людей отъ вѣры и церкви святой, прекратилъ разсѣвать ложныя свои предсказанія, поражающія въ слабыхъ и непросвѣщенныхъ людяхъ вредъ душевный и чтобы г. земскій исправникъ Нагурскій, до восполнѣдованія настоящаго указа о совершенномъ отрѣшеніи называющихся старообрядцами отъ приходовъ, не запрещалъ онымъ объяснять свои семейства приходскимъ священникамъ для записыванія въ духовныя росписи, не запрещалъ давать имъ подводы для проѣзда по селеніямъ для исправленія требъ и отдавать ругу хлѣбомъ, добровольно самими прихожанами вмѣсто пахотной земли положенную — свя-

щеннику по одному пуду, діакону по 30 фунтовъ и причетнику по 20 фунтовъ...
Подписали: Благочинный, священникъ Семень Вавиловъ, священникъ Стефанъ
Лепехинъ, діаконъ Михаилъ Тороповъ.

№ 11.

Марта 29 дня

1826 года.

